

Русский средневековый город

археология
культура

К ЮБИЛЕЮ

Алексея Владимировича Чернецова

Алексей Владимирович Чернецов

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**RUSSIAN
MEDIEVAL TOWN
ARCHEOLOGY
CULTURE**

To the anniversary
of Alexei Vladimirovich Chernetsov

Moscow
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**РУССКИЙ
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД
АРХЕОЛОГИЯ
КУЛЬТУРА**

К юбилею
Алексея Владимировича Чернецова

Москва
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Р89

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов

СОСТАВИТЕЛЬ: И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
кандидат исторических наук В. А. Буров,
доктор исторических наук А. М. Обломский

**Русский средневековый город. Археология. Культура. К юбилею
Р89 Алексея Владимировича Чернецова.** – М.: Институт археологии РАН,
2022. 584 с.

ISBN 978-5-94375-388-6

Настоящий сборник посвящен юбилею А.В. Чернецова – большого ученого, историка и археолога, специалиста в области средневековой Руси, ее материальной и духовной культуры. В книгу вошли работы коллег из разных научных учреждений страны и зарубежья, отражающие сферу научных интересов юбиляра.

Сборник будет интересен не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-388-6
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-388-6

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Владимирович Чернецов	9
Печатные труды А. В. Чернецова. К биографии ученого	14
3. Х. Албегова (Царикаева), П. С. Успенский.	
К вопросу о специфических типах топоров Центрального Кавказа X–XII веков (по материалам Даргавского катакомбного могильника)	68
А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова, <u>Е. А. Спиридонова</u> , А. Н. Федорина, С. И. Милованов. Опыт применения палинологического анализа при изучении культурных слоев средневекового города на материалах из раскопок Суздаля	90
Е. А. Армарчук, Н. В. Жилина. Головные уборы в женских погребениях X–XI веков в Восточном Причерноморье (по раскопкам храма у села Веселое	120
Д. Ю. Бадеев, Л. В. Яворская. Охота как традиционное занятие горожан золотоордынского Болгара (по материалам раскопок к юго-западу от Соборной мечети)	140
Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова. Чудеса продолжают: иконографическая загадка из Нового Иерусалима	153
А. А. Гомзин, И. А. Колосов. Перкинский клад куфических монет	166
В. И. Завьялов. Рыболовство в Переяславле Рязанском (по материалам Житного раскопа)	193
И. В. Исланова. Вышний Волочёк – первые исследования	200
V. A. Kivelson. How to Draw Hatred: The Litsevoi Letopisnyi Svod and Depictions of Religious Others	207
В. Ю. Коваль. Дворец золотоордынского времени в цитадели Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации	217
В. С. Курмановский. К исторической интерпретации Гнёздовского археологического комплекса	249
И. В. Курукин. Управление «новоприсоединенными провинциями»: российская военная администрация в городах Ирана в 1723–1732 годах	266

И. Л. Кызласов. Рунические надписи на алтайском ручье Карбан (К методике полевого изучения и описания наскальных граффити)	275
А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович. «Конюшенный двор» ростовского иераршего дома в XIV–XV веках	301
Н. А. Макаров, Э. А. Грешиников, И. Е. Зайцева, К. М. Подурец, Е. С. Коваленко, М. М. Мурашев, В. М. Пожидаев, Н. Н. Преснякова, А. А. Ступников, С. Н. Малахов, Р. Д. Светогоров, П. В. Дороватовский. Вложения в древнерусские кресты-энколпионы по данным комплексных аналитических исследований	315
А. А. Медынцева. Надписи на плинфе и строительной штукатурке	353
А. Е. Мусин. Постиконоборческая культура Византии и ее восприятие в процессе христианизации Восточной Европы	393
Т. Д. Панова. О некрополе Архангельского собора Московского Кремля: очевидное и ... невероятное	420
В. Я. Петрухин. Орнаментальные граффити из Борисоглебского собора Старой Рязани: варяги или греки?	434
W. F. Ryan. The Gates of Aristotle – a Strange Title with a Curious History	442
Вл. В. Седов. Об Успенском соборе в Рязани	457
И. А. Стерлигова. Ковчег-мошевик с образами Флора и Лавра – памятник искусства Северо-Восточной Руси первой трети XIII века	505
В. Н. Чхаидзе. Центр древнерусского Поросья – город Торческ	516
А. А. Юшко. Административное деление Московского княжества эпохи великого княжения	527
И. Ю. Стрикалов. Новые факты о времени основания Старой Рязани	533
Сокращения	581

CONTENTS

Alexei Vladimirovich Chernetsov	9
Publications by A. V. Chernetsov. To the biography of a scientist	14
<i>Z. H. Albegova (Tsarikaeva), P. S. Uspensky.</i> On Specific Types of Axes of the Central Caucasus in the 10 th – 12 th Centuries (Based on the Materials of the Dargava Catacomb Burial Ground)	68
<i>A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova, [E. A. Spiridonova], A. N. Fedorina, S. I. Milovanov.</i> The Experience of Palynological Analysis in the Study of Cultural Layers of a Medieval City Based on the Materials from Suzdal Excavations	90
<i>E. A. Armarchuk, N. V. Zhilina.</i> Headdresses in Female Burials of the 10 th – 11 th Centuries in the Eastern Black Sea Region (according to the Excavations of a Church near the Village of Veseloye)	120
<i>D. Yu. Badeev, L. V. Yavorskaya.</i> Hunting as a Traditional Employment of Citizens of the Bolgar during the Golden Horde Period (according to the Excavations Southwest of the Cathedral Mosque) ...	140
<i>L. A. Belyaev, O. N. Glazunova.</i> Miracles Continue: An Iconographic Puzzle from the New Jerusalem	153
<i>A. A. Gomzin, I. A. Kolosov.</i> Perkinskiy Hoard of Kufic Coins	166
<i>V. I. Zavyalov.</i> Fishing in Pereyasavl Ryazansky (Based on the Materials from the Zhitny Excavation Site)	193
<i>I. V. Islanova.</i> Vyshny Volochyok – the First Research	200
<i>B. A. Кивельсон.</i> Как изобразить ненависть: Лицевой летописный свод и изображения иноверцев	207
<i>V. Y. Koval.</i> The Palace of the Golden Horde Period in the Citadel of Rostislavl Ryazansky: Problems of Interpretation	217
<i>V. S. Kurmanovsky.</i> On the Historical Interpretation of the Gnezdovsky Archaeological Complex	249
<i>I. V. Kurukin.</i> Control of the “Newly Annexed Provinces”: Russian Military Administration in the Cities of Iran in 1723–1732	266

<i>I. L. Kyzlasov. Runic Inscriptions on the Altai stream Karban (On the Method of Field Study and Description of Rock Graffiti) .....</i>	275
<i>A. E. Leontiev, N. G. Samoilovich. "The Livery Stable" of the Rostov Hierarch's House in the 14th – 15th Centuries .....</i>	301
<i>N. A. Makarov, E. A. Greshnikov, I. E. Zaytseva, K. M. Podurets, E. S. Kovalenko, M. M. Murashev, V. M. Pozhidaev, N. N. Presnyakova, A. A. Stupnikov, S. N. Malakhov, R. D. Svetogorov, P. V. Dorovatovsky. Inclosures in Medieval Russian Encolpion Crosses According to Comprehensive Analytical Research Data .....</i>	315
<i>A. A. Medyntseva. Inscriptions on the Plinth and Construction Plaster .....</i>	353
<i>A. E. Musin. The Culture of Post-Iconoclasm Byzantium and Its Reception in the Framework of Christianization of Eastern Europe .....</i>	393
<i>T. D. Panova. About the Necropolis of the Archangel Cathedral of the Moscow Kremlin: the Obvious and ... the Incredible .....</i>	420
<i>V. Y. Petrukhin. Ornamental Graffiti from the Saints Boris and Gleb Cathedral in Old Ryazan: The Varangians or Greeks? .....</i>	434
<i>У.Ф. Райан. «Аристотелевы врата» – странное название с любопытной историей .....</i>	442
<i>V. V. Sedov. The Assumption Cathedral in Ryazan (Old Ryazan) Revisited .....</i>	457
<i>I. A. Sterligova. The Reliquary with Saints Florus and Laurus's Images from the Moscow Kremlin Museums: an Attribution Experience .....</i>	505
<i>V. N. Chkhaidze. The Center of the Old Rus Porosye – the City of Torchesk .....</i>	516
<i>A. A. Yushko. Administrative Organization of the Grand Duchy of Moscow .....</i>	527
<i>I. Yu. Strikalov. New Facts about the Founding of Old Ryazan .....</i>	533
<i>Abbreviations .....</i>	581

Алексей Владимирович Чернецов

Первого марта 2020 года Алексею Владимировичу Чернецову исполнилось 75 лет.

Имя юбиляра широко известно в научных кругах России и зарубежья как специалиста по русской средневековой культуре, блестяще соединяющего в своих трудах археологию, как свою основную специальность, письменные источники, анализ прикладного искусства и иных памятников художественной культуры.

Алексей Владимирович – настоящий ученый-энциклопедист, широкий кругозор и глубокое погружение в любой привлекавший внимание предмет которого стали основой выдающихся достижений в разных областях исторического знания, в организации науки и преподавании. Высокая планка в любом из перечисленных направлений – будь то исследовательская работа, организация научного процесса или работы экспедиции, чтение лекций и общение с учениками – известна всем, кому посчастливилось общаться и работать с этим человеком.

Яркие и точные формулировки мыслей, короткие реплики, способные повернуть ход дискуссии в новое русло, глубокие и обстоятельные комментарии к исследовательским работам в области материальной и духовной культуры, истории, искусства и при этом простое и ясное представление своих мыслей характеризуют А. В. Чернецова как ученого, популяризатора науки, преподавателя, руководителя, ученого.

Но основным делом его жизни всегда была и остается археология. И выбор этот не случаен.

Алексей Владимирович родился в семье известного московского художника, графика, живописца, иллюстратора Владимира Семеновича Чернецова. Старая Москва, круг друзей семьи Чернецовых – московская интеллигенция еще довоенного академического склада, мир авторов и создателей журнала «Вокруг света», где многие годы трудился отец – вот среда, которая формировала будущего ученого. А талант, острый и живой ум отца установили планку жизненных целей и уровня исполнения поставленных задач.

Увлечшись «историей, вооруженной лопатой» еще в школьные годы, в археологическом кружке ГИМ, Алексей Владимирович не сомневался в выборе пути в науке. Уже в 1962 году он принимает участие в работах археологической экспедиции под руководством Л. А. Голубевой в летописном Белоозере. После школы он поступил на исторический факультет МГУ, где закончил кафедру археологии в 1968 году и сразу поступил на работу в Институт археологии АН СССР. В институте А. В. Чернецов прошел путь от лаборанта до руководителя отдела славяно-русской археологии. Работая в институте, заочно закончил аспирантуру кафедры археологии МГУ как ученик академика Б. А. Рыбакова, защитив в 1972 году кандидатскую диссертацию на тему «Пахотные орудия древней Руси». В 1988 году получил ученую степень доктора исторических наук по теме «Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв.».

Человек разнообразных научных интересов, А. В. Чернецов всегда рассматривал археологию шире, чем просто науку исключительно о материальной культуре. Им было возвращено в науку особое направление в археологии, практически забытое за годы советской власти, но теснейшим образом связанное с более ранним пониманием археологии как науки о древностях и их символике, как части изобразительного искусства и отражения в материальных предметах духовного мира древнего человека. Начав еще в 70-е годы с изучения символики Новгородских врат 1336 года, резных посохов XV столетия, А. В. Чернецов продолжил и развил это направление, уделив особое внимание исследованию проблемы связей средневекового декора не только с книжностью, но и с фольклором. Это отразилось в докторской диссертации, монографиях, начиная с первой, вышедшей в Англии «Изображения на русских монетах XIV–XV вв.; иконографическое исследование» (1983) и опубликованных в дальнейшем: «Резные посохи XV в.» (1987), «Древнерусские амулеты-змеевики» (1991, совместно с Т. В. Николаевой), «Золоченые двери XVI в.» (1992), многочисленных статьях, посвященным анализу древнерусских миниатюр, христианской и языческой символике сюжетов средневековых ювелирных украшений и выраженному в них духовному миру средневекового человека с его двоеверием и сокровенным знанием. Пристальное внимание к изобразительному или текстологическому контексту исследуемых реалий стало своеобразным оригинальным и узнаваемым стилем работ А. В. Чернецова и выразилось в признании его научного авторитета не только в археологической среде, но и в кругу искусствоведов и историков Средневековья.

Особое значение исследователь придавал книжным истокам изучаемых явлений. Исследование рукописной традиции, фольклора представ-

ляет целостное и самостоятельное направление научной деятельности А. В. Чернецова, оно привело к тесному сотрудничеству юбиляра с отделом этнолингвистики Института славяноведения РАН. Уже в качестве заведующего отделом славяно-русской археологии ИА РАН А. В. Чернецов инициировал проект комплексного изучения истоков русской культуры. В 1993 году состоялась конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)», посвященная этой проблеме. А. В. Чернецов был также приглашен Н. И. Толстым в первый состав редколлегии воссозданного в 1994 году журнала «Живая старина». По инициативе и при непосредственном участии А. В. Чернецова (как редактора тома, комментатора и, частично, переводчика) вышел в свет русский перевод классического труда В. Ф. Райана «Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России» (М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.).

Не менее важным направлением научной деятельности А. В. Чернецова является исследование средневекового города как феномена культурной, политической и социальной жизни Древней Руси. Центральным объектом этих исследований стало городище Старая Рязань, где Алексей Владимирович проработал многие годы, первоначально в 1975–1979 годах, как сотрудник экспедиции, возглавляемой В. П. Даркевичем, а затем, с 1994 года (после длительного перерыва в работе экспедиции) уже как начальник археологической экспедиции. Старая Рязань стала основным объектом исследования в решении проблем становления древнерусского города, его многогранных торговых и культурных связей, а в изучении старорязанских кладов, их стилистики и орнаментики соединила две основные линии исследований юбиляра – древнерусского города и древнерусского прикладного искусства.

Базируясь на итогах полевых исследований Старой Рязани, А. В. Чернецов опубликовал целый блок статей, имеющих концептуальное значение для понимания генезиса и места города и городской культуры в развитии древнерусской культуры и государственности в целом. Итоги археологического изучения восточноевропейского города и городской средневековой культуры нашли отражение в организованных по инициативе А. В. Чернецова конференциях и полевых семинарах, изданных сборниках научных статей («Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы», 2005; «Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур», 2012). Под руководством А. В. Чернецова были реализованы такие проекты как «Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения,

становления государственности и культурогенеза», «Урбанистическая археология средневековой Восточной Европы: проблемы классификации и хронологии», «Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях (комплексное исследование)».

Как археолог-практик А. В. Чернецов, начиная с 1962 года, принимал участие в самых разных экспедициях. География его полевых сезонов простирается от Средней Азии до Шпицбергена. Однако русские средневековые древности всегда занимали центральное место в полевых исследованиях Алексея Владимировича. Особое место, конечно, в них занимает упомянутая работа на уникальном памятнике русского Средневековья – городище Старая Рязань. Этот древнерусский город стал не только объектом персональных научных исследований юбиляра, но и проявлением еще одного его таланта – организатора научной работы. Алексей Владимирович возглавил Старорязанскую экспедицию в 1994 году – в один из самых сложных для российской науки и для страны в целом периодов. В условиях тотальной нехватки средств и специалистов ему удалось возродить экспедицию как одно из ведущих подразделений российской археологии. Новая стратегия полевых исследований, привлечение специалистов разного профиля позволили сохранить экспедицию, которая и сейчас продолжает активно работать по направлениям, заложенным Алексеем Владимировичем, расширяя наши представления о генезисе древнерусского города, его культурных связях, роли в развитии крупных регионов Восточной Европы и формировании древнерусской народности.

Не менее значима роль А. В. Чернецова в организации науки на посту руководителя отдела славяно-русской археологии ИА РАН, который он возглавил в 1991 году. Благодаря своим личным качествам Алексей Владимирович как руководитель сумел провести отдел через бурные и мутные воды эпохи и сохранить его как научный коллектив с традициями высокой науки. Сам юбиляр, и как ученый, и как руководитель, никогда не навязывал своего мнения другим, но умел убедить, а при необходимости – проявить принципиальность. Принципиальность и честность оставались главными критериями работы Алексея Владимировича и в составе экспертного совета по историческим наукам Высшей аттестационной комиссии, как члена диссертационного совета ИА РАН и РГГУ по культурологии и в других научных структурах.

Еще одной гранью таланта юбиляра является его преподавательская деятельность, в которой он руководствовался теми же принципами, давая ученикам широкий простор в выборе направлений и путей

решения научных задач, но неукоснительно соблюдая требования академической науки.

С 1996 года до недавнего времени А.В. Чернецов преподавал в РГГУ, читая базовый общий курс «Археология» для нескольких специальностей и подготовив совместно с Л.В. Коньковой программу курса, руководил полевой производственной археологической практикой студентов кафедры музеологии на базе Старорязанской археологической экспедиции ИА РАН, подготовил ряд молодых ученых – историков и археологов, – успешно защитивших кандидатские диссертации под его руководством. Для кафедры музеологии РГГУ им подготовлен спецкурс «Магия и гадания в древнерусских письменных источниках». В 2004 году ему присвоено звание профессора. А.В. Чернецов активно способствовал возрождению в отечественной науке церковной археологии: учебно-методическое пособие по курсу «Русские церковные древности» подготовлено им в 1996 году совместно с Л.А. Беляевым. Оно было также опубликовано в переводе на японский язык.

Круг учеников профессора А.В. Чернецова невозможно ограничить только формальным списком его аспирантов и выпускников кафедры музеологии. Опыт и знания выдающегося исследователя отразились в работе научного коллектива Старорязанской экспедиции, оказывают влияние на все научное сообщество историков и археологов, близких тематике древнерусского города, материальной и духовной культуры средневековой Руси.

Но главное, что отдает Алексей Владимирович всем близким, всем, кому посчастливилось оказаться в кругу общения юбиляра, это личный опыт и наглядный пример утонченного обращения с источниками, преклонения перед знанием, сопровождающимся необычайно широким кругозором, уважением к оппонентам и их аргументам и при этом твердым и непреклонным выражением и отстаиванием своей позиции, как в науке, так и в повседневной жизни. Все, кому посчастливилось общаться с Алексеем Владимировичем, навсегда остаются в плену его обаяния, ума и человеческих качеств.

Эти качества Алексея Владимировича для всех нас, его коллег и учеников, были и остаются тем камертоном, по которому сверяем мы свой жизненный и научный путь. Это ли не самое ценное, что может дать Учитель?

Спасибо, дорогой Алексей Владимирович, за радость общения с Вами. С юбилеем!

И. Ю. Стрикалов

Печатные труды А. В. Чернецова. К биографии ученого

1. *Рец. на кн.: Возникновение и развитие земледелия.* М., 1967 // СА. 1969. № 1. С. 293–297 (в соавт. с Г. Н. Лисицыной).

2. О работе группы по изучению истории земледелия // КСИА. Вып. 129. 1972. С. 115, 116.

3. К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи // Вестник МГУ. Сер. IX. История. № 2. С. 73–82.

4. О периодизации ранней истории восточноевропейских пахотных орудий // СА. 1972. № 3. С. 135–148.

5. К истории восточноевропейских пахотных орудий // Вопросы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1972.

6. On the origin and early development of the East European plough and the Russian sokha // Tools and Tillage. V. II. № 1. Copenhagen. 1972. P. 34–50.

Рецензия: I. Balassa // Acta Ethnographica. V. 23.

7. Пахотные орудия древней Руси. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: [б. и.], 1973. 16 с.

8. Раскопки усадьбы Кайрагач // АО 1972 г. М., 1973. С. 8–18 (в соавт. с Г. А. Брыкиной и В. В. Григорьевым).

9. Список печатных трудов Е. И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 493, 494.

10. Обследование раннеземледельческих памятников в долине р. Мзымты // АО 1973 г. М., 1974. С. 97 (в соавт. с В. В. Бжанием, А. Л. Кругликовым, Л. В. Прищепенко и И. Л. Станкевич).

11. Раскопки кургана у села Александровское // АО 1973 г. М., 1974. С. 123, 124 (в соавт. с В. Г. Петренко, А. В. Найдено, А. В. Куйбышевым, Ю. Ю. Моргуновым и Г. Н. Прониным).

12. Древнерусские изображения кентавров // СА. 1975. № 2. С. 100–119.

13. К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий // Советская этнография. 1975. № 2. С. 72–82.

14. К изучению символики новгородских врат 1336 г. // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 40–46.

15. Реальные рыбы на страшном суде // Природа. 1976. № 3. С. 156–160 (в соавт. с В. П. Данильченко).

16. On the history of the plough and the sokha in Eastern Europe // Acta Ethnographica. Т. 25 (3–4). Budapest, 1976.

17. *Рец. на кн.:* Ю. А. Краснов. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975 // СА. 1976. № 4. С. 225–234.

18. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. Вып. 146. 1976. С. 32–36.

Рецензия: K. Gula // Kwartalnik Historii Kultury materialnej. R. XXV. № 4. Warszawa, 1977. S. 567.

19. Сцена пахоты на миниатюре Радзивилловской летописи // КСИА. Вып. 150. 1977. С. 23–27.

20. К изучению Радзивилловской летописи // Конференция по истории средневековой письменности и книги. Тез. докл. 25–27 октября 1977 г. Ереван, 1977.

21. Об одном рисунке Радзивилловской летописи // СА. 1977. № 4. С. 301–305.

22. Работы Александровского отряда // АО 1977 г. М., 1978. С. 116, 117 (в соавт. с В. Л. Державиным, В. Ф. Старковым, Б. Г. Тихоновым).

23. Старорязанская экспедиция // АО 1978 г. М., 1979. С. 59–61 (в соавт. с В. П. Даркевичем, Н. Н. Веретенниковым, В. П. Фроловым).

24. Первая советская экспедиция на Шпицбергене // АО 1978 г. М., 1979. С. 602, 603 (в соавт. с В. Ф. Старковым, О. В. Овсянниковым, Ю. Ю. Моргуновым, А. В. Куйбышевым).

25. Три резных посоха // СА. 1980. № 2. С. 94–115.

26. *Рец. на кн.:* Z. Kadar. Survivals of Greek zoological illuminations in Byzantine manuscripts. Budapest, 1978 // СА. 1980. № 3. С. 325–330.

27. *Рец. на кн.:* F. Kämpfer. Das Russische Herrscherbild. Recklinghausen, 1978 // Вопросы истории. 1980. № 6. С. 158–161.

28. О символике великокняжеских посохов XV в. // Тез. докл. советской делегации на IV Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 85–87.

Лёша Чернецов во дворе между улицей Палихой и Тихвинским переулком.
Конец 1940-х

29. Об одном изображении на монетах Дмитрия Донского // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 175–178.

30. Рец на кн.: Т. Н. Коробушкина. Земледелие на территории Белоруссии в X–XIII вв. Минск, 1979 // Tools and Tillage. V. IV. № 1. Copenhagen, 1980.

31. Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 545–563.

32. Medieval Russian pictorial materials on paganism and superstitions // Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Contributions. Bruxelles – Gand, 21–24 mai 1980. Gand. 1980/1981. 7/8. (Slavica Gandensia). P. 99–112.

33. Славянское язычество как проблема междисциплинарного изучения // Вестник АН СССР. 1981. № 12. С. 76–81 (в соавт. с В. В. Седовым).

34. Об изображениях кентавра, обнажающего меч // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 56–63.

35. К изучению Радзивилловской летописи // Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 274–288.

36. Иван Рыков – псковский книжник XVI в. // АИППЗ. Тез. научно-практической конференции. Псков, 1982 (в соавт. с А. А. Туриловым). С. 41–43.

37. Полевые меты крестьян Подмосковья в начале XX в. // Советская этнография. 1982. № 6. С. 101–104.

38. К изучению лицевого летописания // КСИА. Вып. 171. 1982. С. 49–53.

39. Types on Russian Coins of the XIV and XV centuries. An iconographic study. Oxford, 1983. (British Archaeological Report (BAR). International ser. 167). 191 p, 42 plates.

Рецензии:

J. Blankoff // Revue des pays de l'Est. Bruxelles, 1983. № 1–2. P. 258, 259.

J. Blankoff // Byzantion. Revue Internationale des Etudes Byzantines. Bruxelles, 1984. T. LIV. P. 433, 434.

R. Zander // Journal of the Russian Numismatic Society. N 14, spring 1984. P. 15–17.

R. Zander // Numismatics International bulletin. Dallas, 1984. V. 18. № 8. P. 256–259.

Н. А. Соболева // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 133.

А. А. Молчанов // СА. 1988. № 1. С. 282–292.

40. Софроний, книжний Ивана Грозного и адресованное ему сочинение // Археографический ежегодник 1982. М., 1983. С. 88, 89 (в соавт. с А. А. Туриловым).

41. *Рец. на кн.:* Н. А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981 // СА. 1984. № 3. С. 266–272.

42. *Рец. на кн.:* F. Kampfer. Das Russisches Herrscherbild. Recklinghausen, 1978 // Russia Mediaevalis. 1984. T. V. 1. S. 177–182.

43. Об одном русском изображении Юстиниана I (XVI в.) // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 79–83.

44. Изображения обитателей моря на миниатюрах рукописи XVI в. // Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984. С. 131–144 (в соавт. с В. П. Данильченко).

45. Из истории псковской книжности XVI в. // АИППЗ. Тез. научно-практической конференции. Псков, 1984. С. 16, 17 (в соавт. с А. А. Туриловым).

46. *Рец. на кн.:* B. Borsos. Staghorn powder-flasks. Budapest, 1982 // СА. 1985. № 1. С. 288–290.

Лёша Чернецов. набросок работы отца – художника В.С. Чернецова.
Конец 1940-х

47. К характеристике языческой дружинной культуры Черниговщины // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (15–18 апреля 1985 г.). Тез. докл. Чернигов, 1985. С. 55–58.

48. Русские монеты XIV–XV вв. и феодальная эмблематика этой эпохи // Всесоюзная конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 17–21 мая 1985 г. С. 359–361.

49. Феодальная эмблематика в чекане русских городов XIV–XV вв. // Тез. докл. советской делегации на V Международном Конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М., 1985. С. 167.

50. Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в древней Руси // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства / Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. XXXVIII. Л., 1985. С. 231–240.

51. Komi life scenes in the 15th century bone carvings // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24–30 VII 1985. Т. IV (этнография, археология, антропология). Тезисы. Сыктывкар, 1985. С. 11.

52. О декоре купола Большого Сиона 1486 г. // СА. 1985. № 3. С. 97–109.

53. Новое имя в истории русской культуры // Природа. 1985. № 9. С. 88–97 (в соавт. с А. А. Туриловым).

54. Отреченная книга Рафли // Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. XL. Л., 1985. С. 260–344 (в соавт. с А. А. Туриловым).

55. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село М.: Наука, 1985. (Археология СССР). С. 219–242 (в соавт. с А. В. Кузой и Н. А. Кирьяновой)

56. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // Советская этнография. 1986. № 1. С. 95–103 (в соавт. с А. А. Туриловым).

57. Резная рукоять сабли из Твери // КСИА. Вып. 183. 1986. С. 49–55.

58. Международный Конгресс славянской археологии (Киев, 1985) // СА. 1986. № 3. С. 290–296 (в соавт. с В. В. Седовым и В. Д. Бараном).

59. Древнерусские знаки небесных светил // КСИА. Вып. 187. 1986. С. 3–8.

60. «Рафли» – «языческие святцы» Ивана Рыкова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 20–28 (в соавт. с А. А. Туриловым).

61. Золоченные двери XVI в. // Задачи советской археологии в свете решений XXVIII съезда КПСС. Тез. докл. Суздаль, 1987. Всесоюзная археологическая конференция. М., 1987. С. 272–274.

62. *Рец. на кн.: Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования* / Сост. С. В. Ямщиков. М.: Изобразительное искусство, 1983 // СА. 1987. № 2. С. 280–287 (в соавт. с А. А. Молчановым).

63. Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). М.: Наука, 1987. 80 с.

Рецензии:

J. Blankoff // *Revue de pays de l'Est*. Bruxelles, 1987. № 2. P. 155.

F. Kampfner // *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. 1988, 36, H. 3, S. 435–437

А. А. Молчанов // Реферативный журнал. Общественные науки в СССР. Сер. 5. История. 1988. № 6. С. 61–65.

64. Посох Стефана Пермского // АИППЗ. Тез. докл. научно-практической конференции. Псков, 1987. С. 90, 91.

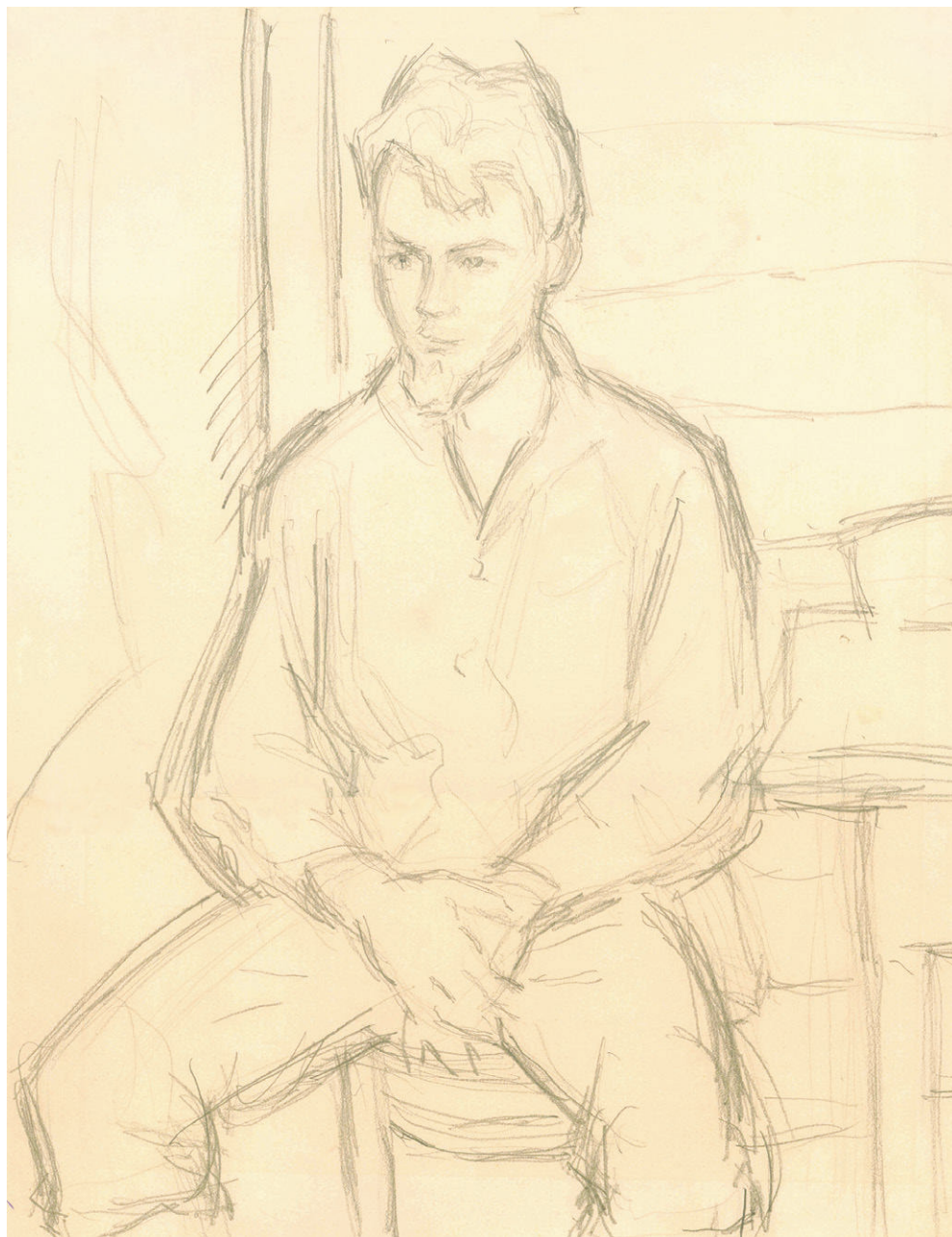
65. Походы Оскольда и Олега на миниатюрах XVI в. // Культура и история средневековой Руси. Тез. конференции, посвященной 85-летию А. В. Арциховского. Москва, 24–25 декабря 1987. М., 1987. С. 47, 49.

66. Гл. 1. Основные направления развития сельского хозяйства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI–V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. М.: Наука, 1987. С. 276–282 (в соавт. с Ю. А. Красновым).

67. Кочевое и земледельческое население Хазарского каганата // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI–V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Гл. 2. Производящая экономика и социальные отношения у степных племен Евразии в железном веке и раннем средневековье. М.: Наука, 1987. С. 327–331.

68. Производящее хозяйство степной зоны Сибири в эпоху раннего средневековья // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI–V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Гл. 2. Производящая экономика и социальные отношения у степных племен Евразии в железном веке и раннем средневековье. М.: Наука, 1987. С. 331–334).

69. Сельское хозяйство племен черняховской культуры // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской

**Выпускник МГУ Алексей Чернецов.
Рисунок работы отца – художника В.С. Чернецова. 1968 г.**

революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Гл. 3. Производящее хозяйство лесостепи и лесной зоны Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1987. С. 338–343.

70. Сельское хозяйство славянских племен Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э. // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Гл. 3. Производящее хозяйство лесостепи и лесной зоны Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1987. С. 343–351.

71. Развитие производящего хозяйства у балтских племен // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Гл. 3. Производящее хозяйство лесостепи и лесной зоны Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1987. С. 351–355.

72. Развитие земледелия и скотоводства у народов Восточной Сибири и Дальнего Востока // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. Гл. 3. Производящее хозяйство лесостепи и лесной зоны Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1987. С. 364–367.

73. Гл. 4. Начало процесса становления крестьянства у восточных славян // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления кре-

На студенческой практике

стьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. М.: Наука, 1987. С. 367–392.

74. Гл. 5. Предпосылки становления крестьянства у балтских и финноугорских племен // История крестьянства СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Т. I. Предпосылки становления крестьянства. Крестьяне рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.). Раздел III. Начало процесса становления крестьянства у народов Восточной Европы, Сибири и Дальнего Востока. М.: Наука, 1987. С. 393–412.

Рецензия на первые тома «Истории крестьянства СССР»:

А.В. Камкин. *Рец. на кн.: История крестьянства России. С древнейших времен до 1917 г. Т. 1. Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI-V тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э.). М.: Наука, 1987. 492 с.; т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М.: Наука, 1990. 615 с.; т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). М.: Наука, 1993. 664 с. // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 160–163.*

В экспедиции на Ставрополье. Вторая половина 1970-х

75. Феодальная эмблематика в чекане русских городов XIV–XV вв. // Тр. V Международного конгресса славянской археологии. Киев, 18–25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 26. Секция VI. Архитектура, искусство, духовная культура. М.: Наука, 1987. С. 144–152.

76. Амулеты-змеевики и проблема «двоеверия» // Православие в истории России. Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М.: Мысль, 1988. С. 77–88.

77. Посох Стефана Пермского // Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского дома) АН СССР. Т. 41. Л., 1988. С. 215–240.

78. К изучению культовых камней // СА. 1988. № 3. С. 79–90 (в соавт. с Н. А. Макаровым).

79. К изучению «отреченных» книг // Естественнаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия. М.: Наука, 1988. С. 111–140 (в соавт. с А. А. Туриловым).

80. О языческой дружинной культуре Черниговщины // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. К.: Наукова думка, 1988. С. 143–152.

81. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 230–241 (в соавт. с Н. А. Макаровым).

С супругой Людмилой Ивановной Авиловой
на выставке работ В.С. Чернецова. Москва, 1977 г.

82. О перспективах изучения письменных источников, отражающих народные верования и обряды восточных славян // АИППЗ. Тез. докл. Псков, 1988. С. 52–54 (в соавт. с А. А. Туриловым).

83. Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1988. 36 с.

84. Мотивы, связанные с язычеством и двоеверием на древнерусских миниатюрах // ННЗ. Тезисы научно-практической конференции. М., 1989. С. 103–104.

85. Introduction // B. A. Kolchin. Wooden Artefacts from Medieval Novgorod / Produced under the editorial supervision of A. Chernetsov / BAR International Series S495. Oxford, 1989. Part I–II. (Без подписи.)

Рецензии:

C. Morris // *Antiquity*, June 1990. V. 64. № 243. P. 421, 422.

T. Mühle // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1991. Bd. 39. H. 3. S. 412, 413.

Н. А. Макаров // *Археология*. 1991. № 3. С. 111, 112.

Е. Н. Носов // *РА*. 1992. № 3. С. 262–264.

С Б.А. Рыбаковым и А.С. Хорошевым
на Конгрессе славянской археологии. Киев, 1985 г.

86. Сивиллина книга на миниатюре XVI в. (к вопросу о специфических чертах городской культуры древней Руси) // История и культура средневекового города. М.: МГУ, 1989. С. 264–270.

87. Радзивилловская летопись // Свитязь (Свіцязь). Альманах библиофилов Белоруссии. Минск, Беларусь, 1989. С. 139–147.

88. Псковский книжник XVI в. // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 139–147 (в соавт. с А. А. Туриловым).

89. К историко-культурной характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. I. XI–XVI вв. М., 1989. С. 407–429 (в соавт. с А. А. Туриловым).

90. Изображения на серпуховских монетах XIV–XV вв. // Серпухову 650 лет. Материалы юбилейной научной конференции. Серпухов, 1989. С. 9–11.

91. Буян // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 107.

92. Горгония // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 159.

Защита докторской диссертации в Институте археологии.
Москва, 1988 г.

93. Еруслан Лазаревич // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 210.

94. Индрик-зверь // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 244.

95. Китеж // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 287.

96. Китоврас // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 287.

97. Люди дивия // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 233.

98. Меч-кладенец // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 357.

99. Ног // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 394.

100. Плакун-трава // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 435.

У себя дома. Москва, 1989 г.

101. Разрыв-трава // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 453.

102. Стрефил // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 503.

103. Фараонки // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 554.

104. Финист Ясный Сокол // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: СЭ, 1990. С. 558.

(№ 91-104 перепечатаны в издании «Энциклопедический словарь. Славянская мифология». М., 1995.)

С искусствоведом А.Б. Стерлиговым на раскопе. Старая Рязань, 1995 г.
(фото И.А. Стерлиговой)

105. Походы первых русских князей на Царьград на миниатюрах XVI в. // Тез. историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов, 1990. С. 10–12.

106. Трансформация элементов античной культуры в древней Руси // VI Международный Конгресс славянской археологии. Тез. докл. советской делегации. М.: Наука, 1990. С. 138–140.

107. Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинского дома) АН СССР. Т. 44. Л., 1990. С. 422–432.

108. Славяно-русская археология на страницах Русской энциклопедии // Народное образование. 1990. № 11. С. 168–173 (в соавт. с В. В. Седовым и Н. А. Макаровым).

109. Гиждсо лосьддіс Стефан Пермской (Письменность готовил Стефан Пермский) // Войвыв кодзув (Северная звезда). 1990. № 3. С. 62–66. (На коми-зырянском яз.).

Кошка Люся ест из тарелки начальника. Старая Рязань, 1996 г.

110. Древнерусское язычество и его традиции. Научная конференция // СА. 1991. № 1. С. 299–303 (в соавт. с В. Я. Петрухиным).

111. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики (так называемый посох Никиты Новгородского) // СА. 1991. № 3. С. 84–97.

112. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991 (в соавт. с Т. В. Николаевой).

Рецензия: Allen Frank // Slavic review. 1995. V. 54. № 1. P. 169–170.

113. Стефан Пермскойлөн вежа бедь (Посох Стефана Пермского) // Войвыв кодзув (Северная звезда). 1991. № 5. С. 6–10. (На коми-зырянском яз.)

В гостях у Валентина Васильевича и Марии Владимировны Седовых.
Москва, 1996 г.

114. Золоченые двери XVI в. (соборы Московского Кремля и Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме). М.: Наука, 1992. 212 с.

Рецензии:

F. Kämpfer // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1995. Bd. 43. H. 1. S. 153, 154.

J. Eric Myles // *Slavic review*. 1995. V. 54. № 2. P. 435.

115. О символике великокняжеских посохов XV в. // Четвърти Международен конгрес по славянска археология. Доклади и съобщения. Т. I. София, 1992. С. 671–709.

116. Связи древней Руси с Востоком. Некоторые проблемы и перспективы изучения // Культурно-историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь. Сб. тез. М., 1993. С. 67–71.

117. К 190-летию первой публикации сборника Кирши Данилова // Русская словесность. 1993. № 4. С. 11–15.

118. Двоеверие. Значение проблемы, перспективы изучения // Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». Тез. докл. М., 1993. С. 72–75.

119. Введение // Славянская археология 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. (Материалы по археологии России. Вып. 1). С. 3–9 (в соавт. с В. В. Седовым).

120. Язычество и суеверия по древнерусским изображениям // Живая старина. 1994. № 1. С. 18–22.

121. Ангел Пострелил и зверь Любимец // Живая старина. 1994. № 1. С. 26–28 (в соавт. с А. А. Туриловым).

122. Древнерусская книжность. Естественнонаучные и сокровенные знания в России XVI в., связанные с Иваном Рыковым. М.: Изд. МГАП «Мир книги», 1994. 166 с. (в соавт. с Р. А. Симоновым и А. А. Туриловым).

Рецензии:

И. К. Лабутина // Псков. Научно-практический историко-краеведческий журнал. Псков, 1995. № 3. С. 183–191.

Б. А. Старостин. Трилогия о древнерусской книжности // Живая старина. 1996. № 3. С. 57, 58 (рец. также на № 130).

О. П. Толочко // УИЖ. 1997. № 1. С. 128–130.

123. Двоеверие. Мираж или реальность? // Живая старина. 1994. № 4. С. 16–19.

124. Конференция «Истоки русской культуры. Археология и лингвистика» // Живая старина. 1994. № 4. С. 58, 59.

125. Старорязанская экспедиция // АО 1994 г. М., 1995. С. 148, 149 (в соавт. с Ю. Ю. Моргуновым).

126. [Предисловие] // В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. С. 5, 6.

127. Введение // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. М., 1995. (Материалы по археологии России. Вып. 2). С. 3 (в соавт. с В. В. Седовым).

128. Международный симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян» (Звенигород, 1994) // РА. 1995. № 4. С. 224–227 (в соавт. с В. В. Седовым).

129. Предисловие // Древнерусская книжность. Творчество и деятельность Стефана Пермского; естественнонаучные и сокровенные знания на Руси. М., 1995. С. 3, 5 (в соавт. с Р. А. Симоновым).

130. «Самотворитель новых грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность: (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси) / Отв. ред. Р. А. Симонов. М.: Изд. МГАП «Мир книги», 1995. С. 48–131.

Сидят (слева направо): Е. Н. Носов, (?), М. Д. Полубояринова, В. Л. Янин, А. Н. Кирпичников. Стоят (слева направо): А. В. Чернецов, Н. В. Хвощинская, Е. А. Рыбина. Новгород, 1996 г.

Рецензия: Б. А. Старостин. Трилогия о древнерусской книжности // Живая старина. 1996. № 3. С. 57, 58.

131. Представления русских книжников XVI в. о власти русских князей и византийских императоров (по миниатюрам Лицевого летописного свода) // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, проф. П. Каталано. М., 1995. С. 266–271.

132. Работы Старорязанской экспедиции в 1995 г. // Материалы юбилейной научно-практической конференции (Серпухов, 12–14 февраля 1996 г.). Серпухов, 1996 (в соавт. с. И. Р. Ахмедовым, Е. В. Буланкиной, А. В. Куйбышевым и Н. Е. Чалых).

С Л. И. Авиловой на фоне храма в Паленке. Южная Мексика, 1999 г.

133. Международные Конгрессы славянской археологии // РА. 1996. № 3. С. 5–10 (в соавт. с В. В. Седовым).

134. Славяно-русская археология в России. Специфика современной ситуации и некоторые перспективы // РА. 1996. № 3. С. 11–17.

135. Исследования Старорязанского городища и Шатрищенского могильника // АО 1995 г. М., 1996. С. 197–200.

136. Симпозиум «Славянская археология в 1965–1995 гг. Опыт оценки и новые перспективы» // Живая старина. 1996. № 2. С. 62 (в соавт. с В. В. Седовым).

137. Онокентавры и иппокентавры средневековой Руси // Вестник РГГУ. 1996. № 1. С. 269–274.

138. Русские церковные древности (археология христианских древностей средневековой Руси). М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1996 (в соавт. с Л. А. Беляевым). (Опубликовано также в переводе др. Ю. Оцуки на японский яз.)

139. Стефан Пермский: история и легенда // Христианизация народа коми в развитии государственности и культуры. Сб. ст. Т. I. Сыктывкар, 1996. С. 34–39. (Опубликовано на японском яз. в пер. Ю. Оцуки: «Россия кёкай ибуцу: Тюсэй Россия киристокё ибуцукокогаку». Токио, 1998. 92 с.)

На берегу Ниагары. США, 1999 г.

140. К характеристике народных верований восточных славян (по данным письменных источников) // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.: Русский мир, 1997. С. 99–110 (в соавт. с А. А. Туриловым).

141. Связи средневековой Руси с Востоком: некоторые проблемы и перспективы изучения // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М.: Русский мир, 1997. С. 145–162.

142. «Я опускаюсь на дно морское, я поднимаюсь под облака» // Живая старина. 1997. № 3. С. 29, 30.

143. Естественнонаучные знания в средневековой Руси: существо проблемы и перспективы ее изучения // Вестник РФФИ. 1997. № 3. С. 49–55 (в соавт. с Р. А. Симоновым).

144. VI Международный Конгресс славянской археологии (Новгород, 26–31 августа 1996 г.) // Вестник РФФИ. 1997. № 3. С. 57–59 (в соавт. с В. В. Седовым и В. И. Завьяловым).

145. *Рец. на кн.: В. Я. Петрухин. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск, Русич, М.: Гнозис, 1995* // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 167–169 (под псевдонимом А. Владимиров).

146. Зооморфные мотивы в орнаменте (раздел в гл. 13 «Орнамент Древней Руси») // Древняя Русь. Быт и культура / Археология. М.: Наука, 1997. С. 207–215.

147. Начало христианства на Руси в свете археологических данных // *Slavia Antiqua*, Т. XXXVIII. Poznan, 1997. С. 81–93.

148. Легенда о Мономаховых регалиях в искусстве Москвы XVI в. // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 28–30 мая 1986 г. М., 1997. С. 367–372 (в соавт. с В. В. Морозовым).

149. *Рец. на кн.: Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1997* // Вестник РГНФ. 1997. № 3. С. 296–299

150. Стефан Пермский: жизнеописание // Миссия церкви и современное православное миссионерство. Сб. ст. М., 1997. С. 9–11.

151. К 60-летию Петра Петровича Толочко // РА. 1998. № 1. С. 225, 226 (в соавт. с А. П. Моцей).

152. Первая всероссийская конференция «Церковная археология» (Псков, 1995) // РА. 1998. № 2. С. 252, 253 (в соавт. с Л. А. Беляевым).

153. К 90-летию Бориса Александровича Рыбакова // Археология. 1998. № 2. С. 10–16.

154. Трансформация элементов античной культуры в древней Руси (по материалам прикладного искусства и миниатюр) // Общество, экономика, культура и искусство славян / Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 85–91.

155. Археология христианских древностей средневековой Руси как научное направление: специфика и перспективы // Церковная археология. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 года. СПб., 1998. С. 317, 318.

156. Древнерусские архиерейские посохи // Церковная археология. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 года. СПб., 1998. С. 319, 320.

157. Новое в изучении Старой Рязани и ее округа // Тр. РИАМЗ. Сб. ст. Рязань, 1998. С. 102–110 (в соавт. с Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым и И. Ю. Стрикаловым).

158. Введение. Древнерусская культура в мировом контексте: значение проблемы и перспективы ее изучения // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М.: РГГУ, 1999. С. 7–39.

159. Средневековая Русь и Восток: некоторые проблемы и перспективы // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М.: РГГУ, 1999. С. 205–228 (в соавт. с Л. А. Беляевым).

160. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–1997 гг. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. Москва, 19–21 ноября 1997 г. М.: РГГУ, 1999. С. 265–283 (в соавт. с Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым и И. Ю. Стрикаловым).

161. Работы Старорязанской экспедиции // АО 1997 г. М., 1999.

162. The Eastern contribution to Medieval Russian Culture // Muqarnas. An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Vol. 16. Leiden, 1999. P. 97–124 (в соавт. с Л. А. Беляевым).

163. *Рец. на кн.:* А. А. Амосов. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998 // Отечественная история. 1999. № 5. С. 186–188.

164. Археология // Curriculum. Аннотированный каталог курсов учебных дисциплин. М.: РГГУ, 1999. С. 82.

165. Отдел славяно-русской археологии // Институт археологии сегодня. Сб. научных биографий. М., 2000. С. 108–109.

166. Исследования Старорязанского городища и его окружи // АО 1998 г. М., 2000. С. 160–163 (в соавт. с Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым и И. Ю. Стрикаловым).

167. Работы Р. А. Симонова по истории сокровенных знаний // Гербоведъ. 2000. № 2 (40). С. 107–108.

168. Монголо-татарское нашествие как хронологический рубеж и проблема оценки его исторического значения // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? Научная конференция. Москва, 14–16 ноября 2000 г. Тез. докл. М., 2000. С. 10–13.

169. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие // Русь в XIII в.: континуитет или разрыв традиций? Научная конференция. Москва, 14–16 ноября 2000 г. Тез. докл. М., 2000. С. 86, 87.

У руин Борисоглебского собора. Старая Рязань, 2000-е

170. Археология / Программа курса для специальностей: № 020700 – история. № 021000 – музеология. № 020600 – культурология. № 020900 – искусствоведение. Изд. центр РГГУ, М., 2000. С. 1–16 (в соавт. с Л. В. Коньковой).

171. Письмо в редакцию // Нумизматический альманах. 2000. № 4 (15). С. 54, 55 (в соавт. с П. Г. Гайдуковым и др.).

172. Работы Р. А. Симонова по истории сокровенных знаний // Р. А. Симонов. Естественнонаучная мысль древней Руси. Избранные труды. М.: Изд-во МГУП, 2001. С. 8–11

173. Рец. на кн.: Труды VI Международного конгресса славянской археологии: Т. 1. Проблемы славянской археологии. М., 1997; Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997; Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998; Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. М., 1999 // Вестник РГНФ, 2001. № 1. С. 247–257 (в соавт. с В. В. Седовым).

Слева направо: М. А. Сагайдак, (?), Г. Ю. Ивакин, В. П. Коваленко, Анна Стальсберг, Е. В. Буланкина, (?), А. В. Чернецов, В. В. Седов, (?), К. Цукерман. На конференции «Дружинные древности Центральной Европы VII–XI веков. Чернигов – Шестовицы». Чернигов, 2003 г.

174. *Рец. на кн.:* О. В. Белова. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000 // Живая старина. 2001. № 2. С. 63.

175. Новые работы в Старой Рязани и ее округе (Рязанская область, 2000 г.) // Вестник РГНФ. 2001. № 3. С. 191–199 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

176. Книга английского слависта о русской магии (*рец. на кн.:* W. F. Ryan. The Bathhouse at Midnight. Magic in Russia. An Historical Survey of Magic and Divination in Russia. The Pennsylvania University Press. 1999) // Живая старина. 2001. № 3. С. 55, 56.

177. Уникальный амулет из Златоверхого // Древний мир (Киев). 2001. № 2. С. 36–38 (в соавт. с Г. Ю. Ивакиным).

178. Работы в Старой Рязани // АО 1999 г. М., 2001. С. 128–130 (в соавт. с Л. А. Беляевым, Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым).

179. Старорязанская экспедиция // АО 2000 г. М., 2001. С. 115–117 (в соавт. с Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым, И. Ю. Стрикаловым).

180. Археология // Музеология. Специальность 021000. Государственный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента. М., 2002. С. 45–60 (в соавт. с Л. В. Коньковой).

181. К интерпретации уникального амулета из Киева // Живая старина. 2002. № 1. С. 12, 13.

182. Staraya Ryazan – basic archaeological site of Medieval Russia and its role in educational process // V Europatagung der Hochschulehrer fuer Archaeologie des Mittelalters. V European Symposium for Teachers of Medieval Archaeology. Bamberg, 10–14 April 2002. Zusammenfassungen / Summaries / Sommaires. Otto-Friedrich-Universitaet Bamberg, 2002, S. 10, 11.

183. Академик Борис Александрович Рыбаков (1908–2001) // Отечественная история. № 3. С. 217–220.

184. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 8–72 (в соавт. с А. А. Туриловым).

Рецензии:

В. Я. Петрухин, О. В. Белова. «Магия слова» в русской традиции XVII–XVIII вв. // Живая старина, 2003. № 3. С. 55–57.

В. Костырко. Колдовство в России: классики и современники // Отечественные записки, 2003. № 4.

И. Смирнов // Интеллектуальный форум, 2003, май. № 13. С. 218–220.

А. Мороз. «Вы овцы, а я волк». Народ и власть // Русский журнал, 2003, 17 марта.

В. Богомяков. Запрещенное чтение для крысоватых женщин и хомяковатых мужчин // Топос. Литературно-философский журнал. 2003. 17.02.

185. Великоустюжский сборник XVII в. // Отреченное чтение. 2002. С. 177–224 (в соавт. с А. А. Туриловым).

186. Сборник заговоров начала XIX в. // Отреченное чтение. 2002. С. 290–294 (в в соавт. с А. А. Туриловым).

187. Уникальный амулет из раскопок в Киеве // Отреченное чтение. 2002. С. 521–532 (в соавт. с Г. Ю. Ивакиным)

188. Прогностическая запись 1764 г. // Отреченное чтение. 2002. С. 542–549 (в соавт. с А. А. Туриловым).

189. Магия и гадания в древнерусских письменных источниках // Программы курсов. Российско-французский центр исторической антропологии им. Марка Блока. РГГУ. М., 2002. С. 191–200.

190. Staraya Ryazan – Major Capital City of Medieval Russia: Standard or Exclusive Model? // 3rd International Conference of Medieval and Later Archaeology. Centre. Region. Periphery. Medieval Europe. Basel 2002. Hertingen, 2002. V. 3. P. 53–57.

191. Взаимодействие Севера и Юга Древней Руси: к постановке проблемы // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Научная конференция. Москва, 19–21 ноября 2002 г. Тез. докл. М., 2002. С. 12–15.

192. Двери христианских храмов: иконография и символика // Вестник РГНФ, 2002. № 4. С. 6–14.

193. «Людища аки чудища». Фольклорные сюжеты и средневековая историческая иконография // Живая старина. 2002. № 4. С. 25–28.

194. Монголо-татарское нашествие как хронологический рубеж и проблема оценки его исторического значения // Первые Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 2002. С. 8–18.

195. Работы в Старой Рязани // АО 2001 г. М., 2002. С. 232–234 (в соавт. с Л. А. Беляевым, Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым и И. Ю. Стрикаловым).

196. Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 18–33 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

Рецензия: А. Е. Медовичев. Рец. на кн.: Русь в XIII веке // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. «История». 2004. № 4. С. 129–138.

197. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 2–17.

198. К столетию со дня рождения А. В. Арциховского // КСИА. Вып. 214. 2003. С. 3–8.

199. К изучению некрополя Старой Рязани // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового семінару (Чернігів – Шестовиця, 17–20 липня 2003 р.). Чернігів, 2003. С. 179–184 (в соавт. с Е. В. Буланкиной).

200. Работы Старорязанской экспедиции // АО 2002 г. М., 2003. С. 206–210 (в соавт. с Л. А. Беляевым, Е. В. Буланкиной, В. И. Завьяловым и И. Ю. Стрикаловым).

201. Возвращаясь к напечатанному // Живая старина. 2003. № 3. С. 58, 59.

202. Радзивилловская летопись // Письменные памятники истории древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 30–33 (подписано А. В. Ч.).

Доклад на научном мероприятии в РГГУ. Москва, 2003 г.

203. «Рука югорская (угорская)» т.е. уйгурская (середина – вторая половина XIII в.?) // Письменные памятники истории древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 111, 112 (подписано А. В. Ч.; в соавт. с А. А. Туриловым).

204. Поучение против «медоварцев» (XI–XIII в.?) // Письменные памятники истории древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 153 (подписано А. В. Ч.; в соавт. с А. А. Туриловым).

205. Памяти Глеба Сергеевича Лебедева // РА. 2004. № 1. С. 190, 191 (в соавт. с Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухиным и Т. А. Пушкиной).

206. К 200-летию первой публикации сборника Кириши Данилова // Живая старина. 2004. № 1. С. 41–44.

207. К вопросу о происхождении Лицевого летописного свода XVI в. // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 1. С. 42–46 (в соавт. с В. В. Морозовым).

**А.В. Чернецов в фондах Эрмитажа изучает двери
Великоустюжского собора. Санкт-Петербург, 2005 г.**

208. Откровения Натальи Ивановны (рец. на кн.: Н.И. Степанова. Большая книга заговоров. М., 2002) // Живая старина. 2004. № 2. С. 54–56.

209. Еще одна Соломонова печать // Живая Старина. 2004. № 3. С. 28–30.

210. Русские церковные древности. Программа курса. Для специальности 24.00.03. «Музееведение; консервация и реставрация историко-культурных объектов» // Образовательная программа послевузовского профессионального образования. 24.00.03. Музееведение; консервация и реставрация историко-культурных объектов. Министерство образования и науки Российской Федерации. РГГУ. Управление аспирантурой и докторантурой. Факультет истории искусства. М., 2004. С. 65–79.

211. Древняя Русь и Восток: проблемы и перспективы изучения // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тез. докл. научной конференции. Москва, 16–19 ноября 2004 г. М., 2004. С. 188–191 (в соавт. с Л. А. Беляевым).

Дома за работой. Москва, 2005 г.

212. Валентин Васильевич Седов [некролог] // РА. 2004. № 4. С. 5–7.

213. Работы 2003 г. в Старой Рязани // АО 2003 г. М., 2004. С. 219–223 (в соавт. с Л. А. Беляевым, Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

214. Памяти Марии Владимировны Седовой // РА. 2005. № 1. С. 190–192 (в соавт. с М. Д. Полубояриновой).

215. Народная вера в зеркале правосудия (рец. на кн.: Е. Б. Смилянская. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003) // Живая старина. 2005. № 1. С. 54, 55.

216. Старая Рязань: некоторые итоги и перспективы исследований // IV Научная конференция «Археология Юго-Востока Руси». Елец, 2005. С. 15.

217. Сведения о язычестве балтийских народов в восточнославянской рукописной традиции // Заговорный текст: Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 175–193.

218. К юбилею Николая Андреевича Макарова // РА. 2005. № 4. С. 113–114 (в соавт. с Е. Н. Носовым и Л. А. Беляевым).

**А. В. Чернецов и крупнейший британский славист В. Ф. Райан.
Москва, 2006 г.**

219. Работы Старорязанской экспедиции в 2004 г. // АО 2004 г. М., 2005. С. 248–253 (в соавт. с Л. А. Беляевым, Е. В. Буланкиной, С. М. Крыкиным и И. Ю. Стрикаловым).

220. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 7–33.

Рецензии:

B. Dähne. Aleksej V. Černecov (Hrsg.). Velikoe knjažestvo Rjazanskoe. Istoriko-archeologičeskie issledovanija i materialy [Das Großfürstentum Rjazan'. Historisch-archäologische Forschungen und Materialien]. Izdat. Pamjatniki istoričeskoj mysli. Moskva 2005 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 55. H. 3. Wiesbaden, 2007. S. 439, 440.

В.О. Колибенко. *Рец. на кн.: Великое княжество Рязанское...* // Археология. 2007. № 4. С. 100–103.

А.Е. Медовичев. *Рец. на кн.: Великое княжество Рязанское...* // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История. 2007. № 4. С. 185–190.

Н.А. Тропин. *Рец. на кн.: Великое княжество Рязанское...* // Вестник Елецкого гос. унив. Вып. 22. Сер. «История. Археология». Елец, 2008. С. 242–251.

221. Скорнищевская битва на миниатюрах Лицевого летописного свода // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 547–553.

222. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 180–190 (в соавт. с Л. А. Беляевым).

223. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 198–210 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

224. Походили на мавров: татарские влияния и самобытность русской культуры // Родина. 2005. № 8. С. 40–44.

225. Об этой книге и ее авторе // В.Ф. Райан. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. (Сер. *Historia Rossica*). С. 5–10.

226. [Перевод с англ.] 12. Геомантия // В.Ф. Райан. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Новое литературное обозрение, 2006. (Сер. *Historia Rossica*). С. 483–514 (совм. с Л. И. Авиловой; перевод А.В.Ч. на с. 483–503; 509–513).

227. Предисловие // Алексеев Л.В. Западные земли домоногольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 3, 4.

228. Шестнадцатый клад из Старой Рязани // Природа. 2006. № 6. С. 58–66.

229. «Трезвое и строгое научное изображение русского язычества» (*рец. на кн.: В.И. Мансикка. Религия восточных славян* / Отв. ред. В.Я. Петрухин и С.М. Толстая. М., 2005) // Живая старина. 2006. № 2. С. 51, 52.

230. Работы Старорязанской экспедиции и проблемы историко-археологического изучения Великого княжества Рязанского // Алексей Владимирович Чернецов. Биобиблиографический указатель (Сер. «Ученые РГГУ»). М., 2006. С. 50–75.

231. Работы Старорязанской экспедиции и проблемы историко-археологического изучения Рязанской земли // Вестник РГНФ. 2006. № 3. С. 211–220.

232. Об истории развития Старорязанской археологической экспедиции // Памятники древних цивилизаций глазами студентов. Археология, искусствоведение, реставрация. Вып. 1. М.: РГГУ, 2006. С. 51–56.

233. Русские церковные древности. Программа курса // Аспирантура РГГУ. Образовательные программы. Культурология. М.: РГГУ, 2006. С. 140–147.

234. К характеристике Старорязанского клада 2005 г. // РА. 2007. № 1. С. 182–188.

235. Работы Старорязанской экспедиции в 2005 г. // АО 2005 г. М., 2007. С. 263–268 (в соавт. с Е.В. Буланкиной, С.М. Крыкиным и И.Ю. Стрикаловым).

236. Предисловие // Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур (к 770-летию трагедии Старой Рязани). Тез. докл. Полевой историко-археологический семинар. Старая Рязань, 17–19 июля 2007 г. С. 3, 4.

237. Средневековый русский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур // Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур (к 770-летию трагедии Старой Рязани). Тез. докл. Полевой историко-археологический семинар. Старая Рязань, 17–19 июля 2007 г. С. 5–11.

238. Работа Старорязанской экспедиции в 1994–2006 гг. (хроника исследований) // Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур (к 770-летию трагедии Старой Рязани). Тез. докл. Полевой историко-археологический семинар. Старая Рязань, 17–19 июля 2007 г. С. 28–31 (в соавт. с И.Ю. Стрикаловым).

239. К 70-летию В.Ф. Райана // Живая старина. 2007. № 2. С. 59.

240. Еще одна английская публикация о русской магии [*Рец. на кн.: W.F. Ryan. Russian Magic at the British Library. Books, Manuscripts, Scholars, Travellers (The Panizzi Lectures 2005). London: The British Library, 2006*] // Живая старина. 2007. № 2. С. 57.

241. К изучению пограничной зоны между устной и рукописной традициями (*рец. на кн.: А.Л. Топорков. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. М., 2005*) // Живая старина. 2007. № 3. С. 48–50.

242. Отдел славяно-русской археологии // Институт археологии Российской Академии наук. М., 2007. С. 38, 39.

С. А. А. Гиппиусом во время работы конференции «У истоков русской государственности. (К 30-летию раскопок на Городище под Новгородом)».
Новгород, 2006 г.

243. Старая Рязань // Институт археологии Российской Академии наук. М., 2007. С. 98, 99.

244. Реплика по поводу рецензии В. В. Напольских на книгу В. Ф. Райана // Живая старина. 2007. № 4. С. 51, 52.

245. Полевые исследования и студенческая практика в Старой Рязани // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. II. М.: РГГУ, 2007. С. 119–124.

246. Важный вклад в изучение нумизматики средневековой Руси (рец. на кн.: П. Г. Гайдуков. «Медные русские монеты конца XIV–XVI веков». М., 1993; П. Г. Гайдуков. «Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв.». М., 2006) // РА. 2008. № 1. С. 164–169.

247. The Crosier of St. Stefan of Perm // Picturing Russia. Explorations in Visual Culture / V. Kivelson, J. Neuberger (Eds.). Yale University Press, 2008. P. 21–27.

248. «Полет Александра Македонского»: новые материалы к иконографии // Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры. М.: ИА РАН, 2008. С. 52–63.

С А.Е. Леонтьевым на научном мероприятии. Москва, 2011 г.

249. К 60-летию Л.А. Беляева // РА. 2008. № 2. С. 90–94 (в соавт. с Н.А. Макаровым и Н.А. Кренке).

250. *Рец. на кн.:* Е.Н. Носов, В.М. Горюнова, А.В. Плохов. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования). Тр. ИИМК. Т. XVIII, СПб., 2005 // РА. 2008. № 2. С. 174–176.

251. Змеевик // Большая российская энциклопедия. Т. 10. М.: БРЭ, 2008. С. 507.

252. Крупный ученый, неповторимая личность. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Рыбакова // Вестник РАН. 2008. № 6. С. 538–543.

253. Петру Петровичу Толочко 70 лет // РА. 2008. № 3. С. 188–190.

254. О некоторых общих проблемах историко-археологического изучения средневековой Руси // ДБН/ЪСЛОВО. Сбірка праць на пошану дійсного члена НАНУ П.П. Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008. С. 58–66.

255. Взаимодействие Севера и Юга Древней Руси: к постановке проблемы // УИЖ. 2008. № 3. С. 24–26 (материалы круглого стола «Початок Русі: Південь і Північ»).

256. Старорязанская экспедиция: новые исследования // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. Т. II. М., 2008. С. 404–407 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

257. Георадиолокационные исследования на Старорязанском городище // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. Т. III. М., 2008. С. 270–272 (в соавт. с А. А. Клочко и Д. Л. Шишковым).

258. К изучению истоков восточнославянской снотолковательной традиции // Живая старина. 2008. № 4. С. 5–9.

259. Обсуждение проектов восточнославянского и международного указателей заговоров // Традиционная Культура. Научный альманах. 2008. № 4. С. 11–13. (Участник дискуссии)

260. Исследования в Старой Рязани и проблемы историко-археологического изучения Великого княжества Рязанского // Наукові записки з української історії. Зб. наукових ст. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 411–425.

261. Религиозно-политическая композиция на миниатюре Лицевого свода // Великий Новгород и средневековая Русь. Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 663–666.

262. «Что было, что будет, чем сердце успокоится...» (рец. на кн.: Ф. Вигзелл. Читая фортуны: гадательные книги в России (вторая половина XVIII–XX в.). М.: ОГИ, 2007) // Живая старина. 2009. № 1. С. 60–62.

263. Введение // Восточноевропейский средневековый город: проблемы музеефикации, охраны и туристского использования. Полевой научно-практический семинар. Старая Рязань, 7–9 июля 2009 г. М., 2009. С. 5–8.

264. Старорязанский археологический комплекс как памятник истории и культуры: проблемы музеефикации, охраны и музейного использования // Восточноевропейский средневековый город: проблемы музеефикации, охраны и туристского использования. Полевой научно-практический семинар. Старая Рязань, 7–9 июля 2009 г. М., 2009. С. 35–42.

265. К характеристике Старорязанских кладов и ювелирных мастерских // Вестник Елецкого гос. унив. Вып. 23. Сер. «Археология». Елец, 2009. С. 87–96.

266. Раны Старой Рязани // Природа. 2009. № 12. С. 71–76.

267. Department of Slavic-Rus Archaeology // Institute of Archaeology. Russian Academy of Sciences. Moscow, 2009. P. 38–39.

268. Staraya Ryazan // Institute of Archaeology. Russian Academy of Sciences. Moscow, 2009. P. 98–99.

269. Работы Старорязанской экспедиции // АО 2006 г. М., 2009. С. 309–311 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

270. *Рец. на кн.:* Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв. М.: Индрик, 2008 // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 459–467.

271. Работы Старорязанской экспедиции // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. III. М., 2009. С. 130–161.

272. Памяти академика Богуслава Хроповского (1926–2009) // РА. 2010. № 2. С. 192 (без подписи).

273. Волшебный камень // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij* / Bertolissi S., Salvatore R. eds. Napoli, M. D'Auria Editore, 2010. P. 125–131.

274. Владимир Яковлевич Петрухин // Владимир Яковлевич Петрухин. Биобиблиографический указатель (Сер. «Ученые РГГУ»). М., 2010. С. 7–12 (препринт).

275. Путь из варяг в греки, или Одиссея археолога. К юбилею В. Я. Петрухина // Живая старина. 2010. № 3. С. 55 (в соавт. с О. В. Беловой).

276. «Часть с частью, кость с костью» (*рец. на кн.:* «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.» (составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова). М., 2010) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 85–104.

277. *Paradoxical Hierarchy of Civilizations (Medieval Rus' Concept)* // *Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence*. Cracow, Poland, 21–25 September 2010. Book of Abstracts and Addresses. Kraków – Rzeszów, 2010. P. 26, 27.

278. Исследования Старорязанского городища и его округи // АО 2007 г. М., 2010. С. 218–224 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым, Е. В. Буланкиной, С. И. Миловановым, Ю. В. Лошиной и С. А. Стефутиным).

279. К изучению метеорологической магии // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010. С. 349–358.

280. Об археологических исследованиях Старой Рязани и Рязанской земли, перспективах обустройства и сохранения городища // Даниловские чтения: материалы первой и второй научных конференций, посвященных 25-летию возрождения Данилова монастыря. 2008–2009. М., 2010. С. 60–77.

281. Старая Рязань. Свидетельства международных культурных и исторических связей // Даниловские чтения: материалы первой

С В.П. Даркевичем в Институте археологии. Москва, 2010-е

и второй научных конференций, посвященных 25-летию возрождения Данилова монастыря. 2008–2009. М., 2010. С. 128–158.

282. «Часть с частью, кость с костью» (окончание) (рец. на кн.: «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.» (составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова). М., 2010) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 96–106.

283. Russian Traditional Property Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. By J. Evans Pim, S. A. Yatsenko, O. T. Perrin. L.; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 267–287.

284. Перстень-печать с библейской цитатой // Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ, 2010. (Археологія і давня історія України). С. 426–430.

285. Введение // Археология древнерусского города. Проблемы источникововедения, становления государственности и культурогенеза.

**А.В. Чернецов и любимая собака Маня.
В экспедиции на городище Старая Рязань. 2014 г.**

Тез. докл. международной научной конференции. Рязань, 6–9 апреля 2011 года. М., 2011. С. 3 (без подписи).

286. Древнерусский город в контексте макросистем и макропроцессов своего времени // Археология древнерусского города. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. Тез. докл. международной научной конференции. Рязань, 6–9 апреля 2011 года. М., 2011. С. 76–79.

287. Судьбы мертвого города // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. IV. М., 2011. С. 119–131.

288. *Рец. на кн.: «Археологические открытия. Европейская Россия. 1991–2004 гг.». М.: ИА РАН, 2009 // Вестник РГНФ. 2011. № 1. С. 210–212.*

289. «Хроник Псковский» в контексте русской «легендарной» историографии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). Тез. докл. участников VI Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». С. 113–114 (в соавт. с А. А. Туриловым).

290. Памяти Анатолия Аркадьевича Молчанова (1947–2010) // РА. 2011. № 4. С. 186, 187 (в соавт. с П. Г. Гайдуковым).

291. Работы Старорязанской экспедиции [123] // АО 2008 г. М.: ИА РАН, 2011. С. 238–242 (в соавт. с Е. В. Буланкиной, И. Ю. Стрикаловым и С. И. Миловановым).

292. *Рец. на кн.: Л. Ф. Недашковский. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010* // Уфимский археологический вестник. Вып. 11. 2011. С. 115–117.

293. Старая Рязань – эталонный памятник стредневековой русской археологии // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: Росспэн, 2012. С. 170–179, илл. 1–7 на с. 67–69 (отд. пагинация).

294. К методике изучения культурного слоя на оползнях: анализ археологических и геолого-геоморфологических материалов городища Старая Рязань // Российский научный журнал. 2012. № 2 (27). С. 87–99 (в соавт. с В. А. Усковым, И. Ю. Стрикаловым, А. В. Водорезовым, С. И. Миловановым и С. И. Шишовым).

295. *Рец на кн.: «Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории».* М.: Русская панорама, 2011 // Вопросы истории. 2012. № 9. С. 169–171 (в соавт. с И. В. Курукиным).

296. Эколого-геолого-геоморфологическо-археологический подход к изучению погребенных форм реликтового рельефа (на примере городища Старая Рязань Спасского района Рязанской области) // Антропогенная геоморфология: наука и практика: материалы XXXII пленума Геоморфологической комиссии РАН (Белгород, 25–29 сентября 2012 г.). М.: Белгород, 2012 (в соавт. с А. В. Водорезовым, С. И. Миловановым, И. Ю. Стрикаловым, В. А. Усковым и С. И. Шишовым).

297. Перстень из раскопок Старой Рязани // Археология Москвы – линия жизни. Сб. ст. и матер. в связи с 80-летием академика архитектуры, профессора Александра Григорьевича Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством. М., 2012. С. 265–267.

298. Историческая роль Рязанской земли и ее древней столицы в процессе становления и раннего развития российской государственности // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл.

На фоне развалин в Сиде (Анталья). 2011 г.

международной научной конференции. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 79, 80 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

299. Легендарная версия ранней истории Руси в Псковском Кронике 1689 г. // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл. международной научной конференции. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М.: ИА РАН, 2012. С. 85, 86 (в соавт. с А. А. Туриловым).

300. Древнерусский город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. науч. ст. Рязань, 2012. С. 6–15.

301. Работы Старорязанской экспедиции в 1994–2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. науч. ст. Рязань, 2012. С. 16–55 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

302. Каменная пластинка с арабской надписью из раскопок в Старой Рязани // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. науч. ст. Рязань, 2012. С. 73–76.

303. Мастер толстых птичек (к характеристике ювелирного ремесла Старой Рязани) // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. V. М., 2012. С. 162–165

304. К изучению прикладного искусства Рязанской земли // Памятники культуры глазами студентов: археология, искусствоведение, краеведение, реставрация. Вып. V. М., 2012. С. 236–253

305. Paradoxical Hierarchy of Civilizations (Medieval Russian Concept) // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence / Salamon M., Wołoszyn M., Musin A., Špehar P., Hardt M., Kruk M. P., Sulikowska-Gaska A. (eds.). Vol. 1. Part 1. Kraków – Leipzig – Rzeszów – Warszawa, 2012. (U źródeł Europy Środkowo-wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas). P. 251–262.

306. Городище Старая Рязань // 1150 лет российской государственности: Средневековая Русь в археологических исследованиях РАН [Электронный ресурс]. 2012. Российская академия наук: [сайт]. Электронные коллекции. URL: <http://www.ras.ru/archaeology/58989aab-1484-4cba-82bc-3518671493bc.aspx>. С. 92–109 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

307. Природный и антропогенный фактор формирования современного рельефа городища Старая Рязань // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32). С. 53–61 (в соавт. с В. А. Усковым, И. Ю. Стрикаловым, А. В. Водорезовым, С. И. Миловановым и С. И. Шишовым).

308. «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в. // АИППЗ. Семинар им. академика В. В. Седова: материалы 58 заседания (17–19 апреля 2012 г.). М. – Псков, 2013. С. 157–165 (в соавт. с А. А. Туриловым).

309. «Самозван не ищущим тя, святителю, обретесе...» (Стефан Пермский: миссионерская деятельность и судьбы наследия) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 149, 150.

310. The Sorcerer's Stone: Magic of Water and Blood // Russian History. 2013. 40. P. 519–531.

311. Magical Practices in Russia Today: An Observer's Report // Russian History. 2013. 40. P. 559–567 (в соавт. с Л. И. Авиловой).

312. Современные магические практики. Опыт наблюдения // Традиционная культура. 2013. № 3. С. 175–180 (в соавт. с Л. И. Авиловой).

313. Опыт идентификации индивидуального почерка древнерусского ювелира // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Зб. праць на пошану дійсного члена НАНУ П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ, 2013. С. 330–334.

314. Старая Рязань: клад 2013 года // Родина. 2013. № 12. С. 33–38 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

315. Стратегическое пространственное планирование территории городища Старая Рязань: историко-археологический и геолого-географический аспект // Российский научный журнал. 2013. № 7 (38). С. 7–25 (в соавт. с В. А. Усковым, И. Ю. Стрикаловым, А. В. Водорезовым, С. И. Миловановым и С. И. Шишовым).

316. Клад златокузнеца // National Geographic. Россия, 2014, февраль. С. 34 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

317. Старая Рязань: находки последних лет // Вестник РГНФ. 2014. № 1. С. 178–188 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

318. Клад № 17 из Старой Рязани // РА. 2014. № 2. С. 153–163 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

319. Посох просветителя // National Geographic. Россия, 2014, июнь. С. 56, 57.

320. «Кроник Псковский» 1689 г.: легендарная историография и астрологическая доктрина // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. III / под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 114–182.

321. К характеристике иконографических и стилистических особенностей украшений из клада 2005 г. // Старая Рязань. Клад 2005 года / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. С. 69–79.

Рецензии:

А. А. Остапенко [рец.] // Вестник РГНФ. 2015. № 2 (79). С. 270–273.

И. Е. Зайцева [рец.] // РА. 2015. № 3. С. 180, 181.

M. Kazanski. A. V. Černecov. Staraja Rjazan'. Klad 2005 goda [Staraja Rjazan': le trésor de 2005]. Saint-Pétersbourg – Moscou: Nestor-Istorija, 2014, 104 p. // Cahiers du Monde Russe, 2015, 56/4. P. 800–802.

322. Стефан Пермский – миссионер и просветитель: реликвии, письменные и изобразительные источники // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. III. (Секция 18. Археология Северо-Восточной Евразии в исторический период XVI–XVIII вв.) Казань: Отечество, 2014. С. 681–684.

323. Змеевик // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 300, 301.

324. Освещение // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М.: Ладомир, 2014. С. 580, 581.

325. Старорязанская археологическая экспедиция // Научные экспедиции РГНФ. М.: РГНФ, 2014. С. 68, 69.

Дома. С гитарой Е. А. Карпова. Москва, 2012 г.

326. Восточноевропейское средневековье по данным археологии. Динамика трансформаций и перспективы изучения // КСИА. Вып. 236. 2014. С. 129–133.

327. Новые исследования в Старой Рязани // КСИА. Вып. 236. 2014. С. 150–156 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

328. Католицизм глазами миниатюристов Лицевого летописного свода // Города и веи средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова. М. – Вологда: Древности Севера, 2015. С. 410–414.

329. Городище Старая Рязань // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты. М., 2015. С. 95–97 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

330. Этика и археология // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. V. С. 324–345 / Ред.-сост. Х. М. Абдуллин, отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2015. (В соавт. с Л. А. Беляевым, В. А. Коренько, А. Н. Хохловым, А. В. Энговатовой, А. И. Саксой, В. В. Сидоровым, И. В. Болдиным, Р. Х. Храмченковой, Н. В. Федоровой, В. А. Ивановым, С. И. Валиулиной, Е. Р. Михайловой, А. В. Выборновым, Е. В. Салминой, К. Л. Панченко, С. А. Салминым и С. Н. Кореневским.)

У дворца Топкапы. Стамбул, 2014 г.

331. Religious and political concepts in miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible // *Zbrojne i ideologiczne konflikty w dawnym piśmiennictwie Słowian i ich echa w nowszej kulturze* / Eds. M. Kaczyńska, J. Stradomski. Kraków: Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagellońskiego w Krakowie, 2015. (*Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne. Seria poświęcona starożytnościom Słowiańskim*. T. 11). S. 133–149.

332. Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани // КСИА. Вып. 241. 2015. С. 202–206 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

333. Первоначальное освоение Подвинья и Поморья по Псковскому Кронику 1689 г. // *Исследования Арктики в документах, памятниках и собраниях. Материалы Первой научно-практической конференции*, Москва, Архив РАН, 15 марта 2016 г. М.: Архив РАН, 2016. С. 194–201 (в соавт. с А. А. Туриловым); <http://arran.ru/?q=ru/publication&guid=80699DFD-0C4C-41E4-BD34-1A18669194BF>.

334. Стефан Пермский и демоны в рукописной и изобразительной традиции // IV Международная научная конференция «Демонология

как семиотическая система». Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. Тез. докл. М., 2016. С. 146–149.

335. Стефан Пермский – миссионер и просветитель. Реликвии, письменные и изобразительные источники // Археология сакральных мест России. Сб. тез. докл. научной конференции с международным участием (Соловки, 7–12 сентября 2016 г.). Архангельск, 2016. С. 256–259.

336. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 57–75 (в соавт. с А. А. Туриловым).

337. [Выступление на открытии конференции] // Российский научно-производственный проект. Традиции и современность. Старая Рязань, 2016. С. 6–9.

338. Опыт выявления индивидуального почерка ювелира (по материалам произведений художественного ремесла из Старой Рязани) // Российский научно-производственный проект. Традиции и современность. Старая Рязань, 2016. С. 14–17.

339. Владислав Петрович Даркевич [некролог] // РА. 2016. № 4. С. 183–187.

340. Работы Старорязанской археологической экспедиции // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. Липецк, 2016. С. 136–142 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

341. Staraya Ryazan Fortified Settlement // Institute of Archaeology: New Expeditions and Projects. М., 2016. Р. 95–97 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

342. Фрагмент наконечника ножен меча из Старой Рязани // КСИА. Вып. 245. Ч. II. 2016. С. 57–63.

343. Колт из старорязанского клада 2013 г. // КСИА. Вып. 245. Ч. II. 2016. С. 69–74 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

344. An Occult Version of the Early Medieval History of Russia and Description of Arctic Navigation Routes in the *Pskov Chronicle* of 1689 // The Journal of the Hakluyt Society. January 2017. Р. 1–17 (в соавт. с А. А. Туриловым).

345. К интерпретации одного рельефа Лаврской типографии // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрьовича Івакіна. Київ: Laurus, MMXVII. С. 464–470.

346. Древнерусское денежное обращение в евразийском контексте. Из истории отечественной нумизматики (по поводу публикации монографии: Н. П. Бауер. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / под ред. П. Г. Гайдукова. М.: ООО «Русское сло-

Морская прогулка. Турция, 2016 г.

во – учебник», 2014, 816 с. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 119–134.

347. *Рец. на кн.:* Н.П. Бауер. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / под ред. П.Г. Гайдукова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 201. 816 с.: ил. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 188–192.

348. Вильяму Фрэнсису Райану – 80 лет // Традиционная культура. 2017. № 2. С. 187–189 (в соавт. с А.Л. Топорковым).

349. Заявление членов экспертного совета ВАК по истории при Минобрнауки // «Троицкий вариант» от 13.10.2017 (20 подписей).

350. [Эксперты о работе Высшей аттестационной комиссии] // Историческая экспертиза. Журнал рецензий. 2017. № 3. С. 255–259.

351. К изучению древнерусских амулетов // *De mare ad mare*. Археология и история: Сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке. М. – Смоленск: Свиток, 2017. С. 106–118.

352. К изучению древнерусских знаков собственности // Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле – Болокурихе. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2017. С. 228–234.

353. К изучению древнерусских знаков собственности // V (XXI) ВАС [Электронный ресурс]. Сб. науч. трудов / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: Алтайский гос. унив., 2017. С. 1126, 1127. <https://cloud.mail.ru/stock/RJgSamp38gm5pwmfjGsi5CZD>.

354. Предисловие // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2017. С. 6–8.

355. Марина Дмитриевна Полубояринова LXXXV // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2017. С. 9, 10 (без подписи).

356. Гончарное клеймо со знаком Рюриковичей из Старой Рязани // КСИА. Вып. 249. Ч. II. 2017. С. 109–115 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

357. Фрагмент византийской каменной иконки из Старой Рязани // КСИА. Вып. 249. Ч. II. 2017. С. 116–122 (в соавт. с А. Н. Артамкиным, Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

358. Следы знакомства с восточным двенадцатилетним циклом в славянской традиции // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. Сб. к юбилею Ю. Ю. Моргунова / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2017. С. 120–126 (в соавт. с А. А. Туриловым).

359. Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143–151 (в соавт. с Е. В. Буланкиной и И. Ю. Стрикаловым).

360. Чингизиды на миниатюрах лицевого летописного свода Ивана Грозного // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 222–236.

361. Нашествие Батыя на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в. // КСИА. Вып. 251. 2018. С. 303–313.

362. К характеристике художественного ремесла Рязанской земли // Культурное наследие Российского государства. Вып. VII. СПб.: Ленинградское обл. отд. ВООПИК, 2018. С. 333–352.

363. Роковая женщина X в. глазами средневековых миниатюристов // РА. 2018. № 3. С. 117–122.

364. К изучению феодальной эмблематики и юридических знаков Владимиро-Суздальского княжества // «Земли родной минувшая судьба...». К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 39–47.

365. Русь и народы евразийских степей в X–XVII вв. // Историческая память и российская идентичность / Ред. В. А. Тишков,

Члены Экспертного совета по истории ВАК. Последнее фото перед ротацией. Слева направо:
Т. М. Димони (Вологодский ГПУ), Л. А. Сидорова (ИРИ РАН), П. П. Шкаренков (РГГУ), (?),
А. В. Чернецов, Д. М. Бондаренко (ИАФР РАН), А. Ю. Андреев (МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. ф-т.), (?),
П. Ю. Уваров (председатель Экспертного совета по истории, ИВИ РАН). Москва, 2017 г.

Е. А. Пивнева. М.: РАН, 2018. С. 223–233 (в соавт. с В. Ю. Ковалем, Е. А. Армарчук, И. Н. Кузиной и И. Е. Зайцевой).

366. Ювелирная матрица с изображением святого из раскопок Старой Рязани // КСИА. Вып. 253. 2018. С. 328–334 (в соавт с И. Ю. Стрикаловым).

367. Глеб Юрьевич Ивакин (Гліб Юрійович Івакін) 30 января 1947 – 22 мая 2018 // РА. 2018. № 4. С. 38 (в соавт. с Л. А. Беляевым, П. Г. Гайдуковым, Н. А. Макаровым и В. Ю. Ковалем).

368. Отдел средневековой археологии // Институт археологии РАН. 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 68–76 (в соавт. с И. Н. Кузиной).

369. А. Л. Монгайт (1915–1974) // Институт археологии РАН. 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 272–264.

370. К 80-летию А. А. Медынцевой // РА. 2019. № 2. С. 184–185 (в соавт. с Т. В. Рождественской, В. Ю. Ковалем и Л. А. Беляевым).

371. Альбина Александровна Медынцева. К биографии ученого // Звучат лишь письма. К юбилею А. А. Медынцевой. М.: ИА РАН, 2019. С. 8–10 (в соавт. с Т. В. Рождественской).

372. *Рец. на кн.:* Н. А. Соболева. Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексилологии. М.: Изд. дом ЯСК. 2018. 656 с. // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 230–236.

373. Ю. Ю. Моргунов (1947–2018) [некролог] // РА. 2019. № 3. С. 197, 198 (в соавт. с В. Ю. Ковалем и П. Г. Гайдуковым).

374. Первоначальное государственное освоение Русского Севера и Северного Зауралья в памятнике позднего (недостоверного) летописания // Российская история. 2019. № 6. С. 161–179 (в соавт. с А. А. Туриловым).

375. Старорязанская археологическая экспедиция // РФФИ – к 100-летию академической археологии. Каталог научных проектов, осуществленных при финансовой поддержке РФФИ в 1992–2018 гг. В 2-х тт. Т. II. Экспедиции, научные форумы. М.: РФФИ, 2019. С. 100–102.

376. Взятие Старой Рязани на миниатюрах Лицевого летописного свода // *Urbi et Orbi*. Сборник научных работ к юбилею И. Г. Кусовой/Отв. ред. А. А. Гомзин. Рязань: Политех, 2020. С. 182–184, 193–200.

377. К 200-летию археологического исследования Старой Рязани // Российская история. 2020. № 4. С. 49–55 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

**С А.Е. Леонтьевым во время работы Археологического съезда.
Белокуриха, 2017 г.**

378. Старая Рязань. Новые исследования и находки // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 107-124 (в соавт. с И. Ю. Стрикаловым).

379. Введение // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. Материалы научной конференции. М.: ИА РАН, 2020. С. 4-6.

380. Произведения прикладного искусства из Старой Рязани // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. Материалы научной конференции. М.: ИА РАН, 2020. С. 17–19.

381. A Contribution to the Study of Russian Amulets // Magic, Texts and Travels. Homage to a Scientist Will Ryan / J.M. Hartley, D.B. Shaw, eds. L.: Study Group of Eighteenth-Century Russia, 2021. P. 1–27.

382. Новые свидетельства ювелирного производства Старой Рязани // КСИА. Вып. 262. 2021. С. 359–368 (в соавт. с А.Н. Артамкиным, В.Ю. Киселевым, И.Ю. Стрикаловым).

383. Донские городища на миниатюрах XVI в. // КСИА. Вып. 264. 2021. С. 366–375.

384. Новое в изучении Старой Рязани (к 200-летию полевых исследований) // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела славянской археологии. М.: ИА РАН. 2021. С. 61–92 (в соавт. с И.Ю. Стрикаловым).

385. Проблемы археологической славистики и отдел славяно-русской археологии Института археологии РАН // Мир Средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела славянской археологии. М.: ИА РАН. 2021. С. 259–289.

386. Памяти С. С. Ширинского // РА. 2022. № 1. С. 212–214 (в соавт. с А. А. Медынцевой, Л. А. Беляевым и В.Ю. Ковалем).

387. Старая Рязань: к изучению ювелирного ремесла // РА. 2022. № 2. С. 142–153.

388. Chernetsov A.V. Treasures of Staraya Ryazan': Two Hundred Years of Research and New Discoveries // Herald of the Russian Academy of Sciences, December 2022, Vol. 92, Suppl. 8. Supplement Series A: Studies in Russian, Soviet and Contemporary History. № 4. P. S684–S694.

389. Ранние эпизоды истории Рязанской земли на миниатюрах XVI в. // Московская Русь: археология, архитектура, история. К 75-летию Л. А. Беляева. М.: ИА РАН, 2023. С. 77–87.

390. Л. А. Беляев LXXV // Московская Русь: археология, архитектура, история. К 75-летию Л. А. Беляева. М.: ИА РАН, 2023. С. 11–16.

391. Рецензия на кн.: Чижов С.И. Русская нумизматика. Библиографический опыт / под ред. П.Г. Гайдукова и М.А. Смирновой. М.: ООО «Русское слово» – учебник, 2022 // Рос. археология. 2023. № 2. С. 194–201.

Литература о А. В. Чернецове

Чернецов Алексей Владимирович // Институт археологии сегодня. Сб. научных биографий. М.: ИА РАН, 2000. С. 108–109.

Челяпов В. П. Чернецов Алексей Владимирович // Рязанская энциклопедия. Т. III. Рязань, 2002. С. 509.

Буланкина Е. В. Алексей Владимирович Чернецов // Тр. РИАМЗ: сб. науч. статей. Вып. 2. Рязань, 2004. С. 191–202. Список основных печатных трудов.

Беляев Л. А. К 60-летию Алексея Владимировича Чернецова // РА. 2005. № 1. С. 186–187.

До 60-річчя Олексія Володимировича Чернецова // Археологія. Київ, 2005. № 1. С. 108–109.

Петрухин В. Я. А. В. Чернецову – 60 лет // Живая старина. 2005. № 1. С. 53.

Алексей Владимирович Чернецов. Биобиблиографический указатель / Сост. Л. Н. Простоволосова. М., 2006. (Сер. «Ученые РГГУ»). 76 с.

Алексей Владимирович Чернецов // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сб. научных ст. / Отв. ред. Л. А. Беляев. Рязань: РИАМЗ, 2012. С. 269–274.

Петрухин В. Я., Турилов А. А., Стрикалов И. Ю. К юбилею А. В. Чернецова // РА. 2015. № 4. С. 206, 207.

З.Х. Албегова (Царикаева), П.С. Успенский
Институт археологии РАН, Москва

К вопросу о специфических типах топоров Центрального Кавказа X–XII веков (по материалам Даргавского катакомбного могильника)

Резюме. В статье проводится анализ и систематизация топоров (как средних, так и миниатюрных копий рабочих и боевых экземпляров) из погребального инвентаря Даргавского катакомбного могильника X–XII вв. в свете распространения этой категории предметов на территории Центрального Кавказа. Проведенный анализ позволяет считать основным регионом их распространения Центральный Кавказ, где они были достаточно популярны. Анализ контекста погребального обряда и инвентаря катакомб не позволяет считать их предметами элитарного набора.

Z. H. Albegova (Tsarikaeva), P. S. Uspensky.

On Specific Types of Axes of the Central Caucasus in the 10th – 12th Centuries (Based on the Materials of the Dargava Catacomb Burial Ground)

Abstract. The article analyzes and systematizes axes (both medium and miniature copies of working and combat items) from the funerary equipment of the 10th –12th centuries Dargava catacomb burial ground in the context of the spread of this category of objects in the Central Caucasus. The conducted analysis enables us to consider the Central Caucasus, where they were quite popular, as the main area of their distribution. Analysis of the funerary rite context and the inventory of the catacombs does not allow us to consider them elite set objects.

В Даргавском катакомбном могильнике топоры являются одним из самых многочисленных предметов вооружения. Из 75 комплексов эта категория вещей была найдена в 32. Всего зафиксировано 52 топора (Дзаттицаты, 2014). Наиболее распространенными были двулезвийные топоры с взаимоперпендикулярными клинками, они выявлены в семи катакомбах (№ 1, 4, 20, 28, 39, 68, 69, 70). Их количество – 21 экземпляр, что составляет около 40% от всей выборки¹. В разработанной

---

¹ У топора из катакомбы № 70 разрушен коррозией один клинок. Принадлежность еще одного железного предмета к топорам из-за фрагментированности вызывает сомнения (катакомба № 2), и он не включен в выборку.

ранее классификационной схеме топоров Даргавского могильника описываемая разновидность отнесена к группе 2 (двулезвийные топоры), отделу II (топоры с взаимоперпендикулярными клинками) (*Дзаттиаты и др.*, 2018. Рис. 2) (рис. 1).

По форме клинков и степени их наклона к древку топоры группы 2, отдела II подразделяются на три типа: 1) с трапецевидными клинками, с прямой спинкой основного клинка (полотна) с вертикальным лезвием (рис. 2, 1–13); 2) с трапецевидными клинками, склоненными к древку (рис. 2, 14); 3) с основным, вертикальным, клинком Г-образной формы и обушным, горизонтальным, клинком трапецевидной формы (рис. 2, 15–22).

По размерам все рассматриваемые топоры делятся на две группы: миниатюрные и средние. Крупных массивных экземпляров среди них нет. В первую группу входят небольшие топоры общей длиной от 6,7 до 11,5 см с лезвиями от 1,8 до 4,9 см; во вторую – экземпляры длиной 12,8–18,7 см с лезвиями от 2 до 6,2 см². Ко второй размерной группе относился лишь один топор из всей выборки (см. ниже тип 1, вариант А). Все остальные экземпляры – небольшие. Длина наименьшего из сохранившихся 6,7 см; самого крупного 14,3 см.

Тип 1 (13 экз. из катакомб № 1, 4, 20, 39, 69) представлен двулезвийными топорами с трапецевидными или треугольными клинками, лезвия которых расположены перпендикулярно друг другу, а спинка основного клинка прямая.

По размерам (возможно, и по функциям) топоры типа 1 из Даргавса можно разделить на экземпляры средних размеров (вариант А) (рис. 2, 1) и на вотивные топоры (вариант Б) (рис. 2, 2–13).

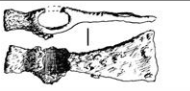

Вариант А представлен одним экземпляром (катакомба № 39) (рис. 2, 1). Размер топора средний, длина составляет 14,3 см. Он был найден в смещенном состоянии в комплексе с вотивными топорами (варианта Б типа 1), наконечником стрелы типа двурогий срезень, большим количеством шаровидных бубенчиков и полых пуговиц, небольшим числом литых пуговиц (рис. 3, 3–14, 17).

В катакомбе нет каплевидных бубенчиков, широко распространенных в погребениях Змейского могильника. Дата последних по С. Н. Савенко – не ранее середины XI в. (*Савенко*, 2017. С. 117). В то же время найденный здесь крупный стеклянный стакан усечено-конической

---

² Размерные группы выделялись на основе промеров всех типов топоров Даргавского могильника. Типы представлены на рисунке 1.

Группа 1. Однолезвийные

Отдел I		Отдел II	
Тип 1	Тип 2	Тип 1	
	А	Б	Тип 2
			

0 5 см
|||||

Группа 2. Двулезвийные

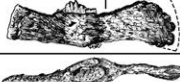
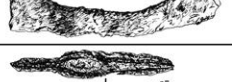

Отдел I				Отдел II				Отдел III
Тип 1	Тип 2	Тип 3		Тип 4	Тип 5		Тип 6	Тип 1
		А	Б		А	Б		
								
								

Рис. 1. Классификация топоров Даргавского катакомбного могильника

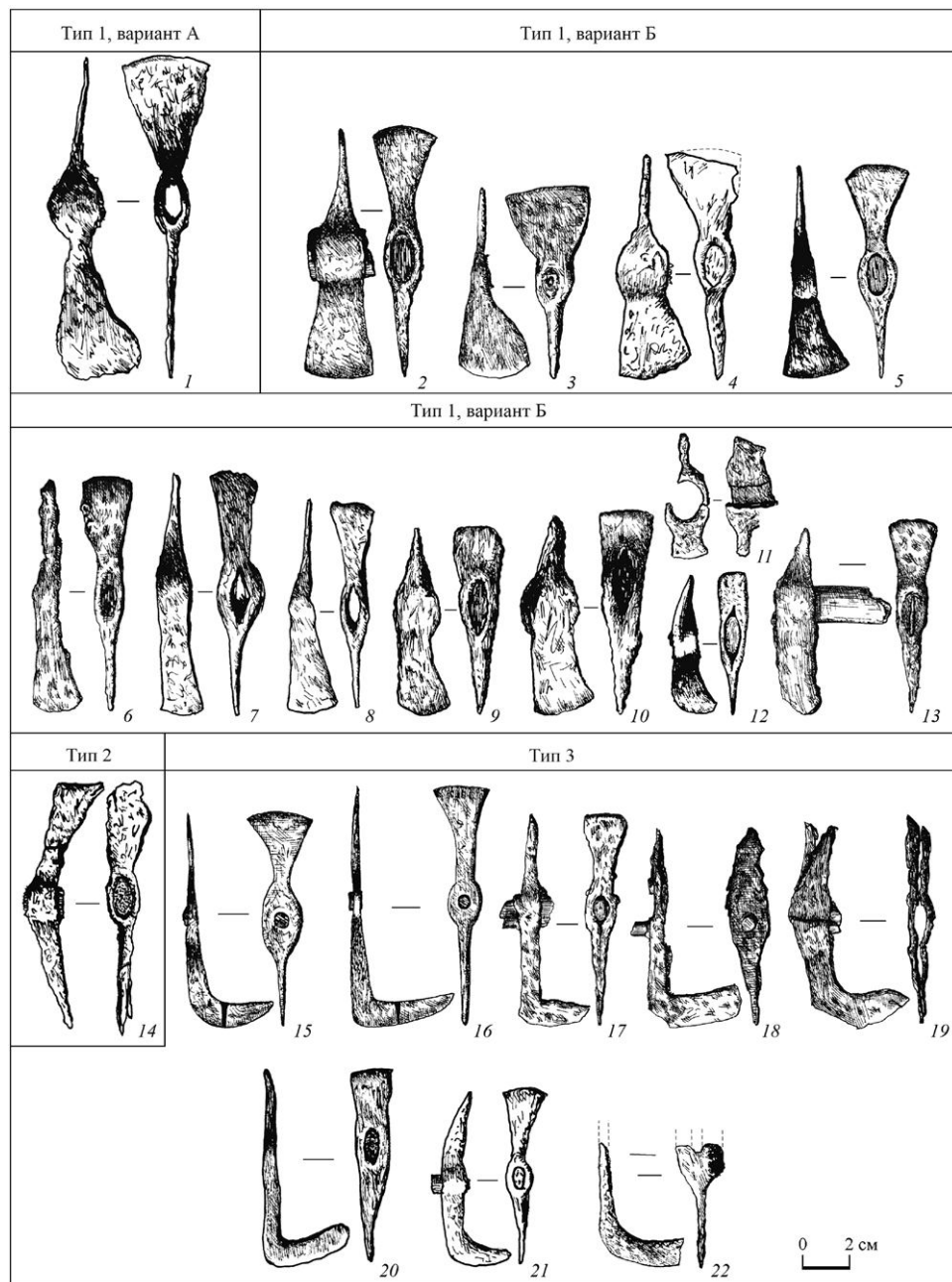

Рис. 2. Классификация топоров с взаимноперпендикулярными и Г-образными клинками из Даргавского катакомбного могильника
 1, 7, 8 – катакомба 39; 2, 5, 12, 15, 16 – катакомба 1; 3, 6, 13, 17, 18 – катакомба 20;
 4, 21 – катакомба 69; 9, 10 – катакомба 4; 11 – катакомба 70; 14 – катакомба 68;
 19, 20 – катакомба 28; 22 – катакомба 2

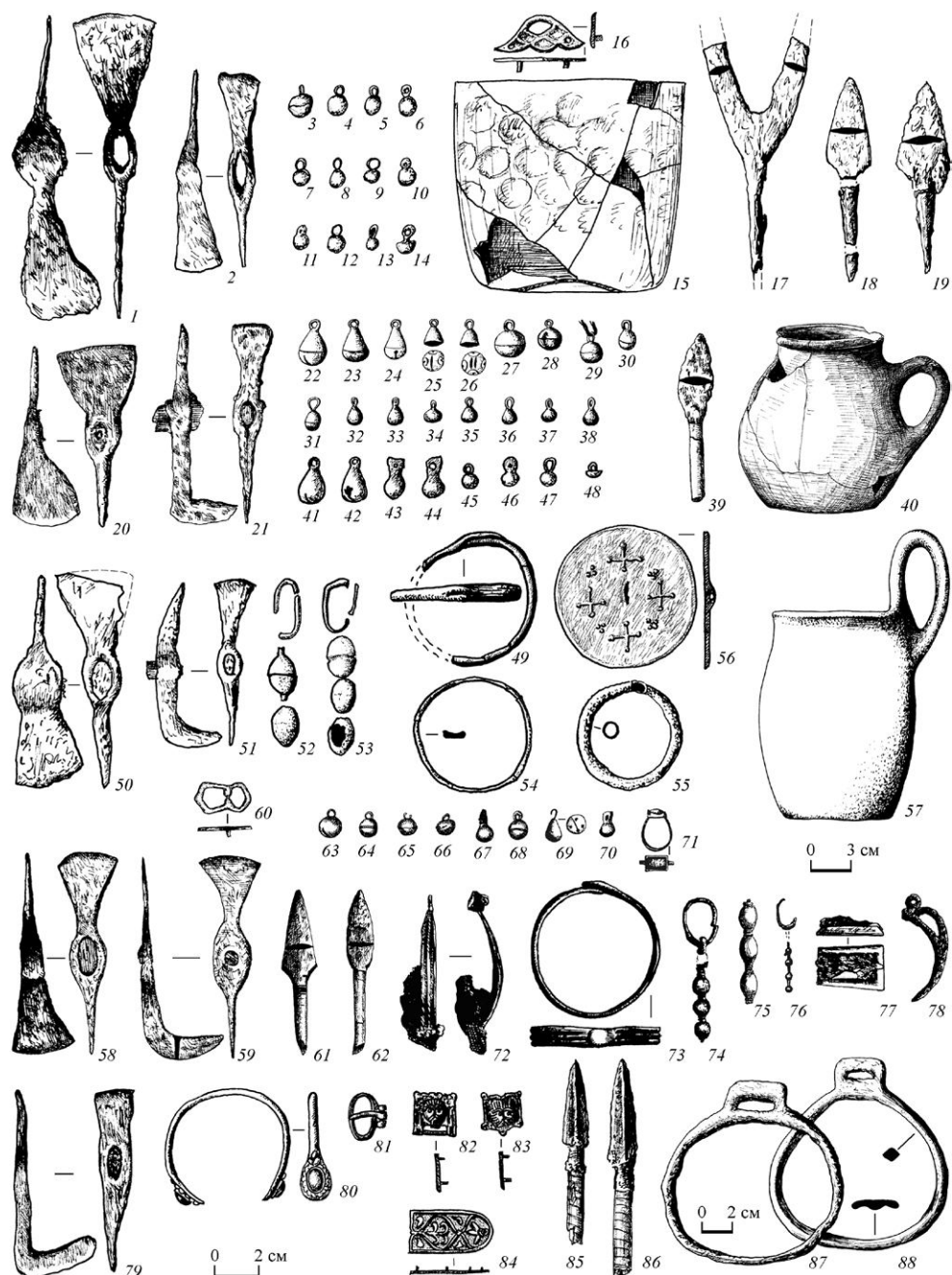

Рис. 3. Взаимовстречаемость топоров с другими предметами материальной культуры

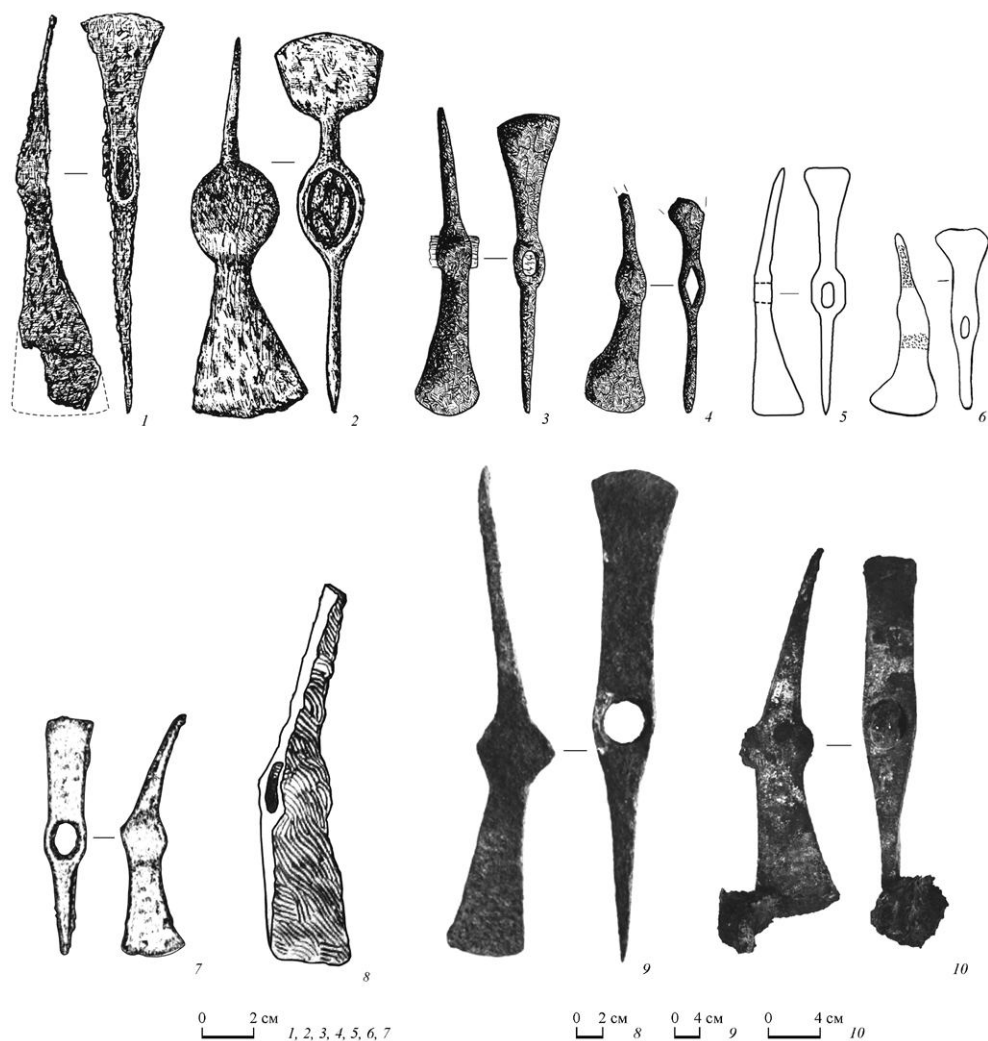
1-19 – катакомба 39; 20-49 – катакомба 20; 50-56 – катакомба 69;
57 – катакомба 70; 58-78 – катакомба 1; 79-88 – катакомба 28

формы наиболее близок по своим пропорциям изделиям Змейского могильника (рис. 3, 15). Подобные стаканы, но более близкие по форме к цилиндрическим, были известны в Двине и широко распространены в IX–X вв. в Передней Азии, попадая в результате торговых контактов далеко за ее пределы (Джанполадян, Калантарян, 1988. С. 10. Табл. IV; Чижова, 2017. С. 121).

Отсутствие в катакомбе № 39 Г-образных топоров (см. ниже) свидетельствует об импульсе с равнины, где Г-образные топоры не были распространены. Это время не ранее первой половины XI в., возможно, второй трети XI в.

Наиболее ранние экземпляры топоров с перпендикулярными клинками бытовали к западу от Кубани, при этом восточнее они известны не были (Каминский, 1991. С. 106, 107). Образцы подобных топоров происходят из погребений Золотого кладбища (I–III вв. н. э.) (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 10, 97; 48, 467), обнаружены в с. Семеновка на Керченском полуострове в слое римского времени. По мнению В. Н. Каминского, такие топоры появились на Кавказе под влиянием Рима, в частности римских топоров-долабров, изображения которых мы видим на колонне Траяна. В VI–VII вв. подобные топоры также были известны на территории Передней Азии и Юго-Восточной Европы (рис. 4, 9) (D'Amato, 2017. P. 4. Fig. 4). Изображения боевых топоров, по-видимому, с взаимоперпендикулярными лезвиями встречены на согдийском серебряном блюде VII в. из с. Кулагыш (Орбели, Тревер, 1935. Табл. 21; Никоноров, 2014. С. 123). На Северо-Западном Кавказе экземпляр VII в. н. э. происходит из ингумационного погребения Борисовского могильника (рис. 4, 8) (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 10, 97; 48, 467; Саханев, 1914. С. 92, Табл. I, 9, 12, 27).

Однако между большинством вышеперечисленных аналогий и топорами Даргавского могильника непосредственной связи нет, поскольку существует как хронологический, так и некоторый территориальный разрыв. Основываясь на находках из погребений могильников Змейский, Рим-гора 1 и отсутствии подобных топоров в катакомбах Мартан-Чу 1, В. Н. Каминский предположил, что данный тип не характерен для периода ранее начала XI в. Он также отмечал их полное отсутствие в позднеаланское время на территории, сопоставимой с Западной Аланией, и популярность на землях современной Северной Осетии, где вотивные варианты, которые мы будем рассматривать ниже, бытуют, видимо, и позднее (Каминский, 1991. С. 114, 115; Тменов, 1985. С. 129, 130).

Рис. 4. Топоры с взаимноперпендикулярными клинками

1 – Тарский могильник, катакомба 24, погребение 1; 2 – Тарский могильник, катакомба 21 (1, 2 по: Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, табл. XXIX, 3, табл. XXIII, 12); 3, 4 – Змейский могильник, катакомба № 80 (по: Ростунов, 1983. Рис. 35, 76, 126); 5 – Майртупский могильник, погребение 1 (по: Мамаев, 2009, рис. 6, 6, 20); 6 – Дзивгисские пещерные склепы (по: Тменов, 1985); 7 – Молдовановский могильник, погребение 28 (по: Тарабанов, 1990); 8 – Борисовский могильник, погребение 41 (по: Саханев, 1914); 9, 10 – находки из Турции (по: Raffaele D'Amato, 2017: 9 – римская долабра, Ясос, случайная находка; 10 – Яссыада, VII в.)

С.Н. Савенко обратил внимание на редкость этого типа топоров в материалах памятников Центрального Кавказа, кроме Змейского могильника, где данная категория вещей известна в комплексах катакомб середины XI – начала XII в. и не встречена в более поздних комплексах (рис. 4, 3, 4) (Савенко, 2017. С. 114). Следует отметить, что топор среднего размера (12,7 см) найден в катакомбе середины X – начала XI в. у с. Майртуп в Чечне (Мамаев, Чахкиев, 1987. С. 54, 57. Рис. 1, 1).

Во второй половине X – первой половине XI в. орудия труда в виде мотыг-топоров крупных размеров, более 30 см, бытовали на Балканах (были известны в Византии) (Бугарски, Иванишевић, 2013. Сл. 1, 1, 2). Горизонтальный клинок у этих экземпляров длиннее вертикального. Хотя подобные пропорции не вполне соотносятся с пропорциями и размерами рассматриваемых топоров Даргавса, эти находки позволяют нам говорить о достаточно широком распространении топоров с взаимоперпендикулярными лезвиями в указанный период, а, возможно, и ранее.

О появлении топоров Типа 1 на Центральном Кавказе в более раннее время свидетельствуют материалы Тарского могильника (катакомбы № 21 и 24)³ (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXIII, 12; Табл. XXV, 3).

В катакомбе № 24 Тарского могильника топор (рис. 4, 1) найден в коллективном погребении (с 3 костяками) при последнем захороненном. Более ранние погребения сопровождалось составными серьгами с привесками в виде пирамидок с шариками на концах («салтовского типа»), кольцевидными амулетами с птичьими головами, монохромными темными (?) стеклянными перстнями типа Орбети, основной период распространения которых на Северном Кавказе относится ко второй половине VIII – началу IX в., спорадически они встречаются до конца IX в. (Мамаев, 2010. С. 399). Этот комплекс сопоставим с катакомбой № 1 Верхнего Алкуна, датируемой временем не ранее IX в. (Мамаев, 2010. С. 392).

Погребение с топором из камеры катакомбы № 24 Тарского могильника, очевидно, было совершено несколько позднее первых двух погребений и должно укладываться в период с конца IX по середину X в. Оно сопровождалось также однолезвийным топором с высоким, расширяющимся к концу обухом, аналогий которому достаточно много, выразительными поясными накладками, ряд из них грубо подражал трехлепестковым, или тревовидным, накладкам, подобным тем, что украшали конскую сбрую из погребения № 113 Десятинной церкви X в. Некоторое сходство прослеживается с накладками из катакомбы

³ Оба топора из катакомб № 21 и 24 средних размеров: 14,5 и около 15 см.

№ 32 Мартан-Чу 1, датируемыми серединой X – началом XI в., и накладками из погребений с территории Венгрии конца IX–X вв. (Плетнева, 1989. Рис. 35, I, 3; Савенко, 1985. С. 32. Рис. 2, 18; Каргер, 1958. Рис. 13; The Ancient... 1996. P. 354).

В погребении найдены также бляшки, близкие накладкам из п. 31 к. 3 Каранаевского могильника, декор которых А. В. Комар называл «синтезным» стилем с орнаментикой салтовского горизонта IV, датирующегося примерно последней четвертью IX в. (Комар, 2018. Рис. 62, 8. С. 163, 184). Кроме того, обнаружена бляшка с изображением орла с развернутыми крыльями и головой, повернутой вправо (Мажитов, 1981. Рис. 58, 23; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXIII, 17, 27–29). В головах сопровождавшегося топором индивида стоял кувшин с приземистым туловом и округлой ручкой, крепившейся на плечике сосуда.

В катакомбе № 21 при одиночном погребении наряду с топором с проушными выемками (рис. 4, 2) выявлены стеклянные перстни, остатки полых шариков от привесок серег, литые бубенчики. Кроме них в комплексе обнаружен небольшой стеклянный стакан с христианской символикой со слегка расширяющимися к венчику стенками. Комплекс может приблизительно датироваться концом IX – первой половиной X в.

Таким образом, рассматриваемый тип топоров был известен носителям аланской культуры с конца IX – первой половины X в. Видимо, распространение этих форм было связано с контактами с Юго-Восточной Европой и Передней Азией.

Вариант Б (12 экз., кат. № 1, 4, 20, 39, 69, 70) – топоры, аналогичные варианту А, но миниатюрные, которые мы условно, так как не знаем их назначения, называем вотивные. Их длина варьирует от 7,5 до 11,5 см (рис. 2, 2–13).

В Даргавском могильнике эти топоры встречены в комплексах с каплевидными бубенчиками с круглыми отверстиями по краям прорезей (в одном случае, в катакомбе 20, с обводами вокруг отверстий) (рис. 3, 22–26, 41, 42, 69), полыми и литыми пуговицами (рис. 3, 3–14, 30–38, 43–48, 64–68, 70). Помимо этого, в катакомбе № 1 в массе сдвинутого инвентаря вместе с топорами находились стеклянные браслеты (рис. 3, 73), несколько пар серег с подвесками из бронзовых шариков (рис. 3, 74–76), ногтечистка в виде стилизованного когтя животного (рис. 3, 78), фибула с завитком на ножке (рис. 3, 72), перстень с прямоугольным кастом (рис. 3, 71). Серьги с крупными полыми шариками близки серьгам из погребений X–XI вв. Мартан-Чу I (Виноградов, Мамеев, 1984. Рис. 15, 11).

Принадлежность к погребению с топорами и саблей поясного или уздечного набора с бляшками с узелковым бордюром, подражающим древностям круга Субботцев, приведенные в публикации Р.Г. Дзаттия-ты (2014. Табл. VII) и датируемые А.В. Комаром серединой IX в. (Комар, 2018. С. 87), вызывает сомнения, так как этих предметов нет в материалах отчета, в том числе и на плане погребения. Возможно, эти и ряд других вещей попали в публикацию по ошибке. Скорее всего, погребение с оружием хронологически близко другим комплексам с топорами типа 1, так как обнаруживает прочные связи по набору инвентаря с катакомбами № 20 и 69, в частности, по бубенчикам и пуговицам (рис. 3, 20–40, 41–56).

В катакомбе № 4 было найдено четыре костяка, два из них, самые ранние, сопровождалось votivnymi топорами. Так как порядок костей скелетов не нарушен при совершении последующих захоронений, можно говорить о небольших перерывах между подхоронениями или об одномоментном захоронении. Это дает возможность датировать комплекс камеры по инвентарю всех погребенных: каплевидные бубенчики, стеклянный браслет и треугольный распределитель с кольцами на вершинах и выступом на в самой выдающейся части пряжки, тонкостенный импортный керамический сосуд с орнаментом, выполненным краской, и выступом на верхнем прилепе ручки. Большинство инвентаря сближает это погребение с камерой катакомбы № 69.

Катакомбы № 69 и 70 являлись единым комплексом – двухкамерной катакомбой. Основной была камера (катакомба) № 69, где погребение с votivnymi топорами предварялось сдвинутым скелетом, сопровождавшимся серьгами с подвесными колонками из крупных полых бронзовых шариков, стеклянным и бронзовым браслетами (рис. 3, 50–56). Набор керамики в камере № 70 представлен небольшими кружками с приподнятой над венчиком ручкой, достаточно близкими кружкам Змейского могильника (рис. 3, 57). Подобные экземпляры встречены в катакомбах № 77, 80, 104, 114 Змейского могильника (раскопки В.Л. Ростунова 1983 г.), в комплексах которых С.Н. Савенко отмечал присутствие предметов X – начала XI в. (Савенко, 2017. С. 114, рис. 3, 50–59).

Вместе с тем, в погребении Даргавского могильника была высокая кружка с утрировано вытянутой над венчиком ручкой, крепившейся к венчику и горлу. Подобный экземпляр был и в камере № 69. Для Змейского могильника такие сосуды не характерны, кроме единичного грубого подражания. Это позволяет говорить о них как о локальных,

но не датирующих предметах. В целом, комплексы с топорами из катакомб № 4, 20, 69, 70 можно отнести к XI – середине XII в.

Ряд топоров Варианта Б происходит из дореволюционных раскопок на территории Осетии и ограбленных погребений Кобанского катакомбного могильника, каменных ящиков и гробниц Санибы (МАК, 1900. Табл. XLIX, 6, 5; LXVII, 9).

Известны находки с территории Чечни. Два небольших топора с взаимоперпендикулярными клинками найдены в катакомбном погребении 1 Майртупского могильника (рис. 4, 5) (авторская датировка по поясному набору: конец IX – начало X в.), один – в захоронении Очарыжгинского грунтового могильника (авторская датировка: VIII–IX вв.) (Виноградов, Мамаев, 1979. С. 75, 76. Рис. 7, 38; Мамаев, 2009. С. 118. Рис. 6, 6, 20). Нам представляется, что датировка, по крайней мере, Очарыжгинского погребения была несколько удревнена. Важным датирующим предметом комплекса является серьга с подвеской в виде небольших бусин (шариков). Материалы Даргавса при синхронизации их с Мартан-Чу 1 и Дуба-Юртом показывают, что серьги с подвесками со временем видоизменялись в сторону более узких и длинных пропорций, за счет уменьшения диаметра бусин, увеличения расстояний между ними в подвеске и увеличения количества бусин. Уже при изучении материалов из Дуба-Юрта и Мартан-Чу 1 было установлено, что комплексы с серьгами, подобными очарыжгинским, могут датироваться IX–X или X–XI вв. (например, катакомба № 14 Дуба-Юрта, № 17 и 18 Мартан-Чу 1) (Виноградов, Мамаев, 1984. Рис. 14, 15; Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 5). Кроме этого, треугольнорамчатая пряжка из катакомбы Майртупа так же может заходить достаточно глубоко в X в. Таким образом, топоры из Чечни хронологически могут быть достаточно близки топорам из Даргавса.

На основе рассмотренных данных, есть основания предполагать, что вотивные топоры с взаимоперпендикулярными лезвиями появились не ранее рубежа IX–X вв.

Аналогии вотивным топорам мы находим в катакомбах Змейского и Римгорского 1 могильников аланской культуры X–XII вв. (Кузнецов, 1995. С. 361. Рис. 4, 14; 6, 9; 10, 4; Рунич, 1970. Рис. 7, 11, 28; Савенко, 2017. Рис. 11). Вес отдельных экземпляров этого периода мог быть меньше 20 г (Савенко, 2017. С. 137). Несколько топоров было обнаружено В.Х. Тменовым в пещерных склепах Дзивгисского могильника (рис. 4, 6). Там было большое количество погребенных, не поддающееся определению. В.Х. Тменов датировал склепы, опираясь на находки

медных грузинских монет XIII–XIV вв., и предполагал, что эти погребальные сооружения могли использоваться и позднее – в XV в. (Тменов, 1985. С. 130). Мы же не можем исключать наличия в них и более ранних материалов, в частности, XII в.

Таким образом, топоры средних размеров с взаимоперпендикулярными клинками типа 1 известны на территории Центрального Кавказа в катакомбных могильниках аланской культуры конца IX – начала XII в. Вотивные варианты указанного типа появляются, судя по находкам из Чечни, примерно тогда же. В комплексах Даргавса они известны с XI в. Согласно материалам Дзивгисских склепов, такая разновидность топоров могла использоваться в погребальном обряде и позже, как минимум до XIII в. Однако для обоснованных выводов требуются материалы закрытых комплексов.

Тип 2. Вотивные двулезвийные топоры со взаимоперпендикулярными склоненными к рукояти трапециевидными клинками (1 экз., катакомба № 68) (рис. 2, 14).

У топора из Даргавского могильника горизонтальный клинок корродирован и его точная длина не восстанавливается. Катакомбы № 67 и 68 представляли собой две камеры многокамерной катакомбы. Согласно планиграфии, камера № 67 была сооружена как основная, относительно входной ямы она располагалась выше по склону. У нижнего по склону конца входной ямы, слева от нее, находилась камера № 68. Она могла быть сооружена либо синхронно, либо позже камеры № 67.

Камера № 67 содержала один из самых поздних комплексов в выборке катакомб Даргавского могильника. Среди перемещенного материала были обнаружены предметы разного времени (в рамках небольшого периода). Возможно, к более раннему пласту относятся смещенные к северной стенке серьги с подвесками из крупных полых металлических бусин. В камере были также найдены стеклянные браслеты, каплевидные бубенчики с отверстиями на концах разрезов, фрагменты золотого шитья, глиняный кувшин с приподнятой над венчиком ручкой. Последние, наряду с другими описанными предметами, бытуют во второй половине XI – начале XII в. (Савенко, 2017. С. 118, рис. 4, 6–8). Узкий стеклянный стакан с прямыми расширяющимися кверху стенками, орнаментированный накладными горизонтальными и волнистыми валиками, близок ряду форм, характерных для стаканов, производимых в Двине в XI–XIII вв. (Kalantarian, 1996. Fig. 29, 7, 22, 23); аналогии известны и в материалах Змейского могильника (Кузнецов, 1992. С. 268, рис. 59; Чижова, 2017. С. 125, 126).

К позднему пласту инвентаря камеры могут относиться украшения или застежки одежды в виде металлических ажурных нашивок с прикрепленными к ним бубенчиками и мелкие круглые полусферические бляшки. Использование этих предметов для украшения одежды, в первую очередь, головных уборов фиксируется в катакомбах № 3, 14, 15 Змейского могильника, которые В. А. Кузнецов датировал первой половиной – серединой XII в., а С. Н. Савенко – концом XI – первой половиной XII в. (*Дзаттиаты*, 2014. Табл. CXXXVI, 72; *Савенко*, 2017. С. 117).

Камера № 68 содержала невыразительный инвентарь: мелкие полые пуговицы, кружку с грубыми горизонтальными расчесами и с приподнятой над венчиком ручкой. Таким образом, датировка комплекса с рассматриваемым топором достаточно широкая: в рамках второй половины XI – первой половины XII в.

Крупноразмерные аналогии рассматриваемому топору из Балканских кладов железных предметов описывались выше (рис. 4, 9) (*Бугарски, Иванишевић*, 2013. Ст. 1, 1, 2). Экземпляр меньшего размера, длиной 17,5 см, датируемый концом VII – серединой VIII в., найден в погребении № 28 Молдовановского могильника (рис. 4, 7). Как и у балканских топоров, клинок-мотыга у него длиннее клинка-топора. Среди подъемного материала с территории могильника Южная Озереевка был найден еще один экземпляр, отнесенный ко времени не ранее X в. (*Кочкаров*, 2008. С. 73. Табл. XXXVI, 46; *Тарабанов*, 1990. Илл. 369).

Тип 3. Топоры с основным клинком Г-образной формы и вспомогательным клинком трапециевидной формы (7 экз. из катакомб № 1, 20, 28, 69) (рис. 2, 15–21). Один из клинков Г-образной формы, с прямой спинкой и вертикальным лезвием, второй – трапециевидной формы с горизонтальным лезвием. Это легкие, миниатюрных размеров топоры, которые также могут быть определены как votivnye. Их общая длина колеблется от 7,7 см (катакомба № 69) до 11,2 см (катакомба № 1); лезвия – от 2,9 до 4,9 см; проушина – от 0,6 до 1,2 см.

Из семи выявленных экземпляров три находились в катакомбе № 20, два – в катакомбе № 1, по одному – в катакомбах № 28 и 69. Можно сказать, что в погребениях аланской культуры топоры с Г-образными клинками впервые четко зафиксированы в Даргавсе.

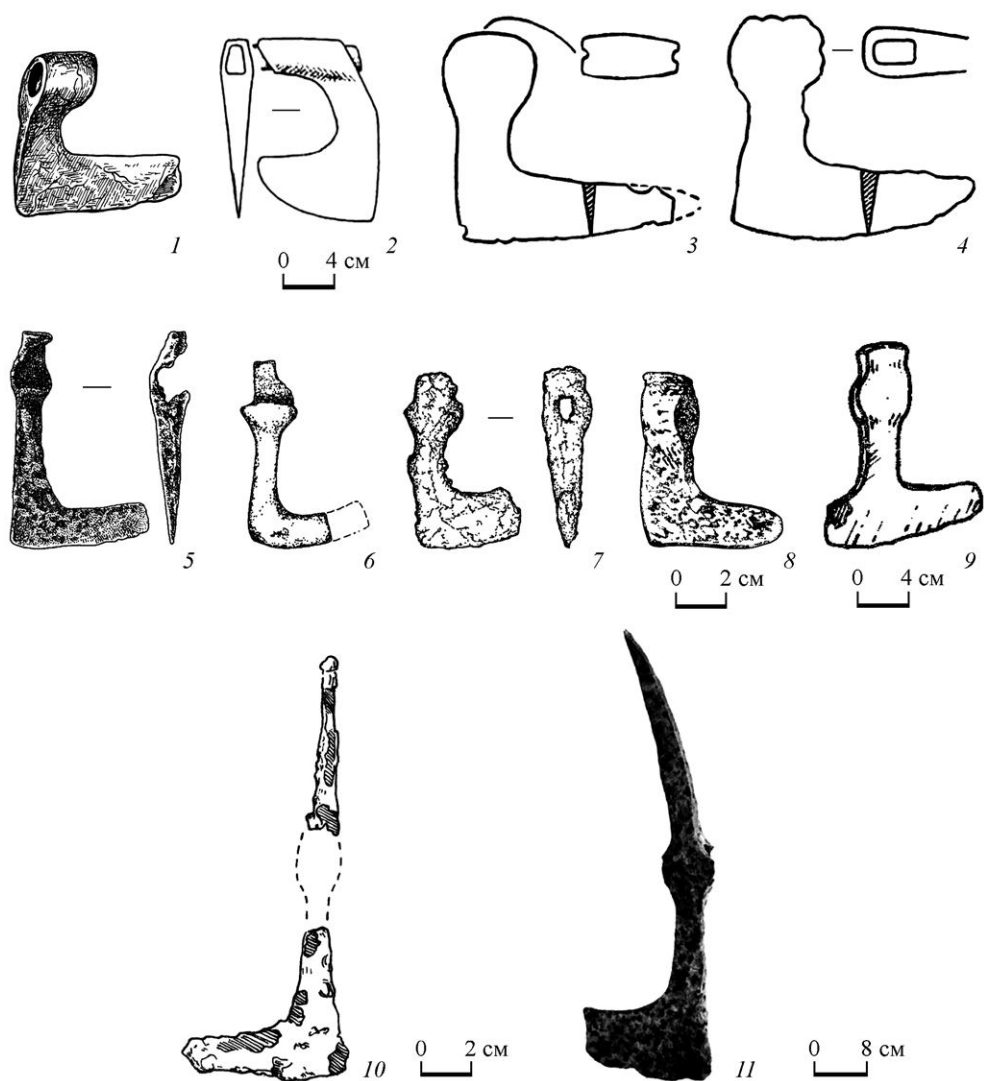
Точная датировка экземпляров рассматриваемого типа в комплексах Даргавского могильника затруднительна из-за многократного использования погребальных камер. Во всех рассматриваемых захоронениях Г-образные топоры находились в смещенном состоянии.

Среди находок катакомбы № 28 были выявлены предметы, датирующиеся периодом IX–XI вв. Их можно разделить на «мужской» и «женские» наборы. Если «женский» инвентарь по хронологическому разрыву между отдельными предметами распадается не менее чем на два набора, то «мужской» выглядит достаточно компактным. Помимо Г-образного топора он включал поясной набор с личинами и узелковым бордюром, предметы конской упряжи и вооружения. По-видимому, этому погребению близко захоронение, сопровождавшееся браслетом (рис. 3, 80). В целом «мужской» инвентарь датируется X в. (рис. 3, 79, 81–88).

В камерах № 1, 20, 69 топоры типа 3 сочетались с топорами типа 1, датировка которых рассматривалась выше (рис. 3, 20–49, 50–56, 58–78). Несмотря на взаимовстречаемость этих типов топоров в Даргавсе, их ареалы несколько разнятся. В отличие от топоров типа 1 вотивные экземпляры с Г-образными клинками полностью отсутствуют в катакомбах Змейского могильника. Очевидно, это характеризует локальный набор вооружения или орудий труда жителей Даргавской котловины, не получивший распространения на равнинной территории Центрального Кавказа. Вотивные топоры могли появиться в Даргавсе под влиянием равнинной зоны. Возникновение «облегченных» форм с Г-образным клинком гипотетически может быть связано с экономией железа.

Среди опубликованных материалов могильников Центрального Кавказа и за его пределами абсолютных аналогий топорам типа 3 пока нет. Крупноразмерные экземпляры с Г-образным клинком известны на территории аланской культуры и памятниках соседних регионов. Их условно можно отнести к кругу прототипов для находок из Даргавского могильника.

Боевой топор с Г-образным клинком обнаружен в склепе 13 могильника на горе Пароход, погребение относится к XI–XII вв. (Кузнецов, 2017. С. 200, 201). Топоры с Г-образными клинками и обухом в виде четырехгранного острия, Г-образный топор с усеченной бородкой и копьевидным обухом (тип VI А и VI Б по классификации В.Н. Каминского) происходят из случайных находок с территории Верхней Кубани, их датировка затруднительна (рис. 5, 10) (Каминский, 1991. С. 115, 290). Подобные варианты известны в материалах дореволуционных раскопок и сборов на территории Осетии. У топора из Камунты клинки склонены к рукояти, рубящий клинок имеет Г-образную форму с усеченной бородкой и скругленной проушиной, а вспомогательный – копьевидный (МАК, 1900. Рис. 232).

Рис. 5. Топоры с Г-образным клинком

1 – Грузия (по: Рамишвили, 2003); 2 – Цибилуиум (по: Воронов, 2010); 3, 4 – случайная находка, Центральный Кавказ (по: Кузнецов, 1971); 5–7 – находки из Болгарии (по: Йотов, 2004, 5 – Русенско, 6 – Кюлевча, 7 – Нови пазар); 8 – Кенхи (по: Виноградов, Мамаев, 1979); 9 – Маяки (по: Михеев, 1985); 10 – гора Пароход (по: Кузнецов, 2017); 11 – Турция, Ясос, святилище Артемиды Астиас (по: Raffaele D'Amato, 2017).
1, 3–7 – без масштаба. 5–7 – от 14 до 25 см (Йотов, 2004. С. 100)

Однолезвийные дровосечные топоры с Г-образным клинком, как с усеченной бородкой, так и заостренной, были обнаружены на Северном Кавказе: два происходят с территории Кабардино-Пятигорья и датированы X–XIII вв. (рис. 5, 3, 4) (Кузнецов, 1971. С. 70, 71, рис. 4); один обнаружен в погребении № 1 у с. Кенхи (Виноградов, Мамаев, 1979. Рис. 6, 48) (рис. 5, 8).

Однолезвийный боевой топор с Г-образным клинком и усеченной бородкой найден на могильнике Красная Горка (Комар, Сухобоков, 2000. Рис. 2, 52). На поселенческой части комплекса Маяки выявлены дровосечные топоры с лезвиями, близкими к Г-образным (рис. 5, 9) (Мухеев, 1985. Рис. 24, 9, 10).

Отдаленной аналогией, как в хронологическом, так и морфологическом смысле являются вислообушные рабочие железные топоры VI–VII вв. с удлинненной проушной частью из Цибилиума (рис. 5, 2), урочища Лар и других памятников (Воронов, 2010. Рис. 11, 1; 17, 3; 31). Генетически связаны с цебельдинскими находками топоры «грузинского типа», для которых была характерна вислообушность (рис. 5, 1). Они были широко распространены по всей Грузии в X–XIV вв. (Рамисвили, 2003. С. 314, 418. Табл. 132, 11).

Г-образные однолезвийные топоры с усеченной бородкой и низким обухом известны вкладах железных инструментов и оружия второй половины X – первой половины XI в. на Балканах. С некоторыми оговорками исследователи связывают их с византийским влиянием (Бугарски, Иванишевич, 2013. Ст. 2, 12; 9, 3, 5). Топоры с рубящим Г-образным клинком с усеченной бородкой и колющим копьевидным клинком найдены на территории Болгарии и Румынии, обе находки датируются X в. (Йотов, 2004. С. 101. Обр. 56), известны в Турции (D'Amato, 2017. Fig. 7, 8; P. 9. Fig. 11) (рис. 5, 11, находка X–XIII вв.). Экземпляры с усеченными бородками и молоточковидными обухами встречены среди случайных находок в Северо-Восточной Болгарии (рис. 5, 5–7) (Йотов, 2004. Рис. 44; D'Amato, 2017. Fig. 5, 6). Топоры Даргавского могильника отличаются от вышеперечисленных небольшими размерами и трапециевидным горизонтальным обушным клинком.

Рабочие и боевые однолезвийные топоры с оттянутым вниз лезвием и прямой спинкой (тип V по классификации А.Н. Кирпичникова) появляются в арсенале древнерусских воинов в X – первой половине XII в. В X в. они коррелируют преимущественно с финскими памятниками и распространяются на севере Руси с XI в. (Кирпичников, 1966. С. 28, 35–37). Их происхождение А.Н. Кирпичников связывал с Северной

и Центральной Европой, где они известны с VII–VIII вв. (Кирпичников, 1966).

Топоры из Даргавского могильника обнаруживают некоторое морфологическое сходство с экземплярами с Г-образным клинком с молотчовидным обухом и шляпкой на нем (тип I-A по А. Н. Кирпичникову). Древнерусские изделия этого типа могли являться местной переработкой восточных чеканов. Встречаются они достаточно редко и датируются XI в. (Кирпичников, 1966. С. 34. Рис. 6, 1А; 26).

Рассмотренные материалы позволяют сделать следующие выводы. Топоры с взаимноперпендикулярными клинками фиксируются на Северо-Западном Кавказе в средневековых комплексах VII в., затем следует временная лакуна. Пик их распространения на Северном и, в частности, Центральном Кавказе приходится на период X–XII вв., с заметным преобладанием экземпляров миниатюрного размера. Миниатюрные топоры продолжают использоваться в погребальном обряде в XIII в., а, возможно, и позже.

Топоры средних размеров с взаимноперпендикулярными клинками типа 1-A фиксируются в аланских катакомбах не ранее конца IX в. Единственный экземпляр из Даргавского захоронения относится к XI в. Вотивные топоры этого типа (тип 1-Б) появляются на Северном Кавказе, возможно, примерно в то же время. В Даргавсе они были встречены в катакомбах XI – середины XII в. Единичный экземпляр – топор типа 2 (со склоненными к древку клинками) найден в погребении второй половины XI – первой половины XII в. Топоры с Г-образным клинком (тип 3) распространены, по материалам даргавских комплексов, с X по середину XII в. Они полностью отсутствуют в катакомбах Змейского могильника. Не исключено, что эти топоры производились в Даргавсе как «облегченный» (в смысле экономии железа) вариант вотивных топоров с взаимноперпендикулярными клинками.

Анализ контекста погребального обряда и инвентаря катакомб с топорами типов 1–3 не позволяет считать их предметами элитарного набора, отражающими высокий социальный статус умершего человека. Они встречены как в катакомбах с представительным инвентарем (№ 1, 28, 67), так и в рядовых комплексах.

В малоинвентарных катакомбах № 4 и 70 экземпляры топоров типа 1-Б сочетались с ножами. В катакомбе № 28 топорик с Г-образным клинком обнаружен в комплексе с двумя боевыми двулезвийными топорами, саблей и конским снаряжением, по-видимому, относящимся к одному погребенному.

В катакомбах № 1, 20, 28, 39, 69 инвентарь, в том числе и топоры, был сдвинут при последующих подхоронениях. В состав смещенного инвентаря входили сабли и топоры иных типов. В катакомбах № 68 и 70 топоры лежали рядом с сосудами с сопутствующей пищей.

Довольно сложно говорить о назначении votивных топоров. Различные характеристики затрудняют их однозначную интерпретацию как предметов вооружения, орудий труда или символических предметов, произведенных специально для обрядовых действий.

Функциональное использование наиболее крупных экземпляров топоров (тип 1-А) могло быть достаточно широкое. Расположение клинков позволяло сочетать функции оружия и предмета хозяйственно-бытового назначения. Интересна находка топора длиной 12–13 см со взаимоперпендикулярными клинками в катакомбе № 15 конца XI – первой половины XII в. Змейского могильника, где он был вложен древком вниз в колчан-горит вместе со стрелами (Кузнецов, 1959. С. 104; Савенко, 2017. С. 119). С. Н. Савенко обратил внимание на факт отсутствия топоров с взаимоперпендикулярными лезвиями в одних комплексах с мотыжками. Это позволило исследователю предположить, что подобные экземпляры могли совмещать функции топоров и мотыжек (Савенко, 2017. С. 114). Его наблюдение подтверждается материалами Даргавса⁴. Результаты анализа комплексов Даргавского могильника также говорят о том, что появление votивных топоров (тип 1-Б) совпадает со временем исчезновения из погребальных комплексов кассетных ножей. Выше мы обращали внимание, что в нескольких погребениях (№ 4 и 70) эти топоры были зафиксированы с обычными (не кассетными) ножами.

Следует отметить, что своеобразная мода на миниатюрные копии боевых топоров была достаточно широко распространена в XI–XII вв. Они встречаются на территории Руси, в землях с финским и балтским населением, в Скандинавии и Северной Европе, на юге доходят до Крыма и западного побережья Черного моря. За этими изделиями закрепился термин «амулеты-топорики» (Меньшиков, 2017. С. 117–118). Однако они отличаются от небольших топоров аланской культуры, как по форме, так и по материалу изготовления – все экземпляры из катакомб Даргавского могильника были изготовлены из железа.

---

⁴ В публикации Р. Г. Дзаттиаты (2014. Табл. VI, 6) в комплексе катакомбы № 1 приведены таблицы VI и VII, которые, видимо, отнесены сюда ошибочно. Этих предметов нет в отчете и на плане погребения (Дзаттиаты, 1993). На таблицах есть и мотыжка. Она тоже не относится к комплексу катакомбы.

Отсутствие votivных топориков среди предметов украшений, как одного из элементов мелкой пластики, а также особенности их ношения не позволяют считать их амулетами. Отметим, что в погребальном обряде данные предметы более тяготеют именно к набору вооружения и коррелируют с «мужским» набором инвентаря. В погребениях Даргавского могильника votivные топоры типов 1–3 редко встречаются в одном комплексе с полноразмерными боевыми или хозяйственными топорами. Это связано с почти полным исчезновением из погребального инвентаря катакомб полноразмерных топоров приблизительно с конца X в. Возможно, что небольшие топорики, являясь частью такого инвентаря, имитировали наличие в погребении топора как бытового инструмента или оружия.

Рассмотренные предметы не имели широкого хождения на Северном Кавказе за пределами аланской культуры. Проведенный анализ позволяет считать основным ареалом распространения небольших топориков с конца IX по середину XII в., а, возможно, и в XIII в. Центральный Кавказ, где они были достаточно популярны.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Бугарски Иван, Иванишевић Вујадин, 2013. Раносредньовековна остава гвоздених предмета из Рујковца и слични налази са подручја Централног Балкана // *Старинар*. LXIII. С. 131–152.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // *Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа*. Грозный. С. 63–86.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1984. Аланский могильник у сел. Мартан-Чу в Чечне (материалы 1970–1976 гг.) // *Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии*. Орджоникидзе. С. 62–86.
- Воронов Ю. Н., 2010. Тайна Цебельдинской долины // *Научные труды. Т. III. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований АН Абхазии*. С. 5–140.
- Гуцина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.
- Джаниполадян Р. М., Калантарян А. А., 1988. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван. 48 с., 26 ил.

- Дзаттиаты Р. Г., 1993. Отчет о Даргавской археологической экспедиции полевого сезона 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18324.
- Дзаттиаты Р. Г., 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: «Ир». 240 с.
- Дзаттиаты Р. Г., Успенский П. С., Царикаева (Албегова) З. Х.-М., 2018. Оружие населения Центрального Кавказа VII–X вв. по материалам Даргавского могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Мат-лы междунар. науч. конф. 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск. С. 326–330.
- Йотов В., 2004. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна: ЗОГРАФ, Абагар. 364 с.
- Каминский В. Н., 1991. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ. 514 с.
- Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура. Alanica–III. Владикавказ. С. 259–314.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 579 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Вып. 2. М.; Л.: Наука. 182 с.
- Комар А. В., 2018. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт. 424 с.
- Комар А. В., Сухобоков О. В., 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. № 2 (3). (Режим доступа: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm).
- Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: ИА РАН, Таус. 176 с.
- Кузнецов В. А., 1959. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. № 2. С. 97–118.
- Кузнецов В. А., 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир. 248 с.
- Кузнецов В. А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир. 392 с.
- Кузнецов В. А., 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Alanica–III. Владикавказ. С. 315–362.
- Кузнецов В. А., 2017. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: Снег. 320 с.
- МАК. Вып. VIII. М., 1900. XII, 381 с.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 164 с.

- Мамаев Х. М., 2009. Чишкинский и Майртупский раннесредневековые могильники в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской республики. № 1 (10). С. 115–125.
- Мамаев Х. М., 2010. О дате Верхнеалкунской катакомбы 1939 г. (к хронологии могильника Мамисондон) // Албегова З. Х., Верещинский-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 11). С. 390–409.
- Мамаев Х. М., Савенко С. Н., 1988. Дуба-Юртовские катакомбные Могильники // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 5–37.
- Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., 1987. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 53–67.
- Меньшиков М. Ю., 2017. Секира Перуна или топор святого Олафа. Исторический контекст миниатюрных топориков (амулетов-топориков) в XI–XVII веках // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 117–131.
- Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: «Вища школа». 148 с.
- Никоноров В. П., 2014. Боевые топоры и их культ у древних народов Центральной Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего средневековья // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). СПб.: ИИМК РАН, «Арт-Экспресс». С. 97–137 (Труды ИИМК РАН. Т. XLII).
- Орбели И. А., Тревер К. В., 1935. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.; Л.: Academia. XLVII с., 85 ил.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.
- Рамишвили Р. М., 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.: Наука. С. 297–320.
- Ростунов В. Л., 1983. Отчет о раскопках 1983 г. в Кировском и Пригородном районах СО АССР (в двух частях). Ч. I. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе СО АССР / Архив ИА РАН. Р-1. № 11371.
- Рунич А. П., 1970. Катакомбы Рим-горы // СА. № 2. С. 198–210.

- Савенко С. Н., 1985. Раскопки Мартан-Чуйского 1-го могильника в 1980 г. // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИНИИСФ. С. 29–32.
- Савенко С. Н., 2017. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. 384 с.
- Саханев В. В., 1914. Раскопки на северном Кавказе в 1911–12 годах // Известия ИАК. Вып. 56. Пг. С. 75–219.
- Тарабанов В. А., 1990. Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдавское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14147.
- Тменов В. Х., 1985. Исследование пещерных склепов у с. Дзивгис // АО 1983 г. М.: Наука. С. 129–130.
- Чижова А. А., 2017. Стекланные сосуды Даргавса // Скифо-аланское наследие Кавказа. Владикавказ. С. 115–134.
- The Ancient Hungarians. Exhibition catalogue. Edited by Istvan Fodor. Budapest: Hungarian National Museum, 1996. 481 p.
- D'Amato R., 2017. Armi e strumenti di lavoro da Iasos // Bollettino dell'Associazione Iasos di Caria. № 23. P. 2–13.
- Kalantarian A. A., 1996. Dvin histoire et archeologie de la ville medieval. Neuchâtel – Paris. 192 p.

А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова, Е. А. Спиридонова,
А. Н. Федорина, С. И. Милованов
Институт археологии РАН, Москва

Опыт применения палинологического анализа при изучении культурных слоев средневекового города на материалах из раскопок Суздаля

Резюме. Исследование посвящено анализу палинологических данных, накопленных за последние годы при раскопках Суздаля и позволяющих судить о природных условиях и ландшафтах этого средневекового города на протяжении XI-XVI столетий. Выделено семь хронологических комплексов, отражающих природные особенности, климатические изменения и характер антропогенного воздействия на ландшафт.

*A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova, E. A. Spiridonova,
A. N. Fedorina, S. I. Milovanov*

The Experience of Palynological Analysis in the Study of Cultural Layers of a Medieval City Based on the Materials from Suzdal Excavations

Abstract. The study is devoted to the analysis of palynological data accumulated over recent years during the excavations in Suzdal, that allow us to understand the natural conditions and landscapes of this medieval city over the 11th – 16th centuries. There are seven chronological complexes reflecting natural features, climatic changes and the nature of anthropogenic impact on the landscape.

Археологическое изучение русского города не ограничивается исследованием его материальной культуры, городской застройки и обустройства. В последние десятилетия ведется активное накопление палинологических данных, позволяющих реконструировать те природные условия и ландшафты, в которых города развиваются, и отчасти освещающих отдельные черты их хозяйственного уклада (Москва, Ярославль, Новгород, Рюриково городище, Переяславль Рязанский, Суздаль) (Спиридонова и др., 2011; Алешинская, Кочанова, Спиридонова, 2013; 2018; Спиридонова, Соловьева, 2018; Spiridonova, Aleshinskaya, 2012).

В последние годы значительный объем работ экспедиций Института археологии РАН осуществляется на территории средневекового Суздаля, в том числе в границах окольного города – укрепленного посада. Работа в условиях плотной городской средневековой застройки,

на центральных участках имеет некоторые особенности отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ и последующей интерпретации полученных палинологических данных.

На этапе отбора образцов основная трудность – выбор места для постановки палинологической колонки, что вызвано высокой плотностью разновременных объектов застройки и постоянной высокой степенью хозяйственной и строительной нагрузки. В этих условиях повышается необходимость четкого понимания контекста, из которого отбираются образцы, и последовательности отложения напластований. Вторая методическая трудность – значительно сложнее найти фоновый/естественный разрез при работах на центральных участках городской территории.

Определенные трудности представляет сопряжение фиксируемых палинологией изменений в составе растительности с отдельными хронологическими этапами городской застройки: в некоторых случаях дробность существующих для Суздаля хронологических шкал и сохранность слоев недостаточны для узкого датирования изменений окружающей среды.

Важный аспект в анализе полученных данных – понять, в какой степени зафиксированная картина является результатом естественных процессов, а в какой – антропогенных.

Все эти трудности, а также возможности применения палинологического анализа в подобных условиях хорошо иллюстрируют материалы из раскопа по ул. Ленина, 76.

Участок площадью 362 кв.м расположен в центральной части окольного города Суздаля, на южной стороне современной Торговой площади, в непосредственной близости от перекрестка улицы Большой (на этом участке ее трасса почти совпадает с нынешней улицей Ленина) и улицы, идущей от Ильинских ворот Кремля (ныне Кремлевская). В настоящее время территория, прилегающая к Торговой площади, является одним из наиболее обследованных участков укрепленного городского посада¹.

Наиболее полно изучена территория к северу и северо-востоку от Торговой площади, где расстояние между раскопами не превышает 50

---

¹ Раскоп по адресу Торговая площадь, 2б (364 кв. м; Федорина, 2009), раскоп у Царьконстантиновской и Скорбященской церквей (600 кв. м; Седова, Беленькая, 1981), три раскопа на участке по адресу Торговая площадь, 20 (89,2 кв. м; Баранов, 2017), три раскопа на участке по ул. Ленина, 82 (574 кв. м; Федорина и др., 2015) (рис. 1).

Полноценная характеристика развития города требует отдельного исследования и не входит в задачи данной работы.

Рис. 1. Упомянутые в статье раскопы на «Плане провинциального города Суздаля с принадлежащими к нему всеми землями и состоящими внутри окружной межи слободами: Скучиловой, Никольской, Андреевой, Борисоглебской и др., межевания 1773 г.»

1 – ул. Ленина, 76; 2 – Торговая пл., 26; 3 – у Цареконстантиновской и Скорбященской церквей; 4 – ул. Ленина, 82; 5 – ул. Торговая пл., 20

м. Здесь довольно плотная усадебная застройка возникает в конце XI – начале XII в.² В раскопах у Цареконстантиновской и Скорбященской церквей прослежен участок средневековой улицы, соотнесенный авторами работ с «Цареконстантиновским заулком», указанном на дорегулярном плане города 1779 г. (Седова, Беленькая, 1981). Важно отметить, что трассировка улицы в раскопе не менялась на всем протяжении ее существования.

Участки к югу от Торговой площади изучены несколько хуже. Здесь расположены два крупных раскопа – по ул. Ленина, 76, подробная характеристика которого будет дана ниже, и по адресу Торговая площадь, 2б, который по независимым от исследователей причинам не доведен материка, следовательно, мы пока лишены информации о начальных этапах освоения участка. Отметим, что в раскопе по ул. Ленина, 76, сложение жилой застройки относится ко второй половине – концу XI в.

Лучше всего представлены культурные слои середины XII–XIII в. Они выявлены на всех раскопанных участках. Мы видим сложившуюся городскую территорию с устойчивыми усадебными комплексами, что соответствует представлениям об этой эпохе как времени расцвета города. Культурные слои XIII–XIV вв. наиболее насыщены в раскопе «Торговая площадь, 2б», тогда как на участках к северу от Торговой площади фиксируется снижение жилой и хозяйственной активности. Речь идет об изменении функционального назначения отдельных участков городской территории, а не о тотальном запустении и затухании жизни Суздаля: археологически это выражается в разнообразии категориального состава отдельных комплексов данного периода, в том числе присутствия импортов, таких как кашинная посуда.

В раскопах на северной стороне Торговой площади хуже всего представлена жилая застройка XV–XVII вв. Вероятно, это свидетельство некоторой перепланировки городской территории, имеющиеся раскопы не выходят на красные линии основных улиц. Тем не менее, в раскопах у Царе-константиновской и Скорбященской церквей исследовано приходское кладбище XV–XVIII вв. Отдельные объекты и предметы этого периода имеются и в других раскопах, в первую очередь, к югу от Торговой площади.

---

² М.В. Седова датировала наиболее ранние объекты в раскопах 1970-х гг. концом XI в.; сложение городской застройки в раскопах по ул. Ленина, 82, и Торговая площадь, 20, по-видимому, относится к первой половине XII в.

Полевые работы последних лет подтверждают наблюдения М. В. Седовой о том, что рост и освоение городской территории не были последовательными; структура застройки весьма подвижна и тяготеет к основным транспортным артериям города (Седова, 1997).

В этой связи нельзя не упомянуть, что планы города 1770-х гг. фиксируют схожую ситуацию: на интересующем нас участке застройка идет неширокой полосой, а в глубине кварталов находятся обширные открытые сельскохозяйственные угодья. Однако невозможно в полной мере оценить, насколько эта структура традиционна, в какой мере она отражает последствия общей стагнации после событий Смутного времени, хорошо фиксирующейся по материалам сельских поселений (подробнее см.: Черненко, 2008). О наличии в черте города значительных массивов незастроенных угодий, основываясь на документах XVII в., писала в своей диссертации, посвященной градостроительной истории Суздаля, Е. М. Караваева (1965).

Археологическая характеристика раскопа по ул. Ленина, 76: стратиграфия и хронология культурного слоя

Как уже упоминалось выше, этот раскоп примыкает к одной из основных дорог средневекового города, идущей от Кремля на восток, к Кидекше и далее в сторону Нижнего Новгорода. Западная половина раскопа располагалась на месте ранее снесенного дома, построенного в конце XVIII в. Его размеры составляли 10×20 м. Здание без подвальных помещений имело ленточный фундамент по периметру и во внутреннем объеме. Восточная половина раскопа занимала внутридворовую территорию, где прежде находились многочисленные пристройки и хозяйственные постройки XIX–XX вв. Это обстоятельство определило различную сохранность культурных напластований. На западной половине раскопа (участок 1, внутри фундаментов) зафиксирован непотревоженный стратифицированный культурный слой эпохи средневековья. В восточной, за пределами здания (участок 2), культурные напластования сильно повреждены многочисленными перекопками до материковой поверхности. Несмотря на столь плохую сохранность культурного слоя на участке 2, удалось проследить городскую застройку XI–XVIII вв. Было выявлено и изучено более 50 объектов, заглубленных в материк (остатки подполий, хозяйственных и столбовых ям, оград и т. д.).

Общая мощность культурных напластований вне ям достигала 0,9 м. Материк, представленный плотным суглинком рыжего цвета, имеет плавное понижение в направлении с северо-востока на юго-запад (перепад высот около 40 см). На всей площади раскопа на материке прослежен слой плотного сильно гумусированного суглинка темно-серого цвета мощностью 10–20 см с небольшим количеством древесного угля, тлена и малочисленными включениями мелких фрагментов костей животных и гончарных глиняных сосудов XI – начала XII в.

Данный слой является пахотным горизонтом. Следы пахотных борозд фиксировались в различных частях раскопа, лучше всего они сохранились вдоль северной стенки, в кв. 2–5, что, вероятно, связано с меньшей строительной активностью на этом участке: он располагался за пределами исследованной в раскопе средневековой усадьбы. Все зафиксированные борозды ориентированы по одной линии: восток-северо-восток – запад-юго-запад. Их ширина варьирует в пределах 10–15 см. Помимо этого в материке фиксировались небольшие пятна серого суглинка подтреугольной формы – следы от лопат, свидетельствующих о существовании огородов на открытой раскопками площадке.

Возникновение жилой застройки можно отнести ко второй половине – концу XI в. Основанием для датировки служат серия стеклянных бус и бисера и находки лепной и раннекруговой керамики. Следует подчеркнуть, что к этому периоду относятся первые частокольные канавы на исследованной усадьбе. На протяжении XI–XIV вв. границы усадьбы довольно стабильны. Об этом свидетельствуют следы ремонта различных частей ограды, неизменность ее расположения и ориентировки, а также то, что все объекты этого времени расположены к югу от границы усадьбы и не прорезают ее. К XI–XIV вв. относятся 16 крупных заглубленных в материк объектов – остатки подполий хозяйственных и жилых построек. Собрана многочисленная вещевая коллекция (450 предметов, свыше 240 фрагментов обработанных костей и рогов животных), в которой представлены различные категории изделий бытового назначения, украшений и деталей костюма, торгового инвентаря (фрагмент роговых рычажных весов), импорта (фрагменты амфор, кашинной посуды) и т. д. Получены свидетельства существования в эпоху Средневековья на изученной усадьбе косторезного и, возможно, ювелирного ремесла. Периодом XV–XVI вв. датируются семь объектов. Планиграфия ям этого времени позволяет говорить об изменении внутренней структуры застройки данного участка городской территории.

Вне пределов усадьбы, в северной линии квадратов пахотные горизонты, фиксировавшиеся с уровня -200 см (4 пласт), перекрыты сильнотумусированным темно-коричневым суглинком со значительным количеством древесного тлена, угля, керамики и костей животных, на некоторых участках перемежающийся слоями со значительным количеством пещины. Для напластований вне усадьбы в целом характерна слоистая структура.

Хорошая сохранность почвенных и пахотных горизонтов вдоль северного борта раскопа побудила нас отобрать здесь палинологическую колонку – разрез № 1. В качестве вспомогательных, а отчасти фоновых были поставлены разрез № 2, располагавшийся также вне усадебного комплекса, на участке, где сохранность погребенной почвы была несколько лучше, и разрез № 3, располагавшийся внутри исследованной усадьбы (рис. 2).

Результаты палинологических исследований

Палинологическим методом было изучено 18 образцов из трех разрезов. Для выделения пыльцы и спор и отделения их от породы применялась несколько усовершенствованная сепарационная методика В.П. Гричука (Пыльцевой анализ, 1950). Образцы обрабатывались в 10% соляной кислоте (горячим способом), затем промывались дистиллированной водой, после чего кипятились в 10% растворе щелочи. Вторым этапом – сепарация пыльцы от породы. Для этого обработанная кислотой и щелочью порода центрифугировалась в тяжелой жидкости (раствор йодистого кадмия и йодистого калия) с удельным весом 2,2–2,3. В такой жидкости порода разделяется: органические остатки (пыльца, споры и пр.) всплывают наверх, а все минеральные частицы тонут. Верхняя фракция собиралась, разбавлялась дистиллированной водой, чтобы пыльца в ней могла тонуть, и снова центрифугировалась для осаждения пыльцы и других органических остатков.

Полученный осадок разбавлялся глицерином и использовался для исследования под микроскопом при 400-кратном увеличении. В препаратах определялись и подсчитывались все встреченные пыльца и споры. Подсчет велся по трем группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарничковые растения, споры.

Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводилось с применением специальной программы *FLORA*, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Кочанова, Алешинская, Спиридонова, 2005).

Рис. 2. Раскоп по ул. Ленина, 76. План материка с указанием мест отбора палинологических проб

- 1 – следы средневековой распашки; 2 – трассы частокольных канав;
3 – поздние перекопы; 4 – места отбора палинологических проб

Разрез 1 (кв. 2). Из разреза 1 было проанализировано 12 образцов (рис. 3). В образцах 1–3, отобранных из нижней части погребенной почвы, задетой распашкой (слой 13), а также из зоны контакта с материком пыльца и споры не обнаружены. В них много золы и сгоревших органических остатков. Остальные образцы содержали большое количество пыльцы и спор разной сохранности. Помимо этого, в них также присутствует много сгоревших органических остатков, в том числе древесины.

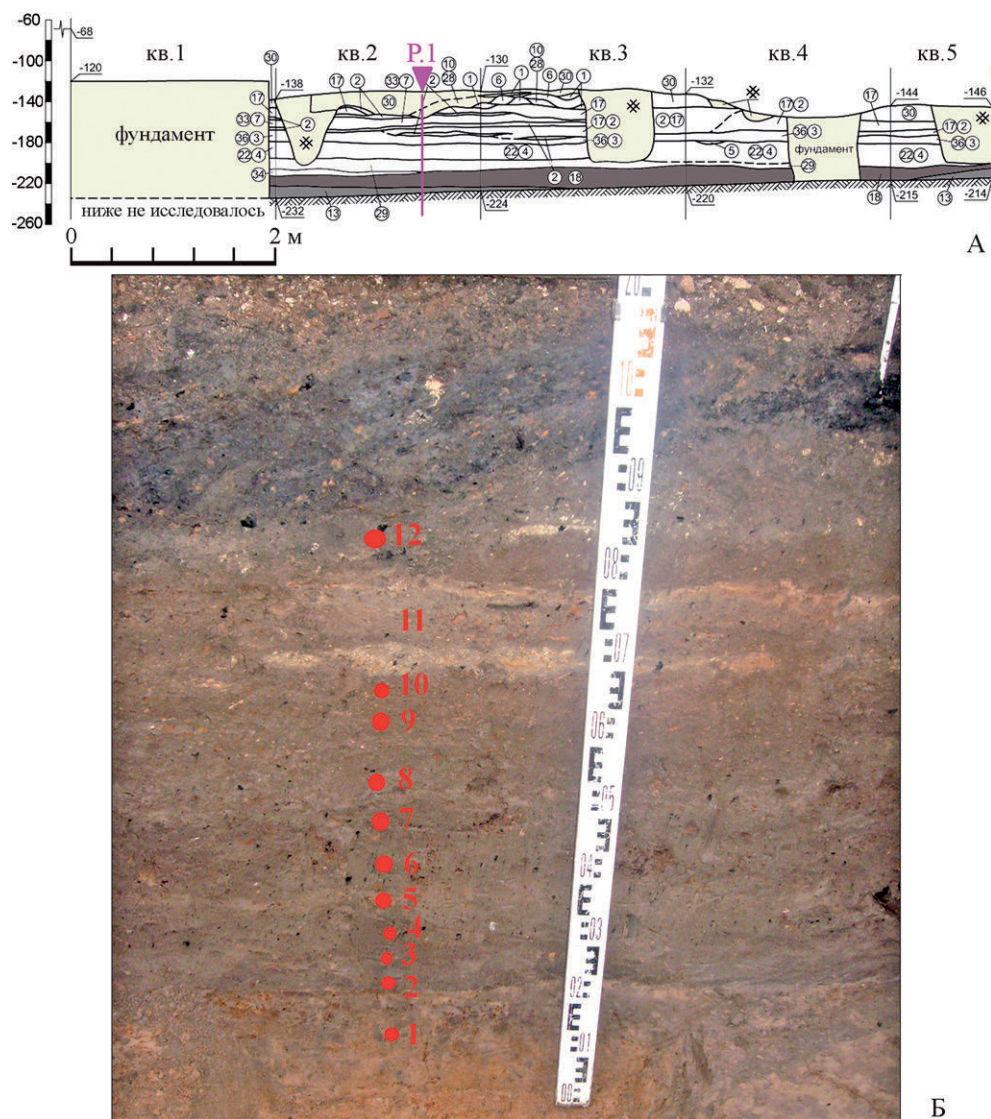

Рис. 3. Палинологический разрез № 1

А – чертеж северной стенки 1 участка с указанием местоположения разреза.
(Заливки слоев соответствуют рис. 2); Б – фото профиля

По составу палинологических спектров в разрезе выделено семь спорово-пыльцевых комплексов (рис. 4; табл. 1). В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имеют близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

Таблица 1. Корреляция спорово-пыльцевых комплексов по разрезам 1 – 3

Возраст	Описание спорово-пыльцевых комплексов	Спорово-пыльцевые комплексы		
		Р. 1	Р. 2	Р. 3
XV–XVI в.	Сосна с участием ели / культурные злаки, разнотравье	VII		
XIII–XIV вв.	Ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород / культурные злаки	VI		
	Ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород / мхи, разнотравье	V		
XII–XIII вв.	Ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород / культурные злаки	IV	III	
	Ель с участием широколиственных пород и сосны / культурные злаки	III		
	Ель, береза, широколиственные породы и сосна / культурные злаки	II		
XI в.	Береза с участием сосны и ели и незначительным участием широколиственных пород / разнотравье		II	
	Береза с незначительным участием ели, сосны и широколиственных пород / разнотравье		I	I
	Береза с незначительным участием широколиственных пород / разнотравье	I		

Спорово-пыльцевой комплекс I (береза с незначительным участием широколиственных пород) описан по образцу 4 из слоя 18 (серый суглинок с включениями угля, золы, обожженной глины – верхняя часть пахотного горизонта)³.

В данном образце, как и в нижележащих пустых образцах, встречается много золы, а пыльцы и спор не так много, как в вышележащих.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (66%), много спор (21%), пыльца травянистых растений составляет 13%.

Среди древесных пород господствует пыльца березы (*Betula*) (85%). В небольшом количестве присутствует пыльца ольхи (*Alnus*) (4%). 11% приходится на пыльцу широколиственных пород, среди которой чаще всего встречается пыльца липы (*Tilia*) (10%).

³ Номера слоев указаны в соответствии с полевым отчетом.

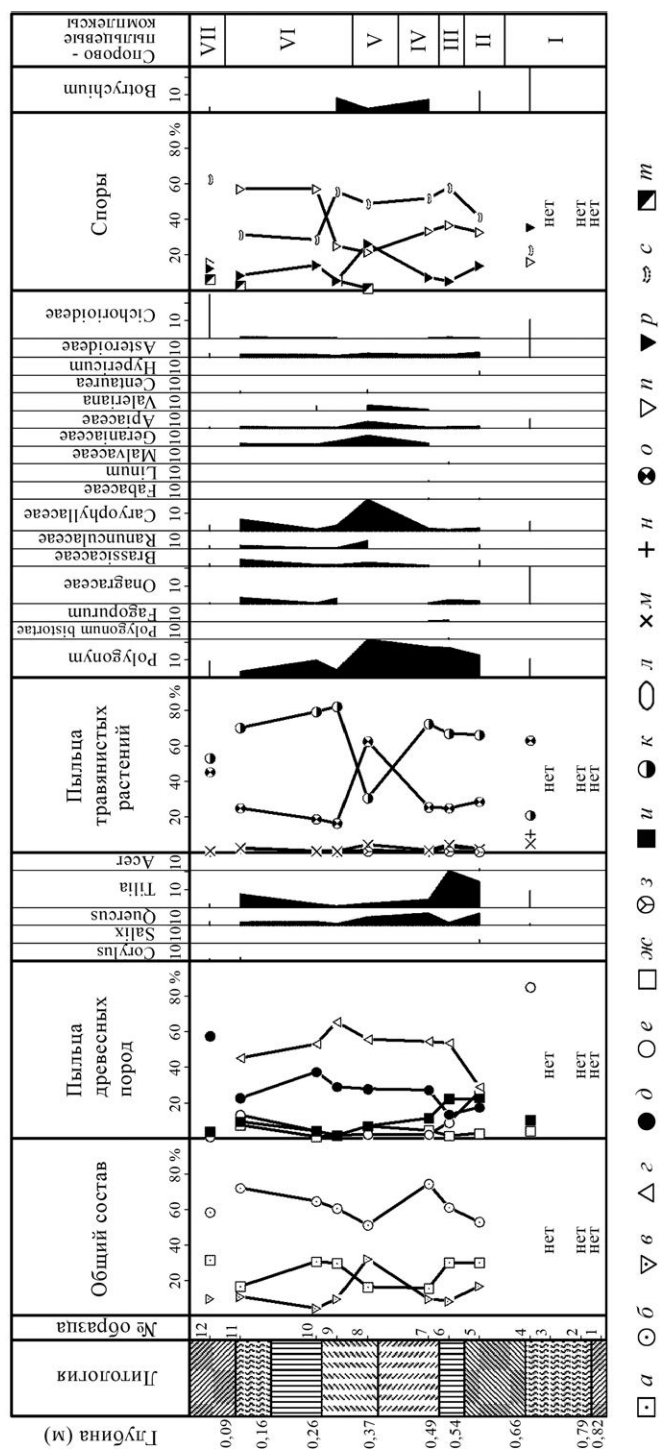

Рис. 4. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу 1 из раскопа на ул. Ленина, 76 (Суздаль)

Общий состав: а - сумма пыльцы древесных пород; б - сумма пыльцы травянистых растений; в - сумма спор высших споровых растений.

Древесные породы: г - ель (Picea); д - сосна (Pinus); е - береза (Betula); ж - ольха (Alnus); з - ива (Salix); и - сумма пыльцы широколиственных пород.

Травянистые растения: к - злаки (Poaceae); л - осоковые (Cyperaceae); м - маревые (Chenopodiaceae); н - полыни (Artemisia); о - сумма пыльцы разнотравья.

Споры: п - зеленые мхи (Bryales); р - сфагновые мхи (Sphagnum); с - папоротники семейства многоножковые (Polypodiaceae); т - плауны (Lycopodiaceae).

В группе травянистых растений доминирует пыльца разнотравья (63%)⁴, которое представлено семействами кипрейных (*Onagraceae*) (21%), рода горец (*Polygonum*) (11%), подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) (11%) и астровых (*Asteroideae*) (11%).

На пыльцу злаков (*Poaceae*) приходится 21%. Кроме этого присутствует пыльца рода полыней (*Artemisia*) (11%) и семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (5%).

В составе споровых растений отмечены сфагновые (*Sphagnum*) (36%) и зеленые (*Bryales*) (16%) мхи, гроздовник (*Botrychium*) (26%), папоротники из семейства многожковых (*Polypodiaceae*) (23%).

Вероятно, что данный этап отражает начало восстановления растительного покрова после вырубки и пожара, когда были уничтожены коренные хвойные породы (ель, сосна). В это время в окрестностях города произрастали вторичные березовые леса. На месте пожарища росли сообщества кипрейных (иван-чай). Кроме этого, широкое распространение имели и другие сорные растения: горец, различные представители подсемейств цикориевых и астровых. Вероятно, что освобожденные от леса участки использовались под пашни и/или огороды, о чем свидетельствуют борозды и следы от лопат. Стратиграфические наблюдения указывают, что этот слой непосредственно предшествует возникновению застройки на исследованном участке.

Спорово-пыльцевой комплекс II (ель, береза, широколиственные породы и сосна/культурные злаки) охарактеризован по образцу 5 из слоя 34 (коричневый суглинок с включениями угля, золы, обожженной глины). От предыдущего комплекса отделен перерывом. Помимо пыльцы и спор в образце фиксируется большое количество сгоревшей органики, в том числе древесины.

В общем составе отмечается резкое снижение до 30% количества пыльцы древесных пород. Здесь преобладает пыльца травянистых растений (52%). Споры составляют 17%.

Состав древесных пород также существенно меняется. В спектре данного комплекса примерно в равных количествах присутствует пыльца ели (*Picea*) (29%), березы (*Betula*) (26%), широколиственных пород (22%), среди которых присутствует пыльца липы (*Tilia*) (15%), дуба (7%) и клена (*Acer*) (7%). Чуть реже (18%) встречается пыльца сосны (*Pinus*). 3% приходится на пыльцу ольхи (*Alnus*), 2% – на пыльцу ивы (*Salix*).

---

⁴ Процентное соотношение пыльцы внутри группы травянистых растений подсчитано условно ввиду ее малого количества (19 пыльцевых зерен).

В составе травянистых растений господствуют культурные злаки, составляя 66%. Количество разнотравья снижается до 29%. В его составе преобладает пыльца рода горец (*Polygonum*) (13%). В незначительном количестве присутствует пыльца семейств кипрейных (*Onagraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) и астровых (*Asteroideae*). Единично отмечена пыльца семейства вересковых (*Ericaceae*).

Среди споровых растений чаще всего встречаются зеленые мхи (*Bryales*) (33%) и папоротники семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (41%). Реже отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (14%) и гроздовника (*Botrychium*) (12%).

Данный комплекс отражает этап активного использования территории. Несмотря на то, что площади лесов в целом сократились, произошло постепенное восстановление их естественного состава. Это были смешанные леса, состоящие из ели, сосны и широколиственных пород, главным образом, липы. Меньшее, по сравнению с последующими комплексами, количество ели могло быть связано как с довольно теплыми климатическими условиями, так и с ее вырубкой.

Свободные от леса участки в пригородах могли быть распаханы, о чем свидетельствует большое количество пыльцы культурных злаков. Кроме этого, в образце часто встречается пыльца рода *Polygonum* (горец), многие представители которого являются пашенными сорняками. Не исключено, что на данном этапе огороды и/или пашни существовали и в черте города.

Спорово-пыльцевой комплекс III (ель с участием широколиственных пород и сосны/культурные злаки) описан по образцу 6 из слоя 29 (серо-коричневый суглинок с включениями угля, золы, обожженной глины, древесного тлена). Кроме пыльцы и спор в образце встречается много сгоревшей органики, такой же, как и в образце 5. Также в большом количестве присутствуют коричневые шарообразные частицы органики разной величины, неизвестного происхождения (застывшая смола хвойных деревьев (?)).

В общем составе содержание пыльцы древесных пород остается на прежнем уровне (30%). Количество пыльцы травянистых растений возрастает до 61%, а спор уменьшается до 9%.

В группе древесных пород доминирует пыльца ели (*Picea*), достигая 54%. Часто встречается пыльца широколиственных пород (22%), которые представлены практически одной липой (*Tilia*) (21%). Пыльца

сосны (*Pinus*) составляет 13%. Количество пыльцы березы (*Betula*) снижается до 9%.

Состав травянистых растений практически такой же, как и в предыдущем комплексе, с большим количеством культурных злаков (*Poaceae*) (67%). Единично встречена пыльца рода гречихи (*Fagopirum*).

Среди споровых растений по-прежнему доминируют споры папоротников семейства многожковых (*Polypodiaceae*) (58%). Часто встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (37%). Споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) составляют всего 5%.

Судя по характеру спектров, в это время в окрестностях города произрастали коренные хвойно-широколиственные леса, в составе которых преобладали ель и липа. Меньше становится березовых лесов. Скорее всего, береза входила в состав хвойных лесов в качестве примеси и росла вдоль опушек. В целом же непосредственно вокруг города существовали открытые пространства, которые могли использоваться под пашню. Возможно, что кроме злаков, сеяли гречиху, но ее пыльцы встречено очень мало. Комплексы II и III характеризуют наиболее теплый из всех описанных по разрезу периодов, относящийся к средневековому климатическому оптимуму.

Следующие три спорово-пыльцевых комплекса (IV–VI) очень похожи друг на друга по составу древесных пород. В то же время V комплекс существенно отличается от двух других, как по общему составу, так и по составу травянистых и споровых растений. Возможно, здесь фиксируется непродолжительный этап похолодания и увеличения увлажненности климата, что отразилось резким увеличением количества споровых растений и изменением их состава.

Спорово-пыльцевой комплекс IV (ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород/культурные злаки) выделяется по образцу 7 из верхней части слоя 29 (серо-коричневый суглинок с включениями угля, золы, обожженной глины, древесного тлена).

В общем составе по-прежнему преобладает пыльца травянистых растений, количество которой возрастает до 75%. Пыльцы древесных пород меньше, чем в предыдущем комплексе (16%). Споры составляют 10%.

Среди древесных пород, как и в предыдущем комплексе, доминирует пыльца ели (*Picea*) (55%), но становится больше сосны (*Pinus*) (27%). В то же время количество пыльцы широколиственных пород снижается до 11%, а березы (*Betula*) до 2%.

В составе травянистых растений, как и прежде, отмечается большое количество пыльцы культурных злаков (*Poaceae*) (73%) и горца (*Polygonum*) (17%).

Состав споровых также мало отличается от предыдущего комплекса. 52% приходится на споры папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*), 33% насчитывают споры зеленых мхов (*Bryales*) и по 2% составляют споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и гроздовника (*Botrychium*).

В это время отмечается сокращение площадей, занятых лесом, но состав их не меняется. В окрестностях произрастали преимущественно хвойные елово-сосновые леса с заметно меньшей примесью дуба и липы, что свидетельствует о похолодании климата. Возможно, сосна образовывала и чистые боры.

Отмечается небольшое увеличение пахотных угодий, где помимо злаков, в небольшом количестве, вероятно, присутствовала гречиха.

Спорово-пыльцевой комплекс V (ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород/мхи, разнотравье) описан по образцу 8 из слоя 22+4 (темно-серый суглинок с включениями угля, золы, со значительной примесью древесного тлена).

По общему составу данный комплекс отличается от выше- и нижележащих. Здесь отмечается повышенное содержание спор (32%), а количество пыльцы травянистых растений снижается до 51%. Пыльца древесных пород составляет 17%.

В то же время состав древесных пород близок предыдущему комплексу. В спектре по-прежнему господствует пыльца ели (*Picea*) (56%), много пыльцы сосны (*Pinus*) (28%). Количество пыльцы широколиственных пород снижается до 7%, а ольхи (*Alnus*) возрастает до 7%.

Существенные отличия от других комплексов отмечаются и в составе травянистых растений. Содержание злаков (*Poaceae*), в том числе и культурных, резко падает до 31%. Преобладает пыльца разнотравья (63%), в составе которого чаще всего встречается пыльца горца (*Polygonum*) (22%) и семейства гвоздичных (*Caryophyllaceae*) (18%). В небольшом количестве присутствует пыльца семейств крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), рода валерианы (*Valeriana*), подсемейства астровых (*Asteroideae*), в том числе василька (*Centaurea*), а также пыльца семейства вересковых (*Ericaceae*).

Для состава споровых растений характерно большое количество спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) (26%), что отмечалось только в спорово-пыльцевом комплексе I. Кроме этого в образце встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (21%), папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (49%), гроздовника (*Botrychium*) (2%) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (1%).

Состав лесов, окружавших исследуемую территорию, мало изменился по сравнению с предыдущим этапом. Необходимо отметить лишь уменьшение роли широколиственных пород.

Судя по составу спектров, на данном этапе существенно уменьшились пахотные угодья. Распространены были разнотравные сообщества с большой долей сорной растительности в виде горца. Возможно, что горец образовывал и самостоятельные сообщества на заброшенных пашнях.

Наличие большого количества сфагнового мха свидетельствует о заболоченности территории или о сильном переувлажнении почвы. На это также указывает появление пыльцы семейства вересковых и вальерианы, увеличение роли ольхи. В целом данный спектр отражает похолодание и увеличение увлажненности.

Спорово-пыльцевой комплекс VI (ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород/культурные злаки) охарактеризован по образцам 9–11 из свиты слоистых напластований (слои 36+3 – рыхлый коричневатый суглинок с заметной примесью угля и золы, 17+2 – серый суглинок с включениями угля и большим количеством золы). В образцах из данного комплекса много не только сгоревших, но и истлевших растительных остатков. В образце 9 отмечен лист сфагноума.

В общем составе по-прежнему господствует пыльца травянистых растений (60–72%). Пыльца древесных пород составляет от 17 до 31%, споры – 5–11%.

Состав древесных пород мало отличается от предыдущих комплексов. Чаще всего встречается пыльца ели (*Picea*) (45–66%) и сосны (*Pinus*) (23–38%). Количество пыльцы широколиственных пород немного возрастает вверх по разрезу от 2% в образце 9 до 9% в образце 11. Также отмечается увеличение до 13% пыльцы березы (*Betula*).

В группе травянистых растений вновь доминирует пыльца культурных злаков (*Poaceae*) (70–82%). Среди разнотравья по-прежнему довольно много пыльцы горца (*Polygonum*) (4–10%), хотя и меньше, чем в предыдущих комплексах. Кроме этого отмечена пыльца семейств кипрейных (*Onagraceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), подсемейств астровых (*Asteroideae*) и циклориевых (*Cichorioideae*).

Среди споровых вверх по разрезу отмечается увеличение содержания зеленых мхов (*Bryales*) (с 25 до 57%). Часто встречаются споры папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (29–56%). Количество спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) уменьшается до 6–14%.

На данном этапе снова происходит увеличение пахотных угодий. В образцах отмечается большое количество пыльцы культурных злаков, а вот пыльцы горца стало существенно меньше, что косвенно может свидетельствовать об улучшении качества посевов.

В окрестностях изучаемой территории по-прежнему произрастали смешанные хвойно-широколиственные леса. Возможно, что на отдельных участках росли сосновые боры. Видимо, этот этап можно соотнести с некоторым восстановлением жизни города, которое хорошо отразилось в насыщенных слоях второй половины XIII–XIV вв., на южной периферии современной Торговой площади.

Спорово-пыльцевой комплекс VII (сосна с участием ели/культурные злаки, разнотравье) описан по образцу 12 из слоя 33+7 (коричневый суглинок с примесью угля, золы и большим количеством пещины). В образце помимо пыльцы и спор встречаются очень мелкие кусочки сгоревшей древесины.

В общем составе преобладает пыльца травянистых растений (59%). Пыльца древесных пород составляет 32%, споры – около 10%.

Состав древесных пород отличается от всех нижеописанных комплексов. Здесь начинает доминировать пыльца сосны (*Pinus*) (58%), а количество пыльцы ели (*Picea*) снижается до 35%. Пыльцы широколиственных пород мало, всего 4%.

Среди травянистых растений также происходят изменения. Содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) уменьшается до 53%, чаще встречаются дикорастущие злаки. Пыльца разнотравья насчитывает 45%. В ее составе преобладает пыльца подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*) (27%), пыльца рода *Polygonum* (горец) составляет 9%. В небольшом количестве присутствует пыльца семейств кипрейных (*Onagraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), подсемейства астровых (*Asteroideae*).

Количество зеленых мхов (*Bryales*) среди споровых растений уменьшается до 16%. Преобладают споры папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (63%). 13% приходится на споры сфагновых мхов (*Sphagnum*). Единично отмечены споры гроздовника (*Botrychium*) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

Резкая смена доминирующих растений в составе всех групп спектра, скорее всего, свидетельствует о перерыве между комплексами VI и VII, что до некоторой степени соотносится с отсутствием ярких комплексов XV в. в раскопе.

Судя по характеру спорово-пыльцевого спектра, на данном этапе отмечается некоторый спад сельскохозяйственной деятельности. Количество пыльцы культурных злаков уменьшается, в то же время резко увеличивается содержание пыльцы подсемейства цикориевых, среди которых преобладают сорные растения, произрастающие на пустошах и в других местах с нарушенным естественным почвенным покровом. Также отмечается увеличение площади лесов и/или смещение их границы ближе к городу. Причем это были леса уже совсем другого состава. В это время в окрестностях произрастали хвойные сосново-еловые леса. Возможно, что в благоприятных местообитаниях могли расти и чистые сосновые боры.

Разрез 2 (кв. 5). Из разреза 2 было проанализировано три образца (рис. 5). Все они содержали большое количество пыльцы и спор разной сохранности. Кроме этого в них много золы и сгоревших органических остатков, в том числе древесины.

По составу палинологических спектров в разрезе выделено три спорово-пыльцевых комплекса (рис. 6; табл. 1).

Спорово-пыльцевой комплекс I (береза с незначительным участием ели, сосны и широколиственных пород/разнотравье) описан по образцу 1 из нижней части погребенной почвы, задетой распахкой (слой № 13).

В общем составе данного комплекса доминирует пыльца древесных пород (51%), пыльца травянистых растений составляет 31%, споры – 18%.

В группе древесных пород, как и в нижнем комплексе разреза 1 преобладает пыльца березы (*Betula*) (83%). Кроме нее в небольшом количестве отмечена пыльца сосны (*Pinus*) (8%) и широколиственных пород, таких как липа (*Tilia*) (4%) и дуб (*Quercus*) (2%). Еще реже встречается пыльца сосны (*Pinus*) (2%) и ольхи (менее 1%).

Среди травянистых растений господствует пыльца разнотравья (73%). Оно представлено, главным образом, семейством кипрейных (*Onagraceae*) (36%), подсемействами цикориевых (*Cichorioideae*) (21%) и астровых (*Asteroidae*) (14%). Единично отмечена пыльца семейств крестоцветных (*Brassicaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*) и зонтичных (*Apiaceae*).

Помимо разнотравья в образце встречается пыльца злаков (*Poaceae*) (14%), семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (9%) и рода полыней (*Artemisia*) (4%).

В составе споровых растений чаще всего наблюдаются споры сфагновых (*Sphagnum*) (37%) и зеленых (*Bryales*) (28%) мхов, гроздовника (*Botrychium*) (19%), папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (14%). 3% приходится на споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

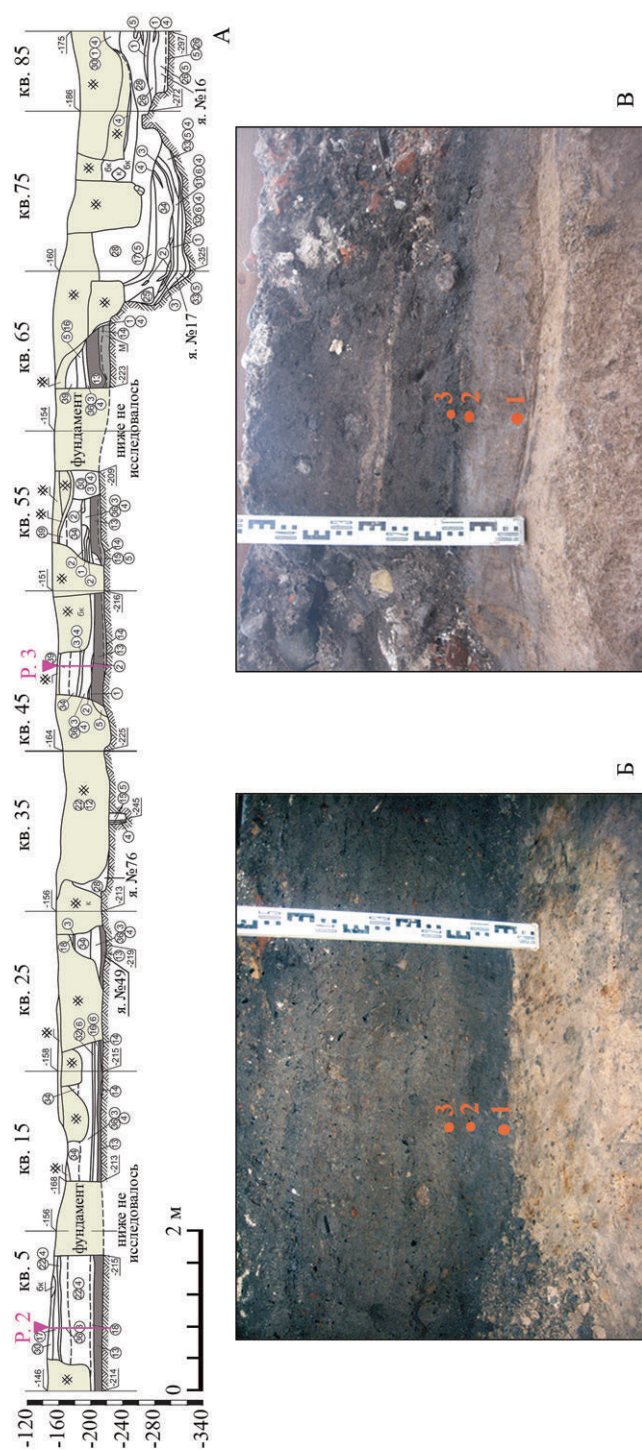

Рис. 5. Палинологические разрезы 2 и 3.
Чертеж восточной стенки 1 участка с местами постановки разрезов
А – заливки слоев соответствуют рис. 2; Б – разрез № 2; В – разрез № 3

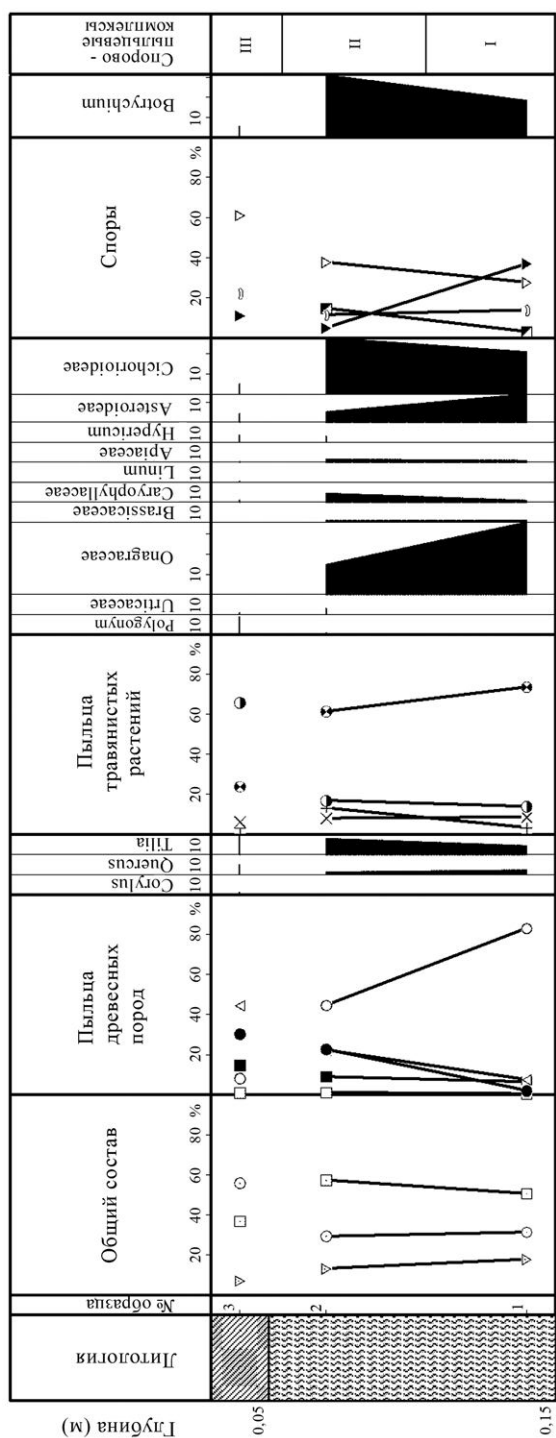

Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу 2 из раскопа на улице Ленина, 76 (Суздаль). Условные обозначения см. рис. 4

Описанный комплекс в целом близок к спорово-пыльцевому комплексу I из разреза 1. Однако в разрезе 1 отложения, в которых выделяется данный комплекс, были затронуты пожаром, поэтому пыльцы там мало, и он менее информативен и, возможно, немного моложе, чем комплекс I из разреза 2.

Спорово-пыльцевой комплекс II (береза с участием сосны и ели и незначительным участием широколиственных пород/разнотравье) описан по образцу 2 из верхней части погребенной почвы, задетой распашкой (слой № 13).

Как и в предыдущем комплексе, здесь преобладает пыльца древесных пород (63%), 29% приходится на пыльцу травянистых растений, 13% – на споры.

Количество пыльцы березы (*Betula*) сокращается до 45%, тем не менее, она по-прежнему преобладает среди древесных пород. В то же время отмечается рост содержания пыльцы сосны (*Pinus*) (23%), ели (*Picea*) (22%) и небольшое увеличение до 9% количества пыльцы широколиственных пород, в основном, липы (*Tilia*).

Среди травянистых растений продолжает доминировать пыльца разнотравья (62%), в составе которого, как и в предыдущем комплексе, чаще всего встречается пыльца семейства кипрейных (*Onagraceae*) (15%), подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) (28%) и астровых (*Asteroideae*) (5%). В небольшом количестве присутствует пыльца семейств гвоздичных (*Caryophyllaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), крапивных (*Urticaceae*), а также родов горец (*Polygonum*) и зверобой (*Hypericum*).

Пыльца злаков (*Poaceae*) составляет 17%; 13% приходится на пыльцу рода полыней (*Artemisia*), 8% – на пыльцу семейства маревых (*Chenopodiaceae*).

Споровые растения представлены, главным образом, зелеными мхами (*Bryales*) (38%) и гроздовником (*Botrychium*) (31%). В меньшем количестве присутствуют споры плауна булабовидного (*Lycopodium clavatum*) (15%), папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (12%) и сфагновых мхов (*Sphagnum*) (5%).

По составу спектра этот комплекс в целом близок предыдущему этапу, хотя можно предположить, что с течением времени увлажненность территории уменьшилась, выше стала роль хвойных пород.

Спорово-пыльцевой комплекс III (ель с участием сосны и незначительным участием широколиственных пород/культурные злаки) выделяется по образцу 3 из слоя 34 (коричневый суглинок с включениями угля, золы, обожженной глины). От нижележащего комплекса отделяется перерывом.

Данный комплекс по всем показателям существенно отличается от нижележащего. В общем составе на первое место выходит пыльца травянистых растений (56%), в то время как содержание пыльцы древесных пород снижается до 37%. Споры составляют всего 7%.

Древесные породы представлены, главным образом, пылью ели (*Picea*) (45%) и сосны (*Pinus*) (30%). Довольно часто встречается пыльца широколиственных пород (15%), представленная липой (*Tilia*) (10%) и дубом (*Quercus*) (5%). Количество пыльцы березы (*Betula*) уменьшается до 11%.

Из травянистых растений преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) (66%), среди которой много пыльцы культурных видов. 7% приходится на пыльцу семейства маревых (*Chenopodiaceae*) и 4% – на пыльцу рода полыней (*Artemisia*).

Пыльца разнотравья составляет 24%. В ее составе чаще всего встречается пыльца рода *Polygonum* (горец) (9%), подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) (5%), астровых (*Asteroideae*) (4%) и рода *Hypericum* (зверобой) (4%). Единично отмечена пыльца семейства крапивных (*Urticaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), а также льна (*Linum*).

В группе споровых растений доминируют споры зеленых мхов (*Bryales*) (61%). Реже встречаются споры папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (22%), сфагновых мхов (*Sphagnum*) (11%) и гроздовника (*Botrychium*) (6%).

По составу спектров данный комплекс ближе всего к IV спорово-пыльцевому комплексу из разреза 1.

Разрез 3 (кв. 45). Из разреза 3 было проанализировано три образца. Все они содержали большое количество пыльцы и спор, в основном, разной сохранности. Кроме этого в них много золы и сгоревших органических остатков, в том числе древесины.

По составу палинологических спектров в разрезе выделено два спорово-пыльцевых комплекса (рис. 5; 7; табл. 1).

Спорово-пыльцевой комплекс I (береза с незначительным участием ели, сосны и широколиственных пород/разнотравье) описан по образцам 1 и 2 из слоя погребенной почвы, задетой распашкой (слой № 13).

По составу спорово-пыльцевых спектров данный комплекс близок комплексу I из разреза 2.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (61–63%), пыльца травянистых растений составляет 26%, споры – 12%.

Древесные породы представлены, главным образом, пылью березы (*Betula*) (66–73%). В небольшом количестве присутствует пыльца сосны (*Pinus*) (6–14%), ели (2–5%), ольхи (*Alnus*) (8–10%). От 6 до 10% приходится

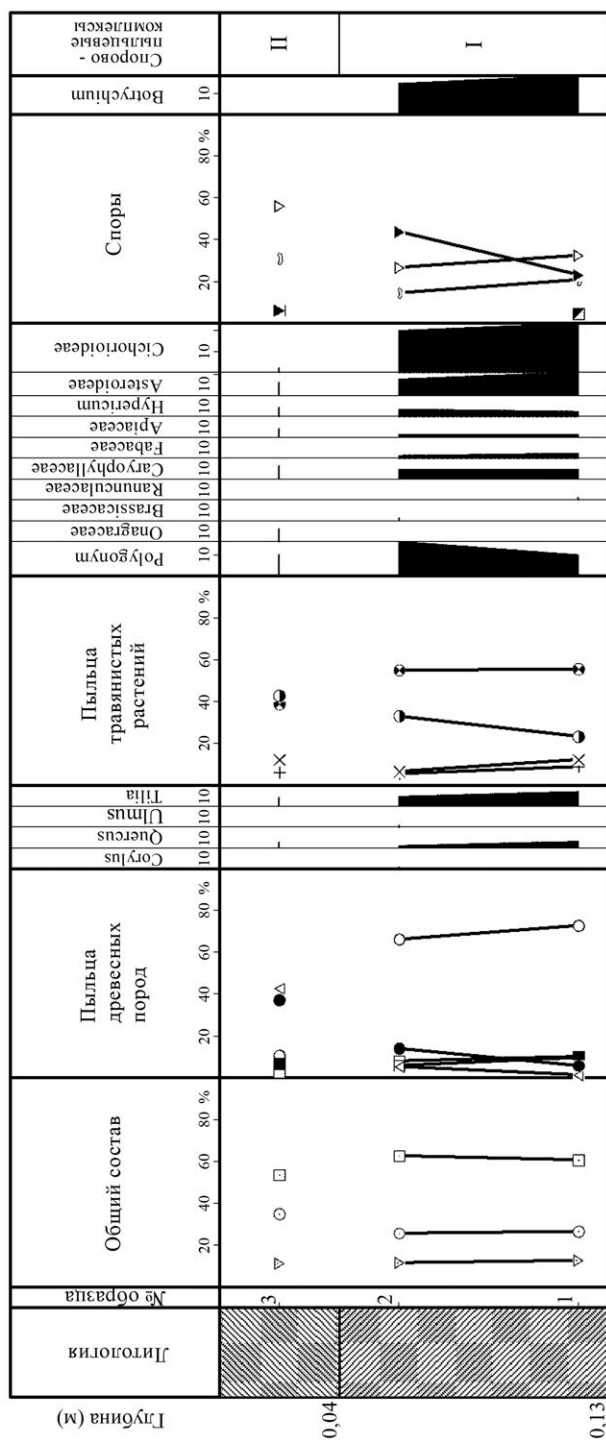

Рис. 7. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу 3 из раскопа на улице Ленина, 76 (Суздаль). Условные обозначения см. рис. 4

на пыльцу широколиственных пород, в составе которых встречается пыльца липы (*Tilia*) (5–7%), дуба (*Quercus*) (1–3%) и, единично, вяза (*Ulmus*).

В группе травянистых растений доминирует пыльца разнотравья (55–57%). Она представлена, главным образом, пылью подсемейств цикориевых (*Cichorioideae*) (20–23%), астровых (*Asteroideae*) (8–11%) и рода горец (*Polygonum*) (10–17%). В небольшом количестве фиксируется пыльца семейств крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), а также рода зверобой (*Hypericum*). Помимо пыльцы разнотравья часто встречается пыльца злаков (*Poaceae*) (23–33%). От 7 до 12% насчитывает пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*), 6–9% приходится на пыльцу рода полыней (*Artemisia*).

В составе споровых присутствуют споры зеленых (*Bryales*) (27–33%) и сфагновых (*Sphagnum*) (23–44%) мхов, папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (15–21%), гроздовника (*Botrychium*) (15–19%), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (5%).

Отличительной чертой данного комплекса является отсутствие кипрейных. Меняется состав споровых с зеленых мхов на сфагнум.

Спорово-пыльцевой комплекс II (ель, сосна/злаки, разнотравье) охарактеризован по образцу 3 из углисто-золистой прослойки (слои 1+2). Здесь пыльцы существенно меньше, чем в других образцах, как из этого разреза, так и из разрезов 1 и 2. Поэтому процентное соотношение внутри групп можно было подсчитать лишь условно.

В общем составе данного комплекса господствует пыльца древесных пород (54%). Пыльца травянистых растений составляет 35%. Споры – 11%.

В группе древесных пород чаще всего встречается пыльца ели (*Picea*) (43%) и сосны (*Pinus*) (37%). 11% приходится на пыльцу березы (*Betula*),

3% – на пыльцу ольхи (*Alnus*). Пыльца широколиственных пород (липа, дуб) в сумме насчитывает 7%.

Среди травянистых растений примерно в равных количествах присутствует пыльца злаков (*Poaceae*) (43%) и разнотравья (39%). Разнотравье представлено пылью рода горец (*Polygonum*) (10%), семейств кипрейных (*Onagraceae*) (6%), гвоздичных (*Caryophyllaceae*) (6%), зонтичных (*Apiaceae*) (4%), подсемейств астровых (*Asteroideae*) (6%), цикориевых (*Cichorioideae*) (2%), рода зверобой (*Hypericum*) (4%). Кроме этого отмечена пыльца семейства маревых (*Chenopodiaceae*) (12%) и рода полыней (*Artemisia*) (6%).

В составе споровых доминируют споры зеленых мхов (*Bryales*) (56%). Также встречаются споры папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (31%), сфагновых мхов (*Sphagnum*) (6%), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (6%).

Возможно, что данный образец характеризует переходный комплекс. Здесь еще много древесных пород, но уже мало березы, и преобладают ель и сосна. Провести точное сопоставление с другими разрезами очень трудно, так как здесь представлен только один образец. Не исключен и вариант подсыпки или перемешивания данного слоя.

Сопоставляя материалы, полученные по всем трем разрезам, можно сказать, что низы всех разрезов относятся примерно к одному временному интервалу (XI в.?), возможно, с небольшими сдвигами. Самым ранним, скорее всего, является комплекс I из разреза 1. Он отражает начало восстановления растительности после вырубki и пожара, когда были уничтожены коренные хвойные породы (ель, сосна), и которыми были затронуты самые нижние слои в разрезе 1 (материк и нижняя часть слоя 1), где в образцах 1–3 пыльца отсутствует, и фиксируется большое количество золы, угольков и сгоревшей органики.

Стратиграфические наблюдения и состав спорово-пыльцевых спектров указывают на два этапа сельскохозяйственной активности на изученной территории. Первый предшествует возникновению городской застройки (I спорово-пыльцевой комплекс), второй, по-видимому, сосуществует с ней в домонгольское время (II спорово-пыльцевой комплекс).

Борозды и следы от лопат свидетельствуют о том, что освобожденные от леса участки использовались под пашни и огороды. Тем не менее, судя по большому количеству пыльцы березы, не вся расчищенная территория была распахана. Возможно, часть хвойных лесов вырубili для строительства, и в дальнейшем на этих участках в окрестностях города появились вторичные березовые леса, в составе которых в небольшом количестве присутствовала липа, а на влажных участках – ольха.

На месте пожарищ существовали заросли иван-чая (сем. кипрейные). Кроме того широкое распространение имели и другие сорные растения: горец, различные представители подсемейств цикориевых и астровых.

Дальнейшие изменения в составе лесов отмечаются в комплексах из разрезов 2 (I спк) и 3 (I спк). В это время количество березы начинает сокращаться, появляются коренные хвойные породы (ель, сосна). В составе древостоя в качестве незначительной примеси встречались широколиственные породы, главным образом, липа. Более отчетливо эта тенденция прослеживается в комплексе II из разреза 2. В это

время в округе помимо березняков произрастали хвойные сосново-еловые леса с небольшой долей липы и дуба. Не исключено и развитие чистых ельников и сосновых боров, поскольку состав древостоя часто зависит от локальных условий. Как и прежде, на открытых пространствах существовали разнотравно-злаковые сообщества с преобладанием различных сорных растений, а также пашни и (или) огороды.

В это время развитие вторичных березовых лесов отмечается и в других частях Суздальского Ополя. Аналогичная картина получена авторами по поселениям Весь 1, Кибол 5 и естественному разрезу у поселения Троица-Берег 3 (Алешинская и др., 2008а; 2008б).

Последующие этапы изменения состава растительных сообществ на протяжении XII–XVI вв. прослеживаются по комплексам из разреза 1, скорее всего, после перерыва в осадконакоплении, который может быть связан с уничтожением части слоя распашкой или при дальнейшем обустройстве территории.

Можно предположить, что за время перерыва, отмеченного в разрезе, произошло постепенное восстановление коренных лесов. Сначала это были широколиственные (липовые) леса или смешанные с небольшой долей ели и березы. В то же время площади лесов в целом сократились, что объясняется активным использованием территории, начало которого приходится примерно на первую половину XII в. Видимо, с этим связано и меньшее количество ели и сосны, которых вырубали для строительства. Начиная с указанного времени непосредственно вокруг города существуют преимущественно открытые пространства, возможно, с небольшими островными лесами. Крупные лесные массивы могли располагаться в отдалении от города. На окраине свободные от леса участки, возможно, были распаханы, о чем свидетельствует большое количество пыльцы культурных злаков.

В то же время наличие этой пыльцы не всегда свидетельствует о существовании поблизости пашни. Оно также может быть связано с обработкой (обмолот, помол) или хранением зерна. Только рожь является ветроопыляемой, остальные культурные злаки самоопыляемы, поэтому только часть пыльцы из колоса попадает в атмосферу, основная же ее часть остается на чешуйках и может переноситься с зерном и соломой (Robinson, Habbard, 1977). Таким образом, при использовании соломы в качестве подстилки или корма для скота еще одним источником попадания пыльцы злаков в слой может быть навоз.

В черте города росли растения, обычные для поселений. Это различные сорные растения из подсемейств астровых и цикориевых, горец.

Судя по составу спектров (комплекс III), в дальнейшем в составе лесов происходило увеличение количества ели. Меньше становится березы. Скорее всего, она входила в состав основных лесов в качестве примеси и росла вдоль опушек.

Остается открытым вопрос о существовании в городских окрестностях пахотных угодий. В любом случае, большое количество пыльцы культурных злаков говорит о широком использовании зерновых культур и активной жизни в городе.

Два вышеописанных комплекса характеризуют наиболее теплый из всех описанных по разрезу периодов, относящийся к средневековому климатическому оптимуму. Возможно, сокращение лесов было связано не только с деятельностью человека, но и с климатическим фактором. Изменения климата могли непосредственно влиять на смену растительности и в то же время способствовать активизации хозяйственной деятельности человека.

Аналогичный этап с преобладанием широколиственных лесов прослеживается по изученным ранее разрезам на поселениях Вишенки 3, Кистыш, Кибол 5 и естественному разрезу у поселения Весь 5 (Алешинская и др., 2008а; 2008б).

Следующий этап, относящийся, скорее всего, уже к XIII в., выделяется как в разрезе 1 (комплекс IV), так и в разрезе 2 (комплекс III) и характеризуется более холодными климатическими условиями. В это время состав леса меняется. В окрестностях города произрастали преимущественно хвойные сосново-еловые леса с небольшой примесью дуба и липы. Возможно, существовали и чистые сосновые боры.

Большое количество пыльцы культурных злаков может свидетельствовать как о расширении пахотных угодий в окрестностях, так и в целом об интенсивной хозяйственной деятельности в городе.

Следующий этап (комплекс V) отличался очень неблагоприятными условиями. Спектр данного комплекса может отражать похолодание и увеличение увлажненности, что привело к переувлажнению почвы и появлению сфагнового мха, влаголюбивых растений семейства вересковых, лютиковых, валерианы и увеличению роли ольхи. Такие условия могли стать причиной снижения хозяйственной активности.

Учитывая кратковременность данного этапа, не исключено, что подобные условия создал сам человек в результате слишком интенсивного использования территории. Сильное нарушение или уничтожение почвенного покрова могло привести к его переувлажнению.

Несмотря на это, состав лесов в окрестностях города мало изменился, что также свидетельствует в пользу антропогенной природы локальных негативных изменений, о которых упоминалось выше. Необходимо отметить лишь незначительное уменьшение роли широколиственных пород.

Следующий продолжительный этап XIII–XIV вв. (комплекс VI) отличался достаточно стабильными условиями и интенсивной хозяйственной деятельностью. В окрестностях города по-прежнему произрастали сосново-еловые леса. Возможно, на отдельных участках росли сосновые боры. В пределах города преобладали сообщества рудеральной растительности.

Судя по характеру спорово-пыльцевого спектра, в дальнейшем, в XV (?) – XVI вв. (комплекс VII) отмечается некоторый спад хозяйственной деятельности. Количество пыльцы культурных злаков уменьшается, в то время как резко увеличивается содержание пыльцы подсемейства цикориевых, среди которых преобладают сорные растения, произрастающие на пустошах и в других местах с нарушенным естественным почвенным покровом. Также отмечается увеличение площади лесов и/или смещение их границы ближе к городу. При этом это были леса уже совсем другого состава. В указанное время в окрестностях произрастали хвойные елово-сосновые леса с преобладанием сосны. Возможно, в благоприятных местообитаниях могли расти и чистые сосновые боры.

Такие же изменения в составе лесов прослеживаются по разрезам на поселениях Вась 1, Вась 5, Вишенки 3, Кистыш, Кибол 5, по естественным разрезам у поселений Вась 1 и Троица-Берег 3 (Алешинская и др., 2008а; 2008б).

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Литература

- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., 2008а. Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополя в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. С. 35–47.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., Карпучин А. А., 2008б. Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Сельская Русь в IX–XIV вв. М.: Наука. С. 127–157.

- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А., 2013. Результат палинологических исследований культурного слоя из раскопа Житный (2010 г.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 70–87.
- Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А., 2018. Изменения природной среды Кремлевского холма и его окрестностей в средневековье // КСИА. Вып. 251. С. 342–355.
- Баранов Н. А., 2017. Отчет о проведении археологических исследований (раскопок) в г. Суздаль по адресам: ул. Алексея Лебедева, д. 15–17 и ул. Торговая площадь, д. 20 во Владимирской области в 2017 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 56621–56623.
- Караваева Е. М., 1965. Градостроительное развитие Суздаля. Дисс. ... канд. архитектуры. М. 168 с., 65 с. ил.
- Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции: «Палинология: теория и практика». М.: ПИН РАН. С. 13–15.
- Мазур Л. Д., 2011. Изобразительные источники по истории города до периода его регулярных преобразований эпохи классицизма. (Владимир, Суздаль, Шуя, Юрьев-Польский) // Международный электронный журнал АМИГ. № 3 (16). Статья № 5. Пыльцевой анализ / Под ред. И. М. Покровской. М.: Гостеоиздат, 1950. 540 с.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М. 236 с., 40 л. ил.
- Седова М. В., Беленькая Д. А., 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М. С. 95–115.
- Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2011. Локальная природная обстановка ранних этапов становления г. Ярославля // Экология древних и традиционных обществ: сборник докладов конференции. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 73–75.
- Спиридонова Е. А., Соловьева Л. Н., 2018. Палеоэкология средневекового Новгорода (по данным Троицкого XIII раскопа, участок Г1) // Материалы междисциплинарной научной конференции «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия». М. С. 161–168.
- Федорина А. Н., 2009. Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской области по адресу Торговая площадь 2б в 2009 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 37336.
- Федорина А. Н., Макаров Н. А., Карпухин А. А., Милованов С. И., Шполянский С. В., Бадеев Д. Ю., 2015. Средневековый Суздаль в работах Института археологии в 2011–2012 гг. // АО 2010–2013. М. С. 292–294.

- Черненко Д. А., 2008. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда: «Древности Севера». 224 с.
- Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., 2012. Chapter 2. The Environmental Context. Results of palynological investigations of archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. Oxford. 500 p.
- Robinson M., Hubbard R. N. L. B., 1977. The transport of pollen in the bracts of hulled cereals // *Journal of Archaeological Science*. № 4. P. 197–199.

Е. А. Армарчук, Н. В. Жилина
Институт археологии РАН, Москва

Головные уборы в женских погребениях X–XI веков в Восточном Причерноморье (по раскопкам храма у села Веселое)

Резюме. При раскопках 2010–2011 гг. средневекового христианского храма у с. Веселое под Адлером в семи женских погребениях внутри и возле него обнаружили остатки головных уборов. Они включают бронзовые и серебряные булавки, нашивные бляшки и височные кольца, которые датируются X–XI вв. Их расположение в погребениях позволяет воссоздать головной убор ленточного типа с венком и височными кольцами, который дополняет платок с булавками. Аналогии этим находкам происходят с территории Абхазии и Сочинского побережья. Такой убор маркирует костюм состоятельных горожанок, что подтверждают находки из византийских и древнерусских археологических памятников.

E. A. Armarchuk, N. V. Zhilina

Headdresses in Female Burials of the 10th – 11th Centuries in the Eastern Black Sea Region (according to the Excavations of a Church near the Village of Veseloye)

Abstract. In 2010–2011 during excavations of a medieval Christian church near the village of Veseloye near Adler in seven female burials inside and near it, the remains of headdresses were found. They include bronze and silver pins, sewn-on plaques and temple rings, which date back to the 10th – 11th centuries. Their location in the burials makes it possible to recreate a ribbon-type headdress with a wreath and temporal rings, which complements a scarf with pins. Analogies to these finds come from the territory of Abkhazia and the Sochi coast. Such a dress marks the costume of wealthy townswomen, which is confirmed by finds from Byzantine and Old Russian archaeological sites.

В ходе раскопок 2010–2011 гг. средневекового храма у с. Веселое под Адлером обнаружили христианские захоронения как внутри него, так и в притворах и снаружи у его южной стены, где располагался некрополь. Из их совокупности три погребения в наосе и четыре погребения на некрополе (все семь – женские) содержали остатки головных уборов, детали которых находят аналогии на близлежащих территориях, что свидетельствует об определенной традиции. Целью статьи является типологический и хронологический анализ этих материалов, а также возможная реконструкция средневековых женских головных уборов.

**Таблица 1. Инвентарь погребений с остатками
головных уборов в Веселом**

№ погребения	Место погребения	Инвентарь	Детали
VII	Наос	2 височных кольца, перстень с чернью и позолотой, бусины, бисер, каменная подвеска, нож	
XIV	Наос	Булавка с бусиной, перстень со стеклянной вставкой	Окисел на лобной кости
XV	Наос	Булавка с граненой головкой и стержень с острием второй булавки, бляшки головного убора, бисер, перстень с чернью и позолотой, пугови, ножницы	Окисел на лобной кости
13	Некрополь	2 булавки (одна с бусиной, вторая без навершия и острия), височное кольцо, браслет, фрагмент ножа	
22	Некрополь	2 булавки с гранеными головками, бусины	
28	Некрополь	4 булавки (2 с навершиями и остриями, 2 острия), бляшки головного убора, бусины, браслет, перстень со стеклянной вставкой, пугови, ножницы	Окисел на лобной кости
33	Некрополь	3 булавки (2 с гранеными головками, 1 без головки и острия), бусины, бисер, пугови	Окисел на лобной кости

Храм в Веселом построен во второй половине IX в., не позднее третьей его четверти, и функционировал примерно до первой трети – середины XI в. Эти рамки обозначили радиоуглеродные AMS-даты останков из двух погребений – раннего в западном притворе (погр. 9) и позднего в алтаре (погр. IX), чему не противоречат археологические данные (Мимоход и др., 2015. С. 398, 399). Впоследствии храм был оставлен и разрушался (Армарчук, Мимоход, Седов, 2012. С. 89).

Как уже приходилось отмечать, зафиксированные здесь погребения по-разному связаны с храмом (Жилина, 2019. С. 142, 143). Погребения на некрополе и в притворах, в основном, современны периоду действия храма, захоронения же в наосе, разрушающие его пол, совершены в период запустения (Армарчук, 2013. С. 78–95; 2015. С. 28; Армарчук, Мимоход, Седов, 2012. С. 89. Рис. 1; Жилина, 2019. С. 142). В соответствии с этим вещи из инвентаря погребений подразделяются на две хронологические группы: 1) X – середина XI в.; 2) вторая половина XI – начало XII в.

К женским головным уборам относятся следующие категории находок: булавки (шпильки) с заостренными концами-иглами и навер-

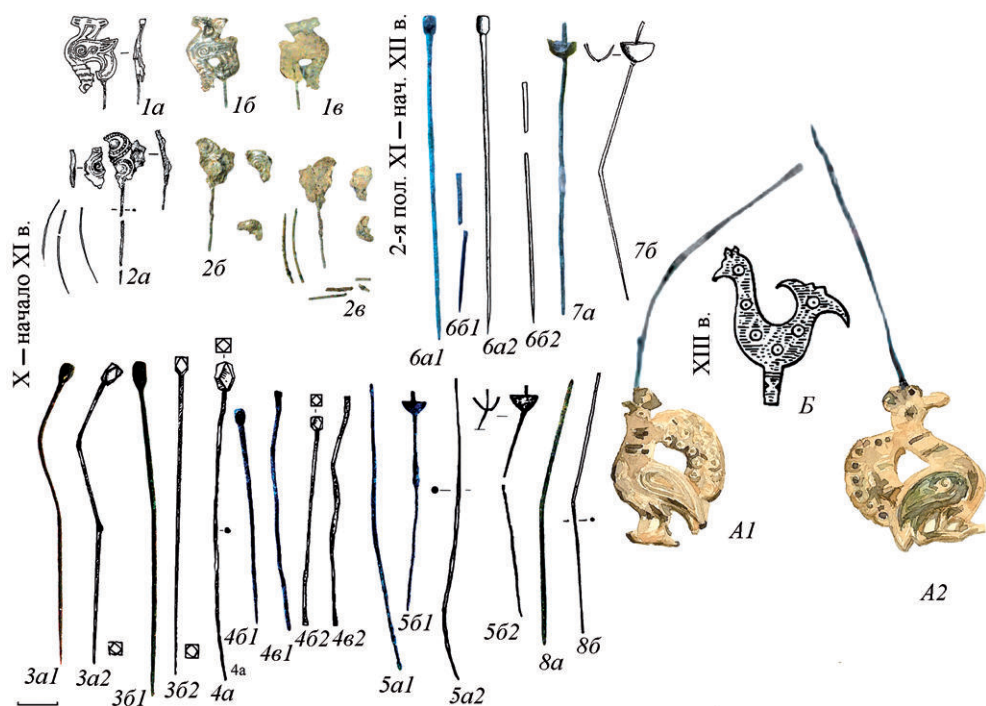

Рис. 1. Булавки из погребений в районе храма у с. Веселое

1, 2, 8 – погр. 28; 3 – погр. 22; 4 – погр. 33; 5 – погр. 13; 6 – погр. XV; 7 – погр. XIV;

А – погр. средневековой базилики близ п. Адлер (Галищева, 2014. Рис. 5);

Б – навершие булавки, Двин, Армения (Крым... 2003. Табл. 159, 22)

пиями; нашивные бляшки; височные кольца (табл. 1). Кроме того, в четырех погребениях на лобных костях прослежены четкие следы металлических окислов или патины в виде зеленоватых полос, оставшихся, вероятно, от налобных повязок¹.

Булавки (4 экз.; рис. 1) использовались в головном уборе для скрепления деталей и, вероятно, крепления его к волосам. Самыми яркими по художественному оформлению являются две булавки с фигурными навершиями (рис. 1, 1, 2, 8). Они происходят из погребения 28 некрополя и относятся к первой хронологической группе. Наиболее сохранившееся навершие выполнено в виде выразительной фигурки крылатого копытного животного (или грифона?) в профиль, его части переданы орнаментом: крыло – спирально-завитковым, остальные – линейным,

¹ Авторы приносят большую благодарность сотруднице ГИМ Е. В. Белькевич за реставрацию металлических изделий из раскопок храма в Веселом.

по контуру (рис. 1, 1, а, б, в). Эта булавка находилась в вертикальном положении у левого виска. Вторая, парная ей, лежала справа на теменной доле черепа. Ее навершие фрагментарно, с утратами, на нем читается криволинейный, скорее всего, спиральный орнамент и миндалевидная фигура (рис. 1, 2, а, б, в). Стержни булавок распались при извлечении, но наличие в погребении четырех фрагментов с остриями показывает, что там находилось четыре булавки. Длина одного такого фрагмента 67 мм (рис. 1, 8), суммарная длина всех остальных достигает 170 мм, и можно полагать, что длина каждой булавки составляла около 80 мм.

Расположение булавок явно свидетельствует об их отношении к убранству головы. Стиль изображения можно характеризовать как геометризованно-схематичный. Обе булавки изготовлены следующим образом: сначала в невысоком рельефе оттискивалась из высокопробного серебра тонкая «обкладка» наверший, затем из оловянно-свинцовой бронзы делались иглы, и после компоновки этих деталей полость наверший заливалась оловянно-свинцовым сплавом².

Другая разновидность представлена булавками с объемными головками геометрических форм (7 экз.), оформленными гораздо проще. Во-первых, это булавки с маленькими литыми четырнадцатигранными головками в виде параллелепипеда со срезанными углами:

- две целые длиной 78 и 83 мм из погребения 22 (рис. 1, 3, а, б), изготовленные из латуни;

- две длиной 81 (целая – рис. 1, 4а) и 51 мм (с головкой, без острия; рис. 1, 4б) из погребения 33; одна из них изготовлена из свинцовой бронзы. У третьей булавки длиной 57 мм из этого погребения навершие и острие отсутствуют, ее стержень не гладкий и не ровный (рис. 1, 4в);

- одна целая длиной 84 мм из погребения XV в наосе (рис. 1, 6а), изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы. В погребении также находились два обломка другой булавки (или булавок?) – острие длиной 45 мм и фрагмент стержня без навершия длиной 13 мм (рис. 1, 6б1).

Во-вторых, к этой разновидности относятся булавки другого типа – с головкой из половинки полый шаровидной бусины (вторая половина не сохранилась либо отсутствовала изначально). Одна такая булавка происходит из погребения 13 (рис. 1, 5б). Она изготовлена из выпрямленной дужки височного кольца из свинцовой бронзы с напускну

---

² Авторы весьма благодарны за консультации Д. А. Колесник (Столяровой), учававшей способы изготовления и состав изделий из цветных металлов из раскопок храма в Веселом (предв. публ. см.: *Столярова*, 2014. С. 187–201), а также Н. В. Ениосовой.

бусиной, о чем говорит ее не идеально ровный толстоватый стержень длиной 57 мм и отсутствие острия. У парной ей булавки длиной 75 мм из этого погребения навершие не сохранилось, острие тоже отсутствует (рис. 1, 5а). Вторая булавка этого типа длиной 85 мм (рис. 1, 7) обнаружилась в погребении XIV у левой височной кости. Она без острия, аналогична вышеописанной и тоже сделана из дужки височного кольца из оловянно-свинцовой бронзы.

Таким образом, ранняя группа изделий пока отлична лишь наличием булавок с фигурными навершиями – остальные типы есть и в той, и в другой.

Аналогичные зооморфные булавки были найдены в женском погребении № 4 у средневекового храма под Адлером, на землях совхоза «Южные культуры», раскопанном в 1956 г. местным краеведом И. К. Недолей³ (рис. 1, А) (Крым... 2003. С. 215. Табл. 97, 20; *Галищева*, 2014. С. 43–47). К сожалению, данная точная типологическая аналогия не ориентирует нас хронологически, так как дата храма определяется исследователями слишком широко – с VI по XIV в., а материал раскопок полностью не сохранился (*Галищева*, 2014. С. 45, 46).

В погребении № 14 возле храма в Лоо, района Большого Сочи, и другом храмовом погребении № 11 найдены тонкие бронзовые проволоочки – иглы четырех головных булавок, залегавших у височных и затылочных черепных костей (*Обчинникова*, 1991. С. 9, 10, 15, 16. Рис. 30, 2, 3, 11; 2010. С. 406, 407. Рис. 11, 9, 10, 14, 15). Оба погребения в Лоо хронологически укладываются в период между IX и XI вв., судя по инвентарю.

Булавки с геометрическими и зооморфными навершиями в сходном геометризованном стиле известны в раннесредневековой Армении, где они отличаются более крупным размером (Крым... 2003. Табл. 143, 22; *Акопян*, 2008. С. 29. Рис. 2, 9) (рис. 1, Б). Булавки из различных материалов также получили широкое распространение с V по VIII в. в Грузии, где встречаются изделия с головками как геометрических форм (округлыми, цилиндрическими, многогранными), так и с разнообразными фигурными, украшенными растительной и антропоморфной орнаментикой

---

³ И. К. Недоля отнес раскопанные им в 1956 г. погребения к периоду после разрушения храма в XIV в., разделяемому на три этапа. В Музее истории города-курорта Сочи хранится рисунок предметов из погребений № 4 и 5 художника А. Н. Скрипникова 1956 г. Инвентарь передали в Сочинский музей краеведения в 1976 г. в неполном объеме. И. К. Недоля отметил сходство изображений птиц на булавках и перстне из другого женского захоронения, вскрытого в 1956 г. (*Галищева*, 2014. С. 45, 46). Судить о стилистическом сходстве изображения птиц, пользуясь для булавок только рисунком, трудно.

(Крым... 2003. С. 288, 289. Табл. 111). Как аналогию приведем булавку IV–V вв. с четырнадцатигранной головкой из Самтавро, ее модификацией является булавка V–VI вв. из Мцхета-Самтавро, завершающаяся шестигранной призмой (Крым... 2003. С. 289. Табл. 111, 69, 41). Однако среди грузинских не попадаются булавки с зооморфными навершиями, сколько-нибудь близкие изделиям из Восточного Причерноморья. Вместе с тем, из погребения возле храма в Лдзаа на территории Абхазии происходят тонкие бронзовые головные булавки (с мелкими бубенцами-«колокольчиками» или без них, но без фигурных наверший), соотносимые с булавками из Веселого (Барцыц, 2016. С. 32. Рис. 4, 13).

Булавки с разнообразными головками, в том числе в виде мелкой птички, присутствуют и в материальной культуре раннесредневекового Азербайджана, из них можно отметить экземпляры с небольшими сферическими завершениями, что сближает их с булавками с напускной бусиной из Веселого (Крым... 2003. Табл. 171, 37, 38).

Наконец, упомянем серебряную заколку для одежды с навершием в виде петушка из раскопок монастырского храма на склоне г. Аю-Даг, в Крыму, датированную в публикации XII–XIII вв., но она лишь общим обликом близка к булавкам с фигурными навершиями из Веселого (Ад-аксина, 2002. Рис. 100).

Рассмотренные восточнопричерноморские находки не имеют типологических параллелей рассматриваемого периода среди древнерусских украшений, где булавки тоже присутствуют. Специалист по этому материалу М.В. Седова отметила преимущественное распространение булавок в населенных пунктах городского и феодально-усадебного типа и их отношение к головному убору городского костюма, а также встречаемость, в основном, в слоях второй половины XII–XIII в. (Седова, 1997. С. 70–71).

Следующая категория причерноморских головных украшений – *нашивные бляшки* (не менее 19 экз.). Они очень просты и миниатюрны и напоминают скорлупки, имея круглую полусферическую форму диаметром 4–5 мм и толщину менее миллиметра (рис. 2). Как минимум одиннадцать таких бляшек из серебра (рис. 2, 1) находились в погребении 28 справа на лобной доле черепа.

Серия аналогичных, но сделанных из свинцовой латуни бляшек числом не менее восьми (рис. 2, 2) зафиксирована в погребении XV в наосе, где они лежали в один ряд в полосе тлена на левой височной доле черепа и над надбровной дугой (рис. 3). У некоторых с тыльной стороны сохранились мельчайшие остатки ткани и тонкая светлая нить по линии диаметра, которой они крепились к головному убору, для

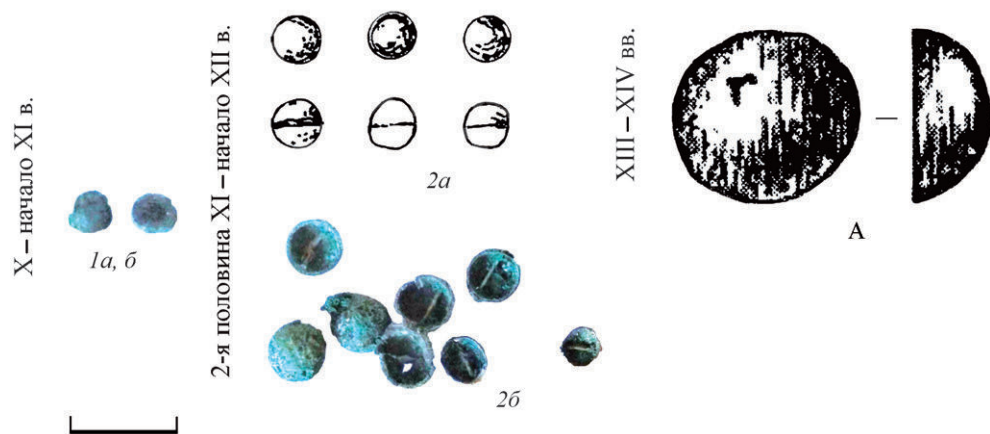

Рис. 2. Нашивные бляшки из погребений в районе храма у с. Веселое
1 – погр. 28; 2 – погр. XV; А – погр. из раскопок храма в Лоо (р-н Большого Сочи)
XIII-XIV вв. Без масштаба (Овчинникова, 2010. Рис. 11, 20)

Рис. 3. Бляшки и булавка головного убора *in situ* в погр. XV
в наосе храма у с. Веселое

чего у края каждой бляшки имеются два маленьких отверстия, одно против другого. Данная категория изделий также характерна для обеих хронологических групп.

По всей вероятности, подобные мелкие бляшки встретились в женском погребении у южного угла храма в с. Лдзаа у Пицунды, где

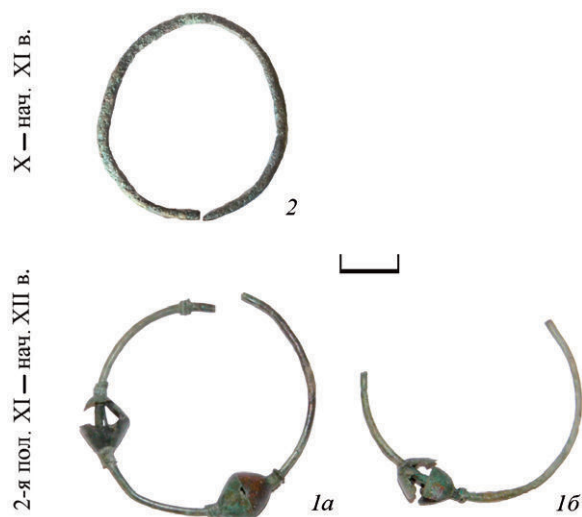

Рис. 4. Височные кольца из погребений в районе храма у с. Веселое

1 – погр. VII; 2 – погр. 13

они лежали в два ряда вдоль лобной части черепа, на котором также просматривалась патина от украшений (Барцыц, 2016. С. 33. Рис. 5)⁴.

Идентичная по форме, но значительно более крупная серебряная бляшка диаметром 20 мм (рис. 2, А) обнаружена в районе черепа в упомянутом погребении № 14 возле храма в Лоо (Овчинникова, 2010. С. 407–408. Рис. 11, 20).

Еще одна категория головных украшений – височные кольца (3 экз.; рис. 4). Они присутствуют в инвентаре двух погребений и по принятой классификации древнерусских височных колец входят в группы проволочных и бусинных (Седова, 1997. С. 64). К проволочным относится височное кольцо из погребения 13 со сведенными, не сомкнутыми концами без декора, диаметром 34–37 мм. Изготовленное из круглой в сечении проволоки толщиной 2 мм из свинцовой латуни (рис. 4, 2), оно обнаружилось у левой скулы захороненной там особы (рис. 5).

Бусинными являются два других кольца, сделанные из многокомпонентной латуни. Они залегали по обе стороны черепа в погребении VII в наосе (рис. 6). Диаметр кольца с двумя сохранившимися бусинами 46–50 мм, толщина дужки 2 мм; диаметр напускных полых

⁴ К сожалению, качество иллюстраций в этой публикации не допускает детального сравнения находок.

Рис. 5. Булавки (А) и височное кольцо (Б) *in situ* в погр. 13 храмового некрополя в Веселом

гладких биконических бусин 11 мм. На дужке по сторонам каждой бусины находится фиксирующая ее проволоочная обмотка, намотанная в несколько витков. У конца дужки осталась такая же проволока, видимо, для третьей бусины (рис. 4, 1а). Второе кольцо диаметром 47 мм аналогично первому, но сохранилось не полностью: концы его дужки обломаны, на нем осталась одна бусина (рис. 4, 1б). Вероятно, первоначально на каждом кольце их могло быть по три.

Височные кольца с гладкими бусинами наряду с простыми проволоочными являются типичными украшениями, существовавшими, в целом, длительное время на широкой территории. Приведем аналогии с территории Восточного Причерноморья: сходные кольца, но с выделенными филигранными поясками и бордюрами на бусинах (рис. 7, 13), происходят из упомянутого захоронения

Рис. 6. Височное кольцо и бусины *in situ* в погр. VII в наосе храма у с. Веселое

Рис. 7. Аналогичные средневековые бусинные кольца

1–3 – кольца, 4 – серьга с бусиной – Армения, Двин (Крым... 2003. Табл. 143, 18, 27, 28; 159, 26); Византия – 5–7 – Аэрино, Магnezия, Византийское кладбище, медный сплав, XI–XII вв. (Everyday Life, 2002. No 562, 563, 779); 8 – Эрмитца у Эгрино, византийское кладбище Таксиархис, медный сплав, XII–XIV вв. (Everyday Life, 2002. No 778); 9, 10 – Южная Русь, клад Стариково Курской обл. 1883 г. (Жилина, 2014. № 158/7, 8); Грузия – 11 – мог-к ц. Жамта Сакдари; 12 – Жинвальский мог-к, Накалакари (Крым... Табл. 124, 28, 17); 13 – погр. из раскопок в «Южных культурах» у п. Адлер (без масштаба) (Галищева, 2014. Рис. 5); 14 – погр. из раскопок храма в Лоо, XIII–XIV вв. (Овчинникова, 2010. Рис. 11, 18)

в «Южных культурах» (Крым... 2003. С. 215. Табл. 97, 19; *Галищева*, 2014. Рис. 5). Пара височных колец диаметром 65 мм встретила при раскопках 1995 г. в средневековом погребении у храма Лдзаа под Пицундой (*Барцыц*, 2011. С. 215; 2016. С. 33. Рис. 7). Другая пара колец хорошей сохранности находилась в погребении № 11 возле центральной башни в Ачишсинской крепости в верховьях р. Мзымта, в Адлерском районе (*Василиненко, Коробов*, 2011. С. 210. Рис. 1, 3). Наконец, серебряное четырехбусинное кольцо с филигранью на бусинах (рис. 7, 14) происходит из раскопок погребения 14 возле храма в Лоо, где обнаружилось у левого виска захороненной там персоны (*Обвинникова*, 2010. С. 407, 408. Рис. 11, 18).

Из Северо-Восточного Причерноморья известны также височные кольца XI–XIII вв. с одиночными простыми биконическими бусинами и с бусинами, декорированными напаянными конусами, более характерные для кочевников, но их отличает толстая дужка и крупные бусины (Крым... 2003. С. 219, 220. Табл. 100, 37, 38, 53; *Армарчук*, 2006. С. 201–216). Простые кольца, которые могли выполнять в уборе функцию подвешивания, тоже встречаются на памятниках этого региона (Крым... 2003. С. 219, 220. Табл. 100, 44, 46).

На Северо-Западном Кавказе провололочные височные кольца со сведенными несомкнутыми концами найдены на Нижне-Архызском городище, в погребении периода X–XII вв. могильника у северного храма (*Кузнецов*, 1993. Рис. 123, 9). Для периода V–VII вв. в Закавказье надо указать на украшения из меди с гладкими бусинами из Двина – крупного политического, культурного и религиозного городского центра средневековой Армении (*Калантарян*, 1970. С. 53. Табл. XVIII, 3, 4, 6). Там они нередко сочетаются с раннехристианскими вещами византийского облика (Крым... 2003. С. 322, 323, 331, 332. Табл. 143, 18, 23, 26–28) (рис. 7, 1–3). В IX в. ажурные бусины используются на более легких серьгах (рис. 7, 4). Приведем и бусинные украшения византийского круга XI–XIII вв. (рис. 7, 5–8). Известны также серьги с напускной бусиной из средневекового Азербайджана, однако те украшения имеют спирально закрученные концы дужек (Крым... 2003. Табл. 195, 10, 11).

Ряд аналогий связан со средневековой Грузией: из Жинвальского могильника Накалакари происходит золотое украшение – однобусинная серьга (рис. 7, 12), а из могильника церкви Жамта Сакдари – многобусинное бронзовое кольцо (рис. 7, 11). Общая примерная дата этих украшений XI–XIII вв. (Крым... 2003. С. 315).

Упомянем также два серебряных трехбусинных кольца, возможно, болгарского или иранского производства из клада 1883 г. в Стариково Курской области, которые относятся ориентировочно к концу XI – первой половине XII в. (Жилина, 2014. № 158/7, 8). Поверхность их бусин, как у сочинских экземпляров, оставлена практически гладкой, а поперечный диаметр подчеркнут филигранью (рис. 7, 9, 10).

Таким образом, очевидно, что бусинные украшения были характерны для Юга Восточной Европы и изучаемая территория Причерноморья тоже входит в их ареал. Что же касается Древней Руси, то здесь трехбусинные височные кольца были типичным городским женским украшением XII – середины XIII в., а в Новгороде они фиксируются в слоях от рубежа X–XI вв. до середины XIV в. (Седова, 1997. С. 65. Табл. 51, 19, 24–26). Довольно многочисленный материал происходит из Суздальского некрополя и с территории Суздальского Ополя, где трехбусинные кольца бытовали в XI – начале XII в. у жительниц крупных поселений и городов (Сабурова, Седова, 1984; Зайцева, 2017. С. 192, 194. Рис. 2, 8–14). С конца X в. на Руси существует устойчивая форма трехбусинного кольца (Жилина, 2017. С. 165. Рис. 2, III, 68), которой в целом соответствуют описанные причерноморские височные кольца.

Данные для возможной реконструкции головных уборов

Условия залегания всех рассмотренных находок в погребениях свидетельствуют об их связях с комплексами головных уборов, поскольку обнаружены в районе черепов (рис. 3; 5; 6; 8; 9). Отметим, что в ряде случаев точно прослежено расположение булавок острием вниз (рис. 1, 1, 7; 3; 8; 9). На голове булавки находились довольно высоко: в районе теменных костей, на уровне висков или выше.

Зооморфное навершие лучше сохранившейся булавки из погребения 28 залегало в вертикальном положении у левого виска рядом с иглой. Парная ей булавка лежала справа на теменной доле черепа (рис. 1, 1, 2). Игла третьей бронзовой булавки в этом же погребении располагалась вплотную к правому виску.

В других погребениях прослежено как парное расположение булавок по сторонам черепа, так и кучное – с одной стороны. В одном случае две бронзовые булавки лежали плотно по сторонам черепа выше затылка (рис. 1, 3; 8; 9). В другом, судя по плану погребения, три булавки располагались на теменной кости (рис. 1, 4). В третьем случае две булавки залегали вместе справа, чуть выше виска (рис. 1, 5; 5, А).

Рис. 8. Булавка с граненой головкой в погр. 33 храмового некрополя *in situ*

Наиболее интересные данные о местоположении вещей дают погребения в наосе. Здесь имеются свидетельства о конструктивной связи булавок (с граненой головкой в одном случае, с бусинной – в другом) с головным венком-диадемой. Булавки в погребениях, XIV и XV, находились в районе висков (рис. 9). Единожды булавка находилась непосредственно внутри остатков налобной повязки (рис. 1, 6, 7).

Одной из главных частей головного убора, вероятно, был венок (налобная повязка, диадема)⁵, обычно имеющий вид полосы. Венок украшался металлическими нашивными бляшками. В обоих погребениях из наоса часть головного убора, в которой можно предполагать венок, сохранилась в виде окисла металла шириной 3,0–3,5 см (рис. 2, 2; 3). Либо это остатки металлической пластины, либо – металлических нашивных бляшек или нитей.

Рис. 9. Булавки с граненой головкой *in situ* в погр. 22 храмового некрополя в Веселом
А – вид с юга; Б – вид с юго-запада

⁵ Венком называют головной убор или часть его в виде налобной полосы.

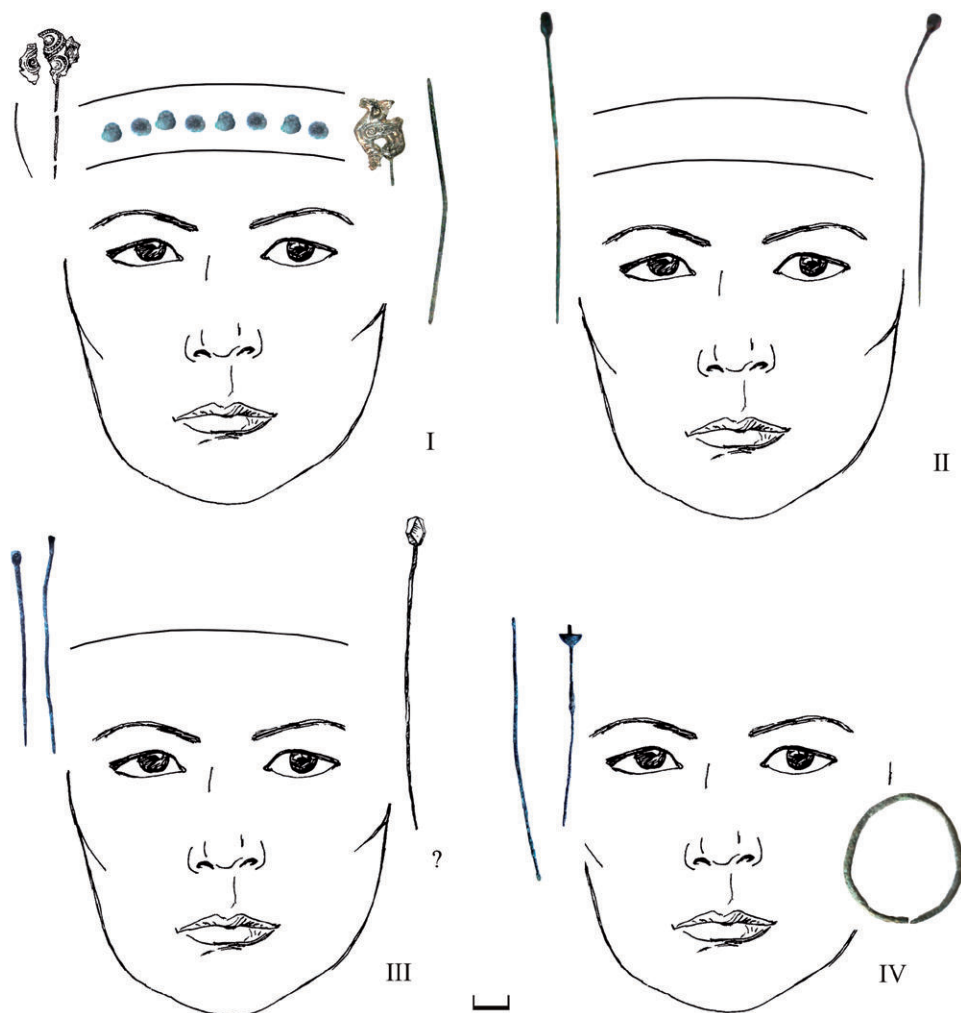

Рис. 10. Схематичные реконструкции головного убранства по погребениям могильника возле храма, X – нач. XI в.

I – погр. 28; II – погр. 22; III – погр. 33; IV – погр. 13

Сохранившиеся в двух погребениях миниатюрные серебряные и латунные бляшки залегали на лобной доле черепов. В первом случае круглые полусферические бляшки происходят из погребения с булавами с зооморфным навершием (рис. 2, 1), во втором – бляшки найдены в зоне окисла, соответствующего, вероятно, налобному венку-диадеме (рис. 2, 2; 3).

Бусинные височные кольца в погребении из наоса оказались несколько смещены: одно из них лежало справа от черепа (рис. 4, 1; 6), второе –

слева, под ним. Простое проволочное кольцо из погребения на некрополе лежало вплотную к черепу слева, на уровне скулы (рис. 5, Б). То есть, височные кольца располагались, вероятно, ниже булавок и могли быть связаны либо с ухом, либо с головным венком.

Состав головных уборов по комплексам погребений демонстрируют схематические реконструкции (рис. 10; 11).

I. Погребение 28 (женщина 30–40 лет): совместно найдены две булавки с посеребренными фигурными навершиями и бронзовые иглы двух других; серебряные нашивные бляшки головного убора, от которого также остался окисел (рис. 10, I).

II. Погребение 22 (женщина 30–40 лет): к головному убору относились только две бронзовые булавки с гранеными головками, расположенные по сторонам черепа у затылка (рис. 9; 10, II).

III. Погребение 33 (женщина 30–35 лет): в головной убор входили три бронзовые булавки (две с гранеными головками и одна без головки и острия) (рис. 8; 10, III), а также венок, о чем свидетельствует окисел на черепных костях.

IV. Погребение 13 (женщина 30–35 лет): головной убор включал две бронзовые булавки (одна – с шаровидной бусиной, вторая – с острием, без навершия) и проволочное латунное височное кольцо (рис. 5, А; 10, IV).

V. Погребение XV в наосе (женщина 25–35 лет): головной убор составляли две бронзовые булавки (одна – с граненой головкой), восемь нашивных латунных бляшек с остатками ткани, остатки венка в виде окисла (рис. 3; 11, V).

VI. Погребение XIV в наосе (женщина 35–45 лет): к головному убору относились одна бронзовая булавка с бусиной и остатки венка в виде окисла (рис. 11, VI).

VII. Погребение VII в наосе: найдены два латунных бусинных височных кольца⁶ (рис. 6; 11, VII).

Итак, наиболее полно головной убор представлен в погребении 28 некрополя и погребении XV в наосе храма. По материалам из этих комплексов на основании парных боковых бусинных колец и булавок, а также остатков ткани и налобного венка с нашивными бляшками можно предполагать головной убор ленточной конструкции, в состав которого входил и платок (рис. 10). В одном случае, когда три булавки

---

⁶ Под черепом найдена также подвеска из белого камня, вряд ли связанная с головным убором. Однако возле височного кольца справа от черепа лежали три полихромных бусины, в том числе одна крупная (см. рис. 6).

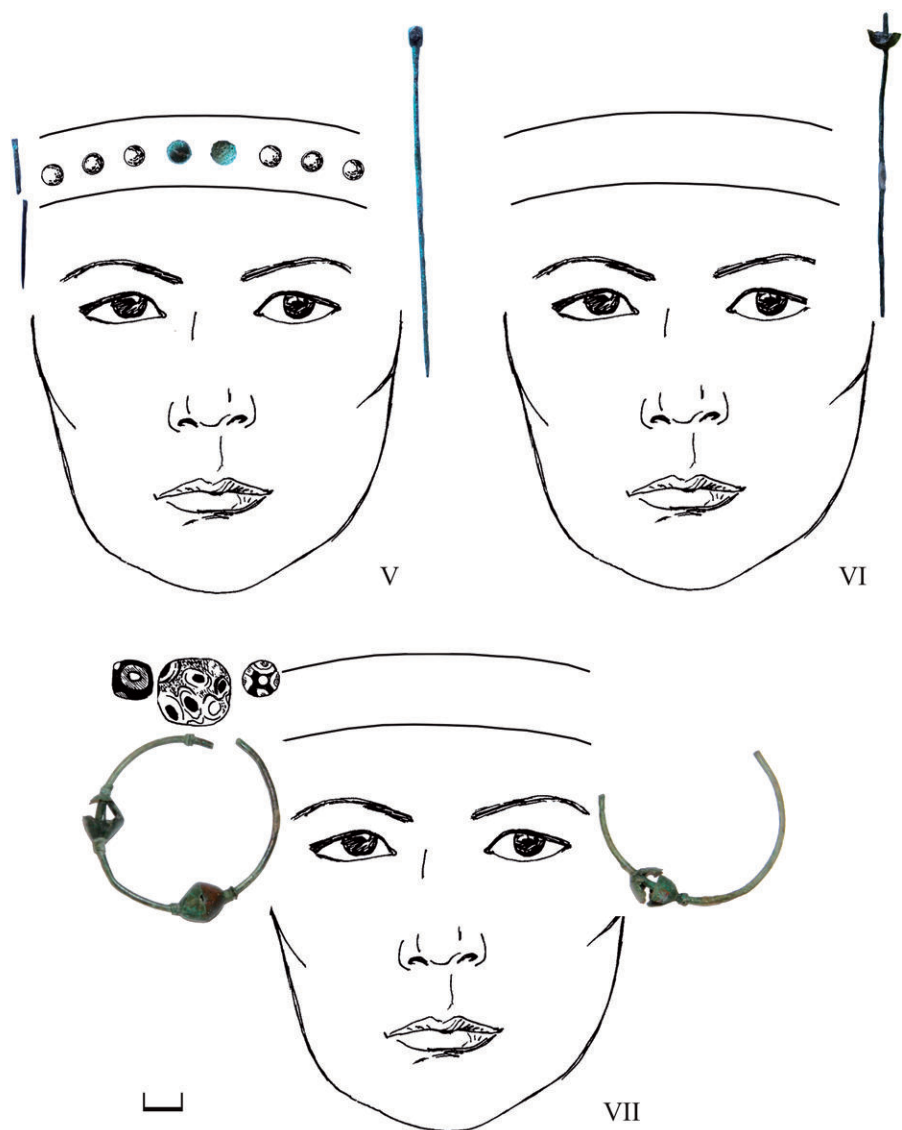

Рис. 11. Схематичные реконструкции головного убранства по погребениям в наосе храма, 2-я пол. XI – нач. XII в.

V – погр. XV; VI – погр. XIV; VII – погр. VII

располагались кучно на темени, но две – правее, можно предполагать сколотый ими платок (убрус) (рис. 10, III). Существенной разницы между головным убранством двух условно выделяемых хронологических периодов не наблюдается. В результате на основе проанализированных артефактов можно предложить типовой вариант головного

Рис. 12. Схематичные реконструкции головного убора по материалам Восточного Причерноморья

1 – погр. из раскопок в «Южных культурах» близ п. Адлер; 2 – типовый вариант

убранства с венком-диадемой с нашивными бляшками и булавками (рис. 12, 2).

Наиболее близкой аналогией реконструированного головного убора служит, во-первых, комплекс из раскопанного в 1956 г. средневекового погребения в «Южных культурах», где имеются и парные булавки, и бусинные височные кольца. Интересно, что булавки в этом погребении, скорее всего, были развернуты иглами вверх (рис. 12, 1).

Во-вторых, аналогией является набор головных украшений из женского погребения с восточной стороны храма в Лдзаа в Абхазии, раскопанного в 1995 г. Он включает два трехбусинных кольца, расположенных на височных костях, булавки в затылочной части и многочисленные мелкие полусферические бляшки, лежавшие двумя рядами вдоль лобной части черепа в полосе патины (Барцыц, 2011. С. 215; 2016. С. 33. Рис. 5–8). В этот набор входили также подвески-бубенчики, по трактовке автора раскопок отнесенные к налобной повязке, сколотой на затылке бронзовой булавкой (Барцыц, 2011. С. 215; 2016. С. 32).

В-третьих, сходство отмечается и с погребениями, раскопанными в Лоо Б. Б. Овчинниковой. Так, в погребении 14 обнаружилась нашивная бляшка и головные булавки, а в погребении 11 – головные булавки. В обоих случаях от булавок остались тонкие бронзовые «проволочки»-иглы, залегавшие у височных и затылочных черепных костей, то есть

так же, как и в Веселом (Обчинникова, 1991. С. 9–10, 15–16. Рис. 30, 2, 3, 11; 2010. С. 406–408. Рис. 11, 9, 10, 14, 15, 20).

Таким образом, в Восточном Причерноморье в X–XI вв. был распространен головной убор ленточного типа с головным венком-диадемой и платком, дополняемый парными височными бусинными кольцами. Для скрепления частей головного убора и присоединения его к волосам применялись булавки. Наблюдается как сочетание булавок и колец в комплексах уборов, так и употребление только одной категории. Возможны взаимная заменяемость этих украшений или изготовление булавок из височных колец. Как вариант, использовались платки, сколотые булавками. На протяжении рассматриваемого времени головные уборы существенно не изменились ни по составу, ни по типам украшений.

В кругу остальных захоронений в Веселом (как, вероятно, и в Лдзаа) рассмотренные погребения выделяются довольно-таки насыщенным для христианских захоронений инвентарем (пусть и относящимся преимущественно к костюму), включавшим в некоторых случаях и драгоценные ювелирные изделия (табл. 1) (Армарчук, 2019. С. 50–63; Жилина, 2019. С. 141–157; Колесник (Столярова), 2019. С. 210–232). Вероятно, головные уборы с такими категориями украшений, как булавки и височные кольца, так же, как и в Древней Руси, более свойственны состоятельным слоям населения и городскому костюму.

(В реконструкциях для шаблона лица использован рисунок кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИЭА РАН О. Б. Наумовой.)

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Адаксина С. Б., 2002. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. СПб.: ГЭ. 117 с.
- Акопян Н., 2008. Раскопки центрального квартала // Двин. IV. Город Двин и его раскопки (1981–1985 гг.). Ереван: Изд. «Гитутюн» НАН РА. С. 11–54.
- Армарчук Е. А., 2006. «Половецкие серьги» // Средневековая археология евразийских степей. М. – Йошкар-Ола. С. 201–216.
- Армарчук Е. А., 2013. Отчёт о раскопках христианского храма у пос. Весёлое в Адлерском р-не Большого Сочи Краснодарского края в 2010 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34448–34450.

- Армарчук Е. А., 2015. Отчёт о раскопках христианского храма у пос. Весёлое в Адлерском р-не Большого Сочи Краснодарского края в 2011 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44676–44678.
- Армарчук Е. А., 2019. Перстни с арабской эпиграфикой из раскопок храма у села Веселое под Адлером // Звучат лишь письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 50–63.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2012. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 года // РА. № 3. С. 78–90.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В., 2015. Раскопки христианского храма у с. Веселое под Адлером в 2010–2011 гг. // АО 2010–2013 годов. М.: Наука. С. 318–319.
- Барцыц Р. М., 2011. Охранные археологические исследования в с. Лдзаа Гагрского района // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Матер. конф. Сухум: АБИГИ. С. 215, 216.
- Барцыц Р. М., 2016. Предметы украшения из раскопок храма в селе Лдзаа, 1989–2013 гг. // Абхазоведение: Археология. Историческая этнология. Вып. X. АБИГИ. Сухум: Дом печати. С. 32–36.
- Василиненко Д. Э., Коробов Д. С., 2011. Исследования на крепостях эпохи средневековья в бассейне р. Мзымта (Краснодарский край, Адлерский район г. Сочи // Вторая Абхазская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Матер. конф. Сухум: АБИГИ. С. 206–214.
- Галищева Е. В., 2014. Утраченное археологическое наследие Сочи: храм эпохи средневековья в «Южных культурах» // ред. Т. А. Павленко и др. IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Матер. Междунар. археологической конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция. С. 43–52.
- Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: ЛИБРОКОМ, URSS. 2014. 391 с.
- Жилина Н. В., 2017. Средневековый ювелирный убор IX–X веков. Общие тенденции и своеобразие мировых регионов (Византия, Западная Европа и Русь) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 157–186.

- Жилина Н. В., 2019. Птицы или надписи: форма символа; типология, хронология и орнаментация перстней из Сочинского региона // Звучат лишь письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой / Отв. ред. Ю. В. Коваль. М.: ИА РАН. С. 141–156.
- Зайцева И. Е., 2017. Височные кольца из Шекшова в Суздальском Ополье // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 187–195.
- Калантарян А. А., 1970. Материальная культура Двина IV–VIII вв. Ереван: АН АрмССР. (Археологические памятники Армении. 5. Средневековые памятники. Вып. I). 64 с.
- Колесник (Столярова) Д. А., 2019. К вопросу о технологии изготовления перстней-печаток из раскопок храма у села Веселое под Адлером // Звучат лишь письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой / Отв. ред. Ю. В. Коваль. М.: ИА РАН. С. 210–232.
- Крым. Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. 533 с.
- Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: Кавказская библиотека. 464 с.
- Мимоход Р. А., Клещенко А. А., Армарчук Е. А., Скаков А. В., 2015. Работы Сочинской экспедиции ИА РАН в зоне строительства Олимпийских объектов // АО 2010–2013 годов. М.: Наука. С. 397–399.
- Овчинникова Б. Б., 1991. Отчет о раскопках храма в пос. Лоо (на территории пансионата «Магадан») Сочинского горисполкома экспедиции Уральского университета в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17696.
- Овчинникова Б. Б., 2010. Лооский храм Большого Сочи // Отв. ред. А. Е. Мусин. Диалог культур и народов Средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 396–410.
- Сабурова М. А., Седова М. В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука. С. 91–130.
- Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. (Археология). С. 63–78.
- Столярова Д. А., 2014. Технология производства ювелирных украшений из раскопок христианского храма у пос. Веселое // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. IV / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество. С. 187–201.
- Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium / Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture, Epikoinonia Ltd., 2002. 599 p.

Д. Ю. Бадеев, Л. В. Яворская
Институт археологии РАН, Москва

Охота как традиционное занятие горожан золотоордынского Болгара (по материалам раскопов к юго-западу от Соборной мечети)

Резюме. Археологические исследования в средневековом городе Болгар позволили локализовать в его центральной части ремесленный район. Археологический материал из этого района свидетельствует о распространении охоты в среде городского ремесленного населения. Наличие высокого таксономического разнообразия хищных птиц, а также находка в одном из объектов золотоордынского периода 16 скелетов взрослых собак и набора разрозненных останков от нескольких новорожденных щенков, позволяют говорить о проживании в этом районе особого населения, чьим ремеслом была организация охоты и подготовка специализированных животных. Использование методов археозоологии позволило проследить изменения в предпочтениях в ведении охоты. Если в домонгольский период предпочтение отдавалось небольшим ловчим птицам, размера ястреба-перепелятника, то в золотоордынский период к ним добавляются крупные орлы, такие как беркут и могильник – птицы, более распространенные в восточных районах Евразии, охота с которыми характерна для монгольской традиции.

D. Yu. Badeev, L. V. Yavorskaya

Hunting as a Traditional Employment of Citizens of the Bolgar during the Golden Horde Period (according to the Excavations Southwest of the Cathedral Mosque)

Abstract. In the central part of the medieval city of Bolgar, an area of several crafts is localized by archaeological research. Archaeological material from this area indicates the spread of hunting among the urban craft population. The presence of a high taxonomic diversity of birds of prey, as well as the discovery in one of the objects of the Golden Horde period 16 skeletons of adult dogs and a set of scattered remains of several newborn puppies, allow us to talk about living in the area of specialized population, whose craft was the organization of hunting and training of specialized animals. The use of methods of archaeozoology allowed us to trace changes in preferences in the conduct of hunting. If in the pre-Mongol period preference used medium-sized birds of prey, the size of a Sparrow hawk, then in the Golden Horde period to them are added large eagles, such as the Golden eagle and the Imperial eagle – birds, more common in the Eastern regions of Eurasia, which characterize the Mongolian hunting tradition.

Одной из сторон хозяйства и культуры Золотой Орды выступает охота. По письменным источникам мы можем судить о том, что охота разделяется на охотничий промысел и традиционное развлечение

феодалной знати. Охотничий промысел в Средние века связан, в первую очередь, с добычей пушнины и ценных пород поделочного материала (например, рога) и, лишь во вторую, с заготовкой еды. Что касается охоты как развлечения феодалной знати, то она получает широкое распространение среди золотоордынской верхушки и несет на себе отпечаток монгольской традиции. Например, установленная еще Великой Ясой облавная охота являлась своеобразной школой военной тренировки для монгольских всадников, о таких «маневрах» свидетельствуют и иностранные путешественники (Карпини, 1957. С. 99).

Сцены охоты можно встретить и в изобразительном искусстве. Наиболее известным является полотно китайского художника Лю Гуаньдао, на котором представлена охота монгольского хана Хубилая. Охота ведется на конях, при помощи лука со стрелами и специально обученных животных: на руке одного из сопровождающих мы видим хищную птицу, за спиной другого на седле сидит барс, а у ног лошадей бегают собаки (рис. 1). Появляются и специализированные на подготовке «охотничьих забав» люди. Встречаем мы их и в ханских ярлыках конца XIII–XIV вв., где упоминаются «сокольники» и «барсники» (Радлов, 1889. С. 21, 25; Ярлыки ... 1955. С. 465, 467, 469). Вопросом остается, насколько охота являлась традиционным видом деятельности для жителей золотоордынских городов. Письменные источники не дают однозначного ответа.

Новые данные о развитии охотничьей традиции предоставляют нам результаты археологических исследований. Одним из наиболее археологически изученных городов Золотой Орды на данный момент является Болгар. Здесь к юго-западу от Соборной мечети был локализован и исследован торгово-ремесленный район золотоордынского периода (Бадеев, Коваль, 2018). Среди ремесленных усадеб второй половины XIII – начала XIV в. можно отметить усадьбу, где функционировала косторезная мастерская – усадьба «Д». Она специализировалась на обработке «редкого сырья» – бивней моржа (*Odobenus rosmarus*) и слоновых (*Elephantidae*) (Яворская, 2018. С. 208–210).

Из первого вида сырья с площадки исследования происходит обломок кольца для стрельбы из лука, а также две рукояти небольшого размера, из второго – пять фрагментов орнаментированных колчаных накладок, широко известных по материалам курганных могильников кочевников XIII–XIV вв. Собранные материалы, к сожалению, не позволяют уверенно сказать, осуществлялся ли здесь весь производственный комплекс по сбору колчанов. Однако наличие «тренировочных» или

Рис. 1. «Хубилай хан на охоте». Картина на шелке (фрагмент).
Лю Гуаньдао. Китай (1280 г.)

1 – сокольник; 2 – барсник; 3 – псарь

Рис. 2. Снаряжение для охоты (кость, рог)

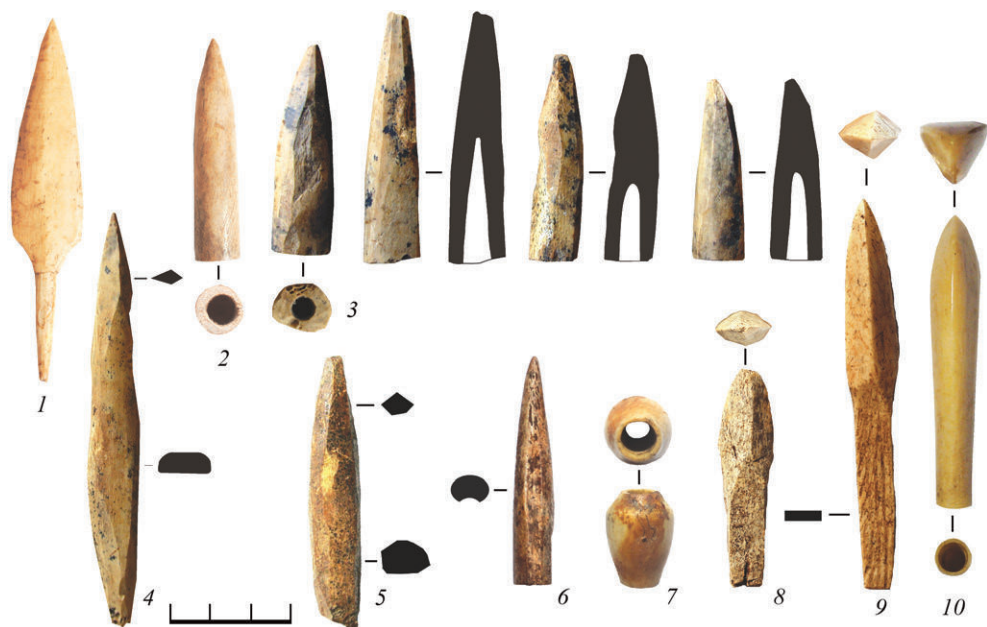
1, 2 – накладки на колчан (р. 179-2014 г. № 669, 672); 3–8 – кольца для стрельбы из лука (р. CLXXIX-2015 г. № 325; р. CLXII-2011 г. № 674; р. СХСII-2016 г. № 1727; р. СХСII-2017 г. № 423; р. СХСII-2017 г. № 1358; р. СХСII-2018 г. № 291); 9, 10 – петли наколчаные (р. CLXXIX-2012 г. № 314; р. СХСII-2017г. № 580)

«учебных» фрагментов плоских костей (коровьих ребер) для проверки различных пунсонов и резцов перед работой над изделием из дорогостоящего материала указывает на то, что мастерская специализировалась, как минимум, на производстве накладок для колчанов (Яворская, Бадеев, 2019).

Эти изделия зафиксированы в ходе исследования здания городского базара середины XIV в., где они представлены узкой (20×2 см) пластиной с чешуйчатым орнаментом и широкой пластиной (17,0×4,3 см), украшенной резным растительным орнаментом (рис. 2, 1, 2). Указанные накладки происходили из южной части базара, где выявлена и партия железных стремян, подготовленных к реализации. Возможно, здесь осуществлялась торговля предметами из так называемого всаднического набора, которые, соответственно, могли применяться в процессе конной охоты, когда наездник продолжительное время находился в седле.

Отметим и то, что предметы, которые принято связывать со снаряжением для охоты, широко представлены в золотоордынских ком-

Рис. 3. Костяные наконечники стрел для охоты на птицу и пушного зверя и их заготовки

1, 4–6, 8, 9 – черешковые (р. СХСII-2013 г. № 184; р. CLXXIX-2012 г. № 392; р. CLXXIX-2013 г. № 354; р. CLXXIX-2013 г. № 1452; р. CLXXIX-2014 г. № 925; р. CLXXIX-2014 г. № 598); 2, 3, 7 – втульчатые (р. СХСII-2013 г. № 204; р. CLXXIX-2012 г. № 393; р. СХСII-2018 г. № 605; р. CLXII-2011 г. № 693)

плексах данной части города. Среди них кольца для стрельбы из лука (рис. 2, 3–8) – основного орудия охоты и наколчанные петли различных форм (рис. 2, 9, 10).

Весьма распространенными находками являются костяные наконечники стрел – томары, в том числе заготовки. Обнаруженные на рассматриваемом участке исследований наконечники по форме крепления к стержню стрелы можно разделить на два типа: черешковые, среди которых преобладали экземпляры с трехгранным сечением; и втульчатые – с пулевидным окончанием (рис. 3).

Еще одной группой находок, связанных с предметами для охоты, являются две небольшого размера (4,2 см) муфты под вертлюги, сделанные из животной кости. Одна из них орнаментирована циркульным орнаментом (рис. 4, 1, 2). Подобные вертлюги с тонкими кожаными ремешками (путцами и должником) использовались для крепления ловчей птицы к перчатке или присаде. Чтобы путцы не скручивались, не закручивались вокруг ног птицы и тем самым не привели к травмам птичьих

Рис. 4. Предметы для охоты с ловчими птицами (1-6) и охотничьи трофеи (7-15)

1, 2 – муфты под вертлюг костяные (р. СХСII-2017 г. № 1140; р. СХСII-2018 г. № 606);
 3–6 – бубенчики линейнопрорезные медного сплава (р. СХСII-2013 г. № 184;
 р. СХСII-2015 г. № 97; р. СХСII-2017 г. № 1101); 7 – «амулеты» из нижних челюстей
 средних по размерам хищников (р. CLXXIX-2013 г. № 1469; р. CLXII-2011 г. № 728);
 8 – «амулет» из отростка плотного рога (р. СХСII-2014 г. № 785); 9 – «амулет» из
 метаподия крупного псового хищника (волка?) (р. CLXXIX-2013 г. № 717); 10 – «амулет»
 из клыка медведя (р. CLXXIX-2016 г. № 700); 11, 12 – «амулеты» из третьей (когтевой)
 фаланги медведя (р. CLXXIX-2016 г. № 775; р. СХСII-2016 г. № 1986); 13, 14 – «амулеты»
 из метаподий зайцев (р. СХСII-2016 г. № 1390, 1460); 15 – «амулет» из астрагала бобра
 (р. СХСII-2014 г. № 487)

лап, они ввязывались в костяной вертлюг. Это приспособление состоит из муфты с тремя сквозными отверстиями и подвижной шпильки. Два крайних отверстия служили для крепления путцев. Среднее предназначалось для стержня со шляпкой на одном конце и отверстием для закрепления ремешка-должика на другом. При движении птицы путцы проворачивались вместе с пластиной вертлюга вокруг шпильки, не перекручиваясь (Осипов, 2009. С. 245; Федоров, Матехина, Осипов, 2011. Рис. 2, 5). Судя по размеру вертлюгов, они применялись для работы с небольшой птицей, например, с ястребом-перепелятником.

К снаряжению для ловчих птиц можно отнести небольшие колокольчики (бубенцы) медного сплава, также широко представленные среди находок с площадки исследования (рис. 4, 3–6). Они крепились к лапе птицы и помогали охотнику найти птицу с добычей в густой траве (Федоров, Матехина, Осипов, 2011. С. 203).

Стоит упомянуть еще одну категорию изделий, выполненных из различных костей диких животных и имеющих сквозные отверстия. Обычно исследователи относят их к «амулетам». В свою очередь, мы позволим себе рассмотреть их в качестве охотничьих трофеев: на этих костях присутствуют сквозные отверстия, которые могли быть использованы как для подвешивания, так и для закрепления на какую-либо основу. Среди таких находок отмечены нижние челюсти лисицы и куницы, астрагал бобра, метаподии волка и зайца, клык и когтевые фаланги медведя, фрагменты рогов оленя и лося (рис. 4, 7–15).

К свидетельствам распространения охоты в среде городского населения помимо комплекса вещей могут быть отнесены и специфические остеологические останки. В районе исследований (раскоп CLXXIX-2013–2015 гг.) выявлено 33 кости дневных птиц-хищников, которые относились к 12 особям¹. Дневные хищные птицы представлены ястребом-тетеревятником (*Accipiter gentilis*), ястребом-перепелятником (*Accipiter nisus*), беркутом (*Aquila chrysaetos*), могильником (*Aquila heliaca*), балобаном (*Falco cherrug*), соколом (*Falco sp.*).

Видовой состав представлен как автохтонными видами диких птиц, так и, возможно, завезенными. К последним относится беркут, более распространенный в восточных районах Евразии. Его применение характерно для восточной охотничьей традиции. Данная хищная птица до сих пор активно используется в странах Центральной Азии для

---

¹ Определение костей птиц с раскопа произведено научным сотрудником Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН Н. В. Волковой.

охоты на лис, зайцев, реже на волков и даже джейранов. Известно, что в Новгородской земле беркутов специально добывали только для продажи или в качестве подарков в Золотую Орду. На Руси с этими птицами не охотились (Федоров, Матехина, Осипов, 2011. С. 202).

Использование других дневных хищных птиц, чьи костные остатки выявлены в раскопе CLXXIX, широко практиковалось как в Европе, так и на Востоке. Применяли их и жители золотоордынского Болгара. К этому выводу мы склоняемся по нескольким причинам. Во-первых, обращает на себя внимание высокое таксономическое разнообразие хищных птиц, сконцентрированных в центре города, и, если наличие ястребов (тетеревятника и перепелятника) в городе вполне допустимо, то маловероятным кажется случайное выпадение вместе с ними крупных орлов – беркута и могильника – птиц, которые избегают в дикой природе встреч с человеком. Во-вторых, большинство находок костей ловчих птиц (до семи особей) происходит из комплексов раннего золотоордынского периода (второй половины XIII – начала XIV в.). Их останки тяготеют к усадьбам «Г», «Д», которые располагались в северной части площадки исследований, практически совпадая с планировкой находок, связанных с рассмотренной выше косторезной мастерской. Это позволяет нам исключить случайность попадания костей птиц в культурный слой.

Особенно интересны в этом плане останки беркута из ямы № 86 (раскоп CLXXIX-2013 г.). От него сохранился почти полный скелет без головы, крыла и цевки с когтями (рис. 5, 1). Все кости, отсутствующие в данном скелете, обычно остаются на своих местах при изготовлении из птицы чучела. Можно предположить, что это была очень ценяемая хозяевами птица, и после смерти из нее действительно сделали чучело, а почти полный набор остальных ее костей обнаружен в одной яме.

В-третьих, половозрастной состав найденных особей указывает на их специальный отбор. В основном представлены взрослые самки (четыре особи), лишь один самец, для остальных пол не определен из-за плохой сохранности костного материала, либо из-за возраста особи. Именно взрослые самки ястребиных считаются наиболее удачливыми охотниками (Антипина, Лебедева, 2012. С. 215).

Важным можно считать и тот факт, что среди останков животных с площадки исследований имеются объекты охоты или обучения ловчих птиц. В том же раннем золотоордынском слое найдены два почти полных скелета домашних голубей (*Columba livia*) и еще несколько отдельных костей этих птиц, а среди диких животных преобладали кости

1

2

Рис. 5. Костные останки охотничьих животных с территории ремесленно-торгового района золотоордынского Болгара

1 – скелет беркута (*Aquila chrysaetos*), р. CLXXIX-2013 г.;

2 – скелеты собак из заполнения ямы № 1 р. СХСII-2013 г.

зайцев. От общей массы костей диких животных кости зайцев составляли почти половину – чуть более 48%.

Исходя из всего перечисленного выше, можно сделать вывод, что в ранний ордынский период в центральной части Болгара среди занятий местного населения процветала охота с ловчими птицами. Можем также предположить, что здесь проводили их обучение. Возможно, что именно этот специально обученный человек, сокольник, заказал себе найденную поблизости прикладную печать-матрицу из моржового бивня, на одной из боковых сторон которой изображена сцена охоты с помощью хищных птиц (*Бадеев, Яворская, 2017. Рис. 1*). Таким образом, он нашел способ отразить род своих занятий.

В 2013 г. на раскопе СХСII при исследовании усадьбы 1320-х – 1340-х гг. (усадьба «Г») выявлен заглубленный объект – подвал (яма № 1), который, как и наземная постройка над ним, пострадал в результате сильного пожара. Специфика ситуации состоит в том, что заполнение объекта содержало исключительно «кухонные» остатки – кости крупного и мелкого рогатого скота, причем анатомически фиксируются исключительно мясные части туш этих животных и стандартная разделка. Скорее всего, мясо для данной усадьбы покупалось у мясников или на рынке.

И вот среди этих исключительно кухонных остатков обнаружено 16 скелетов взрослых собак и набор разрозненных остатков от нескольких новорожденных щенков. Взрослые собаки были не крупными и не мелкими, в размерах их одноименных костей большого разброса не наблюдалось, то есть морфологически они представляли довольно монолитную группу (рис. 5, 2). Не наблюдается никаких следов манипуляций с их телами. По-видимому, собаки оказались заперты и погибли в постройке, которая размещалась непосредственно над подвалом или вблизи от него. Не вызывает сомнений, что такое количество разновозрастных, но похожих по экстерьеру особей содержали в усадьбе специально.

Для каких же целей могли содержать столько собак в центральной, торгово-ремесленной части города? Наиболее вероятно, что в данном случае погибла специально созданная для охоты свора собак и ее потомство. О «традиции разведения собак» в золотоордынском Болгаре могут свидетельствовать и остеологические находки из других крупных заглубленных объектов, в том числе подвалов. При этом в большинстве случаев исследователи относили обнаруженные останки в нижней части заполнения подвалов к своеобразным «строительным жертвам или оберегам», либо связывали их с «культовым характером сооружения» (*Полубояринова, 2016. С. 58*).

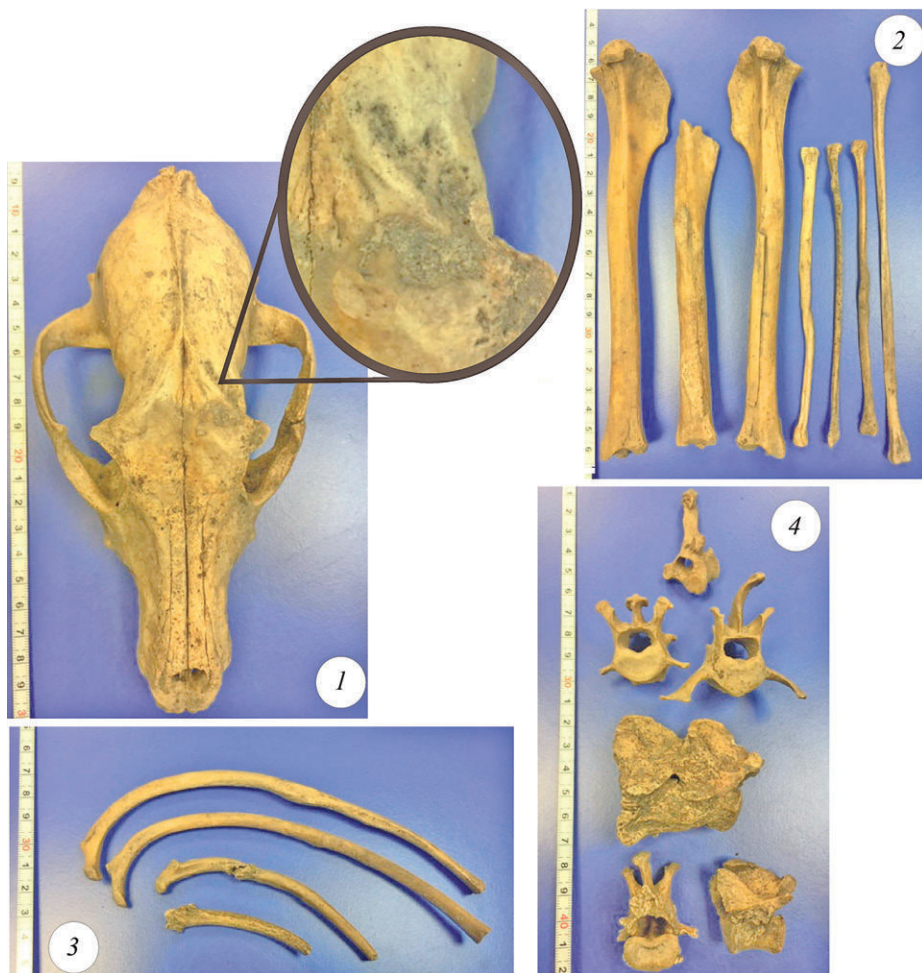

Рис. 6. Следы приобретенных костных патологий у собак

1 – на черепе; 2 – на берцовых костях; 3 – на ребрах; 4 – на позвонках

Известно, что на Руси и в Польше наиболее ценилась восточная порода охотничьих собак, попадавшая сюда через Золотую Орду. Согласно законам Владислава Ягелло (XIV в.), за воровство охотничьего пса полагался штраф в шесть гривен, тогда как за убийство крестьянина он был немногим больше – 10 гривен (Кутепов, 2004. С. 164).

Разведение и обучение охотничьих собак для дальнейшей их продажи было выгодным делом уже в Средние века, и, по-видимому, оно являлось одним из важных занятий горожан центральной части Болгара. В исследуемом квартале усадьбы и строения с различными

ремесленными производствами, существовавшие синхронно, располагались довольно плотно друг к другу. Однако в рамках усадьбы «Г», где находилась яма № 1, не выявлено никаких производственных комплексов. Это вполне объяснимо, если предположить, что на данном участке городского пространства занимались разведением и обучением охотничьих собак. О специфическом роде занятий животных могут свидетельствовать характерные для охотничьих собак приобретенные патологии: трещины и переломы ребер, даже со смещением (рис. 6, 3), ударные травмы и появление наростов-остеофитов на отдельных позвонках (рис. 6, 4), ударные травмы конечностей, трещины и переломы, патологические сращения этих костей (рис. 6, 2), а также следы травмы на одном из черепов, возможно, вследствие «покусов» (рис. 6, 1). При этом все полученные раны носили следы заживления, то есть были залечены, что свидетельствует об особом отношении к животным со стороны хозяев.

По результатам археологических и археозоологических исследований, получены сведения еще об одном важном занятии горожан центральной части золотоордынского Болгара – охоте. Для торгово-ремесленной части города с плотной застройкой это трудно представить. Однако существенное количество предметов для охоты могли изготавливаться именно местными ремесленниками. Кроме того, если воспринимать занятие охотой, а также разведение и обучение ловчих птиц и собак как ремесло, то местоположение таких специализированных «мастерских» становится вполне объяснимым.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Литература

- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2012. Растения и животные. Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН. С. 144–229.
- Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю., 2018. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. № 2. С. 270–289.
- Бадеев Д.Ю., Яворская Л.В., 2017. Две находки печатей-матриц из раскопок в центральной части золотоордынского Болгара // КСИА. Вып. 249. Ч. II. С. 288–298.
- Кутепов Н.И., 2004. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVII вв. Челябинск: Аркаим. 251 с.

- Осипов Д. О., 2009. Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) // АП. Вып. 5. М. С. 237–250.
- Карпини Джиованни дель Плано, 1957. История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карипини и Рубрука / Ред., вступ. статья и прим. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры. С. 23–83.
- Полубояринова М. Д., 2016. Жилища Болгара // Город Болгар: Жилища и жилищная застройка / Отв. ред. А. Г. Ситдинов. М.: Наука. С. 5–191.
- Радлов В. В., 1889. Ярлыки Токтамышша и Темир-Кутлуга // ЗВРАО. Т. III. 1888. СПб. С. 1–40.
- Федоров В. М., Матехина Т. С., Осипов Д. О., 2011. К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Записки Института истории материальной культуры. СПб. С. 199–211.
- Яворская Л. В., 2018. Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. № 3. С. 206–217.
- Яворская Л. В., Бадеев Д. Ю., 2019. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. № 4. С. 210–225.
- Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 3. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1955. С. 463–491.

Л. А. Беляев, О. Н. Глазунова
Институт археологии РАН, Москва

Чудеса продолжаются: иконографическая загадка из Нового Иерусалима

Резюме. В статье представлена публикация уникальной находки, происходящей из раскопок на территории Нового Иерусалима, предложена ее атрибуция и анализ изображения, представляющего собой сюжет «Поклонение волхвов». На основании стилистических особенностей (в первую очередь иконографии волхвов и элементов их одежды, в частности, тюрбанов) предложена датировка предмета XVI–XVII вв. и ее европейское происхождение.

L. A. Belyaev, O. N. Glazunova
**Miracles Continue: An Iconographic Puzzle
from the New Jerusalem**

Abstract. The article presents the publication of a unique find from excavations in the territory of New Jerusalem, its attribution and analysis of the image, which is the plot of the “Adoration of the Magi”, is proposed. On the basis of stylistic features (first of all, the iconography of the Magi and elements of their clothes, in particular, turbans), the dating of the item to the 16th–17th centuries and its European origin are proposed.

Публикуя год назад в «Кратких сообщениях ИА РАН» статью о неожиданных находках в слоях Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, чья связь с его историей представлялась сомнительной, а с музейным собранием все более вероятной, один из авторов этой статьи не решился дать ей название: «Чудеса Нового Иерусалима». Однако в юбилейном сборнике подобные имена звучат естественнее, и, поскольку речь пойдет об очередной находке из вероятной «музейной» серии, слово «чудо» вполне уместно. Это чудо еще и потому, что первые попытка дать предмету полную иконографическую атрибуцию силами очень широкого круга историков искусства не привела к серьезным результатам – по крайней мере, до сих пор.

Иными словами, в статье предлагается публикация находки, атрибуция которой не окончена, а разве что начата. Думаю, в данном случае это простительно – пусть у юбиляра будет возможность и стимул самому поработать с вещью, которая теперь его, а то дарим всегда какие-то

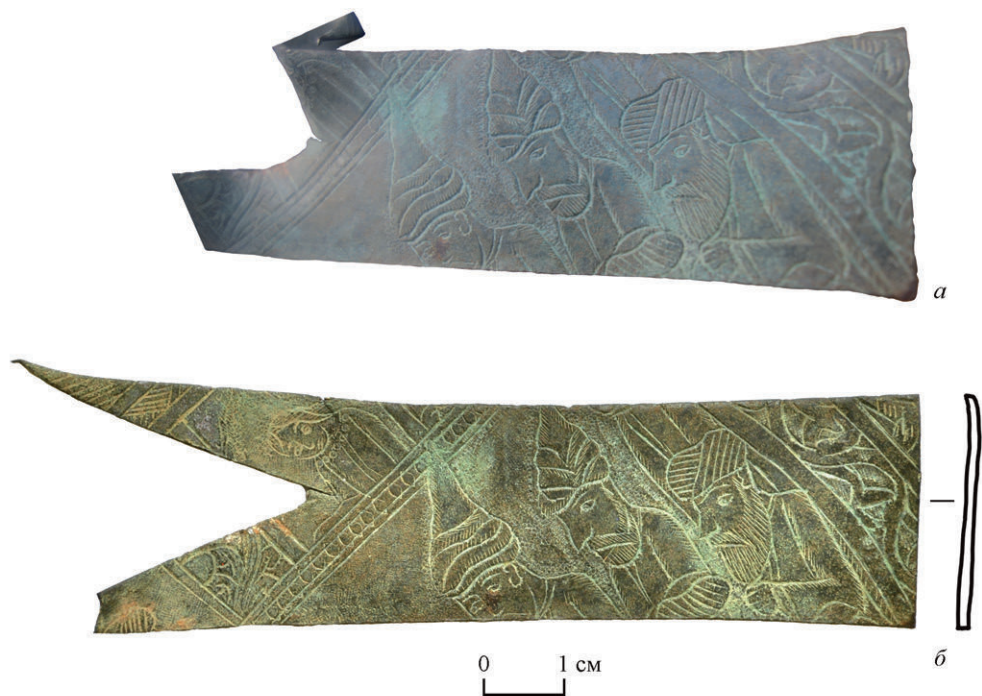

Рис. 1. Пластика из Нового Иерусалима. Переотложенная находка. XVI–XVII вв. (?)

а – до реставрации; б – в распрямленном состоянии

уже решенные задачки! Мы с юбилеем уже не раз решали их, в том числе и совместно – не сомневаюсь, что Алексею Владимировичу будет что сказать (напр.: Беляев, Чернецов, 2005.).

Предмет, о котором идет речь (точнее, часть предмета), был найден в 2011 г. в южной части монастыря (раскоп 1, индивидуальная находка № 5), во внутреннем дворе, открытом между фундаментами не сохранившихся Каменных палат и Старого деревянного дворца, построенного для императрицы Елизаветы. Находка сделана в слое балласта, в прослойке коричневой супеси с включениями темно-серого суглинка, извести и кирпичного боя XIX – начала XX в.

Это полоса цветного металла (бронзы или латуни), вырезанная из большого плоского листа (скажем, из блюда или подноса). Металл довольно толст (более 1 мм). Полоса имеет ширину около 3 см и длину 10–11 см; один ее конец обрезан прямо, другой надрезан клином и концы загнуты с неясной целью (рис. 1).

На полосе поместилась выполненная в технике глубокой гравировки часть композиции, видимо, многофигурной, и часть разделяющего их орнамента (дуга и прямые с внутренней разделкой). Дуга, хотя и очень короткая, позволяет оценить центральное поле как круг с диаметром около 20 см, а все изделие могло иметь диаметр не менее 30 см.

Основную часть полосы занимают верхние части фигур трех персонажей, головы которых увиты тюрбанами разных форм. Справа, у бордюрного круга, помещен старец с окладистой бородой и в плоском тюрбане с заправленным концом, разделанным параллельной штриховкой. Левая рука поднята и сжата в кулак (возможно, она что-то держит); рукав свободный и широкий – вероятно, от одежды типа халата-чапана.

Далее из-за него выступает второй мужчина, также с бородой, но с явно артикулированными длинными и толстыми усами; они резко пересекают аккуратную недлинную бороду округлой формы (у старца усы подстрижены и не так бросаются в глаза). Одет персонаж подобным же образом – виден откинутый рукав халата и, возможно, поддетая под него рубаша. На голове мужчины – высокий, вытянутый кверху конусом тюрбан, нижняя часть которого представлена как трижды перевитый и заправленный жгут. Примерно такой же тюрбан на голове у третьего персонажа, стоящего дальше всего от зрителя, но здесь мы не видим точек заправки жгутов друг под друга – перед нами боковая часть навивки, разделенная на четыре жгута, выше которых начинается остроконечный колпак. У этого персонажа округлое лицо без усов и бороды (впрочем, подбородок на полосу не поместился).

Все три персонажа одного размера, но помещены не на одном уровне, а уступом, так что возникает ощущение перспективы; кроме того, средний из них стоит немного выше двух боковых. Позади правого (крайнего снаружи) персонажа видна еще одна фигура в длинной одежде – больше ничего определенного о ней сказать нельзя. За вторым персонажем как будто проглядывает разделка поверхности, но что это за форма – непонятно. Фон позади безбородого персонажа гладкий.

Верх тюрбана задней фигуры наложен на узкую разделительную полосу (две линии с каждой стороны и мелкие «жемчужины» между ними), над которой виден еще один персонаж, гораздо меньшего размера (по крайней мере, вдвое или вчетверо). Этот персонаж одет и убран совершенно иначе: безбородое круглое лицо, разобранный по центру на пробор гладкая, прилизанная прическа (или шапка с длинными загнутыми концами?); вокруг шеи, по плечам – цепь или иное обрамление ворот; одежда облегающая, узкая, застегивающаяся с помощью

планки, разделана штриховкой. Фигура изображена по пояс. Левая рука свободно свисает, правая как будто согнута в локте и положена на край бордюра как на парапет. Эта фигура занимает один из двух треугольных «хвостов» выреза – второй покрыт орнаментальными и, возможно, изобразительными элементами, но размер полосы не дает возможности понять, какими именно.

Можно уверенно сказать, глядя на фрагмент изображения, что перед нами сюжет «Поклонение волхвов», где волхвы, во-первых, изображены в восточных костюмах, а во-вторых, символизируют три возраста человека и, в то же время, три этнических (чтобы не сказать расовых) типа.

Это определяет, по крайней мере, нижнюю дату изделия: в европейской иконографии волхвы (маги, короли) получили имена в начале VIII в. в труде Беды Достопочтенного, но стали изображаться как три разновозрастных и разноэтнических персонажа не ранее XII–XIII вв. Широкого распространения эта модель достигла благодаря «Золотой легенды» (ок. 1260 г.). В целом же устойчиво ориентальный убор этих экзотических фигур – признак раннего и развитого этапа Возрождения, XIV–XV вв.

Действительно, и в формально-стилевом отношении наши персонажи вполне допустимо относить к эпохе не ранее XV–XVI вв. – они представлены чрезвычайно реалистично, рукой мастера, привыкшего к классическому рисунку, способного немногими штрихами передать типаж, не без карикатурности заострив их черты как принадлежащие трем «расам», включая африканскую (округлые глаза и отсутствие бороды у третьего от зрителя персонажа) и не пренебрегая модой на форму усов и бород. Стоит сравнить эти характеристики, например, с изображением двух известных турецких корсаров на полотне неизвестного итальянского мастера, исполненном, вероятно, по материалам пребывания в Стамбуле в 1530-х годах (рис. 2 – *Klinger, Raby*, 1989.; об их переработках XVI в. см.: *A Journey ...* 2010. P. 45–49).

Особенно характерны тюрбаны, обнаруживающие явную принадлежность автора к тому условно-этнографическому ориентализму, который в искусстве Италии свойственен мастерам кватроченто и чинквеченто, но проникает и на север, во Францию и Нидерланды (напр.: *Kubiski*, 2001. Fig. 4) (рис. 3). Как известно, в европейском искусстве этого времени возникла настоящая мода на восточный, прежде всего турецкий, костюм: с одной стороны, Османская империя была в середине XV – начале XVI в. мощной силой, угрожавшей христианской Европе; с другой – именно в это время путешествия на Восток стали более частыми, обе цивилизации пристально вглядывались друг

в друга, невольно заимствуя те или другие внешние формы. Этот ранний ориентализм особенно ярко проявлял себя в прикладном искусстве: ковры, художественные керамика и металл, книжный переплет и, особенно, текстиль (Mack, 2001; A Journey ... 2010).

В результате стало возможным формирование своего рода моды на изображение восточных персонажей, прежде всего – представителей мира ислама, которые густо населили живопись и графику Европы, особенно живопись приморских республик (Венеции, Генуи) и графику Альбрехта Дюрера (см.: Klinger, Raby, 1989; а также: Islam and Italian Renaissance... 1999, где литература до конца XX в.). При этом следует помнить, что восточная тема была в Средние века и в раннее Новое время, особенно важна в искусстве не только по причине своей экзотичности: ее актуализировала связь с главным сюжетом – евангельской историей, события которой разворачивались в Палестине, т.е. на Востоке, к тому же находившемся в тот момент под властью мусульман.

Одной из главных – если не просто главной – отличительных черт человека Востока стал его головной убор – еврейская шапочка и, особенно, мусульманский

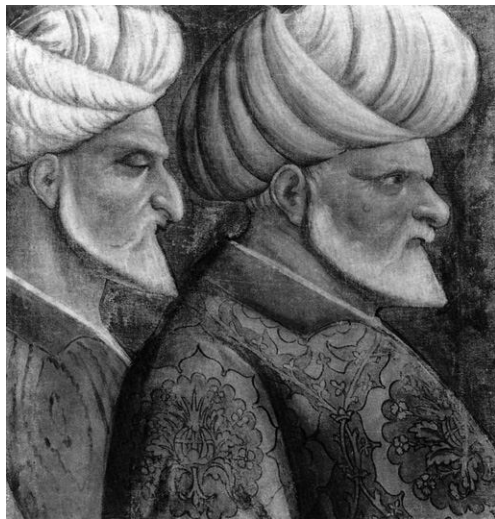

Рис. 2. Портрет турецких корсаров: Еврей Синан и Хайреддин Барбаросса. Итальянский художник, 1530-е годы

Рис.3. Стили исламских тюрбанов (по: Kubiski, 2001. Fig. 4)

Рис. 4. Джентилле Беллини. Проповедь святого Марка. 1507 г.
(Пинакотека Брера, Милан). Деталь

тюрбан. В работах мастеров Европы тюрбаны бесконечно многочисленны и разнообразны, они меняются от крайне обобщенных до исторически существовавших, и во многих случаях собраны своего рода визуальные эн-

циклопедии по «тюрбановедению». Именно так выглядят группы персонажей в причудливых головных уборах на широко известной картине Джентилле Беллини «Проповедь святого Марка» (окончена в 1507 г. Джованни Беллини; Пинакотека Брера, Милан) (рис. 4). У правого края картины, в высоких красных шапках – персы, в больших навороченных тюрбанах – египтяне, турки – в чалмах умеренного размера.

Рис. 5. Джентилле Беллини.
Портрет султана Мухаммеда II. 1480 г.
(Лондон, Национальная галерея)

Как известно, Беллини писал тюрбаны и восточные шапки с натуры, и знал их хорошо – достаточно напомнить о портрете султана Мехмета II, который был создан в Стамбуле (рис. 5). Там же собирал в 1530 г. визуальные материалы для будущих гравюр Питер Кук Ван Альст, чья гравированная ведута со свитой

Рис. 6. Кук Ван Альст, Питер. Султан Сулейман со свитой на Ипподроме в Стамбуле. гравюра из серии «Обычаи и моды Турок», 1553 г

султана Сулеймана на фоне Ипподрома из опубликованной уже после его смерти серии «Обычаи и моды Турок» (1553 г.), кажется, вся состоит из коней и тюрбанов на фоне архитектуры (рис. 6). Их много и в венецианских альбомах, прежде всего у двоюродного брата Тициана, Чезаре Вечеллио (1521–1601 гг.), который показывает восточные типы среди «этнографических персонажей» огромного компендиума «Об обычаях древних и новых народов различных частей мира» (опубликован в 1590 г.).

Наряду с тюрбанами всех родов, в зарисовках часто встречаются и другие, менее узнаваемые, но все же очевидно ориентальные виды головных уборов: высокий колпак янычара и не менее высокий женский «шишак» знатной женщины (из друзей?) из альбомов Джентилле Беллини (рис. 7; 8) и другие. Но тюрбаны, конечно, превалируют в его «восточном гардеробе» (напомним не только о зарисовках «султанов» (рис. 9), но и о загадочном «Писце» 1498 г. (рис. 10). Любовь к тюрбанам сохранит и сын Джентилле, Джованни (например, его версия «Мученичества святого Марка» 1515 г.), и не он один (хороший пример – «Прием послов в Каире» неизвестного художника, 1511 г.) (рис. 11; 12) От них потянется длинная линия, через наивные, но крайне информативные зарисовки путешественников второй половины XVI в., например, Варфоломей Шахмана из Данцига в 1588–1589 гг. (*Bartholomaeus Schachman*, 2012) вплоть до ориентальных персонажей Рембрандта с его богатейшим восточным антуражем, и далее в XVIII в. (см., например: *A Journey ...* 2010).

Но многочисленные тюрбаны – не редкость в итальянской живописи и более раннего времени, например, у Чима де Конельяно в «Исцелении

Рис. 7. Джентилле Беллини.
Янычар. Рисунок

Рис. 8. Джентилле Беллини. Турчанка
(женщина из племен друзов?)

Рис. 9. Джентилле Беллини. «Султан» (наброски турок)

св. Аниана» (рис. 13 – 1498 г.; Берлин, Картинная галерея). Вырабатывается даже своего рода стандарт: двое из троих волхвов облачены в тонко написанные тюрбаны у Симоне ди Франческо и Андреа Мантеньи, а юный возраст олицетворяет всегда, как и в нашем случае, чернокожий король (рис. 14; 15).

Из совсем ранних «тюрбанных» композиций упомянем «Поклонение волхвов» Андреа Ванни (1332–1414) и другие, в основе еще готические и гораздо более стандартные псевдо-восточные модели, где встречаем обычно трио: типовой тюрбан, высокий и широкополый («иудейский») колпак и вытянутую островерхую шапку (рис. 16).

Рис. 10. Джентиле Беллини. Сидящий писец, 1480 г. (Бостон, Музей Изабеллы Гарднер)

Рис. 11. Джованни Беллини. Мученичество святого Марка, 1515 г. Деталь

Рис. 12. Неизвестный (венецианский) мастер. Прием послов в Каире 1488-1495. (Лувр, Париж)

Рис. 13. Чима де Конельяно, Исцелении св. Аниана. 1498 г. (Берлин, Картинная галерея)

Необходимо напомнить, однако, о четвертом персонаже пластины из Нового Иерусалима, том, что изображен небольшим и помещен выше волхвов, причем отделен полосой орнамента. Возможно, его следует отнести к «зрителям», чрезвычайно характерным для композиций поклонения младенцу Христу и часто размещаемых на крышах хлева или иных высоких точках. Его одежда и прическа – европейские, явно отсылающие нас к периоду XVI-XVII вв., а также к такой неожиданной в данном случае области иконографии как надгробные плиты из медных сплавов, распространившиеся

Рис. 14. Франческо ди Симоне (?). Поклонение волхвов. 1500–1508 г.
(Частная коллекция)

с XIII–XIV вв. (особенно на севере Европы) и позже¹. В самой манере гравировки ровными и глубокими бороздками у них много общего.

В функциональном отношении блюдо можно отнести к кругу литургических изделий. Его ранние прообразы – тарелы XII–XIII вв. (образцы см.: Rhein und Maas ... 1972. S. 267–268) и другие памятники поздней романики.

На наш взгляд, иконография изделия не связана с традицией христианского или исламского Востока – это вполне европейская вещь, ориентализованная в силу сюжета. Отметим, что реставратор Петр Бирюков, любезно согласившийся выпрямить «хвосты» пластинки и проконсультировать нас по вопросам техники ее исполнения², высказался за дату в пределах XVII в. и подчеркнул особый прием канфаренья фона, свойственный средневековому восточному металлу. Учитывая, что Новый Иерусалим – памятник середины – второй половины XVII в., а также то, что патриарх Никон получал довольно много подарков с христианского

¹ См. примеры на сайте: <http://urlm.co.uk/www.mbs-brasses.co.uk>

² Искренне благодарим его за помощь.

Ри. 15. Андреа Мантенья. Поклонение волхвов. Ок. 1500 г.
(Музей Пола Гетти, Лос Анжелес)

Рис. 16. Андреа ди Ванни. Поклонение волхвов. До 1414 г.

Востока, подобная атрибуция могла бы способствовать отнесению предмета к ризнице монастыря. Все же думаем, что осторожнее сохранить несколько более широкий интервал, XVI–XVII вв.

Будем надеяться, что со временем прямой аналог находке обнаружится, а вместе с этим будет уточнена дата и происхождение «ново-иерусалимских волхвов».

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи: монастырь и город в ландшафте XIV–XIX вв.» (№ НИОКТР 122011200385-1).

Литература

- Беляев Л. А., 2019. Древний памятник или музейная коллекция? Уникальные находки Нового Иерусалима // КСИА. Вып. 254. № 1. С. 308–319.
- Беляев Л. А., Чернецов А. В., 2005. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское. М. – Рязань. С. 180–190.
- A Journey into the World of the Ottomans. The Catalogue / ed. Olga Nefedova, 2010. Milan: Skira. 180 p.
- Bartholomaeus Schachman (1559–1614) – the Art of Travel / ed. Olga Nefedova, 2012. Milan: Skira. 320 p.
- Islam and the Italian Renaissance / Eds. Burnet Ch., Contadini A. 1999. (Warburg Institute Colloquia. 5). L.: Warburg Institute, University of London. 239 p.
- Klinger L., Raby J., 1989. Barbarossa and Sinan: Portrait of Two Ottoman Corsairs from the Collection of Paolo Giovio // Venezia e l'Oriente Vicino. Atti del primo congresso internazionale sull'arte veneziana e l'arte islamica / ed. Ernst J. Grube. Venice. P. 47–50.
- Kubiski Y., 2001. Orientalizing Costume in Early Fifteenth-Century French Manuscript Painting (Cite des Dames Master, Limbourg Brothers, Boucicaut Master and Bedford Master) // Gesta, XV/2. P. 161–166.
- Mack R. E., 2001. Bazaar to Piazza: Islamic Trade and Italian Art, 1300–1600. University of California Press. 344 p.
- Rhein und Maas. Kunst und Kultur. 800–1400. Eine Ausstellung des Schnütgen-Museums der Stadt Köln und der belgischen Ministerien für französische und niederländische Kultur, vom 14. Mai bis 23. Juli 1972 in der Kunsthalle Köln, vom 15. September bis 31. Oktober 1972 in den Königlichen Museen für Kunst und Geschichte in Brüssel. Köln: Schnütgen-Museum, 1972.
- Veccellio Cesare, 1590. De gli Habiti Antichi e Moderni di Diversi Parti del Mondo. Venice. 440 p.

А. А. Гомзин*, И. А. Колосов**

* *Институт археологии РАН, Москва;*

** *независимый исследователь, Санкт-Петербург*

Перкинский клад куфических монет

Резюме. В статье вводится в научный оборот клад куфических дирхамов, обнаруженный в с. Перкино Спасского р-на Рязанской обл. Авторами были изучены 894 монеты из его состава. В их числе оказались дирхамы Умайядов, современников Идрисидов, Саффаринов и подражания. Основу клада составили монеты Аббасидов. Анализируется династическое, географическое и хронологическое распределение комплекса. Учитывая год чеканки младших монет и характеристики клада, время тезаврации находки может быть отнесено ко второй половине 870-х гг. Делается вывод о важности комплекса как источника для исследования обращения восточного монетного серебра в Поочье.

A. A. Gomzin, I. A. Kolosov. Perkinskiy Hoard of Kufic Coins

Abstract. The article introduces the hoard of kufic coins found in Perkino village in Spasskiy district of Ryazan region. The authors investigated 894 Umayyad, contemporaries of the Idrisids', Saffarid dirhams and imitations. Abbasid coins dominate in the hoard. Their dynastic, geographic and chronological distributions are examined. The year of minting of the youngest coins and features of the hoard gives us the opportunity of dating the find to the second half of the 870s. The authors come to the conclusion about the importance of the hoard as a valuable source for studying the circulation of kufic coin silver in the Oka river basin.

Несколько лет назад в с. Перкино Спасского р-на Рязанской обл. при распашке огородной межи был разбит глиняный сосуд, в котором находилось не менее 1000 целых и фрагментированных серебряных куфических монет. В полном объеме клад не сохранился и разошелся по рукам. У владельцев участка осталось лишь некоторое количество фрагментов дирхамов.

Авторам удалось собрать сведения о 894 монетах, входивших в состав клада: Умайяды – 9, Аббасиды – 651, современники Идрисидов – 1, Саффарины – 2, подражания Умайядам – 1, подражания Аббасидам – 35, подражания дирхамам с неустановленным прототипом – 1, монеты со слабо и полностью непрочеканенными надписями – 194 экз.¹

---

¹ Авторы выражают искреннюю признательность В. А. Калинину (Москва) за ценные консультации в процессе исследования. Из-за ограниченного объема мы не

Старший дирхам – Умайады, Хишам, Васит, 121 г. х. (738/739 г.) (Список монет, № 1); младшие – Аббасиды, ал-Му'тамид 'ала-ллах, Мадинат ас-Салам и Димашк, 261 г. х. (874/875 г.) (Список монет, № 648, 649).

Небольшая выборка дирхамов Умайадов отчеканена во второй половине 730-х – первой половине 740-х гг. в Васите, одном из двух главных монетных дворов Халифата того времени, максимально интенсивно работавшем в указанный хронологический промежуток (Кулешов, 2009. С. 87–94).

Большинство монет комплекса составляют аббасидские эмиссии. Их распределение по периодам правления халифов выглядит следующим образом: ас-Саффах – 1, ас-Саффах или ал-Мансур – 1, ал-Мансур – 41, ал-Махди – 28, ал-Махди или ал-Хади – 1, ал-Хади – 1, ал-Хади или Харун ар-Рашид – 1, Харун ар-Рашид – 122, ал-Амин – 9, ал-Ма'мун – 22, ал-Му'тасим би-ллах – 14, ал-Васик би-ллах – 5, ал-Мутаваккил 'ала-ллах – 110, ал-Муста'ин би-ллах – 154, ал-Му'тазз би-ллах – 114, ал-Мухтади би-ллах – 5, ал-Му'тамид 'ала-ллах – 13, неустановленные халифы – 9 экз.

Номенклатура мест чеканки аббасидских дирхамов: ал-'Аббасийа – 3; Арминийа/ал-Мухаммадийа (Арминийа) – 22; Арран – 2; ал-Басра – 9; Димашк – 2; Ифрикийа – 1; Кумм – 2; ал-Куфа – 10; Ма'дан Баджунайс – 1; Ма'дан аш-Шаш/аш-Шаш – 79; аш-Шаш (?) – 2; Мадинат Абрашахр/Мадинат Нисабур – 2; Мадинат Балх – 12; Мадинат Зарандж – 5; Мадинат Исбахан/Исбахан – 11; Мадинат Марв/Марв – 30; Мадинат Мах ал-Куфа – 3; Мадинат ас-Салам – 149; Мадинат Самарканд/Самарканд – 91; Мадинат Харат – 3; ал-Маусил – 1; Миср – 1; ал-Мухаммадийа/ар-Рай – 64; Насибин – 1; ар-Рафика – 1; Сурра ман Ра'а – 1; Сурра ман Ра'а (?) – 1; Табаристан – 1; Фарис – 5; ал-Харунийа – 1 экз.

Как видно из приведенной статистики, в кладе безусловно доминируют монеты столичной чеканки; велика доля мухаммадийских дирхамов. Вместе с тем очень заметно количество монет из восточных провинций Халифата, выпущенных в Самарканде, Шаше и Марве.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в кладе эмиссий Идрисидов и Аглабидов рубежа VIII–IX вв., чьи выпуски в качестве небольшой характерной составляющей наблюдаются в заметном числе восточноевропейских комплексов IX в. (Кулешов, 2016.

акцентируем внимание на примечательных, редких и неизданных монетах, их данные размещены в общем списке, а также подражаниях, которые предполагается рассмотреть отдельно.

С. 171–172). В то же время присутствует дирхам современников Идрисидов, отчеканенный в Тудге с упоминанием Зуфара (Список монет, № 661). Тудга, располагавшаяся в южной части Дальнего ал-Магриба, до перехода под контроль Идрисидов являлась оплотом умеренного хариджитского течения суфритов, хотя кем именно был Зуфар, неизвестно (Гомзин, 2018. С. 162–163; *Album*, 2011. Р. 75, А433; *Cressier, García-Arenal*, 1998. Р. 382).

Оба саффаридских дирхама выпущены в 260 г.х. (873/874 г.) в Панджхире (Список монет, № 662, 663). Появление монет этой династии в кладах Поочья, как и некоторых других синхронных им миноритарных эмитентов, можно вполне обоснованно считать индикатором скорого сокращения притока дирхамов в регион по Донскому торговому пути в последней четверти IX в. и смены его структуры в первом десятилетии X в. (подробнее см.: Гомзин, 2013. Л. 160–166, 192; Кулешов, 2016. С. 171).

В хронологическом распределении кладовых монет наблюдаются достаточно длинные цепочки погодного чекана с локальными максимумами (Табл. 2, 160–166, 178–201, 236–253 гг.х.). Экстремум приходится на дирхамы 253 г.х. (867 г.), причем на 83% он сформирован из экземпляров, выпущенных в Самарканде, Шаше и Марве. Небольшой локальный максимум на два года отстоит от даты младших монет. Все это указывает на преднамеренное формирование комплекса в течение определенного промежутка времени; то есть дирхамы, входившие в его состав, собирались целенаправленно.

В Поочье неизвестны клады 880-х – 890-х гг., поэтому для некоторых комплексов с младшими монетами, приходящимися на 850-е – 870-е гг., ориентируясь на их состав и хронологическое распределение дирхамов, датировку приходится расширять и на последнюю четверть того же столетия (подробнее см.: Гомзин, 2013. Л. 39–40, 71, 160–166). В Перкинском кладе нет вещевой компоненты из бытовых предметов, украшений и серебряного лома, отсутствуют слитки, а также большое количество монет с отверстиями (их всего пять). Хронологическое распределение дирхамов не размыто, в нем выделяются абсолютный и локальный максимумы, в том числе предшествующий дате младших монет. Получается, что из всех хроноиндикаторов комплексов последней четверти IX в. в нем наблюдается только присутствие саффаридских дирхамов. Это обстоятельство дает основания считать, что тезаврация рассматриваемого клада вряд ли могла далеко отстоять от времени чеканки младших монет и произошла где-то во второй половине 870-х гг.

Перкино, располагающееся по левому берегу р. Прони недалеко от впадения ее в Оку, ранее не фигурировало в качестве места обнаружения куфических дирхамов. На территории села и его непосредственной округи не зафиксировано следов синхронных монетам поселений, известно лишь два селища, относящиеся к периоду XI–XIII вв. (АКР: Рязанская область, 1993. С. 196, № 687, 688). Ближайший по месту находки клад дирхамов IX в. происходит с городища Старой Рязани ниже по течению Оки, однако о нем сохранилось очень мало информации (Гомзин, 2006. С. 264, № 4, 5; Гомзин, 2013. Л. 305, № 47, 48; Городцов, 1905. С. 668; Монгайт, 1961. С. 93, № 50, 52; Фасмер, 1931. С. 17, № 35, 36; Фёдоров, 1928. С. 5; Черепнин, 1892. С. 5).

Несмотря на достаточно представительное число комплексов IX в. в Поочье, кладов последней четверти этого столетия с содержанием более 500 дирхамов, у которых были бы известны помонетные атрибуты, насчитывается всего два: Юдинковский (не опубликован) с младшими дирхамами 259 г. х. (872/873 г.) и Хитровский с младшей монетой 263 г. х. (876/877 г.). Последний по своим характеристикам оказывается наиболее близок Перкинскому кладу.

Комплекс был найден в глиняном кувшине около д. Хитровка в 1898 г. при строительстве Павелец-Московской железной дороги и содержал 866 целых и 141 фрагмент серебряных мусульманских монет. Аналогично Перкинскому, в нем присутствовала небольшая выборка умайадских дирхамов, 16 экземпляров, правда, отчеканенных не только в Васите, но еще в Димашке, Кумисе и ас-Самийе. Саффаридская монета, тоже ал-Панджхир 260 г. х., была одна. Подражаний дирхамам отмечено значительно меньше, всего два экземпляра. В дополнение ко всему присутствовал византийский милиарисий.

Большинство же аналогично составили аббасидские дирхамы, 443 экземпляра, три из них с упоминанием тахиридских наместников против двух в Перкинском кладе (подробнее о Хитровском комплексе и его библиографию см.: Гомзин, 2013. Л. 227–228, № 16; Noonan, 2002. С. 156–158).

Сравнение номенклатуры мест чеканки обоих кладов приведено в таблице 1. Как видно, и там и там численно доминируют столичные дирхамы. Доли монет ал-Мухаммадийи и Арминийи практически идентичны. Менее рельефно по сравнению с Перкинским в Хитровском комплексе выделяются дирхамы Самарканда, Шапа и Марва. Некоторые отличия двух кладов наблюдаются и в хронологическом распределении монет, что, видимо, связано с особенностями их формирования и несколько более поздней датировкой Хитровского ком-

плекса (подробнее об особенностях клада из Хитровки и хронологическое распределение его дирхамов см.: Гомзин, 2013. Л. 60–61, 71, 384–394).

Таким образом, в научный оборот вводятся сведения о новом кладе куфических монет IX в. Совокупность его характеристик с учетом датировки младших монет позволяют считать, что он сформировался во второй половине 870-х гг. Известны не только его общие показатели, но и атрибуции подавляющего большинства дирхамов, входивших в его состав. Это тем более важно, что крупных кладов последней четверти IX в., обработанных с такой степенью полноты, в Поочье известно не так много. Новая находка является ценным дополнением наших представлений о закономерностях и особенностях обращения и использования дирхамов в рассматриваемом регионе.

Список монет Перкинского клада

Умайады

Хишам (105–125 гг. х. / 724–743 гг.)

- 1) Васит, 121 г. х. (738/739 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 58, № 610). Вес 2,63 г.²
- 2–3) Васит, 122 г. х. (739/740 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 59, № 614). Вес 2,94; 2,63 г.
- 4) Васит, 123 г. х. (740/741 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 59, № 616). Вес 2,54 г.
- 5) Васит, 124 г. х. (741/742 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 59, № 618). Вес 2,51 г.

Хишам или ал-Валид II

- 6–8) Васит, 125 г. х. (742/743 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 60, № 622). Вес 2,71; 2,69 (2 экз.) г.

Ибрахим или Марван II

- 9) Васит, 127 г. х. (744/745 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 61, № 633). Вес 2,7 г.

Аббасиды

ас-Саффах (132–136 гг. х. / 749–754 гг.)

- 10) ал-Куфа, 132 г. х. (749/750 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 64, № 661). Вес 2,68 г.

ас-Саффах или ал-Мансур

- 11) ал-Куфа, 136 г. х. (753/754 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 67, № 684). Вес 2,82 г.

---

² В описании монет приведены династическая принадлежность, эмитент, место, год чеканки и вес. Поскольку не было возможности получить изображения всех дирхамов клада, то степень сохранности, за отдельными исключениями, приведена лишь для экземпляров с фото. Когда возможно, указан тип монеты по литературе. Номера дирхамов на иллюстрациях соответствуют порядковым номерам в списке.

ал-Мансур (136–158 гг.х. / 754–775 гг.)

- 12) ал-Басра, 138 г.х. (755/756 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 68, № 693). Вес 2,72 г.
  - 13) ал-Куфа, 139 г.х. (756/757 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 68, № 699). Вес 2,64 г.
  - 14) ал-Куфа, 140 г.х. (757/758 г.). Вес 2,3 г.
  - 15–17) ал-Куфа, 141 г.х. (758/759 г.). Вес 2,75; 2,6; 2,56 г.
  - 18–19) ал-Куфа, 144 г.х. (761/762 г.). Вес 2,72; 2,29 г.
  - 20) ал-Куфа, 145 г.х. (762/763 г.). Вес 2,59 г.
  - 21–22) ал-Басра, 146 г.х. (763/764 г.). Вес 2,85; 2,66 г.
  - 23) ар-Рай, 146 г.х. (763/764 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 75, № 755). Вес 2,69 г.
  - 24–25) ал-Басра, 147 г.х. (764/765 г.). Вес 2,74; 2,61 г.
  - 26) Мадинат ас-Салам, 148 г.х. (765/766 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 77, № 771).
Вес 2,7 г.
  - 27) ал-Мухаммадийа, 148 г.х. (765/766 г.). Вес 2,61 г.
  - 28–29) Мадинат ас-Салам, 149 г.х. (766/767 г.). Вес 2,62; 2,58 г.
  - 30) Арминийа, 149 г.х. (766/767 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 82, № 785). Вес 2,61 г.
  - 31) ал-Мухаммадийа, 149 г.х. (766/767 г.). Вес 2,6 г.
  - 32–33) Мадинат ас-Салам, 150 г.х. (767/768 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 82, № 788). Вес 2,48; 2,47 (с двумя отверстиями) г.
  - 34) ал-Мухаммадийа, 150 г.х. (767/768 г.). Вес 2,25 г, подрезан.
  - 35–39) Мадинат ас-Салам, 152 г.х. (769/770 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 84, № 805). Вес 2,8; 2,78; 2,63; 2,62; 2,52 г.
  - 40) ал-Мухаммадийа, 152 г.х. (769/770 г.). Вес 2,68 г.
  - 41) ал-Мухаммадийа, 153 г.х. (770 г.). Вес 2,55 г.
  - 42–43) Мадинат ас-Салам, 154 г.х. (770/771 г.). Вес 2,63; 2,6 г.
  - 44–46) Мадинат ас-Салам, 155 г.х. (771/772 г.). Вес 2,73; 2,69; 2,68 г.
  - 47–48) Мадинат ас-Салам, 156 г.х. (772/773 г.). Вес 2,63; 2,58 г.
  - 49–50) Мадинат ас-Салам, 157 г.х. (773/774 г.). Вес 2,65; 2,61 г.
  - 51–52) Мадинат ас-Салам, 158 г.х. (774/775 г.). Вес 2,66; 2,58 г.
- ал-Махди (159–169 гг.х. / 775–785 гг.)*
- 53–54) Мадинат ас-Салам, 160 г.х. (776/777 г.). Вес 2,65; 2,64 г.
  - 55–56) ал-Мухаммадийа, 160 г.х. (776/777 г.). Вес 2,75; 2,59 г.
  - 57–63) Мадинат ас-Салам, 161 г.х. (777/778 г.). Вес 3,01; 2,98; 2,97; 2,8; 2,71;
2,67; 2,62 г.
  - 64) ал-Басра, 161 г.х. (777/778 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 97–98, № 909).
Вес 2,51 г.
  - 65–66) ал-Мухаммадийа, 161 г.х. (777/778 г.). Вес 2,68; 2,63 г.
  - 67–72) Мадинат ас-Салам, 162 г.х. (778/779 г.). Вес 3,03; 3; 2,91 (2 экз.);
2,86; 2,66 г.
  - 73) Мадинат ас-Салам, 163 г.х. (779/780 г.). Вес 2,75 г.

- 74–76) Мадинат ас-Салам, 164 г.х. (780/781 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 103, № 951). Вес 2,75; 2,72; 2,56 г.
- 77–78) Мадинат ас-Салам, 165 г.х. (781/782 г.). Вес 2,45; 2,09 г.
- 79) Мадинат ас-Салам, 166 г.х. (782/783 г.). Вес 2,59 г.
- 80) ал-‘Аббасийа, 16х г.х., с упоминанием Йазида. Вес 2,12 г.
ал-Махди или ал-Хади
- 81) Ифрикийа, 169 г.х. (785/786 г.). Вес 2,47 г.
ал-Хади (169–170 гг.х. / 785–786 гг.)
- 82) Мадинат ас-Салам, 170 г.х. (786 г.), с упоминанием Ибрахима. Вес 2,69 г.
ал-Хади или Харун ар-Рашид
- 83) ал-‘Аббасийа, 170 г.х. (786/787 г.), с упоминанием Йазида. Вес 2,29 г.
Харун ар-Рашид (170–193 гг.х. / 786–809 гг.)
- 84) ал-‘Аббасийа, 171 г.х. (787/788 г.), с упоминанием Йазида. Вес 2,21 г.
- 85) ал-Харунийа, 171 г.х. (787/788 г.). Вес 2,63 г.
- 86) ал-Мухаммадийа (Арминийа), 174 г.х. (790/791 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 131, № 1183; *Bates*, 2011. Р. 15). Вес 2,55 г. Целый.
- 87) ал-Мухаммадийа, 175 г.х. (791/792 г.), с упоминанием Йазида. Вес 2,78 г.
- 88) Мадинат Зарандж, 178 г.х. (794/795 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 137, № 1251). Вес 2,74 г, просечен, граффити.
- 89–92) Мадинат ас-Салам, 179 г.х. (795/796 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 138, № 1258). Вес 2,7; 2,68 (3 экз.) г.
- 93) Мадинат Зарандж, 179 г.х. (795/796 г.), с упоминанием Джа‘фара. Вес 2,59 г.
- 94–96) Мадинат ас-Салам, 180 г.х. (796/797 г.), с упоминанием Джа‘фара. Вес 2,81; 2,63; 2,52 г.
- 97) Мадинат Зарандж, 180 г.х. (796/797 г.), с упоминанием Джа‘фара. Вес 2,62 г.
- 98–103) Мадинат ас-Салам, 181 г.х. (797/798 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 144, № 1294). Вес 2,71; 2,7 (2 экз.); 2,67 (2 экз.); 2,66 г.
- 104–105) Мадинат Зарандж, 181 г.х. (797/798 г.), с упоминанием ‘Али и Йазида. Вес 2,73; 2,68 г.
- 106–108) ал-Мухаммадийа, 181 г.х. (797/798 г.), с упоминанием Джа‘фара. Вес 2,81; 2,76; 2,65 г.
- 109–112) Мадинат ас-Салам, 182 г.х. (798/799 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 146, № 1311). Вес 2,7; 2,69, 2,68 (2 экз.) г.
- 113) Мадинат Балх, 182 г.х. (798/799 г.). Вес 2,75 г.
- 114–116) ал-Мухаммадийа, 182 г.х. (798/799 г.), с упоминанием Джа‘фара. Вес 2,72; 2,7; 2,64 г.

- 117) Мадинат ас-Салам, 183 г.х. (799/800 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 150, № 1340). Вес 2,69 г.
- 118–119) ал-Мухаммадийа, 183 г.х. (799/800 г.), с упоминанием Джа'фара. Вес 2,78; 2,71 г.
- 120) Мадинат ас-Салам, 184 г.х. (800/801 г.), с упоминанием Джа'фара. Вес 2,59 г.
- 121) ал-Мухаммадийа, 184 г.х. (800/801 г.), с упоминанием Джа'фара. Вес 2,69 г.
- 122) Мадинат ас-Салам, 185 г.х. (801/802 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 154, № 1373). Вес 2,65 г.
- 123) Арран, 185 г.х. (801/802 г.), с упоминанием Асада б. Йазид. Вес 2,69 г.
- 124) Мадинат Балх, 185 г.х. (801/802 г.). Вес 2,71 г.
- 125) Мадинат Марв, 185 г.х. (801/802 г.), с упоминанием 'Али. Вес 2,54 г.
- 126–127) Мадинат ас-Салам, 186 г.х. (802 г.), с упоминанием Джа'фара. Вес 2,78; 2,58 г.
- 128–130) Мадинат Балх, 186 г.х. (802 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 156–157, № 1399). Вес 2,78; 2,66; 2,65 г.
- 131) ал-Мухаммадийа, 186 г.х. (802 г.), с упоминанием Джа'фара. Вес 2,62 г.
- 132–141) Мадинат ас-Салам, 187 г.х. (802/803 г.). Вес 3,09; 3,08; 3,05 (2 экз.); 2,98; 2,97; 2,88; 2,81; 2,76; 2,67 г.
- 142) Арран, 187 г.х. (802/803 г.) (Vardanyan, 2011. Р. 67, № 135). Вес 2,63 г.
- 143–144) Мадинат Балх, 187 г.х. (802/803 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 158–159, № 1418). Вес 2,8; 2,59 г.
- 145–150) Мадинат ас-Салам, 188 г.х. (803/804 г.). Вес 3,12; 2,97; 2,96; 2,89; 2,81; 2,69 г.
- 151–154) Мадинат Балх, 188 г.х. (803/804 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 160, № 1437). Вес 2,77; 2,76; 2,73; 2,71 г.
- 155–158) ал-Мухаммадийа, 188 г.х. (803/804 г.). Вес 2,84; 2,83; 2,68; 2,66 г.
- 159–162) Мадинат ас-Салам, 189 г.х. (804/805 г.). Вес 2,96; 2,79; 2,76; 2,48 г.
- 163) Ма'дан аш-Шаш, 189 г.х. (804/805 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 163, № 1462). Вес 2,57 г.
- 164–166) ал-Мухаммадийа, 189 г.х. (804/805 г.). Вес 2,76; 2,73; 2,7 г.
- 167) ал-Мухаммадийа (Арминийа), 189 г.х. (804/805 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 162, № 1451; Bates, 2011. Р. 15–17). Вес 2,75 г. Цельный.
- 168–176) Мадинат ас-Салам, 190 г.х. (805/806 г.). Вес 2,84; 2,82; 2,81; 2,78; 2,76 (2 экз.); 2,72; 2,69; 2,67 г.
- 177) Ма'дан аш-Шаш, 190 г.х. (805/806 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 165, № 1478). Вес 2,58 г.

- 178–179) ал-Мухаммадийа, 190 г.х. (805/806 г.). Вес 2,83; 2,78 г.
- 180–182) Мадинат ас-Салам, 191 г.х. (806/807 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 166–167, № 1492). Вес 2,79; 2,76; 2,75 г.
- 183) Ма'дан Баджунайс, 191 г.х. (806/807 г.) (Vardanyan, 2011. Р. 92, № 203). Вес 2,87 г. Целый, с вмятинами. С л.с. у края одна насечка.
- 184–185) ал-Мухаммадийа, 191 г.х. (806/807 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 167, № 1493). Вес 2,89; 2,84 г.
- 186) ар-Рафика, 191 г.х. (806/807 г.). Вес 2,78 г.
- 187) Табаристан, 191 г.х. (806/807 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 167, № 1495). Вес 2,68 г. Целый, с небольшими вмятинами.
- 188–196) Мадинат ас-Салам, 192 г.х. (807/808г.). Вес 2,88 (2 экз.); 2,87; 2,85 (2 экз.); 2,84; 2,82; 2,78 (2 экз.) г.
- 197) Арминийа, 192 г.х. (807/808г.) (Vardanyan, 2011. Р. 44, № 73). Вес 2,69 г. Целый.
- 198–199) ал-Мухаммадийа, 192 г.х. (807/808г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 168, № 1508). Вес 2,83; 2,81 г.
- 200) Мадинат ас-Салам, 193 г.х. (808/809 г.). Вес 2,87; 2,85 (3 экз.); 2,81 г.
- 201) Мадинат Абрашахр, 193 г.х. (808/809 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 172, № 1548). Вес 2,86 г. Целый, с небольшими вмятинами. С л.с. у края неглубокая насечка (царапина).
- 202) Мадинат Балх, 193 г.х. (808/809 г.) (Lowick, 1996. Р. 244–245, № 2167). Вес 2,72 г. Целый.
- 203) Мадинат Нисабур, 193 г.х. (808/809 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 171–172, № 1540). Вес 2,82 г, граффити.
- 204) Мадинат Харат, 193 г.х. (808/809 г.), с упоминанием Хамавайха. Вес 2,7 г.
- 205) ал-Мухаммадийа, 193 г.х. (808/809 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 171, № 1532). Вес 2,71 г.
- ал-Амин (193–198 гг.х. / 809–813 гг.)
- 206) Мадинат ас-Салам, 194 г.х. (809/810 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 174, № 1564). Вес 2,85 г.
- 207) Мадинат ас-Салам, 194 г.х. (809/810 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 174, № 1566). Вес 2,83 г.
- 208–209) Мадинат Самарканд, 194 г.х. (809/810 г.), с упоминанием ал-Фазла. Вес 3,05; 2,87 г.
- 210) Мадинат Харат, 194 г.х. (809/810 г.). Вес 2,66 г.
- 211) ал-Мухаммадийа, 194 г.х. (809/810 г.). Вес 2,82 г.
- 212–214) Мадинат Самарканд, 195 г.х. (810/811 г.), с упоминанием ал-Фазла. Вес 2,98; 2,74; 2,67 г.

ал-Ма'мун (198–218 гг.х. / 813–833 гг.)

- 215–217) Мадинат Самарканд, 195 г.х. (810/811 г.), с упоминанием ал-Фазла. Вес 2,85; 2,8; 2,74 г.
- 218) Мадинат Самарканд, 196 г.х. (811/812 г.), с упоминанием ал-Фазла. Вес 2,54 г.
- 219) Мадинат Самарканд, 197 г.х. (812/813 г.), с упоминанием ал-Фазла. Вес 2,73 г.
- 220) ал-Басра, 198 г.х. (813/814 г.), в поле о.с. под символом веры – Зу-р-риасатайн. Вес 2,85 г.
- 221–222) Мадинат Самарканд, 198 г.х. (813/814 г.), с упоминанием ал-Фазла. Вес 2,48; 2,47 г.
- 223) Мадинат Исбахан, 199 г.х. (814/815 г.), в поле о.с. под символом веры – Зу-р-риасатайн. Вес 2,82 г.
- 224) Мадинат ас-Салам, 200 г.х. (815/816 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 189, № 1704). Вес 2,74 г.
- 225) Мадинат Исбахан, 200 г.х. (815/816 г.), в поле о.с. под символом веры – Зу-р-риасатайн. Вес 2,75 г.
- 226) Мадинат Самарканд, 200 г.х. (815/816 г.), в поле о.с. под символом веры – Зу-р-риасатайн. Вес 3 г.
- 227–228) ал-Мухаммадийа, 201 г.х. (816/817 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 191, № 1719). Вес 2,63; 2,47 г.
- 229) Мадинат ас-Салам, 203 г.х. (818/819 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 194, № 1742). Вес 2,66 г. Целый, небольшие вмятины.
- 230) Мадинат ас-Салам, 204 г.х. (819/820 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 195, № 1750). Вес 2,73 г. Целый, край с небольшим надрубом. Внизу поля о.с. процарапана наклонная черта.
- 231) Мадинат Исбахан, 205 г.х. (820/821 г.). Вес 2,74 г.
- 232) Мадинат Харат, 206 г.х. (821/822 г.) (Nicol, 2012. № 2072). Вес 2,73 г.
- 233–234) Мадинат Исбахан, 207 г.х. (822/823 г.). Вес 2,83; 2,79 г.
- 235) Самарканд, 208 г.х. (823/824 г.) (Nicol, 2012. № 925). Вес 2,87 г.
- 236) Миср, 217 г.х. (832/833 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 204, № 1835). Вес 2,78 г. Целый.

ал-Му'тасим би-ллах (218–227 гг.х. / 833–842 гг.)

- 237) Мадинат ас-Салам, 220 г.х. (835 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 205, № 1844). Вес 2,63 г.
- 238) Исбахан, 220 г.х. (835 г.). Вес 2,67 г.
- 239) Марв, 220 г.х. (835 г.) (Марков, 1896. С. 100, № 52, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,61 г.

- 240) Самарканд, 220 г.х. (835 г.) (*Марков*, 1896. С. 100, № 51, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,58 г.
- 241) аш-Шаш, 220 г.х. (835 г.) (*Марков*, 1896. С. 100, № 53, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,66 г.
- 242) ал-Мухаммадийа, 221 г.х. (835/836 г.) (*Miles*, 1938. Р. 115, № 114). Вес 2,6 г.
- 243) ал-Мухаммадийа, 222 г.х. (836/837 г.) (*Miles*, 1938. Р. 116, № 115). Вес 2,64 г.
- 244–245) Мадинат ас-Салам, 225 г.х. (839/840 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 207, № 1861). Вес 2,64; 2,6 г.
- 246–247) Мадинат ас-Салам, 226 г.х. (840/841 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 207, № 1863). Вес 2,67; 2,64 г.
- 248) Исбахан, 226 г.х. (840/841 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 134, № 33, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,74 г.
- 249) аш-Шаш, 226 г.х. (840/841 г.) (*Марков*, 1896. С. 100, № 70, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,84 г.
- 250) Самарканд, год чеканки не установлен. Вес 2,64 г.
ал-Васик би-лах (227–232 гг.х. / 842–847 гг.)
- 251) Марв, 227 г.х. (842 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 134, № 35, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,76 г.
- 252) Самарканд, 227 г.х. (842 г.). Вес 2,99 г.
- 253) Фарис, 227 г.х. (842 г.) (*Nicol*, 2012. № 688). Вес 2,78 г.
- 254) Мадинат ас-Салам, 230 г.х. (844/845 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 208, № 1873). Вес 2,73 г.
- 255) Самарканд, 230 г.х. (844/845 г.) (*SNAT*, 2008. Р. 68, № 667). Вес 2,27 г.
ал-Мутаваккил 'ала-лах (232–247 гг.х. / 847–861 гг.)
- 256) Мадинат ас-Салам, 233 г.х. (847/848 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 208, № 1881). Вес 2,83 г.
- 257) Марв, 233 г.х. (847/848 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 136, № 47, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,69 г.
- 258) Самарканд, 233 г.х. (847/848 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 136, № 50, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,69 г.
- 259) Мадинат ас-Салам, 234 г.х. (848/849 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 209, № 1884). Вес 2,74 г.
- 260) Самарканд, 234 г.х. (848/849 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 137, № 53, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,6 г.
- 261–267) Мадинат ас-Салам, 236 г.х. (850/851 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 209, № 1890). Вес 3,43; 2,8; 2,75; 2,73; 2,7; 2,65; 2,63 г.

- 268–269) Мадинат ас-Салам, 237 г.х. (851/852 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 209, № 1891). Вес 3,24; 2,76 г.
- 270) место чеканки не установлено, 237 г.х. (851/852 г.), в поле л.с. под символом веры – Абу ‘Абд Аллаха. Вес 2,83 г.
- 271) Мадинат ас-Салам, 238 г.х. (852/853 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 210, № 1896). Вес 2,64 г.
- 272) аш-Шаш, 238 г.х. (852/853 г.) (Tornberg, 1848. Р. 139, № 66, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,68 г.
- 273) ал-Мухаммадийа, 239 г.х. (853/854 г.) (Miles, 1938. Р. 122, № 125). Вес 2,85 г.
- 274–275) аш-Шаш, 239 г.х. (853/854 г.) (Tornberg, 1848. Р. 139, № 70, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,94; 2,84 г.
- 276–277) место чеканки не установлено, 239 г.х. (853/854 г.), в поле л.с. под символом веры – Абу ‘Абд Аллаха. Вес 2,91; 2,82 г.
- 278) Фарис, 240 г.х. (854/855 г.), в поле л.с. под символом веры – Абу ‘Абд Аллаха. Вес 2,72 г.
- 279) Мадинат ас-Салам, 241 г.х. (855/856 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 211, № 1909). Вес 2,71 г.
- 280) Мадинат Мах ал-Куфа, 241 г.х. (855/856 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му‘тазз би-ллах (Марков, 1896. С. 103, № 8(?), указан как дулафидский выпуск). Вес 2,76 г. Целый, край с небольшими разрывами.
- 281) ал-Мухаммадийа, 241 г.х. (855/856 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му‘тазз би-ллах. Вес 2,93 г.
- 282) Мадинат ас-Салам, 242 г.х. (856/857 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 211, № 1911). Вес 2,74 г.
- 283) ал-Мухаммадийа, 242 г.х. (856/857 г.) (Miles, 1938. Р. 122–123, № 127). Вес 2,68 г.
- 284–286) аш-Шаш, 242 г.х. (856/857 г.) (Tornberg, 1848. Р. 140, № 79, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,08; 2,92; 2,73 г.
- 287) Арминийа, 243 г.х. (857/858 г.) (Vardanyan, 2011. Р. 50, № 89). Вес 2,9 г. Целый, помят. Край с разрывом.
- 288) Исбахан, 243 г.х. (857/858 г.) (Nicol, 2012. № 61–62). Вес 2,86 г. С отверстием.
- 289) ал-Мухаммадийа, 243 г.х. (857/858 г.) (Miles, 1938. Р. 123, № 128). Вес 2,72 г.
- 290–291) аш-Шаш, 243 г.х. (857/858 г.) (Tornberg, 1848. Р. 141, № 83, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,98; 2,92 г.

- 292–296) место чеканки не установлено, 243 г.х. (857/858 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,72; 3,38; 3,26; 2,98; 2,7 г.
- 297) Мадина́т ас-Салам, 244 г.х. (858/859 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 211, № 1919). Вес 3,09 г.
- 298) ал-Басра, 244 г.х. (858/859 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 212, № 1922). Вес 2,84 г.
- 299–300) Марв, 244 г.х. (858/859 г.) (Tornberg, 1848. Р. 141, № 86, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,75; 2,68 г.
- 301) ал-Мухаммадийа, 244 г.х. (858/859 г.) (Miles, 1938. Р. 123–124, № 129). Вес 3,01 г.
- 302) Самарканд, 244 г.х. (858/859 г.) (Tornberg, 1848. Р. 141, № 89, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,49 г.
- 303) место чеканки не установлено, 244 г.х. (858/859 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,05 г.
- 304–306) Мадина́т ас-Салам, 245 г.х. (859/860 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 212, № 1925). Вес 2,78 (2 экз.); 2,75 г.
- 307) Кумм, 245 г.х. (859/860 г.) (Nicol, 2012. № 758, другой год). Вес 2,77 г. Целый.
- 308–309) ал-Мухаммадийа, 245 г.х. (859/860 г.) (Miles, 1938. Р. 124, № 130с). Вес 3,57; 3,11 г.
- 310) Самарканд, 245 г.х. (859/860 г.) (Tornberg, 1848. Р. 142, № 94, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,55 г.
- 311) место чеканки не установлено, 245 г.х. (859/860 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,05 г.
- 312–313) ал-Мухаммадийа, 246 г.х. (860/861 г.) (Miles, 1938. Р. 125, № 131а). Вес 3,19; 3,15 г.
- 314–316) Самарканд, 246 г.х. (860/861 г.) (Tornberg, 1848. Р. 143, № 101, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,12; 2,75; 2,61 г.
- 317–318) аш-Шаш, 246 г.х. (860/861 г.) (Tornberg, 1848. Р. 142, № 100, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,01; 2,47 г.
- 319–320) место чеканки не установлено, 246 г.х. (860/861 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,31 (с отверстием); 2,84 г.
- 321) Димашк, 247 г.х. (861 г.) (Nicol, 2012. № 325). Вес 3 г. Целый, немного погнут.
- 322–325) аш-Шаш, 247 г.х. (861 г.) (Марков, 1896. С. 101, № 91, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,2; 2,91; 2,84; 2,41 г.
- 326–328) ал-Мухаммадийа, 24х г.х., по типу – 240–247 г.х. (854–861 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,34; 3,08; 2,87 г.

- 329–332) Самарканд, 24х г.х., по типу – 240–247 гг.х. (854–861 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,18; 3,08; 3,02; 2,93 г.
- 333) аш-Шаш, 24х г.х., по типу – 240–247 гг.х. (854–861 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 2,91 г.
- 334–335) аш-Шаш(?), 24х г.х., по типу – 240–247 гг.х. (854–861 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,24; 3,12 г.
- 336) место и год чеканки не установлены, по типу – 236–240 гг.х. (850–855 гг.), в поле л.с. под символом веры – Абу 'Абд Аллах. Вес 2,9 г.
- 337–347) место и год чеканки не установлены, по типу – 240–247 гг.х. (854–861 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-Му'тазз би-ллах. Вес 3,34; 3,25; 3,23; 3,18; 3,17; 3,02 (2 экз.); 3; 2,96; 2,93; 2,87 г.
- 348–365) место и год чеканки не установлены. Вес 3,84; 3,42; 3,23; 3,21; 3,17; 3,15; 3,1; 3,01; 2,98; 2,97; 2,96; 2,94; 2,93; 2,89; 2,88; 2,87; 2,68; 2,42 г.
- ал-Муста'ин би-ллах (248–251 гг.х. / 862–866 гг.)*
- 366) Арминийа, 248 г.х. (862/863 г.) (*Vardanyan*, 2011. Р. 51, № 92). Вес 2,79 г. Целый, немного деформирован, с трещинами. Край с небольшим надрезом.
- 367) Исбахан, 248 г.х. (862/863 г.) (*Марков*, 1896. С. 103, № 16, указан как дулафидский выпуск). Вес 3,09 г.
- 368) Марв, 248 г.х. (862/863 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 143, № 108, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,71 г.
- 369–376) ал-Мухаммадийа, 248 г.х. (862/863 г.) (*Miles*, 1938. Р. 126, № 133а). Вес 3,44; 3,32; 3,23; 3,12; 3,09; 2,98; 2,82; 2,78 г.
- 377) Самарканд, 248 г.х. (862/863 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 144, № 109, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,73 г.
- 378–379) Фарис, 248 г.х. (862/863 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 143, № 107, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,04; 2,89 г.
- 380–386) аш-Шаш, 248 г.х. (862/863 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 144, № 110, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,46; 2,94; 2,87; 2,85 (3 экз.); 2,7 г.
- 387) Мадинат ас-Салам, 249 г.х. (863/864 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-'Аббас б. амир ал-му'минин. Вес 2,75 г.
- 388) Мадинат Мах ал-Куфа, 249 г.х. (863/864 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-'Аббас б. амир ал-му'минин. Вес 2,75 г. Целый, с царапинами. Край с разрывами.
- 389–394) аш-Шаш, 249 г.х. (863/864 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 144, № 113, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,65; 3,43; 2,86; 2,85; 2,66; 2,54 г.
- 395–399) место чеканки не установлено, 249 г.х. (863/864 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-'Аббас б. амир ал-му'минин. Вес 3,11 (с отверстием); 3,03; 2,84; 2,83 (2 экз.) г.

- 400–401) ал-Мухаммадийа, 24х г.х. Вес 3,98; 2,92 г.
- 402–403) Самарканд, 24х г.х. Вес 3,52; 3,14 г.
- 404–406) место чеканки не установлено, 24х г.х. Вес 3,16; 3,09; 2,95 г.
- 407) Мадинат ас-Салам, 250 г.х. (864/865 г.) (Тизенгаузен, 1873. С. 214, № 1944). Вес 2,71 г.
- 408) Арминийа, 250 г.х. (864/865 г.) (Vardanyan, 2011. Р. 52, № 95). Вес 2,58 г. Целый.
- 409) Кумм, 250 г.х. (864/865 г.). Вес 3,01 г. Целый, деформирован, с небольшими вмятинами.
- 410) Мадинат Мах ал-Куфа, 250 г.х. (864/865 г.) (American numismatic society. 1972.79.208, но место чеканки указано как Мах ал-Куфа). Вес 2,75 г. Целый, помят.
- 411–418) Марв, 250 г.х. (864/865 г.) (Tornberg, 1848. Р. 144, № 115, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,07; 3,01; 3; 2,98; 2,95; 2,81; 2,79; 2,7 г.
- 419) ал-Мухаммадийа, 250 г.х. (864/865 г.) (Miles, 1938. Р. 127, № 135). Вес 2,85 г.
- 420–423) Самарканд, 250 г.х. (864/865 г.) (Tornberg, 1848. Р. 145, № 116, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,53; 3,18; 3; 2,84 г.
- 424–427) аш-Шаш, 250 г.х. (864/865 г.) (Tornberg, 1848. Р. 145, № 118, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,66; 3,43; 3,1; 2,5 г.
- 428–431) место чеканки не установлено, 250 г.х. (864/865 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му‘минин. Вес 3,7; 3,67; 3,62; 3,23 г.
- 432–437) Марв, 251 г.х. (865/866 г.) (Tornberg, 1848. Р. 145, № 120, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,48; 2,89; 2,77; 2,71; 2,53; 2,58 г.
- 438–446) Самарканд, 251 г.х. (865/866 г.) (Tornberg, 1848. Р. 146, № 123, указан как тахиридский выпуск). Вес 4,34; 3,7; 3,48; 3,45; 3,42; 3,11; 2,99; 2,94; 2,75 г.
- 447–450) аш-Шаш, 251 г.х. (865/866 г.) (Tornberg, 1848. Р. 145, № 121, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,66; 2,89; 2,69; 2,59 г.
- 451–454) место чеканки не установлено, 251 г.х. (865/866 г.), в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му‘минин. Вес 3,32; 3,14; 2,73 (с отверстием); 2,61 г.
- 455) ал-Мухаммадийа, 25х г.х. Вес 3,06 г.
- 456–461) место чеканки не установлено, 25х г.х., в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му‘минин. Вес 3,26; 3,25; 2,88; 2,54; 2,45; 2,37 г.
- 462) Марв, год чеканки не установлен, по типу – 249–251 гг.х. (863–866 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му‘минин. Вес 3,06 г.

- 463–467) Самарканд, год чеканки не установлен, по типу – 249–251 гг.х. (863–866 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му’минин. Вес 3,21; 3,17; 3,13; 3,06; 3,04 г.
- 468–480) аш-Шаш, год чеканки не установлен, по типу – 249–251 гг.х. (863–866 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му’минин. Вес 3,42; 3,29; 3,2; 3,16; 3,15; 3,13; 3,01; 3; 2,98; 2,91; 2,79; 2,58; 2,53 г.
- 481–499) место и год чеканки не установлены, по типу – 249–251 гг.х. (863–866 гг.), в поле л.с. под символом веры – ал-‘Аббас б. амир ал-му’минин. Вес 3,99; 3,94; 3,73; 3,67; 3,53; 3,42; 3,31; 3,3; 3,29; 3,16; 3,11; 3,04; 3,02 (2 экз.); 3,01; 2,94; 2,79; 2,78; 2,6 г.
- 500–519) место и год чеканки не установлены. Вес 3,47; 3,1; 3,09; 3,06 (2 экз.); 3,05 (2 экз.); 3,02; 2,98; 2,96; 2,95; 2,93; 2,91 (2 экз.); 2,87; 2,83; 2,81; 2,8; 2,66; 2,56 г.
- ал-Му’тазз би-ллах (251–255 гг.х. / 866–869 гг.)*
- 520) Исбахан, 251 г.х. (866 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 145, № 119, указан как тахиридский выпуск). Вес 2,88 г.
- 521) место чеканки не установлено, 251 г.х. (866 г.). Вес 2,53 г.
- 522–533) Арминийа, 252 г.х. (866/867 г.) (*Vardanyan*, 2011. Р. 53, № 97). Вес 3,8; 3,54; 3,34; 3,23; 3; 2,94; 2,93; 2,92 (2 экз.); 2,91; 2,84; 2,78 г.
- 534–541) Марв, 253 г.х. (867 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 146, № 127, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,28; 2,86; 2,85; 2,76; 2,72; 2,68; 2,62; 2,57 г.
- 542–573) Самарканд, 253 г.х. (867 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 146, № 125, указан как тахиридский выпуск). Вес 3,42; 3,26; 3,15; 3,12; 3,11; 3,1; 3,08; 3,01; 3; 2,99; 2,98; 2,97; 2,96; 2,95; 2,89 (2 экз.); 2,84; 2,83 (2 экз.); 2,82 (2 экз.); 2,8; 2,76; 2,75; 2,69; 2,68 (2 экз.); 2,66; 2,64; 2,43; 2,35; 2,29 г.
- 574) Фарис, 253 г.х. (867 г.) (*Nicol*, 2012. № 710). Вес 2,71 г.
- 575–588) аш-Шаш, 253 г.х. (867 г.) (*Tornberg*, 1848. Р. 146, № 126, указан как тахиридский выпуск). Вес 4,08; 3,8; 3,42; 3,3; 3,26; 3,13; 3,07; 3,04; 2,99; 2,93; 2,9; 2,82; 2,71; 2,59 г.
- 589–598) место чеканки не установлено, 253 г.х. (867 г.). Вес 3,75; 3,28; 3,14; 3,13; 2,99; 2,96 (2 экз.); 2,75; 2,74; 2,7 г.
- 599) Арминийа, 255 г.х. (868/869 г.) (*Vardanyan*, 2011. Р. 53, № 99). Вес 2,52 г. Целый, немного помят.
- 600–601) Арминийа, 255 г.х. (868/869 г.) (*Vardanyan*, 2011. Р. 53, № 99). Вес 2,77; 2,56 г.
- 602) место чеканки не установлено, 255 г.х. (868/869 г.). Вес 3,31 г.
- 603–607) Самарканд, 25х г.х. Вес 3; 2,89; 2,84; 2,77; 2,67 г.
- 608) Сурра ман Ра’а(?), 25х г.х. Вес 2,93 г.

609–633) место чеканки не установлено, 25х г.х. Вес 3,65; 3,38; 3,32; 3,27; 3,21; 3,18; 3,16; 3,15; 3,08; 3,05; 3,01; 3; 2,99; 2,98; 2,94; 2,92; 2,88; 2,87; 2,78; 2,77; 2,73; 2,57; 2,53; 2,45; 2,43 г.

ал-Мухтади би-ллах (255–256 гг.х. / 869–870 гг.)

634) Мадинат ас-Салам, год не прочеканен, по типу и палеографии – 255 г.х. (869 г.) (*Марков*, 1896. С. 47, № 848). Вес 3,19 г. Целый, погнут.

635) Сурра ман Ра'а, 255 г.х. (869 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 216, № 1972). Вес 2,61 г. Целый, немного погнут.

636) Мадинат ас-Салам, 256 г.х. (869/870 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 216, № 1974). Вес 2,71 г. Целый.

637) место чеканки не установлено, 256 г.х. (869/870 г.). Вес 3,62 г.

638) место чеканки не установлено, 25х г.х. Вес 2,95 г.

ал-Му'тамид 'ала-ллах (256–279 гг.х. / 870–892 гг.)

639) Мадинат ас-Салам, 256 г.х. (870 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 217, № 1981). Вес 2,77 г.

640) Исбахан, 256 г.х. (870 г.) (*Nicol*, 2012. № 68). Вес 2,98 г.

641) ал-Мухаммадийа, 258 г.х. (871/872 г.) (*Марков*, 1896. С. 103, № 23, указан как дулафидский выпуск). Вес 3,07 г.

642) Насибин, 258 г.х. (871/872 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 218, № 1993). Вес 2,96 г.

643) место чеканки не установлено, 258 г.х. (871/872 г.), в поле л.с. под символом веры – Джа'фар. Вес 2,48 г.

644–645) Мадинат ас-Салам, 259 г.х. (872/873 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 219, № 1999). Вес 3,22; 2,84 г.

646) ал-Басра, 259 г.х. (872/873 г.), в поле л.с. под символом веры – Джа'фар. Вес 2,19 г.

647) ал-Маусил, 259 г.х. (872/873 г.), в поле л.с. под символом веры – Джа'фар. Вес 3,15 г.

648) Мадинат ас-Салам, 261 г.х. (874/875 г.) (*Тизенгаузен*, 1873. С. 219, № 2006). Вес 2,85 г.

649) Димашк, 261 г.х. (874/875 г.) (*Zeno.ru. Oriental Coins Database. № 125144*). Вес 2,77 г. Целый, немного погнут, с трещинами.

650–651) место и год чеканки не установлены, по типу – 256–261 гг.х. (870–875 гг.), в поле л.с. под символом веры – Джа'фар. Вес 3,07; 2,68 г.

Неустановленные халифы.

652–654) место чеканки не установлено, 24х г.х. Вес 3,68; 3,02; 2,27 г.

655–656) аш-Шаш, 230-е – 250-е гг.х. Вес 3,18; 3,11 г.

657–660) Самарканд, 2хх г.х. Вес 3,05; 2,91; 2,79; 2,51 г.

Современники Идрисидов

Зуфар (ок. 175–186 гг.х. / 791–802 гг.)

661) Тудга, 1хх г.х., по типу – 176 г.х. (792/793 г.) (*Album*, 2011. Р. 75, А433).

Вес 1,66 г (обломан).

Саффариды

Йа'куб б. ал-Лайс (247–265 гг.х. / 861–879 гг.)

662) ал-Панджхир, 260 г.х. (873/874 г.) (*Lloyd*, 2014. Р. 18, Bn260.2).

Вес 3,16 г. Целый, край немного погнут.

663) ал-Панджхир, 260 г.х. (873/874 г.) (*Lloyd*, 2014. Р. 18, Bn260.2), другие штемпели. Вес 2,81 г. Целый, немного деформирован.

Слабо и полностью непрочеканенные монеты

664–857) эмитент и выпускные сведения не установлены. Вес 4,84; 4,58; 4,4; 4,32; 4,31; 4,18; 3,98; 3,88; 3,65 (2 экз.); 3,62; 3,61 (2 экз.); 3,56 (2 экз.); 3,55; 3,51; 3,49; 3,44 (2 экз.); 3,43 (2 экз.); 3,4; 3,38; 3,36 (3 экз.); 3,35; 3,34 (2 экз.); 3,33; 3,31 (2 экз.); 3,3 (2 экз.); 3,29; 3,27; 3,25 (2 экз.); 3,24 (2 экз.); 3,23 (3 экз.); 3,22; 3,21; 3,2 (2 экз.); 3,19; 3,18 (2 экз.); 3,16 (2 экз.); 3,15 (3 экз.); 3,14 (2 экз.); 3,13 (4 экз.); 3,11 (2 экз.); 3,1 (4 экз.); 3,09 (2 экз.); 3,08 (3 экз.); 3,07 (3 экз.); 3,06 (3 экз.); 3,05 (6 экз.); 3,04; 3,03 (3 экз.); 3,02 (4 экз.); 3,01; 3 (3 экз.); 2,99 (2 экз.); 2,98 (4 экз.); 2,97; 2,96 (3 экз.); 2,94 (2 экз.); 2,93 (3 экз.); 2,92 (5 экз.); 2,91 (5 экз.); 2,9 (3 экз.); 2,89 (6 экз.); 2,88; 2,87 (4 экз.); 2,86 (3 экз.); 2,85 (4 экз.); 2,84 (3 экз.); 2,83; 2,82 (6 экз.); 2,81 (2 экз.); 2,8; 2,78 (2 экз.); 2,76 (3 экз.); 2,75; 2,73 (3 экз.); 2,72; 2,71; 2,7; 2,69 (2 экз.); 2,68 (3 экз.); 2,63 (2 экз.); 2,62; 2,6 (2 экз.); 2,57; 2,55; 2,54; 2,5; 2,49; 2,47; 2,45; 2,42; 2,38; 2,36; 2,28; 2,26; 2,23; 2,06; 2,03; 1,96 г.

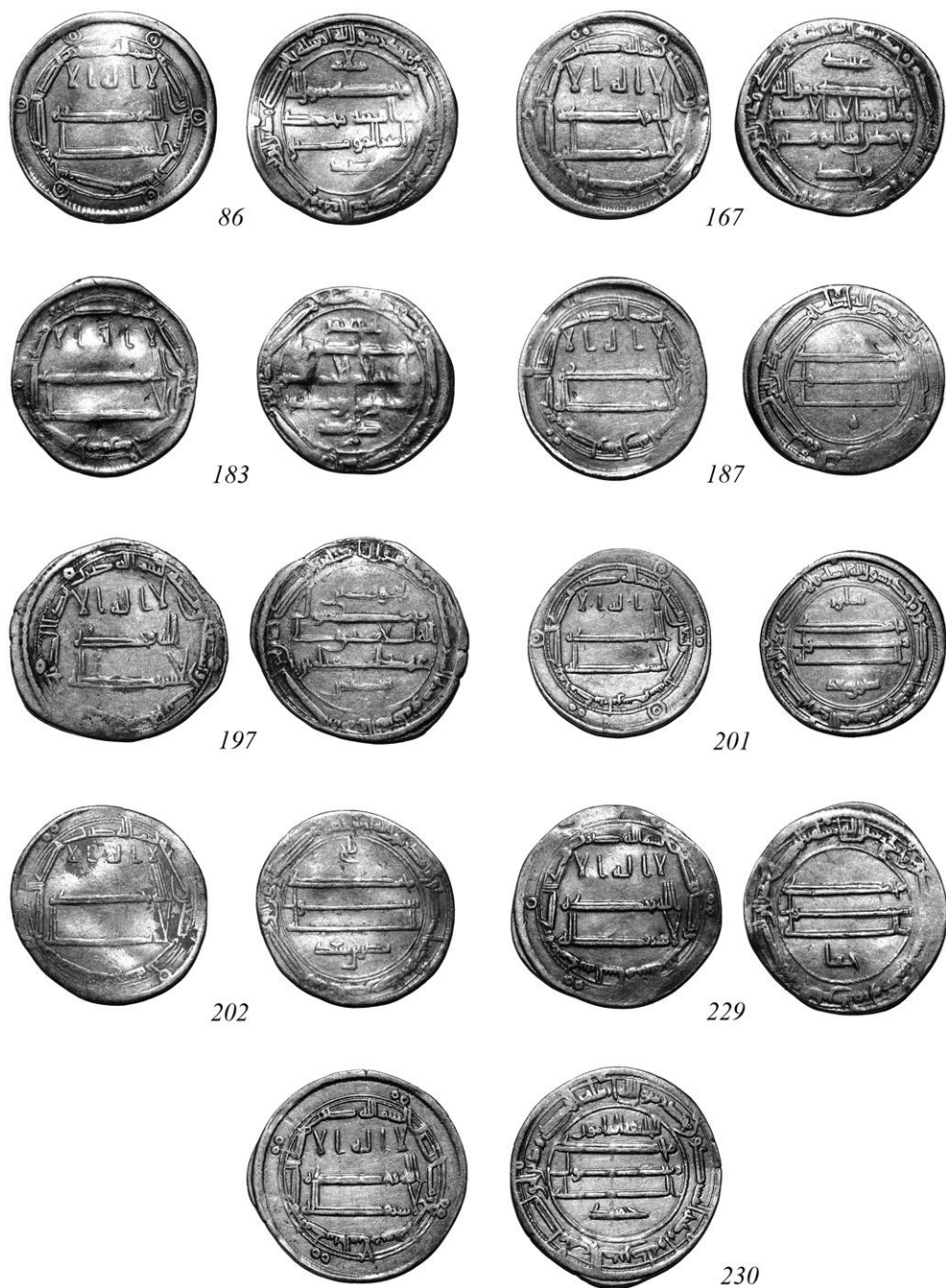

Рис. 1. Дирхамы Перкинского клада

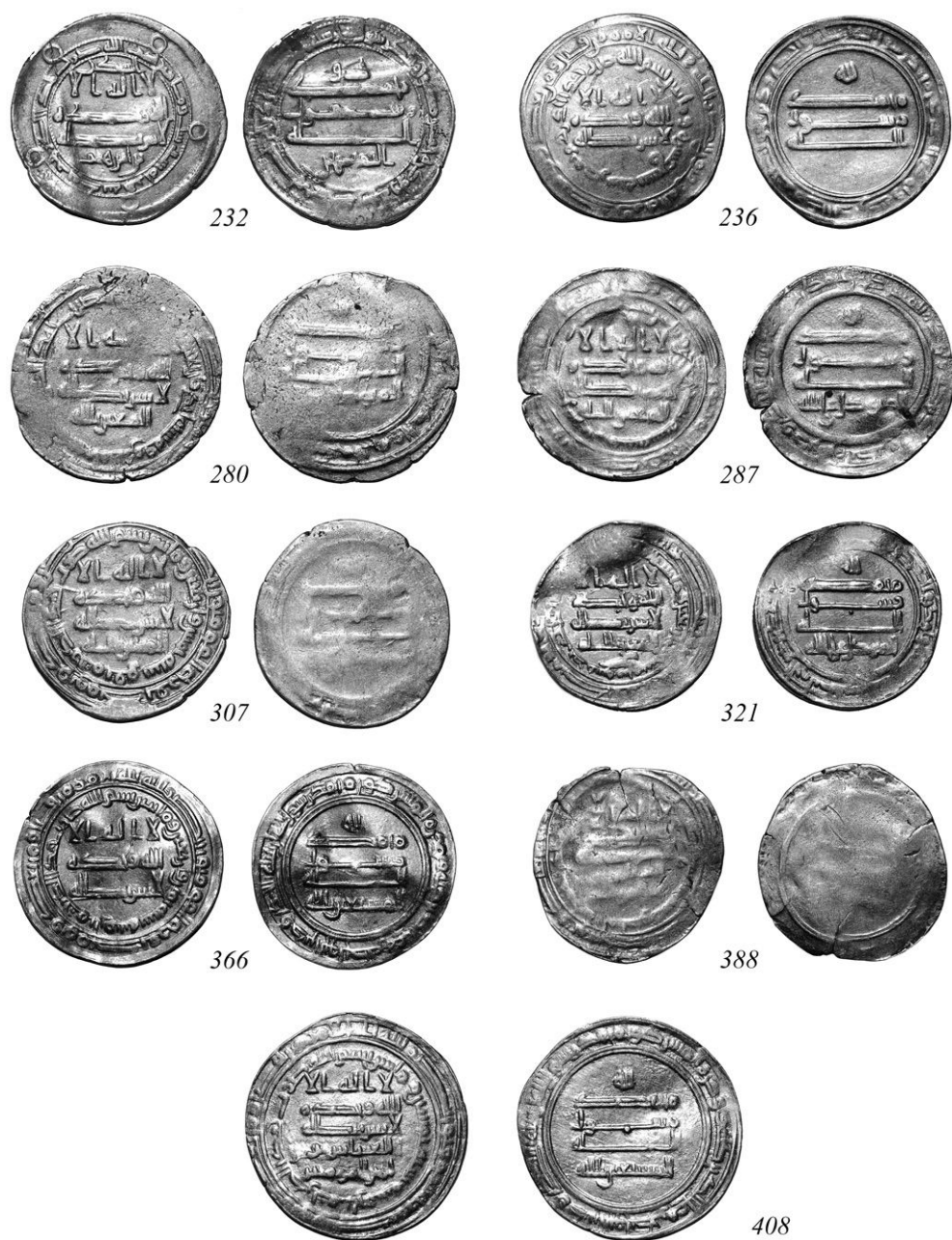

Рис. 2. Дирхамы Перкинского клада

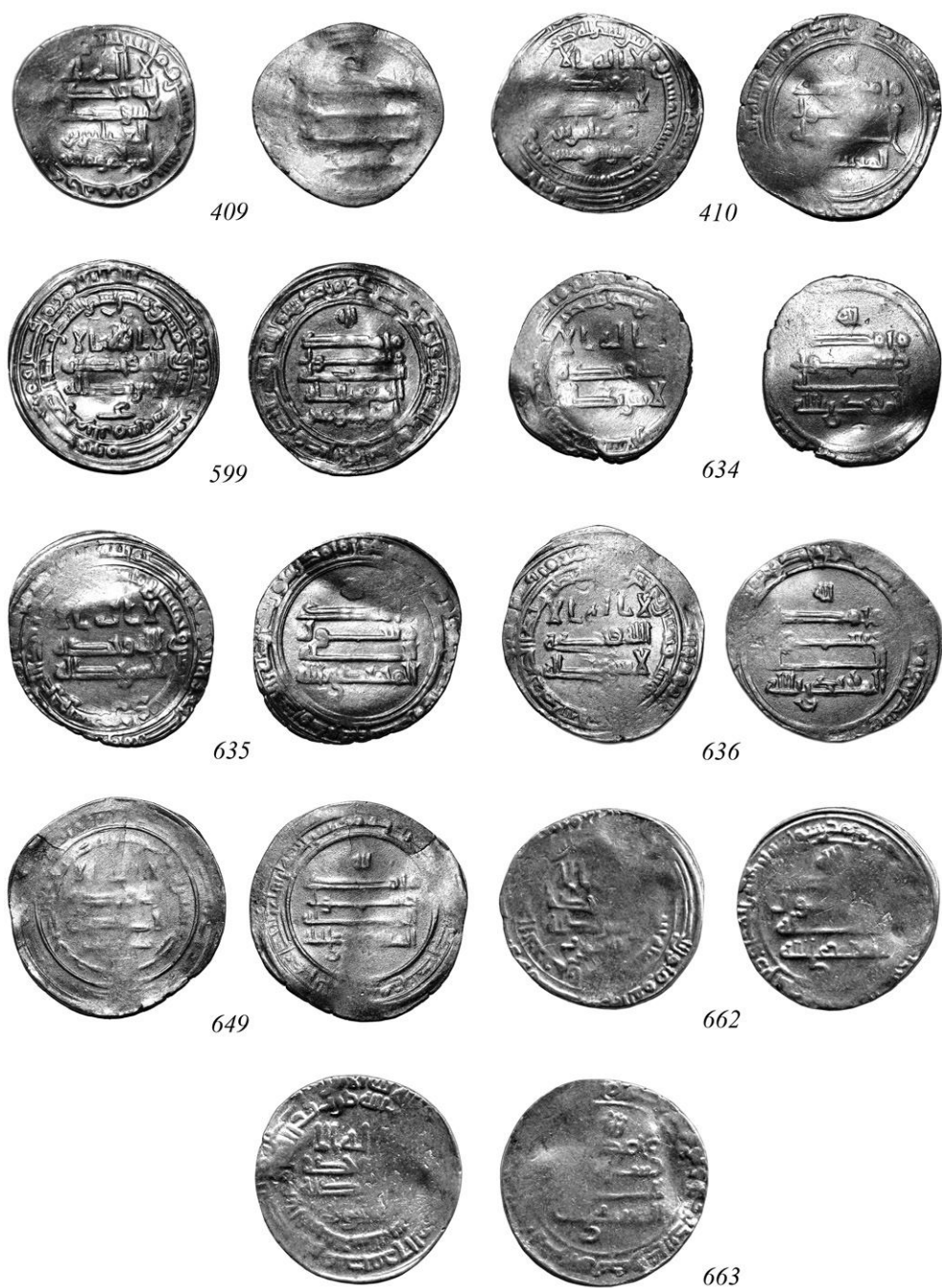

Рис. 3. Дирхамы Перкинского клада

**Таблица 1. Сравнительное распределение дирхамов
Перкинского и Хитровского кладов по местам чеканки.**

Место чеканки	Перкинский	Хитровский
ал-'Аббасийа	3	1
Адарбиджан	—	1
Арминийа / ал-Мухаммадийа (Арминийа)	22	21
Арран	2	1
ал-Басра	9	17
Васит	9	11
Димашк	2	3
Ифрикийа	1	—
ал-Йамама	—	1
Каср ас-Салам	—	1
Кумис	—	1
Кумм	2	—
ал-Куфа	10	13
Ма'дан Баджунайс	1	—
Ма'дан аш-Шаш / аш-Шаш	79	17
аш-Шаш(?)	2	—
Мадина́т Абрашахр / Мадина́т Нисабур	2	2
Мадина́т Балх	12	18
Мадина́т Бухара	—	1
Мадина́т Джай	—	1
Мадина́т Зарандж	5	2
Мадина́т Исбахан / Исбахан	11	20
Мадина́т Марв / Марв	30	15
Мадина́т Мах ал-Куфа	3	1
Мадина́т ас-Салам	149	178
Мадина́т Самарканд / Самарканд	91	36
Мадина́т Харат	3	4
ал-Маусил	1	—
Миср	1	—
ал-Мутаваккилийа	—	1
ал-Мухаммадийа / ар-Рай	64	61
Насибин	1	—
ал-Панджхир	2	1
ар-Рафика	1	—
ас-Самийа	—	2
Сиджистан	—	2
Сурра ман Ра'а	1	18
Сурра ман Ра'а(?)	1	—
Табаристан	1	1
Тудга	1	—
Фарис	5	9
ал-Харунийа	1	—

**Таблица 2. Хронологическое распределение (ХР) дирхамов
Перкинского клада.**

г.х.	I	II	III	IV	V	VI
121	1	—	—	—	—	—
122	2	—	—	—	—	—
123	1	—	—	—	—	—
124	1	—	—	—	—	—
125	3	—	—	—	—	—
126	—	—	—	—	—	—
127	1	—	—	—	—	—

132	1	—	—	—	—	—

136	1	—	—	—	—	—
137		—	—	—	—	—
138	1	—	—	—	—	—
139	1	—	—	—	—	—
140	1	—	—	—	—	—
141	3	—	—	—	—	—

144	2	—	—	—	—	—
145	1	—	—	—	—	—
146	3	—	—	—	—	1
147	2	—	—	—	—	—
148	2	1	—	—	—	1
149	4	2	—	—	—	1
150	3	2	—	—	—	1
151	—	—	—	—	—	—
152	6	5	—	—	—	1
153	1	—	—	—	—	1
154	2	2	—	—	—	—
155	3	3	—	—	—	—
156	2	2	—	—	—	—
157	2	2	—	—	—	—
158	2	2	—	—	—	—
159	—	—	—	—	—	—
160	4	2	—	—	—	2
161	10	7	—	—	—	2
162	6	6	—	—	—	—
163	1	1	—	—	—	—
164	3	3	—	—	—	—
165	2	2	—	—	—	—
166	1	1	—	—	—	—

169	1	—	—	—	—	—

**Таблица 2. Хронологическое распределение (ХР) дирхамов
Перкинского клада (продолжение).**

г.х.	I	II	III	IV	V	VI
170	2	1	—	—	—	—
171	2	—	—	—	—	—

174	1	—	—	—	—	—
175	1	—	—	—	—	1
176	1	—	—	—	—	—
177	—	—	—	—	—	—
178	1	—	—	—	—	—
179	5	1	—	—	—	—
180	4	3	—	—	—	—
181	11	6	—	—	—	3
182	8	4	—	—	—	3
183	3	1	—	—	—	2
184	2	1	—	—	—	1
185	4	1	—	1	—	—
186	6	2	—	—	—	1
187	13	10	—	—	—	—
188	14	6	—	—	—	4
189	9	4	1	—	—	3
190	12	9	1	—	—	2
191	8	3	—	—	—	2
192	12	9	—	—	—	2
193	6	1	—	—	—	1
194	6	2	—	—	2	1
195	6	—	—	—	6	—
196	1	—	—	—	1	—
197	1	—	—	—	1	—
198	3	—	—	—	2	—
199	1	—	—	—	—	—
200	3	1	—	—	1	—
201	2	—	—	—	—	2
202	—	—	—	—	—	—
203	1	1	—	—	—	—
204	1	1	—	—	—	—
205	1	—	—	—	—	—
206	1	—	—	—	—	—
207	2	—	—	—	—	—
208	1	—	—	—	1	—

217	1	—	—	—	—	—

220	5	1	1	1	1	—

**Таблица 2. Хронологическое распределение (ХР) дирхамов
Перкинского клада (окончание).**

г.х.	I	II	III	IV	V	VI
221	1	—	—	—	—	1
222	1	—	—	—	—	1

225	2	2	—	—	—	—
226	4	2	1	—	—	—
227	3	—	—	1	1	—

230	2	1	—	—	1	—

233	3	1	—	1	1	—
234	2	1	—	—	1	—
235	—	—	—	—	—	—
236	7	7	—	—	—	—
237	3	2	—	—	—	—
238	2	1	1	—	—	—
239	5	—	2	—	—	1
240	1	—	—	—	—	—
241	3	1	—	—	—	1
242	5	1	3	—	—	1
243	10	—	2	—	—	1
244	7	1	—	2	1	1
245	8	3	—	—	1	2
246	9	—	2	—	3	2
247	5	—	4	—	—	—
248	21	—	7	1	1	8
249	13	1	6	—	—	—
250	25	1	4	8	4	1
251	25	—	4	6	9	—
252	12	—	—	—	—	—
253	65	—	14	8	32	—
254	—	—	—	—	—	—
255	6	1	—	—	—	—
256	4	2	—	—	—	—
257	—	—	—	—	—	—
258	3	—	—	—	—	1
259	4	2	—	—	—	—
260	2	—	—	—	—	—
261	2	1	—	—	—	—

I – общее ХР; II – Мадина́т ас-Салам; III – Ма’дан аш-Шап / аш-Шап; IV – Мадина́т Марв / Марв; V – Мадина́т Самарканд / Самарканд; VI – ал-Мухамма́дийа / ар-Рай. В таблице приведено распределение дирхамов только тех мест чеканки, чье количество превышает 25 экз.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- АКР: Рязанская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1993. 272 с.
- Гомзин А. А., 2006. Об особенностях топографии находок куфических монет VIII–IX вв. в восточной части Среднего Поочья // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006. С. 252–273.
- Гомзин А. А., 2013. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 499 л.
- Гомзин А. А., 2018. Вторая часть Мшагского клада куфических монет // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 161–165.
- Городцов В. А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Результаты археологической экскурсии, совершенной по поручению и на средства Императорского Московского археологического общества в 1895 году // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. Т. I. М. С. 515–672.
- Кулешов Вяч. С., 2009. Периодизация чеканки куфических дирхамов в халифате Умаййадов (по данным нумизматических источников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики: памяти А. А. Марковой (1895–1975). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 86–97 (ТГЭ. Т. 48).
- Кулешов Вяч. С., 2016. Периодизация монетного обращения середины VIII – начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 169–179.
- Марков А. К., 1896. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб. IV, 873 с.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.
- Ноопан Т. S., 2002. Клад дирхамов 876/77 гг. из деревни Хитровка Тульской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб. С. 156–160.
- Тизенгаузен В. Г., 1873. Монеты Восточного халифата. СПб. LIV, 374 с., IV табл.
- Фасмер Р. Р., 1931. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX в. Л. 20 с.
- Фёдоров А. Ф., 1928. Монетные клады Рязанской губернии. Спасск. 17 с.
- Черепнин А. И., 1892. Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань. 42 с.

- Album S.*, 2011. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa. 324 p.
- Bates M. L.*, 2011. A Second Muhammadyya, and the Four Mints of the Bajunays Mine // JONS. № 209. P. 14–17.
- Cressier P., García-Arenal M.*, 1998. Genèse de la ville islamique en al-Andalus et au Maghreb occidental. Madrid: Casa de Velázquez. 403 p.
- Lloyd S.*, 2014. The Coinage of the Saffarids of Sijistan and Related Dynasties, 247h–332h: part 2 // JONS. № 220. P. 12–20.
- Lowick N.*, 1996. Early 'Abbāsīd Coinage. A Type Corpus. 132–218 H / AD 750–833. London [stopped in press]. 521 p., 29 pl.
- Miles G. C.*, 1938. The Numismatic History of Rayy // Numismatic Studies. № 2. New York: The American Numismatic Society. XII, 240 p., VI pl.
- Nicol N. D.*, 2012. SICA. Vol. 4. Later 'Abbasid Precious Metal Coinage (from 219 AH). Oxford. 96 p., 79 pl.
- SNAT, 2008. Buhārā/Samarqand. XVa Mittelasien / Central Asia I. Tübingen, Berlin. 131 p.
- Tornberg C. J.*, 1848. Numi Cufici Regii Numophylacii Holmiensis, Quos Omnes in Terra Sueciae Repertos. Upsaliae. LXXXVIII, 316 p., XIV tab.
- Vardanyan A. R.*, 2011. Islamic Coins Struck in Historic Armenia. Vol. I. Yerevan. 152 p.

В. И. Завьялов
Институт археологии РАН, Москва

Рыболовство в Переяславле Рязанском (по материалам Житного раскопа)

Резюме. В культурных напластованиях древнерусского времени многочисленны находки предметов рыболовства. Большой и разнообразный материал для изучения древнерусского рыболовства предоставили археологические исследования в Переяславле Рязанском. Основным способом лова рыбы был лов с помощью сетей. Изучение видового состава позволило выделить в материалах Житного раскопа девять видов рыб, относящихся к пяти отрядам. Полученные данные свидетельствуют, что рыболовство в Переяславле Рязанском было ориентировано на массовую добычу рыбы, что, в свою очередь, указывает на выделение этой отрасли в отдельный промысел.

V.I. Zavyalov
Fishing in Pereyaslavl Ryazansky
(Based on the Materials from the Zhitny Excavation Site)

Abstract. In the cultural layers of the ancient Russian period there are multiple finds of fishing objects. Archaeological research in Pereyaslavl Ryazansky yielded ample and diverse material for the study of ancient Russian fishing. The main fishing method was fishing with nets. The study of the species from the materials of the Zhitny excavation site made it possible to identify nine species of fish belonging to five orders. The received data indicate that fishing in Pereyaslavl Ryazansky was aimed at mass harvesting of fish, which indicates that this industry evolved into a separate trade.

С распространением производящих способов ведения хозяйства рыбному промыслу в экономике отводится роль подсобного, однако его значение на всем протяжении средневековья остается заметным. В то время как охота, в основном, перестала обеспечивать человека продуктами питания и превратилась, по крайней мере у привилегированных классов, в способ развлечения, продукция рыболовства продолжала составлять существенную часть диеты городского и сельского населения. В какой-то степени рыба служила восполнением белковой недостаточности во время многочисленных христианских постов. Не удивительно, что в культурных напластованиях древнерусского времени количество предметов рыболовства увеличивается в десятки раз по сравнению с предшествующим периодом (Чернецов, Куза, Кирьянова, 1985. С. 226).

Археологические источники, характеризующие эту сторону человеческой деятельности, условно можно разделить на орудия лова и объекты лова (кости и чешуя рыб). Традиционно в исследованиях первой группы источников уделяется основное внимание, поскольку для атрибуции рыбных останков требуется привлечение специалиста-ихтиолога.

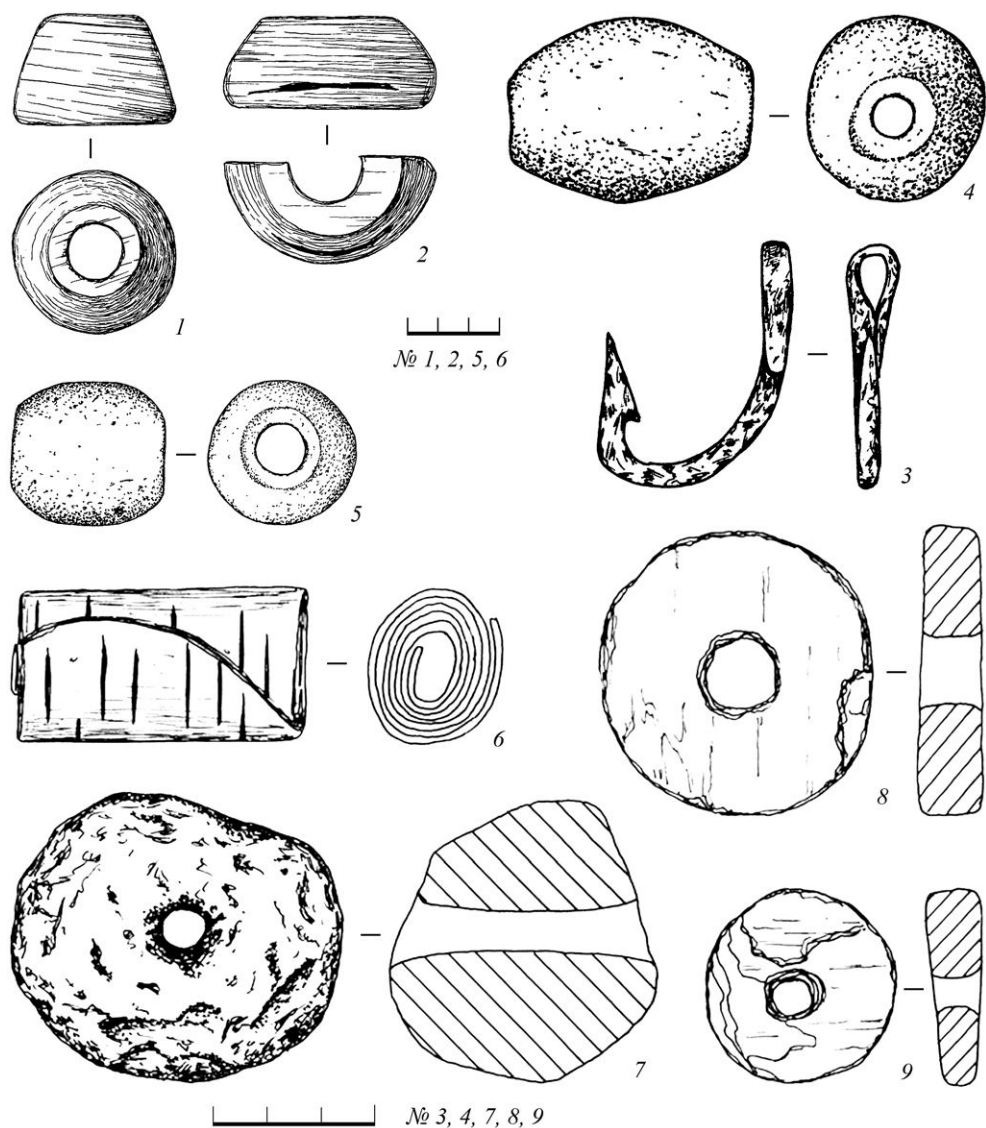
Большой и разнообразный материал для изучения древнерусского рыболовства предоставили археологические исследования на территории Кремля Переяславля Рязанского (соврем. Рязань). Многолетние комплексные исследования Житного раскопа позволили представить историю развития города во всем ее многообразии. Мощность культурных напластований на исследуемом участке превышала шесть метров. В результате статистико-типологического анализа керамического материала и корреляции полученных данных с распространением в слое хроноиндикаторов, выделено десять стратиграфических горизонтов, охватывающих период от второй половины XII в. до середины XVII в. Установлено, что не позднее конца XII в. поселение на мысу у слияния Лыбеди и Трубежа обладало городскими чертами, о чем свидетельствуют усадебная планировка участка, наличие неукрепленного посада и характер вещевого комплекса (амфоры, стеклянные браслеты, стеклянные сосуды). Следует отметить, что на протяжении длительного времени планировка усадеб неоднократно менялась и, вероятно, менялся характер занятий населения усадеб (Завьялов, 2019).

Расположение города в месте впадения Лыбеди в Трубеж в непосредственной близости от одной из крупнейших рек Восточной Европы, Оки, доступность мелких рек и старичных озер определяли обеспеченность населения рыбными ресурсами.

По назначению и способу применения рыболовные орудия условно подразделяются на четыре основных группы: колющие орудия, крючные снасти, сети (включая поплавки, грузила и т. д.), запорные системы. В коллекции из Житного раскопа представлены только крючные снасти и детали сетей.

В нижних напластованиях, датируемых второй половиной XII – рубежом XII–XIII вв., найдены два деревянных ботала усеченно-конической формы (рис. 1, 1–2). Способ лова с помощью ботал основан на том, что рыбак ударял боталом (длинным шестом с деревянным кольцом на конце) по дну водоема, загоняя рыбу в сети.

На раскопе во всех хронологических горизонтах найдено 11 рыболовных крючков. Их длина колеблется от 35 до 50 мм. Для крепления лески верхний край оформлялся в виде петли или расковывался.

Рис. 1. Рыболовные снасти

1 – ботало (29-30-147); 2 – ботало (29-24-185); 3 – рыболовный крючок (24-29-53); 4 – глиняное грузило (15-22-254); 5 – глиняное грузило (17-26-89); 6 – берестяной поплавок (16-4-250); 7 – грузило из известняка (27-37-440); 8 – поплавок из сосновой коры (30-13-228); 9 – поплавок из сосновой коры (2014 г., № 58)

На нижнем конце оформлено жало с оттянутой бородкой, удерживавшей приманку и пойманную рыбу (рис. 1, 3). Такие крючки хорошо известны уже на раннеславянских памятниках (Куза, 1970. С. 134). Предназначались они для лова крупной хищной рыбы (щук, сомов) на живца или другую насадку.

Наиболее распространенным способом лова рыбы в Переяславле Рязанском была ловля сетью. Детали сетей (грузила и поплавки) представлены во всех слоях раскопа. Грузила (47 экз.) однотипны, их форма не изменялась на протяжении времени. Небольшой размер и вес найденных грузил свидетельствуют о преимущественном использовании малых сетей (рис. 1, 4, 5). Однако уже в слоях XIII в. найдено тяжелое грузило из плохо обработанного известняка, которое могло использоваться для больших сетей (рис. 1, 7). Наиболее многочисленны вытянутые («сигарообразные») грузила (рис. 1, 4). Длина целых экземпляров составляла 45–65 мм при диаметре отверстия 8–19 мм. Реже встречаются грузила цилиндрической формы (длина 45–50 мм, диаметр отверстия 13–16 мм). Лепились грузила как из красножгущейся, так и из беложгущейся глины. Следует отметить, что в слоях XVI в. известны грузила, покрытые черным лощением.

Поплавки для сетей встречены как берестяные, так и деревянные. При этом берестяные, из туго свернутых в трубку полос бересты (рис. 1, 6), преобладали до начала XVI в. Такие поплавки, также как и глиняные грузила, применялись на небольших сетях. В последующее время использовались исключительно поплавки из дерева и сосновой коры (рис. 1, 8, 9).

Открыты на раскопе и комплексы, связанные с рыболовством. Так, например, в сооружении № 25 (первая половина XIII в.) обнаружено мощное скопление рыбьих костей и чешуи у северного угла (рис. 2), что позволяет рассматривать его как хозяйственную постройку, в которой проводилась обработка рыбы.

В сооружении № 12 (вторая половина XVI в.) найдено пять грузил и пять поплавков. Четыре грузила имеют вытянутую «сигарообразную» форму (два из них чернолощенные), одно – шарообразное. Пять поплавков, происходящих из этой постройки, дисковидной формы с отверстием в центре. Поплавки вырезаны из сосновой коры. Их размеры варьируют от небольших (диаметром около 5 см, толщиной 0,7 см и диаметром отверстия 0,7 см) до сравнительно больших (диаметром 11–12 см и диаметром отверстия 1,3–1,5 см). С этим же комплексом связан целый ряд сельскохозяйственных орудий: непосредственно

Рис. 2. Сооружение № 25. Вид с востока. Место скопления рыбьей чешуи

в срубе найден серп и три косы, а еще одна коса обнаружена при зачистке участка, на котором находилось сооружение № 12.

Следует отметить относительно высокий статус обитателей этого сооружения. Отсюда происходят фрагменты селадоновой посуды, два фрагмента деревянных рамочных оправ стеклянных зеркал (один из них орнаментирован аппликацией), самшитовые гребни, футляр для восковой печати (Завьялов, 2013. С. 38–40).

Таким образом, не смотря на неоднократную перепланировку исследуемого участка, а, следовательно, и вероятную смену владельцев, рыболовство играло существенную роль в занятиях местных жителей. Основным способом лова рыбы в Переяславле Рязанском был лов с помощью сетей. Ботальный лов применялся только в раннее время, поскольку находки ботал малочисленны и ограничиваются второй половиной XII в. С самого начала возникновения Переяславля Рязанского рыболовство было ориентировано на массовую добычу рыбы, что указывает на выделение этой отрасли в отдельный промысел. К сожалению, ограниченные размеры исследованной территории не позволяют сделать однозначный вывод о том, насколько широко была распространена рыбная ловля: носила ли она индивидуальный характер или ориентировалась на рыночную торговлю. Локализация предметов

лова и скопление отходов промысла (скопления рыбьей чешуи) как будто бы указывают именно на второй вариант.

Изучение видового состава рыб, проведенного кандидатом биологических наук Е. Ю. Яниш (2013), показало, что в ихтиологических материалах из Житного раскопа присутствуют девять видов, относящихся к пяти отрядам. Это севрюга (*Acipenser stellatus*), стерлядь (*Acipenser ruthenus*), сазан (*Cyprinus carpio*), лещ (*Abramis brama*), плотва (*Rutilus rutilus*), судак (*Sander lucioperca*), окунь (*Perca fluviatilis*), щука (*Esox lucius*), белорыбица (?) (*Stenodus leucichthys*).

Наибольшее количество чешуи принадлежит сазану, лещ представлен в существенно меньшем количестве остатков, для других видов зафиксированы только единичные фрагменты. Во всех случаях, когда было возможно определить возраст, останки рыб принадлежали взрослым половозрелым особям. Наличие чешуи сазанов старше 10 лет, позволяет предположить, что выловленные особи были достаточно крупного размера, так как рыбы продолжают расти всю свою жизнь. В настоящее время рыбы такого размера, как правило, добываются крючными снастями и крупноячеистыми сетями. Видовой состав ихтиофауны указывает на круглогодичный вылов рыбы. Большинство осетровых и карповых зимой почти без движения располагаются в зимовальных ямах, и их лов в этот сезон затруднен, но судак, окунь и щука в зимнее время остаются активными, так что их лов может продолжаться круглый год.

Практически все обнаруженные виды рыб, за исключением осетровых (севрюга, стерлядь) и белорыбицы, относятся к обычным представителям современной ихтиофауны рек и могли обитать в Лыбеди и Трубеже. Стерлядь и сейчас встречается в Оке. Основные нерестилища севрюги на Волге (до постройки каскада волжских ГЭС) доходили до уровня Саратова, но известны случаи ее вылова гораздо выше по течению – у Рыбинска.

Следует обратить внимание на два вида карасей, встреченных в материалах Житного раскопа. В природе караси предпочитают водоемы со стоячей водой или очень медленным течением, часто заиленные. Эта особенность позволяет предположить, что обнаруженные караси могли быть выловлены в небольших озерах, старицах, либо болотах или заливных лугах. Наличие в материале карасей указывает на летнее время их вылова, так как только тогда они активно кормятся и потому доступны рыбакам. Зимой караси зарываются в ил и впадают в состояние, напоминающее спячку (Никольский, 1951).

Исходя из общего видового состава рыб, можно предположить, что рыбная ловля осуществлялась круглогодично, с наибольшей эффективностью в весенне-летний период, когда все виды рыб активны.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

Литература

- Завьялов В. И., 2013. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2007–2009 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: РИАМЗ. С. 20–69.
- Завьялов В. И., 2019. Житный раскоп в Кремле Переяславля Рязанского // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. М.: Таус. С. 7–66.
- Куза А. В., 1970. Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. // МИА. № 176. М.: Наука. С. 132–137.
- Никольский Г. В., 1951. О методике зоогеографических исследований // Вопросы географии. Вып. 24. С. 263–274.
- Чернецов А. В., Куза А. В., Кирьянова Н. А., 1985. Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука. (Археология СССР). С. 219–242.
- Яниш Е. Ю., 2013. Результаты определения таксономической принадлежности остатков рыб из раскопок Переяславля-Рязанского (2012 г.) // Завьялов В. И. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2013 г. Т. 1 / Архив ИА РАН. Р-1. № 29778.

И. В. Исланова
Институт археологии РАН, Москва

Вышний Волочёк – первые исследования

Резюме. Статья вводит в научный оборот материалы первых археологических исследований (фиксации напластований и сборов артефактов) на территории Вышнего Волочка, проводившихся в 2009–2011 гг. Открытые на территории города археологические объекты относятся к временному отрезку от XVI по начало XX в. Имеющиеся сведения о существовавших поблизости курганах или сопках, позволяют также предполагать наличие рядом поселения древнерусского времени.

I. V. Islanova **Vyshny Volochyok – the First Research**

Abstract. The article introduces into scientific circulation the materials of the first archaeological research (fixation of stratifications and collections of artifacts) on the territory of Vyshny Volochok, conducted in 2009–2011. The archaeological sites discovered on the territory of the city refer to the period from the 16th up to early 20th century. The available data on the mounds or hills that existed nearby allows to suggest the possibility of an ancient Russian settlement thereabout.

Первое достоверное упоминание о поселении в начале волока из Волжского бассейна в Балтийский – из р. Тверцы в р. Цну – относится к 1437 г. Оно содержится в описании путешествия митрополита Исидора во Флоренцию: «А от Твери до Торжка шестьдесят верст, а от Торжка до Волочка семьдесят верст. А от Волочка поплыл рекою Мстою в ладье к Великому Новгороду, а кони пошли берегом» («Хождение»... 1981. С. 468). Предположения об упоминании волока в окрестностях современного г. Вышнего Волочка в летописях под 1196 г. и в новгородской берестяной грамоте № 724 не бесспорны (Богданов, 2005. С. 254–255). Однако несомненно, что в источниках речь идет о верховьях р. Мсты, а не о Бежецком Верхе (Богданов, 2005. С. 255–256). Известий о поселении для этого времени нет; однако и в начале, и в конце функционировавшего волока должны были находиться пункты для его обслуживания.

До строительства Тверецкого канала водный путь по р. Тверце заканчивался у с. Столбище, где начинался гужевой путь. В километре от этого села на осыпающемся правом берегу находится древнерусский

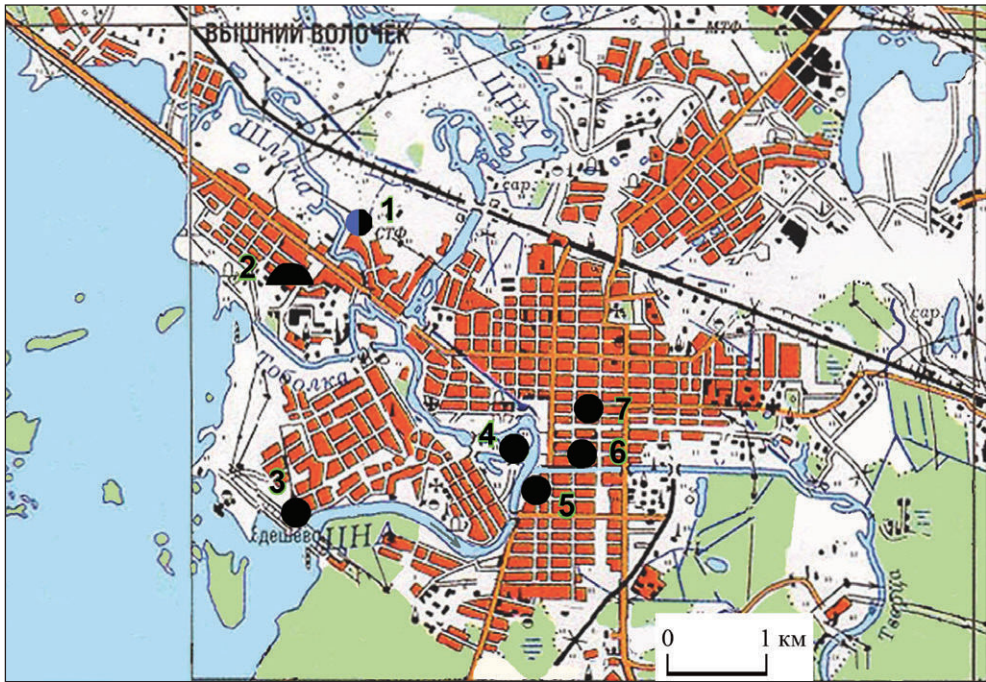

Рис. 1. Археологические памятники на территории Вышнего Волочка

- 1 - поселение 1; 2 - курганный могильник; 3 - местонахождение 2;
4 - местонахождение 1; 5 - местонахождение 3; 6 - местонахождение 4;
7 - местонахождение 5

курганный могильник Белый Омут. Несмотря на детальные поиски, селища вблизи могильника обнаружить не удалось (Исланова, 2010. Л. 10). Берег здесь интенсивно размывается, и, не исключено, что поселение могло быть разрушено.

Ближайший известный курганный или сопочный могильник в бассейне Верхней Мсты находился на левом берегу р. Тоболки вблизи ее впадения в р. Цну (рис. 1, 2). Две сильно поврежденные насыпи здесь были зафиксированы директором Вышневолоцкого краеведческого музея А. Х. Репманом (Репман, 1976. С. 10). Остатки могильника уничтожены после 1959 г. при строительстве микрорайона г. Вышний Волочёк. На протяжении трех веков, за время создания и реконструкций Вышневолоцкой гидротехнической системы, город также поглотил несколько окрестных деревень.

До начала XXI в. археологические работы на территории Вышнего Волочка не проводились. В 2009–2011 гг. во время подготовки археологической экспозиции Вышневолоцкого краеведческого музея, филиала

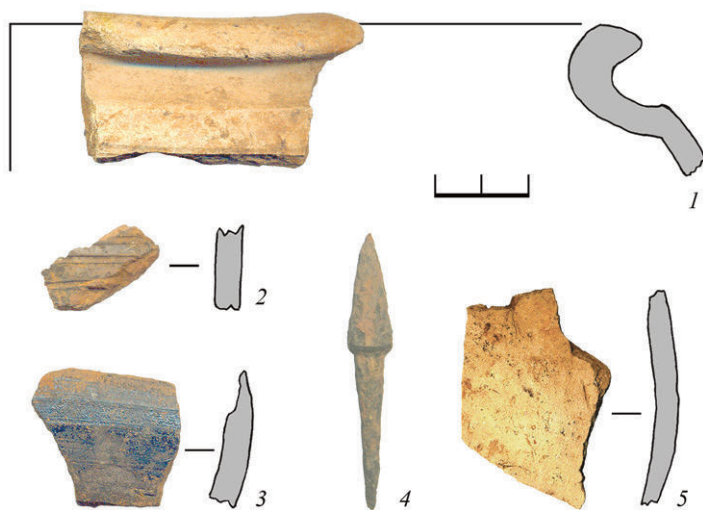

Рис. 2. Предметы из местонахождения 1 (1–3, 5 – глина; 4 – железо)

ТГОМ, на доступных для исследований участках города велись фиксация культурных напластований и сборы артефактов. Краткая информация о работах одного года имеется только в своде памятников Тверской области (АКР. Тверская область, 2010. С. 56) и в сборнике «Археологические открытия 2009 г.» (Исланова, 2013. С. 100–101), поэтому остановимся подробнее на результатах обследований городской территории.

Местонахождение 1 (рис. 1, 4).

В 2009 г. на осыпи берега старичного русла р. Цны в парке Текстильщиков был зафиксирован культурный слой и собран подъемный материал (Исланова, 2009. Л. 23–24). Этот пункт обозначен как *местонахождение 1*. Оно находится на острове в 350 м к юго-юго-западу, через р. Цну, от Богоявленского собора. Высота берега 1,0–1,2 м. Мощность культурного слоя (темно- и светло-коричневой супеси) достигала 0,36–0,38 м. Найденные фрагменты круговой керамики можно датировать от XVI в. (Рыбакова, 2010. Рис. 14, 3, 4) и до XVIII–XIX вв. (рис. 2, 1–3, 5). Наиболее ранние артефакты (рис. 2, 1, 2, 5) имеют линейный орнамент и глиняное тесто с крупными примесями песка.

В 2010 г. в Вышневолоцкий краеведческий музей поступил железный наконечник стрелы или дротика (рис. 2, 4). Предмет был обнаружен в воде около соседнего острова, на левом берегу р. Цны. Железный наконечник с квадратным сечением и простым упором относится к типу 90 по А. Ф. Меведеву (1966. С. 83). Аналогичные артефакты имеют широкую датировку от начала I тыс. н. э. по позднее Средневековье.

Местонахождение 2 (рис. 1, 3).

В 2010 г. в западной части города, в 100 м к северу от Новоцдинской плотины и в 100 м южнее окраины ул. Гагарина, на левом берегу р. Цны был зафиксирован темно-коричневый гумусированный слой (Исланова, 2010. Л. 10). Высота площадки над водой 1–3 м. С участка 40×40 м собран подъемный материал: позднекруговая красно- и белоглиняная керамика, в том числе один фрагмент с линейным орнаментом (рис. 3, 3). Найденную керамику ориентировочно можно отнести к XVII, XVIII и XIX вв. Судя по карте 1853 г. (Менде, 1853), находки связаны с д. Сороки.

Местонахождение 3 (рис. 1, 5).

В 2011 г. при строительстве торгового центра на Цдинской набережной была собрана керамика второй половины XIX – начала XX в. (рис. 3, 1, 2, 4) (Исланова, 2011. Л. 10). До конца 1930-х гг. рядом с обследованным участком стояла Троицкая церковь. Культурный слой имел мощность около метра и состоял из темно-коричневой супеси с мусором и кирпичом, а в нижней части – с включениями рыжего материкового суглинка.

Местонахождение 4 (рис. 1, 6).

В 2011 г. на Казанском проспекте у домов № 3 и 5, в 200 м к северу от Тверецкого канала, в верхних 0,1–0,4 м дренажной канавы собраны крупные фрагменты круговых белоглиняных сосудов XVIII – начала XIX в. (рис. 3, 10–12) (Исланова, 2011. Л. 10; Сафарова, 2010. Рис. 19, 1, 3).

Местонахождение 5 (рис. 1, 7).

В 2010 г. при выкапывании фундамента строящегося дома № 19 по ул. Сиверсовой были собраны фрагменты стенок позднекруговых белоглиняных сосудов.

Поселение 1 (рис. 1, 1).

В 2011 г. артефакты средневекового и Нового времени были обнаружены при исследовании мезолитической стоянки вблизи ул. Колхозной (Исланова, 2011. Л. 11–12). Зафиксировать этот археологический объект удалось после проработки материалов полевого дневника А.Х. Репмана (Архив Вышневолоцкого краеведческого музея). В представленных им полевых отчетах, хранящихся в ИА РАН, сведений об этом археологическом объекте нет. При исследовании мезолитического памятника выяснилось, что его слой поврежден и перекрыт напластованиями селища.

Это многослойное поселение приурочено к левому коренному берегу р. Шлины, впадающей в 1,2 км юго-восточнее в р. Цну. Высота площадки над водой 3–7 м. Северная часть занята луговиной, южная – огородами и хозяйственными строениями. По западному и северному кра-

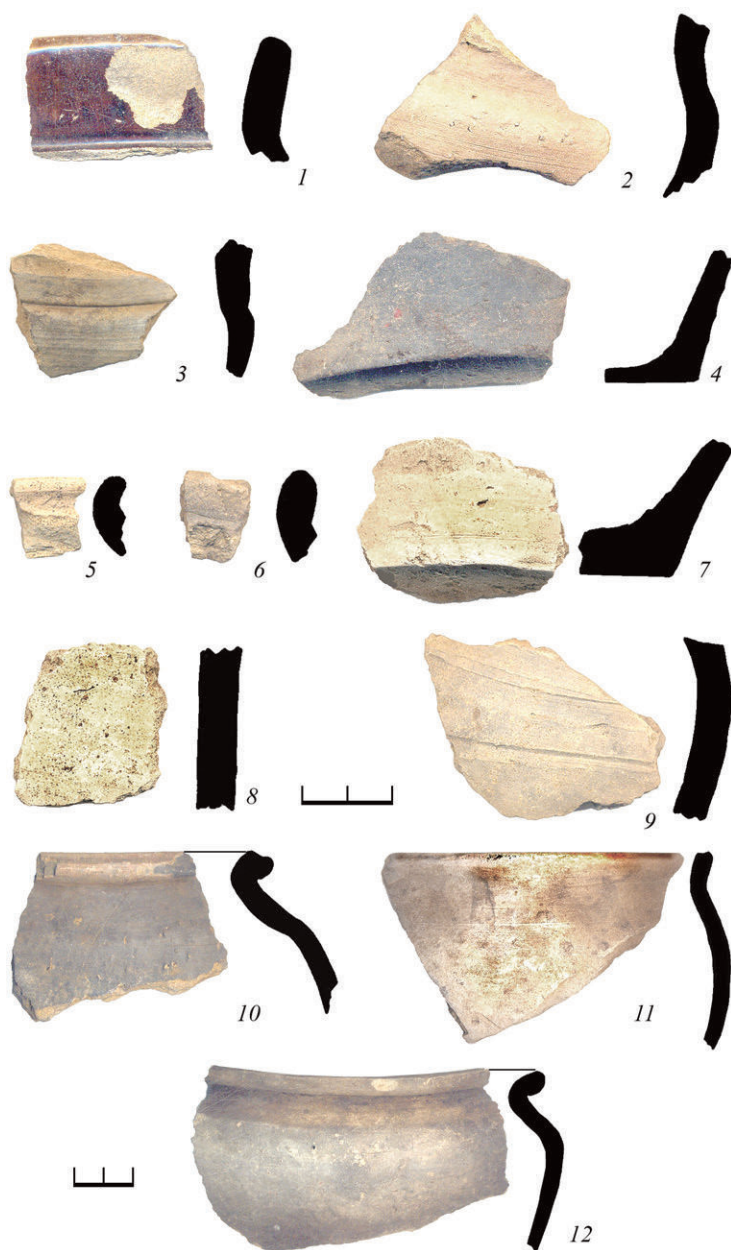

Рис. 3. Керамика из местонахождения 2 (3), местонахождения 3 (1, 2, 4), местонахождения 4 (10-12), поселения 1 (5-9)

ям поселения проходит грунтовая дорога. Мощность культурного слоя (темно-коричневого гумусированного песка) 0,6–0,7 м. Помимо кремневого материала и керамики XIX – начала XX в. на дороге и в шурфе были найдены фрагменты красно- и белоглиняных сосудов, в том числе с линейным орнаментом, относящиеся к XVI–XVIII вв. (рис. 3, 5–9), а также кованый железный гвоздь. Судя по картам XVIII и XIX вв., селищенский слой и археологические материалы можно соотнести с существовавшими здесь ранее д. Долгой (Фролов, Пиотух, 2008. С. 256) или постоянным двором (Менде, 1853).

Обнаруженные на территории современного г. Вышний Волочѣк местонахождения 1–5 и поселение 1 относятся к временному отрезку XVI – начала XX в. Культурные напластования, зафиксированные как на участках средневекового города, так и на расположенных вблизи него деревень, представлены сухим гумусированным слоем толщиной 0,35–1,00 м. Имеющиеся сведения о существовавших поблизости курганах или сопках позволяют предполагать и наличие поблизости поселения древнерусского времени.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

Литература

- АКР. Тверская область. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2010. 311 с.
- Богданов С. В., 2005. К изучению термина «волок» письменных источников XIII–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19. С. 234–262.
- Исланова И. В., 2009. Отчет о разведочных работах в Тверской области в 2009 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 37265.
- Исланова И. В., 2010. Отчет о разведочных работах в Тверской области в 2010 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 39735.
- Исланова И. В., 2011. Отчет о разведочных работах в Тверской области в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29807.
- Исланова И. В., 2013. Охранные и научные исследования в Тверской области // АО 2009 г. М.: ИА РАН. С. 100–101.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. (САИ. Вып. У1-36). 183 с.

- Менде А. И., 1853. Топографическая межевая карта Тверской губернии.
- Репман А. Х., 1976. Материалы к археологической карте территории бывшего Вышневолоцкого уезда. Рукопись / Архив Вышневолоцкого краеведческого музея – филиала ТГОМ.
- Рыбакова О. Е., 2010. Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // ТТЗ / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 55–90.
- Сафарова И. А., 2010. Коллекция керамических изделий из комплекса XVIII – начала XIX вв. на территории Затъмацкого посада г. Твери // ТТЗ / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Вып. 6. Тверь: Старый город. С. 234–252.
- Фролов А. А., Пиотух Н. В., 2008. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. Т. 3. Уездные планы последней четверти XVIII века. М.; СПб.: Альянс-Архео. 271 с.
- «Хождение» на Флорентийский собор / подгот. текста, пер. и коммент. Н. А. Казаковой // Памятники литературы Древней Руси XIV – середины XV века. М.: Худож. лит-ра, 1981. С. 468–492.

Valerie A. Kivelson
University of Michigan, USA

How to Draw Hatred: The Litsevoi letopisnyi svod and depictions of religious others

Abstract. This article looks for signs of visual demonization of the archenemies of Christianity, among the illustrations from the “Earthly Life of Jesus” as represented in the Litsevoi letopisnyi svod. The search yields no such findings. Rather than attributing what Gavin Langmuir calls “chimerical” characteristics to negative figures, the miniaturists represented even the most villainous individuals and groups as ordinary human beings. This suggests an important recognition of a shared humanity that coursed through Muscovite culture and shaped Muscovite visions of religious others.

В. А. Кивельсон

Как изобразить ненависть: Лицевой летописный свод и изображения иноверцев

Резюме. Цель этой статьи – поиск визуальных признаков демонизации заклятых врагов христианства среди иллюстраций «Земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», представленных в Лицевом летописном своде. Поиск таких результатов не дал. Вместо того чтобы приписывать отрицательным персонажам то, что Гэвин Ленгмюр называет «химерическими» чертами, миниатюристы изображали даже самых отъявленных злодеев как обычных людей. Это важное свидетельство признания общей человеческой сути, которое пронизывало культуру Московии и формировало восприятие людей иной веры.

Since A. V. Chernetsov has written masterfully on so many, varied topics, it is difficult to know how to narrow an essay composed in his honor. Recently, however, he has published a number of articles on visual depictions in the famous *Litsevoi letopisnyi svod*, the great illustrated historical chronicle composed during the reign of Ivan IV. In his analysis, he has particularly attentively examined «изображения, на которых представлены объекты, ассоциировавшиеся с неблагочестием, ересями и отреченными текстами» (Чернецов, 2015. С. 224; также см.: Чернецов, 1985; 2009; 2018; Chernetsov, 1980/81; 2015). In the spirit of his readings of those visual compositions and their representation of the denigrated or the disparaged, I offer this tribute to his innovative, interdisciplinary contributions to early Rus' and Russian studies.

Among the more than 17000 illustrations that adorn the *Litsevoi letopisnyi svod* a vast number – too many to count – depict clashes with enemies deserving of hatred. Whether these antagonists are the armies of the Mongol-Tatar invaders or a handful of rebellious boyars rising up against their rightful ruler, the artists commissioned with creating this encyclopedic history had ample opportunity to represent antagonists, opponents of Christian destiny, rightful monarchy, and the consolidation of the Russian tsardom. This article sets out to examine just a few of the thousands of images of encounters between the virtuous and the wicked and to consider how Muscovite miniaturists chose to represent those they were structurally predisposed to vilify.

The particular examples explored here will be drawn from episodes in Christian history where one might expect the most sharply drawn expressions of antipathy, that is from cycles depicting “The Earthly Life of Our Lord Jesus Christ” (Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа). This set of images allows us to consider depictions of key villains of the Christian drama – Herod, Judas, the Pharisees, and Jews in general. These illustrations, I will argue, not only provide literal depictions of the characters and scenes described in the accompanying texts, but also uncover significant patterns in early modern Russian conceptions of otherness.

Let us begin with an illustration of a locus classicus of biblical barbarity: the massacre of the innocents. The chronicle text informs us that upon learning from the Three Magi that a new “tsar of the Jews” has been born, Herod became enraged and ordered his troops to kill all baby boys under two years of age in the town of Bethlehem. “И после сих, как поруган был Ирод, разгневался он, и вопрошал архиереев: где Христос рождается? И узнал, и послав воины, изби вся младенца во Вифлеоме, граде иудейском, от двояу лету и ниже по времени.” (Fig. 1) (Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, С. 157). The accompanying illustration contains three distinct scenes. On the top left, we see Herod, crowned and seated on his royal throne, issuing orders to his advisers, while a squadron of soldiers hold spears at the ready. A second scene, at the upper right, depicts the toppling of idols that accompanied Jesus’s birth. Spilling down from the top right and angling dramatically across the bottom of the page we see the massacre of the innocents unfolding. Armor-clad soldiers hold their swords aloft, caught in mid-action as they butcher naked babies and toss them onto a growing heap of little corpses. Desolate mothers crowd the scene, their hands raised in outrage or wiping tears from their cheeks.

The pathos of the scene is apparent, and neither the visual nor the textual depiction leaves any ambiguity about where the reader’s or viewer’s sym-

Fig. 1. The Massacre of the Innocents
Рис. 1. Избиение младенцев

pathies should lie. The agony of the mothers and the defenseless corpses of the naked babies draw a powerful emotional response. In terms of the action-packed spectacle, there is no ambiguity about where good and evil are located.

Nonetheless, illustrators took no particular liberties in representing the ill-doers in the scene. Let us look closely at Herod, for instance. “Enraged” by what he has learned, and presumably deeply threatened by the news of this newly hatched rival King of the Jews, Herod appears in full, legitimate majesty. His face handsome and composed, his impressive bulk occupies much of the space of the page. His imposing presence parallels portraits of Martin Luther by Lucas Cranach the Elder, so brilliantly analyzed by Lyndal Roper

(2010; 2016). Like Cranach's Luther, painted some three or four decades earlier, Herod appears as a manly, commanding figure, powerfully embodied in his fleshly frame, emanating forceful authority. By scale alone, he is master of the scene. His massive thighs and muscular calves situate him squarely on his throne. His accouterments further underscore his rightful authority. Capped with a royal crown, his armor ornamented as befits a ruler, clad in a cloak of what appears to be fur, he sits on an oblong cushion, one of the conventional iconographic appurtenances of majesty, whether for earthly or heavenly sovereigns. This is a pattern that repeats throughout the chronicle: the miniaturists depicted monarchs of all stripes, from Mongol khans to Baldwin of Flanders, one of the marauding Catholic Fourth Crusader, as fully legitimate in their hold on power (Чепнеуов, 2015. С. 225-6).

In her study of depictions of punishment and execution in the court of the Muscovite grand prince or tsar, Nancy Shields Kollmann has established that the illustrators of the chronicle took care to show which acts were explicitly ordered by ruler. If the monarch was shown raising a crooked finger to convey a command to his courtiers, any ensuing violence is coded as legitimate. Acts carried out in the absence of an authorizing finger, by contrast, may be judged illegitimate and unlawful (Kollmann, 2017. P. 15-16). Here Herod, represented as a legitimate ruler, calmly issues his (bloody) command to his chief officers by means of the requisite crooked finger. The action, then, is visually coded as fully licit, and the men who carry it out as loyal servitors appropriately following orders.

Herod's senior counselors, those who receive his command, are readily identified as Jewish by their headdresses, of the same kind traditionally worn by Old Testament prophets and by the Magi in Orthodox iconography. Lower ranking Jewish men are shown with a particular form of white floppy cap, quite different from the hats worn by these men of substance. (See for instance the illustrations in: Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, С. 152, 215.) These identifiably Jewish commanders are marked by their clothing, but are exoticized no further. They stand before their monarch and receive his orders as they should. Even the soldiers, both those ranked around Herod and those carrying out the terrible deed below, are represented in the perfectly generic form of soldiers used throughout the chronicle. With pointed helmets, metallic breastplates, and skirted armor, they betray no hint of moral corruption in their outward appearance. In spite of the carnage that they are so heedlessly inflicting, they look and act as any of the tens of thousands of soldiers – good, bad, or indifferent – in the *litsevoi svod* do, carrying out their function as obedient pawns in a hierarchy of command.

Fig. 2. The Last Supper; Judas collects his bag of silver;
Judas returns the bag of silver to the priests

Рис. 2. Тайная Вечеря; Иуда получает тридцать сребренников;
Иуда возвращает тридцать сребренников жрецам

Along with the massacre of the innocents, several other episodes from the Life of Christ would seem to offer likely fodder for the representation of hated individuals or groups. In terms of despised and morally abhorrent individuals, few can compete with Judas, the ultimate traitor, in the Christian narrative.

In the illustration of the Last Supper Judas appears among the assembled apostles. (Fig. 2) (Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, С. 213). Jesus's mother, Mary, sits in a room apart, standing in for all the women present

at that dinner, according to Donald Ostrowski's provocative reading (*Ostrowski, 2016*). Which of the men gathered at the table is Judas is not immediately clear. Further supporting this identification is the order in which His name, Iuda Iskariotskii, appears last in the list the names of the attendant disciples are listed in the accompanying text, which might suggest that he is the one at the end of the table, closest to the viewer. However, Ostrowski persuasively identifies Judas as the one shown standing in the middle of the group, with his hand extended. Judas Iscariot, appropriately, appears last, which would place him at the end of the line. The biblical Jesus announces to the company that "the one who has dipped his hand into the bowl with me will betray me (Matthew 26:23/24) (опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня)," and Orthodox iconographic tradition followed this custom. (*Ostrowski, 2016. P. 167*). Nonetheless, the very ambiguity of the identification underscores the fact that Judas is essentially indistinguishable from the other dinner guests. No visible satanic mark brands him as an enemy of the divine; no devil hovers over his shoulder, whispering in his ear. He is just one among the collection of disciples. The text, we should note, makes no mention of his betrayal, neither the exchange of money or the dramatic moment of betrayal, the tell-tale kiss in the garden. After a page of text explaining that both Bogoroditsa and John the Evangelist stuck with Jesus to the very end, we jump right to the next illustration, a depiction of the Crucifixion. The betrayal at Gethsemane appears nowhere, neither in text nor image. Nor, for that matter, does Judas's undignified death. Neither his suicide nor the torrent of guts that gushed out of his body at the time of his death merits even a nod in the Russian version. Rather than dwelling on Judas's betrayal as a manifestation of human corruption, or reveling in the gruesome fate that caught up with him, the chronicle moves us smoothly from the Last Supper to the redemptive drama of the Crucifixion.

These inclusions and omissions reflect active choices. The illustrators must have known that Judas sold his Lord for thirty pieces of silver, even though the scribes opted to leave that betrayal out. They must also have known about the mocking and torment of Christ, and of the stigma associated with Jews who approved his execution, but both the text and the images skip over all of that. Jews are present in the Crucifixion scene, observing and remarking with apparently reverent gestures, but in no way are they singled out or demonized. (Fig. 3) (Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, С. 215) The delight we so frequently encounter in European depictions of Judas, of Caiaphas and the Pharisees, or as the Jewish tormentors and killers of Christ as grotesque and as a species apart is altogether absent in the chronicle's rendition (*Phillips, 2017; Mellikov, 1993; Strickland, 2003*).

Fig. 3. The Crucifixion
Рис. 3. Распятие

The collaborative omissions – of Gethsemane, of Judas's suicide with its associated viscera, of the mocking of Christ – tell us something important. The Russian chroniclers chose not to spend their time vilifying others. They preferred to devote their pages to the redemptive rather than the accusatory aspect of their narrative.

No physiognomic embodiment of moral character appears in the pages of the *Litsevoi svod*. A. V. Chernetsov notes the illustrations chronicle's depictions of Catholics, another religious foe, are «маловыразительны в плане проявлений негативного отношения». He contrasts the neutral representation of religious others in the *Litsevoi svod* to the vicious visual caricature, the graphic demonization, deployed in the propaganda wars between Catholics and Protestants in the West (Чернецов, 2015. С. 228. See also: Антонов и Майзульс, 2011). In the *Litsevoi svod*, it is only the actions and the context, not the essence of a particular human being or group of human beings that merits visual condemnation.

Why does any of this matter? In his work on Jews and Muslims in Muscovite culture, M. V. Dmitriev argues that Russian Orthodoxy took a fundamentally different approach to religious others than its western counterparts, and that different approach – a different set of Weberian structuring frameworks – predisposed Muscovy to a more tolerant attitude in theory, and led to less militant processes of conversion, assimilation, or demonization in practice. Dmitriev builds on Gavin Langmuir's fundamental description of two varieties of antisemitism: practical, and "chimerical" (Langmuir, 1996). It was the chimerical flavor of antisemitism that produced monstrous images in the medieval and early modern European imagination: visions of Jews as porcine and horned, their men as effeminate and capable of lactation, their rituals premised on the murder of Christian children and the consumption of Christian blood. In accordance with these fantastical ideas, Jews were vilified as subhuman, linked to a satanic conspiracy against Christians (Дмитриев, 2011a; 2011б; Dmitriev, 2016). This chimerical view fused condemnation of Jewish actions with a biological vision of Jewish bodies as perverse and their rites as fundamentally at odds with Christian order. Western discourse In the premodern Orthodox world, according to Dmitriev, the chimerical strain of anti-Semitic hatred did not take root. In the absence of a chimerical antisemitism, Jews could be treated abominably, but as errant humans rather than as monsters. As humans, they could be integrated to a certain degree, and tolerated, without being assimilated into the body of Russian society. Dmitriev finds this human rather than chimerical prejudice extended to Muslims in the Muscovite tsardom as well, and his observations match well with my own about the perception and depiction of Tatars in the *Litsevoi svod* and elsewhere in the sixteenth and seventeenth centuries. Perception, moreover, colored policy, and throughout the Muscovite period, *inozemtsy*, *inoiazychnye*, and *inovertsy*, though kept at arms' length and frequently cordoned off from Orthodox Russians, were allowed to – and even expected to – maintain their faith and their customs (Кивельсон,

2012; Kivelson, 2018). The illustrators of the *Litsevoi svod* did not allow themselves to indulge in drawing hatred. Their interest lay elsewhere.

This is not a small finding. Russia, often labeled by hostile critics as deeply xenophobic, in fact developed ways of viewing and picturing the most hated figures in its foundational Christian narrative that condemned actions without dehumanizing the actors. In their pictorial vocabulary, the artists who illuminated the *Litsevoi svod* abstained from the kind of monstrous depiction and chimerical caricature that so attracted their European counterparts, and in this way, allowed space and possibility for a common human world. Murderous conduct, butchery, mockery, and sacrilege could all be depicted, but the butchers and the traitors, the mockers and blasphemers, remained human. The human figures remain constant across time, race, and religion. As Dmitriev concludes, and I fully concur, this is an aspect of Russian historical memory well worth recuperating and cultivating: a past where Russian realism predisposed its culture to a capacious embrace of a shared humanity, an embrace extending to even the most despised of biblical figures.

Bibliography

- Антонов, Д. И., Майзульс М. Р., 2011. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: Семиотика образа. М.: Индрик. 384 с.
- Дмитриев М. В., 2011а. Антииудаизм и антисемитизм в православных культурах Средних веков и раннего Нового времени (обзор исследований) / Еврей и христиане в православных обществах Восточной Европы / Ред. М. В. Дмитриев. М.: Индрик. С. 10–46
- Дмитриев М. В., 2011б. Структура антииудейского дискурса в «Просветителе» Иосифа Волоцкого и «Послании» инока Саввы (конец XV – начало XVI в.) / Еврей и христиане в православных обществах Восточной Европы / Ред. М. В. Дмитриев. М.: Индрик. С. 101–124.
- Кивельсон В. А., 2012. Картография царства: Земля и ее значения в России в XVII в. М.: Новое литературное обозрение. 361 с.
- Лицевой летописный свод XVI века: Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа. 2010. М.: Общество любителей древней письменности: ООО «Принтхаус». http://www.sterligoff.ru/books/Tom1_Tom10/Tom6_Zemnaya_Zizn_IX.pdf
- Чернецов А. В., 1985. Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука. Т. XXXVIII. (Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР). С. 231–240.

- Чернецов А. В., 2009. Религиозно-политическая композиция на миниатюре Лицевого свода // Великий Новгород и средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли. С. 663–666.
- Чернецов А. В., 2015. Католицизм глазами миниатюристов Лицевого летописного свода // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.-Вологда: Древности Севера. С. 410–414.
- Чернецов А. В., 2018. Роковая женщина X в глазами средневековых миниатюристов // Российская археология. № 3. С. 117–122.
- Чернецов А. В., 1994. Язычество и суеверия по древнерусским изображениям // Живая старина. № 1. С. 18–22.
- Chernetsov A. V., 1980/1981. Medieval Russian pictorial materials on paganism and superstitions // Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Contributions. Bruxelles – Gand, 21–24 mai 1980 / Slavica Gandensia. Gand, 7/8. P. 99–112.
- Chernetsov A. V., 2015. Religious and political concepts in miniatures of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible // Zbrojne i ideologiczne konflikty w dawnym piśmiennictwie Słowian i ich echa w nowszej kulturze / Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne. Seria poświęcona starożytnościom Słowiańskim (M Kaczyńska, J. Stradomski eds.) Kraków, Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagellońskiego w Krakowie. T. 11. S. 133–149.
- Dmitriev M. V., 2016. Muslims in Muscovy (Fifteenth through Seventeenth Centuries): Integration or Exclusion? // Religious minorities, integration, and the State / Ed. John Victor Tolan, et. al. RELMIN 6. Turnhout, Brepols. P. 85–102.
- Kivelson V. A., 2018. “Expressive Gestures: Affect and Hierarchy in the Litsevoi letopisnyi svod // Memoir: Essays in Honor of Cherie Woodworth / Ed. Paul Bushkovitch and Russell Martin/Canadian-American Slavic Studies. Vol. 52. № 2–3. P. 234–260.
- Kollmann N. S., 2017. Representing Legitimacy in Early Modern Russia // The Russian Review. Vol. 76. № 1. P. 7–21.
- Langmuir G. I., 1996. Toward a Definition of Antisemitism / Berkeley, CA, University of California Press.
- Mellikov R., 1993. Outcasts: Signs of Otherness in Northern European Art of the Later Middle Ages. 2 vols. / Berkeley, CA: University of California Press.
- Phillips Kim, 2017. The Grins of Others: Figuring Ethnic Difference in Medieval Facial Expressions // postmedieval: a journal of medieval studies, Vol. 8. № 1. P. 83–101.
- Roper L., 2016. Martin Luther: Renegade and Prophet / London, The Bodley Head.
- Roper L., 2010. Martin Luther’s Body: The Stout Doctor and His Biographers // The American Historical Review. Vol. 115. № 2. P. 351–384.
- Strickland D. H., 2003. Saracens, Demons, and Jews: Making Monsters in Medieval Art. Princeton, NJ: Princeton University Press.

В. Ю. Коваль
Институт археологии РАН, Москва

Дворец золотоордынского времени в цитадели Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации

Резюме. Публикация редкого для малого города средневековой Руси сооружения (крупного подвала), расположенного в необычном месте – на входе в цитадель города (замкнутую площадку на оконечности мыса) и выделяющегося статусными находками (иранская люстровая чаша, кувшин из Азака (города в устье Дона), заготовки костяных накладок степного облика). Объект интерпретируется в качестве остатков дворца (деревянного дома больших размеров), принадлежавшего, возможно, представителю золотоордынской администрации в городе.

V.Y. Koval

The Palace of the Golden Horde Period in the Citadel of Rostislavl Ryazansky: Problems of Interpretation

Abstract. The publication of a structure a rare – for a small town of medieval Russia – construction (a large basement), located in an unusual place – at the entrance to the city citadel (a closed area at the tip of the cape) and distinguished by status finds (an Iranian lustre bowl, a jug from Azak (cities at the mouth of the Don), preforms of bone overlays of steppe design). The object is interpreted as the remains of a palace (a large wooden house) that probably belonged to a representative of the Golden Horde administration in the city.

На памятниках с сухим культурным слоем остатки наземных построек, как известно, сохраняются крайне плохо (если вообще сохраняются). Установить места размещения таких построек чаще всего удается благодаря наличию в них подземных частей, которые разные исследователи называют подклетами, подвалами, погребями или подпольными ямами. Действительно, форма и размеры подобных углублений были весьма разнообразны, однако разноречивой терминологии остается серьезным препятствием для взаимопонимания коллег. К нему добавляется тянущийся из прошлого шлейф в виде трудноискоренимой привычки называть такие углубления землянками или полужемлянками. Сегодня эта устаревшая терминология уже почти вышла из употребления, поскольку археологи России в целом пришли

к согласию в том, что такую интерпретацию допустимо применять лишь к тем котлованам, в которых сохранились следы отопительного сооружения (печи), причем не в виде сброшенного в засыпавшийся котлован материала от разборки печей (так называемой печины) в переотложенном виде, а конструкции «in situ» – с сохранившимся подом и следами прокала грунта под ним (Полубояринова, 2016. С. 9). В тех случаях, когда таких конструкций обнаружить не удастся, можно говорить лишь о нежилой заглубленной части постройки.

В принципе ничто не мешает применять любой из приведенных выше терминов для обозначения такого объекта, однако представляется, что подпольной ямой целесообразно называть углубление, в котором нет следов крепежа стенок в виде срубов, столбовых, плетневых или частокольных конструкций. Подклет – термин довольно аморфный, поскольку он априори подразумевает размещение заглубленной части постройки под срубной клетью, от которой явные следы остаются далеко не всегда. Именно этим навязыванием интерпретации он и вызывает некоторое сомнение, хотя, безусловно, ничего неприемлемого в таком термине нет. Погреб, как известно, могли размещаться как под жилыми домами, так и являться отдельно стоящими постройками во дворе. Подвалом же обычно называют углубленное в грунт помещение под жилым домом, поэтому данный термин представляется наиболее удачным для обозначения нежилой заглубленной части постройки. Погреб и подвалы по необходимости должны были иметь надежное крепление стенок, поскольку предназначались для многократного посещения, хранения в них запасов, помещенных в бочки, лари, корчаги, ящики и т. п.

В Рязанской земле практически нет поселений с мокрым культурным слоем, в котором остатки деревянных построек (причем, как наземных, так и подземных их частей) сохранились бы в сколько-нибудь целом виде. Как правило, здесь можно зафиксировать только углубления от подвалов/погребов и плохо читаемые следы от некогда существовавших деревянных крепежей – тонкие прослойки древесного тлена от полностью истлевших пола и стенок таких подвалов (как вариант – угля от сгоревших при пожаре деревянных обшивок). Сложность расшифровки стратиграфии заполнения подвалов/погребов привела с одной стороны к появлению иногда довольно произвольных (не имеющих скрупулезного фактического обоснования) реконструкций внешнего вида деревянных зданий и конструктива их подземных частей (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 84–338), а с другой – вызвала

к жизни дискуссию, направленную на поиск конкретных археологических признаков тех или иных конструктивных особенностей древних заглубленных деревянных построек (Борисов, 2010а; 2010б; 2014; Грибов, 2012; Енукова, 2007; Коваль, 2007; 2010б). Данная статья направлена не столько на продолжение этой дискуссии, сколько на рассмотрение одного примера постройки, сложного для интерпретации, причем не столько ее конструктива, сколько назначения.

Речь пойдет о заглубленной части постройки, исследованной на городище Ростиславля Рязанского в 2019 г. Прежде всего, следует рассмотреть само место размещения этой постройки, которое нельзя назвать обычным. Котлован постройки был совершенно неожиданно обнаружен на стрелке мысового окончания площадки городища (рис. 1). Неожиданность в данном случае объясняется тем, что стрелка мыса является единственным удобным путем подъема на мысовую площадку, ограниченную с юга высоким валом городища раннего железного века (в котором к эпохе Средневековья не было никакого прохода) и крутыми склонами мыса, где не прослежено следов взвоза. Таким образом, стрелка мыса оставалась единственным путем, по которому можно было попасть на площадку. Постройка полностью перегораживала этот единственный удобный взвоз и, хотя возможность обойти ее, наверное, все же оставалась, совершенно очевидно, что возведение тут крупного здания существенно затрудняло свободный проход в эту часть города.

Здесь следует дать пояснения относительно планировки мысовой площадки и времени ее появления. Как уже упоминалось, задолго до возникновения города Ростиславля в 1153 г., в раннем железном веке на оконечности мыса располагалось поселение, появление которого можно связывать с первой половиной – серединой I тыс. до н. э. Площадь этого поселения составляла около 2 тыс. кв. м (хотя из-за эрозии склонов площадь с относительно ровной поверхностью сократилась и сегодня составляет уже только тысячу кв. м). Не позже III в. до н. э. жители поселения начали насыпать вал, несколько раз перестраивавшийся и увеличивавшийся в размерах. Приблизительно к рубежу эр, когда вал достиг максимальных размеров, строительство его завершилось и в дальнейшем поселение расширилось за пределы огороженной площадки (Коваль, 2015). В V в. н. э. это поселение прекратило существование и в дальнейшем жизнь здесь возобновляется только после основания древнерусского Ростиславля, когда перед древним валом был вырыт ров, а на гребне вала, вероятно, была поставлена деревянная

ограда. К сожалению, поверхность вала испорчена грабительскими перекопами, что не позволяет понять, какова была конструкция этой ограды, но можно констатировать отсутствие следов древо-земляной стены и частокола. Стена могла состоять как из полых срубов, так и иметь вид заплота с опорой на отдельные столбы. Во всяком случае, вдоль западного края мысовой площадки прослежены следы такой ограды, датировка ее достаточно широка в интервале XII–XIV вв. (*Коваль*, 2017. С. 19–23), поэтому неясно, является ли эта ограда первоначальной или сменила какую-то более раннюю, неизвестной пока конструкции. На самой мысовой площадке обнаружены более 20 подпольных ям и подвалов от построек XII–XIV вв., что говорит о том, что весь этот период площадка была плотно застроена. В первой половине XV в. средневековый ров был засыпан, но сама площадка оставалась заселенной, на ней встречены в заметном количестве материалы XV–XVI вв.

Изолированность мысовой площадки от остальной территории средневекового города, благодаря наличию древнего вала, изначально заставляла предполагать ее особый статус и называть цитаделью, хотя в этот термин никогда не вкладывался такой смысл, который подразумевал бы наличие особенно мощных фортификационных сооружений. Их тут, видимо, никогда не возводилось. Впрочем, площадка была хорошо укреплена самой природой: крутые склоны высотой около 30 м были труднопреодолимы, а вал высотой до 5 м, оставшийся от городища РЖВ, представлял солидную преграду (взобраться на него с напольной стороны и сегодня нелегко). С другой стороны, все эти факторы осложняли нормальную связь между мысовой площадкой и остальной территорией города (детинца Ростиславля). Уже не раз приходилось отмечать, что попытка рассматривать эту мысовую площадку в качестве детинца, предпринятая в свое время П. А. Раппопортом (1956. С. 51; 1961. С. 31), не может считаться удачной, поскольку ее площадь недостаточна для выполнения функции административного центра города. Однако старинное городище РЖВ вполне могло быть приспособлено для размещения крохотной крепостцы, служившей цитаделью города, своеобразным аналогом европейского замка. В этом смысле изолированность от остальной части города можно было бы рассматривать как привлекательную для обитателей этой «цитадели».

Теперь, рассмотрев особый (и остающийся все же не до конца ясным) статус мысовой площадки (цитадели) Ростиславля, можно перейти к характеристике самой постройки, перегородившей вход на нее.

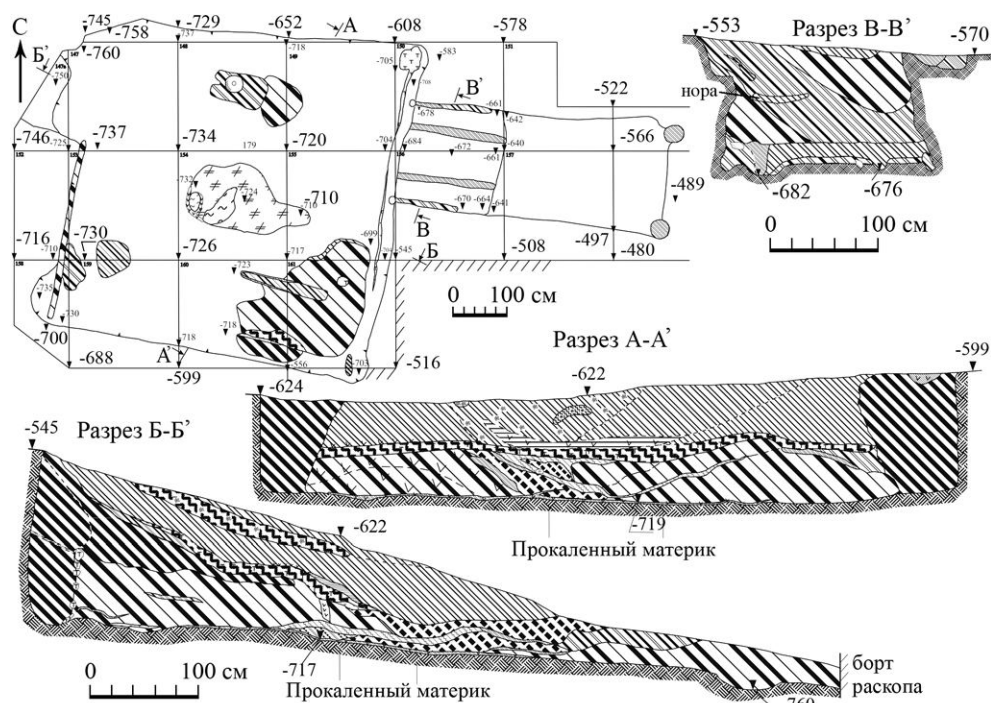
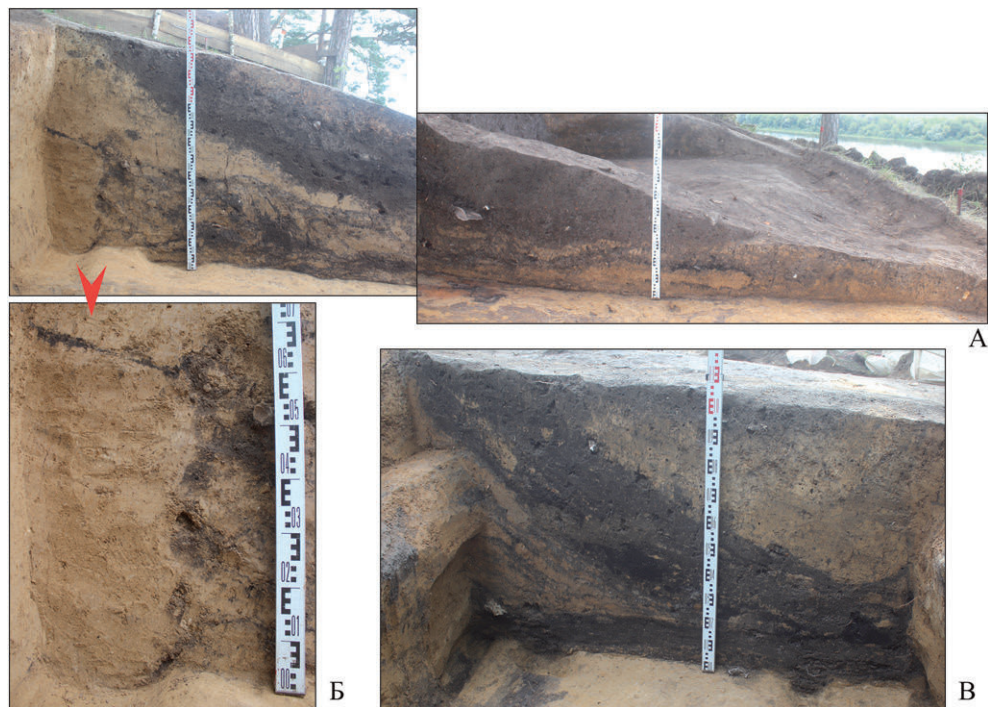

Рис. 2. Постройка на стрелке мыса в Ростиславле.
Зачистка материкового дна и разрезы

Она выделялась своими размерами – за все годы изучения городища она оказалась самой крупной. Заглубленная в материк часть постройки состояла из почти квадратного котлована (6,2×6,2 м), сориентированного сторонами практически по странам света (с отклонением на 10 градусов) и тамбурного входа (наклонного коридора) длиной 5 м и шириной 2 м, подводившего с востока к северо-восточному углу котлована (рис. 2–4). Таким образом, протяженность всего комплекса с запада на восток составляла 11,2 м, а общая площадь заглубленной части – около 50 кв. м. Общие размеры деревянного строения, некогда воздвигнутого на стрелке мыса, составляли не менее 12×7 м, поскольку и котлован, и тамбур-коридор, несомненно, размещались под наземной частью постройки, и ее стены должны были отстоять от краев котлована не менее чем на 0,5 м. То есть площадь этого строения превышала 80 кв. м. Для средневековой Руси это весьма солидный показатель. Практически такую же площадь занимала многокамерная постройка в Старой Рязани, интерпретированная в свое время в качестве «дома воеводы» (Даркевич,

Рис. 3. Разрезы постройки

А – разрез Б (вид с ССВ); Б – разрез Б (деталь); В – разрез В (вид с востока)

Борисевич, 1995. Рис. 65)¹. Если искать другие сравнимые по площади заглубленной части постройки, то в Старой Рязани (столичном городе Рязанской земли) они имеют размеры не более 30 кв. м, причем там известны и подвалы близкой планировки (с коридорным тамбуром входа) (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 38).

Глубина котлована постройки, исследованной на Ростиславле, достигала 1,8 м от уровня поверхности материка, однако надо учесть, что сегодняшняя поверхность сильно эрозирована, а в момент строительства дневная поверхность явно располагалась на несколько более высоком уровне, так что изначальная глубина котлована могла превышать 2 м. На Ростиславле это котлован наиболее глубокого заложения. Необходимо также обратить внимание на то, что котлован сегодня

¹ Заметим, что заглубленные части этой постройки по площади были несравнимо меньше, чем у ростиславльской, а площадь наземной части «дома воеводы» была установлена произвольно, причем в нескольких различных вариантах, т.е. она не опиралась на надежные однозначно трактуемые признаки.

Рис. 4. Постройка на стрелке мыса в Ростиславле. Поверхность материка.
Виды с северо-запада (А) и востока (Б)

находится на склоне с перепадом отметок дневной поверхности более 2 м и уклоном к северо-западу. В результате, северо-западный угол котлована читался плохо, а глубина его в том месте едва достигала 20 см от уровня сохранившегося края. Место размещения постройки было сильнейшим образом эрозировано (размыто), вероятно, уже в Новое время: здесь не сохранилось даже следов древнего почвенного горизонта, хорошо заметного на площади мысовой площадки (хотя ее края и даже центр также были эрозированы). Таким образом, в то время, когда котлован выкапывался, рельеф местности был, видимо, совершенно иным. Разумеется, уклон поверхности в сторону стрелки мыса, имелся и тогда, но он явно не был столь значительным. Трудно предполагать, что котлован выкапывался на склоне, более вероятно, что он создавался близко к краю площадки, но все же на относительно ровной поверхности и был полностью погружен в грунт. Лишь после того, как постройка прекратила существование, а котлован засыпан, начались эрозионные процессы, приведшие к уничтожению как части заполнения, так и верхних частей стенок котлована в его северо-западной половине.

В ходе исследований заглубленной части постройки выяснилось, что она имеет довольно сложную строительную историю, в ходе которой подвергалась по крайней мере одной перестройке. Но, прежде чем, предлагать эту интерпретацию, следует изложить основные факты, зафиксированные при раскопках.

На дне подквадратного котлована обнаружены несколько ям, а в центре дна – овальное пятно прокаленного суглинистого материала размерами 220×120 см (толщина прокала – 5–7 см), поверх которого лежали уголь и зола (рис. 5, А). Это пятно может обозначать местоположение полностью разобранной глинобитной (?) печи, устье которой, скорее всего, было обращено к востоку. Печь полностью разобрали и вынесли из погребца, так что на полу котлована не осталось никаких ее следов. Нельзя, конечно, исключать возможности размещения в этом месте очага или даже костра, хотя эти варианты следует признать менее вероятными, поскольку такие отопительные устройства не только в погребках, но и в жилищах-землянках на Руси не известны. Правда, не известны и печи, поставленные в центре заглубленных частей построек. В литературе приводится лишь одно упоминание «полуземлянки» с печью в центре пола из Ярополча Залесского (*Полубояринова*, 2016. С. 18), однако эта интерпретация явно ошибочна: печина и обгорелые камни встречены в центральной части заполнения котлована постройки, в прослойке, залегавшей на высоте 20–30 см от ее пола (*Седова*,

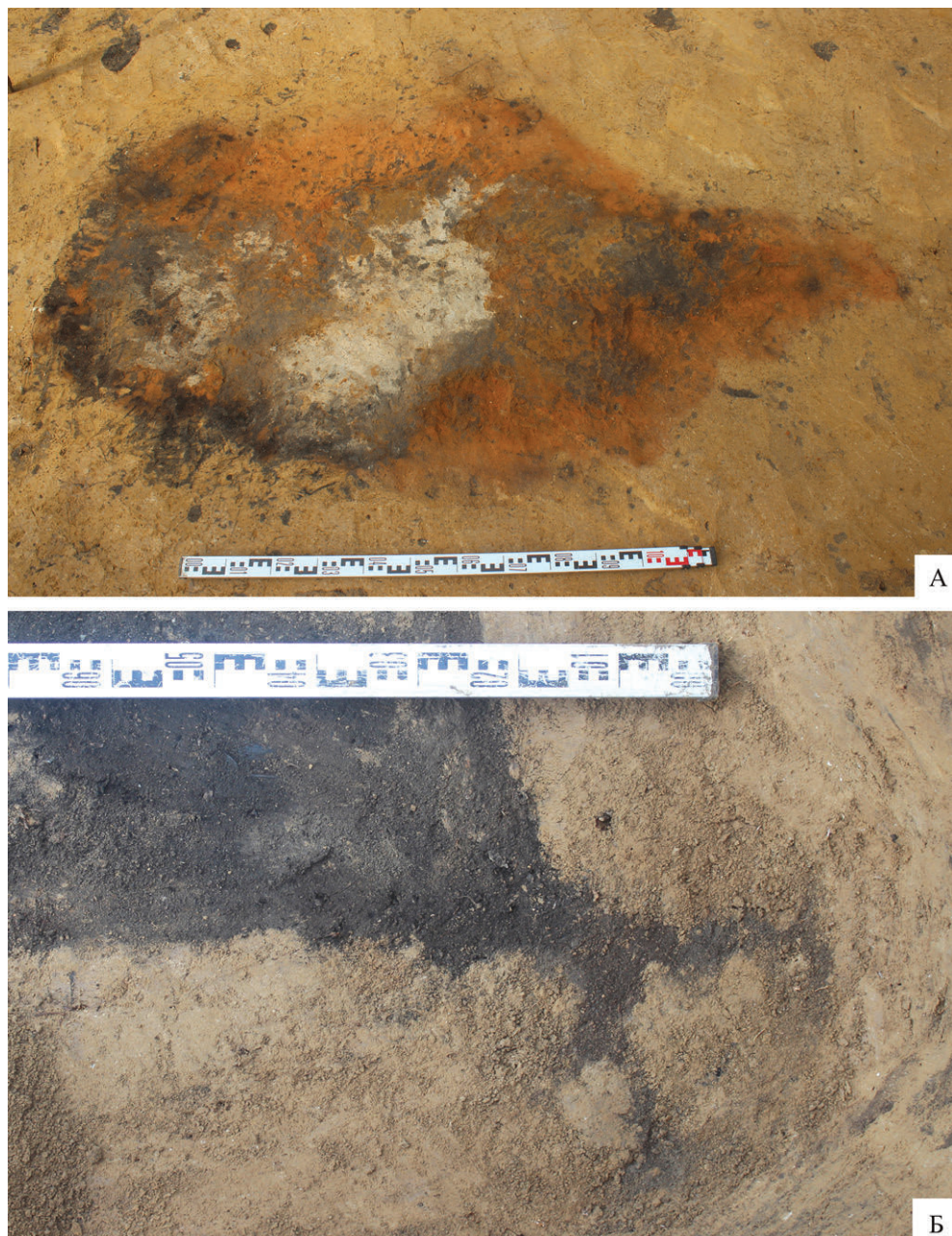

Рис. 5. Пятно прокала на дне постройки, вид с юга (А).
Юго-восточный угол постройки со следами древесного тлена
от срубного крепежа стенок, вид с юга (Б)

1978. С. 25). Очевидно, материал от разрушенной печи был выброшен в котлован при его засыпке поэтому он и не имел прямого отношения к самой этой постройке (возможно, печь стояла за пределами котлована на полу наземной части жилища).

Надо заметить, что, в отличие от построек на Руси, в Волжской Булгарии полуземлянки с очагами и печами в центральной части постройки известны. М. Д. Полубояринова насчитала 22 полуземлянки со следами очагов и одну – с печью посередине пола (Полубояринова, 2016. С. 16, 18, 25) и, хотя далеко не все из них можно рассматривать в качестве не вызывающих сомнений², надо признать, что именно в Болгаре на дне заглубленных в материк частей жилых построек изредка встречены отопительные устройства в виде очагов (по крайней мере, так их зафиксировали и интерпретировали раскопщики). Уровень фиксации в раскопках 1950–1970-х годов не позволяет с полным доверием относиться к отчетным материалам, однако само наличие пятен прокаленного грунта с перекрывавшими их прослойками угля на дне некоторых полуземлянок Болгара допустимо признать возможным.

Крупные подвалы (площадью более 100 кв. м), на дне которых встречаются углубленные в материковый пол очаги, а вход оформлен в виде пандуса, известны в материалах золотоордынского Азака, где по разнообразному материалу из заполнения по крайней мере один из таких подвалов интерпретирован как остатки жилища богатого купца (Кравченко, Широченко, Гончарова, 2012. С. 194). Таким образом, аналогии у ростиславльской постройки имеются не только в Болгаре, но и в других городах Золотой Орды, хотя число этих аналогий остается ограниченным.

Кроме следа от печи (?) в ростиславльской постройке имелись также различные углубления, требующие краткого описания (рис. 2–4). Вдоль западной стенки котлована прослежена канавка длиной 340 см, шириной 25 см и глубиной 10 см, которая могла маркировать первоначальный крепеж стенок котлована. На такую мысль наталкивает информация о том, что полуземлянки Болгара со следами очагов на полу, имели столбовую или частокольную конструкцию крепления стенок

---

² В частности, «печь» посередине постройки 7 в виде «пятна обожженной глины» очевидно не находилась *in situ*, поскольку под этим пятном обнаружены «хворост, а ниже куски криш» (Полубояринова, 2016. С. 25; Акчурина, Вознесенская, Смирнов, 1970. С. 9). Очевидно, речь идет либо о прослойке в составе засыпки котлована, включавшей в том числе массив выброшенной пещины, либо о костре, разводившемся в полузасыпанном котловане. Надо помнить, что раскопки проводились в 1957 г., когда методика фиксации еще не была достаточно тщательной.

(Полубояринова, 2016. С. 20–45). Вдоль других стенок рассматриваемой здесь постройки точно таких же канавок не было, но вдоль восточной стенки имелось канавообразное углубление шириной до 30 см и глубиной 5–7 см, которое также можно связывать с первоначальным креплением стенок котлована.

В юго-восточном углу котлована размещалось обширное углубление подтреугольной формы, дно которого имело 2 уровня (максимальная глубина 65 см). Вероятно, более древним было южное углубление, в котором найдены обломки красноощенного импортного кувшина (рис. 3; 6, 1). Можно предполагать, что оба эти углубления возникли на самом первом этапе функционирования постройки, до того, как в нее был опущен сруб (см. ниже), а пространство между ним и стенками котлована было забутовано материковым суглинком (эта забутовка перекрывала южный край углубления с развалом кувшина). Поверх заполнения описанного углубления фиксировалась канавка длиной 165 см при ширине до 30 см и глубине 5 см, которая похожа на след от бревна переводины дощатого пола.

В северной части дна котлована, между пятном прокала и северной стенкой ямы, размещались два углубления. Более ранним среди них было восточное, поскольку его западный край прорезало второе углубление. Это последнее имело сложную конфигурацию в виде двух параллельно расположенных канавок длиной 60 см при ширине 20–25 см и глубине 10 см, которые разделялись материковой перегородкой толщиной 15 см. Обе канавки на востоке соединялись в единую ямку (здесь глубина увеличивалась до 15 см), так что полные габариты углубления составляли 100×60 см. Здесь залегал верхний камень жернова из известняка. Возможно, это углубление фиксировало стационарное размещение жернового постава.

Дно коридорного тамбура-входа, примыкавшего к северо-восточному углу подквадратного котлована, имело уклон к западу, однако этот уклон примерно посередине коридора прерывался ступенькой высотой около 20 см. Западная часть дна коридора выходила в котлован на высоте около 20 см от его дна, так что тут имелась вторая ступенька. В западной части дна коридорного тамбура фиксировались четыре параллельные канавки. Две из них проходили вдоль стенок (длиной 120 и 140 см, шириной и глубиной 10 см, расстояние между ними 170–180 см) и заканчивались на западе столбовыми ямками диаметром 12 см, впущенными уже в край основного котлована. Две другие канавки проходили на расстоянии 30–35 см от крайних (в 80 см друг от друга),

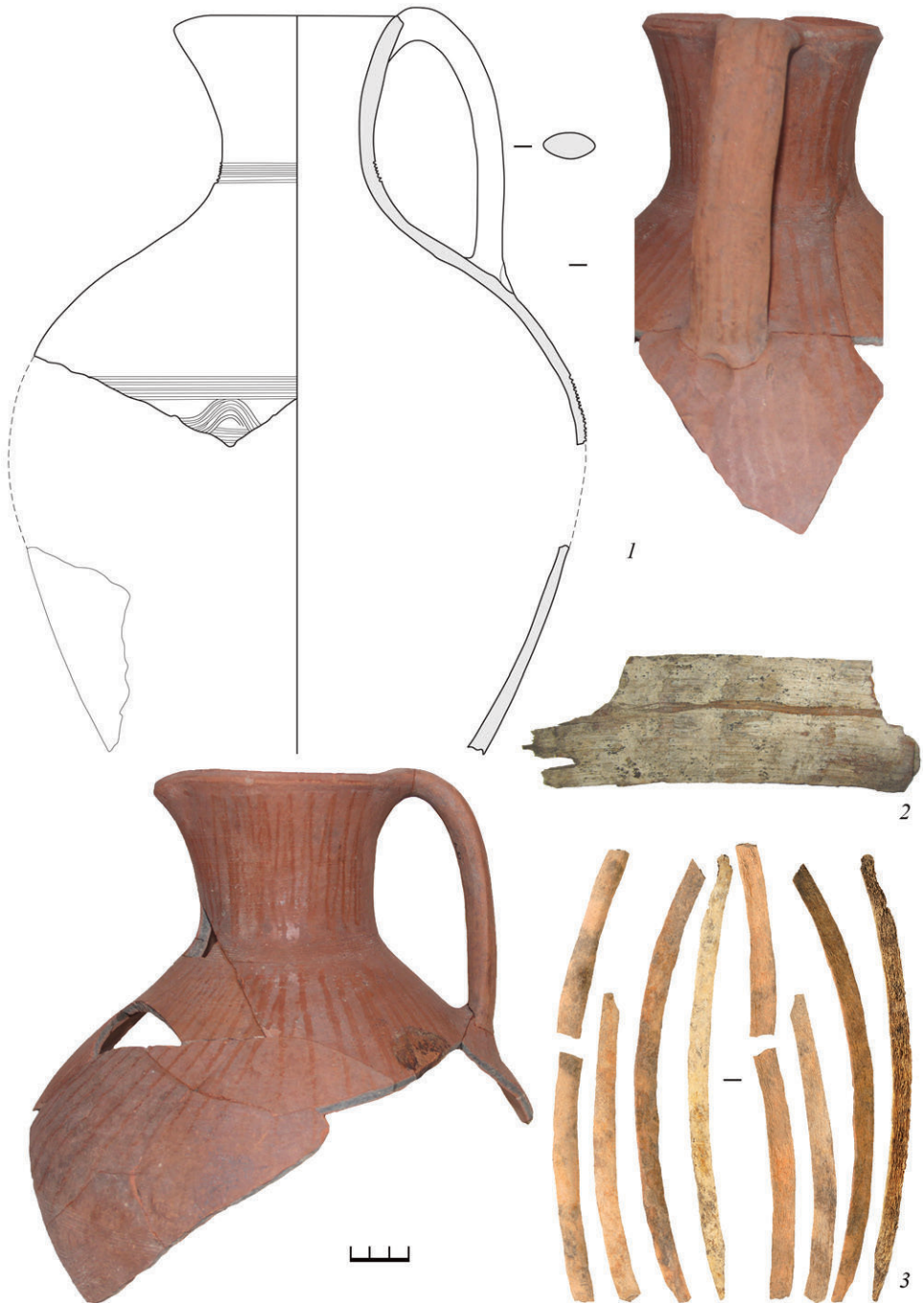

Рис. 6. Кувшин из углубления на дне котлована, фото и профиль (1).
Обломок бивня (2). Заготовки костяных накладок (3)

их длина составляла 180 см, ширина 15 см, глубина в материке – 6–10 см (рис. 2; 4). Причем эти канавки были впущены с несколько более высокого уровня, поскольку прорезали прослойку темно-серого суглинка, лежащую на дне коридорного тамбура (общая глубина этих канавок составляла от 12 до 30 см) (рис. 2, разрез В). Интересно, что своими восточными краями эти две более поздние канавки не просто упирались в срединную ступеньку коридора, но углублялись в нее по горизонтали на 10–15 см, т.е., вероятно, являлись следами бревен, уложенных в выкопанные для них канавки, а их восточные концы вставлены в специально вырытые гнезда в материковой ступеньке (или просто забиты туда?). Видимо, конструкция, оформлявшая спуск в котлован, была достаточно сложной, в виде деревянного трапа или лестницы, опиравшейся на лаги, причем эта конструкция подвергалась ремонту как минимум один раз.

Восточный край тамбурного коридора, там, где он заканчивался как углубление в материке и поднимался к древней дневной поверхности, обозначен по краям двумя столбовыми ямами (диаметром 30–40 см и глубиной 70–80 см), расстояние между которыми (140 см) вполне достаточно для размещения двери.

В ходе разборки заполнения котлована удалось зафиксировать следы полностью истлевшего деревянного сруба, концы которого были рублены «в обло», с выпуском на 20–40 см (рис. 5, Б). В одном из разрезов котлована удалось зафиксировать остатки стенки, сложенной из бревен, полностью превратившихся в тлен, но сохранивших в сечении округлые очертания (рис. 3, А, Б). В стенке высотой 60 см отмечено не менее шести бревен. Диаметр пятен древесного тлена (5–8 см) не соответствует изначальному диаметру бревен, поскольку он уменьшился в ходе тления древесины и давления грунта извне, приводившего к сжиманию образовавшихся на месте бревен полостей. Исходя из высоты стенки (60 см) и числа бревен, их первоначальный диаметр составлял не менее 10 см.

Между срубом, опущенным в котлован и его материковыми стенками находилась забутовка, состоявшая из желтого материкового суглинка, который по цвету и плотности практически не отличался от материка. Толщина забутовки составляла от 40 до 90 см, возрастая кверху, что объясняется деформацией деревянных стенок (их сдвигом внутрь объема котлована) после того, как постройка перестала использоваться и была засыпана более рыхлым грунтом нежели плотная забутовка пазух котлована. Вероятно, изначальная толщина забутовки составляла

40–50 см. Отсюда можно установить первоначальные размеры сруба, опущенного в котлован – 5,7×5,3 м (без деформаций контуры этого сруба сохранились в придонной части котлована).

Выше уже указывалось, что сруб и забутовка между ним и материковыми стенками котлована перекрыли некоторые углубления, вырытые на первом этапе существования сооружения, которые перед началом его перестройки были уже засыпаны. Таким образом, строительная история древнего здания включала по меньшей мере два этапа. На первом из них вырыт как сам котлован, так и тамбурный коридор, позволявший спуститься в него. На дно нижней части коридора были установлены деревянные лаги, упиравшиеся западными концами в столбики, опущенные в дно котлована и фиксировавшие трап или лестницу, спускавшуюся сюда. Как был организован спуск по восточной части тамбура, остается неясным, поскольку конструктивных его частей не сохранилось ни в виде ям, ни на поверхности дна. Ясно лишь, что вход в тамбур был оформлен двумя мощными вертикальными столбами. На этом этапе в центре котлована построена глинобитная печь (или очаг?), а в юго-восточном углу вырыто углубление. Крепеж стенок котлована на этом этапе мог состоять из частокола, плетня или столбовой конструкции, оставившей лишь крайне фрагментарные следы в виде канавок вдоль западной и восточной стенок.

На втором этапе, в ходе полной перестройки сооружения яма в юго-восточном углу котлована была засыпана. После этого в котлован опущен сруб, а образовавшиеся пазухи между ним и стенками котлована забутованы материковым суглинком. На дне вновь выстроенного подвала, возможно, был настлан деревянный пол с лагами, лежавшими по линии запад – восток и досками, уложенным, соответственно, перпендикулярно (по линии север-юг). Впрочем, след от плахи, служащий основанием для такого предположения, мог появиться и по случайным причинам, поэтому полной уверенности в наличии деревянного пола в это время нет. Ремонт подвала сопровождался, вероятно, ремонтом лестницы в тамбурном коридоре, когда вместо старых лаг были уложены новые, подальше от стенок коридора. Эти новые лаги, вероятно, упирались в бревно сруба (вероятно, во второе или третье, считая от дна). Для прохода внутрь подвала в восточной стенке сруба должна была быть сделана дверь. Если в новой постройке все же был настлан деревянный пол, то он не мог сосуществовать с печью, размещенной на материковом дне котлована. В этом случае надо предполагать, что печь разобрали еще до перестройки и появления срубного крепежа стенок. Однако если пол не имел

деревянного настила, то отопительное сооружение могло продолжать действовать. К сожалению, стратиграфия не позволяет сделать однозначный вывод. Однако с логической точки зрения сохранение печи сомнительно: при перестройке естественно ожидать выравнивания пола и выноса из подвала всех выступавших над ним деталей (стенок и свода) печи, а вот после завершения жизни постройки столь тщательная нивелировка печи необъяснима (напомню, что в заполнении не найдено ни одного даже мельчайшего обломка стенок и свода этого сооружения). Скорее следовало ожидать, что печь была бы просто брошена на произвол судьбы и дошла бы до нас в полуразрушенном состоянии, со всеми своими конструктивными деталями³.

Теперь обратимся к стратиграфии заполнения подвала и его датировке по археологическому материалу. В ходе функционирования подвала на его полу культурный слой практически не отлагался, т. е. он поддерживался в чистоте и не заполнялся грязью и мусором. Здесь зафиксирован лишь незначительный по мощности слой толщиной 2–5 см, который исследователи предлагают называть «натоптом» (Борисов, 2014. С. 340, 341), т. е. землей, принесенной на ногах обитателей и втопанной в пол (или просыпавшейся сквозь деревянный настил пола, если он все-таки существовал). Непосредственно в этом «натопте» собраны обломки разбитой иранской люстровой чаши, концентрировавшиеся в северо-восточной части дна подвала, т. е. рядом со входным коридором, на дне которого был найден один из обломков этой чаши (другой попал в верхнюю часть заполнения, вероятно, в результате деятельности землероев). Большинство обломков было растоптано в мелкую крошку, но из них удалось собрать чашу почти полностью (см. ниже).

Поскольку никаких следов пожара в подвале не прослежено, гибель всей постройки не была связана с каким-то катастрофическим событием. На дне подвала не оставлено никаких вещей (за исключением части жернова с отколотым краем), т. е. все сколько-нибудь ценные предметы из нее были вынесены, даже обломков вещей на полу фактически не встречено. Следовательно, ликвидация постройки была осознанным, заранее запланированным действием, которому предшествовала разборка деревянных стен и кровли наземной части постройки (в котлован они не попали). После этого подвал засыпали материковым суглинком, смешанным с темноцветным культурным слоем, причем эта смесь была очень рыхлой и,

---

³ Заметим, что даже если речь должна идти не о печи, а об очаге, у него все равно должны быть борта, между тем их следов не обнаружено.

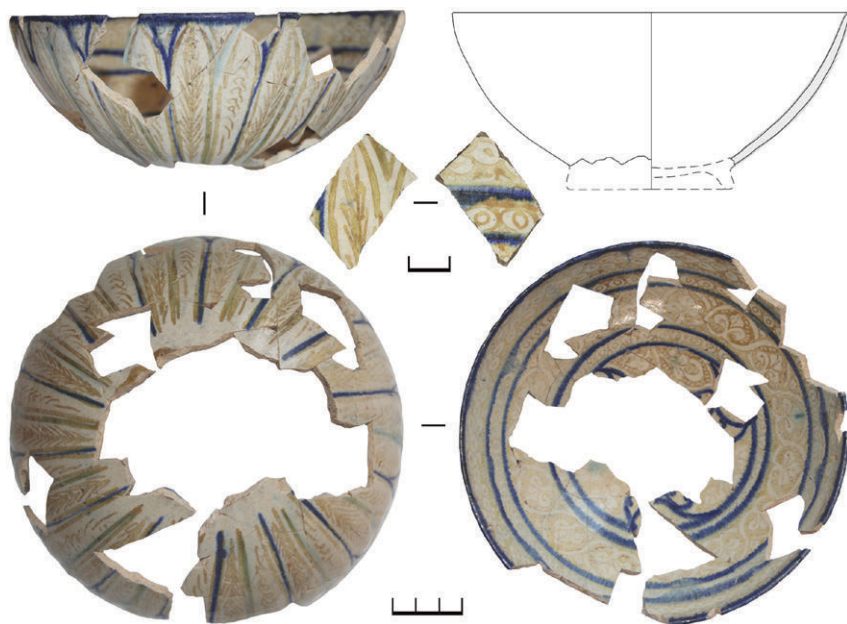

Рис. 7. Люстровая чаша

возможно, не заполняла всего объема образовавшейся ямы, а после уплотнения она просела к дну ямы, сформировав нижний горизонт заполнения мощностью 50–80 см. После этого рухнули стенки срубного крепежа ямы и заполнение пазухов котлована, состоявшее из материкового суглинка, ссыпалось внутрь ямы. Вслед за этим яму снова засыпали, но на этот раз уже в основном культурным слоем, который срезали, вероятно, с площадки где-то совсем рядом с бывшей постройкой.

На полу подвала и в углублениях на его дне собрано всего несколько десятков обломков керамики, которые относились к золотоордынскому периоду (концу XIII – XIV в.). Среди них наиболее важным для датировки комплекса является развал иранской кашинной чаши с надглазурной росписью люстром и внутриглазурной синей росписью (рис. 7). Чаша относится к хорошо известной серии «ильханских люстров» второй половины XIII – первой половины XIV в. (Коваль, 2010а. С. 45–47. Цв. ил. 5–7), которая на Ростиславле представлена более ранней находкой развала другой похожей чаши (Коваль, 1998. С. 177–182). Обе находки совершенно уникальны и не имеют аналогов на территории Руси по степени сохранности сосудов (ранее люстровые сосуды находили здесь в виде единичных обломков). Сами такие изделия имели очень высокую ценность и приобрести их могли лишь самые богатые люди своего времени.

Хрупкость изделий не позволяла надеяться, что их удастся сохранить надолго, а это делало траты на них признаком расточительности.

К числу импортных изделий принадлежал и краснолощенный кувшин, от которого сохранилась только горловина и часть плечиков (рис. 6, 1). Кувшин изготовлен из формовочной массы без видимых примесей на основе сильноожеженной (темно-красной) глины и прошел неполный обжиг (широкая черная полоса на изломе черепка). Характерной его чертой является пальцевое вдавление в нижний корень ручки. Лощение наклонное, с интервалом 1,0–1,5 см. Линейно-волнистый орнамент нанесен восьмизубой гребенкой. Кувшины такой формы, с подобным же креплением ручки к краю горла и пальцевым вдавлением на нижнем корне ручки известны среди продукции города Болгара (Хлебникова, 1988. Рис. 42 и др.). Однако характерный коричневатый цвет глины, трехслойный излом и красная поверхность сосуда указывают на Азак – крупный золотоордынский город в устье Дона – как наиболее вероятное место его производства.

Судя по вещам и керамике, существенной разницы между нижним и верхним горизонтами заполнения подвала не замечено. При этом сам состав находок своеобразен: среди них преобладают изделия из железа (67 шт.) и кости (14 шт.), тогда как, например, изделий из цветных металлов 8, а из стекла – всего 2. Четверть находок приходится на ременные железные накладки (25 шт.), отличающиеся разнообразием форм (рис. 8; 9, 1–13). Две накладки относятся к числу деталей, предназначенных для скрепления стенок и днища ларцов (рис. 9, 14, 15). О предназначении этих деталей стало достоверно известно лишь недавно благодаря счастливой находке целого подобного предмета, относившегося к золотоордынскому времени, на поселении в окрестностях Ельца (Тропин, Лукин, 2017). Ранее имелись лишь ничем не обоснованные гипотезы о предназначении подобных предметов, хорошо известных на различных поселениях Волжской Булгарии и на ряде памятников Руси ордынского времени (Коваль, 2010в). Вероятно, подобные ларцы изготавливались на территории Орды, но пользоваться ими могли не только степняки, но и представители русской аристократии.

Среди остальных железных изделий выделяются 4 наконечника стрел (в т.ч. кунжутолистный), фитильная трубка и инструментарий для кузнечных работ – пробойники (4 шт.) и обломок небольших клещей (рис. 10). Заметим только, что железные фитильные трубки вновь после значительного перерыва (известны в древностях IX–X вв.) появляются на Руси только в золотоордынскую эпоху и связаны, вероятно, с какой-то группой ордынцев, использовавших такие предметы в своем обиходе.

Рис. 8. Железные ременные накладки

Рис. 9. Железные накладки: ременные (1-13) и от ларца (№ 14, 15)

Рис. 10. Железные наконечники стрел (1-4), фитильная трубка (5), пробойник (6) и обломок клещей (7)

Необычной чертой комплекса является присутствие в нем заметного числа костяных накладок из ребер лошади и крупных копытных (рис. 11), которые на Ростиславле встречаются вообще крайне редко, а также набор из пяти заготовок для таких накладок, изготовленных из лошадиных ребер⁴ (рис. 6, 3). Подобные заготовки встречены на территории города впервые, а сами накладки предназначались, вероятно, для украшения луки седла. Не менее уникальна находка обломка бивня мамонта с разметкой для разрезания на части, выполненной металлическим инструментом⁵ (рис. 6, 2). Проблемность последней находки состоит в том, что на площади Ростиславля известны 2 стоянки финального палеолита, где могли использоваться кости мамонта (однако ранее ни одной подобной находки сделано не было). В то же время бивни слоновых (к числу которых относится мамонт) использовались в ремесленном производстве городов Золотой Орды для изготовления накладок на колчаны (Яворская, 2018. С. 210, 211). Отметим среди находок из кости также предметы игровой культуры – альчики из астрагалов крупного рогатого скота и фишку из рога лося (рис. 11, 7, 9). Узко датирующих предметов в этом списке нет, однако все они характерны прежде всего для золотоордынского периода, хотя изредка встречаются в городах Руси. Однако в представленном взаимосочетании они характерны прежде всего для памятников с территории собственно Золотой Орды (городов и сельских поселений).

Керамический материал рассматриваемого комплекса (за исключением указанных выше импортов) принадлежал к обычным для Ростиславля ордынской эпохи разновидностям. Для его характеристики важно указать такие статистические признаки как высокая доля керамики восстановительного обжига (четверть обломков, относившихся к сосудам, изготовленным из массы с примесью мелкого песка), а также заметное преобладание венчиков типов 3/1 (28%) и 23/1 (31%)⁶ при высокой доле волнистого орнамента в декоре (более 40%) (рис. 12–14). Для Ростиславля это все признаки керамических комплексов XIV в., преимущественно, середины и второй половины XIV в. (Коваль, 2004. Табл. 1).

⁴ Благодаря за атрибуции изделий из кости канд. биол. наук Е.Е. Антипину (лаборатория естественно-научных методов Института археологии РАН).

⁵ Трасологическое определение выполнено сотрудником отдела каменного века Института археологии РАН канд. ист. наук О.И. Успенской, которой пользуясь случаем, выражаю признательность за проведенное исследование.

⁶ На прилагаемых рисунках к типу 3/1 принадлежат следующие: рис. 12, 1, 2; 14, 5, 6, 12, 14; к типу 23/1 – рис. 12, 3, 5; 13, 5; 14, 1, 2, 11, 15, 17, 22.

Рис. 11. Костяные накладки (1-6, 8), альчик (7) и шашка (9)

Рис. 12. Керамика из ям на дне подвала (1) и нижнего горизонта его заполнения (2-7)

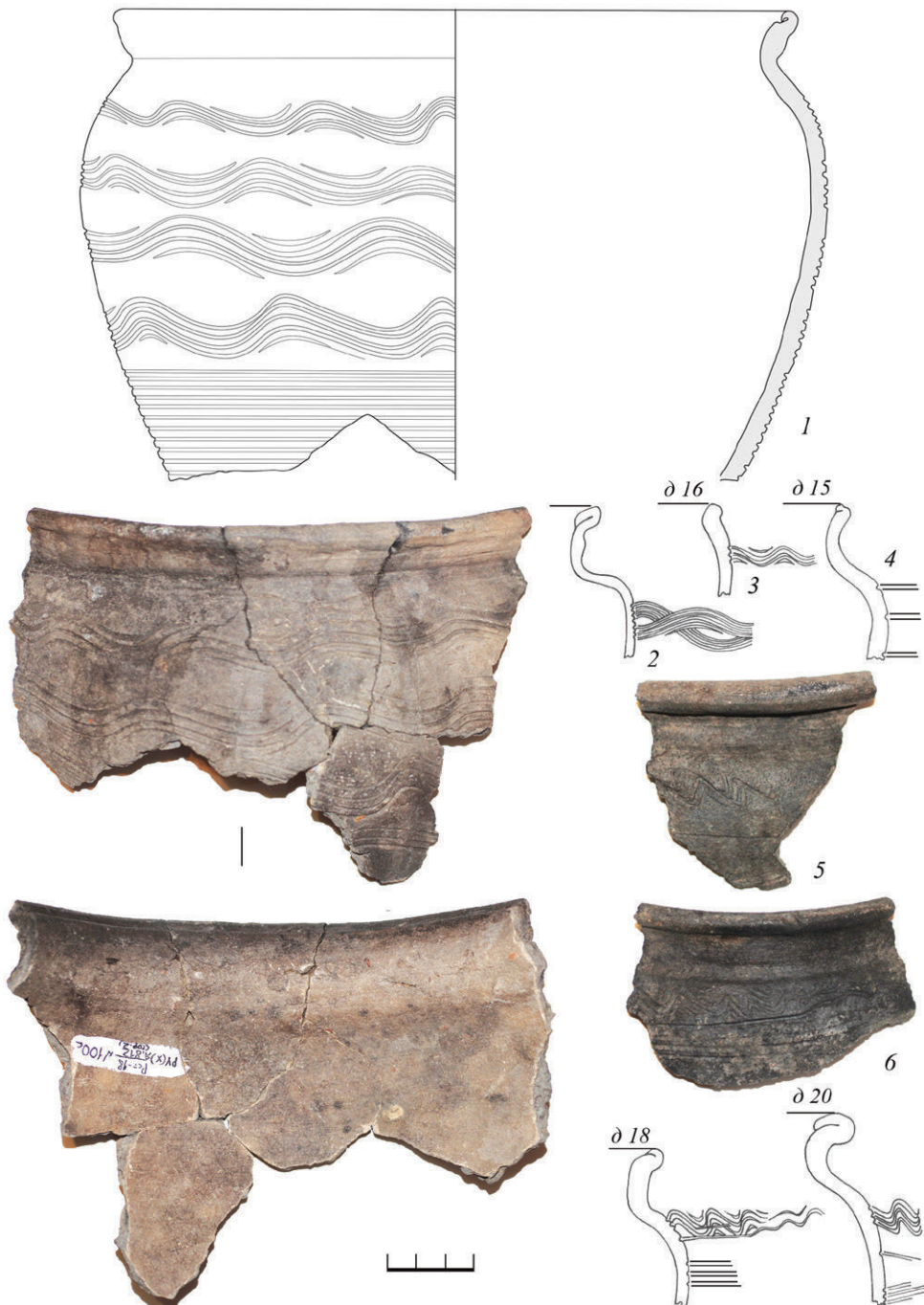

Рис. 13. Керамика из нижнего (1) и верхнего (2-6) горизонтов заполнения подвала

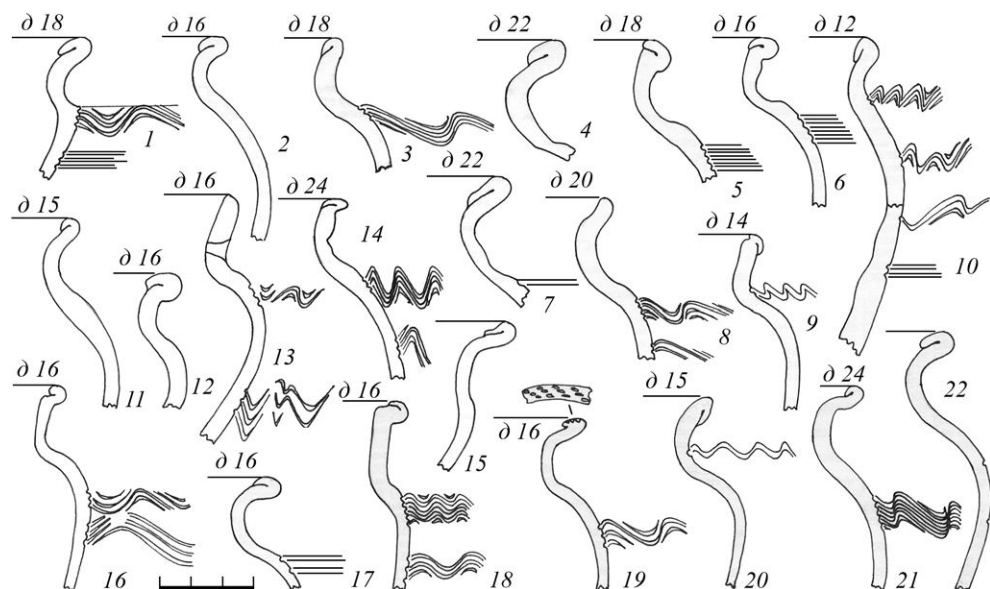

Рис. 14. Керамика из верхнего горизонта заполнения подвала

Если бы перед нами был «чистый» комплекс, сформировавшийся в ходе утилизации мусора, скапливавшегося на усадьбе (такие комплексы формируются обычно в относительно небольших по размерам ямах, которые можно засыпать мусором за 3–5 лет), то его статистические показатели явно указывали бы на формирование этого комплекса в середине – третьей четверти XIV в. Однако в данном случае ситуация гораздо сложнее: огромный подвал с внутренним объемом около 60 куб. м невозможно было быстро заполнить бытовыми отбросами, поэтому хозяевам территории пришлось срезать культурный слой рядом с постройкой, а при этом вместе с вещами и керамикой, отложившейся синхронно жизни постройки, в заброс попадал, разумеется, и более ранний материал. По этой причине в заполнение котлована попали вещи раннего железного века (фибула окского типа, грузик дьякова типа и др.), а лепная керамика РЖВ составляла четвертую часть всего керамического материала, изъятого из постройки. Очевидно, что наряду со столь древней керамикой сюда могла попасть как более ранняя, так и непосредственно не связанная с данной постройкой (и даже усадьбой) средневековая посуда. Впрочем, срезка слоя могла проводиться только на площади цитадели, которая очень невелика и фактически составляла единый территориальный комплекс.

Тем не менее, некоторую опору для датировки дает развал иранской люстровой чаши на дне подвала, который попал туда в ходе функционирования постройки, может быть на финальном этапе или уже перед самой ее ликвидацией. Концентрация обломков чаши на дне котлована прямо перед коридорным тамбуром, спускавшимся туда, позволяет думать, что эти обломки были выброшены в подвал в тот момент, когда он уже не нуждался в поддержании чистоты и стал превращаться в помойную яму. Поскольку чаша, несомненно, составляла огромную ценность и ее оберегали на протяжении целого ряда лет, она могла быть разбита, видимо, не сразу после того, как была привезена из Персии. В то же время, долго прослужить столь хрупкий сосуд, тоже не мог. Следовательно, конец XIII – первая половина XIV в. – наиболее вероятный временной интервал не только ее изготовления, но также использования и гибели. Таким образом, получается, что середина или третья четверть XIV в. – это максимально поздняя хронологическая граница гибели постройки. Соответственно, ее строительство и функционирование можно относить к первой половине XIV в.

Прежде чем перейти к подведению итогов, необходимо дать пояснения относительно одной из категорий находок, собранных в заполнении подвала – многочисленных обломков и крупных целых лепешек железных и железно-силикатных шлаков. Общий объем шлаков, изъятых из заполнения подвала составлял 162 кг. Однако распределены они были весьма характерно: на дне подвала, в углублениях этого дна и в нижнем горизонте заполнения ни одного куса шлака не встречено – все они залегали только в самом верхнем горизонте заполнения (засыпки) котлована. Но и здесь распределение было неоднородным: в основной подквадратной части подвала зафиксировано всего 37 кг шлаков, т.е. 23% собранного объема. Остальные 125 кг (77%) залегали в заполнении тамбурного коридора. Отсюда становится ясным, что «загрузка» шлаков происходила с востока, где коридор из подвала выводил на уровень древней дневной поверхности. Таким образом, шлаки не имели никакого отношения к описываемому подвалу, а попали в него со стороны, после того, как началась окончательная засыпка ямы, образовавшейся на месте существовавшей ранее постройки. Возможно, к востоку от постройки, притом уже после ее уничтожения, некоторое время работала железоплавильная домница, отходы производственной деятельности которой и были утилизированы в новообразовавшуюся яму. К сожалению, следы этой домницы обнаружить не удалось, поскольку раскоп уже вплотную приблизился к лесу, которым заросли

склоны мыса, и вскрытие участка, на котором она могла располагаться, пока невозможно.

Теперь остается выяснить, как использовалась описанная выше постройка и кому она могла принадлежать. Если исходить из болгарских аналогий, то открытый объект пришлось бы интерпретировать в качестве полуземлянки с печью (или очагом), т. е. в качестве довольно примитивного строения. Однако такой интерпретации противоречат следующие факты:

1) отопительное устройство функционировало, скорее всего, только на первом этапе возведения постройки, а затем было ликвидировано;

2) длинный тамбурный вход в заглубленный подвал должен был размещаться скорее под полом наземного строения, нежели как-то иначе, следовательно, основной жилой уровень находился выше подвального помещения;

3) и чрезвычайно крупные размеры подвала, и само местоположение постройки указывают на ее неординарный статус – позволить себе роскошь поставить дом, перегородив им вход на мысовую площадку, мог только человек, обладавший значительной властью в городе, фактически – хозяин всей мысовой площадки (цитадели Ростиславля);

4) драгоценная импортная чаша и импортный кувшин – редкие и дорогие вещи, которыми мог владеть лишь очень богатый и знатный человек.

Перечисленные факторы заставляют думать, что владелец цитадели вряд ли мог построить в столь важном месте обычную (хоть и очень большую) полуземлянку. Нельзя допускать и того, что жилище этого аристократа размещалось в каком-то ином месте мысовой площадки – на сегодняшний день она исследована уже на площади 600 кв. м, т. е. более чем на половину, и нигде более не встречены столь статусные вещи. Следовательно, владелец цитадели, скорее всего, проживал именно здесь, в том самом строении, остатки подвальной части которого удалось исследовать. В этом случае единственный непротиворечивый вариант интерпретации этого строения может быть таким: удалось археологически изучить нижний (подвальный) этаж очень крупного деревянного строения, которое допустимо называть дворцом и которое имело как минимум еще один этаж – жилой наземный. И хотя никаких явных следов отопительного устройства из этого наземного этажа не обнаружено, сомневаться в его существовании не приходится. В связи с этим надо напомнить, что на всей исследованной площади Ростиславля (около 6 тыс. кв. м) с десятками погребов и подвалов

выявлены пока лишь незначительные следы от двух печей, вероятно, стоявших внутри несохранившихся наземных строений, и одна надворная печь. При этом обгоревших камней (от печей-каменок) и массивов сброшенной в ямы печины (прокаленной глины от разрушенных печей) найдено немало. Дело в том, что при разборке пришедших в негодность построек печи приходилось разрушать и полученный мусор выбрасывать в одну из ближайших ям (т.е. котлованов старых погребов, подпольных ям и т.п.), но вот скинуть эту печь в подвал под разбираемым домом было, вероятно, в наименьшей степени удобно, и так никто никогда не делал. Поэтому практически все печи домов Ростиславля с XII по XVI в. оказывались сброшены либо просто во двор, либо в ямы, не имевшие отношения к той постройке, где печь когда-то стояла. Та же судьба, видимо, постигала и печь (или несколько печей?), отапливавших когда-то дворец на мысу цитадели.

Разумеется, ростиславльский дворец не был каким-то исключительно огромным зданием (даже если его площадь сильно превышала 80 кв. м), хотя для масштабов этого города и своего времени он мог восприниматься именно так. Кому же принадлежал этот дворец? Датировка первой половиной XIV в., разумеется, приводит прежде всего к воспоминанию о том, что именно в это время впервые в источниках упоминается удельный князь Ростиславля (Иван Ростиславльский). Мысовая цитадель как нельзя лучше подходила для места размещения княжеского двора и жилища князя (дворца). Этому вроде бы соответствуют и находки в засыпке подвала: драгоценная импортная чаша, болгарский кувшин и многочисленные ременные железные накладки, принадлежавшие воинской культуре XIV в., как и иные предметы вооружения и воинского снаряжения (наконечники стрел). Все эти вещи указывают на то, что хозяин цитадели и сам был воином, и его окружали воины. Так и должен выглядеть двор князя со своей дружиной. Однако имеются некоторые факторы, заставляющие допускать существование другого владельца этого места.

Прежде всего, это костяные накладки, которыми в XIV в. украшались седла и другой инвентарь воинов-ордынцев. А найденные заготовки для таких наладок указывают на их изготовление непосредственно на территории цитадели. В качестве мастера-костореза в данном случае скорее надо видеть не русского, а ордынца. Но что мог делать такой мастер на усадьбе князя? И для кого он мог изготавливать свои наладки? Вероятно, для воинов из Орды, которые, следовательно, тоже проживали где-то рядом.

По довольно многочисленным находкам обломков металлических зеркал (7 экз.) Ростиславль заметно выделяется среди городов Руси, а тот факт, что подобные зеркала находились в пользовании именно ордынских женщин, позволил уже довольно давно сделать вывод о проживании на территории города немалого числа ордынцев (воинов и чиновников) вместе со своими женами (Коваль, 1998. С. 186). Из числа этих предметов 2 найдены в цитадели, а остальные 5 – на остальной территории городища. Однако только в цитадели найдена крупная (диаметром 3,8 см) стеклянная сфероидальная бусина ордынского производства⁷, такие бусины ордынские женщины-степнячки вплетали в конец своей косы (Бусятская, 1976. С. 43, 44. Табл. II, 29, 32; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970. Табл. VII, 7). Поэтому, даже если ордынцы проживали по всему Ростиславлю, нельзя исключать, что они получили особые права на городскую цитадель. В этом случае все ордынские вещи, найденные тут, получают логическое объяснение, а обнаруженный на мысу дворец вполне мог принадлежать высокопоставленному ордынскому чиновнику (баскаку?), окруженному воинским отрядом и являвшемся фактическим хозяином всего города.

При этом надо сразу же уточнить, что речь не идет о каком-то совершенно изолированном ордынском анклав на территории Ростиславля, куда не могли заходить и жить русские люди. Об их постоянном присутствии тут свидетельствуют находки, например, таких вещей, как кресты-тельники, привески-иконки XIV в., встреченные в цитадели в разных местах.

Разумеется, последняя гипотеза не претендует на исключительную истинность и может быть в дальнейшем отвергнута или скорректирована. Но на сегодняшнем уровне знаний о Ростиславле и истории Рязанской земли она полностью соответствует сведениям о том, что система баскачества именно в Рязанской земле сохранялась дольше, чем в других княжествах, до последней трети XIV в. (Насонов, 1940. С. 78). Кроме того, она позволяет очень многое объяснить. Например, что Ростиславль, являвшийся довольно слабой крепостью на пограничье с новоприобретенными Москвой в самом начале XIV в. владениями по левобережью Оки, принадлежавшими ранее Рязанской земле (вернее, ее коломенскому уделу), никогда не становился объектом нападения со стороны московских князей и коломенских наместников. Присутствие здесь ордынского чиновника с воинским контингентом делало

---

⁷ Находка происходит из ямы 297 (2001 г.)

Ростиславль недоступным для московского князя. И это несмотря на то, что конфликты с ростиславльским князем у Москвы как раз в это время случались – в 1320 г. московский князь Юрий Данилович совершил поход на Ивана Ростиславльского, но потом заключил с ним мир (Коваль, 2004. С. 14).

Постоянное присутствие в Ростиславле ордынцев может объяснять также, почему этот незначительный по размерам и не слишком выгодно расположенный город, площадь которого только сокращалась в XIII–XIV вв., вдруг стал одним из важнейших центров Рязанской земли, в котором образовалось собственное удельное княжество.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Акчурина З. А., Вознесенская Л. П., Смирнов А. П., 1970. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. М.: Наука. С. 5–23.
- Борисов А. В., 2010а. Природные процессы, участвующие в заполнении котлованов построек // РА. № 3. С. 119–129.
- Борисов А. В., 2010б. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 99–106.
- Борисов А. В., 2014. Диагностические слои в заполнении котлованов построек // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 339–344.
- Бусятская Н. Н., 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука. С. 38–72.
- Грибов Н. Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 155–165.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ. 448 с.
- Енукова О. Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Курский госуниверситет. 220 с.
- Коваль В. Ю., 1998. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. № 2. С. 177–187.
- Коваль В. Ю., 2004. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // АП. М.: ИА РАН. С. 12–21.
- Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 58–70.
- Коваль В. Ю., 2010а. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука. 269 с.

- Коваль В. Ю., 2010б. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 84–98.
- Коваль В. Ю., 2010в. Ордынцы на Руси // Русь и Восток в IX–XVI вв. Новые археологические исследования. М.: Наука. С. 76–85.
- Коваль В. Ю., 2015. Вал Ростиславльского городища раннего железного века // ТАС. Вып. 10. Т. 2. Тверь: Триада. С. 111–139.
- Коваль В. Ю., 2017. Трансформация оборонительной системы малого города средневековой Руси Ростиславля Рязанского (новые данные по археологии) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 15–25.
- Кравченко С. А., Широченко Э. Б., Гончарова С. М., 2012. Раскопки в г. Азове в 2010 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Вып. 26. Азов: Азовский музей-заповедник. С. 178–214.
- Насонов А. Н., 1940. Монголы и Русь. М.; Л.: Академия наук СССР. 178 с.
- Полубояринова М. Д., 2016. Жилища Болгара // Город Болгар. Жилища и жилищная застройка. М.: Наука. С. 5–191.
- Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52. 184 с.
- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. (МИА. № 105).
- Седова М. В., 1978. Ярополч Залесский. М.: Наука. 158 с.
- Тропин Н. А., Лукин С. В., 2017. Находка средневекового ларца второй половины XIV – середины XV в.: исследования и опыт моделирования // КСИА. Вып. 246. С. 323–335.
- Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука. С. 68–171.
- Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 8–99.
- Яворская Л. В., 2018. Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов // Вестник Волжского Государственного университета. Серия 4. Т. 23. № 3. С. 206–217.

В. С. Курмановский
Институт археологии РАН, Москва

К исторической интерпретации Гнездовского археологического комплекса

Резюме. В статье предпринят опыт исторической интерпретации одного из наиболее ярких археологических объектов Восточной Европы IX–XI вв. – Гнездовского поселения, исходя из комплексного анализа исторических и археологических данных.

V. S. Kurmanovsky
**On the Historical Interpretation
of the Gnezdovsky Archaeological Complex**

Abstract. The article attempts to experience the historical interpretation of one of the most interesting archaeological sites in Eastern Europe of the 9th – 11th centuries – the Gnezdovsky settlement, based on a complex analysis of historical and archaeological data.

Среди научных трудов А. В. Чернецова имеется ряд работ, рассматривающих проблематику ранней истории Руси, в том числе в контексте «скандинавского следа» в русской истории. Одним из наиболее ярких археологических объектов данного периода, наиболее тесно связанных со славяно-скандинавскими контактами, оказывается Гнездовский археологический комплекс. История изучения археологии Гнездова насчитывает порядка полутора столетий. Вместе с тем до настоящего времени нет его надежной исторической интерпретации. Исследователи называют Гнездово древнейшим Смоленском (Мурашева, 2019. С. 55; Шмидт, 2012. С. 67), загородной княжеской резиденцией наподобие новгородского Городища (Петрухин, 2018. С. 470), погостом (Петрухин, 2018. С. 471), центром независимой от Киева династии скандинавского происхождения (Ениосова, Пушкина, Мурашева, 2012. С. 191), одним из небольших укрепленных поселений скандинавов в Восточной Европе (Кулешов, 2019. С. 71), «пиратской варяжско-шведской базой», уничтоженной в XI в. киевскими Рюриковичами датского происхождения (Кренке, Ершов, 2019. С. 80). В связи с вышеизложенным хотелось бы высказать ряд соображений, касающихся возможной исторической трактовки Гнездова.

Одним из факторов, усложняющих комплексный анализ исторических и археологических источников, видится значительная разобщенность исторической и археологической науки, в том числе в сфере понятийного аппарата, обилие в обеих из них исторически сложившихся историографических клише, во многом заслоняющих картину, предоставляемую источниками.

Совокупность данных исторических источников, датирующихся периодом не позднее середины XI в. (русско-византийские договоры X в., труды византийских историков, Правда Ярослава, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, ранние новгородские берестяные грамоты, надписи на деревянных цилиндрах из Новгорода и др.), позволяет говорить о том, что мы обладаем определенными знаниями об обществе Руси данного периода, многие особенности которого принципиально были сходны с чертами общества более поздней эпохи русского средневековья. В основном они могут быть описаны феноменом так называемой служебной организации, обстоятельно рассмотренной в статье Б. Н. Флори (1992). Соответственно, анализировать феномен Гнездова, как представляется, следует в рамках именно этих категорий.

Достаточно глубоко укоренившимся является взгляд на Гнездово как на памятник эпохи образования Древнерусского государства. Образование последнего, безусловно, не являлось одномоментным актом, однако наиболее общепринятой формальной датой является, как известно 882 г. – летописная дата объединения Новгорода и Киева под властью Олега – первого правителя Руси, чья историчность не вызывает сомнений. В любом случае, эпоху образования Древнерусского государства следует датировать второй половиной IX – началом X в. Существование в Гнездове археологических объектов IX в. до последнего момента оставалось крайне дискуссионным (см. напр.: Каинов, 2019. С. 50). Лишь в последние годы в раскопе БД-1 в пойменной части Гнездовского комплекса были выявлены объекты, при помощи естественно-научных методов получившие даты, соответствующие IX в., что не противоречит их археологической датировке (Мурашева, Мальшиева, Френкель, 2018. С. 338–339). Вместе с тем преобладающим в Гнездове оказывается археологический материал второй половины X в. – т. е. эпохи правления в Киеве Святослава и Владимира, соответствующей уже вполне сложившейся державе Рюриковичей.

Являлось ли Гнездово местом древнейшего Смоленска? Доминировавшее до недавнего времени мнение об отсутствии в Смоленске материалов древнее второй половины XI в. может быть в определенной степени скорректировано результатами работ команды Н. А. Кренке

в Смоленске в последние годы (см.: *Кренке и др.*, 2015), а также более тщательного изучения коллекций предыдущих раскопок (см.: *Ершов*, 2018. Рис. 36; 21 (внизу); 29 (внизу справа); *Курмановский*, 2019. С. 95–96. Рис. 1; 2). В частности, в центральной части Смоленска, на Соборной горе и прилежащих территориях, было выявлено поселение эпохи культуры смоленско-полоцких длинных курганов, характеризующееся значительными размерами (до 3 га) и специфическим расположением, позволяющим предполагать его нерядовой статус. Кроме того, имеются находки керамики и артефактов, синхронных и аналогичных материалам Гнездова, преимущественно, однако, поздней фазы его существования. Следует, однако, отметить, что такие находки на данный момент довольно немногочисленны и значительной частью происходят из переотложенных слоев.

Против локализации древнейшего Смоленска в Гнездове может говорить отсутствие каких-либо топонимических следов связи данной местности с названием «Смоленск». Более того, наиболее раннее сохранившееся документальное описание Гнездова, относящееся к 20-м годам XVII века, связывает название «Гнездово» («Гнезново») именно с Центральным городищем, на котором в тот момент поселения не существовало порядка четырех столетий (подробнее см.: *Курмановский*, 2018. С. 242, 255). О местонахождении Смоленска на своем нынешнем месте говорит также сюжет «Сказания о Борисе и Глебе», в своем первоначальном виде созданного приблизительно на полстолетия позже описываемых событий (*Ужанков*, 2001. С. 48), и также не отразившем данных о каком-либо переносе города.

Аргументом в пользу нахождения Смоленска в Гнездове, казалось бы, может служить обнаружение здесь двух объектов, интерпретируемых исследователями как смолокуренные ямы, что соответствует предполагаемой этимологии названия города. Не пытаясь судить об однозначности интерпретации открытых объектов, можно отметить, что смолокуренный промысел, обеспечивавший потребности днепровского судоходства, несомненно, требовал довольно значительных объемов производства смолы, каковое, возможно, могло иметь более широкое распространение в окружающей местности, дав название ее центру. В то же время известно, что, скажем, на поселении Автуничи в Черниговской области подобных объектов выявлено 26 экз. (*Фетисов, Мурашева*, 2008. С. 216). Поэтому сам факт обнаружения смолокуренных ям в Гнездове, как представляется, не может являться основанием для отождествления Гнездова с древнейшим Смоленском.

Могло ли Гнездово представлять собой самостоятельное политическое образование, независимое от Киева? Для позднего периода истории Гнездова (выше горизонта нивелировки в раскопе П-8, датируемого 950-ми годами) характерно наличие многочисленных свидетельств связей с южными территориями (шиферные пряслища, среднеднепровская керамика). При этом сооружения горизонта, предшествующего нивелировке, погибли в пожаре (Мурашева, Енисосова, Фетисов, 2007. С. 69–71), что, казалось бы, наводит на мысль о том, что этот пожар мог быть связан с захватом поселения киевскими князьями. В. С. Нефедов склонен датировать эти события более поздним временем – первой половиной 60-х годов X в. (Нефедов, 2012. С. 101–106). Вместе с тем, сообщение Константина Багрянородного, относящееся к 40-м годам X века, говорит о полноте киевских князей в земле «критвитеинов» и присылке судов в Киев из «крепости Милиниси» (Константин Багрянородный). Кроме того, сама логика возникновения единого политического образования, объединяющего Новгород и Киев в эпоху правления Олега, предполагала контроль над трассой Пути из варяг в греки, объединявшего Северную и Южную Русь. Попасть из Ловати в Днепр возможно было через Полоцкую либо Смоленскую землю (находящиеся на последнем пути Витебск и Усвят, согласно летописным данным, были переданы в состав Полоцкой земли киевским великим князем Ярославом в 1021 г.) (ПСРЛ. Т. 9. С. 77). Соответственно, как минимум одна из этих земель должна была быть подконтрольна киевским князьям. Для Полоцкой земли имеется летописное свидетельство о правлении здесь во второй половине X в. князя Рогволода, характер отношений которого с киевскими князьями не вполне ясен. Тот факт, что дочь Рогволода Рогнеда отказывалась выходить замуж за «робичича» Владимира, предпочитая ему Ярополка, может говорить о том, что полоцкие князья чувствовали себя на равных с киевскими Рюриковичами. При этом из летописи известно, что Рогволод пришел «и-заморья» и принял власть в Полоцке (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76). Таким образом, он мог положить начало самому институту княжеской власти в Полоцке, либо изменить ориентацию Полоцкой земли на независимость от Киева (О Рогволоде и Рогнеде подробнее см.: Самонова, 2015). О Смоленске летопись сообщает, что Олег, направляясь из Новгорода в Киев, «прия градъ» и посадил там своего «мужа» (или «мужей») (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23). Кроме того, сам Полоцк как центр соответствующей земли существенно сильнее удален от трассы кратчайшего пути из Ловати в Днепр в сравнении со Смоленском и Гнездовым. О нахождении Смоленска близ «магистральной» трассы из Новгорода в Киев свидетельствует и сам

летописный сюжет о походе Олега на Киев через Смоленск. Таким образом, если для Полоцка для какого-то периода X в. существуют исторические данные о существовании здесь независимого политического центра, то для Смоленска (и Гнездова) таких данных нет, более того, имеются данные Константина Багрянородного о подконтрольности Смоленска (а, возможно, и земли кривичей в целом) правителям Киева, определенно относящиеся к периоду, предшествующему пожару и горизонту нивелировки в Гнездове, а также летописные данные (при всей возможной осторожности по отношению к ранним летописным сюжетам) о посадении Олегом наместника в Смоленске. При этом обладание районом Смоленска и Гнездова, как представляется, для существования государства, объединяющего Новгород и Киев, являлось стратегически более важным, чем обладание Полоцком.

Таким образом, по совокупности прямых и косвенных данных, возможность существования некоего независимого от Киева политического центра в Гнездове допустима, скорее, только для наиболее раннего (фактически недавно выявленного) периода его истории. Поэтому следует признать с большой долей вероятности, что Гнездово на протяжении всего X в. являлось одним из важных элементов структуры государства Рюриковичей. О связи Гнездова с династией косвенно могут говорить и находки ременных бляшек со знаком Рюриковичей в гнездовских курганах. По предположению С. С. Ширинского, найденные в Гнездове знаки представляют собой тамгу владевшего Смоленском Станислава Владимировича (*Ширинский*, 1968. С. 223). Вместе с тем такое состояние дел не исключало возможных политических эксцессов, с одним из которых могло быть связано формирование горизонта пожара и последующей нивелировки, зафиксированных в гнездовском раскопе П-8 (хотя нельзя исключать и других трактовок формирования данных напластований).

Существовали ли в Гнездове собственные князья? О существовании на Руси в первой половине X в. неких «великих и светлых князей», находящихся «под рукою» киевского великого князя (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33) и «всякого княжья» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47), известно из русско-византийских договоров 912 и 945 гг. О пребывании в Гнездове лиц высокого социального статуса свидетельствуют захоронения в «больших» курганах (*Каинов*, 2018. С. 234, 236). Однако кем могли являться эти лица – «светлыми князьями» «под рукою» киевского правителя, посадниками, боярами, крупными купцами, предводителями наемных отрядов, проживали ли эти люди в Гнездове или же находились там временно – анализ археологического инвентаря на данный момент не позволяет дать ответа.

Несомненно, Гнездово являлось опорным пунктом княжеской власти. Об этом говорит упомянутое выше присутствие лиц высокого социального статуса в некрополе, присутствие предметов, связанных с их бытом, в материалах поселения, многочисленные находки предметов вооружения. Вряд ли Гнездово можно считать княжеской резиденцией наподобие новгородского Городища, поскольку прямых данных о пребывании здесь каких-либо князей в источниках нет (за исключением, возможно, Станислава Владимировича в конце X – начале XI в.), однако несомненно присутствие здесь княжеской администрации и представителей господствующего класса, для данного периода отождествимого с «родом русским» русско-византийских договоров, возможно, наемных воинских контингентов.

Можно ли считать Гнездово погостом? Термин «погост» среди прочих категорий социально-политической терминологии, связанной с ранним этапом существования Древнерусского государства, как представляется, «любим» исследователями в силу своей наибольшей прозрачности. Погосты как разновидность поселений с определенными функциями административного центра в том или ином виде известны на протяжении всего средневековья и последующего периода вплоть до новейшего времени. Именно поэтому исследователи готовы применять этот термин по отношению к любым поселениям раннедревнерусского периода, связанным с пребыванием представителей власти. Между тем письменные источники применительно к этому времени знают и другие категории населенных пунктов и топографических объектов, связанных так или иначе с княжеской властью. В частности, в «Повести временных лет» в сюжете об Ольге и древлянах упоминаются два княжеских двора в Киеве «вне града» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55); «градъ Вользинъ» Вышгород, «становища» Ольги в древлянской земле, ее же «село Ольжичи». Возможно, некие разновидности населенных пунктов следует подразумевать, наряду с погостами, под терминами «оброки», «дани» и «места» в сюжетах о поездке Ольги в Новгород и следах деятельности княгини «по всей земли» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60). Такое понимание терминов «оброки» и «дани» (не только повинности, но и места их изъятия) придает более осмысленное звучание летописному пассажи о сохранении «до сего дня» Ольгиных «оброков» и «даней» по Мсте и Луге. В пользу данного предположения говорит, например, общее обозначение термином «дани» статей Уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича, указывающих количество дани, собираемой в том или ином географическом пункте, а также существование топонимов Оброк

в Демидовском и Руднянском районах Смоленской области (в пределах исторической смоленской волости Поречье).

Для решения этого вопроса необходимо сравнение материалов Гнездова с археологическим материалом «эталонных» погостов. Из такого источника как церковный устав Владимира (при всей сложности его генезиса) можно сделать вывод о том, что погосты представляли собой поселения сравнительно небольшого масштаба, явно уступающие «градам» (ДКУ. С. 15). Данные о древнерусских городищах, собранные А. В. Кузой, позволяют составить определенное представление о ряде объектов с домонгольским материалом, идентифицируемых с известными по письменным источникам погостами северо-западной Руси (Камно, Голубково (Петровский погост), Марево, Молвогицы, Усть-Волма, Стерж) (Куза, 1996. С. 59, 61–63, 112). Все они представляли собой сравнительно небольшие (до 0,4 га) городища, как правило, с прилежащими селищами (в том числе крупными). Довольно крупными городищами (гектар и более), сравнимыми по размеру с Гнездовским Центральным городищем, также с примыкающими селищами, являлись Холм (Холмский погост) и Яжелбицы (Куза, 1996. С. 61–62). Особый интерес представляет Передольский погост, расположенный на р. Луге и довольно обоснованно ассоциируемый с одним из погостов Ольги. Археологические памятники, связываемые с последним, представлены небольшим мысовым городищем (площадью 900 кв. м) и обширным селищем (общая площадь поселения до 9 га) с широко представленным материалом X–XI вв., а также сопками, возможно, остатками курганного могильника, рядом культовых камней и уникальной сопкой «Шум-гора» (Платонова, Жеглова, Лесман, 2007. С. 142–146), расценивающейся некоторыми исследователями как своеобразное крепостное сооружение (Конецкий, Трояновский, 2013. С. 10–13). Таким образом, достоверные древнерусские погосты в большинстве случаев характеризуются небольшими размерами укрепленной площади. Размеры неукрепленной части поселения могли быть довольно крупными, но все же значительно уступают гнездовским (для сравнения, площадь одного Западного Гнездовского селища составляет 15,7 га (Новиков, Пушкина, 2018. С. 349), общая площадь Центрального поселения оценивается в районе 30 га (Пушкина, Мурашева, Енисосова, 2012. С. 250).

Вышгород, называемый в летописи владельческим «градом» Ольги, по данным А. В. Кузы, представлял собой сложномысовое городище, состоящее из детинца размерами 350×250 м (7,5 га) и окольного города. Общая укрепленная площадь составляла около 15 га (Куза, 1996. С. 81).

Имелись также селища-посады (Куза, 1989. С. 71). При этом укрепления X в., очевидно, соответствовали детинцу. Кроме того, существовал курганный могильник из четырех групп (Комар, 2012. С. 324).

Поселение IX–X вв. на месте исторической резиденции новгородских князей – Рюриково городище имело площадь порядка 6–7 га, из которых 1,0–1,2 га составляла мысовая часть, окруженная рвом (Носов, 2012. С. 109). Можно привести также данные о некоторых других археологических объектах, ассоциируемых с древнейшими русскими городами. Псков в X в. состоял из детинца площадью порядка 2 га, возможно, уже в X в. получившего каменную фортификацию, посада, курганного некрополя и территориально обособленного некрополя на Старовознесенской возвышенности с камерными захоронениями. Культурный слой этого времени прослежен также на противоположном берегу р. Великой (Завеличье), известен также могильник в Запсковье (за р. Псковой) (Яковлева, Салмина, Королева, 2012. С. 146–157). Общая площадь города Белоозеро по обеим берегам реки Шексны составляла 54 га, из которых 13 га приходилось на левобережное поселение, возникшее в первой половине XI в. (Захаров, 2012. С. 218–219). Полоцк – один из древнейших центров земли кривичей – в данный период археологически представлен несколькими участками культурного слоя на территории современного города – небольшим (73×75 м) Полоцким городищем, его первоначальным посадом (так называемым селищем у Красного моста) площадью порядка 0,3 га, а также участками культурного слоя на территории Верхнего, Нижнего замка и Великого посада. При этом Полоцк в сравнении с другими городскими центрами ранней Руси характеризуется значительной архаичностью пространственной структуры и определенной бедностью археологического инвентаря, включая малочисленность находок скандинавского происхождения (Еремеев, 2012. С. 279–287). Археологические памятники летописного центра древлян – Искоростеня представлены тремя городищами площадью 0,5, 0,05 и 0,4 га соответственно (имеется также четвертое, наиболее крупное (около 9 га) (Куза, 1996. С. 168) городище, на котором древнерусский материал на данный момент не обнаружен) и шестью курганными могильниками примерно с 300 курганами. На одном из городищ (городище 1) фиксируются следы пожара, вероятно связанного с военным разгромом середины X в. В этом слое обнаружены предметы вооружения, большое количество престижных вещей, в том числе скандинавского облика, а также кальцинированные человеческие кости. В плане материальной культуры для Искоростеня

характерна полная смена традиций культуры Луки-Райковецкой древнерусской во второй половине X в. (Комар, 2012. С. 328–331).

Таким образом, размеры укрепленной части Гнездовского Центрального поселения (около гектара) соответствуют размерам как наиболее крупных городищ исторических погостов, так и городищ многих раннедревнерусских городов, для части же последних, в том числе «Ольгиного града» Вышгорода X в., размеры укрепленной части поселения в разы больше. Сходный с Гнездовом размер укрепленной части имеет и достоверная княжеская резиденция – Рюриково городище. Размеры селища-посада Гнездова весьма обширны и в четыре-пять раз превосходят посад Рюрикова городища (для последнего, однако, следует учитывать ограниченность пространства в силу нахождения на острове), приближаясь к размерам Белоозера или (особенно учитывая Ольшанский комплекс) Смоленска второй половины XI в. (по расчетам Н. А. Кренке – Кренке, Ершов, 2019. С. 80). Таким образом, было бы корректным признать Гнездовское поселение по своим масштабам соответствующим критериям «града» своего времени. Подобный вывод логическим образом вновь актуализирует вопрос о том, являлось ли Гнездово местом древнейшего Смоленска. Ответ на него в целом был сформулирован А. Н. Лявданским и повторен позднее И. И. Ляпушкиным: Гнездово следует признать древнейшим Смоленском, если в Смоленске не будет найдено поселения IX–X вв. (Кренке, Ершов, 2019. С. 77). Однако такое поселение было найдено. Возникающие сомнения в городском характере поселения в Смоленске можно сопоставить с аналогичной ситуацией, имеющей место в другом кривичском центре – Полоцке. Весьма вероятно, что эта особенность объясняется более архаичным общественным укладом летописных кривичей в сравнении со славянами северо-западных и южных регионов Руси. В таком случае Гнездово нужно рассматривать как экстерриториальную резиденцию представителей власти, типологически сравнимую с новгородским Городищем и княгининым «градом» Вышгородом.

Следует также коснуться в определенной степени этнокультурной специфики Гнездова. На сегодняшний момент в целом нет оснований сомневаться в скандинавском происхождении изначальной «руси». При этом налицо ее языковая ассимиляция: если Константин Багрянородный приводит «русские» и «славянские» названия днепровских порогов, то представители княжеской династии второй половины X в. (Святослав, Ярополк, Владимир) носят славянские имена. Эта ассимиляция не мешала сохранению специфики материальной культуры

и обрядности, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют данные археологии. Присутствие скандинавов в виде представителей «рода русского» либо варягов-наемников в Гнездове общеизвестно, часто упоминается также проживание здесь местных жителей-кривичей, вероятно, сохранивших в той или иной степени черты балтского субстрата. Но помимо них, присутствовал еще некий иной компонент. С ним, в частности, может быть связана зафиксированная в Гнездове традиция круговой керамики. Очевидно, этот компонент был славянским. Е. В. Каменецкая находит наиболее близкие аналогии основной массе раннекруговой керамике Гнездова на территории Белоруссии, южной Польши и Словакии (Каменецкая, 1977. С. 49–50). О. Л. Шарганова в своем диссертационном исследовании отмечает культурную неоднородность населения, делавшего посуду на гончарном круге (Шарганова, 2011. С. 25). В то же время следует заметить, что керамика, близкая керамике Гнездова середины – второй половины X в., в более ранний период бытовала на территории Среднего Поднепровья, предшествуя здесь распространению высококачественной среднеднепровской керамике, известной в Гнездове в качестве импорта (см., напр.: Моргунов, 2012. Рис. 20, 1, 2, 4). Так откуда же происходили носители раннекруговой керамики Гнездова? Пришли ли они из Словакии и южной Польши через Волынь и Белоруссию или эта керамика связана с более ранней среднеднепровской традицией? Или же эта керамика является ранней общерусской формой, отличной от раннекруговой керамики поморских типов, хорошо известной в Новгородской земле (Горюнова, 2016. С. 30–34)? Связана ли эта линия происхождения только с ремесленниками-гончарами или же со значительной частью всего населения Гнездова?

Применительно к средневековой Руси в целом прослеживается на уровне тенденции противопоставление поселений, созданных для обслуживания нужд князя и его окружения, и поселений, сохраняющих собственный уклад жизни, участие государства в жизни которых в основном ограничивалось выплатой дани и иных повинностей. Для раннего периода истории Руси это разделение, очевидно, должно сопровождаться археологически заметными различиями в материальной культуре. В частности, можно говорить о синхронном существовании в смоленском Поднепровье и Подвинье памятников культуры смоленско-полоцких длинных курганов и памятников гнездовского типа (Шмидт, 2012. С. 21; Нефедов, 2012. С. 96–98). На территории Киева наряду с древнерусскими объектами конца IX – X в. известны синхронные комплексы с керамикой и другими элементами роменской и лука-райковецкой

культур (Комар, 2012. С. 314, 316). Вероятно, в таком ключе можно видеть взаимоотношение Смоленска и Гнездова (если не признавать Гнездово Смоленском). В письменных источниках, в частности, у Константина Багрянородного, это отражается в противопоставлении «росов» (несомненно, присутствовавших в Гнездове) «славиниям» (с которыми, в частности связывалась и «крепость Милиниски») (Константин Багрянородный). В «Правде Ярослава» представителем непривилегированного населения, не связанного с традиционными местными социумами, очевидно, выступает «изгой» (Правда Русская, 1940. С. 70, 79, 104 и др.) (ср. с «изгоями» в жалуемых епископу селах Ясенском и Дросенском в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича) (ДКУ, 1976. С. 143). Весьма вероятно, что именно «изгой» наряду с «ремесленниками» (Правда Русская, 1940. С. 105, 124, 169 и др.) составляли основу рядового населения Гнездова – носителей раннедревнерусской культуры.

Следует также задуматься о возможном названии Гнездовского поселения. В целом, название «Гнездово» не является уникальным. Селения с такими названиями известны в Лихославльском и Старицком районах Тверской области. Гнездово Лихославльского района в прошлом входило в состав Бежецкой пятины Новгородской земли. «Волостка Гнездово» в Спасском Клинецком погосте упоминается в писцовой книге Бежецкой пятины 1499 г. (Писцовые книги ... 1999. С. 234). Здесь же упомянута деревня Гнездово в Ивановском Удомельском погосте (Писцовые книги ... 1999. С. 177). Такие названия, вероятнее всего, образованы от средневекового мирского антропонима Гнездо. В частности, прозвище Гнездо носил живший в конце XV в. сын тверского тысяцкого Михаила Федоровича Шетня Захарий (Веселовский, 1974. С. 80), с именем которого, очевидно, и связано название старицкого Гнездова. Потомки Захария Михайловича носили фамилию Гнездовских (ПИРСС, 2011. С. 137, 287). В Суздале в 1530 г. упоминается Михаил Александрович Гнездов (Веселовский, 1974. С. 80). Вместе с тем, наиболее ранние упоминания смоленского Гнездова дают другую форму названия. В межевом описании Адама Зарембы 1623 г. Центральное городище называется «*Hnieznowo*» или «*Hniezniowo*», а в судебном приговоре 1643 г. имение названо «*Hniezna*» (неизвестно, однако, отражает это написание форму единственного или множественного числа). В последующем судебном приговоре ассессорского суда Речи Посполитой 1648 г. название передано в привычной нам форме «*Hniezdowa*» (см.: Курмановский, 2018. С. 242, 244). Зафиксированный вариант названия вызывает ассоциации с созвучным названием древней столицы Польского

государства – г. Гнезно. Предположение о том, что такая форма названия является результатом польской адаптации названия «Гнездово» или сознательной аллюзии с центром Великопольши, как представляется, должно быть отвергнуто, поскольку, во-первых, освоение польско-литовскими владельцами смоленских земель на момент межевания Адама Зарембы находилось на начальном этапе и в документах отразилась топонимика предшествующего «московского» периода, а во-вторых передача «г» через «h» несомненно отражает восточнославянский (западнорусский) облик топонима (при польском *Gniezno*). При этом польский аналог русского слова «гнездо» – «*gniazdo*». Согласно Этимологическому словарю славянских языков, праславянская форма *gnězdъnъ* (jъ); *gnězdъno* первоначально представляла собой прилагательное, образованное от *gnězdo*. Как диалектный вариант слова «гнездо» она известна во многих славянских языках. Слово же «*gnězdo*» имело в том числе значения «племя, род, семья», «дом», «крестьянская усадьба, место, занятое домом и двором» (ЭССЯ, 1979. С. 172–173). На восточнославянской территории известен ряд топонимов, близких к «Гнезно»: Гнездное в Хвастовичском районе Калужской области; реки Гнезна и Гнилая Гнезна в Тернопольской области Украины, Гнезно в Волковысском районе Гродненской области Белоруссии. В писцовой книге Водской пятины Новгородской земли 1500 г. фигурирует деревня Гнездно в Спасском Орлинском погосте на озере Орлино (ныне Гатчинский район Ленинградской области) (Писцовые книги ... 1999. С. 103). Таким образом, логичным представляется предположение о том, что более ранней формой названия является Гнѣз(д)но(е), а притяжательный суффикс появился позднее. Поскольку название «Гнезново» в наиболее раннем описании 1623 г. соотносится именно с Центральным городищем (Курмановский, 2018. С. 243), жизнь на котором, судя по хронологии керамического материала, приостановилась в XIII в. (Курмановский, 2018. С. 255), можно предположить, что данное название возникло не позднее этого времени, а, возможно, сохранилось с эпохи основного периода существования Гнездовского поселения.

Известна также гипотеза Т. Н. Джаксон о тождестве Гнездовского поселения с известным по древнеисландскому географическому сочинению, вошедшему в сборник XIV в. «Книга Хаука», городом *Sýrnes*, название которого семантически сходно с названием протекающей в Гнездове речки Свинец (Джаксон, 1986. С. 80). Представляется, что высказываемая гипотеза о названии Гнездова может ей не противоречить, о чем говорит бытование семантически не тождественных скандинавских и славянских

названий днепровских порогов, отмеченное в сочинении Константина Багрянородного (*Константин Багрянородный*), а равным образом, существование собственных скандинавских названий русских городов со своей внутренней этимологией (известное, в частности, для Новгорода). Таким образом, поселение в Гнездове могло иметь параллельные и семантически не тождественные славянское и скандинавское названия.

Еще один момент, связанный с исторической интерпретацией Гнездовского комплекса – возможная асинхронность хронологии Центрального городища и селища. При этом, как было замечено Е. В. Каменецкой, на городище преобладают находки монет VIII–IX в., а на селище – X в. (*Каменецкая*, 1977. С. 113). Аналогичную картину хронологического распределения византийских монет демонстрирует работа А. О. Шевцова (2018. Табл. 2). Е. В. Каменецкой также было сделано наблюдение о более высоком проценте лепной керамики на городище (*Каменецкая*, 1977. С. 99). В работе О. Л. Шаргановой в выборке круговой керамики с Центрального городища не было встречено образцов посуды из нежелезненной глины с примесью дресвы и лимонитовыми включениями (так называемой серой), довольно широко представленной в материалах селища и имеющей более позднюю датировку в сравнении с красноглиняной круговой керамикой (*Шарганова*, 2011. С. 16–17). Таким образом, возникает предположение о затухании в определенный период жизни на городище, в то время как неукрепленная часть поселения продолжает функционировать. Несомненно, Центральное городище являлось центром поселения, где, вероятнее всего, следует искать средоточие его административных функций. Логичным образом можно предположить, что с прекращением или сильным снижением интенсивности жизни на городище часть выполняемых им функций перемещается в Смоленск, наиболее ранние артефакты древнерусской культуры которого приблизительно синхронны позднему периоду существования Гнездовского селища.

Подытоживая высказанные тезисы, можно отметить следующее. Гнездовское поселение, расцвет которого приходился на вторую половину X в. в основной период своей истории, вероятнее всего, являлось опорным пунктом киевской власти, контролирующим кривичский племенной центр Смоленск и находящийся вблизи него стратегический узел водных путей. Именно здесь, очевидно, пребывали посаженные, согласно летописи, Олегом «мужи», их окружение и лица, занятые их обслуживанием. Гнездовское поселение вряд ли являлось погостом, достигая масштабов полноценного «града» и превосходя в этом отношении

кривичский Смоленск, сомнительно «городской» характер которого может объясняться общей архаикой общественного уклада кривичей, сказывающейся и на облике их другого племенного центра – Полоцка. Помимо скандинавов и кривичей, заметную роль в жизни Гнездова играли славяне – выходцы из Среднего Поднепровья и, возможно, более западных территорий. Вероятно (но крайне гипотетично), поселение могло иметь параллельные славянское (близкое к Гнезну) и скандинавское (*Sýrnes*) названия. К позднему этапу основного периода существования Гнездовского поселения, вероятно, относится перемещение представителей власти с Центрального городища в Смоленск, возможно, связанное с правлением Станислава Владимировича.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Веселовский С. Б., 1974. Ономастикон (Древнерусские имена, фамилии и прозвища). М.: Наука. 382 с.
- Горюнова В. М., 2016. Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин. 328 с.
- Джаксон Т. Н., 1986. *Sýrnes* и *Gaðar*: Загадки древнескандинавской топонимии Древней Руси // *Scando-Slavica*. Т. 36. С. 73–83.
- ДКУ. М.: Наука, 1976.
- Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., Мурашева В. В., 2012. Гнездово – раннегородской центр Смоленской земли // Вестник Московского университета. (Сер. 8. История). № 5. С. 176–196.
- Еремеев И. И., 2012. Полоцкая земля // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 275–297.
- Ершов И. Н., 2018. Формирование и развитие Смоленска до середины XIII в. по данным археологии. Диссертация ... канд. истор. наук. М. 320 с.
- Захаров С. Д., 2012. Белоозеро // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 211–239.
- Каинов С. Ю., 2018. Погребения с предметами вооружения Гнездовского некрополя // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 211–241.
- Каинов С. Ю., 2019. В поисках раннего Гнездова (Раскопки кургана Л-210 в Лесной курганной группе) // Край Смоленский. № 2. С. 50–52.

- Каменецкая Е. В., 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Диссертация ... канд. истор. наук. М. 140 с.
- Комар А. В., 2012. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 301–332.
- Конечный В. Я., Трояновский С. В., 2013. «Большая сопка» Передольского погоста в контексте социально-политической истории Новгорода на рубеже XI–XII вв. // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород. С. 3–19.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Пер. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/frametext9.htm
- Кренке Н. А., Ершов И. Н., 2019. Поиски древнего Смоленска // Край Смоленский. № 2. С. 76–80.
- Кренке Н. А., Ершов И. Н., Аникин И. С., Войцук А. А., Муценцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В., 2015. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. Вып. 240. С. 141–150.
- Куза А. В., 1989. Малые города Древней Руси. М.: Наука. 168 с.
- Куза А. В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М. 256 с.
- Кулешов В. С., 2019. Эпоха викингов, Восточная Европа и Гарды // Край Смоленский. № 2. С. 71–75.
- Курмановский В. С., 2018. Гнездово и окрестности в XI–XVIII вв.: историко-археологический очерк // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 241–266.
- Курмановский В. С., 2019. Некоторые вопросы ранней истории Смоленска // Край Смоленский. № 2. С. 90–98.
- Моргунов Ю. Ю., 2012. Летописный город Снепород и его округа. СПб.: Филологический фак-т. 252 с.
- Мурашева В. В., 2019. «Портовое хозяйство» древнего Гнездова // Край Смоленский. № 2. С. 53–55.
- Мурашева В. В., Енисова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Материалы комплексных исследований памятника. М.: Альфарет. С. 31–77.
- Мурашева В. В., Малышева Н. Н., Френкель Я. В., 2018. Исследование прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнездовского археологического комплекса // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 286–339.
- Нефедов В. С., 2012. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы

- формирования древнерусского государства. Сб. материалов научной конференции. Вологда – Кириллов – Белозерск 6–8 июня 2012 г. Вологда: Древности Севера. С. 89–113.
- Новиков В. В., Пушкина Т. А., 2018. Археологическое изучение западной части Центрального поселения Гнездовского комплекса археологических памятников // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 349–394.
- Носов Е. Н., 2012. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 93–119.
- Петрухин В. Я., 2018. К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнездово // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 461–471.
- ПИРСС / Сост. А. В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011. 556 с.
- Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1. М.: Древлехранилище, Археографический центр, 1999. 432 с.
- Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М., 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: ИИМК РАН; «Дмитрий Буланин». С. 142–194.
- Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1. Тексты. М.–Л.: АН СССР, 1940. 505 с.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е издание. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
- ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1862. 256 с.
- Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В., 2012. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 242–273.
- Самонова М. Н., 2015. Рогволод и Рогнеда: скандинавские корни династии // *Alba russcia*: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). М.: Квадрига. С. 8–26.
- Ужанков А. Н., 2001. Святые страстотерпы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий. (Окончание) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (3). С. 37–49.
- Фетисов А. А., Мурашева В. В., 2008. Смолокурное производство в Гнездове // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. 2. Коростень. С. 213–219.
- Флоря Б. Н., 1992. Служебная организация и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // ОИ. № 2. С. 56–74.

- Шарганова О. Л.*, 2011. Керамика Смоленского Поднепровья конца I – начала II тыс. н. э.: технология и морфология. Автореферат дисс. ... канд. истор. наук. М. 27 с.
- Шевцов А. О.*, 2018. Коллекции византийских монет Гнездова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М. (Тр. ГИМ. Вып. 210). С. 482–509.
- Ширинский С. С.*, 1968. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 215–223.
- Шмидт Е. А.*, 2012. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск. 169 с.
- ЭССЯ. Вып. 6 (*e – *golva). М.: Наука, 1979. 222 с.
- Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В.*, 2012. Псков // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М. – Вологда: Древности Севера. С. 139–159.

И. В. Курукин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Управление «Новоприсоединенными провинциями»: русская военная администрация в городах Ирана в 1723–1732 годах

Резюме. В статье представлен анализ организации управления «заморскими» владениями Российской империи эпохи Петра Первого, а именно прикаспийских территорий, включенных в структуру государства после «Персидского похода» 1722–1723 гг. Отличия в природных условиях, социально-политическом устройстве и образе жизни определили специфику взаимодействия власти в лице экспедиционного «Низового корпуса» и обитателей новых провинций. Это был первый опыт организации власти в столь отличном от привычных российских территорий регионе, формировавшейся в процессе прямого знакомства русской администрации с восточной спецификой. Он выразился в соединении новых административных органов с местными институтами, в активном вовлечении местных обывателей, в частности в систему организации правопорядка. За несколько лет армии удалось навести на приобретенных землях относительный порядок. Тем не менее, молодая империя оказалась не готова к освоению и управлению отдаленными заморскими провинциями. Власти столкнулись с неприятием чужого господства в стране с устойчивыми традициями государственности, а освоение природных богатств при недостатке инфраструктуры и капиталов оказалось слишком трудным делом.

I. V. Kurukin

Control of the “Newly Annexed Provinces”: Russian Military Administration in the Cities of Iran in 1723–1732

Abstract. The article presents an analysis of the organization of control of the “overseas” possessions of the Russian Empire of the era of Peter the Great, namely the Caspian territories included in the structure of the state after the “Persian campaign” of 1722–1723. Differences in natural conditions, socio-political structure and way of life determined the specifics of the interaction between the authorities in the person of the expeditionary “Grassroots Corps” and the inhabitants of the new provinces. This was the first experience of organizing power in a region so different from the usual Russian territories, which was formed in the process of direct acquaintance of the Russian administration with Eastern specifics. He expressed himself in the connection of new administrative bodies with local institutions, in the active involvement of local inhabitants, in particular in the system of organizing law and order. For several years, the army managed to restore relative order on the acquired lands. However, the young empire was not ready for the development and management of remote overseas provinces. The authorities were faced with the rejection of foreign domination in a country with stable traditions of statehood, and the development of natural resources with a lack of infrastructure and capital turned out to be too difficult.

Итогом «Персидского похода» Петра Первого 1722–1723 гг. стало присоединение к империи прибрежной части современных Дагестана, Азербайджана и Ирана (провинции Гилян). Пребывание экспедиционного «Низового корпуса» в «новоприсоединенных провинциях» в 1722–1735 гг. стало первым опытом по организации управления «заморскими» владениями, отличавшимися от метрополии природными условиями, социально-политическим устройством и образом жизни его обитателей.

Офицеры и солдаты корпуса подавляли «бунты», организовали сбор налогов, по указам Петра собирали сведения о природных ресурсах. Там, где управление было изъято из рук местных ханов и визирей, появились новые административные органы. Российские владения на южном берегу Каспия именовались провинциями – Лагиджанской, Гилянской, Кескерской, Астаринской, Кергеруцкой, Аджеруцкой, Ленкоранской, Кызылагачской. Провинции делились на «уезды» или «волости», которые, вероятно, были не нововведенными, а названными по-русски прежними административными единицами – «магамами». В провинциальных и уездных городах находились российские гарнизоны и коменданты; они следили за состоянием крепостей, ведали сношениями с окрестными «владельцами», выдавали купцам паспорта и выделяли им в случае надобности воинский конвой.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники скупо свидетельствуют о том, как именно военные власти осуществляли управление занятыми провинциями. В Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ), РГАДА и РГВИА отложилась переписка командующих «Низовым корпусом» с Петербургом, документы военного и дипломатического ведомств и бумаги Сената о снабжении войск и расходах на их содержание. Однако повседневная документация, которая велась на уровне гарнизонных канцелярий и полковых штабов, представлена намного хуже и только фрагментарно входила в доношениях вышестоящих лиц.

Ставка командующего находилась в столице Гиляна – Реште. Большинство солдат и офицеров впервые видели восточный город, который и спустя сто лет не радовал глаз европейца: «... неправильно переплетенные улицы, нередко безвыходные, содержимые в большой нечистоте, немощеные, наводят скуку серыми стенами домов, идущих под один ряд; вместо ворот служат лазейки, в которые не пройдет лошадь» (Березин, 1852. С. 18).

По улочкам двигались арбы, сновали носильщики и работали ремесленники; на «мейдани-базаре» служилые видели россыпи замор-

ских «фруктов» и посещали харчевни с неизменным пловом. Рис и фрукты были дешевы, но цены на другие продукты иногда становились недоступными: в 1731 г. прибывший для ведения переговоров с шахом П. П. Шафиров отмечал дороговизну в Реште, когда баран стоил три рубля, а «плохая» курица – 30–40 копеек. Столица Гиляна была окружена «диким лесом и тузовыми садами (которым листьям шелковых червей кормят) так, что ни малых поль нет, кроме лесов» – таким увидел город в 1717 г. российский посол Артемий Волынский. Лес, кстати, пришлось вырубить, чтобы не давать возможность местным «партизанам» скрытно подбираться.

Другие городки выглядели иначе: «Кескер ... хотя и называется сие место город, однако ж и знака такова нет, понеже толко и строения один двор ханской и тот не огорожен, да три или четыре каравансарая (или гостиных двора) и при том несколько лавок пустых, в которых жители, приходя из лесов, в уреченные дни в неделе по два раза торгуют». В Астаре Волынский насчитал 50 «домов мужичьих», в Ленкорани – 200, а в Кызыл-Агаче – всего 30 и «поселение самое убогое»¹.

В Реште находились «провинциальная» канцелярия и ведавшая дипломатическими отношениями командующего «канцелярия персидских дел». В других провинциальных городах имелись свои «судные канцелярии», и их служащие с помощью местных «толмачей» и мулл отправляли правосудие «по-персидски». Однако сохранились лишь отдельные упоминания о тех или иных делах в донесениях командующих и несколько записных книг сбора пошлин и штрафов, которые командование считало нужным иметь для финансовой отчетности.

С какими процедурами отправлялось правосудие, неизвестно, однако российские офицеры сталкивались с восточной спецификой. Помимо обычных случаев воровства и драк, военные власти разбирались и с более сложными вопросами – например, решали, кому из наследников принадлежит спрятанный покойным хозяином дома кувшин с 400 рублями; вершили судьбу «девки» Зейнели и «женки» Ризахани, которые «были зговорены», но выходить замуж «не похотели»; наказывали «мужика» Мумина Али за то, что «жил блудно з безмужнею женкою» 20 рублями, или брали едва ли понятный русскому человеку штраф в три рубля с гуляк, «которые будучи в ночное время тайно пили чихир и были пьяне»; регулярно взимали сборы «с обывателей,

---

¹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1715–1718. Д. 2. Л. 572, 573 об.–574.

которым по прошениям приказано женитца на спорных за другими мужиками девках»².

Самому командующему, генерал-лейтенанту В.Я. Левашову пришлось разбирать случай с рештцем Идаятом Агасейновым и двумя его друзьями, которые «в ночное время... пили чихир и имели содомство»; за удовольствие они заплатились штрафом в 50 рублей каждый, а еще десять рублей заплатил хозяин гостеприимного дома. В другой раз он же решал конфликт внутри индийской общины Решта, когда один из ее членов, некий Багир Ругаев, «обусурманился» и «ел с мухаметанами чурека», после чего другие индийцы его «от себя отрешили и пить и есть с ним не стали»³. А ранее, в 1725 г. предшественник Левашова генерал-лейтенант М. А. Матюшкин разбирал «ссору» дербентских армян и их епископа с местными мусульманами. Поводом к ней послужила судьба купленной местным и вполне лояльным правителем-наибом за 350 рублей «девки ясырки черкески», которую он хотел «везти в подарок его величеству государыне императрице» Екатерине Первой; однако некий армянин «свел» пленницу со двора наиба и укрыл у своего епископа Мартироса. В результате наиб пожаловался на армян, которые, по его словам, «будут и жен наших уводить», а армяне грозились уйти из Дербента⁴ (см.: Черкешенка ... 1911).

Наиболее частыми «гостями» военной юстиции были «бунтовщики». Для них организовали привычную систему «розыска» по политическим делам: подозреваемые бывали «пытаны, биты кнутом и жжены огнем», хотя до этого дело доходило лишь в случаях выступлений с оружием против русских властей или разбоя. Обычными наказаниями были денежные штрафы. Они взимались за «необъявление бунтовщиков», «хранение пожитков бунтовщика», «необъявленное ружье», что обходилось виновному в приличную сумму – 25–30 рублей. Брали и меньше (очевидно, учитывая платежные возможности «ребелизантов»); например, явившийся «бунтовщик Амады» отделался штрафом всего в 17 рублей и 40 копеек, «оговоренные» же, но так и не признавшиеся в «переносе ведомостей» повстанцам «мужики» отдали всего по десять рублей. Платить приходилось и родственникам; так, под стражу угодили и за 50 рублей были отпущены две «бунтовские жен-

---

² Эти и другие примеры взяты из приходно-расходной книги штрафов и всяких сборов за 1730 г. (см.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 116–160).

³ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 123 об., 124 об.

⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1726. Д. 4. Л. 85–86.

ки», чьи мужья были «на акциях от россиян побиты», – дамы, очевидно, не стеснялись в выражениях в адрес русских властей.

Цитируемая книга сбора штрафов упоминает, что подследственные платили «за скорое освобождение» от 15 до 50 рублей – и выходили на волю. Жителю Лашемадана Усейну пришлось заплатить целых 200 рублей – но и вина была немалой: в 1731 г. он подкупил «российского шпиона» Держиду и приказал тому «привести в Лашемадан бунтовщиков и зажечь дом скороходского старосты», служившего русским; еще на 300 рублей были оштрафованы крестьяне деревни Пишегураб – за то, что знали про подкуп, но не донесли⁵. С другой стороны, верноподданных власть поощряла; сам Левашов выдал «премию» в 500 рублей «обывателям», которые осмелились напасть на повстанцев.

У опасных «бунтовщиков» конфисковывалось движимое и недвижимое имущество (например, дома или караван-сарай), которое описывалось офицерами и, как это было принято в России, продавалось с торгов или сдавалось на откуп. Предводителей после «розыскных» процедур казнили; так, в начале 1729 г. на площади Решта был повешен за ребро местный «главный бунтовщик и всенародной развратник» Хаджи Мухаммед. «Удивительно о поганом здешнем народе! – сокрушался в донесении по этому поводу Левашов. – Ведая онного плута по достоинству к наказанию, со всех сторон многое множество народу собралось, и многие, утаеваясь под боязнию, вздыхали и плакали, ибо всех поморских краев якобы о избавлении от России надежда на онного была»⁶. Казненный, похоже, был «бунтовщиком» убежденным и, по словам генерала, брал пример с атамана Стеньки Разина, который якобы гостил у его отца, а самого Мухаммеда называл «сыном».

Командиры учились общаться с местными обывателями и привыкали к восточному обхождению. Перед смертью от тяжелой болезни летом 1728 г. комендант Астары генерал-майор Иоганн Штерншанц оставил завещание; оно попало к командиру корпуса В. Я. Левашову, и таким образом до нас дошел документ, повествующий об условиях службы офицера в северных провинциях Ирана. Приступив к исполнению обязанностей, пожилой генерал был озадачен являвшимися на его суд подданными: «Когда обыватель приходит к своему камандиру, то всегда что-нибудь с собой принесет, например, барана, вола, курицу, масла, яиц и прочее сим подобное. И понеже здесь много имеетца знатных людей,

⁵ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 250.

⁶ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1729. Д. 7. Л. 10–10 об.

юзбашей и беков, того ради один или другой из оных мне презенты давали лошадьми, каторми (мулами. – И. К.) и рогатою скотиною. Когда же такие презенты от них и принимать не хотел, что сначала и учинил, тогда оные были печальны...». Наверное, знакомые с традицией воеводского «кормления» русские офицеры считали подношения «рогатой скотиной» естественными, хотя таковые порой отличались экзотикой: в 1730 г. некий Ходжа Магомет поднес Левашову в дар «трех зверей дикобразов». Но честный немец был смущен простодушием обывателей. После разъяснений местного Мусы-хана о туземных обычаях Штерншанц освоился («и за такие презенты собрал я тысячу рублей»), но в завещании хотел отвести от себя упреки, что «нажил здесь имение»⁷.

На низовом уровне административные функции по-прежнему исполняли старшины, старосты и другие должностные лица сельских общин и городских кварталов. Столичный Решт российская администрация делила на три «слободы» (одна из них именовалась «Жидовской») и имела дело с выборными от них представителями, взимая с их помощью подати.

У русских появились добровольные помощники из числа «обывателей» в борьбе с «бунтовщиками». Среди них одним из самых усердных оказался городской старшина Решта, «калантар» Бабахан: он донес (за три батмана шелка) на «бунтовщика» Амаду Мамтакыева, а затем указал на «бунтовские деньги» в деревне Дилигеман (было «сыскано» 150 рублей) и на хранившего «пожитки бунтовщика» Ризу Керимова – тот «запирался», но был изобличен и «за скорое освобождение из-под караулу» расстался не только с «пожитками», но и с собственными 30 рублями. Бабахан помогал «сыскивать» имущество и других «бунтовщиков», за что получал шестую часть конфискованного деньгами и шелком⁸. Кстати, упомянутого выше предводителя повстанцев Хаджи Мухаммеда местные «обыватели» выдали «безденежно», хотя за его голову была обещана награда.

На службу брали местных «толмачей» – они заменяли выходивших из строя казанских татар (из присланных в 1724–1728 гг. сорока человек умерли 25); последних к тому же приходилось учить местной грамоте – это делал рештский мулла из «Базарной слободы» Гусейн Кулейманов, имевший десять таких учеников⁹. «Толмачи» служили верно, часто

⁷ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1728. Д. 8. Л. 103 об.

⁸ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 119 об., 121 об., 142.

⁹ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. Л. 141.

одновременно собирая для командования полезную информацию, так что даже жаловались на тех, кто называл их «сабаками» и «российскими шпионами»¹⁰. В «канцелярии персидских дел» при командующем состоял доверенный «писарь» Ага Эмин, которого Левашов отправлял с миссией к будущему шаху Надиру.

Достижением Левашова стало создание местных «сил правопорядка» – «доброконных скороходов». Представители этой корпорации, обеспечивавшей в Иране почтовую и курьерскую службу, пошли со своими «старостами» на русскую службу и вместе с регулярными частями действовали против мятежников. В феврале 1731 г. в составе «партии» капитана Бундова такой отряд из 100 человек в Фуминском уезде атаковал три сотни «разбойников» во главе с их предводителем Рустумом: «... по их обычаю во все голоса закрича «урус» и выневы сабли, на бунтовщиков смело поехали». Повстанцы были разгромлены, а их предводитель убит и повешен за ноги «на Мусулинской дороге»¹¹. Астаринские скороходы за службу были награждены красным сукном на кафтаны – по два с четвертью аршина на каждого.

Из них же генерал организовал разведывательную сеть. Его скороходы и прочие «шпионы» из местных регулярно направлялись из Решта в Ардебиль, Тебриз, Казвин, Исфахан, Хамадан, Мешхед, Кум, Кашан, Шемаху и другие города и через две-три недели возвращались с собранными сведениями и «слухами». Приходно-расходные книги администрации за 1729–1731 гг. содержат десятки имен этих людей. Их работа оплачивалась из «неокладных сборов», и эти «безгласные деньги» оставляла от трех-четырех рублей в случае ближних «походов» до 14–15 рублей при возвращении из Исфахана и мест более отдаленных; в холода плата шла «для зимнего времени с излишеством». Отличившихся генерал награждал по персидской традиции дорогими халатами.

Одним из лучших агентов Левашова стал уроженец Казвина «шпион Алмамет Акбердиев (он же Алквердиев), который в течение нескольких лет совершал опасные путешествия из Решта. В 1726 г. он принес данные о турецком гарнизоне Ардебиле и поражении турок при Хамадане; в 1729-м в канцелярии Левашова информатор рассказывал о движении турецкой армии, о зверствах янычар «над жителями тевризскими». В 1730-м он побывал в лагере персидских войск и был очевидцем «при баталии с турками» под Тебризом; победе соотечественников – «персиян»

¹⁰ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. Д. 13. Л. 146.

¹¹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 6. Л. 189 об.-190.

Алмамет был, видимо, искренне рад – до такой степени, что начальнику «оной шпион сумнителен показался», однако продолжал служить верно и «доносить» ценные сведения¹².

Скороход Султан Мухамет Хусейнов не единожды отправлялся по маршрутам Решт – Казвин – Хамадан, Решт – Кум – Тегеран, Решт – Казвин – Исфахан и сам нанимал агентов в других городах. Сафар Аллакулычев стал «глазами и ушами» Левашова в афганском войске хана Эшрефа. Армянин Мурад Аврамов присутствовал в лагере шаха Тахмаспа и доставил русским информацию о причинах поражения персидского войска 5 сентября 1731 г., когда молодой шах не оценил сил противника и приказал своим отрядам атаковать готовую к бою турецкую армию. В это же время от имени Левашова другой его агент, Кулла Гамет Ходжимугаметев, прибыл в расположение турецкой армии Ахмеда-паши, предъявил ему печать генерала и получил сведения о том же сражении с другой стороны¹³. Еще один агент, Хаджи Мухиб Мухаметов, в 1731 г. под видом «индейского дервиша» сопровождал армию полководца и будущего правителя Ирана Надира в Афганистан и стал свидетелем осады Герата и сдачи города, когда голод и «смерд мертвых» стали невыносимыми для его защитников.

За несколько лет армии удалось навести на приобретенных землях относительный порядок. Но развернуть, как мечтал Петр Первый, освоение природных богатств Ирана оказалось слишком трудным делом. Войны и мятежи перечеркнули перспективы расцвета торговых путей от моря на Шемаху и Тифлис. Рухнул план построения «зборища для всего восточного купечества» в устье Куры – местные условия оказались более губительными, чем болота северной столицы. Для освоения заморских территорий в России не оказалось капиталов и торговых компаний; отсутствовала инфраструктура – перевалочные базы, дороги, суда, верфи. Казаки и солдаты не могли заменить предпринимателей, которых не хватало и в самой России.

Кроме того, власти столкнулись с неприятием чужого господства в стране с устойчивыми традициями государственности. Командующий «Низовым корпусом» в 1726–1727 гг. генерал-аншеф В.В. Долгоруков не понимал «персидскую самую глупость»: отчего они довольны победами завоевателей-афганцев над турками, но не желают при-

---

¹² См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 77. Л. 1160–1162 об.; АВПРИ, Ф. 77. Оп. 77/1. 1730. Д. 13. Л. 10–10 об.; Д. 14. Л. 80–81, 151.

¹³ См.: АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1731. Д. 7. Л. 203 об., 220 об., 221 об.

нять «протекции российской»¹⁴? А В. Я. Левашов в письме к вице-канцлеру А. И. Остерману из Гиляна искренне недоумевал: «И наше им внушение и разглашение, и обнадеживание, и угрождение, и наказание, и смертные казни, и злу начальных бунтовщиков домов огнем спаление ничто пользует; и многовременное наше увещание не на благую землю, но на камень падает и не укореняетца»¹⁵. Молодая империя оказалась не готова к освоению и управлению отдаленными заморскими провинциями, которые пришлось «не без великого убытку и тягости содержать».

Литература

- Березин И. Н., 1852. Путешествие по Северной Персии. Казань: Тип. Губернского правления и Университета. XII, 348, 72 с. 1 л.
- Черкешенка для императрицы Екатерины I // Русский архив. 1911. № 6. С. 293–296.

---

¹⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1727. Д. 8. Л. 4 об.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1725. Д. 9. Л. 8–9.

И. Л. Кызласов
Институт археологии РАН, Москва

Рунические надписи на алтайском ручье Карбан (К методике полевого изучения и описания наскальных граффити)

*Алексею Владимировичу Чернецову,
медиевисту-знатоку и доброму полевику*

Резюме. В статье публикуются две надписи, соседствующие на одной скальной плоскости на реке Карбан в Горном Алтае. Они выполнены разными руническими алфавитами – надежно читаемым енисейским и все еще нерасшифрованным южноенисейским, а также разными инструментами и в разной письменной манере. Представлен вариант прочтения, перевода и понимания енисейской строки как сакральной отметки сибирско-тюркского манихейства. Согласно показанному культовому соседству южноенисейских и енисейских строк, намеренно размещенных в нише скалы из-за стремления молившихся приблизить свои письма к горному нутру, недешифрованное письмо принадлежало к той же религиозной среде, что и енисейские надписи на скалах, т. е. к сибирско-тюркскому манихейству.

I. L. Kyzlasov. Runic Inscriptions on the Altai stream Karban (On the Method of Field Study and Description of Rock Graffiti)

Abstract. The article publishes two inscriptions adjacent on the same rocky plane on the river Karban in Gorny Altai. They are made in different runic alphabets – reliably readable Yenisei and still undeciphered South Yenisei, as well as different tools and in different written manner. A variant of reading, translation and understanding of the Yenisei line as a sacred mark of the Siberian-Turkic Manichaeism is presented. According to the shown cult neighborhood of the South Yenisei and Yenisei lines, deliberately placed in a rock niche due to the desire of those who prayed to bring their letters closer to the mountain interior, the undeciphered letter belonged to the same religious environment as the Yenisei inscriptions on the rocks, i. e. to the Siberian-Turkic Manichaeism.

В полевой сезон 2006 г. на Саяно-Алтайском нагорье работала совместная Казахстанско-Российская эпиграфическая экспедиция, организованная казахскими коллегами. Полевые работы проходили два месяца, с 17 июня по 6 августа, под совместным руководством заведующего Лабораторией эпиграфики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана) Каржаубая Сарткожаулы

и автора этих строк (Кызласов, Сартхожаулы, 2009. С. 602–603). Экспедиционная группа состояла из четырех человек, включая заведующую Методическим кабинетом Государственного исторического музея (г. Москва) Людмилу Петровну Мылтыгашеву (2007; 2008) и студента-археолога 4-го курса ЕНУ им. Л. Н. Гумилева Жантегина Каржаубайулы (он же – водитель экспедиции). Работы носили маршрутный характер и охватывали пять южносибирских субъектов Российской Федерации: части Алтайского и Красноярского краев, республики Алтай, Тыва и Хакасия.

Казахские ученые планировали издание атласа рунических надписей Южной Сибири в продолжение начатой ими серии эпиграфических исследований. Первый ее том был посвящен памятникам Тюркских каганатов VII–VIII вв., изученных на землях Монголии (Жолдасбеков, Сартқожаұлы, 2005; Жолдасбеков, Сартқожаулы, 2006). В 2006 г. стояла задача ознакомить коллег с памятниками трех рунических систем письма, применявшихся в VIII–XIII вв. на Саяно-Алтайском нагорье: енисейской (классической и двумя ее палеографическими вариантами: алтайским и тувинским), младшей орхонской и южноенисейской (алфавитное членение памятников см.: Кызласов, 1994). Две первые системы давно известны и достоверно читаются, третья выделена в 1987 г., представлена лаконичными надписями и до сих пор не расшифрована.

Экспедиция вела сбор эпиграфического материала, поиск новых и изучение известных рунических надписей, расположенных в местах их создания: на скалах и стелах в долинах Саяно-Алтайского нагорья. В Республике Алтай успеху предприятия весьма способствовало привлечение к работам археолога Виктора Александровича Кочеева (г. Горно-Алтайск, Национальный музей Республики Алтай), которому приношу глубокую благодарность.

История и условия изучения надписей

Представленные здесь надписи на ручье Карбан указаны нам В. А. Кочеевым 24 июня 2006 г. Письменный памятник был открыт задолго до этого, в 1988 г., В. Н. Елиным и В. И. Соёновым (1990. С. 167–168, рис. 16, 2) (упоминание об этом см.: Елин, 1989. С. 225). Исследователи опубликовали прорисовку граффити, отметив две строки надписей. Материалы были переданы для изучения С. Г. Кляшторному. В тот же полевой сезон 1988 г. независимо от археологов скала была обследована Е. П. Маточкиным (1990. С. 153), также обнаружившим обе рунические

надписи. Описание и прорисовка были изданы этим исследователем совместно с С.Г. Кляшторным, предпринявшим и попытку прочтения (Кляшторный, Маточкин, 1991). Историю обнаружения письменного памятника см. также (Кубарев, 1990. С. 11; Кочеев, 2006. С. 7. № 1 – учтена только длинная строка Карбан I). Вскоре она получила палеографическое определение в качестве первой обнаруженной на Алтае надписи южноенисейского алфавита и была наделена соответствующим индексом Ю 18 (Кызласов, 1994. С. 316–318).

В истории изучения наскальных надписей на ручье Карбан, как в капле воды, отражаются все основные слабости современной тюркской рунологии. Их разбор имеет общее методическое значение.

Не имея тогда возможности изучить оригинал, я в 1994 г. указал на историю открытия памятника и его библиографию, а также издал обе прорисовки, опубликованные первооткрывателями, убрав с них не относившиеся к делу детали. Необходимость издания обеих прорисовок и их первичного уточнения диктовалась и поныне существующей, многократно подтверждаемой особенностью начальной полевой работы с эпиграфическими памятниками.

Наскальные рунические строки находит и фиксирует не медиевист-тюрколог, а интересующийся древними петроглифами археолог, художник или краевед. Даже у высоких специалистов, посвятивших свою жизнь изучению и искусному документированию древних изображений на Енисее или на Алтае, исключительно редко получаются точные воспроизведения рунических строк, вырезанных на камне тонкими бороздками. Причина понятна: работая с надписями на открытых, веками подверженных природному и людскому воздействию скальных поверхностях, надо хорошо знать применявшийся писавшими набор и облик письменных знаков. Это редко осознается археологами, действительно способными отличить рукотворное от естественного и оправданно доверяющими своему многолетнему опыту работы с петроглифами, но не знающими рунической азбуки.

Надо сказать, что тюркологи обычно также неспособны на месте правильно воспринять написанное. Профессионально сформировавшиеся на книжных рунологических пособиях, они не подготовлены к работе с камнеписными памятниками: знания рун и тюркских языков здесь недостаточно. Такая работа требует навыков изучения подлинников на иссеченных поверхностях скал или стел, не присущих филологам. Необходимо видеть и отличать намеренные рукотворные борозды и углубления от естественных и случайных повреждений, равно как

и не смешивать первоначальные резы или выбоины с более поздними, не относящимися к самой надписи. Даже в музейных условиях, у высеченной на щелеватом камне енисейской эпитафии довелось из уст опытного лингвиста услышать недоуменное: «Как же здесь можно что-нибудь разглядеть?».

Тюркская рунология – это не филология. Это особая отрасль науки, более всего принадлежащая к эпиграфике, в меньшей степени – к археологии. Она невозможна без полевой практики.

Два прошедших века субъективность восприятия надписей стремились превозмочь контактными методами их документирования – эстампированием и различными способами копирования. Однако и то, и другое требует специальной квалификации. До определенной степени делу помогает ныне цифровая фотофиксация, применение которой имеет свои недостатки¹.

Заложенная академиком В. В. Радловым отечественная традиция изучения филологами подлинников рунических надписей на месте их обнаружения или в музейных коллекциях (С. Е. Малов, И. А. Батманов, А. М. Щербак, Д. М. Насилов, А. С. Аманжолов, К. Сейдакматов, В. М. Надеяев, И. В. Кормушин) требует дальнейшего развития и совершенствования. Нашей науке нужна специальная подготовка рунологов-эпиграфистов, способных соединить в себе археологический и тюркологический опыт. Филологи получают для исследования лишь результат работы эпиграфиста. И поэтому руническая эпиграфика – это вспомогательная дисциплина. Но только она в состоянии предоставить языковедам твердую почву для исследований.

В июне 2006 г. мне довелось обследовать подлинник письменного памятника на ручье Карбан, в том числе убедиться в существовании на скале второй рунической надписи (Карбан II), в чем не позволяли увериться издания предшественников.

Германско-Российская группа тюркологов, организованная для составления электронного свода рунических надписей Алтая, также исследовала граффити Карбана на месте. Когда это происходило, не сообщается – вероятно, в 2006–2008 гг., поскольку разработанный группой сайт www.altay.uni-frankfurt.de был представлен в Горно-Алтайске в 2009 г. На нем, как и в других случаях, надписи Карбана, получившие

---

¹ К сожалению, тюркологические поиски ведутся в этой области в отрыве от общего, весьма успешного опыта, накопленного в эпиграфической науке (см.: *Авдеев, Свойский, Романенко*, 2019).

не связанный с алфавитной принадлежностью региональный каталожный индекс А 50, представлены в кратком описании, графической прорисовке и хорошем фотоснимке (https://www.altay.uni-frankfurt.de/A50/KARBAN_F.JPG). Материалы сопровождаются транслитерацией обеих строк и транскрипцией, предложенной лишь для четырех последних знаков южноенисейской надписи Ю 18, для которых выбрано прочтение <...>ok(i)yu-a <<...> «зоя / читая».

Со времени нашей поездки 2006 г., кроме указанного сайта, были изданы два крупных отечественных атласа рунических надписей Горного Алтая. Говоря здесь лишь об отдельно взятом местонахождении на ручье Карбан, отмечу, что оба они не учли мое издание 1994 г. и, имея по преимуществу регистрационный характер, не устранили необходимости введения в науку результатов наших полевых наблюдений.

В 2012 г. две соседствующие на скале строки Карбана были опубликованы в построенном по германскому сайту печатном каталоге Л. Н. Тыбыковой, И. А. Невской и М. Эрдала (2012. С. 144–145. Рис. 174, 175) в хорошей фотографии, с которой можно работать. Точнее предшественников выполнена здесь и графическая прорисовка. Авторы признают невозможность прочтения надписи из-за наличия в ней не-орхон-енисейских знаков, однако, приводят прежние противоречащие этому комментарии С. Г. Кляшторного. Палеографического определения граффито Карбан I не дано, хотя книга 1994 г., где это сделано, указана среди использованной литературы, а знакомый исследователям по тому и другим моим изданиям термин «южноенисейский (алфавит)», применяется в каталоге в отношении рунических знаков (Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012. С. 25)². Позднее И. А. Невская, признавая в надписях Алтая «нетипичные рунические знаки, сравнимые с встречающимися в южноенисейском алфавите», проиллюстрировала их изданием прорисовки строк Карбан I и II, отчего-то ошибочно именуя их «надписью Катанда, которая до сих пор не дешифрована» (Nevskaya, 2015. Р. 107. Fig. 4).

² Характеризуя орфографию надписей Алтая (Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012. С. 25; Nevskaya, 2015. Р. 107, 108), авторы, используя те же памятники, без отсылки заимствуют из моих работ (в том числе изданных в Горно-Алтайске при участии Л. Н. Тыбыковой – см.: Кызласов, 2002) впервые произведенное в науке разделение рунических памятников на разные орфографические типы, позволившие читать характерные надписи. Тем же образом в атласе применены наименования типов правописания данные мною (Кызласов, 1996; 1997; 1999а; 2002. С. 2, 29, 36–40, 43, 44–48). Беззастенчивы авторы и с трудами других исследователей, излагая от своего имени рукописные и изданные материалы и наблюдения Д. Д. Васильева (2013. С. 8, 9), а также историографические наработки и оценки В. А. Кочеева (2006).

Две разных по алфавитной принадлежности надписи Карбана восприняты авторами как единый текст и, вопреки изучению на месте и верному воспроизведению вертикальных строк подлинника на прорисовке и фото, отчего-то именуются, как и на сайте, нижней и верхней. По-прежнему приведено в атласе и прочтение конечных знаков строки нерасшифрованного южноенисейского письма.

Д.Д. Васильев (2013. С. 205–207) поступает так, как должно ученому, самому не видевшему надписей, – переиздает известные ему прорисовки очевидцев. Приводя прочтения С.Г. Кляшторного и (фрагментарное) авторов каталога 2012 г., исследователь также отмечает наличие знаков с неизвестным значением. К сожалению, в этом корпусе нет указания на вертикальность строк надписей, а воспроизводящие их прорисовки без комментариев даны в горизонтальном положении, что вводит в заблуждение читателя. В сопроводительном описании допущены ошибки в указании года открытия памятника и авторстве одной из его прорисовок.

В отношении нашего памятника составители обоих сводов, как и во всех иных случаях, не придают никакого значения, не фиксируют, не описывают и не осмысляют условия нанесения изучаемых надписей, тем игнорируя сам факт их создания не в келейно-кабинетной, а в природной среде. Изучение надписей сводится лишь к двум сторонам, искусственно изолированным от их внутреннего содержания – к филологическому и, в меньшей степени, к палеографическому разбору. При таком подходе эпиграфический памятник воспринимается исключительно как текст, из-за чего теряются его сущностные качества, определяющие глубинные культурные связи, проявленные в самом акте применения письменности и вынесения его в природу. Наскальные надписи попросту исключаются из живой ткани письменной культуры создававшего их общества, отторгаются от тех форм духовности, которые определяли и причину, и смысл нанесения камнеписного текста.

Специально проработав эту область, нельзя не видеть, что палеографическое членение, поныне непривычно для тюркологии, все еще заедино воспринимающей массив руноподобных надписей степной Евразии. В угоду неверной идее общетюркского рунописьменного единства игнорируются объективно существующие и основательно выявленные возможности до всякого чтения установить конкретную хронологическую, историко-политическую, образовательную и этнокультурную среду создания любого письменного памятника. Хотя первичная значимость палеографического анализа очевидна, она все еще недопонята – меж тем лишь на определении алфавитной принадлежности

базируется отнесение текста к читаемым или недешифрованным пока системам. Последнее сразу выявляет бесосновательность любой транскрипции (в данном случае, в отношении строки Карбан I, нанесенной южноенисейскими знаками).

Сам процесс документирования памятника принадлежит к палеографии и требует полноценной фиксации его внешнего вида: объекта, наделенного надписью; строки и ее положения; облика каждого знака; примененного на письме инструмента. О понимании объекта (носителя) граффито речь впереди. Недопустимо столь часто выказываемое рунологами невнимание к вертикальному положению направленной снизу вверх камнеписной строки, при описании и воспроизведении без оговорок разворачиваемой ради удобства нашего восприятия. Такое изъятие текста из реальной культурной среды скрывает яркую самобытность алтайских надписей – помимо этой горной страны нигде более таким образом не располагали надписи на скалах. Там, где это иногда случалось (в Монголии и Казахстане, совсем редко – в Туве и Хакасии), проявлялось и иное влияние алтайской школы письма. Истоки и природа этой традиции еще не познаны.

Последовательность начертания письменного знака обычно хорошо различима, если он не выбит, а вырезан. Очередность нанесения борозд выявляется при их пересечении. При правосторонности рунического письма и каждый его знак выводился естественным образом – справа налево. Если, вопреки направленности строки, знаки выведены слева направо, начертательные особенности выявляют первоначальное освоение писавшим левостороннего письма – руническая грамота была человеком воспринята вторично. Ничто, кроме учебной записи из урочища Тойок, в которой значение рун пояснено ранее их постигнутыми писавшим манихейскими буквами (*Le Coq*, 1909; *Кызласов*, 1994. С. 106–109. Рис. 10; 1998. С. 76, 77. Рис. 2), не скажет нам об этом, исключая, рассматриваемые здесь наскальные надписи (другую группу составляют надписи на металле). Ради фиксации столь важной особенности разработана простая графическая схема, воспроизводящая порядок начертания рун и иных резных знаков (*Кызласов*, 2000. С. 86, 88, 112. Рис. 2, 7, 9; 2010. С. 55, 57. Рис. 11, 14; 2013а. С. 168, 169. Рис. 4, 7).

Изданные атласы горноалтайской эпиграфики побуждают подробнее рассмотреть возможности прочтения наскальных надписей.

Жаль, что у исследователей не возникает вопроса, почему рунические строки нанесены на скалу. Между тем, на Саяно-Алтайском нагорье яснее, чем в иных местах, проступает особое отношение когда-либо

живших здесь людей к окружающей их горной природе. Отправления горных культов засвидетельствованы археологами для всех этапов местной культуры, начиная с неолита. У коренного населения Южной Сибири эти культы существуют поныне. По основам восприятия мира все народы Саяно-Алтая искони принадлежат не к степнякам, а к горцам.

Однако на формирование национальной психологии неизменно влияет не только природный, но и исторический ландшафт, в котором с далеких времен существовали все жившие на этих землях народы. Определяющей особенностью здешней местности являются многочисленные зримые древности, археологические памятники, некогда сооруженные из камня курганы, стелы, изваяния, горные и долинные крепости.

Наглядными свидетельствами горных культов служат повсеместно распространенные наскальные рисунки, непрерывно существующие на Саяно-Алтайском нагорье с конца каменного века вплоть до традиционных этнографических культур. Рунические наскальные надписи, как было специально показано в литературе, непосредственно сменяют в Южной Сибири рисуночный этап горных поклонений. Обычно тяготея к скоплению раннесредневековых петроглифов, они выказывают прежнее почитание тех же скальных поверхностей. Однако, в отличие от Хакасии, на Алтае и в Туве надписи нередко не только соседствуют, а и перекрывают такие изображения. Рунические строки бываюют вырезанными даже поверх рисунков, нанесенных тюркскими народами, в общем-то, незадолго перед письменами, еще в VI–VIII вв. (Кызласов, 2008. С. 452–458. Рис. 1–10). К таким изменениям прежних верований привело официальное принятие вслед за Уйгурским каганатом (вторая треть VIII в.) Древнехакасским и Кимакским государствами манихейства – книжной мировой религии того времени. Особое значение имело восприятие этим исповеданием существовавших местных рунических письмен тюркоязычных народов. С этих пор в Южной Сибири и Монголии, а затем под сибирско-тюркским манихейским влиянием и на западных землях – в Казахстане и Кыргызстане – появляются рунические надписи на скалах (Кызласов, 2001а; 2008. С. 452–458; 2012; 2013б; 2019).

Именно эти, названные мною, но не учитываемые рунологами обстоятельства, во всех случаях определяют содержание любой наскальной надписи. Контекстом каждого лаконичного начертания является несущая его скала, выказывающая каменное естество почитавшейся людьми горы. Непонимание условий нанесения граффито – главная причина произвольных прочтений, полностью дискредитирующих филологическую сторону работы.

Краткие рунические надписи, в каждом отдельном случае не имея ясного для нас смысла, на деле представляют собою особый жанр эпиграфики, объединенный совокупным содержанием. Единым контекстом для них является та историко-культурная ситуация, которой была всецело подчинена камнеписная практика. Без понимания общественных условий, отраженных в кратких наскальных надписях, тех смысловых пределов, в которых они бытовали, они не могут быть правильно прочитаны, дать достоверных данных о языке.

Во всем неисторично и потому изначально ошибочно переносить на средневековые современные обыденные представления, полагая, что в ту эпоху к скале мог подойти, кто угодно и написать, что угодно. В таком отношении к средневековым граффити на деле проявляется неосознанное нашими современниками представление о духовной неразвитости и отсталости тюркоязычных обществ далекой поры (ср. не раз высказанное рунологами убеждение в неграмотной имитации енисейских эпитафий бродячими грамотеями и т. п.). Так или иначе, но об этой историковедческой слабости нашей рунологии уже не раз доводилось говорить в профессиональной среде и писать в востоковедных изданиях (Кызласов, 2005а. С. 431–448; 2018а).

Во всяком древнем и раннесредневековом обществе жила убежденность в том, что письменность – дар божий, доступный лишь посвященным, т. е. сфера религиозной жизни. В отношении тюркской рунологии не всегда осознается общеизвестное и потому стоит напомнить, что рождение всякой древней письменности произошло внутри религии и осуществилось благодаря осознанной культовой деятельности специально обученного профессионального жречества. Какая религия издревле владела руническим письмом (а значит, имела Писание), ныне неизвестно. Но такая древняя религия в Южной Сибири была. Археологические работы последних десятилетий показали, что в конце VIII в. она была побеждена, а к XI в. вытеснена манихейством. Древняя сакральность енисейского рунического письма подтверждена восприятием его пришлой религией в качестве собственной священной письменности.

Распространение грамотности среди мирян, наблюдаемое в эпоху рунического письма (Кызласов, 1999б), проводилось не ради светской образованности и праздного использования, а в целях объединения духовенства и паствы общностью верований и обрядов. Енисейская руническая письменность, воспринятая в монастырях, разносилась манихейскими миссионерами (Кызласов, 2001б; 2004; 2012; 2013б; 2019).

Не существуй наша тюркская рунология в такой необъяснимой изоляции от прочих раннесредневековых отраслей эпиграфики, уже само расположение наскальных надписей на малой высоте от грунта вызвало бы в памяти исследователей широко известные факты аналогичного размещения надписей и посетительских крестов на стенах древнерусских церквей (см., например: *Высоцкий*, 1966). И не возникали бы у тюркологов сомнения, что у православных святынь и на горных обнажениях Алтая в равной мере писали коленопреклоненные люди (ср. позу современного копировальщика или фотографа на рис. 8 или на включаемых в издания случайных, жанровых фотоснимках (*Кляшторный*, 2005. Вкл. 8, 2; *Тыбыкова, Невская, Эрдал*, 2012. С. 27. Илл. 17; *Васильев*, 2013. С. 146; *Тыбыкова, Невская*, 2018. Рис. 1, 2); эти моменты полевой работы необходимо фиксировать обязательно). При полевом документировании письменного памятника необходимы указания на близость его к земле или основанию камня. Одного этого достаточно, чтобы понять молитвенное назначение надписи. И тем самым определить область ее возможного прочтения и понимания.

В целом рунология показывает, что манихейство, проникнутое проповедническим учением о возвышенном божьем Слове и Тексте, в южно-сибирских условиях восприняла отвечающие этому местные горные культы и привнесла в них письменные отметки верующих. Документирование не изолированных от условий нанесения эпиграфических памятников, позволяет понять, что они не только наносились у скальных подножий (что особенно отличает Алтай), но и, как в случае на ручье Карбан, намеренно размещались в нишах и расщелинах или близ них – молившиеся стремились приблизить свои письма к горному нутру.

Остается, пожалуй, указать на еще одно следствие, протекающее из отвергаемого мною подхода. Не вникая в природные условия создания письменных памятников, тюркологи-лингвисты не осмысливают и их поисковых признаков, потому даже в условиях плановой и многолетней полевой работы они не в состоянии самостоятельно отыскивать новые наскальные надписи. В итоге рунология, являясь весьма значимой областью тюркологии, поныне не способна сама обеспечить себя источниками, целиком завися в этом от краеведов и археологов.

Осознавая все сказанное, при обращении к результатам целенаправленной филологической полевой работы лучше исходить из постулата: краткие надписи, воспринимаемые как изолированные тексты случайного содержания, – не база для суждений о языке. Тюркской рунологии еще предстоит всерьез освоиться в этой области средневековой письменной культуры.

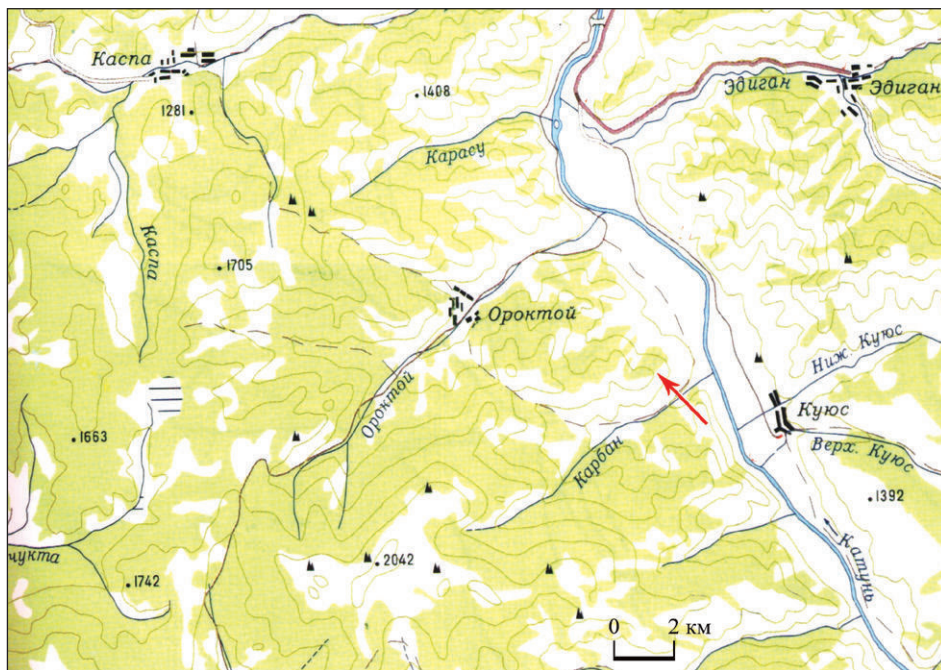

Рис. 1. Ручей Карбан на карте. Стрелка указывает на скальный выход с надписями

Условия расположения надписей на ручье Карбан

Публикуя здесь лаконичные наскальные надписи Карбана, важно в определенной мере представить, включая иллюстрации, основную методику необходимого полевого документирования эпиграфических памятников раннего средневековья, целиком определяющую их понимание³.

Письменный памятник расположен на левом берегу Катунь, против правобережной д. Куёс Чемальского района Республики Алтай (рис. 1; 2). Утес с граффити находится метрах в 60 от левого берега ручья

³ В отношении курганных начертаний, назначение и содержание которых также предопределено условиями нанесения, подобные публикации уже осуществлены (Кызласов, Нарылков, 2012; Кызласов, 2018б). Учтем, что именно благодаря этому подходу были в свое время установлены назначение, культурная принадлежность и датировка енисейских эпитафий (Кызласов Л.Р., 1960; 1965). Отсюда именовать наскальные надписи эпитафиями, т.е. видеть в них надгробные надписи, как это допускалось на раннем этапе рунологии (Малов, 1952. С. 45, прим.), ныне возможно лишь в отрыве от особенностей местной письменной культуры средневековья (Кубарев, Кляшторный, 2002. С. 78, 79). Подобно тому, как «типичная эпитафия» обнаруживается и в надписи на струнном музыкальном инструменте в Монголии, а «типичная эпитафия, написанная от первого лица» – на кургане раннего железного века в Хакасии (Osawa, 2014. С. 25; Осава, Мухарева, Есин, 2017. С. 55).

Рис. 2. Катунь близ д. Куяс.
За правой скалой, указанной стрелкой,
устье ручья Карбан. Вид с севера.
Здесь и далее фото автора, 2006 г.

Рис. 3. Устье ручья Карбан.
Северная часть горы.
Вид с берега Катуни

Рис. 4. Устье ручья Карбан. Южная
часть скалы. Размещение надписей
указано стрелкой. Вид с берега Катуни

Рис. 5. Скала с надписями на камне
у треугольной расщелины (в центре,
указана стрелкой). Вид с юго-востока от
ручья Карбан (течет в кустарнике
на переднем плане)

Карбан, на юго-восточной щеке крайней сопки южного отрога высокой горы, примерно в 150 м от берега Катуни (рис. 3; 4). Высота скалы с надписями 17–18 м (рис. 5). Выход серого сланца, несущий надписи, уходит внутрь горы низкой треугольной расщелиной (рис. 5, 6). Камень с рунами образует правую северо-восточную внешнюю сторону у входа в нишу (рис. 6; 7). Поверхность с двумя вырезанными строками смотрит на юго-запад и имеет высоту 160 см при длине в 230 см. Сланцевая порода сильно осыпается. Надписи расположены низко (рис. 8), обе они были нанесены коленноприклоненными людьми. Поверхность камня несет большое число резных рисунков, выполненных тонкими бороздами. Часть из них явно позднее рунических начертаний. Таковы антропоморфные фигуры и трижды вырезанный вертикальный зигзаг из четырех

колен (снятый мною с прорисовки) (рис. 9). Отнесение этих граффити к этнографической культуре алтайцев было правильно сделано Е.А. Окладниковой (1984. С. 58), работа которой указана Е.П. Маточкиным (1990. С. 153), напрасно оспорившим датировку рисунков из-за соседствующих с ними рун, ошибочного прочтения последних С.Г. Кляшторным и привлечения неверно хронологически и содержательно определенных петроглифов Бичикту-Бомома (Кляшторный, Маточкин, 1991. С. 65; *Matoškin*, 2015. Р. 89, 90).

Обе надписи в устье ручья Карбан представляют собою самостоятельные эпиграфические памятники. Они выполнены разными алфавитными системами (южноенисейской и енисейской), разными инструментами, вырезаны в разной письменной манере. Материалы 2006 г. позволяют ныне представить условия размещения надписей, их точные прорисовки и прочтение строки енисейского письма.

Левее надписи Карбан II можно было бы подозревать существование еще одной надписи из трех резных знаков (последний из которых

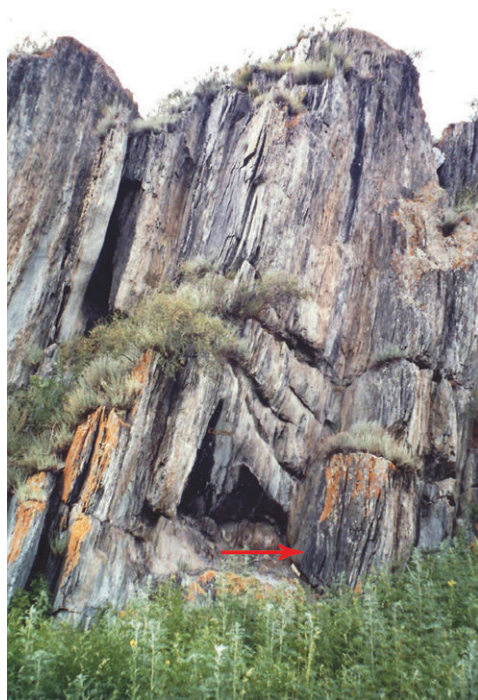

Рис. 6. Общий вид ниши и камня с надписями (указаны стрелкой)

Рис. 7. Камень с надписью. У основания линейка в 25 см. Вид с юга

Рис. 8. Археолог В.А. Кочеев рассматривает надписи Карбана

Рис. 9. Рунические надписи Карбан I и II. Общий вид плоскости с надписями и изображениями. Точкой отмечены осыпавшиеся участки, легким пунктиром – поздние борозды и рисунки. Прорисовка автора

Рис. 10. Надпись Карбан I. Знаки 1-5. Для удобства восприятия здесь и далее строка размещена горизонтально

имеет вид округлой арки) (рис. 9). Однако от этого предположения следует отказаться, поскольку два нижних реза – простые прямые линии, а в этом месте все перекрыто более поздними чертами, и первая из этих борозд расположена далеко от двух остальных.

Надпись Карбан I (Ю 18, рис. 9-14)

Строка вертикальна, нанесена снизу вверх. Первый знак расположен в 31,7 см от основания камня. Надпись состоит из 18 знаков, два из которых – словоразделители. Общая длина строки 21 см, высота букв – от 2,9-3,2 до 1,8-1,4 см, в основном – 2,6-2,5 см. При нанесении надписи инструмент резчика шел с наклоном направо, иногда сильным. В этих случаях (знаки 1 и 3) видно, что лезвие было плоским (рис. 10). По разной длине штрихов-словоразделов ясно, что инструмент не был специально предназначен для письма (рис. 9; 13; 14). Возможно, это был нож с тонким лезвием. Борозды, образующие буквы, наносились справа налево, что особенно ясно видно в облике 4-го знака строки (рис. 11). Резчик намеренно использовал имеющийся вертикальный выкол поверхности, располагая строку вдоль его края (рис. 9-14).

С.Г. Кляшторный с оговорками о сходстве двух букв с руноподобными письменами Восточной Европы прочел длинную строку как орхоно-енисейскую надпись: *oküz... jaladiñ qaŋ... (?) qij...* «Быка... ты прижёл (тавром)! (Его) кровь... проливай (? ты пролил?)». Сложности такого истолкования текста тюрколог напрасно объяснял плохой сохранностью и даже небрежностью исполнения надписи (Кляшторный, Маточкин, 1991. С. 66). На деле руны сохранились хорошо и различаются ясно. Прорисовки, опубликованные нашедшими надпись исследователями, отличались в передаче письменных знаков (и были переизданы при палеографическом определении (Кызласов, 1994. С. 316–318), ср. аналогичный подход (Васильев, 2013. С. 205–207)). Произошло это, прежде всего, потому, что форма самих букв была тогда незнакома ученым – надпись Карбан I оказалась выполнена южноенисейской письменностью. При выделении этой письменной системы в сводной палеографической работе надпись получила соответствующий индекс – Ю 18. Современный уровень знаний не позволяет прочитать этот краткий текст.

Надпись Карбан II (рис. 9)

Вертикальная строка второй надписи начинается в 35,4 см от основания скальной поверхности, на уровне 5-го знака первой строки, и размещена левее ее на 2,5 см. Она вырезана на ином слое каменной поверхности в 55 см от левого края плоскости. Надпись короткая, длиной всего 5,2 см. Ее образуют 4 буквы енисейского письма, высотой от 4,4 до 3,2 см. Знаки этого письменного памятника нанесены другой рукой, чем надпись Карбан I. Иным был и порядок образования букв, каждая из них выстраивалась слева направо. Вместе с тем, строка в целом писалась справа налево, о чем свидетельствует перекрывание правым нижним отводком 4-й руны основания дуги предшествующего 3-го знака.

По воспроизведениям 1988 г. понять надпись было невозможно. Предшественникам, как затем и российско-германской группе, не удалось в полной мере выделить рунические знаки из окружающих и перекрывающих их начертаний. Наиболее точно надпись приведена в прорисовке Е.П. Маточкина (Кляшторный, Маточкин, 1991), недавно воспроизведенной и Д.Д. Васильевым (2013. С. 206) и повторно самим Е.П. Маточкиным (Matočkin, 2015. С. 90. Fig. 2). Откликаясь на мое замечание (Кызласов, 1994. С. 318), Евгений Палладиевич дополнительно издал иную, подробную прорисовку Карбан II (Matočkin, 2015. Р. 91. Fig. 3), значительно превосходящую первоначальную лишними линиями. Копия коллективного каталога очищает буквы от посторонних резов,

Рис. 11. Надпись Карбан I. Знаки 3-8

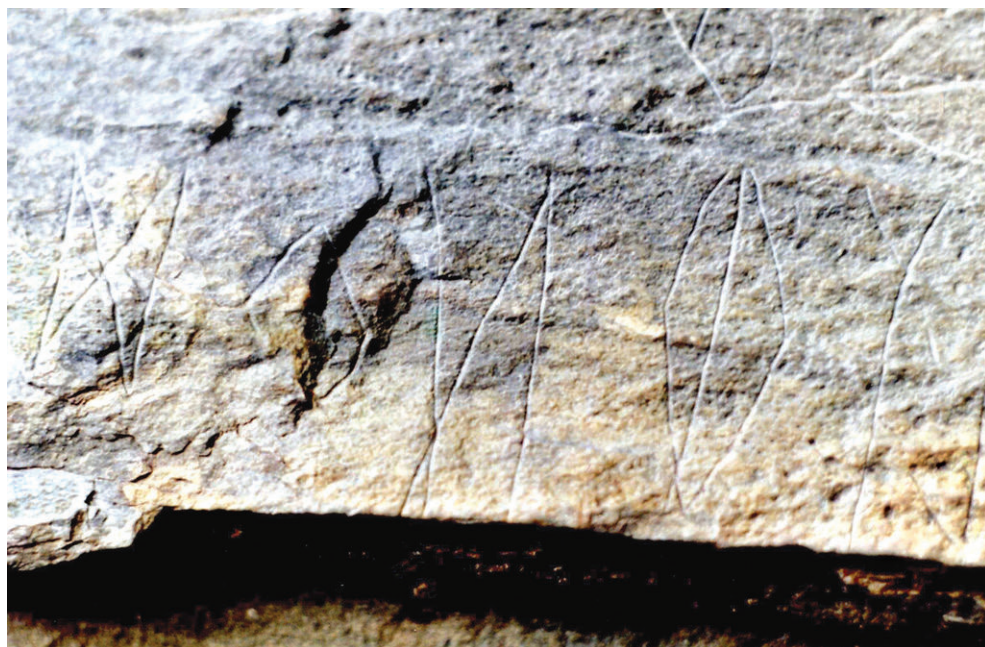

Рис. 12. Надпись Карбан I. Знаки 6-10

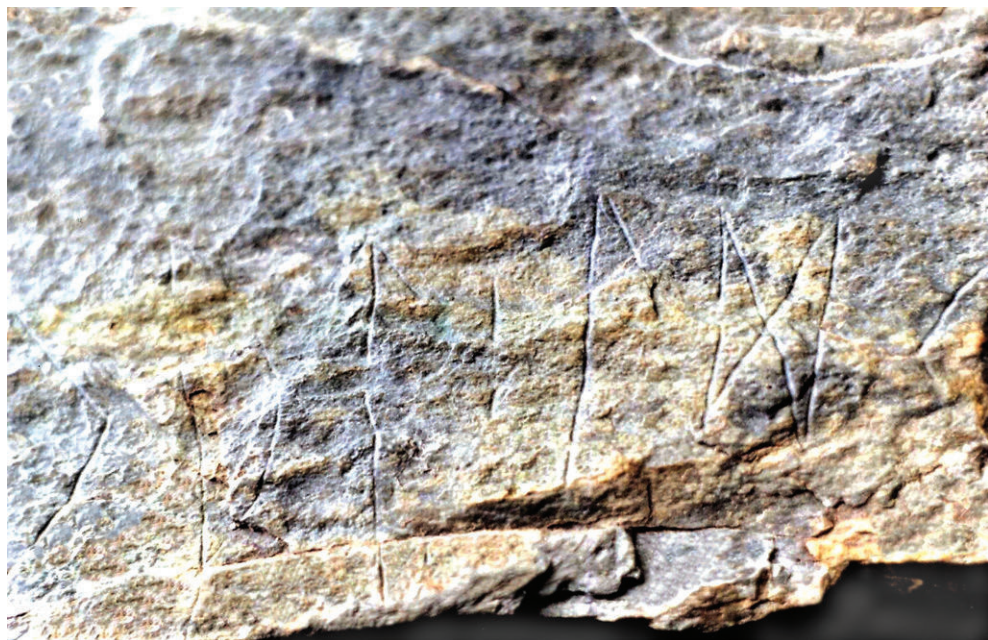

Рис. 13. Надпись Карбан I. Знаки 9–15

но передает лишь часть третьего письменного знака, что вызвало у авторов неуверенность в восприятии граффито в целом (Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012. С. 146. Илл. 175). Не относящиеся к надписи черты в прописи Е.П. Маточкина не позволили С.Г. Кляшторному правильно понять две последние руны строки. Приняв их за буквы ∇ «а» и $\mathbf{M}$ «г¹», тюрколог домыслил еще и ошибку резчика, якобы не дописавшего слова. В итоге было предложено прочтение: *ülāṇ ar(iṇ)* «Разделите! Отделите!». Такая сентенция не объясняет смысла ее нанесения на скалу. Одно то, что данное восприятие надписи содержит лишь глаголы в повелительном наклонении, позволяет усомниться в правильности прочтения.

Возможности надуманного прочтения по-тюркски всяких свободно взятых резов существуют реально. Ибо редкие системы письма в такой степени, как руническое (опускавшее обозначения гласных звуков во многих позициях), и редкие языки в такой степени, как тюркские (знающие множество слов, состоящих из одного слога), благоприятствуют произвольному подходу. Императив в тюркских языках обычно не имеет показателя и часто также представляет собой односложную глагольную основу, на руническом письме передаваемую единственной руной для согласного. Возникает соблазн и опасность слишком

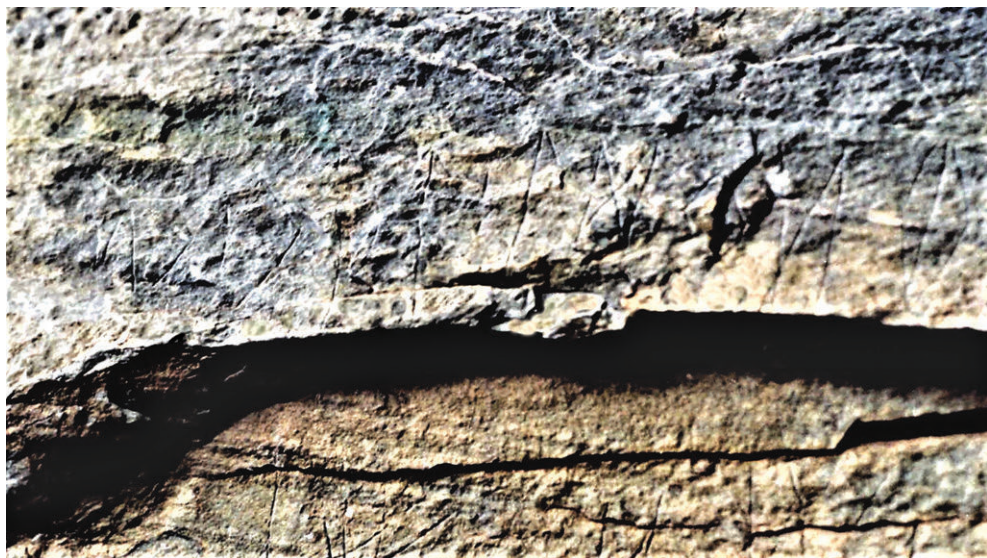

Рис. 14. Надпись Карбан I. Знаки 7–18

часто видеть повелительную форму глагола – в любом знаке непонятой исследователем надписи.

Изучение оригинала убеждает, что все четыре руны надписи Карбан II вырезаны ясно. Читаются они снизу вверх и составляют одно слово, содержащее только буквы, связанные с мягкорядными звуками: *ᚱ ᚹ ᚺ ᚾ*. Транслитерация надписи имеет вид *ö/ül²kn²*, поскольку начинающая ее руна *ᚾ* передавала один из двух губных звуков – *ö* или *ü*. В обоих случаях ясно морфологическое строение слова – перед нами отглагольное образование на – *kän*, которое в зависимости от восприятия предстает существительным результата, орудия действия (здесь это маловероятно) или, что скорее, общевременным причастием (Древнетюркский словарь, 1969. С. 652).

Двойное звуковое значение первой руны создает и две возможности прочтения глагольной основы: *ölä-* «учить, наставлять» или *ülä-* с первоначальным значением «делить, распределять» и переносным – «наделять (долей)». Дополняя необходимые гласные, получаем два соответствующих прочтения, каждое из которых непросто перевести на русский с сохранением заданной грамматической формы: *öl(ä)k(ä)n* («наставляющий» или «тот, кто наставляет; наставник») либо *ül(ä)k(ä)n* («тот, кто делит, распределяет, наделяет долей», т. е. «наделитель» или «наделяющий (долей)»). Первое слово до сих пор встречалось только

в уйгурской по языку и письму буддийской сутре «Золотой блеск» X в., второе – в тексте грамматического словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского XI в. и других памятниках (Древнетюркский словарь, 1969. С. 383, 624). Встреча с ранее неизвестным в рунике словом – не первый случай, и он не может препятствовать прочтению.

Избираемый мною перевод и понимание строки Карбан II будет пространнее написанного: «(О,) Тот, Кто Наделяет (жизненной долей) (услышь меня!)». На выбор влияют два обстоятельства. Во-первых, в отличие от малопродуктивной основы *ölä-* корень *ülä-* стал источником многих слов, как в раннесредневековых, так и в живых тюркских языках: от него образованы старые *ülgi* / *ülüg* «часть, доля», *ülgü* «величина, мера, размер», *ülüš* «часть, доля, мера» и т. п. (Древнетюркский словарь, 1969. С. 624, 625) и бытующие ныне формы от *üle-* в значении «наделять», «удел, надел» и другое (Севортян, 1974. С. 627–629). Во-вторых, получаемое понятие «Тот, Кто Наделяет (жизненной долей)» отвечает внутреннему содержанию многих наскальных надписей.

Место надписи Карбан II в наскальной эпиграфике

Давно установлено преимущественно молитвенное назначение рунических наскальных надписей. Какое бы из двух указанных слов мы ни избрали для строки Карбан II – перед нами в равной мере представит определение основного божества манихейской религии. Само отсутствие его имени есть характерная особенность именно этой веры, уже засвидетельствованная енисейскими надписями Алтая (Кызласов, 1999б. С. 108–115; 2001а. С. 248, 252). В одной из орхонских надписей края (на роговой пластине из Купчегеня) встречается и подобная карбанской граффито манера прозвания бога словом-определением, выраженным причастием: *uγ(a)n* «всемогущий» (Кызласов, 2000. С. 97–101). Оба понятия, возможные для надписи Карбан II, вполне соответствуют манихейской божественной характеристике: в ней высшая сила предстает и обладателем и подателем Истины (т.е. учителем, наставником) (см., например, содержание надписи Устюго-Сары-Кобы: Кочеев, Кызласов, 2007), также как и наделяющим жизненной долей. Вероятно, последнее свойство божества отражают наскальные надписи, молящие о жизненной силе *qut* (Кызласов, 1994. С. 148, 149, 188. Рис. 13, 2).

Камнеписные надписи в сибирско-тюркском манихействе создавались после произведенных у скал молений. Наскальные граффити енисейского письма отмечают не только акт нанесение текста (*b(i)t(i)d(i)m* «(это) я написал» – Алтай, Бичикту-Боом VI;

✂ X H Γ ✂ : Γ J > H Γ Y Y H *t(ä)ñri qulī bit(i)d(i)m* «Я, раб божий, написал (это)» – Монголия, Гурвалжин-ула), но и предшествующего ему произнесения молитвенного слова и, подчас уже полученного воздаяния: *Γ E Y Y J Y ^ ✂ ✂ X H ✂ N ✂* *Γ Λ ✂ ✂ N ✂* *b(e)n (a)t(a)m(a)čī b(e)n b(i)t(i)d(i)m b(e)š (i)lā k(i)rgü* «Поскольку я не должен называть имя (Божие), я написал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)» (Алтай, Ялбак-Таш II); *N I ^ Γ ✂ H Γ ✂ J > H H Γ Γ isiz qul bitmiš (e)s(ä)n* «Недостойный раб (Божий) написал (это) (так как стал здоров» (Тува, Хая-Бажи X, Е 24/10)). Именно так, полагаю, следует понимать строки типа *Γ ✂ X H N ✂ Γ N E E Y N I sül(ä)n j(e)g(ä)n b(e)n t(e)d(i)m* «Я, Сюлен Йеген, сказал (благое слово) (о чем и написал)» (Алтай, Ялбак-Таш X) и *✂ X H N ✂ b(e)n t(e)d(i)m* «Я произнёс (молитву) (о чем и написал)» (Алтай, Текпенек).

Будучи лаконичными письменными отметками произведенных у скал молений, наскальные надписи, согласно манихейской доктрине, не позволявшей знать имя бога, никогда его не содержат, обращаясь к божеству иносказательно: *J 9 Γ N Y Γ Y Y H t(ä)ñrik(ä)n ijā* «Божественный Владыка» (Хакасия, Тепсей, пещера), <...> *✂ J H Γ Y Γ Y H t(ä)ñiri q(a)n(i)m* <...> «Мой Небесный (~ Божественный) Повелитель <...>» (Монголия, Дэл-ула I), <...> *Y Y Y Y H Γ Y Y Y Γ Y H (1) q(a)ra k(e)rkü t(ä)ñri(k)k(ä)n* <...> «(1) Божественный (Владыка), который должен преградить (дорогу) Тьме <...>» (Монголия, Хутук-ула I). Судя по надписям, в Южной Сибири той поры существовали и благие пастыри, коим поклонялись верующие – однажды на скале начертано: *J ✂ Z Y (a)rz(i)m* «Мой Святой (~ отшельник)! (Внемли мне)» (Алтай, Ялбак-Таш VIII).

Смысл таких надписей раскрывают несколько более пространственные начертания, содержащие прямые призывы: *J Y H Γ ✂ Y Γ Λ ✂ Y Y H t(ä)ñr(i)m čök bizkä* «Мой Боже, снизойди до нас!» (Хакасия, Туба II, Е 36/2); ...(? Y ~ ?) *✂ Y 9 J Y Γ N Λ J ✂ Y Y H* <...> <...> *t(ä)ñr(i)m čök j(e)rk(ä)*... «<...> Мой Бог, снизойди на земл(ю)!» (Хакасия, Тепсей VI, Е 116); *Y Γ Λ ✂ Y Y H* <...> <...> *t(ä)ñr(i)m čök* «Мой Бог, снизойди (до меня)!» (Хакасия, Тепсей); *J Y N J ✂ ✂ J N E H t(e)g(g)(ä)n (a)t(a)m (e)n(i)ñ* «Обретённый мой Отец, снизойдите (до меня)!» (Алтай, Ялбак-Таш V); *⊙ Y > Λ ✂ Y ⊙ b(a)rm (i)č ur(u)ñ* «Вложите совершенную душу (букв. нутро)!» (Хакасия, Крес-хая, Е 137); *Γ ✂ X H ✂ (2) Γ Y N E Y Y (1) (1) (e)n (e)r(i)g ör (2) b(i)t(i)d(i)m* «(1) (Мой Бог,) предстань перед грешным мужем! (2) (Это) я написал» (Алтай, Бичикту-Бом II/1) и здесь же иной рукою – *E Y Y > Γ ^ Γ Y kiši ogl(i)ñ(i)g* «(И) твоему сыну человеческому (явись)!» (Бичикту-Бом II/2) (Кызласов, 2001а).

Помимо сказанного, краткая надпись Карбан II представляет и палеографический интерес. Судя по характерному дугообразному облику ее 3-го знака для мягкорядного *ʏ* k (рис. 9), она принадлежит к алтайскому варианту енисейского письма (Кызласов, 1991. Рис. 2. № 7; 1994. Табл. XXIV, № 7), т.е. нанесена местным писцом.

Историко-культурный комментарий

Итак, на одной скальной плоскости на речке Карбан соседствуют две надписи, выполненные разными руническими алфавитами – надежно читаемым енисейским и все еще нерасшифрованным южноенисейским. При этом енисейская надпись, как и прочие наскальные граффити этого письма, принадлежит к сакральным отметкам сибирско-тюркского манихейства, широко распространившимся в Южной Сибири, Центральной и горностепной части Средней Азии.

Согласно показанному культовому соседству южноенисейских и енисейских строк, недешифрованное письмо принадлежало к той же религиозной среде, что и енисейские надписи на скалах, т.е. к сибирско-тюркскому манихейству (Кызласов, 2020. С. 14–18). Позволю себе сравнить эту историко-культурную ситуацию с одновременным бытованием двух разных по происхождению систем раннеславянского христианского письма – глаголицы и кириллицы.

Как видим, иноземцы, носители неизвестного алфавита, восприняли местный для Южной Сибири культ гор. Мало распространенный в схожих формах на сопредельных землях, он сохранился с приходом книжного вероучения Мани, заменив нанесением на горные плоскости ритуальных надписей древнюю здесь традицию наскальных изображений (Кызласов, 2008. С. 452–458; 2013; Kyzlasov, 2016). В этой обрядовой форме его и соблюдали пришельцы, приверженные южноенисейскому руническому письму. Возникший на Енисее, такой религиозный обряд писания на скалах оказался настолько присущ сибирско-тюркскому манихейству, что вместе с последующим продвижением вероучения и его енисейского рунического письма на запад распространился по землям Казахстана и Кыргызстана (Кызласов, 2005б; 2005в; 2012; 2019). На Саяно-Алтае знатоки южноенисейского алфавита, как и носители енисейского письма, почитали не только горные, но и местные курганные и поминальные святыни предшествующего времени (Кызласов, 2018б).

При учете всего сказанного допустимо предполагать тюркоязычность нечитаемых ныне южноенисейских надписей.

Надо надеяться, что будущие находки письменных памятников позволят узнать, где сложилась, стала основным видом местных манихейских писаний и откуда затем пришла в Южную Сибирь эта разновидность руноподобных алфавитов степной зоны.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Авдеев А. Г., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., 2019. Исследование памятников эпиграфики методом бесконтактного трехмерного моделирования с последующей математической визуализацией рельефа поверхности полигональной модели // XVI Тихомировские краеведческие чтения. К 100-летию революций в России. Мат-лы науч. конференции. Ярославль, 19–20 октября 2017 года. Ярославль: ЯГИАХМЗ, 2019. С. 135–152, вкл., илл. 1–18.
- Васильев Д. Д., 2013. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана: Prosper Print. 268 с.
- Высоцкий С. А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. К.: Наукова думка. 238 с.
- Древнетюркский словарь / Ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII + 676 с.
- Елин В. Н., 1989. Некоторые результаты археологических исследований в районе строительства Катунской ГЭС на Алтае // Маргулановские чтения. Алма-Ата. С. 224–225.
- Елин В. Н., Соёнов В. И., 1990. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука. С. 161–177.
- Жолдасбеков М., Сартқожаұлы К., 2005. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. Астана: Kul Tegin. 360 б.
- Жолдасбеков М., Сартқожаұлы К., 2006. Атлас орхонских памятников. Астана: Kul Tegin. 360 с.
- Кляшторный С. Г., 2005. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. СПб.: Филолог. ф-т СПб гос. ун-та. С. 7–180.
- Кляшторный С. Г., Кубарев Г. В., 2002. Тюркские рунические эпиграфии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Т. II. Новосибирск: Наука. С. 78–82.
- Кляшторный С. Г., Маточкин Е. П., 1991. Руническая надпись Карбана // Изв. СО АН СССР. История, философия и филология. № 1. С. 65–67.

- Кочеев В. А., 2006. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: АКИН. 52 с.
- Кочеев В. А., Кызласов И. Л., 2007. Философский лаконизм наскальной надписи // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск: АКИН. С. 102–105.
- Кубарев В. Д., 1990. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука. С. 7–22.
- Кызласов И. Л., 1991. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // СА. № 4. С. 62–85.
- Кызласов И. Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература. 327 с.
- Кызласов И. Л., 1996. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. М.: Языки русской культуры. С. 124–136.
- Кызласов И. Л., 1997. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, T. L, fasc. 1–3. С. 163–184.
- Кызласов И. Л., 1998. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. № 1. С. 71–83.
- Кызласов И. Л., 1999а. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.: Изд. центр ИСАА МГУ. С. 85–112.
- Кызласов И. Л., 1999б. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. № 4. С. 99–117.
- Кызласов И. Л., 2000. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. Вып. 5. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. С. 82–112.
- Кызласов И. Л., 2001а. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: Восточная литература. С. 243–270.
- Кызласов И. Л., 2001б. «Добро сотворив, посеять человечность». Манихейские миссионеры у вершин Алтая // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж: ВГУ. С. 111–129.
- Кызласов И. Л., 2002. Памятники рунической письменности Горного Алтая / Отв. за вып. Л. Н. Тыбыкова. Горно-Алтайск: Универ-Принт. 164 с.
- Кызласов И. Л., 2004. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л. Р. Кызласова. М.: Русаки. С. 111–129.

- Кызласов И. Л., 2005а. Особенности тюркской рунологии // Центральная Азия. Источники, история, культура. М.: Восточная литература. С. 427–449.
- Кызласов И. Л., 2005б. Таласские наскальные надписи // РА. № 2. С. 46–55.
- Кызласов И. Л., 2005в. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек. С. 54–67.
- Кызласов И. Л., 2008. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М.: ИА РАН. С. 451–463.
- Кызласов И. Л., 2010. Азиатские рунические надписи на пиршественных сосудах. Часть I. Сосуды, изученные П. М. Мелиоранским // Вопросы тюркологии. № 1. С. 36–63.
- Кызласов И. Л., 2012. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // Историко-культурное наследие и современная культура. Сб. материалов междунар. научно-практического семинара. Алматы: Service Press. С. 40–44.
- Кызласов И. Л., 2013а. Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Изв. НАН Респ. Казахстан. № 3. С. 164–173.
- Кызласов И. Л., 2013б. Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. Париж; Самарканд: МИЦАИ. С. 116–121.
- Кызласов И. Л., 2018а. К системному пониманию культуры в нашей рунологии // Программа и тезисы XXVI Международной научной конференции «Дмитровские чтения». 5 октября 2018 года, Москва. М. С. 52–53.
- Кызласов И. Л., 2018б. Надписи на стеле Копёнского чаатаса (Хакасия) // Урал-алтайские исследования. № 1. С. 23–32.
- Кызласов И. Л., 2019. Свидетельства дальнего продвижения енисейского рунического письма на запад (Одна из форм самовосприятия в северном махихействе) // Звучат лишь письмена. К юбилею А. А. Медынцева. М.: ИА РАН. С. 251–290.
- Кызласов И. Л., 2020. К познанию нерасшифрованного письма // Российская тюркология. № 3–4. С. 9–22.
- Кызласов И. Л., Нарылков С. Г., 2012. Руническая надпись на перевале Чарых-Пиль (Хакасия) // Урал-алтайские исследования. № 2. С. 52–58.
- Кызласов И. Л., Харжаубай Сартхожаулы, 2009. Российско-Казахстанская эпиграфическая экспедиция // АО 2006 года. М.: Наука. С. 602–603.
- Кызласов Л. Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 93–120.

- Кызласов Л. Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3. С. 38–49.
- Малов С. Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.–Л.: АН СССР. 116 с.
- Маточкин Е. П., 1990. Граффити Карбана // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука. С. 150–160.
- Мылтыгашева Л. П., 2007. Музеи Саяно-Алтая: наблюдения 2006 года // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск: АКИН. С. 174–189.
- Мылтыгашева Л. П., 2008. Поход за рунами // Мир музея. № 7. С. 26–30.
- Окладникова Е. А., 1984. Петроглифы Средней Катунь. Новосибирск: Наука. 111 с.
- Осава Т., Мухарева А. Н., Есин Ю. Н., 2017. Новая руническая надпись на севере Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (17). (Археология. Вып. 4). С. 53–56.
- Севортян Э. В., 1974. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука. 768 с.
- Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М., 2012. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск. 152 с.
- Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., 2018. О новых методиках и открытиях в изучении рунических надписей Горного Алтая: результаты полевых исследований 2017 года // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017. Вып. 13. Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр ГАГУ. С. 89–92.
- Kyzlasov I., 2016. Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazakhstan // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. Paris: Vendémiaire. P. 301–307.
- Le Coq A. von, 1909. Köktürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 41. Berlin. S. 1048–1052. Taf. IX.
- Matočkin E. P., 2015. Drawings and Runic Inscriptions of the Altai Republic // Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altai Corpus. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. P. 87–93.
- Nevskaya I., 2015. Some Orthographic Features of Altaic Runic Inscriptions // Interpreting the Turkic Runiform Sources and the Position of the Altai Corpus. Berlin: Klaus Schwarz Verlag. P. 103–109.
- Osawa T., 2014. Preliminary Reading of the Old Turkic Runic Inscription on the Harp Typed Musical Instrument from the Northwestern Mongolia // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (7). (История. Вып. 1). С. 19–27.

А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович
Институт археологии РАН, Москва

«Конюшенный двор» ростовского иераршего дома в XIV–XV веках

Резюме. В статье представлены результаты исследований хозяйственной территории резиденции ростовских епископов XIV–XV вв. Археологические материалы позволили выделить три периода истории участка. Сложившаяся в середине XIII в. усадебная застройка с изменениями сохранялась до середины XIV в., но более не возобновлялась. На ее месте образовался пустырь, просуществовавший около столетия. Новые постройки хозяйственного назначения возникают в начале вт. пол. XV в. Состав находок, среди которых есть образцы мелкой христианской пластики и отходы ремесленного производства показывает, что на протяжении всего рассматриваемого времени исследованный участок территориально был связан с церковными мастерскими. Отдельное внимание уделено обстоятельствам находки двух самых ранних из известных на территории Северо-Восточной Руси печных изразцов европейского происхождения, обломки которых были обнаружены в слое начала XV в.

A. E. Leontiev, N. G. Samoilovich
**“The Livery Stable” of the Rostov Hierarch’s House
in the 14th – 15th Centuries**

Abstract. The article presents the results of research on the territory of “the Livery Stable” of the Rostov bishopric in the 14th – 15th centuries. Archaeological materials made it possible to distinguish three periods of the site’s history. The manor building that took shape in the middle of the 13th century, with changes, was preserved until the middle of the 14th century, but was no longer renewed. A wasteland formed in its place, which existed for about a century. New buildings for household purposes appear at the beginning of the second half of the 15th century. The composition of the finds, among which there are samples of small Christian plastic art and handicraft production wastes, shows that throughout the entire period under consideration, the investigated area was territorially connected with church workshops. Special attention is paid to the circumstances of the discovery of two of the earliest stove tiles of European origin known in the territory of North-Eastern Russia, fragments of which were found in the layer of the beginning of the 15th century.

Конюшенный двор находится в центре Ростова у западных ворот кремля и представляет собой замкнутое каре корпусов, ограничивающих обширный двор площадью около 1000 кв. м (рис. 1). Здание было построено в конце XVII в. и вместе с архитектурным ансамблем кремля входило в состав резиденции ростовских митрополитов, представляя его хозяйственную часть.

Рис. 1. Центр г. Ростова. Кремль, слева Конюшенный двор
(фотография 2010 г.)

Раскопки на территории двора велись с перерывами на протяжении 2001–2013 гг. и охватили площадь 300 кв. м. Выяснилось, что на исследованном участке сохранилась полная свита напластований конца X – середины XVII в. Впервые были изучены средневековые отложения послемонгольского времени, плохо представленные в общей стратиграфии культурного слоя Ростова. Этому есть исторические причины, связанные с общим упадком городской жизни (Леонтьев, 2003. С. 45, 46; Нефедов, Орлов, Самойлович, 2018. С. 91–97). Но при всех исторических невзгодах Ростов оставался центром старейшей на Северо-Востоке епископии, что сохраняло его значение религиозного и культурного центра. Не случайно большинство касающихся Ростова летописных сообщений периода XIII–XV вв. посвящены эпизодам из жизни церковной епархии. Рассматриваемые материалы раскопок также отражают не столько общую историю города, сколько реалии существования хозяйственного двора епископа.

Освоение территории будущего Конюшенного двора пришлось на рубеж XI–XII вв., с этим временем связаны первые свидетельства ли-

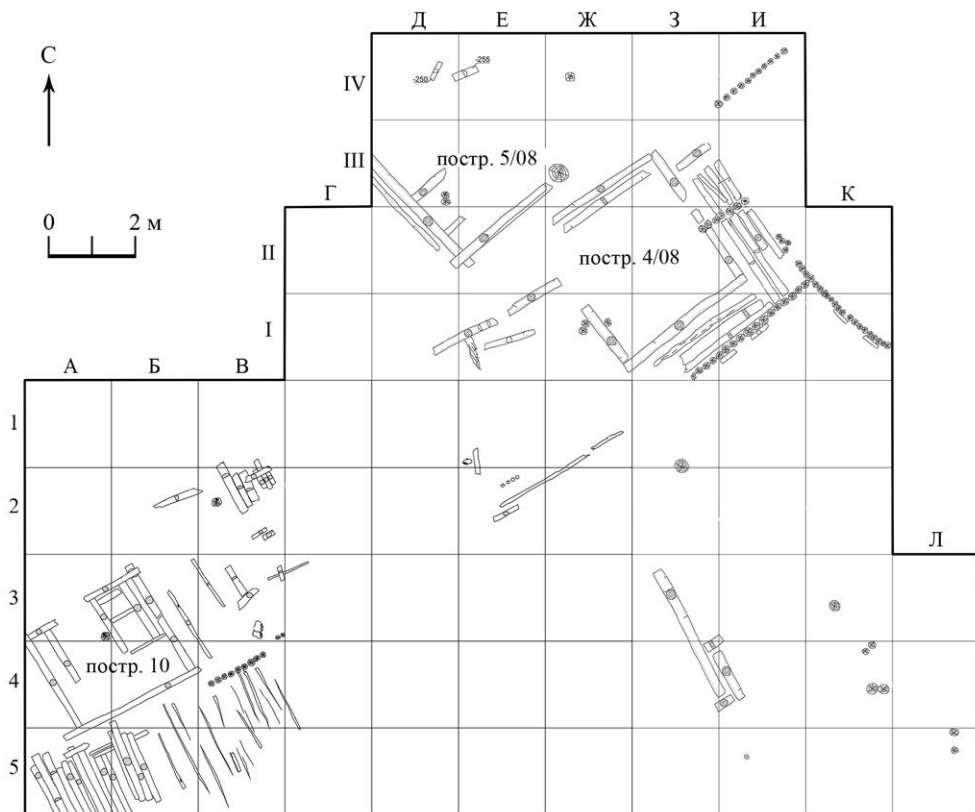

Рис. 2. Усадебная застройка 1-й половины XIV в.

тейного производства нательных крестиков (Леонтьев, 2015. С. 48, 49). Первые постройки появились в начале XII в., а во второй половине столетия возникла усадьба, просуществовавшая до 40-х годов XIII века (Самойлович, 2013. С. 87–95).

После некоторого перерыва в начале 50-х гг. XIII в. на изучаемом участке возникла новая застройка с иной планировкой, которая при незначительных изменениях в положении разновременных построек просуществовала на протяжении столетия. Речь может идти об окраинной части землевладения (усадьбы) с отдельными хозяйственными сооружениями. Со временем строения возобновлялись, плетень ограды сменился частоколом, но сложившаяся планировка сохранялась, пока постройки не погибли в пожаре. Данные стратиграфии с учетом дендродат предшествующего и последующего строительства позволяют датировать происшедшее началом XIV в.

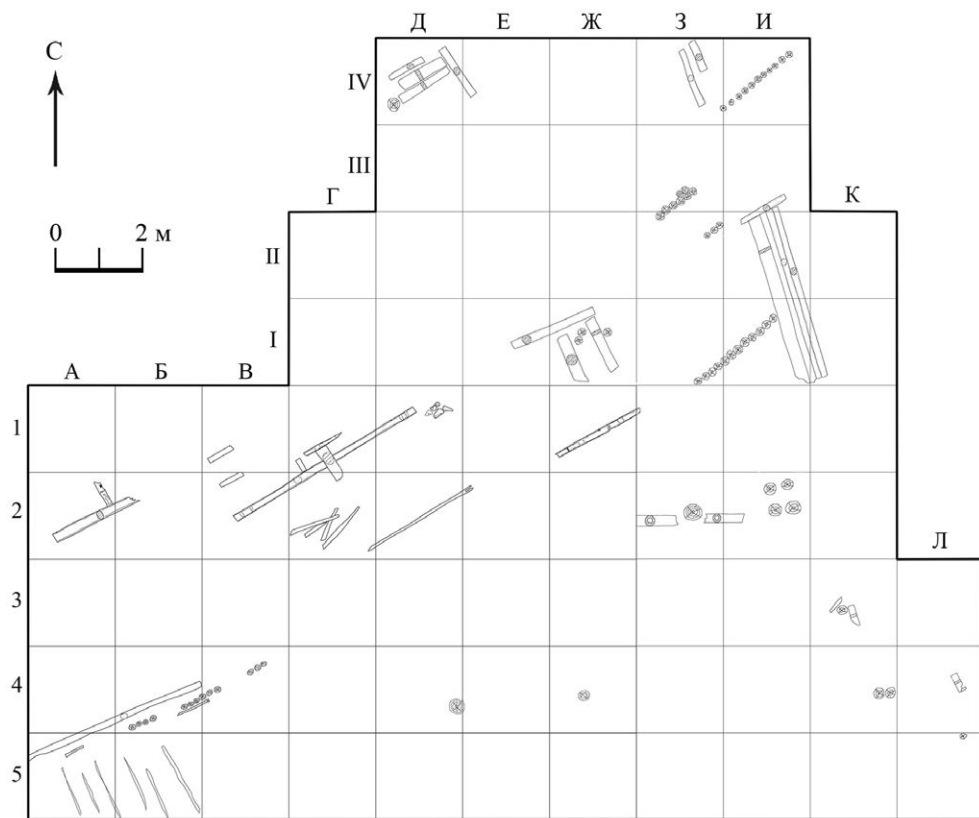

Рис. 3. Поверхность участка 2-й половины XIV – начала XV в.

Спустя некоторое время в границах той же усадьбы у южной ограды ставится небольшой сруб с печью – баня (рис. 2, постр. 10). Дендродаты постройки и кольев частокола определяют время строительства между 1326 и 1334 гг. (Самойлович, 2007. С. 21). Еще два сруба были поставлены вдоль северо-восточной границы землевладения. С южной стороны усадьбы прежнее бревенчатое мощение проулка сменила гать: толстый слой набросанных веток. Застройка просуществовала недолго и, судя по сохранившимся остаткам, строения были разобраны.

На сохранявшуюся связь с церковными мастерскими указывают находки с территории усадьбы. Среди них десять каменных нательных крестиков из серого шифера и сланца, в том числе бракованные и незавершенные экземпляры, слитки и капли (выплески) цветного металла и свинца, обрезки листового металла, встречены ювелирные пинцеты,

зубильце и обломки тиглей. Не исключена возможность работы с янтарем, поскольку встречены необработанные его куски, дефектные и колотые экземпляры двух эллипсоидных бус и нательного крестика, возможно являющиеся производственным браком.

Бытовые предметы представлены сериями ножей, ключей, нескольких замков – всех форм, бытовавших во второй половине XIII – первой половине XIV в. (Самойлович, 2007. С. 24), обычными для Ростова грузинами рыболовных сетей и т. п.

Точно время запустения усадьбы не установимо, но где-то в середине столетия на ее месте образовался пустырь, просуществовавший около 100 лет (Самойлович, 2007. С. 20–22). Застройка отсутствовала, из всех сооружений могли сохраняться остатки частокола, возможно какое-то время существовала дорожка, от которой сохранились жерди и доски лаг (рис. 3). Отложившийся в этот период культурный слой характеризуется слабой насыщенностью и разрозненностью находок – случайных, попавших на пустырь предметов, таких как расплывшийся лапоть, рваная шерстяная рукавица и обрывок плетеного пояса, половинка распоротого по шву кожаного кошелька и кожаные ножны ножа, сломанный деревянный гребень и ножницы с обломанным концом, обломки деревянных изделий (рис. 4; 5, 11). Встречаются бракованные и целые отливки из оловянисто-свинцового сплава изделий характерных для XIV в.: овальнощитковые перстни с изображением руки, образков арочной формы, фрагмент энколпиона, свернутая в малое кольцо часть пластинчатого браслета (рис. 5, 2–4, 6, 8). Возможно, изделием той же мастерской является бронзовый нательный крестик с массивным оглавием без следов использования по назначению (рис. 5, 1). Отношение к ювелирному производству имел характерный железный пинцет с крепежным кольцом (рис. 5, 13). Из других предметов в слое запустения найден ключ к замку (тип В II по Б. А. Колчину) и костяной вертлюг, а также игрушечное глиняное колесо со ступицей (рис. 5, 9, 12, 14). Свидетельствами своего времени являются золотоордынские по происхождению костяная круглая орнаментированная пуговица (ср.: Руденко, 2005. С. 72. Табл. 18, 347, 357, 370) и двурогий наконечник стрелы (Медведев, 1966. С. 72. Табл. 26, 22. Тип 60) (рис. 5, 5, 7).

Неожиданными для рассматриваемого времени оказались фрагменты двух изразцов, найденные вблизи друг друга. Верхняя хронологическая граница слоя, в котором они находились, определена дендродатами находившейся выше и перекрывавшей место находки постройки второй половины XV в. (см. ниже).

Рис. 4. Находки из слоя 2-й половины XIV – начала XV в.

1 – кожаный кошелек; 2 – плетеный шерстяной пояс; 3 – шерстяная рукавица (после реставрации); 4 – ножи; 5, 7 – фрагменты резных деревянных изделий; 6 – лапоть

Рис. 5. Находки из слоя 2-й половины XIV – начала XV в.

1 – крест нательный; 2 – оглавие энколпиона; 3, 4 – перстни; 5 – костяная пуговица;
6 – образец; 7 – наконечник стрелы; 8 – согнутый фрагмент браслета (?); 9 – костяной
вертлог; 10 – гребень; 11 – ножницы; 12 – ключ; 13 – железный пинцет;
14 – глиняное колесико

Рис. 6. Обожженные плитки пола из слоя 2-й половины XIV – начала XV в.

Уточнению хронологии первого изразца помогают обнаруженные поблизости в том же уровне обломки обгорелых, частью ошлакованных половых плиток со следами поливы и характерной примесью крупной дресвы в тесте (рис. 6). Явные следы сильного жара на глиняных предметах можно связать с летописным известием 1408 г. о пожаре, в котором сгорели 14 церквей и сильно пострадал Успенский собор, а «люди начаша мыкати из домов своих к озеру на суды...» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 481, 482). Похожие обожженные плитки известны в материалах раскопок 1987 г. у западной паперти Успенского собора, где были встречены в слое, связанном с ремонтом после пожара. (Ле-

онтьев, 1987. С. 7–9)¹. Таким образом, попадание в грунт обломка изразца допустимо определить временем после 1408 г.

Рассматриваемая находка представляет собой обломок средней части лицевой пластины размерами 9,5×6,8 см, толщиной 1,2×2,2 см, изготовленной из глины с незначительной примесью дресвы. Внешняя сторона слегка ошлакована из-за сильного нагрева. На оборотной стороне, сохранившей первоначальный светло-коричневый цвет, заметны отпечатки ткани (рис. 7). Отсутствие краевых частей не позволяет судить о наличии румпы у целого изделия, отчего сложно судить, был ли это изразец или плитка.

Найденный фрагмент сохранил изображение в высоком рельефе нижней части фигуры сидящей вполоборота женщины в длинном по щиколотку (?) одеянии из ткани в складку (?) с рубчатой узорной каймой по поясу, спереди и по подолу, и неким округлым предметом, похожим на мягкий узелок, на коленях под правой рукой. Частично уцелевшее изображение левой боковой стенки скамьи (кресла) дано

¹ Конюшенный двор от Успенского собора отделяет всего 120 м.

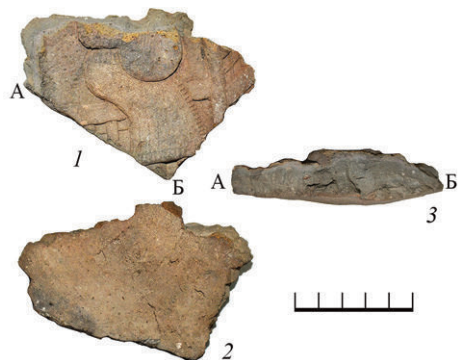

Рис. 7. Первый изразец
1 – лицевая сторона; 2 – оборотная
сторона; 3 – вид сбоку

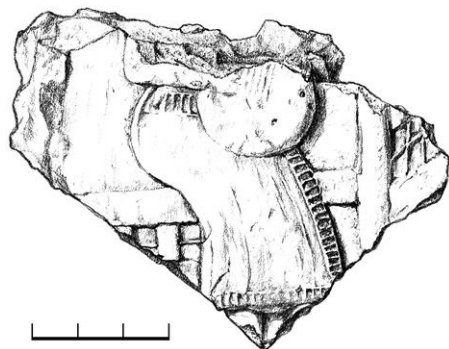

Рис. 8. Изображение
на лицевой стороне изразца
(рисунок И. В. Купцова)

в перспективе. Местоположение правой угадывается по утолщению сбитого рельефа слева от фигуры (рис. 8). Фрагментарность изображения не дает возможности определить его сюжет.

Второй изразец, также изготовленный из светло-коричневой глины, найден в том же квадрате раскопа, но на большей глубине, не имеет следов действия пожара. Возможно, он попал в землю раньше, но аморфность культурного слоя на участке находки не позволяет судить об этом наверняка. От изразца сохранилась окраинная часть пластины размерами 8×3,5 см. На лицевой поверхности в углу у сколотого бортика сохранились край двухконтурного стрельчатого лепестка трилистника (?) (рис. 9). Румпа сформирована в край пластины, имеет толщину в основании до 1,2 см (рис. 10).

Рис. 9. Второй изразец. Лицевая
и оборотная сторона

Рис. 10. Изображение на лицевой
стороне второго изразца
(рисунок И. В. Купцова)

В Европе изразцы получили распространение в XIV в., а в последующие столетия стали устойчивым элементом городской бытовой культуры. На Руси до начала собственного производства в конце XVI в. изразцы появлялись эпизодически благодаря приглашенным мастерам, либо, что нельзя исключить, в привозных наборах облицовки печей. Для территории Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. ростовские изразцы с коробчатой румпой оказываются самыми ранними из известных. В Москве имеющиеся данные позволяют предполагать использование более архаичных горшковых (горшкообразных) изразцов с круглым устьем и первых архитектурных терракот, начиная с сер. XV в. (Баранова, 2011. С. 36–53; 2016. С. 53–56). В другом историческом регионе, в Новгороде, найдены фрагменты привозных коробчатых изразцов первой пол. XV в. (Яковлева, Жегурова, 2006. С. 30, 31). Западнее, в рассматриваемое время в землях Великого княжества Литовского, горшковые изразцы есть в археологических коллекциях Смоленска и средневековых городов Беларуси (Сергина, 1996. С. 246–248). Свидетельства возможного существования изразцовых мастерских XIV–XVII вв. есть в Полоцке (Паничева, 1980; Дук, 2012. С. 370–371). В открытых при раскопках остатков пяти последовательно существовавших печей зафиксирован облик бытовавших в разное время изразцовых наборов. Позднеготические неполивные изразцы, судя по описанию схожие с ростовскими высоким рельефом и тщательной проработкой деталей изображений, датированы первой половиной XV в. (Паничева, 1981. С. 276–280).

Новая застройка территории пришлась на вт. пол. XV в., когда появились две хозяйственные постройки (дендродаты 1459–1478 гг.), с ремонтами просуществовавшие до начала следующего столетия (рис. 11). В это время возрастает интенсивность жизни, что отразилось в насыщенности культурного слоя, резко возросшем количестве керамики, гвоздей, следов деревянного строительства. Из находок, характеризующих связь участка с церковной жизнью, показательны каменный крестик, и обнаруженные в одной из построек куски благовонной смолы, при нагреве пахнувшие ладаном (рис. 12, 7). Поблизости был найден кристалл граната – сырье для ювелирной работы (рис. 12, 3, 5). Возможно, упрощенной «детской» версией глиняных яиц-писанок были небольшие яйцевидные погремушки. Из двух найденных одна была покрыта однородной поливой желтого цвета, другая зеленой с пятнами красного и синего цвета (рис. 12, 1, 2). Примечательны фрагменты двух гребней. Один двухсторонний стандартной формы был изготовлен

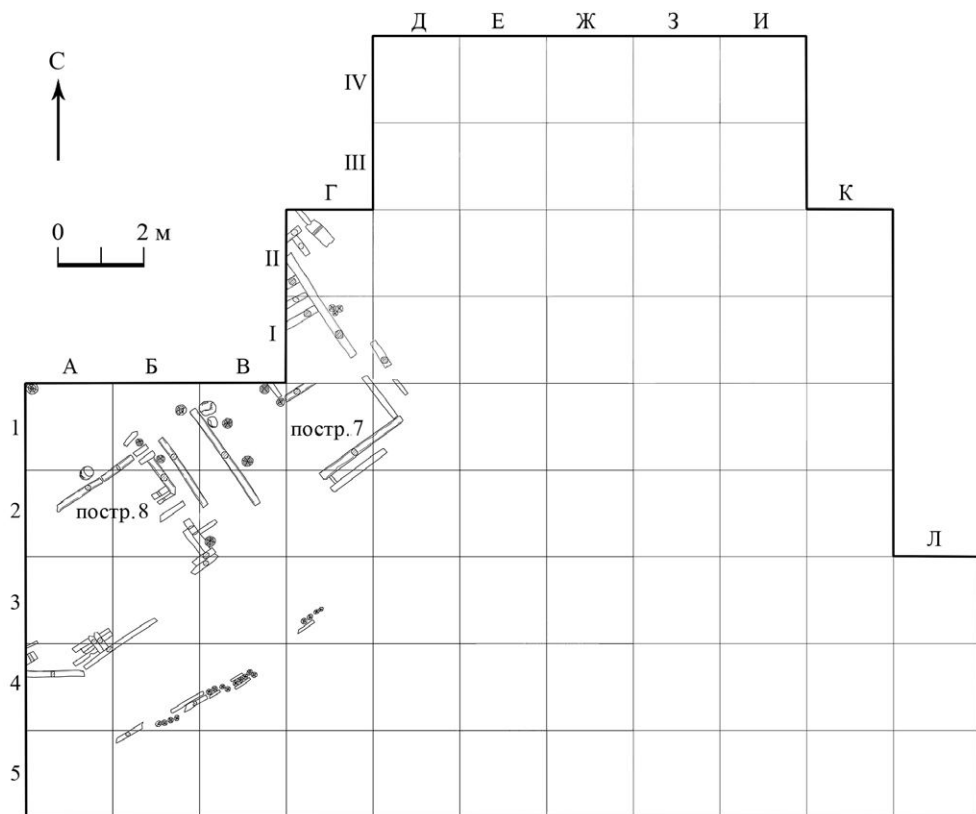

Рис. 11. Застройка 2-й половины XV в.

из моржового клыка, на поверхности другого, деревянного одностороннего, процарапаны антропоморфные изображения (рис. 12, 4, 6). Архаичным для рассматриваемого времени выглядит фигурный, так называемый кунжутolistный наконечник стрелы (рис. 12, 8); датировка наконечников такой формы не выходит за пределы XIV в. (Медведев, 1966. С. 78), в более позднее время они не известны (Двуреченский, 2007. С. 298–299).

В начале XVI в. на месте одной из прежних построек была поставлена небольшая клеть (дендродата 1507 г.), а спустя несколько лет устроен настил для хранения глины (дендродата 1510 г.). Глина, помимо прочего, использовалась для изготовления плиток пола: их бракованные, плохо обожженные экземпляры были найдены на участке. (Самойлович, 2007. С. 29. Рис. 54). Новое обустройство хозяйственного двора совпадает по времени и, вероятно, было связано со строительством

Рис. 12. Находки из слоя 2-й половины XV в.

- 1, 2 – яйца-писанки; 3 – каменный крестик; 4 – гребень из моржового клыка;
5 – кристалл граната; 6 – деревянный гребень; 7 – благовонная смола;
8 – наконечник стрелы

нового здания Успенского собора в 1506–1512 гг. (Леонтьев, Самойлович, Черных, 1996. С. 5; Рузаева, 2007).

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Баранова С. И., 2001. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М. 432 с.
- Баранова С. И., 2016. К вопросу о генезисе московского средневекового изразца // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 53–60.
- Двуреченский О. В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 277–331.
- Дук Д. В., 2012. Изразцы XIV – начала XIX в. // Древнейшие города Беларуси. Полоцк. Минск: Беларуская навука. С. 370–373.
- Леонтьев А. Е., 2003. От столицы княжества к уездному городу. (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 34–47.
- Леонтьев А. Е., 2015. Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.-Вологда: Древности Севера. С. 45–52.
- Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Н. Б., 1996. Некоторые частные аспекты хронологии Ростова (дендрохронологический анализ археологических материалов) // История и культура Ростовской земли, 1995. Ростов. С. 4, 5.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука. (САИ. Вып. ЕИ-36). 182 с.
- Нефедов В. С., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г., 2018. Типографский раскоп 2016 г. Новые данные к исторической топографии Ростова Великого // АВСЗ. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 90–98.
- Паничева Л. Г., 1980. Полоцкая архитектурно-декоративная керамика XIV–XVII вв. // КСИА. Вып. 160. С. 53–57.
- Паничева Л. Г., 1981. Изразцы и изразцовые печи позднесредневекового Полоцка // СА. № 3. С. 274–280.
- ПСРЛ. Тверская летопись. Т. 15. М.: Наука, 1965.
- Руденко К. А., 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья. Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой орды. Казань: РИЦ «Школа». С. 67–97.
- Рузаева Е. И., 2007. К вопросу о датировке Успенского собора в Ростове // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Ярославль. С. 184–186.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М.: ООО «Таус». 88 с.

Самойлович Н. Г., 2013. Усадьба домонгольского времени в Конюшенном дворе Ростова Великого // КСИА. Вып. 228. С. 87–96.

Сергина Т. В., 1996. Изразцы XV–XVII вв. из раскопок в Смоленске // ТТЗ. Вып. 1. Тверь. С. 246–252.

Яковлева Л. П., Жегурова О. В., 2006. Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки. Великий Новгород: Моби Дик. 136 с.

Н. А. Макаров*, Э. А. Грешников**, И. Е. Зайцева*,
К. М. Подурец**, Е. С. Коваленко**, М. М. Мурашев**,
В. М. Пожидаев**, Н. Н. Преснякова**, А. А. Ступников**,
С. Н. Малахов**, Р. Д. Светогоров**, П. В. Дороватовский**

*Институт археологии РАН, Москва

**НИЦ «Курчатовский институт», Москва

Вложения в древнерусские кресты-энколпионы по данным комплексных аналитических исследований¹

Резюме. Статья представляет итоги комплексных исследований вложений из 14 закрытых древнерусских крестов-энколпионов, происходящих с территории Суздаля и его окружи, а также из раскопок в Новгороде. Реликварии исследовались с привлечением методов нейтронной томографии, оптической и электронной микроскопии, инфракрасной спектроскопии, газовой хроматографии и масс-спектрометрии. Это позволило с большой точностью определить состав и характер вложений. Лабораторное изучение энколпионов подтверждает функциональное использование их как реликвариев в отдаленных областях средневековой христианской ойкумены. Традиция помещения «движимых святынь» была вариативна, установленных правил отбора реликвий для вложения в ковчежцы не существовало, помимо мощей – остатков кости и волос в качестве вложений использовались частицы дерева и ткани, для сохранения реликвий и герметизации створок широко применялась воскомастичная смесь.

*N. A. Makarov, E. A. Greshnikov, I. E. Zaitseva, K. M. Podurets,
E. S. Kovalenko, M. M. Murashev, V. M. Pozhidaev, N. N. Presnyakova,
A. A. Stupnikov, S. N. Malakhov, R. D. Svetogorov, P. V. Dorovatovsky*

Inclosures in Medieval Russian Encolpion Crosses According to Comprehensive Analytical Research Data

Abstract. The article presents the results of a comprehensive study of inclosures from 14 closed Old Russian encolpion crosses originating from the territory of Suzdal and its environs, as well as from excavations in Novgorod. The reliquaries were studied using the methods of neutron tomography, optical and electron microscopy, infrared spectroscopy, gas chromatography and mass spectrometry. This made it possible to determine the composition and nature of inclosures with great accuracy. Laboratory study of reliquary-crosses confirms their functional use as reliquaries in remote areas of the medieval Christian ecumene. The tradition

---

¹ Краткий вариант исследования опубликован в Кратких сообщениях Института археологии РАН, вып. 258.

of placing “movable shrines” was variable, there were no established rules for selecting relics for attaching in arks, in addition to relics – the remnants of bone and hair were used as attachments, particles of wood and fabric, wax-mastic mixture was widely used to preserve relics and seal the sashes.

Введение

Изучение христианских реликвий – важная составляющая часть исследования средневековой культуры и религиозного сознания, необходимая для полноценного воссоздания исторического колорита и ментальности этой эпохи. Известно, что круг объектов, воспринимавшихся в Средневековье как материальные носители памяти о событиях ветхозаветной и новозаветной истории и подвигах святых, был необычайно широк и разнообразен по своему составу – от мест почитания до частиц мощей мучеников и предметов, происходящих из мест их жизни и упокоения. Обладание реликвиями как материальными свидетельствами святости укрепляло новые церковные центры, давало божественное заступничество городам и обеспечивало высокий статус правителям – вот почему реликвии перемещались, разделялись на части, служили в качестве даров, оказывались военными трофеями.

Новая волна научного интереса к средневековым христианским реликвиям проявляется не только в изучении их символического значения, связанных с ними религиозных представлений, исторических преданий и обрядовых практик, но и в исследовании самих предметов, обладавших, согласно господствовавшим верованиям, особыми сакральными и целительными свойствами. Научная атрибуция, датирование, выяснение их происхождения и истории бытования в качестве почитаемых святынь оказываются в центре исследовательского внимания для многих из этих предметов впервые (*Стерлигова*, 2000; *Царевская*, 2003; *Smith*, 2012; 2014; 2015).

Многочисленные кресты-энколпионы, находимые повсеместно при раскопках средневековых памятников на территории Восточной Европы и Балкан, служили вместилищами реликвий, однако в обширной библиографии византийских, болгарских и древнерусских энколпионов, публикации, рассматривающие вложения, помещавшиеся в их внутренней полости, единичны. Однако это объясняется тем, что в большинстве энколпионов из музейных собраний вложения к настоящему времени утрачены. Так, среди более 850 энколпионов, найденных на территории Болгарии, известно лишь восемь крестов с сохранившимися вложениями (*Дончева-Петкова*, 2017). Перспектива документиро-

вания и идентификации вложений связана, главным образом, с появлением новых находок закрытых энколпионов и с использованием современных методов естественных наук для определения наличия частиц реликвий и их анализа.

Первым опытом таких работ для древнерусских материалов стало исследование семи закрытых крестов-складней с привлечением методов оптико-электронной микроскопии и биофотометрии, выполненное группой петербургских археологов (*Липатов и др.*, 2006). Эта небольшая серия включала находки из Старой Ладogi, Рюрикова городища, Старой Руссы, Суздальского Ополя, Угличского Поволжья и Подмошья, в том числе древнейший из известных крестов-реликвариев, найденных на Руси (первая четверть X в., Старая Ладога; *Липатов и др.*, 2006; *Макаров, Федорина*, 2008)².

За последнее десятилетие собрание древнерусских крестов-энколпионов пополнилось многочисленными новыми находками. Одна из наиболее крупных серий, включающая более 50 реликвариев (целых, отдельных створок и оглавий), происходит с поселений центральной части Суздальской земли. Эти находки, подавляющее большинство которых собрано на селищах, существенно меняют ранее сложившиеся представления о бытовании крестов-реликвариев на Северо-Востоке Руси. Они свидетельствуют о широком распространении в домонгольское время этой категории предметов, ранее интерпретировавшихся как редкие в северо-восточных русских землях атрибуты высокой христианской культуры.

В статье рассматриваются вложения из четырнадцати закрытых энколпионов. Одиннадцать реликвариев найдены в ходе работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН: девять в культурном слое селищ округа Суздаля и Юрьева Владимирской области (Михали 3, Михали 4, Суворотоское 8, Григорово 2, Сорогужино 2, Федосьино 2), по одному в Суздале и на селище Клещино под Переславлем-Залесским. Исследованы заполнения трех энколпионов из Новгорода (*Олейников*, 2019. С. 165–170)³. Эти предметы не исчерпывают всю совокупность закрытых энколпионов, полученных археологами в ходе новейших полевых работ (см., напр.: *Жарнов, Жарнова*, 1999), но составляют репрезентативную серию, перспективную для

² Ранее были известны несколько энколпионов из Херсонеса, Киева и Райковецкого городища, содержащие фрагменты дерева (*Липатов и др.*, 2006. С. 293–294).

³ Авторы признательны О.М. Олейникову за возможность работы с находками из Новгорода.

выявления и документирования вложений. Контекст находок на селищах не позволяет определить узкие даты предметов, однако достаточно надежно связывает их с домонгольскими напластованиями второй половины XI–XIII в. Изучение вложений было проведено в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт».

Методы, приборы и материалы

Кресты-энколпионы исследовались в ЦКП ИА РАН комплексом последовательно осуществленных аналитических методов: сначала на стереомикроскопе *STEMI-2000 (Karl Zeiss)* при различных увеличениях произведен осмотр предметов и определены основные технологические приемы их изготовления, определена сохранность запорных штифтов; изучение строения створок крестов, их внутренних полостей, фиксация наличия и расположения в полостях вложений до открытия створок крестов проведено методом нейтронной томографии. После открытия створок и извлечения их содержимого оно исследовалось методами оптической микроскопии, газовой хроматографии и газовой хроматографии – масс-спектрометрии (ГХ–МС), инфракрасной спектроскопии (ИК) с преобразованием Фурье. Продукты коррозии изучались с помощью метода порошковой рентгеновской дифракции. Анализы состава металла створок проведены методами растровой электронной микроскопии в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом на растровом электронно-ионном микроскопе *Versa 3D* (метод *SEM-EDS*) и нейтронно-радиационного анализа (НРА)⁴.

Исследования методом нейтронной томографии

Нейтронная радиография – метод получения нейтронных изображений внутреннего строения объектов для получения информации о распределении неоднородностей внутри них. Нейтронная томография – метод получения объемного изображения внутреннего строения предмета при различных угловых положениях образца относительно нейтронного пучка. Томографическое исследование основано на просвечивании исследуемого объекта потоком нейтронов и одновременной регистрации при помощи соответствующего детектора

---

⁴ НРА проведен Л.И. Говором. Отдельное исследование осуществлено для установления технологии и рецептуры черного декора, украшающего створки многих энколпионов с вложениями.

распределения потока излучения за объектом. За счет неодинакового ослабления пучка при прохождении через образец, имеющий неоднородный химический состав и/или распределение плотностей, формируется теневая картина – радиограмма объекта. Яркость изображения в каждой точке пропорциональна линейному коэффициенту ослабления излучения. Некоторые детали строения объектов хорошо видны при работе с конкретными томографическими срезами, а некоторые можно понять, только изучив трехмерное изображение предмета. Томографическое или трехмерное изображение создается в результате математической обработки серии теневых картин, полученных при повороте объекта относительно пучка. Оно представляет собой набор срезов, перпендикулярных оси поворота объекта. На основе трехмерного изображения строится 3D модель объекта.

Семь энколпионов исследуемой серии до открытия створок были изучены методом нейтронной томографии на станции «ДРАКОН» исследовательского реактора ИР-8 «Курчатовского института» (Говор и др., 2017; Kovalenko et al., 2019; Соменков и др., 2019), построены четыре 3D модели, позволяющие документировать пространственное расположение вложений средствами объемной визуализации до проведения разрушающих лабораторных анализов.

После открытия крестов содержимое створок было исследовано комплексом аналитических методов.

Оптические исследования

Оптические исследования вложений проводились без пробоподготовки на поляризационном оптическом микроскопе «Axio Imager.M2m» (Karl Zeiss, Германия). Образцы помещали на предварительно очищенное этиловым спиртом предметное стекло и регистрировали наблюдаемые текстуры при различном увеличении (5x, 10x, 20x, 50x, 100x). Съемка образцов производилась: а) в проходящем свете в скрещенных поляроидах (в поляризованном свете), б) методом светлого поля в отраженном свете, в) методом светлого поля на просвет. Обработка изображений производилась в программе «Axio Vision». При съемке образцов применялись стандартные цветовые настройки (*factory default*).

Поляризационные микроскопы используют для изучения внутренней структуры различных материалов, в том числе тканевых волокон. Особенностью съемки в скрещенных поляроидах является возможность наблюдать оптически анизотропные структуры. Оптические свойства анизотропных микрообъектов различны в различных направлениях

и проявляются по-разному в зависимости от ориентации этих объектов относительно направления наблюдения и плоскости поляризации света, падающего на них. Таким образом, в поляризованном свете, различные анизотропные структуры, обладающие отличным показателем преломления, отражают проходящий свет по-своему, что делает возможным определение типа материала по показателю преломления. Радужные преломления света при наблюдении в скрещенных поляроидах могут быть уникальны для определенных материалов. Например, анизотропная природа текстильных волокон с ориентированными молекулами приводит к двулучепреломлению (продольное $\eta_{||}$ и поперечное $\eta_{\perp}$ показатели преломления отличаются). Конкретные цвета (так называемые интерференционные цвета) характеризуют типы волокон. Более организованные структуры, такие как лубяные волокна, видны в радужных цветах, тогда как менее упорядоченные структуры, например белковые волокна, видны как серые или желтоватые (Jenni et al., 2018).

Режим «на просвет» без скрещенных поляроидов в отличие от стандартного режима «на отражение» позволяет наблюдать в прозрачных объектах, пленках например, различные включения. Результатом является информация о морфологии объекта или включениях в нем. Методы светлого поля в отраженном и проходящем свете применяют для определения морфологии непрозрачных объектов, таких как образцы дерева, минералы. Структура препарата видна вследствие различия отражающей способности его элементов.

Часть исследований в режиме «на отражение» проводились на оптическом микроскопе *Olympus SZX7* с камерой *Leica DFC420C* с увеличением в диапазоне 8х – 56х и рабочим расстоянием до 90 мм и прямом оптическом микроскопе *Olympus BX51* с оптической системой UIS2 с увеличением в диапазоне 12,5х–2500х и рабочим расстоянием до 22 мм.

Прецизионные исследования микрообъектов проводились также на лучевом растровом электронном микроскопе *Versa 3D (FEI, США)* в режиме высокого и низкого вакуума. Сформированный электронами пучок позволял получать изображения в высоком разрешении с большой глубиной резкости и хорошо исследовать морфологию деструктурированных объектов с неровной поверхностью. Изображения поверхности были получены с помощью использования обратно рассеянных электронов и во вторичных электронах. Наличие низковакуумного режима работы микроскопа дало возможность исследовать непроводящие объекты без пробоподготовки и нанесения проводящих покрытий, т.е. получать изображение с реальной поверхности. Прибор оснащен энер-

годисперсионным рентгеновским спектрометром, позволяющим получать качественные и количественные данные химического состава объекта не только от заданной области, но и в точке. С его помощью был исследован химический элементный состав створок, а также продуктов коррозии и грунта, находившегося в межстворчатых полостях.

Метод порошковой рентгеновской дифракции

Исследование фазового состава продуктов коррозии створок проводили с помощью метода порошковой рентгеновской дифракции (XRPD) на станции «РСА» Курчатовского источника синхротронного излучения (КИСИ) «Курчатов» (Svetogorov et al., 2020). Использовали монохроматическое излучение с длиной волны 0.79 Å и поперечным размером пучка 400 × 400 мкм. Съемку дифракционных картин проводили в геометрии пропускания с помощью двумерного детектора Rayonix SX 165, располагавшегося перпендикулярно пучку СИ на расстоянии 80 мм. Использование большого двумерного детектора делало возможным исследование малых образцов (~10–100 мкм), позволяло методически устранять как асимметрию линий, так и искажения их интенсивностей при меньших и очень больших углах. Образец помещали в держатель размером 300 мкм и в процессе измерения вращали вокруг горизонтальной оси, что позволяло провести усреднение дифрактограмм по ориентациям образца. Получаемые на детекторе двумерные дифрактограммы интегрировали, т.е. приводили к стандартному виду зависимости интенсивности от угла рассеяния в программе *Dionis*. Определение качественного и количественного фазового состава проводили с использованием порошковой базы данных PDF-4+ на основе метода корундовых чисел (Hubbard et al., 1976).

Для исследования составов органических соединений, сохранившихся в остатках вложений и на поверхностях крестов-энколпионов, использовали методы газовой хроматографии и газовой хроматографии – масс-спектрометрии (ГХ–МС), а также инфракрасной спектроскопии (ИК).

Метод газовой хроматографии (ГХ) и газовой хроматографии – масс-спектрометрии (ГХ – МС)

Первоначально производилась экстракция органическими растворителями. Методика экстракции включала в себя обработку вложений и смывы с поверхности крестов-энколпионов хлороформом на ультразвуковой ванне (при 60 °С, 2 ч). Экстракты центрифугиро-

вали (4000 об/мин, 15 мин). Надосадочную жидкость – органический слой – помещали в испарительную чашку и упаривали до сухого остатка. Остаток растворяли в 50 мкл хлороформа и анализировали методом газовой хроматографии – масс-спектрометрии.

Хроматографическая система 1. Газовый хроматограф HP 6890 с масс-спектрометрическим детектором MSD 5975 фирмы «Agilent Technologies» (ГХ–МС). Условия хроматографирования: капиллярная колонка DB-5ms длиной 30 м, внутренним диаметром 0,25 мм и толщиной пленки неподвижной фазы 0,25 мкм. Температурная программа: начальная температура термостата колонки 100 °С; повышение температуры от 100 до 280 °С со скоростью 15 °С/мин, выдержка при конечной температуре 10 мин. Газ-носитель гелий, расход 1 мл/мин, деление потока 1:10. Температура дозатора 280 °С, интерфейса детектора 280 °С. Объем пробы 1 мкл. Детектирование проводили в режиме сканирования по полному ионному току. Идентификацию соединений в экстрактах проводили с использованием базы данных масс-спектров из библиотеки *NIST 11*, библиотеки *NIST Chemistry WebBook*⁵, а также сравнением с масс-спектрами эталонных образцов. Данные представляли в виде хроматограмм и идентификационных таблиц.

Для определения присутствия животных жиров и/или растительных масел в остатках от вложений и в смывах с поверхности крестов-энколпионов, полученные экстракты подвергали дериватизации метанолом с кислотным катализатором для получения метиловых жирных кислот (МЭЖК). Для этого в стеклянную ампулу помещали 200 мкл исследуемого экстракта в хлороформе, добавляли 1 мл метанола, затем добавляли 50 мкл ацетилхлорида. Запаянную ампулу выдерживали в сушильном шкафу при температуре 100 °С в течение трех часов. Далее ампулу охлаждали до комнатной температуры и, после разделения слоев, вскрывали. Для определения содержания образовавшихся метиловых эфиров жирных кислот (МЭЖК) отделяли верхний (гексановый) слой, переносили в испарительную чашку и удаляли растворитель при комнатной температуре. Остаток растворяли в 100 мкл гексана.

Анализ МЭЖК проводили на газовом хроматографе фирмы *Bruker* модели 430 GC с плазменно-ионизационным детектором на кварцевой капиллярной колонке *Select™ Biodiesel for FAME* длиной 30 м и внутренним диаметром 0,32 мм, толщина пленки неподвижной фазы 0,25 мкм.

---

⁵ NIST 11 Mass Spectral Library – NIST11/2011/EPA/NIH; NIST Chemistry WebBook, SRD 69.

Температурная программа колонки: начальная температура – 140 °С, выдержка 4 минуты, повышение температуры до 260 °С со скоростью 4 °С/мин и выдержка в изотермическом режиме в течение 10 минут при 260 °С. Температура инжектора – 260 °С. Температура детектора – 260 °С. Скорость потока газа-носителя (азота) 20 мл/мин, деление потока 1:10. Объем пробы 2 мкл. Идентификацию метиловых эфиров жирных кислот проводили с использованием стандартной смеси МЭЖК SP-37 (*Supelco 37 Component FAMEMix*), содержащую в своем составе метиловые эфиры 37 жирных кислот различного строения.

*Метод инфракрасной спектроскопии (ИК)
с преобразованием Фурье*

Для исследований использовали два спектрометра:

1) *Thermo Scientific Nicolet iS5*, оснащенный НПВО-приставкой *iD5 ATR* (кристалл – алмаз). Запись спектров проводили в режиме отражения с разрешением 4 см⁻¹, количество сканов – 32.

2) *Bruker Vertex 70* с приставкой НПВО (кристалл *ZnSe*). Запись спектров проводили в режиме отражения с разрешением 4 см⁻¹, количество сканов – 16.

Съемку ИК-спектров образцов без предварительной пробоподготовки проводили путем прижатия исследуемого объекта прижимным устройством к кристаллу НПВО, обеспечивая максимальный контакт поверхности образца с кристаллом. Съемку ИК-спектров экстрактов содержимого полостей крестов-энколпионов проводили путем нанесения 10 мкл экстракта непосредственно на поверхность кристалла НПВО и испарения растворителя током воздуха при комнатной температуре. Для первоначальной идентификации полученных спектров использовали базы данных *NIST* и *BioRad*, а также предварительно полученные спектры эталонных образцов.

Энколпионы и их вложения

1. Клещино, 2016 № 205/40 (рис. 1, а1). Целый закрытый, с оглави-ем, прямоконечный, гладкий, тип IV.6.1 по А.А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 165–170). Дата – конец XI–XII в. (*Макаров и др.*, 2017). Размеры без оглавия: 45,0×25,0×7,5 мм. Сохранились оба запорных штифта в виде расклепанных медных стерженьков. Состав металла одного из них: Cu – 99%, Pb – 1%. Литье створок по восковой модели из многокомпонентной латуни. Состав сплава 1-й створки: Cu – 78%; Zn – 9,5%,

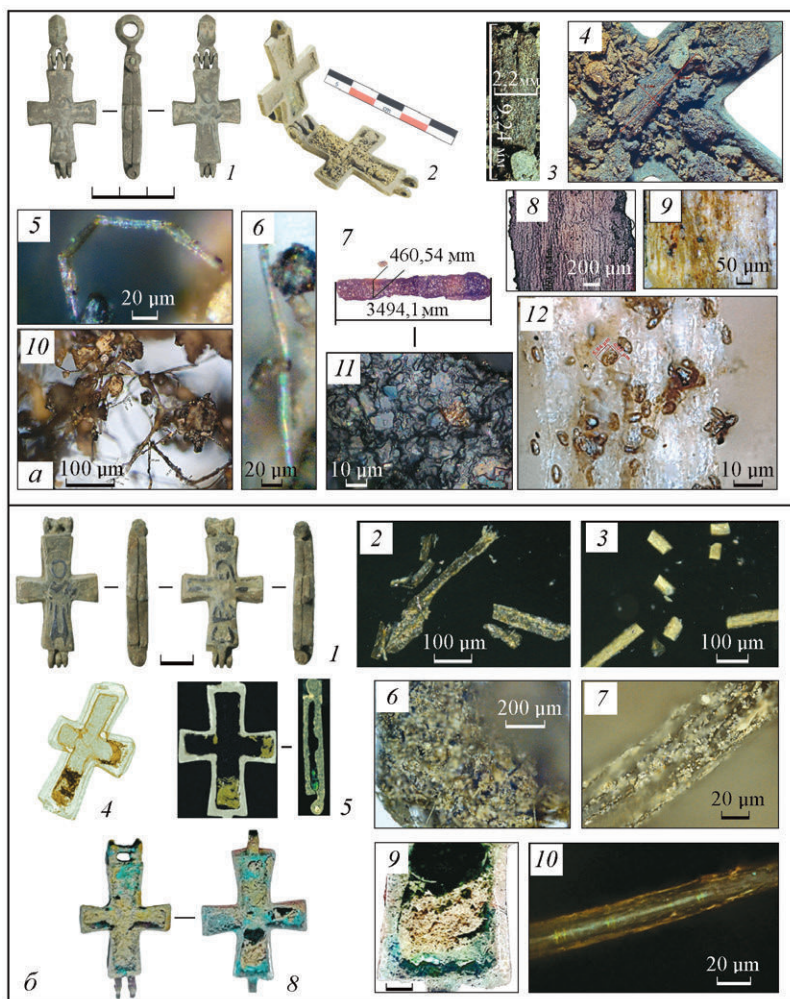

Рис. 1. Фото и томограммы крестов-энколпионов и их вложений из селищ Клешино и Федосьино 1 (№ 1, 2)

а) Клешино, 2016 № 205/40: 1, 2 – фото до и после раскрытия; 3, 4 – макрофото древесной щепы; 5, 6, 10 – оптические изображения текстильных (льняных) элементарных волокон в поляризованном (5, 6) и отраженном (10) свете; 7, 11 – оптические изображения смоляной капли (7) и увеличенного участка ее поверхности (11) в отраженном свете; 8, 9, 12 – оптические изображения тангенциальных срезов древесной щепы с разным увеличением в отраженном свете;

б) Федосьино 1, 2018, № 867/6: 1, 8, 9 – фото до и после раскрытия; 2, 3, 7 – оптические изображения растительных нетекстильных волокон в режиме «на просвет» с препарированием образца (2, 3) и в отраженном свете (7); 4 – 3D модель; 5 – томографические срезы в разных проекциях; 6 – грунт из заполнения створок, содержащий черные включения (нефтепродукты?) и растительные волокна, 10 – оптическое изображение текстильного элементарного волокна (лен или конопля) в отраженном свете

Pb – 7,5%, Sn – 2%, в качестве почвенного загрязнителя присутствовал кремний (Si) – 3%. Состав сплава 2-й створки: Cu – 79,5%, Zn – 8%, Pb – 8%, Sn – 1,5%, в качестве загрязнителя присутствовал кремний (Si) – 3%. Створки украшены черневым декором, выполненным инкрустацией полосами металла: Распятие (лицевая) и Богоматерь Оранта (оборотная). В состав черневого декора входил медно-оловянный сульфид, сульфид свинца (галенит) и смесь сульфидов меди.

Внутри крест был заполнен грунтом. В нем выявлена капля вещества размерами 3,5×0,5 мм (рис. 1, а7, 11), исследованная методом ИК-спектроскопии. Анализ выявил смоляную смесь (рис. 8, а4). В грунте присутствовали многочисленные деградированные растительные волокна (рис. 1, а10), которые можно условно разделить на 2 группы: более крупные элементарные волокна толщиной 10–25 микрон, определяемые как льняные по размерам и наличию повторяющихся поперечных перемычек-утолщений. При съемке в поляризованном свете этот характерный признак выглядит как чередование радужных кольцевых оболочек (рис. 1, а5, 6). Кристаллы оксалата кальция, обычно присутствующие в пектидном слое крапивы или конопли, но всегда отсутствующие в льне (*Bergford, Holst, 2010*) при съемке на скрещенных поляроидах не высвечивались. Системы крутки и переплетения нитей не просматриваются.

Другие растительные волокна толщиной около 4–7 микрон не имеют утолщений-перемычек. Это остатки неопределимых травянистых растений. В центре полости находилась древесная щепка размерами 9,24×2,20 мм весом 14 мг (рис. 1, а2–4, 8, 9, 12). Методом ИК-спектроскопии определена порода дерева – хвойное из семейства сосновых.

Предположительно вложением могли являться древесная щепка и кусочек смолы, завернутые во фрагмент льняной ткани, распавшейся со временем. Не исключается возможность первоначальной закладки в полость горстки грунта.

2. Федосьино 1, 2018, № 867/6 (рис. 1, б1, б8). Целый закрытый, без оглавия, прямоконечный, гладкий, тип IV.6.1, по А. А. Песковой (аналогичен кресту № 1).

Размеры без оглавия: 45,0×25,0×6,5 мм. Сохранились оба запорных штифта в виде расклепанных бронзовых стерженьков. Литые створки по восковой модели из свинцовой латуни. Состав сплава первой створки: Cu – 69,5%, Zn – 11%, Pb – 18%, Sn – 0,5%, в качестве загрязнителя присутствовали Fe – 0,5% и Al – 0,5%. Состав сплава второй створки: Cu – 57%, Zn – 21%, Pb – 17,5%, в качестве поверхностного загрязнителя из почвы присутствовал Al – 4%.

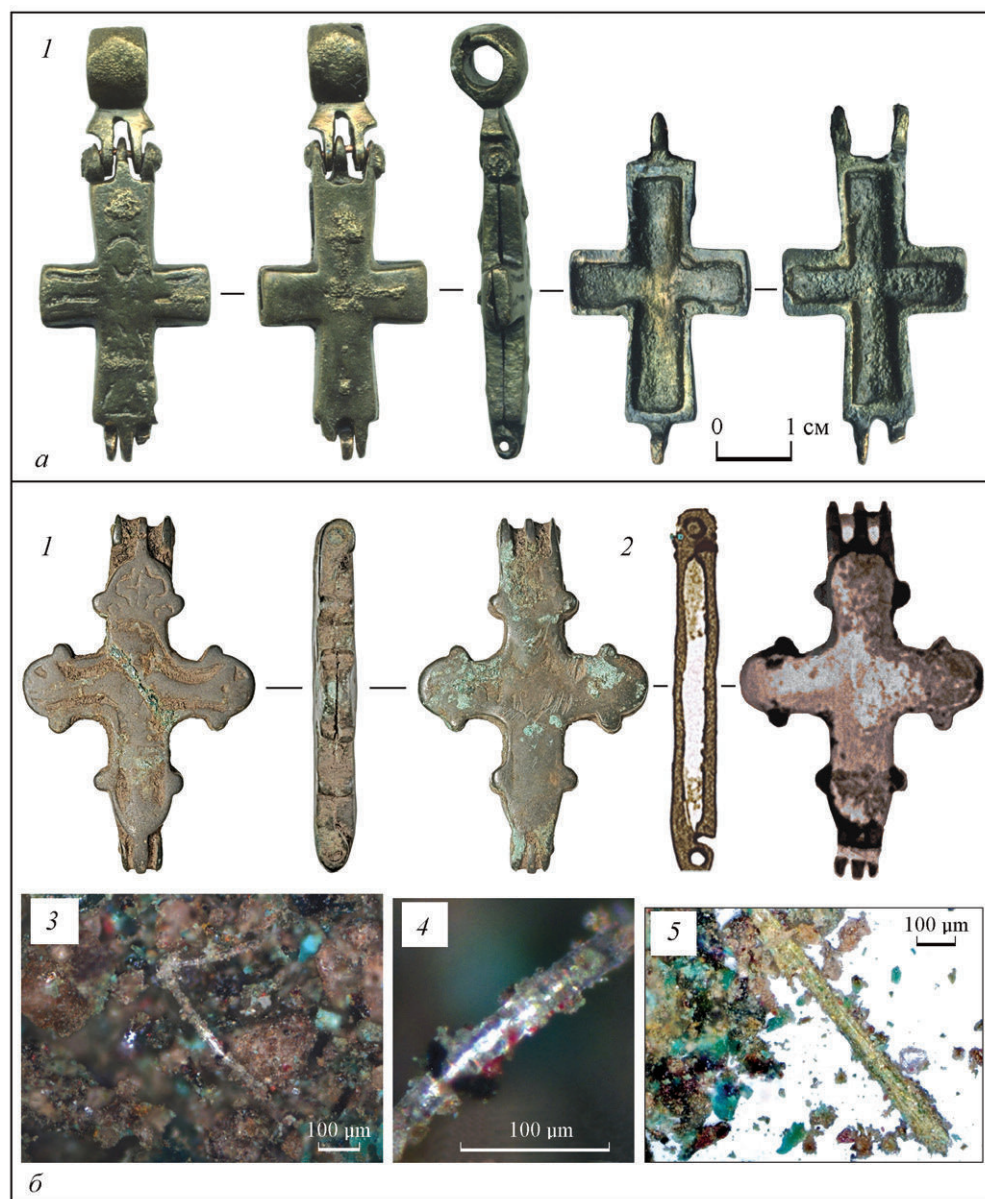

Рис. 2. Фото и томограммы крестов-энколпионов и их вложений из Новгорода и селища Григорово 2 (№ 3, 4)

а) Новгород, Десятинный-1, № 139: 1 – фото;
 б) Григорово 2, 2016, № 488/110: 1 – фото; 2 – нейтронные срезы закрытого энколпиона (в цветовой обработке); 3, 4, 5 – оптические изображения растительных волокон (льняное или конопляное элементарное волокно (3, 4 – в отраженном свете)

Створки украшены черневым орнаментом: Распятие (лицевая створка) и Богоматерь Оранта (оборотная створка). В состав черни входили сульфиды меди и свинца, а также сернистые соединения железа, меди и никеля (борнит и виоларит), что может говорить об использовании в рецептуре изготовления черни непосредственно полиметаллических сульфидных руд, как правило, кроме меди, содержащих сульфиды железа и никеля. В качестве продукта коррозии черни (свинцового сульфида) выявлен гидрокосульфат свинца англезит и карбонат свинца церуссит. По данным нейтронной томографии энколпион имеет небольшое по объему рыхлое заполнение в нижней части полости и совсем незначительное в одной из боковых ветвей (рис. 1, б4, б5).

При герметизации створок могла использоваться смесь, содержащая битум, так как при ГХ-МС исследовании смывов со створок было установлено присутствие веществ нефтяного происхождения, а жирные кислоты обнаружены в следовых количествах.

После открытия створок в полости креста был обнаружен грунт с включениями. При микроскопическом исследовании отдельных включений, проведенном на оптическом микроскопе, как в режиме «на просвет» (рис. 1, б2, б3) (с препарированием образцов, но без применения скрещенных поляроидов), так и «на отражение» (рис. 1, б6, б7, б10), были выявлены фрагменты текстильных растительных волокон (технических и элементарных), предположительно идентифицируемые как конопляные (рис. 1, б10). Элементарные волокна имеют средний размер в поперечнике 30–40 микрон, что также ближе к средним измерением волокон конопли (*Summerscales et al.*, 2017, *Bergfford et al.*, 2010). Системы крутки и переплетения не прослеживаются. На отдельных растительных волокнах и грунте располагаются микрообласти, окрашенные в черный цвет (рис. 1, б2, б6), которые возможно образовались вследствие загрязнения нефтепродуктами (битумом?).

Вероятно, энколпион имел вложение в виде фрагмента ткани или нитей из растительных (конопляных?) волокон, покрытой смесью, состоящей из нефтепродуктов (битумом?). На стыках створок темный налет не прослежен, поэтому микрофрагменты грунта (песчинки и т.д.), могли попасть во внутреннюю полость при залегании в земле через щели. Отсутствие жирных кислот на смывах из полости энколпиона свидетельствует о том, что органические вложения животного происхождения не использовались.

3. Новгород, 2008, Десятинный-1, № 139 (рис. 2, а1). Целый закрытый с оглавием, прямоконечный, гладкий тип IV.6.2, по А. А. Песковой.

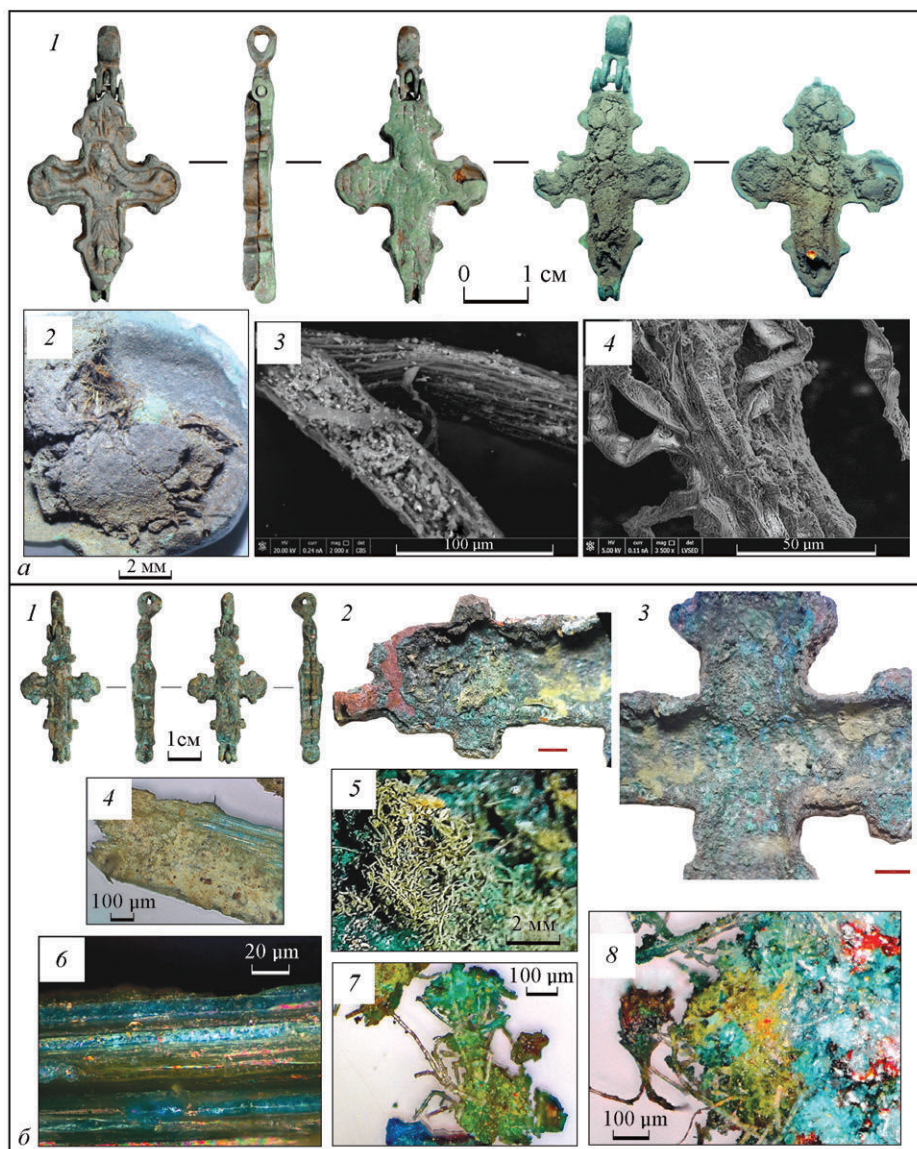

Рис. 3. Фото и РЭМ-изображения крестов-энколпионов и их вложений из селища Михали и Суздаля (№ 5, 6)

а) Михали 4, 2016, № 595/16: 1 – фото до и после раскрытия; 2 – фото части содержимого; 3, 4 – РЭМ-изображения фрагментов текстильных льняных волокон;

б) Суздаль, ул. Гастева, № 18-37: 1-3, 5 – фото до раскрытия (1) и областей оборотной створки после раскрытия (2, 3, 5); 4, 6-8 – оптические изображения фрагментов растительных волокон поляризованном (4, 6) и отраженном (7, 8) свете

Размеры без оглавия: 33,0×22,5×6,5 мм. Изготовлен из оловянно-свинцовой бронзы. На лицевой створке изображено Распятие, на оборотной – крест. Рисунки дополнены черневыми вставками. Стратиграфическая дата – вторая половина XII – начало XIII в. (Олейников, 2019. С. 164).

Одна нижняя петля оборотной створки обломана, нижний штифт отсутствует. В полости креста находился порошок темно-коричневого цвета весом 53,8 мг, который исследовался методами ИК-спектроскопии и ГХ-МС. Сравнительный анализ экстрактов образца содержимого креста и образцов ладана и воска показал наличие в заполнении энколпиона соединений, характерных для натурального ладана, но отсутствие веществ, свойственных пчелиному воску.

Вложением в крест был ладан.

4. Григорово 2, 2016, № 488/110 (рис. 2, б1). Целый закрытый, без оглавия. Рельефный, с закругленными концами («поздний борисоглебский», тип VIII.3.1, конец XII–XIII в., по А.А. Песковой) (Корзухина, Пескова, 2003. С. 225). Размеры без оглавия: 53×35×7 мм. Сохранились оба запорных штифта: верхний – расклепанный медный стерженек, нижний – деревянный клинышек. На лицевой створке – Распятие (поперечная трещина створки), на оборотной – сильно затертое изображение святого. Литье по оттиску из оловянно-свинцовой бронзы. Состав металла 1-й створки – Cu – 68%, Sn – 25%, Pb – 4%, в качестве загрязнителей присутствовали Fe – 0,5%, Si – 0,5% и Ca – 1,5%. Состав металла 2-й створки – Cu – 82%, Sn – 15%, Pb – 2%, почвенный загрязнитель Fe – 0,65%. Верхняя заклепка изготовлена из чистой меди (Cu – 100%). Хотя створки плотно прилегали друг к другу, из-за неровностей литья образовались щели шириной до 0,5 мм.

По данным нейтронной томографии рыхлая субстанция заполняла нижнюю, верхнюю и частично одну из боковых ветвей энколпиона (рис. 2, б2). После открытия створок выяснилось, что полость заполнена медными окислами, рыхлое вещество является грунтом. Методом оптической микроскопии в нем выявлены несколько растительных фрагментов нетекстильных целлюлозных волокон (рис. 2, б5). Одно нитевидное включение толщиной около 20 микрон по наличию характерных поперечных уплотнений-перемычек можно идентифицировать как текстильное льняное или конопляное элементарное волокно (рис. 2, б3–4). Какой-либо системы крутки и переплетения не прослеживается.

Учитывая количество и характер распределения грунта внутри складня (по краям), а также выявленные щели можно предположить естественный характер заполнения энколпиона почвенными

фракциями. Возможно, во вложении присутствовала льняная или конопляная ткань или нить, которая была утрачена при потере нижнего штифта (заменен на деревянный клинышек).

5. Михали 4, 2016, № 595/16 (рис. 3, а1). Целый закрытый, с оглавлением, рельефный, с закругленными концами («поздний борисоглебский», тип VIII.3.1, по А. А. Песковой). Размеры без оглавия: 52×36×6 мм. Нижняя петля на лицевой створке отсутствует, на оборотной створке обнаруживается значительный непролив в правой ветви. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового расклепанного стерженька. На нижней ветви креста в районе ног Христа располагается сквозная фронтальная заклепка. На лицевой створке изображено Распятие, на оборотной створке помещено сильно затертое изображение святого. Створки отлиты из оловянно-свинцовой бронзы. Состав металла 1-й створки Cu – 71%, Sn – 23%, Pb – 6%. Состав металла 2-й створки Cu – 75,5%, Sn – 20,5%, Pb – 4%. Фронтальная заклепка изготовлена из двойной латуни (Cu – 96,5%, Zn – 3,5%).

После открытия оказалось, что содержимое представлено грунтом с растительными включениями, среди которых выявляются корешки и волокна стеблей травянистых растений, а также фрагменты текстильных растительных элементарных волокон в пучках, то есть части так называемого технического волокна (рис. 3, а3–4). Системы крутки и переплетения не прослеживаются. По морфологическим признакам и размерам данные фрагменты можно отнести к образцам текстиля, изготовленного из льна. По данным ИК-спектроскопии некоторые нитевидные растительные включения минерализовались и образовали соединения на глинистой основе (рис. 8, а5–6). Согласно результатам ИК-спектроскопии все волокна, обнаруженные в полости, имеют растительное происхождение, т.к. не содержат азотистых соединений, характерных для животных белков (рис. 8, а1, 5–6).

Концентрации химических элементов в грунте, осевшем на растительных волокнах, были измерены с помощью энергодисперсионного рентгеновского спектрометра и колебались в разных областях в пределах: С (26–53%), О (21–45%), Mg (1%), Al (6,5–8,5%), Si (2,5–14,5%), Р (1%), К (1%), Са (1,5–4%), Fe (2%). Присутствующие в его составе свинец (0,5%) и медь (1–9%) являлись вероятнее всего продуктами коррозионного загрязнения от сплава створок. Полученные данные свидетельствовали об отсутствии каких-либо костных останков в межстворчатой полости. Мощевик был очень плотно забит грунтом (рис. 3, а1) и, хотя грунт мог попасть внутрь через значительное отверстие в правой

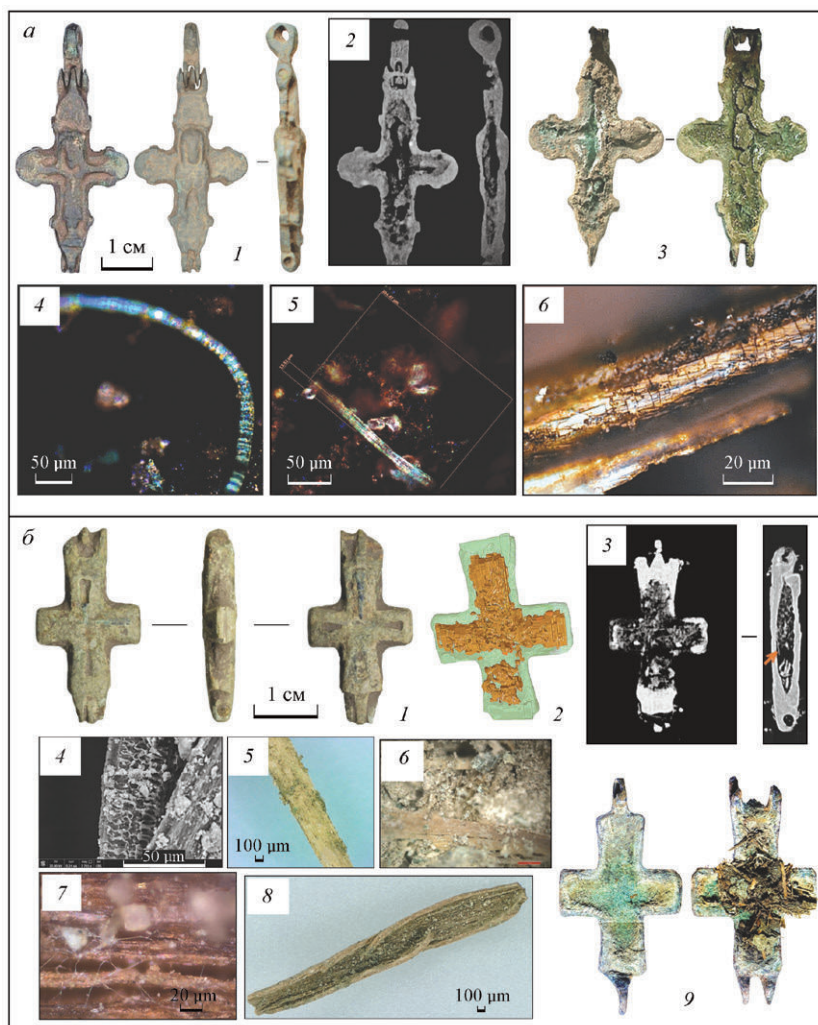

Рис. 4. Фото и томограммы крестов-энколпионов и их вложений из селищ Сорогужино 2 и Михали 4 (№ 7, 8)

а) Сорогужино 2, 2015, № 443/17: 1, 3 – фото до и после раскрытия; 2 – нейтронные срезы в различных проекциях; 4, 5, 6 – оптические изображения элементарных волокон льна в поляризованном (4, 5) и отраженном (6) свете;

б) Михали 4, 2016, № 679/100: 1, 9 – фото до и после раскрытия; 2 – 3D модель, построенная по данным нейтронной томографии; 3 – нейтронные срезы в различных проекциях, красной стрелкой отмечено типичное изображение волокна, полученное с помощью нейтронов; 4 – РЭМ-изображение продольного среза элементарного волокна неизвестного растения; 5 – оптическое изображение неизвестного растительного волокна в отраженном свете; 6, 8 – оптические изображения фрагментов стенок стебля неизвестного растения с разным увеличением в отраженном свете; 7 – оптическое изображение пучка элементарных волокон в структуре стебля неизвестного растения в отраженном свете

створке и в момент утраты нижнего штифта, не исключается возможность преднамеренного его помещения в полость.

Вложением могла быть льняная ткань или нить.

6. Суздаль, 2016, ул. Гастева, № 18–37 (рис. 3, б1). Целый, закрытый, с оглавием, рельефный с закругленными концами, сильно корродирован. Размеры без оглавия: 47×27×7 мм. Створки энколпиона погнуты, так что в его центральной части имеется межстворчатая щель шириной 3 мм. Сохранились запорные штифты: верхний из бронзы и нижний деревянный, не запирающий до конца петли створок. На лицевой створке помещено изображение Распятия, на оборотной – Богоматери с ладонями, раскрытыми перед грудью (тип III.3.1, по Песковой). Время бытования – весь XII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 132–133). Створки были изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Состав металла 1-й створки – Cu – 80%, Sn – 15,5%, Pb – 4%, в качестве загрязнителя присутствовал Fe – 0,5%. Состав металла 2-й створки – Cu – 86%, Sn – 10%, Pb – 4%.

В полости креста присутствовали в большом количестве медные оксиды (рис. 3, б3). В нижней ветви сохранился клубок размером 3,5×3 мм, состоящий из спутанных растительных волокон (рис. 3, б2, 4–6), возможно представляющий собой микрофрагмент ткани. На ИК-спектрах волокон отсутствуют полосы, которые можно было бы соотнести с азотистыми соединениями, характерными для белков животного происхождения (шерсть, волосы). По данным оптического анализа некоторые волокна могут быть предположительно идентифицированы как льняные (рис. 3, б7, 8).

Часть волокон была минерализована соединениями меди (рис. 8, а12–13). ИК-спектры образцов двух таких волокон характеризуются наличием полос поглощения при волновых числах 3323 (с плечом 3393) см⁻¹, 2923 и 2853 см⁻¹ (очень слабые), 1635 (плечо), 1490, 1387, 1098, 1041, 917, 877, 816, 750 см⁻¹. Данные спектры хорошо соотносятся со справочными спектрами минерала малахита, являющегося дигидрокарбонатом меди (II) – Cu₂(OH)₂CO₃ (Шуйский, 2013; Chen et al., 1996). Результаты исследования газовой хроматографией указывают на отсутствие воскомастики и костного материала. Вероятно, содержимое было утеряно, и, поэтому, его характер остался до конца неясен. Возможно в энколпион был вложен кусочек льняной ткани.

7. Сорогужино 2, 2015, № 443/17 (рис. 4, а1). Целый закрытый, с оглавием, рельефный с закругленными концами. Размеры без оглавия: 44×25×6 мм. На лицевой створке помещено Распятие, на оборотной – Богоматерь с ладонями, раскрытыми перед грудью (тип III.3.1,

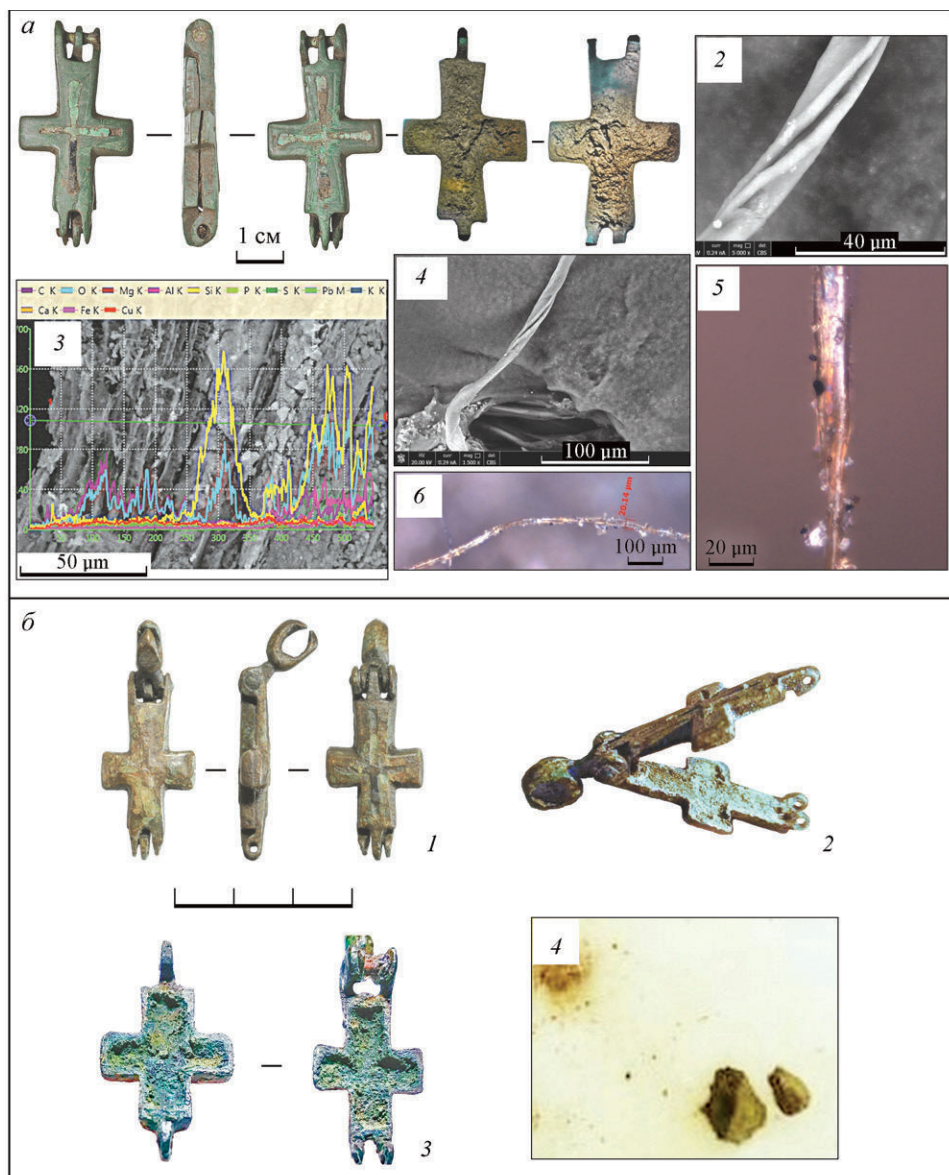

Рис. 5. Фото и РЭМ-изображения крестов-энколпионов и их вложений из селищ Суворотское 8 и Григорово 2 (№ 9, 10)

а) Суворотское 8, № 380/48: 1 – фото до и после раскрытия; 2, 4 – РЭМ-изображения фрагментов хлопкового элементарного волокна; 3 – РЭМ-изображение участка разрушенного волокна травянистого растения и фрагментов грунта, сопровождаемое полученным в результате измерения спектром ЭРМ; 5, 6 – оптические изображения хлопковых волокон в отраженном свете;

б) Григорово 2, № 12/12: 1-3 – фото до и после раскрытия; 4 – фрагменты вложения

по А. А. Песковой). Литые по оттиску из оловянной бронзы (интегральный состав металла двух створок (*метод НРА*): Cu – 89,2%, Sn – 5,8%, Pb – 0,35%. Изображения нечеткие и затертые. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового стержня, нижний запорный штифт отсутствовал.

На нейтронных томографических изображениях видно, что внутренняя полость креста-энколпиона примерно наполовину заполнена твердым веществом, прозрачным для рентгеновского излучения. Вещество распределено по стенкам полости и примыкает к зазорам между створками, в центре креста находятся фрагменты, не закрепленные на стенках (рис. 4, а2).

После открытия в полости энколпиона обнаружены медные оксиды и грунт, содержащий деградированные травяные фрагменты и фалангу насекомого (рис. 4, а3). С помощью оптической микроскопии выявлены отдельные элементарные волокна льна, фибриллы которых имели S-образную ориентацию, направленную против часовой стрелки (рис. 4, а4–6; см. *Bergfjord et al.*, 2012; *Garside et al.*, 2006; *Jenni et al.*, 2018). По данным ИК-спектроскопии (рис. 8, б1) и газовой хроматографии (рис. 8, в3; табл. 1) в грунте обнаружены остатки воскомастики, изготовленной из смеси пчелиного воска и натурального ладана.

Смесь воска и ладана могла быть завернута в льняную ткань и служить вложением. Воскомастичная смесь могла также использоваться для фиксации створок.

8. Михали 4, 2016, № 679/100 (рис. 4, б1). Закрытый, нижние петли и штифт обломаны, без оглавия, гладкий прямоконечный. Размеры: 32×18×4 мм. Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами. Тип IV.6.3, по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 171–173). Сохранился верхний запорный штифт из бронзового стерженька. Литой по восковой модели из многокомпонентного сплава. Состав металла 1-й створки: Cu – 83%, Zn – 8%, Sn – 4%, Pb – 4%, в качестве загрязнителя присутствовало Fe – 1%. Состав металла 2-й створки: Cu – 80%, Zn – 6%, Sn – 6%, Pb – 7%, в качестве загрязнителя присутствовали Fe – 0,5% и Si – 0,5%. В состав черни входили медные сульфиды ярровит и анилит с перешедшим в результате коррозии из свинцового сульфида в сульфат англезитом. В декоре выявлены и другие продукты коррозии «медной» черни – оксид меди куприт и карбонат свинца церуссит (*Зайцева и др.*, 2019).

Методом нейтронной томографии установлено, что внутренняя полость креста заполнена рыхлым составом, в котором регистрируется

Таблица 1. Результаты идентификации основных соединений в экстрактах образцов вложений крестов-энколпионов из с. Михали 4 (№ 8) и Сорогужино 2 (№ 7) в сравнении с образцами смолы и ладана.

№ п/п.	Соединение	Индекс удерживания	смола К	Ладан ХХС	Ладан ГИ	Михали 4 (1)	Михали 4 (2)	Сорогужино 2	Ладан НА
1	α -pinene	942	+			+		+	
2	β - pinene	966	+				+	+	+
3	β -myrcene	994						+	
4	Guaiacol	1074					+	+	
5	Verbenol	1131	+						
6	4-terpineol	1182	+		+				+
7	Verbenone	1221	+	+			+	+	+
8	Cyclosativene	1360						+	
9	α -copaene	1383							
10	δ -cadinene	1524					+	+	
11	Caryophyllene oxide	1582							
12	ι -cadinol	1634	+	+	+			+	+
13	Sesquiterpene	1679	+	+			+	+	+
14	15-nor-labd-8-ene	1812		+		+	+	+	+
15	15-nor-labd-7-ene	1835		+		+			
16	2-acetoxylfuranodiene	1884		+		+	+		
17	Diterpene 1	1946		+		+			
18	Diterpene 2	1983		+	+			+	+
19	Cembrene C	2002		+	+		+		
20	Diterpene 3	2141		+		+		+	+
21	Isoincensole acetate	2152	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 1. Результаты идентификации основных соединений в экстрактах образцов вложений крестов-энколпионов из с. Михали 4 (№ 8) и Сорогужино 2 (№ 7) в сравнении с образцами смолы и ладана (окончание).

№ п/п.	Соединение	Индекс удерживания	смола К	Ладан ХХС	Ладан ГИ	Михали 4 (1)	Михали 4 (2)	Сорогужино 2	Ладан НА
22	Triterpene 1	2280		+	+				+
23	Tricosane (C23)	2300					+	+	
24	Triterpene 2	2316	+	+		+			+
25	Triterpene 3	2321		+					
26	Triterpene 4	2327		+					
27	Triterpene 5	2348	+	+	+			+	+
28	Triterpene 6	2452	+	+					
29	Triterpene 7	2468	+						
30	Pentacosane (C25)	2500				+	+	+	
31	Triterpene 8	2609				+	+		
32	Heptacosane (C27)	2700				+	+		
33	Triterpene 9	2719	+			+			+
34	Nonacosane (C29)	2900				+	+	+	
35	Triterpene 10	2981	+		+	+			+
36	Hentriacontane (C31)	3100			+	+		+	
37	Triterpene 11	3153	+		+	+			+
38	Tritriacontane (C33)	3300				+		+	
39	Triterpene 12	3326	+		+				+

Обозначение образцов: К - смола ладанного дерева (Израиль), ХХС - из Храма Христа Спасителя (Москва), ГИ - из монастыря Герасима Иорданского (Израиль), НА - ладан из Афона (Греция).

большое количество крупных включений (преимущественно, в центре и в нижней ветви), а также плоские и нитевидные объекты (рис. 4, б3; см. также: *Говор и др.*, 2017). Чтобы увидеть, насколько плотно вложение занимало межстворчатую полость в закрытом энколпионе, была построена его 3D модель (рис. 4, б2). Створки энколпиона были очень плотно скреплены воскомастичной смесью. Методами ИК-спектроскопии (рис. 8, б1) и газовой хроматографии (рис. 8, в1, 2; табл. 1) определено, что в ее состав входили ладан и пчелиный воск.

После открытия створок в заполнении полости обнаружен грунт с включениями. Методом оптической микроскопии в нем выявлены многочисленные остатки стеблей травянистого растения (рис. 4, б5–6, 9), морфологически напоминающих волокна *Foeniculum vulgare* (фенхель обыкновенный). Однако надежных аналогий найти не удалось. Фрагменты стеблевых стенок состояли из десятков элементарных волокон (рис. 4, б4–5, 8). Изучение структуры отдельных элементарных волокон не позволило отнести их к текстильным разновидностям (льну, конопле или крапиве) ввиду отсутствия характерных для них повторяющихся поперечных утолщений-перемычек (рис. 4, б7). Крутка и переплетение отсутствовало.

Проникновение такого большого количества растительных остатков из почвы в герметизированную межстворчатую полость креста-мощевика было исключено, поэтому можно предположить, что энколпион имел вложение в виде неизвестного травянистого растения. Створки были залиты воскомастичной смесью.

9. Суворотское 8, 2016, № 380/48 (рис. 5, а1). Целый, закрытый, без оглавия, гладкий прямоконечный. Тип IV.6.3, по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 171–173). Размеры: 33×18×5 мм. Сохранились оба штифта: верхний штырек из свинцовой латуни (Cu – 89%, Zn – 3%, Pb – 1%), нижний деревянный. Створки закрывались не плотно, образуя щели, в верхней части креста достигающие ширины 1 мм. Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами. Отлит по восковой модели из многокомпонентного сплава. Состав сплава 1-й створки: Cu – 80,5%, Zn – 9%, Pb – 6%, Sn – 2,5%, в качестве загрязнителя присутствовали Fe – 0,5%, Si – 0,5% и Al – 1%. Состав сплава 2-й створки: Cu – 79%, Zn – 9%, Pb – 8%, Sn – 2,5%, в качестве загрязнителя присутствовали Fe – 0,5%, Si – 1%. Чернь представлена разными по цвету (черными и зелеными) вставками. Зеленый декор представлял собой продукты коррозии «медной черни» и состоял из гидроксосульфатов меди (сернистых соединений

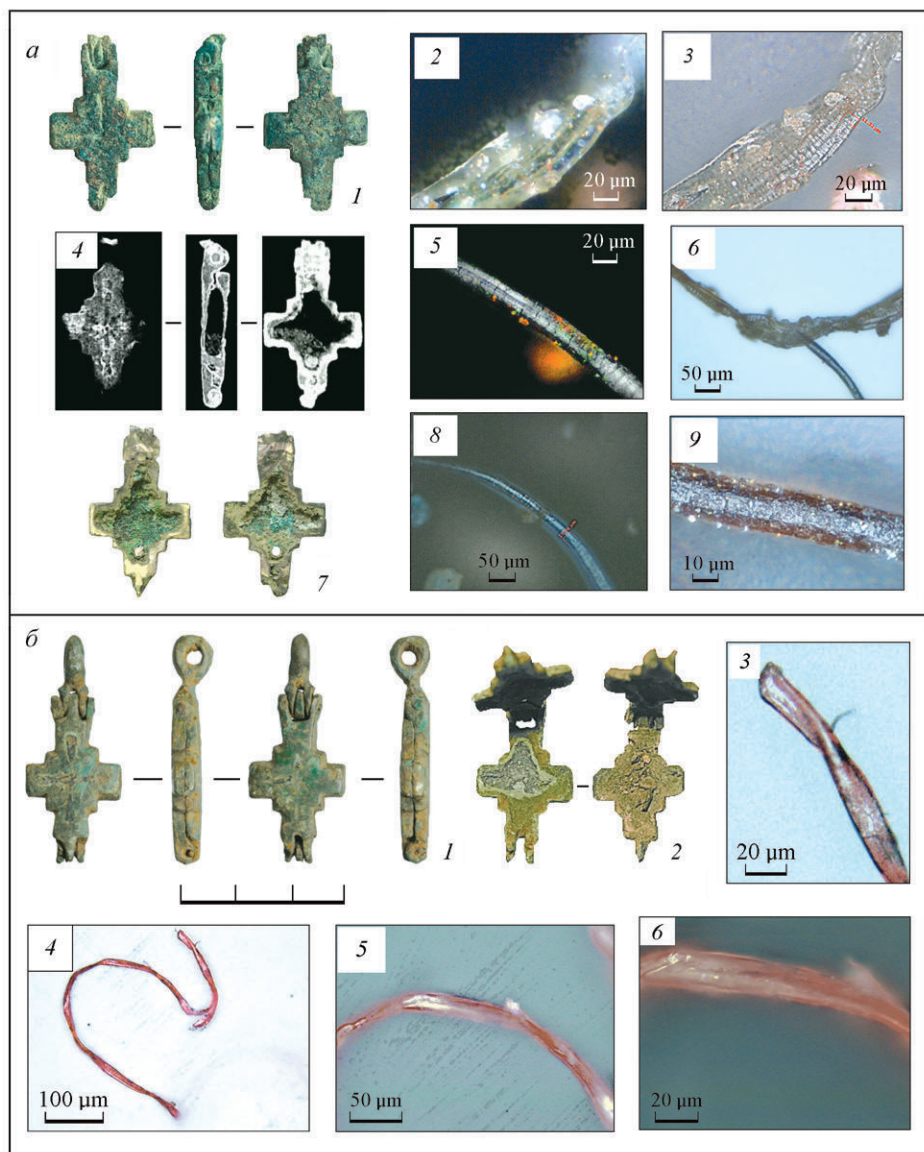

Рис. 6. Фото и томографические изображения крестов-энколпионов и их вложений из селищ Михали 4 и Михали 3 (№ 11, 12)

а) Михали 4, № 680/101: 1, 7 – фото до и после раскрытия; 2, 3 – фрагменты волокон шерсти козы в поляризованном свете; 4 – томографическое изображение; 5, 8, 9 – фрагмент человеческого волоса в поляризованном свете; 6 – человеческий волос в пучке шерстяных волокон;

б) Михали 3, № 443/152: 1, 2 – фото до и после раскрытия; 3–6 – оптические изображения шелкового волокна из заполнения створок выполненные с разным увеличением в отраженном свете

с добавлением гидроксидной группы) переменного состава и сульфата свинца (сернистого соединения, включающего кислород), в то время как декор черного цвета состоял из смеси сульфидов (сернистых соединений) меди и свинца (Зайцева и др., 2019).

В заполнении полости энколпиона находился грунт, в котором выявлены текстильные элементарные волокна, характерные для хлопка (рис. 5, а2, 4–6). Структура крутки и переплетения не зафиксирована. В ИК-спектрах волокон отсутствуют полосы Амид-I, Амид-II и Амид-III, часто являющиеся индикаторами соединений, характерных для белков животного происхождения. На спектрах волокон регистрируется полоса, характеризующая Si-O связи (рис. 8, а8), что может свидетельствовать о процессах загрязнения или минерализации волокон в песчано-глинистом грунте. Результаты элементного анализа грунта (рис. 5, а3) свидетельствуют о преобладании кварца, алюминия и железа в его составе и фиксируют отсутствие значимых концентраций химических элементов, маркирующих костные останки.

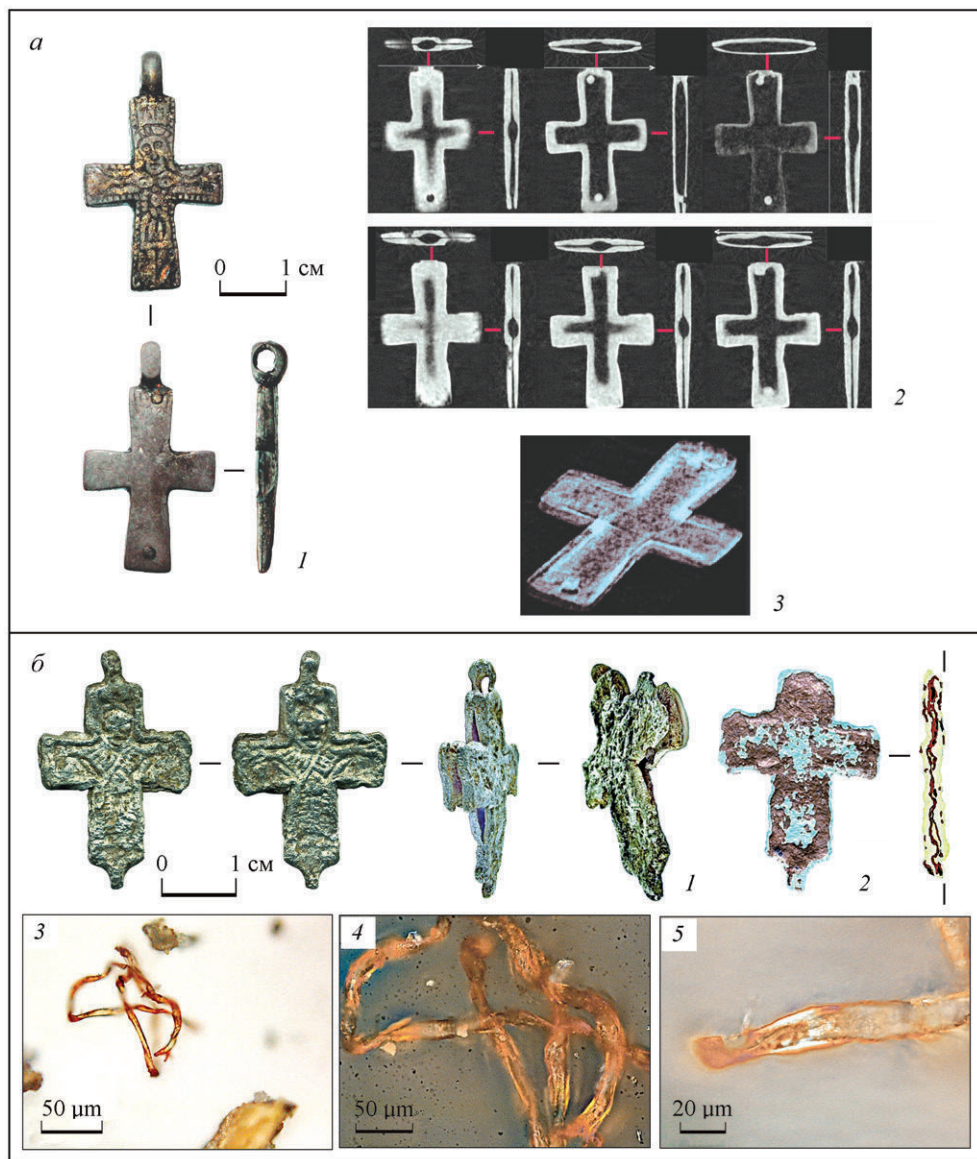
В виде вложения использовался фрагмент хлопковой ткани или нити.

10. Григорово 2, 2018, № 12/12 (рис. 5, б1–3) Целый, закрытый, с оглавлением, гладкий, прямоконечный. Тип IV.6.3, по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 171–173). Размеры без оглавия: 31×15×5 мм. Сохранился верхний запорный штифт в виде бронзового штырька, нижний штифт утрачен. Обе створки украшены центральным рисунком креста, выложенным черневыми инкрустированными полосами.

В заполнении полости находилось несколько крупиц вещества серо-коричневого цвета (оксиды; рис. 5, б4). При исследовании методами ГХ–МС в смывах со створок креста обнаружены нефтяные парафины и жирные кислоты. Отношение содержания пальмитиновой и стеариновой кислот – 1,7, жира и нефтяного парафина – 14:86.

Характер вложения неясен, в составе его или для герметизации полости использовалась смесь животного жира (наиболее вероятно, свиного) и продукта нефтяного происхождения (нефтяной парафин или битум). Из такого состава изготавливались сальные свечи.

11. Михали 4, 2016, № 680/101 (рис. 6, а1, 7). Целый, закрытый, сильно коррозированный, без оглавия, гладкий, прямоконечный, с четырьмя выступами в средокрестии. Тип IV.6.4., по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 173–178). Размеры: 32×20×6 мм. Сохранился верхний запорный медный штифт, одна нижняя петля оборотной створки обломана, створки укреплены в центральной части нижней ветви

Рис. 7. Фото и томограммы крестов-энколпионов из Новгорода и их вложений

а) Новгород, ул. Маницына, 9А: 1 – фото; 2 – нейтронные срезы, выполненные в разных проекциях; 3 – 3D модель энколпиона;

б) Новгород, Власевский-2/5, № 108: 1 – фото до раскрытия и с приоткрытыми створками; 2 – 3D модель и нейтронный срез после цветовой графической обработки. Темным цветом выделены окисленные участки внутренней части створок; 3, 4, 5 – неизвестное волокно растительного происхождения из заполнения

фронтальной медной заклепкой (Cu – 98,23%, Sn – 0,83%, Pb – 0,94%). Литой по восковой модели. Одна створка изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы (Cu – 88,3%, Sn – 7,61%, Pb – 4,05%), другая из многокомпонентного сплава (Cu – 89,73%, Sn – 5,861%, Pb – 2,62%, Zn – 1,79%). На обеих створках помещены центральные изображения крестов, выложенные полосами черневой инкрустации. Чернь состояла из смеси медных сульфидов журлеита и дигениита, с включениями продукта коррозии оксида меди – куприта.

Методом нейтронной томографии выяснено, что рыхлое заполнение имеется только в нижней и одной боковой ветвях креста (рис. 6, а4). После открытия в полости складня выявлен грунт, остатки скрученного корешка, затвердевшие комочки глины и волокна животного происхождения, покрытые кутикулами (чешуйками). Волокна встречаются двух видов: шириной около 20 мкм (рис. 6, а5, 8–9) и 10 мкм (рис. 6, а2–3). При микроскопическом исследовании с поляризованным светом более тонкие нити могут быть идентифицированы как шерсть козы (Zhang et al, 2010; Чернова, Целикова, 2004), что подтверждается данными ИК-микроскопии. Исходя из обнаружения в ИК-спектре волокна шерсти (рис. 6, а11) полос поглощения при 3260 см^{-1} (могут быть отнесены к валентным колебаниям связей N–H), $1650/1621\text{ см}^{-1}$ (полоса Амид I, валентное колебание C = O), а также полосы 1557 см^{-1} (полоса Амид II, деформационные колебания N–H и валентные C–N) и ее обертона при 3110 см^{-1} , можно предположить наличие в образце азотсодержащих фрагментов, присутствующих в белках-кератинах.

Более толстые фрагменты волокон (рис. 6, а6) имеют лентовидную форму кутикул (рис. 6, а5). Их высота (около 10 мкм) и размеры медулы (рис. 6, а5, 9) позволяют идентифицировать наиболее сохранный образец, как хотя и очень тонкий, но все же человеческий волос (Barton, 2011). Волос, взятый с головы человека, имеет среднюю толщину 80–100 микрон (0,10–0,08 мм), но при этом сужается по направлению к концу, а толщина волос с головы новорожденных никогда не превышает 0,05 мм. Волосы толщиной менее 0,05 мм встречаются и у взрослых людей. Волосы, растущие на бороде, ресницах и теле человека всегда более толстые (Семёнов, 2018)⁶.

Вероятно, энколпион имел вложение в виде волоса младенца (?), завернутого в шерстяную ткань.

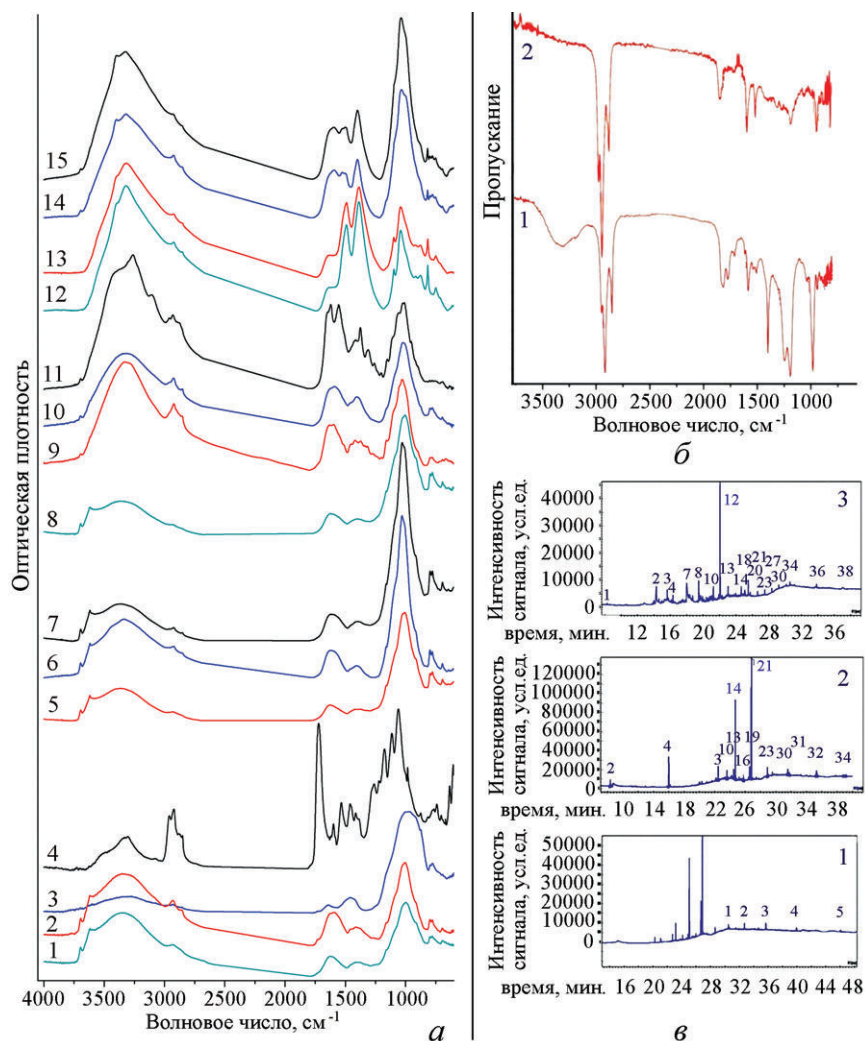
⁶ По мнению М. В. Добровольской, это, скорее всего, волос младенца по соотношению ширины канала и самого волоса.

12. Михали 3, 2017, № 443/152 (рис. 6, б1-2). Целый, закрытый, с оглавлением, гладкий, прямоконечный, с четырьмя выступами в средокрестьи. Тип IV.6.4., по А. А. Песковой (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 173-178*). Размеры без оглавия: 31×18×6 мм. Верхний запорный штифт представлен бронзовым штырьком, нижний – железным, створки прилегают неплотно. Литой по восковой модели. Створки были изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы. Состав сплава 1-й створки: Cu – 89%, Sn – 8%, Pb – 2,5%, в качестве загрязнителя присутствовало Fe – 0,5%. Состав сплава 2-й створки: Cu – 90%, Sn – 6,5%, Pb – 3%, в качестве загрязнителя присутствовало Fe – 0,5%. На обеих створках энколпиона помещены центральные изображения крестов, выложенных полосами черневой инкрустации. Элементный состав черневого декора (Cu – 68,5%, S – 16%, Pb – 13%) свидетельствует о применении при изготовлении черни медно-свинцовых сульфидов.

По данным оптической микроскопии межстворчатая полость была заполнена медными оксидами и грунтом, в котором выявлен фрагмент скрученного одиночного волокна красного цвета (рис. 6, б3-6). Фрагмент близок по структуре образцам нитей из натурального шелка (*Семёнов, 2018*). Выбор между хлопком (также имеющим сходство с исследуемым образцом) и шелком основан на учете особенностей строения коконной нити. Известно, что она состоит из двух элементарных волокон – фиброиновых шелковин, расположенных параллельно друг другу и склеенных слоем серицина (*Тюменев, 2014*). Этот признак (раздвоение) наблюдается при изучении исследуемого волокна (рис. 6, б4). Не противоречит этому и форма поперечного сечения образца, имеющего вид треугольника со скругленными концами. Хлопковое волокно обычно напоминает скрученную ленту. Отсутствие на поверхности нити ярко выраженных и особым образом направленных фибрилл, лишь подтверждает его отличия от текстильных растительных волокон. Малые размеры образца не позволили провести тест на горение, поэтому идентифицировать волокно как шелковое можно лишь предположительно.

Вероятным вложением был фрагмент шелковой ткани.

13. Новгород, 2017, шурф на ул. Маницына, 9А (рис. 7, а1). Целый, закрытый, с ушком, прямоконечный, рельефный. Размеры: 33,0×23,0×3,5 мм. Отлит из оловянно-свинцовой бронзы с примесью висмута и сурьмы (Cu – 29-38%; Sn – 33-38%; Pb – 24-26%; Bi – 1,9-3,4%; Sb – 2%). Петель и штифтов нет. Створки наглухо скреплены двумя фронтальными заклепками. На лицевую створку помещено изобра-

Рис. 8. ИК спектры, ГХ и ГХ-МС вложений в кресты-энколпионы

а) ИК спектры поглощения: 1 – волокно, загрязненное грунтом (крест № 5); 2 – фрагмент травы; 3 – твердое глинистое включение (крест № 8); 4 – смоляная капля (крест № 1); 5, 6 – минерализованные волокна (крест № 5); 7 – растительное волокно (крест № 8); 8 – растительное волокно, загрязненное грунтом (крест № 9); 9 – растительное волокно (крест № 8); 10 – растительное волокно (крест № 11); 11 – шерстяное волокно (крест № 11); 12, 13 – растительное волокно, минерализованное медными окислами (крест № 6); 14, 15 – образцы глин (крест № 6);

б) ИК спектры отражения воскомастики из энколпионов из селищ Сорогузино 2 и Михали 4: 1 – крест № 7; 2 – крест № 8;

в) хроматограммы ГХ и ГХ-МС воскомастики из крестов-энколпионов из селищ Сорогузино 2 и Михали 4: 1, 2 – крест № 8; 3 – крест № 7

жение Распятia, на оборотную – Богоматери (сильно стерто). Найден в слое второй половины XII в. (Олейников, 2019. С. 170–171).

При изучении реликвария методом нейтронной томографии обнаружена пустая межстворчатая полость (рис. 7, а2, 3). Энколпион не открывался.

Складень изначально не содержал вложения.

14. Новгород, 2011, Власьевский-2/5, № 108 (рис. 7, б1). Целый, закрытый, с ушком, прямоконечный, рельефный. Размеры без ушка 35×30×4 мм. Крест отлит из олова с 0,5% примесью меди по оттиску энколпиона. Две створки с одинаковым изображением грубого Распятia были соединены проковкой по краям. Найден в слое огорода первой половины XII в. (Олейников, 2019. С. 169–170). Без штифтов. Просвет межстворчатой полости, выявленный методом нейтронной томографии, составлял от 0,75 до 3,75 мм (рис. 7, б2). В полости обнаружено сильно ослабляющее нейтронный поток вещество (возможно водородосодержащие соединения). Поскольку ковчежец для вложения отсутствует, атрибуция креста как реликвария неочевидна.

Было принято решение приоткрыть створки в средней части (рис. 7, б1) и извлечь содержимое. Его изучение методом оптической микроскопии показало наличие частиц оксидов (или гидроксидов) олова и очень малого количества песка. Был выявлен микрофрагмент единичного скрученного волокна растительного происхождения, имеющего фибриллы, но без поперечных перемычек, характерных для льна, конопли и крапивы (рис. 7, б3–5). Принадлежность его к известным текстильным видам маловероятна (корневое волокно). Анализ полости створок и грунта с помощью метода газовой хроматографии подтвердил отсутствие органики в «межстворчатой» полости. Определенное вложение не выявлено, но нельзя исключить, что в качестве вложения использовали песчаный грунт.

Обсуждение результатов

Двенадцать исследованных энколпионов относятся к хорошо известным древнерусским типам крестов конца XI–XIII в., выделенным А. А. Песковой. Четыре из них – рельефные с закругленными концами и выступами-«слезками» на ветвях с изображением Распятia и Богоматери или Распятia и святого. Восемь энколпионов – миниатюрные гладкие черневые с прямыми или немного расширяющимися ветвями: с изображением на створках Распятia и Богоматери или с простыми

рисунками крестов на обеих створках. Изделия различаются по уровню художественного исполнения, однако все они представляют собой продукцию, изготовлявшуюся из недорогих материалов для массового потребителя, как правило, стандартными большими сериями.

Индивидуальными чертами выделяются два энколпиона из Новгорода. Несмотря на то, что предметы обнаружены в слоях первой и второй половины XII в. (Олейников, 2019. С. 169, 171), они соответствуют иконографии и стилистике металлопластики XI в.: грубое изображение Распятия, Христос в колобии, похожем на мафорий. Все рассмотренные предметы с большой долей вероятности, являются продукцией древнерусского ремесла.

Как мы видим, лабораторное изучение закрытых энколпионов далеко не всегда позволяет точно ответить на вопрос о наличии и полном составе вложений. Неполная сохранность вложений в ряде случаев объясняется негерметичностью ковчежцев. Из 14 энколпионов лишь в одном (Клещин) находилось отличное от грунта вложение, видимое невооруженным глазом (щепа). Это единственная реликвия, внешний облик которой определенно прояснен.

Анализ показывает, что энколпионы могли находиться в обиходе и без вложений: их отсутствие документировано в наглухо закрытом кресте из Новгорода. В двух случаях вопрос о наличии вложения остается открытым: реликвии могли быть утрачены из-за неплотного соединения створок или отсутствовать изначально (Григорово 2, Новгород).

В исследованных энколпионах в качестве реликвий присутствуют частицы дерева и смолы, завернутые в льняную ткань (Клещин), человеческий волос, обернутый в шерстяную ткань (Михали 4), смесь воска и ладана, завернутая в льняную ткань (Сорогужино 2), ладан (Новгород), фрагменты льняной ткани (Суворотское 8, Суздаль, ул. Гастева), шелковой ткани (Михали 3), конопляной ткани (Федосьино 2, Григорово 2)⁷, остатки неизвестного травянистого растения (Михали 4). Створки двух энколпионов (Сорогужино 2, Михали 4) были залиты воскомастичной смесью, использовавшейся для консервации вложений и скрепления створок, двух других – веществом, состоящим из нефтяных парафинов (Федосьино, Григорово 2).

Вопрос о том, использовалась ли ткань как материал, в который были завернуты частицы реликвий, или как самостоятельное вложение,

---

⁷ Ввиду того, что исследованные вложения имели плохую сохранность, и ни в одном случае не установлен факт переплетения нитей, говорить о ткани можно только условно.

остаётся неясным. В исследованной серии выявляются льняные, хлопковая, шелковая, конопляная ткани или нити. Достоверно определить, являлся ли вложением грунт, обнаруженный во многих крестах, или это результат их длительного нахождения в земле, возможности не предоставляется. Костные остатки не встречены во вложениях исследованной нами серии энколпионов ни разу.

Полученные результаты заметно расходятся с материалами предшествующих исследований древнерусских крестов-складней, проводившихся в лаборатории ИИМК РАН: из семи крестов остатки костной ткани с помощью оптической микроскопии были выявлены в шести, причем при открытии оформленные фрагменты были обнаружены только в энколпионе из Старой Ладogi, в остальных это был порошок темного цвета. Все костные остатки находились в воскомастичной смеси. Вместе с ними в двух случаях были волосы, в одном кости были завернуты в синюю льняную ткань. Только в одном энколпионе XIV в. мощей не было: в нем зафиксирована шерстяная нить, уложенная двумя петлями и закрепленная воскомастичной смесью (Липатов и др., 2006. С. 294–302, Макаров, Федорина, 2008. С. 138–140).

Из восьми закрытых энколпионов, найденных на территории Болгарии, лишь один содержал визуально определяемые фрагменты и кости, и дерева, только остатки дерева зафиксированы в четырех складнях, а фрагменты ткани (шелковой и хлопковой) – в трех, единичными образцами представлены угольки, ароматная смола и фрагменты кожи (Дончева-Петкова, 2017). Лабораторное изучение этих складней не проводилось. Единственная надпись на энколпионе из окрестностей г. Кюстендил, указывающая на содержимое ковчежца, прямо отмечает присутствие в нем останков святых. «Мощь святого Климента и святого Георгия. Вся святого Георгия, а преломленная Климента» (Дончева-Петкова, 2017. С. 158). Льняная ткань была определена в качестве вложений в пяти чешских христианских металлических реликвариях-капторгах из погребений конца X – первой половины XI в. В двух из них она покрывала частицы дерева (Profantová, Šilhová, 2010). Сверток из льняной ткани обнаружен внутри серебряной капторги в погребении D148 могильника конца X – первой половины XI в. Бодзя в Центральной Польше (Bodzia... 2014. С. 142).

С увеличением серии крестов-складней, содержимое которых исследовано в лабораториях и использованием новейших аналитических методов, становится очевидно, что частицы мощей не были единственной категорией вложений, помещавшейся в ковчежец. Остатки дерева и ткани также соответствуют известному кругу предметов, почитавшихся

в качестве реликвий. Присутствие их в ковчежцах открывает широкий простор для предположений об их возможном происхождении и сакральном смысле. Так, в знаменитом Ковчеге Дионисия хранились реликвии, привезенные в 1383 г. архиепископом Дионисием Суздальским из константинопольского монастыря Святого Георгия: частица «Животворящего креста», хитон Христа («риза нешвенная»); багряница; терновый венец; камень от столба бичевания; губка, с которой Христос был напоен уксусом; трость, которую дали в руки Христу солдаты; кровь и вода, истекшие из ребер Христа; волосы, исторгнутые из бороды Христа; частица крови Христовой, истекшей от иконы Распятия в Верите (Бейруте); камень от доски, на которую было положено тело Христа; ароматы, которыми помазали тело Христа перед погребением; камень от гроба Спасителя, камень яслей Христовых, пояс и риза Богоматери (*Стерлигова*, 1999).

Хорошо известны напрестольный крест Ефросинии Полоцкой с частицами «Честного древа», полученными от византийского императора Мануила Комнина, изготовленный в 1161 г. (*Алексеев*, 1993), и воздвижальный крест из Софии Новгородской с частицами той же святыни, принесенными в Новгород из Царьграда Добрыней Ядрейковичем – будущим архиепископом Антонием в 1211 г. (*Царевская*, 2003). Однако, в домонгольское время частицы Голгофского Креста, как и другие новозаветные реликвии, оставались на Руси редкими и малодоступными святынями (*Стерлигова*, 2000). Поэтому более правдоподобно видеть в частицах дерева из ковчежцев фрагмент гроба одного из святых, почитаемой иконы, поклонного креста или одного из деревьев, связанных с событиями священной истории или подвигами святых. Среди почитаемых реликвий во владимирском Дмитриевском соборе была мироточивая доска от гроба Дмитрия Солунского, привезенная Всеволодом Большое Гнездо из Солуни (ПСРЛ, 1995. С. 122).

С волокнами ткани можно ассоциировать остатки покровов, риз и одежд святых. Частицы риз Богоматери находились в ковчежце одного из наперсных крестов первой четверти XIV в. из Благовещенского собора Московского Кремля (*Стерлигова*, 2003. С. 554). В Дмитровском соборе во Владимире имела еще одна солунская реликвия – сорочка святого Дмитрия (ПСРЛ, 2001. Стб. 436–437). Вероятно, для обладателей небольших энколпионов, изготовленных из недорогих материалов, были доступны вторичные «контактные» реликвии, связанные со святыми местами Христианского Востока, Средиземноморья и Руси.

Исследовательница западноевропейских христианских древностей Д. Смит также подчеркивает разнообразие почитаемых предметов,

находившихся в реликвариях христианских центров средневекового запада. Костные остатки были не единственным видом святынь, значительную их часть составляли камни, частицы земли, дерева и ткани, связанные с ветхозаветной и новозаветной историей и историей святых. Конкретная атрибуция и датировка этих реликвий основывается на этикетках, крепившихся к мешочкам, в которые помещались почитаемые предметы (Smith, 2014; 2015. Р. 53–60). Д. Смит обращает внимание, что вопрос о том, какие именно материальные остатки могут почитаться как сакральные предметы никогда не рассматривался средневековыми богословами и не был для них актуален (Smith, 2015. Р. 59).

С учетом этих наблюдений, отсутствие частиц мощей не должно рассматриваться как отклонение от некой нормативной практики. Мощи немногочисленных русских святых, канонизированных в домонгольское время, во второй половине XII–XIII в., по большей части еще находились под спудом и были недоступны для паломников.

Заключение

Доступная для анализа серия вложений пока еще слишком мала, чтобы делать общие выводы о характере древнерусских «движимых святынь», помещавшихся в энколпионы. С появлением новых материалов представляется, что традиция была вариативна, установленных правил отбора реликвий для вложения в ковчежцы не существовало, помимо мощей – остатков кости и волос – в качестве вложений использовались частицы дерева и ткани, для сохранения реликвий и герметизации створок широко применялась воскомастичная смесь. Вложения могли теряться и возобновляться, когда энколпионы находились в обиходе. Несмотря на производство крестов как стандартизированных изделий, вложенные в них реликвии были индивидуальны. Возможно, часть крестов первоначально попадала в руки своих владельцев без вложений, с расчетом на собственные поиски святынь, другие сразу наполнялись «контактными» реликвиями.

Лабораторное изучение энколпионов подтверждает функциональное использование их как реликвариев в отдаленных областях средневековой христианской ойкумены, широкое распространение общехристианского почитания «движимых святынь» в Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3) Тематического плана НИЦ «Курчатовский институт».

Литература

- Алексеев Л. В., 1993. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // РА. № 2. С. 70–78.
- Говор Л. И., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Коваленко Е. С., Куркин А. В., Мурашев М. М., Подурец К. М., Соменков В. А., Глазков В. П., Благов А. Е., Яцишина Е. Б., 2017. Исследование закрытых древнерусских крестов-энколпионов с применением ядерно-физических методов // КСИА. Вып. 249. Ч. 2. М.: ИА РАН. С. 348–365.
- Дончева-Петкова Л., 2017. Кресты-энколпионы, их реликвии и производство в средневековой Болгарии // В камне и в бронзе. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Невская Книжная Типография». С. 155–160.
- Жарнов Ю. Э., Жарнова В. И., 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 451–462.
- Зайцева И. Е., Грешиников Э. А., Велигжанин А. А., Пахунов А. С., Дороватовский П. В., Колобылина Н. Н., Подурец К. М., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Глазков В. П., Яцишина Е. Б., 2019. О «зеленой черни» в декоре русских крестов-энколпионов из находок в Суздальском Ополье // РА. № 3. С. 50–61.
- Иванов С. А., 2003. Благочестивое расчленение: парадокс почитания мощей в византийской агиографии // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 121–130.
- Коваленко Е. С., Подурец К. М., Грешиников Э. А., Зайцева И. Е., Агафонов С. С., Колобылина Н. Н., Каляян А. А., Говор Л. И., Куркин В. А., Яцишина Е. Б., 2019. Исследование древнерусского бронзового креста-энколпиона с помощью комплекса неразрушающих методов // Кристаллография. Т. 64. № 5. С. 826–831.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение. 432 с.
- Липатов А. А., Медникова Е. Ю., Мусин А. Е., Пескова А. А., 2006. Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой. СПб.: Петербургское востоковедение. 341 с.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2008. О находках энколпионов на суздальских селищах // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 137–146.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Грешиников Э. А., 2017. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополье // Археологические вести. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН. С. 291–310.

- Олейников О. М., 2019. Новые находки энколпионов конца XI – первой четверти XIII вв. в Великом Новгороде // РА. № 4. С. 161–176.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись, 2-е изд. М.: ЯСК. 2001. 496 с.
- ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр. 1995. 184 с.
- Семёнов В. В., 2018. Судебно-биологическая экспертиза вещественных доказательств (крови, спермы, волос). Минск: БГМУ. 82 с.
- Соменков В. А., Глазков В. П., Эм В. Т., Гуреев А. И., Мурашев М. М., Садыков Р. А., Аксенов С. Н., Трунов Д. Н., Столяров А. А., Алексеев А. А., Кравчук Л. В., 2019. Установка для комплексной радиационной диагностики «Дракон» // Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования. 9. С. 93–99.
- Стерлигова И. А., 1999. Ковчег Дионисия Суздальского // Благовещенский сбор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль». С. 280–303.
- Стерлигова И. А., 2000. Новозаветные реликвии в Древней Руси // Христианские реликвии в Московском Кремле. М.: Радунца. С. 19–93.
- Стерлигова И. А., 2003. Святыни Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV вв. // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 553–568.
- Тюменев Ю. Я., 2014. Материалы для процессов сервиса в индустрии моды и красоты / В. И. Стельмашенко, С. А. Вилкова, Ю. Я. Тюменев. М.: ИТК «Дашков и К». 400 с.
- Царевская Т. Ю., 2003. О царьградских реликвиях Антония Новгородского // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция. С. 398–414.
- Чернова О., Целикова Т., 2004. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. Тов-во научных изданий КМК. 430 с.
- Шуйский А. В., Зорина М. Л., 2013. Инфракрасные спектры природного и выращенного малахита // Журнал прикладной спектроскопии. Т. 80, 4. С. 591–595.
- Barton P. M. J., 2011. A forensic investigation of single human hair fibres using FTIR-ATR spectroscopy and chemometrics // Queensland University of Technology. P. 337.
- Bergford C., Holst B., 2010. A procedure for identifying textile bast fibres using microscopy: Flax, nettle/ramie, hemp and jute // Ultramicroscopy. Vol. 110, 9. P. 1192–1197.

- Bergfjord C., Mannering U., Frey K. M., Gleba M., Scharff A. B., Skals I., Heinemeier J., Nosch M.-L., Holst B., 2012. Nettle as a distinct Bronze Age textile plant // *Scientific Reports*. Vol. 2. P. 664.
- Bodzia: A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. Buko A. Leiden: Brill, 2014. 656 p.
- Cutler A., 2015. The Relics of Scholarship. On the Production, Reproduction, and Interpretation of Hallowed Remains in Late Antiquity, Byzantium, Early Islam and the Medieval West // *Saints and Sacred Matter. The Cult of Relics in Byzantium and Beyond* / Ed.: C. Hahn and H. Klein, Washington. P. 309–347.
- Chen H. L., Jakes K. A., Foreman D. W., 1996. SEM, EDS, and FTIR examination of archaeological mineralized plant fibers // *Textile research journal*. Vol. 66, 4. P. 219–224.
- Garside P., Wyeth P., 2006. Identification of cellulosic fibres by FTIR spectroscopy differentiation of flax and hemp by polarized ATR FTIR // *Studies in conservation*. Vol. 51, 3. P. 205–211.
- Jenni A., Suomela, Krista Vajanto & Riikka Räisänen, 2018. Seeking Nettle Textiles – Utilizing a Combination of Microscopic Methods for Fibre Identification // *Studies in conservation*. Vol. 63. No. 7. P. 412–422.
- Kovalenko E. S., Podurets K. M., Greshnikov E. A., Zaytseva I. Y., Agafonov S. S., Somenkov V. A., Kolobylna N. N., Kaloyan A. A., Govor L. I., Kurkin V. A., Yatsishina Y. B., 2019. The Investigation of the Medieval Russian Bronze Reliquary Cross Pendant Using a Complex of Nondestructive Methods // *Crystallography Reports*. Vol. 64. No. 5. P. 841–846.
- Profantová N., Šilhová A., 2010. K problematice kaptorg v Čechách. Na základě detailního studia hrobu 22 z Klecan II // *Památky archeologické*. 101. P. 283–310.
- Smith J., 2012. Portable Christianity: Relics in the Medieval West (c. 700–1200) // *Proceedings of the British Academy*. 181. P. 143–167.
- Smith J., 2014. Care of relics in Early Medieval Rome // *Rome and Religion in the Early Middle Ages: Studies in Honor of Thomas F. X. Noble* / Eds. V. Graver, O. Phelen. Farnham. P. 179–205.
- Smith J., 2015. Relics: an Evolving Tradition in Latin Christianit // *Saints and Sacred Matter. The Cult of Relics in Byzantium and Beyond* / Ed. C. Hahn and H. Klein. Washington. P. 41–60.
- Summerscales J., Gwinnett C., 2017. Forensic identification of bast fibres // *Biocomposites for High-Performance Applications*. Woodhead Publishing. C. 125–164.
- Svetogorov R., Dorovatovskii P., Lazarenko V., 2020. Belok/XSA diffraction. Beamline for studying crystalline samples at Kurchatov Sunchrotron Radiation Source // *Crystal Research and Technology*. 55.5, 1900184; DOI: 10.1002/crat.201900184

- Talbot A-M.*, 2015. The Relics of New Saints and Sacred Matter. The Cult of Relics in Byzantium and Beyond / Ed.: C. Hahn and H. Klein, Washington. Washington. P. 215–231.
- Hubbard C. R., Evans E. H., Smith D. K.*, 1976. The reference intensity ratio, I/I_c , for computer simulated powder patterns // Journal of Applied Crystallography. Vol. 9, 2. P. 169–174.
- Zhang J., Palmer S., Wang X.*, 2010. Identification of animal fibers with wavelet texture analysis // WCE 2010: Proceedings of the World Congress on Engineering 2010. Newswood Limited / International Association of Engineers. P. 742–747.

А. А. Медынцева
Институт археологии РАН. Москва

Надписи на плинфе и строительной штукатурке

Резюме. В статье рассматриваются надписи, оставленные в процессе строительства на необожженной плинфе и строительной штукатурке, обнаруженные при раскопках памятников архитектуры X – начала XIII в. Несмотря на их небольшое количество по отношению к клеймам и меткам, на уже на имеющемся материале можно сделать некоторые выводы. С начала строительства храмовой архитектуры (конец X в.) помимо греческих клейм на кирпичах и трезубцев Рюриковичей встречаются и единичные знаки, напоминающие буквы кириллицы. Достаточно рано, уже с середины – второй половины XI в., на постелистой части кирпичей появляются и первые цифровые надписи – расчеты, в это же время появляются имена и молитвенные надписи (с учетом надписей на строительной штукатурке). Позднее, с середины – второй половины XII в., на некоторых плинфах из Смоленска уже встречаются надписи обычные для храмовых граффити – кириллические надписи – автографы, молитвенные и поминальные, скорее всего сделанные мастерами – местными, и другими русскоговорящими плинфотворителями и строителями храмов. В середине XII – начале XIII в. появились немногочисленные надписи на ребре плинфы с именами мастеров, приблизительно синхронно с появлением надписей гончаров на необожженных бытовых сосудах. Это наблюдение совпадает с целостной картиной распространения грамотности и общего расцвета просвещения, ремесла и культуры, которые достигли древнерусские княжества к концу XII и первых десятилетий XIII в.

A. A. Medyntseva
Inscriptions on the Plinth and Construction Plaster

Abstract. This article examines the inscriptions left during the construction process on the unfired plinth and plaster, discovered during the excavations of architectural monuments of the 10th – early 13th centuries. Despite their small number compared to the brands and marks, some conclusions can already be drawn on the available material. From the very beginning of the temple architecture construction (the end of the 10th century), in addition to the Greek brands on the bricks and the Riurikids' tridents, there also occur few isolated signs resembling Cyrillic letters. Quite early, already from the middle to the second half of the 11th century, the first digital inscriptions – calculations appear on the self-faced part of the bricks, at the same time there appear names and prayer inscriptions (taking into account the inscriptions on the plaster). Later, from the mid to the second half of the 12th century, on some plinths from Smolensk inscriptions common for temple graffiti – Cyrillic inscriptions – autographs, prayer and memorial, most likely made by local craftsmen, and other Russian-speaking plinth-makers and temple builders. In the mid 12th – early 13th century there appeared few inscriptions with the names of craftsmen on the edge of the plinth, approximately synchronously with the

appearance of potters' inscriptions on unbaked household vessels. This observation coincides with the holistic picture of the spread of literacy and the general flourishing of enlightenment, crafts and culture, which reached the Old Russian principalities by the end of the 12th and first decades of the 13th century.

Древнерусское монументальное строительство представляло собой один из наиболее затратных и сложных по организации разделов ремесленного производства, требовавших объединенных усилий различного рода специалистов – от архитектора (зодчего) до каменщиков, кровельщиков, керамистов, плотников и других, в том числе подсобных, мало квалифицированных рабочих.

Долгое время усилия исследователей древнерусской архитектуры в большей степени были направлены на изучение самих памятников архитектуры, чем на изучение строительной техники и организации строительства. Объяснялось это почти полным отсутствием письменных сведений о строительстве храмов и оборонных сооружений и относительной неприменимостью сохранившихся этнографических описаний процесса строительства каменных (кирпичных) сооружений. Беглые упоминания русских летописей о постройке и освящении церквей, и иногда рассказы о чудесах, связанных с таким строительством, помещенные в «Житиях», представляли для этого мало материала. Не слишком помогают и сведения о строительстве, имеющиеся в более поздних этнографических описаниях из-за очевидной различной техники строительства. Эти обстоятельства вынуждали историков архитектуры направлять усилия на изучение самих древнерусских памятников, преимущественно в процессе археологических и реставрационных работ (*Раппопорт*, 1994). В то же время исследование строительного производства может раскрыть многие стороны развития строительной техники, а также профессиональной и социальной организации ремесла Древней Руси. В полной мере значение изучения строительной техники и технологических приемов не только в процессе возведения отдельных зданий, но и в процессе передвижений мастеров из одних земель в другие, в составе строительных бригад (дружин), их формировании и связи строительства с историей княжеских владений, впервые в полной мере были поставлены П. А. Раппопортом на историко-археологическом семинаре в Чернигове в 1988 г., где он сделал доклад «Плинфотворители Древней Руси» (*Раппопорт*, 1988). Позднее им была написана указанная выше монография, где подробно рассматриваются строительные материалы и их производство, конструкции древних памятников, организация строительства,

социальное положение мастеров, изданная уже, к сожалению, после смерти автора. Много внимания уделено наиболее распространенному материалу для строительства «каменных» зданий – кирпичу, который в Древней Руси имел вид широких плоских плиток и назывался «плинфой». Производство плинфы – сложный процесс, включавший разные этапы: от поисков нужной глины до формовки, сушки и обжига в специальных печах, пришедший на Русь вместе с мастерами из Византии (*Раппопорт*, 1994. С. 5–31). В этой монографии подробно рассматриваются и различные способы формовки плинфы, требующие использования деревянных форм разнообразной конструкции, заполнявшихся глиняной в основе массой, изготовленной по рецептам, различавшимся в зависимости от происхождения мастеров-плинфотворителей, географического положения и с течением времени. Однако, не смотря на внимание, которое стали проявлять исследователи к техническим особенностям строительства каменных сооружений в последние десятилетия, до сих пор процесс их возведения остро нуждается в сведениях письменных источников, практически отсутствующих для древнейшего периода. Очень редкую находку представляют надписи по сырой штукатурке, по своему появлению связанные с процессом строительства, т. к. на Руси этого периода «строительные» надписи практически отсутствуют. Небольшое число известных к тому времени надписей такого рода рассмотрены в специальной главе в моей монографии «Грамотность Древней Руси» (2000. С. 83–90). С тех пор количество надписей несколько возросло, но главное – изменился угол их рассмотрения: от отдельного факта «бытовой» письменности до квалификационной характеристики оставивших их людей и составе строительных артелей, их происхождении, передвижениях и передаче строительных традиций. Эти обстоятельства требуют нового пересмотра имеющегося к настоящему времени материала с учетом новых опубликованных и не изданных надписей и рисунков.

Внимание исследователей в первую очередь привлекли знаки-клейма, прочерченные по сырой глине до обжига, обнаруженные еще ранее, чем надписи. На многих кирпичах, использовавшихся при строительстве древнерусских храмов и гражданских сооружений, сохранились различные клейма и знаки мастеров, первоначально вырезанные на деревянных формах или непосредственно нанесенных на сами кирпичи либо до обжига или уже после него. Исследователи, столкнувшись с ними, давали время от времени их описание и истолкование, но до сих пор они остаются мало исследованными, и назначение меток

и знаков еще полностью не выяснены. Первая попытка классификации знаков на кирпичах была сделана И. М. Хозеровым (1929. С. 167–184). И. М. Хозеров разделил все известные знаки на две группы: выпуклые знаки, оставляемые вырезами формы для кирпича на одном из его бортов, маленькие вдавленные значки на плоской (постелистой) стороне кирпича, оставляемые специальной печаткой. В начале 70-х годов прошлого века работу по классификации, назначению знаков на кирпичах продолжил Л. А. Беляев (1973). Он значительно расширил исследуемый материал и уточнил классификацию, выделив третий тип: метки, нанесенные на сырой кирпич пальцем или каким-либо инструментом, иногда процарапанные по обожженному кирпичу.

В итоге исследования знаков и меток исследователи пришли к выводу, что традиция клеймения кирпича была принесена греческими ремесленниками, участвовавшими в организации строительства первых древнерусских каменных зданий. Причем, как правило, греческие ремесленники ставили клеймо с указанием имени императора или жертвователя на храм. На Руси эта традиция столкнулась с широко применявшимся клеймением гончарных изделий, что привело к новому способу мечения кирпичей при помощи рельефного оттиска на кирпиче (Беляев, 1973. С. 440–441). В последние десятилетия значительно активизировались архитектурно-археологические исследования с учетом изучения строительной техники, в том числе состава растворов, размеров и техники производства плинфы, знаков и орнаментов на кирпичах. При этом в большинстве исследований назначение клеймения кирпича связывается с практическими целями согласно итоговой работе П. А. Раппопорта. В 2006 г. вышла новая статья А. Л. Беляева, посвященная теоретическому осмыслению маркировки кирпича, ее происхождению и назначению, в которой он расширяет вопрос об истоках этой традиции за счет связи с западноевропейскими технологиями и подвергает сомнению точку зрения на маркировку кирпича как имеющую исключительно практическое назначение, которой как основную, принимает большинство исследователей (Беляев, 2006. С. 68–89).

По его мнению, культурно-исторический смысл древнерусской маркировки кирпича нельзя раскрыть, не поставив три взаимосвязанных вопроса: о происхождении древнерусской традиции кирпичной маркировки; о ее функциях; о судьбе этой традиции в послемонгольский период.

В ряду этой классификации, предложенной исследователем, буквообразные метки и редкие надписи рассматриваются как один из видов

клеймения. Между тем, надписи при всей их редкости и фрагментарности имеют несравнимо бóльшее значение, т. к. представляют голоса самих мастеров, их оставивших, что позволяет уйти от современного теоретизирования, иногда очень далекого от целей самих людей Средневековья, оставляющих пометки и надписи на сыром кирпиче, что неразрывно связывает буквенные обозначения и надписи с процессом возведения зданий и людьми, его осуществляющими. Конечно, иногда трудно отличить буквообразные знаки от буквенных обозначений, поэтому наибольшее значение имеют лишь метки, составляющие буквенный текст, даже допускающий различные толкования. К той же категории нужно отнести надписи по сырой штукатурке, нанесенные в процессе строительства, как правило, самими мастерами, имеющими интерес не только как памятники письменности, но иногда проливающие свет и на производственный процесс, и назначение самих надписей и, косвенно, на обычай клеймения плинфы. Заслуживают изучения и рисунки, оставленные до обжига, в процессе производства, характеризующие как самих мастеров «плинфотворителей», так и отношения внутри строительной артели, включающей мастеров различных специальностей. Они очень редко привлекали внимание и по большей части остаются незафиксированными и не изданными, но иногда могут дополнительно характеризовать людей, занятых в процессе производства плинфы и возведения здания.

Среди множества знаков исследователи давно отмечали знаки, напоминающие буквы кириллицы или глаголицы, например, среди руин Успенского собора Киево-Печерской лавры найдено около 140 кирпичей с такими знаками (Холостенко, 1975. С. 121). Но не всегда знак, напоминающий букву, воспринимается как инициал владельца, или вообще как буква. Систематическое изучение рядов знаков показало, что многие из них имеют только внешнее сходство с буквами (Беляев, 1973. С. 442). Это особенно относится к знакам напоминающим **Ж, Н, Л, П**. Наличие на кирпичках букв глаголицы еще более сомнительно. Тем не менее, среди множества знаков, меток и клейм встречаются, несомненно, буквенные обозначения, особенно это касается не одиночных, а двух или более знаков, имеющих буквенное значение. Не всегда они различимы даже по алфавиту (греческий или кириллический), но во многих случаях они, несомненно, связаны с этими алфавитами и, таким образом, являются следами грамотности ремесленников. Нельзя только называть их «инициалами», т. к. это термин, относящийся к Новому времени. Скорее можно говорить об обозначении первых букв

имени. К сожалению, даже эти знаки, имеющие полное сходство со знаками алфавитов, нельзя уверенно истолковать как следы письма. Лишь о знаках, несомненно, составляющих текст: слово или остатки текста, даже не полностью читаемого, можно говорить как о письменном тексте. Кроме того, представляют интерес и рисунки, характеризующие мастерство, художественные вкусы, а иногда и профессиональную специализацию и происхождение плинфотворителей.

Объектом исследования этой статьи и являются подобные надписи и, отчасти, рисунки и орнаменты. Причем, если надписи, процарапанные по обожженному кирпичу, как правило, мало чем отличаются от обычных надписей-граффити, то надписи, нанесенные в процессе производства кирпича (во время формовки кирпича и его просушки) или заложенные в кладку, являются отражением грамотности «плинфотворителей» и ремесленников других близких профессий и представляют дополнительный материал по организации и технике древнерусского строительного ремесла. Конечно, и надписи, прочерченные по обожженному кирпичу, могли быть нанесены непосредственно строителями, особенно заложенные в кладку. Но это касается лишь надписей, обнаруженных на кирпичах, или каменных блоках, ставших недоступными после завершения кладки для остальных посетителей церкви. Но, как правило, подробных наблюдений над местонахождением не делается, (во всяком случае, долгое время не делалось). Лишь в недавние годы появились новые материалы, полученные в процессе археологических раскопок, где детально рассматриваются как технические характеристики плинфы, так и ее местонахождение, что делает возможным датировку буквенных знаков и рисунков путем соотнесения с временем строительства (Ионесян и др., 2009; Игнатенко, 2003; и др.)

Необходимо учитывать и материалы ранних раскопок, хотя датировка их по техническим параметрам не всегда надежна.

Основным материалом этой статьи являются надписи и рисунки на необожженных кирпичах и строительной штукатурке, отражающие и технический уровень строительного ремесла, и язык оставивших их мастеров, помогающие определить их назначение.

Как правило, происхождение клеймения плинфы связывается с византийской традицией. Она особенно отчетливо прослеживается на кирпичах, происходящих из руин Десятинной церкви, древнейшей каменного храма, построенного после принятия христианства. Согласно летописи ее строили мастера «от грек». На двух плинфах, найденных при раскопках этой церкви в 40-е – 50-е годы прошлого века

были обнаружены рельефные буквы на углубленном прямоугольном поле. Хотя клейма фрагментарны, но самый тип клейма, находящийся близкие аналогии на византийской керамике, без сомнения указывают на их греческое происхождение. В то же время при раскопках Десятинной церкви на многих кирпичках найдено клеймо в виде княжеского знака Владимира, четыре таких знака – «трезубца» Владимира Святославича найдены и в исследованиях 2005–2007 гг., что отражает участие княжеских ремесленников в строительстве храма. Помимо этих клейм еще в середине прошлого века М. К. Каргер отмечал, наличие русских надписей, сделанных по сырой глине, до обжига, что, по его мнению, свидетельствует об участии местных русских мастеров в изготовлении плинфы (Каргер, 1958). Чтение надписей он не привел. На таблице (LXXXIV), на которую ссылался М. К. Каргер, представлены фотографии двух обломков плинфы с надписями. Обе надписи выполнены на «постелистой» части. Начало одной из них (№ 1) читается легко: **ГИ ПОМОЗИ ... МУ(М?) Р ..** – традиционная кириллическая молитвенная запись; имя, к сожалению, прочтению не поддается. На другом (№ 2) – фрагмент надписи, отпечатавшейся скорее всего слева направо (судя по формам букв): **(Н)А (О?)**. Содержание ее не ясно, нельзя определить даже, славянская она или греческая. Эта последняя надпись отпечатана по сырой глине, поэтому вполне вероятно, что она относится ко времени постройки Десятинной церкви. Относительно первой надписи такой уверенности нет. Скорее всего, она прочерчена (насколько можно судить по фотографии) после обжига, к тому же формы ясно читающихся букв не содержат архаических признаков. Правда, обе надписи прочерчены по широкой, постелистой, части кирпича, что, как отмечал М. К. Каргер, встречается в древнейшие период, позже знаки и клейма ставятся на боковых сторонах (Каргер, 1958. С. 455). Но эти две надписи могли быть заложены в кладку и в более позднее время (особенно это относится к древнерусской), т. к. Десятинная церковь просуществовала до середины XIII в. и, несомненно, претерпевала различные переустройства, что подтверждается более поздними раскопками. Точных же указаний о местонахождении этих двух плинф не приведено. Поэтому эти обе надписи на кирпичках из Десятинной церкви не могут считаться достоверным источником, относящимся к эпохе строительства церкви (990–996 гг.), хотя и отражают грамотность плинфотворителей, т. к. надписи и знаки, начерченные на плинфах заложенных в кладку, не были рассчитаны на обозрение и были доступны только в процессе строительства. В публикации исследований 2005–2007 гг.

сообщается об обнаружении около десятка надписей-граффити, прочерченных по фресковой штукатурке с именами и обрывками фраз, которые могли относиться к разным периодам функционирования Десятинной церкви, но об их содержании упоминается только то, что можно различить среди них имена Стефан, Симон и изображение креста на Голгофе. (Ионисян, Ёлшин, 2009. С. 350–351). Прочтение одной из греческих надписей-граффити по сухой штукатурке X–XI вв. приведено в статье А. В. Виноградова (2013. С. 89–91. Рис 1. С. 90), но датировка ее весьма проблематична. Датировка и местоположение этих надписей ничего не могут прибавить к характеристике мастеров – плинфотворителей, за исключением клейм греческих (византийских) мастеров, иллюстрирующих летописные сведения о строительстве греческих мастерами Десятинной церкви. Но среди знаков на плинфах Десятинной церкви обнаружены два знака, начерченных «по сырому», которые допускают различное объяснение. Научная публикация надписи (двух букв) на плинфе из Десятинной церкви, относящейся ко времени ее строительства, была впервые сделана Д. Д. Елшиным. Это две буквы *џи*, прочерченные по сырой глине (Ивакин и др., 2006–2007. С. 122–126. Рис 5. С. 125). При первой публикации было отмечено, что сначала они были прочерчены неглубокими линиями, затем уже те же буквы мастер написал более глубоко и крупно (высота букв около 10 см). Интерпретированы они были предположительно как кириллические буквы, как возможный вариант, буквы-цифры, обозначающие число 708 – обозначение партии плинфы. Других пояснений, кроме тех, что над ними работают специалисты, сделано не было. Та же версия повторена в итоговой публикации результатов археологических работ в статье Ионисяна, Козюбы и др., изданной по результатам конференции в Государственном Эрмитаже (Ионисян и др., 2009. С. 362. Рис на с. 362). К пояснению под рисунком 22 добавлено – плинфа X в. с надписью, а на странице 363 эта надпись названа славянской. Таким образом, авторы статьи относят ее к славянской, специально не комментируя. Нужно сразу отметить, что для этого есть основания, т. к. буква *џ* действительно определяет ее как славянскую. Предположение, что эти буквы обозначали цифры 708, вероятно, исходит из понимания первой из них как буквы «пси» – «крестовидной» формы, использовавшейся в греческом и древнейшем кириллическом письме для обозначения цифры 700. Но начертание ее в надписи на плинфе вряд ли можно определить как «пси», т. к. она несколько не похожа на «крестовидную» форму, которая обычно напоминала по пропорциям «латинский» крест с засечками на перекладине,

обращенными вниз. Скорее всего, это именно буква «шта», не имеющая в кириллице цифрового значения. Возможно, это начало какого-то слова (имени?), или буквообразный знак собственности, говорящий все же о знакомстве автора ее с кириллической азбукой. Таким образом, можно констатировать, что уже при строительстве Десятинной церкви, помимо греческих мастеров, что засвидетельствовано и летописями, и клеймами, в составе строительной артели присутствовали мастера, знакомые с кириллической азбукой. Но настаивать на том, что это кириллическая надпись, все же нельзя.

Достоверные древнерусские надписи на плинфах относятся к середине XI в. Одна из них найдена в Полоцке в 1972 г. (рис. 1). При реставрационных работах в полоцком Софийском соборе обнаружена плинфа (34×2,3×3 см), на плоской постелистой части которой по сырому прочерчены несколько букв и знаков. Буквы и знаки расположены в середине плинфы. Хотя читаются они легко, смысл надписи понять трудно. Сначала читается буква **А** в зеркальном варианте, далее отчетливо **В**. Над ней начерчен **Λ**. На третьем месте **У** с округлой чашечкой на высокой ножке. Чашечка занимает меньше половины высоты буквы). Легко читается **Θ** и следующая за ней **Н**. Последняя буква не ясна – это или **О**, написанное необычно: правая ее часть образована изломанной под углом линией, или головка остроугольного **Р**. Буква **В** с равновеликими петлями еще раз начерчена отдельно в верхней части плинфы, при этом по отношению к надписи она оказывается как бы лежащей «на боку». Под надписью сложный знак, напоминающий монограмму **Т** и **Б**, обернутую на 180°. Таким путем на плинфе читается **ΛΛВУΘН(О)**. При публикации надписи Г. В. Штыхов, ссылаясь на мнение С. А. Высоцкого, писал, что в середине надписи находятся две буквы-цифры под титлом **ѢѢ**, что означает 99, а сама надпись читается

Рис. 1. Надпись на плинфе из полоцкого храма Софии.
Фото, присланное автору
Полоцким Музеем

«а явно». Таким образом, речь идет о количестве плинф: на 99-й сделана надпись-пометка, что очередная будет сотая (Штыхов, 1978. С. 138). Действительно, цифры в середине надписи трудно истолковать иначе, чем числа **ѣѣ**, тем более, что над ними просматривается титло. Вместе с тем чтение слова «а явно» сомнительно, во-первых, потому, что буквы-цифры вписаны в середине слова, затем отсутствует **Ѣ**, необходимый после **Ѣ**. Вероятно достоверно прочесть эту надпись в настоящее время нельзя. Но обращает внимание, что все буквы, встретившиеся в надписи, имеют цифровые значения (1, 2, 99, 50, 70). Непонятно, что они обозначают, вероятно, буквы **ѣѣ**, обозначают одну цифру, т. к. они выделены титлом. Титл над другими буквами нет. Неясно, что обозначают и буква **Ѧ** над строкой – вариант «альфы», или цифру «900», так же как отдельно стоящее **Ѣ** (2?).

Кажется, что на плинфе бегло записаны какие-то цифровые расчеты, смысл которых понять трудно. Может быть первые буквы обозначают сокращенное имя писавшего (Явид? или другое, начинавшееся с этой буквы), затем добавлены цифровые расчеты. Обращает внимание еще одно обстоятельство: вместо буквы «копшы», обозначавшей число 90 в византийской и ранней кирилловской цифровых системах, написан **Ѣ**. Исследователи специально отмечают, что буква **Ѣ** стала использоваться для обозначения числа 90 только с XIV в. (Карский, 1979. С. 216). Вместе с тем, начертание этой буквы на плинфе отличается уже и от традиционной греческой копшы и больше напоминает так называемый получервь, встречающийся в древнерусских рукописях XI в. (Симонов, 1977. С. 32–33). Вероятно, именно в таком виде была представлена эта буква и на плинфе (левая часть чашечки повреждена). Таким путем логичнее всего объяснить надпись на плинфе из Полоцка как какие-то цифровые расчеты, может быть дополненные «инициалами». Объяснение знака в нижней строке надписи затруднений не вызывает: довольно близкие аналогии ему имеют знаки на некоторых кирпичках из Смоленска, которые исследователи объясняют как знаки – «подписи» ремесленников. Таким образом, на плинфе из Полоцкого Софийского собора были записаны какие-то цифровые расчеты и дополнены знаком – тамгой ремесленника, заменявшего ему подпись. Обращает внимание, что вместо «копшы», обычной для мастера грека, написана буква, напоминающая «получервь» или «червь», точно так же **Ѧ** (если это буква-цифра) отличается от традиционной византийской «сампи». Более точно истолковать эту надпись из Полоцка пока не представляется возможным. Особенная ценность

этой надписи в том, что она относится к строительству собора и таким образом датируется серединой XI в. Местонахождение плинфы, и ее габариты дают основание связать ее с первоначальной кладкой собора. Палеографические данные мало характерны: **П** – в виде латинского, **У** – на высокой ножке характерны и для XI в. и для XII в. Более архаична лишь **В** – с равновеликими петлями, начерченная в верхней части плинфы. Больше оснований для датировки этой надписи дают габариты плинфы и ее местонахождение, связывающее ее с периодом строительства собора (1050 г.).

Относительно недавно И. Л. Калечиц, следуя популярной литературе, предложила для этой надписи прочтение *Я-Афоний*, т. е. как автограф не слишком грамотного человека по имени Афоний, предполагая, что фита могла появиться из первоначального **О** (Калечиц, 2011. С. 86–87). Ценным является то, что указываются размеры плинфы, которые относятся ее, и тем самым надпись, к периоду первоначального строительства. Но прочтение неубедительно. Больше оснований видеть какие-то числовые, пока неясные, расчеты с использованием кириллицы. На основании этнографических данных и западных источников П. А. Раппортом установлено, что большинство подобных знаков имело производственное назначение. Ими метили не все кирпичи, а только верхний кирпич определенного количества сырцов («банкет»), для того чтобы определять день формовки штабеля или партию, предназначенную для одновременного обжига в печи (Раппорт, 1994. С. 25).

Следующая надпись формально не относится к надписям на плинфе и штукатурке, т. к. начерчена не на кирпиче или глине, а на строительном валуне. В данную работу она входит по смыслу как аналогия по времени и принадлежности к той же строительной артели, что и вышеозначенная надпись на плинфе. Она найдена в 1977 г. при расчистке южной стены храма Софии в Полоцке, находилась на валуне, положенном в кладку над фундаментом. Камень с надписью заложен в кладку таким образом, что исполнение надписи, находящейся в западной части камня, обращенной к стенке входного проема, было невозможно после заделывания его в кладку (Булкин, Рождественская, 1982. С. 9). Она состоит из двух неравных строк: **ДАВЫДЪ ТОУМА. МНКОУЛА. КЫПСЬ / ТОУМА Ш(Ь)** (Давыд Тума, Микула, Копос. Тума писал). По предположению Т. В. Рождественской местоположение камня и надписи на нем дают возможность датировать ее временем возведения Софии Полоцкой. Исследовательница отмечает высокую культуру начертания букв, характеризующую

Туму – автора надписей, как высоко квалифицированного человека, занимавшего важное место в строительной артели, а первенствующее положение в надписи Давыда говорит о значительной роли его в строительной артели, не меньшем, чем сам исполнитель надписи – Тума (*Рождественская*, 1992. С. 117–120). По ее предположению последнее имя является славянской модификацией христианского имени «Фома», но оно может быть и языческим, бытовым именем. Обращает внимание, что канонические имена чередуются попарно с бытовыми. В таком случае не исключено, что перед нами запись, исполненная одним почерком о двух людях: Давыде-Томе и Микуле-Копосе, подписанные бытовым именем – Тума. Имена *Тума* и *Копос* засвидетельствованы в письменных источниках, правда, значительно более поздних – первое 1696 г., второе – 1495 г. (*Тупиков*, 1903. С. 450, 250). Относительно имени Копос (*кьпсь*) Т. В. Рождественская приводит убедительные подтверждения его упоминания в древнерусской ономастике, начиная с города Копысь, упомянутого в летописи под 1059 г. и входившего во владения полоцких князей (*Тупиков*, 1903. С. 120). Таким образом, местонахождение надписи относит ее либо к строительству храма, как предполагает Т. В. Рождественская, либо краткому времени до строительства – к процессу добычи и транспортировки камня. Дополнительным доказательством является «крестовидное» начертание буквы «пси», характерной для некоторых древнерусских рукописей XI в. (*Щепкин*, 1967. С. 113). Под основной надписью добавлен автограф **ТОУМА ѱа** (с выносным л, удостоверяющий авторство основной надписи, исполненная более мелкими буквами, но близким почерком). Это подтверждается не только совпадением имени, но и архаичной «крестовидной» формой *пси*, и дополнительно свидетельствует о хорошем владении Тумы письмом. Теоретически можно предположить, что эти надписи могли быть оставлены и каменщиками, если не в процессе возведения здания, то еще в каменоломнях. Но красиво и грамотно вырезанная надпись действительно указывает на «книжного» человека, намеренно вырезавшего молитвенную надпись с четырьмя (или двумя двойными) именами для закладки в строящиеся стены собора. Т. В. Рождественская совершенно справедливо приравнивает ее к редким образцам древнерусских надписей, связанных со строительством храма, называющие имена строителей, при чем «фонетический облик имен свидетельствует об их западнорусском характере» (*Рождественская*, 1992 С. 119). Вокруг этой надписи находится еще несколько автографов, выполненных уже другими почерками с иными именами:

Воришъко, (две надписи), **Петъръ** и еще одна, где имя не читается, расположенных вокруг основной надписи под разным углом к ней, иногда даже «вверх ногами». Относительно их датировки Т. В. Рождественская определенно высказывается, что они были написаны позже надписи Тумы и датирует их первой половиной XIII в. (*Рождественская*, 1992. С. 121–122).

В сравнительно недавнее время надписи на валуне из фундамента Полоцкой Софии более полно были переизданы И. Л. Калечиц. В процессе исследования камня было обнаружено и слово ненормативной лексики, вне основного текста и представлены фотографии надписей. Кроме того ею помещена схема расположения всех надписей на валуне (*Калечиц*, 2011. С. 36–38. Рис. 10–11. С. 176–179). Относительно датировки первой надписи, в том числе и отдельного автографа Тумы, И. Л. Калечиц справедливо считает, что их можно связать с процессом строительства и датировать второй половиной XI в. Датировка дополнительных надписей по местоположению, по ее мнению, не бесспорна и требует уточнения. Вероятно, у В. А. Булкина и Т. В. Рождественской, имевших возможность проследить расположение надписи в процессе археологических работ, были причины отнести только надписи Тумы к процессу строительства. Не исключено, что эти надписи-автографы вырезаны в разное время несколькими людьми, сначала – основная надпись как вечная молитва и автограф Тумы, заложенные в основание храма, и потом уже, вероятно, молодые подмастерья дополнили ее своими автографами и добавили озорное ненормативное слово, уже позже благочестивых надписей. Эти записи, прямо не относящиеся к теме статьи, все же характеризуют ту грамотную среду строителей храма, где тесно сотрудничали мастера различных профессий и разных возрастов, в том числе и грамотные.

Следующая надпись тоже относится к середине XI в. и происходит уже из Новгорода. Речь идет о надписи, начерченной по сырой цемянке на стене лестничной башни Софии Новгородской (*Медынцева*, 1978. С. 57). Надпись состоит из одного слова «**КРОЛЪ**». Лестничная башня входила в первоначальный замысел собора, ее строительство должно относиться к 1045–1050 гг. Тем самым надпись датируется около 1050 г. *Крол* – вероятно имя, которое с учетом древнерусского полногласия должно звучать как «Король». В письменных источниках известны прозвища «Король», «Королько», принадлежащие крестьянам (*Тупиков*, 1903. С. 254–255). В форме *krol* это слово имеется в польском языке (*Преображенский*, 1958. С. 358–359).

Из палеографических особенностей можно отметить **Л** с короткой левой и высокой правой частью, встречающееся в древнейших старославянских памятниках вместе с аналогичным начертанием **Л̑**. Эта форма – архаизм даже для середины XI в. и подтверждает раннюю датировку надписи. Неподалеку от автографа Крола прочерчены (но уже по сухой цемянке) еще два имени – *Нежко* и *Акимя* и запись о начале строительных работ в день святых Константина и Елены. Формально они не относятся к надписям по сырой штукатурке, – они прочерчены уже по «сухому», но по существу должны рассматриваться вместе. Все четыре надписи представляют собой единый комплекс, оставленный строителями Софии. Лаконичность надписей, содержащих одно имя, не позволяет определить роль, какую они играли в строительстве Софии. Все эти надписи объединены единым замыслом и представляют собой своеобразный диалог строителей новгородской Софии (1050 г.), где имя *Крол*, написанное в процессе строительства дает точную дату, как и надпись о начале строительства, начатого по летописным данным именно в день Константина и Елены, а надписи-автографы (*Крол*, *Акимя*, *Нежко*) дополняют именами анонимную запись о начале строительства. Участие грамотных мастеров в строительстве новгородской Софии эти надписи фиксируют вполне убедительно. Но кто они были по профессии, неизвестно – они могли занимать и главенствующее место в артели строителей, на что указывает хотя бы их грамотность и заметность крупных надписей, но могли быть и менее квалифицированными мастерами.

Но не все надписи, выполненные по сырой глине обязательно оставлены строителями. Как показывают последние по времени исследования, некоторые из них написаны в процессе строительства грамотными дружинниками и другими посетителями, имевшими доступ к строящемуся храму. В процессе подготовки свода надписей Софийского собора в верхней части лестничной башни были выявлены новые граффити, прочерченные по сырой штукатурке. Среди них в 2016 г. раскрыта надпись **ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ ЛАЗОРЕВИ**, известная ранее только по кальке конца XIX в. (Медынцева, 1978. С. 171, 296. Рис. 151). Она оказалась так же прочерченной по сырой штукатурке, как и две соседних с нею надписи: краткое граффито, предшествовавшее надписи Лазоря и перекрытое ею, и еще одно молитвенное граффито о помощи рабу своему Кусте с припиской **НОГЬ[Т]ЪМЪ ПЕЛЪ.** Кроме того, вероятно прочтение имени *Петр*, написанного также по-сырому, и рунической надписи, выполненной полноветвистыми младшими рунами из четырех рун – **arai**, что однозначно расшифровывается как

запись имени *Arni*. Все эти надписи вместе с граффити на откосе окна противопоставлены более заметной и крупной надписи Крола и позволяют определенно датировать их временем строительства башни. Это особенно важно для надписи Лазаря, первоначально не имевшей определенной даты и предположительно относившейся по неточной прориси к более позднему времени. Свидетельство Кусты позволяет предположить, что он, Лазорь, Петр (?) и скандинавские гости, не имея под рукой писала или специального инструмента, царапали надписи по штукатурке кончиками ногтей – «ногтем» (Михеев, 2017).

Рис. 2. Надпись на голоснике из новгородского храма Софии

Но эти небрежно кое-как прочерченные пальцами (ногтями) надписи, сильно отличаются от вышеописанного комплекса надписей мастеров, намеренно крупно и глубоко прочерченных специальным инструментом рядом с надписью о начале строительных работ и крупным валуном, обведенным фаской по контуру по «сырому».

В целом перечисленные надписи демонстрируют, что не только строители разных специальностей, целенаправленно оставляли свои автографы, рассчитанные на обозрение прообразы строительных, но и посетители, допущенные на лестницу строящегося храма, которые, конечно, не могли быть случайными людьми, а принадлежали в целом к элитной среде, оставляли на строящемся храме свои автографы. Эти автографы несли информативную и памятную функцию, но, кроме того, и сакральную, о чем недвусмысленно свидетельствует молитвенная надпись Лазаря.

Помимо надписей на стенах, сделанных в процессе строительства на кирпичах и стенах храмов, должна быть упомянута единственная, дошедшая до нас надпись на голоснике, сделанная так же до обжига (рис. 2). Обнаружена она была И. А. Шляпкиным в Софии новгородской при реставрации рубежа XIX–XX столетий и вошла в литературу как подпись гончара Стефана. Долгое время именно с таким

определением она демонстрировалась в витрине Эрмитажа, представляя собой уникальное и необъясненное явление. Лишь позднее, с обнаружением двух надписей-граффити почти одинакового содержания, прочерченных уже по сухой штукатурке и других автографов художника Стефана, в тексте которых упоминается, что эти молитвенные надписи сделаны, когда расписывали святую Софию с подписью *Стефан писал*, стало понятным наличие на этом голоснике сложного и красивого крестообразного орнамента, над которым и была прочерчена, так же до обжига, подпись-автограф *Стефан писал*, прочерченная тем же почерком (Медынцева, 1978. С. 37–38). То, что Стефан не только присутствовал при росписи, но и сам был художником, следует из обнаруженных тогда же и несколько позже, и в недавние годы, рисунков, сопровождающих надписи. К настоящему времени число автографов – молитвенных подписей Стефана, сопровождавшихся рисунками (льва в геральдической позе, человека в монашеском клобуке и крестом на шее, набросками-граффити иконографических композиций) с разной степенью доказательности из-за фрагментарности, плохой сохранности, или фиксирования только архивными фотографиями составляет не менее семи (Медынцева, 2017. С. 40–55; Гиппиус, Михеев, 2011). По степени сохранности и доступности для исследования надпись и рисунок на голоснике представляют наиболее сохранившийся и надежный для исследования материал. Прежде всего, привлекает внимание профессиональный и сложный крестообразный орнаментальный крест в круге (плетенка), где мастер ни разу не допустил ошибки в переплетении линий, прочерчивая их набело, без предварительной разметки, умело и гармонично расположив рисунок на выпуклой боковой поверхности необожженного голосника. При этом художник-фресчист, сумел не повредить сам голосник. Крестообразный орнамент на голоснике напоминает орнаменты, часто встречающиеся на так называемых полотенцах в нижних частях росписи храмов. Этот рисунок с подписью, безошибочно начерченный по сырой глине туловища голосника, требовал немалого профессионализма и не мог быть начерчен гончаром, как это считалось ранее. Вероятно, мастерские по изготовлению плинфы и голосников находились поблизости от Софийского собора, и художник-фресчист присматривал за процессом их изготовления. Нужно учесть, что изготовление фресковой штукатурки и строительного раствора было непростым делом, требующим знания многих профессиональных навыков и секретов, вероятно, во многом близких к профессиональным

секретам плинфотворителей. В этой области ремесло плинфотворителей, изготовителей строительных растворов и гончаров в какой-то мере соприкасались, и руководитель строительной артели – «архитект» – главный мастер должен был координировать эти работы. Известный исследователь керамического производства В. Ю. Коваль считает, что технически, несмотря на то, что голосники – толстостенные сосуды, способные сильнее сопротивляться деформациям, «только художник обладал необходимым опытом работы с кистью на весу, что позволило ему рассчитать силу нажима на писало в ходе выполнения рисунка», мог нанести этот автограф на необожженный, сырой сосуд (Коваль, 2019). К этой характеристике художника можно добавить, что так безошибочно и четко работать по сырой глине мог только главный художник – знаменщик, который обычно и размечал важные детали будущих композиций.

Но этот голосник до сих пор не рассматривался как архитектурная деталь. Между тем использованию голосников при строительстве храмов в Древней Руси специально посвящен параграф в труде П.А. Раппопорта (1994. С. 51 и сл.). По его мнению, вопреки своему названию, голосники чаще использовались для облегчения веса сводов, чем для улучшения акустики. Первое их применение зафиксировано в самой древней постройке Киева – Десятинной церкви. Использовались в качестве голосников и привозные амфоры, и горшки местного производства, обычные и специально изготовленные для этой цели. От обычных горшков они отличались вытянутым прямым горлом, но различались по форме. П. А. Раппопорт приводит таблицу форм местных голосников, использовавшихся в разных архитектурных памятниках. По форме голосник с автографом Стефана ближе всего напоминает голосники из церкви в Трубчевске (Раппопорт, 1994. Рис. 43.4. С. 85). Однако, это не обязательно датирует голосник Стефана тем же временем, что и постройка церкви в Трубчевске (XII – начало XIII в.), т.к. в одной постройке одновременно могли использоваться разнотипные голосники. К тому же все древнерусские постройки обязательно претерпевали различные перестройки с течением времени.

Как известно по летописным данным Новгородская София впервые была украшена фресками в 1108/1109 г., когда были расписаны все центральные помещения храма. Большинство исследователей считает, что к этому времени относятся сохранившиеся остатки росписи в барабане центрального купола и фрагменты на стенах центрального помещения, и отрицательно относятся к гипотезе В.Г. Брюсовой

относительно начала росписи в середине XI в. По ее гипотезе, основанной на тексте Предания о Новгородской Софии, дошедшей до нас в списке XIV в. в составе III Новгородской летописи (НШЛ, 1879. С. 181–182), роспись была начата сразу после завершения строительства, когда была расписана центральная глава, и прервана по неизвестным обстоятельствам (Брюсова, 1968; Брюсова, 2001). Прекращение росписи кафедрального собора легко объясняется политическими событиями в Новгороде середины XI в. В. Г. Брюсова видит их прежде всего в том, что 4 октября 1052 г. неожиданно умер один из заказчиков росписи, молодой князь Владимир Ярославич, а сменивший его Изяслав в ожидании перехода на великокняжеский стол в Киеве не был заинтересован в продолжении дорогостоящих работ по росписи Софии. Причиной прекращения росписи могли послужить не только политические неурядицы, вызванные смертью молодого князя. Есть основания считать его причинами дальнейшие события, в результате которых второй заказчик – митрополит Лука был вызван по доносу «своего холопа» Дудики в Киев (НЛ, 1950. С. 182–183). Грек Ефрем, сменивший на митрополичьей кафедре «русина» Иллариона продержал его в заточении в течение трех лет, потом Лука был освобожден, но по дороге в Новгород умер 16 октября 1059 г. Кроме того, как теперь стало известно, посадники Микула Чудин и затем Остромир лишь исполняли обязанность князей и вряд ли имели возможности продолжить дорогостоящие работы по росписи Софии (Куза, Медынцева, 1976; Медынцева, 1978. С. 54–55; Толочко, 2019. С. 433–434). Таким образом, ничего невероятного нет в том, что начатые работы были прекращены, а внутренние стены Софии больше 50 лет простояли без росписи. Это подтверждается большим количеством граффити – надписей и рисунков, давних повреждений древней штукатурки и разницей в составе фресковых грунтов росписи барабана центрального купола и сохранившихся фрагментов росписи в нижних частях собора, сбитые фрагменты которой прослеживаются по всему первоначальному объему собора. В. Г. Брюсова приводит и другие аргументы технического и стилистического характера. На мой взгляд, важнейшими среди них являются разница в составе грунтов центрального барабана и фрагментов росписи нижних помещений храма, традиционно датируемых 1108/1109 г. и стилистическая, и, частично, технологическая близость сохранившихся изображений пророков в центральном барабане купола и фрески Константина и Елены в южной, Мартирьевской паперти. Эта фреска, по мнению многих исследователей, была написана

к обряду освящения собора (1050 г.). В данной статье нет возможности и необходимости подробно рассматривать аргументы исследователей. По этому поводу должны высказаться специалисты, которые до сих пор просто игнорируют гипотезу В.Г. Брюсовой. К сожалению, обнаруженный до сих пор эпиграфический материал – два комплекса надписей строителей и художников не может ответить на этот важный вопрос о времени росписи купола, т.к. до сих пор разделить хронологически по эпиграфическим признакам эти две группы надписей строителей и художников – середины XI и начала XII в. не удастся (Медынцева, 1978; 2018). В 2015 г. А.А. Гиппиус предпринял попытку прочтения нечитаемой части автографа в парусе малого барабана художника Георгия и поддержал мнение искусствоведов об одновременной работе в 1108/1109 г. (летописной дате о росписи Софии) двух артелей мастеров – владычной и княжеской, что трудно объяснимо (Лифшиц, Сарабьянов, Царевская, 2004). Конечно, участие местных (владычных) мастеров в составе приезжей киевской артели как и местных подмастерьев вполне вероятно и подтверждается диалектной формой имени Сежире (дважды). Но при этом мастера должны были работать по единому замыслу и единым техническим приемам, в частности единым техническим составам грунтов, в то время как эти характеристики различаются. Палеографические данные об одновременной работе упомянутых двух групп мастеров до сих пор отсутствуют. Поэтому вопрос об одновременной или с разницей в полвека работе художников, все же остается открытым. Но имена художников и их профессия подтверждаются и новыми разысканиями.

Когда и как мог попасть голосник с автографом художника Стефана в своды собора? Предположение, что голосник попал в своды собора при его строительстве, не противоречит палеографическим особенностям комплекса надписей Стефана, но не соответствует общепринятой летописной дате о росписи Софии в 1108/1109 г. и дате 1112 г. в надписи помощника Стефана – Радко. Ответ на это могли бы дать точные данные о местонахождении голосника в кладке, но они отсутствуют. В кратких архивных записях И. А. Шляпкина есть упоминание, что он найден в сводах ризницы собора, находящейся на галерее второго этажа, и замечание, что «своды ризницы были несколько иначе, чем нынешние» (Медынцева, 1978. С 82, примечание 62 на с. 129). Напомним, что исследователи-реставраторы храма ко времени не позже конца XI в. относят закладку первоначально открытых арок притворов первого и второго этажа, превратившего открытые паперты в закрытые

притворы (Каргер, 1961. С. 114; Штендер, 1986). Вероятно, эти работы предшествовали полной росписи собора. Во время них мог попасть в своды ризницы голосник с орнаментальным крестом и подписью Стефана. Эта надпись на голоснике в любом случае является древнейшей и единственной надписью на необожженной керамике, если не считать относительно более поздних (начиная со второй половины XII – XIII в.) надписей на бытовых гончарных сосудах. Сохранились устные рассказы реставраторов и слушателей отчетного доклада М. К. Каргера на заседании сектора славяно-русской археологии о существовании еще одного голосника с надписью, но никаких фактических следов этого голосника с надписью некоего Седяты (?) пока не обнаружено ни в фондах, ни в архивных материалах.

Следующая по времени пространная запись по сырой глине на постелистой части обнаружена на одном из кирпичей при разборке руин Успенского собора Киево-Печерской лавры (рис. 3). На плинфе толщиной около 4,3 см, длиной 28,5 см и шириной около 25 см (если судить по сохранившейся части и расположению надписи) по сырой глине четкими крупными буквами прочерчена надпись в три строки. Правый край плинфы утрачен, но надпись при этом почти не пострадала. При издании был прочитан следующий текст: «Я жело... заво рыто се было ваеши человек». Содержание надписи объяснялось приблизительно так: «человек (делал) что-то железным предметом (писалом?)», т. к. «жел» – железо, ваеши человек – ваятель, скульптор, т. е. запись мастера о своей работе, возможно скульптурной (Холостенко, 1975. С. 148. Рис. 33. С. 147).

Позднее С. А. Высоцким было предложено новое, исправленное прочтение и более обоснованный перевод (Высоцкий, 1985. С. 57–59). По его мнению, надпись нужно читать следующим образом: «**АЖЕ ЛОЗА ВО/РЫТО СЕ БЫЛО У/[ЫТО] ВАЕШН УОВЪК[Ъ]**», в переводе: как лоза врыто се было, что создал (ваял) человек. Смысл надписи он объяснил как религиозно-символическое сравнение постройки церкви с лозой, посаженной в землю в духе христианского мировоззрения.

Но возможно и несколько иное прочтение надписи (Медынцева, 2000. С. 87–90). Текст восстанавливается легко, т. к. утрачено лишь по одной букве в конце второй и третьей строки: **АЖЕ ЛОЗА ВО/РЫТО СЕ БЫЛО/(У) [Ъ]ВАЕШН УОВЪК[Ъ]**. Перевод надписи затруднен нестандартностью содержания. Первое слово «**АЖЕ**» можно перевести как личное местоимение «**ЯЖЕ**», что соответствует древнерусскому правописанию. Но этот перевод нарушает смысл, скорее всего в первом слове следует видеть указательное местоимение

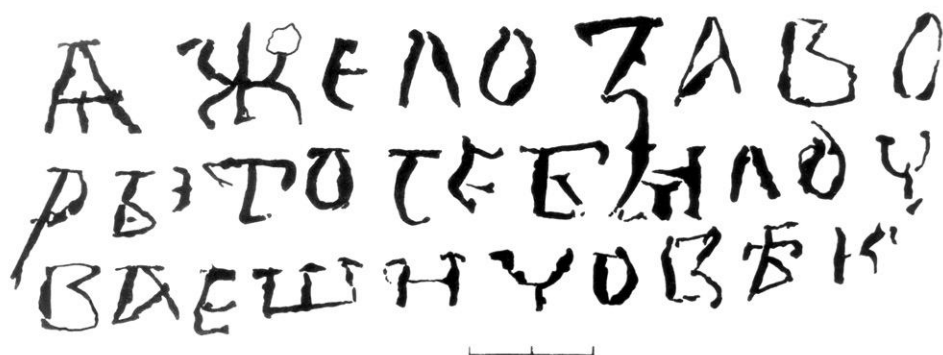

Рис. 3. Надпись на плинфе из Успенского собора в Киеве. Фото и прорись

женского рода **АЖЕ** в роли союзного местоимения: «эта лоза», или «что лоза». Автор надписи употребил **А** вместо **ПА** – обычное для русского писца явление. Следующие слова: **В(О)РЫТО СЕ БЫЛО** – *врыто это было*, вместо **Ъ** в слове *врыто* написано **О**. Это легко просматривается по сохранившимся штрихам, далее вместо «**УБТО ВЛЄШН**» вероятно следует читать «**(У)[Ъ]ВЛЄШН**» – от глагола «чѣвати» – слышать (Срезневский, 1905. Стлб. 1554). Такое прочтение подтверждается расположением надписи: на отбитом крае плинфы отсутствует не более одной буквы вместо предполагаемых трех, кроме того трудно объяснимо написание «**ВЛЄШН**» через **Є** вместо ожидаемого «**ВЛАТН**». В таком прочтении надпись приобретает следующий смысл: «Слышишь (может быть по смыслу ближе – чувствуешь, понимаешь) человек, что (как?) лоза это (плинфа) было врыто»? Как вариант: «что (как) лоза врыто это

было, (ты) чувствуешь (внимаешь) человеков – р.п. мн. ч.? или человек?» Последнее слово можно прочесть как **УОВЕКЪ** и как **УОВЕКУ**, (расстояние до конца строки это вполне допускает), т. к. от конечной буквы видно только начало «хвоста» – горизонтальной линии от **Ъ** (предположение Т. В. Рождественской)¹. В таком случае это является винительным падежом от слова *человек* и должно буквально переводиться «человеков», т. е. «людей». Но наиболее вероятно восстановление слова как *человек*, «понимаешь, внимаешь» человек (?). Отсутствие при этом надлежащего звательного падежа требует объяснения, хотя историки языка отмечают, что «тенденция утраты звательной формы и замена ее именительным падежом намечается очень рано и отражается уже в Остромировом Евангелии 1056 г.» (Борковский, Кузнецов, 1963. С. 210). О таком понимании говорит устойчивое сочетание близкого по смыслу глагола **УѸти, УѸЮ** в контексте с виноградной лозой встречающееся в уже в Изборнике Святослава (**Нъ ѿко же виноградъ, кгда процвѣтѣтъ вънѣ на се(лѣ) то УѸжѣтъ вонъ соущекъ в (храмѣ) вино и цвѣтѣтъ съ нимъ** (Изборник 1076 г. М. 1965. Л. 133об.). Перед нами текст, не рассчитанный на обозрение, т. к. вделан, «зарыт» в кладку, обращенный не только к Богу, но и к человеку, возможно и в будущее, людям, которые найдут среди развалин заложенную в кладке плинфу и прочтут (прочувствуют) начертанные на ней слова.

Чтобы понять религиозно-философский смысл написанного, нужно учесть следующее обстоятельство. Общеизвестно, что в христианском мировоззрении лоза занимала особое место, символически олицетворяя евхаристию и самого Христа. Это положение основывалось на тексте евангелия от Иоанна, где Христу приписывались следующие высказывания: «Аз есмь истинная виноградная лоза, а отец мой виноградарь» (гл. 15,1); «Аз есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во мне, а я в нем, тот приносит много плода» (Троицкий, 1913. С. 25–29). Символическое сравнение с лозой накладывалось на представления о священном характере письма, особенно характерные для славянского православия, являющегося проводником для восприятия «света ученья божьего». Из этого возникали понятия о священности самого славянского алфавита, о магическом значении записанных слов. В результате соединения этих представлений заложенная в стены храма плинфа с «сакральными» словами символически приравнивалась к посаженной в земле

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. В. Рождественской за консультацию.

лозе, умножающей «плоды» христианского учения, чувствуя (ощущая), как и вне храма распространяется христианская вера.

Вместе с символично-религиозным смыслом в надписи обращает внимание и другой, чисто гуманистический аспект – внимание и обращение к человеку, будущему, идея взаимосвязанности поколений, неожиданная для религиозного сознания средневекового книжника и для нашего традиционного восприятия средневековой культуры. В свое время (на рубеже столетий) автор этой статьи высказывал сомнение относительно этой необычной надписи в том, что она написана простым ремесленником – «плинфотворителем» несмотря на то, что она написана в процессе производства кирпича, по сырой глине (Медынцева, 2000. С. 89). Это отвечало представлениям о низком социальном уровне и, следовательно, редкости грамотности среди этого вида ремесленников. Действительно, сам текст философско-религиозного характера, так же как и некоторые лексические особенности, указывают на близкое знакомство с старославянской литературой. Прежде всего, нужно отметить диалектную форму «**ѹовѣкъ**» вместо традиционной для русского – «**человѣкъ**» и старославянского **чловѣкъ**, во всех памятниках старославянского языка это слово писалось без полугласного, а затем, с XII в. появилась диалектная форма «човек», сохранившаяся в ряде южнославянских языков до нашего времени (Фасмер, т. IV. С. 328–329). Наличие этой формы вызывает сомнение в датировке надписи на плинфе концом XI в. – временем строительства собора, как это было сделано издателем надписи М. В. Холостенко. О времени более позднем, кажется, говорит и мена **Ъ** на **Ѧ** в слове «ворыто»: в русских памятниках это явление обычно указывает на вторую половину, рубеж XII–XIII вв., хотя отдельные случаи исследователи берестяных грамот и памятников эпиграфики отмечают с XI в., что свидетельствует о более раннем проявлении этого процесса в разговорной речи по сравнению с каноническими памятниками (Зализняк, 1984. С. 54). Такое допущение еще более вероятно, если видеть в надписи человека как минимум знакомого с южнославянской литературой и южнославянскими диалектами. Палеография надписи не содержит явных признаков графики древнейших южнославянских памятников XI в., обычно проявляющихся и в относительно более поздних текстах.

Вместе с тем графика надписи довольно архаична: пропорции многих букв близки к квадрату, петли **Ъ**, **Ѣ** геометричны, причем последняя буква целиком уместается в строке, **Ж** – симметрична и начерчена в три приема, **Б** – со сравнительно небольшой петлей и длинным горизонтальным навесом – эта черта, как раз, характерна для многих

ранних древнеболгарских надписей, в том числе – памятная надпись царя Самуила 992 г., Преславские керамические таблички (X в.), надгробие Тудоры (X в.) и др. (см. *Иванова*, 1955. Рис. 13, 16, 20). Совокупность отмеченных особенностей датирует надпись не позже первой половины XII в. Но диалектные отличия на первый взгляд противоречат такой датировке. Очевидно, разгадку нужно искать в близком знакомстве автора надписи со старославянским (болгарским) языком. О том, что сам он не был из южных славян (болгарином, сербом?) говорит отмеченная выше особенность использования юса малого. В разговорной речи диалектные особенности обычно проявляются раньше, чем в канонических рукописях. Но все же вопрос о датировке надписи оставался открытым. М. В. Холостенко счел возможным включить эту плинфу в набор, относящийся к первоначальному строительству собора. Решающим моментом могли быть сведения о ее точном местонахождении в кладке, но, к сожалению, в то время они отсутствовали. При дальнейших археологических исследованиях плинф из других древнерусских городов Д. Д. Ёлшин косвенно поддержал как раннюю датировку – XI – начало XII в., так и сомнения в том, что она оставлена простым «плинфотворителем», приведя пример необычного рисунка из храмусыпальницы в Чернигове. На одной из плинф этого храма обнаружен рисунок – квадрат, разделенный на части с дугообразной линией, почти полностью совпадающий с рисунком – схемой из трактата по геометрии XI–XII вв. Он высказал предположение, что надписи и некоторые рисунки были исполнены самими зодчими или их образованными помощниками в то время, когда плинфа на строительной площадке проходила процедуру сушки перед обжигом, приведя в качестве примера эту нестандартную надпись (*Ёлшин*, 2008. С. 216. Рис. 10). Возможно, был прав С. А. Высоцкий, объясняя смысл надписи, как сравнение в иносказательной форме строительства «большой церкви» Печерского монастыря с посадкой лозы. В этом случае местоимение «**ѿ**» относится не к плинфе, а ко всему зданию, хотя термин *врыто* больше соответствует по смыслу закладке плинфы, чем возведению здания. Таким образом, надпись получает полное логическое осмысление: «Как лоза врыто (построено?) се (церковь) было. (ты) чувствуешь человек, или человеков (людей)». Несовпадение датировки надписи по диалектным чертам со временем строительства собора (70-е годы – конец XI в.) можно объяснить знакомством автора с разговорным старославянским (древнеболгарским) языком. Невозможно более позднюю датировку данной плинфы объяснить использованием запасов при

достройке или ремонте храма, т. к. надпись сделана именно до ее обжига. Но на фоне более высокого статуса ремесла плинфотворителей, что следует из сравнительной немногочисленности этих ремесленников в составе артели, предполагают, что их, как правило, было не больше двух-трех (Раппопорт, 1994. С. 190), большой сложности самого ремесла, что стало ясным в процессе более тщательного его изучения, необходимости владения широким аспектом профессиональных знаний и тесного сотрудничества с зодчими и художниками и, следовательно, квалифицированности мастеров, необычность этой надписи, в религиозной форме передающей размышления ее автора о смысле строительства храма и связи с распространением самого христианского учения – не представляется теперь таким необычным. Хотелось бы обратить внимание историков древнерусской литературы к объяснению диалектных особенностей и поиску литературных источников этой необычной надписи.

К этой надписи следует добавить две надписи на кирпичках из Успенского собора Киева, известные по сообщениям в популярной литературе. На одном из них молитвенная запись: «Помоги господи рабу твоему Луке», на другом – «Митрошка Коза»* (Холостенко, 1975). Местонахождение этих надписей установить не удалось. Достоверной публикации мне не известно, но наличие и прочтение их не вызывает сомнения. Датировка их тоже документально не подтверждена, но само наличие надписей – одной молитвенной, обычной для домонгольского времени, а другой фольклорной (?) увеличивает количество надписей, возможно, относящихся к периоду строительства храма (конец XI в.). По поводу «фольклорности» второй надписи возможно другое ее понимание. П. А. Раппопорт упоминает, что «козлами» назывались носилки, в которых плинфа и камни доставлялась носильщиками на стены строящегося здания (Раппопорт, 1994. С. 118). Поэтому не исключено, что в надписи упоминаются эти носилки, либо прозвище подносчика плинфы по его занятию.

Следующий по времени комплекс надписей и рисунков на «постелистой» стороне плинфы обнаружен на плинфах построек рубежа XI–XII столетий в Переяславле Киевском (Ёлшин, 2004. С. 214–217). Об одном из этих геометрических рисунков упоминалось выше в связи с надписью на плинфе из Успенского собора. Д. Д. Ёлшин, считает возможным, не связывая непосредственно с участием одних и тех же мастеров, разделенных друг от друга столетием (имеется в виду строительство эпохи Владимира Святославича и строительство епископа Ефрема и Владимира Мономаха), говорить лишь о сохранении традиций.

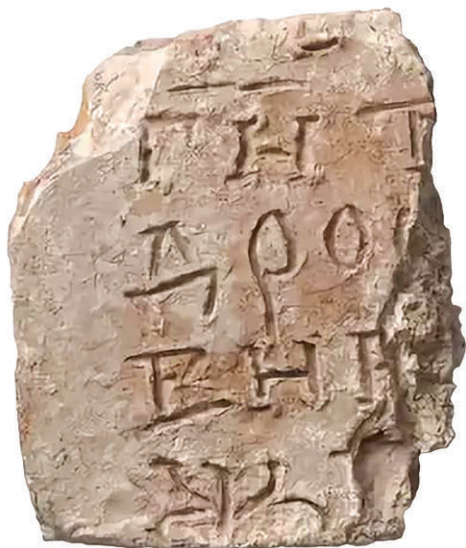

Рис. 4. Надпись из Переяславля
Русского. Фото

Он предполагает, что на строительстве также были заняты не местные мастера, а приглашенные «греки», и в обоих случаях в состав приглашенной артели помимо приглашенных византийских мастеров-плинфотворителей входили несколько местных мастеров. Отдельно выделяется массив плинфы из Спасского храма-усыпальницы, на которой были обнаружены уникальные рисунки и надписи. Открытые и зафиксированные в 1953 г., рисунки и надписи не были упомянуты в первой публикации памятника и до недавнего времени оставались неизвестными.

Рисунки нанесены специальным инструментом на нижнюю постель плинфы до обжига. Это упомянутый «архитектурный» геометрический рисунок, другие неопределенные рисунки геометрического типа и предметные: рисунок двурогого животного, напоминающего корову, и бородатого мужчины, стреляющего из лука, довольно профессионально исполненный рисунок орла геральдического типа (Ёлшин, 2008. Рис. 5, 6. С. 215). Помимо рисунков на двух обломках плинфы обнаружены надписи, так же прочерченные до обжига (рис. 4). Д. Ёлшин оставил их без прочтения, хотя, несомненно, они представляют текст на кириллице. Несмотря на фрагментарность, на первой плинфе читается **ГИ** (под титлом) **П.ДРОВИ**. Таким образом читаются остатки обычной молитвенной надписи *Господи*, далее должно читаться слово *помози* и имя, от которого во второй строке сохранилось окончание ... *дрови* (какое-то имя с таким окончанием, например, Александрови). Но для этого имени на плинфе места недостаточно. Третья буква надписи на фотографии выглядит как **Т**, но на более отчетливой фотографии, помещенной в интернете, видно, что это – часть буквы **П**, с горизонтальной перекалиной, а над ней видно начало горизонтальной черты – титла. Во всяком случае, по смыслу это должно быть слово *помози*, имя полностью восстановить невозможно. Вероятно, в молитвенной записи упоминалось и второе имя, о чем

говорит наличие союза **и**. От следующей строки сохранилась лишь отчетливо читаемая **Ж**. К сожалению, полностью имена плинфотворителей (?) не читаются.

По хронологии – это первое (конец XI – начало XII в.) упоминание имени мастера, хотя прочесть его полностью невозможно, причастного к производству плинфы, где должны были работать формовщики и обжигальщики. Несмотря на фрагментарность надписи, можно определить, что она, безусловно, кириллическая, написанная на славянском, вероятно древнерусском языке. На втором фрагменте (Ёлишин, 2004. Рис. 5) отчетливо видны буквы **УѢ** под титлом, предположительно остатки отчества, от следующей строки сохранилась лишь буква **Ѣ**. Об этой надписи можно сказать, что она так же кириллическая, написанная до обжига, уже другим человеком, т. к. начертания букв резко отличаются от первой надписи. Почерк первой надписи напоминает почерк надписи на плинфе из Успенского собора: уверенно прочерченные буквы с теми же пропорциями букв, близкими к квадрату. Особенно близки по пропорциям симметричная **Ж**, написанная в три приема, почти идентичны очертания **Ѣ** с изогнутыми петлями, не примыкающими к вертикальной линии. Но это уже иной почерк – та же буква **Ж**, хотя и близка по пропорциям к надписи из Успенского собора, но прочерчена она другим способом: первая из трех изогнутых пересекающихся в центральной точке вертикальной линии, во втором (на переяславской плинфе) – к центральной линии присоединены две дугообразные ~. Совершенно иного начертания **Р**. Вторая надпись из Переяславля при сходной форме **У** с «глубокой чашечкой» отличается и начертанием увеличенных треугольных петель **Ѣ**. Очевидно, на этом фрагментарном материале можно только говорить о сходстве письменной «школы» этих двух надписей из Переяславля Киевского и плинфы из Печерского монастыря Киева.

Еще один комплекс надписей и рисунков, оставленных на сырых кирпичах, относится к раскопкам храмов XII–XIII вв. в Смоленске, где в это время по заказам князей, духовенства и богатых горожан было построено около трех десятков каменных зданий. Наиболее значительные открытия сделаны в процессе архитектурно-археологических работ в 1962–1976 гг., когда были открыты около трех десятков остатков архитектурных сооружений, известных лишь по редким упоминаниям в летописных княжеских некрологах. Поэтому датируются они приблизительно от XII в. до начала XIII в. Даже названия древних храмов не всегда поддаются определению, поэтому большинство их называются по современному местоположению. К таким сооружениям относится

Рис. 5. Надписи на плинфе
из «храма на Протоке».
Фото из архива Н. Н. Воронина

так называемый храм на Протоке, где сохранились и остатки фресковой росписи (Воронин, 1977). Опубликована серия надписей граффити по фресковой штукатурке из раскопок этого храма (Воронин, 1964; Рыбаков, 1964). Но помимо этих надписей-граффити при раскопках были обнаружены фрагменты надписей и рисунков, изданных только частично (Гиппиус, Михеев, 2013). В Архиве г. Владимира, куда был сдан научный архив Н. Н. Воронина, сохранились рукописные материалы (переписка, раскопочные дневниковые записи, графические и фотоматериалы), относящиеся к раскопкам этого храма (ГАВО. Фонд 422, опись № 1, ед. хранения № 628)². Среди материалов сохранились несколько фотографий, где запечатлены обломки плинф

с обрывками кириллических надписей и рисунков, которые до сих пор не опубликованы. Пояснения к фотографиям отсутствуют, но из рукописных материалов (некоторых зарисовок и дневниковых записей) можно сделать выводы об их местонахождении. На л. 85 этого фонда находится фотография двух обломков плинф с обрывками надписей по сырой штукатурке. О местонахождении их указано на л. 71 этого фонда, где вверху листа находится краткое упоминание «Протока» и запись: «2 плинфы с буквами на постели... найд(ены между. – А. М.) Ю-3 столба и Ю(жной. – А. М.) стены». Сопоставляя эти материалы можно сделать вывод, что речь идет о фрагментах на л. 71. Прежде чем приступить к прочтению надписей нужно упомянуть, что верхний из фрагментов на фото повернут на 180 градусов и лишь при должном повороте его поддается прочтению (в сохранившейся части) (рис. 5). Их немного: в трех

² Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. А. Баранову за содействие в получении копии архивных материалов.

строках читаются **Ѣн..инъы снъы..** О содержании записей говорить невозможно. Можно лишь отметить, что это обрывки однотипных кириллических записей. О кириллице недвусмысленно говорит дважды использованный **ять**, **ѣ** редкой формы с перекладиной в верхней части буквы, петли треугольны и увеличены. На втором фрагменте читаются обрывки надписи по сырому (**в**) **ж.и..** / **..илсѦ** / **..Ѹъ**. Несмотря на фрагментарность, можно предположить, что перед нами остатки поминальной надписи «*преставился раб божий имярек*». От имени вероятно осталось только окончание отчества (?). Скорее всего, человек, о котором идет речь, тоже имел отношение к производству плинфы. Надпись, которой предстояло быть заложенной в стены храма, должна была стать ему вечным поминовением. Несомненно, в обоих случаях люди, оставившие надписи, владели письмом, и первый, и второй фрагмент написаны похожим почерком, может быть одним и тем же человеком. О датировке их сказать что-либо трудно. Наиболее вероятная дата – время построения церкви «на Протоке» – конец XII – начало XIII в. (Воронин, 1977. С. 12). Из палеографических признаков можно отметить упомянутые выше формы **Ѣ** с перекладиной и увеличенными треугольными петлями и симметричную **Ж**, написанную в три приема – вертикальная линия и отдельно две изогнутые боковые части, не примыкающие к центральной линии; **Н** подобная латинской **n** с горизонтальной линией посередине. Указанные особенности не противоречат архитектурной дате.

При продолжении раскопочных работ в Смоленске в 2005 г., под Запсковой горой, где находился разрушенный храм, построенный в середине XII в., в 300 м от храма «на Протоке», среди множества обломков плинфы была обнаружена еще одна (небольшой фрагмент) с остатками текста, прочерченным тоже до обжига (передана для публикации О.М. Олейниковым)³. В верхней части видны пунктирно нанесенная буква юс малый, а ниже три строки кириллической надписи, где читается **въ весе месо(ш)/а прос(т)ѣни/... и св..** (рис. 6, а, б). Несомненно – это остатки связного текста. Можно его понять как производственную запись плинфотворителя, хотя полностью прочтение и перевод не ясны. В начале читается **ѿ Весе**, скорее всего, это название местности, далее читается **месоша** – аорист 3 л. мн. ч. от глагола **мѣснѣ**, зафиксированного в старославянских памятниках с XI в. (Срезневский, Т. II. Стлб. 244). Слово восстанавливается достаточно убедительно

³ Выражаю благодарность О.М. Олейникову за предоставленную возможность изучить и опубликовать надпись.

Рис. 6. Надпись на плинфе из Смоленска

а – фото О. М. Олейникова; б – зарисовка надписи А. А. Медынцевой

за исключением **Ш**, которая, скорее всего, находилась на утраченной части плинфы. При таком прочтении следует допустить замену *ять* на *е*, что вполне возможно, т.к. в смоленско-полоцком диалекте и прилегающих к нему говорах уже в XII–XIII вв. звуки, отраженные этими буквами, совпали в одном гласном *е* во всех позициях (Филин, 1972. С. 167–168). Затруднение вызывает прочтение и перевод слова **прос(т)ени**, которое в данном контексте скорее всего сопоставляется со словом от глагола *простереть*, или *простор*, *стелить*, от чего, возможно, происходит и название плоской, широкой – «постелистой» части плинфы. Далее видно начало титла, проставленного, скорее

всего, над буквами, обозначающими число. Таким образом, всю вторую строчку можно прочесть (*на*) *простени...*, далее должно быть написано число. От третьей строки сохранились только буквы ... **исв...** Даже предположительно ее содержание восстановить невозможно. Выраженных палеографических примет надпись не содержит кроме указанной выше мены **ѣ/ѥ**. Вероятная палеографическая дата этой надписи на плинфе совпадает с датировкой большинства каменных смоленских храмов – середина XII – начало XIII в. Вполне вероятно датировка плинфы и надписи временем построения храма, расположенного выше на Храмовой горе – середина XII в. (устное сообщение О. М. Олейникова). Таким образом, хотя полный перевод надписи невозможен, наличие текста, связанного с производственным процессом, обозначающее количество, не вызывает сомнений. Вместе с рассмотренными выше обрывками молитвенных надписей (автографов, поминальной) можно констатировать, что среди плинфотворителей смоленских храмов XII–XIII вв. присутствовали грамотные древнерусские мастера, а наличие некоторых рисунков по «сырому», выполненных достаточно профессионально, позволяют заподозрить среди их исполнителей

Рис. 7. Надпись на плинфе из Успенского собора Старой Рязани.
При воспроизведении фотография дана «зеркально»
по отношению к оригиналу

либо квалифицированных художников, либо более высокий уровень этого обычно считающегося «нижним уровнем» состава строительной артели специалистов. П. А. Раппопорт отмечал, что «производство кирпича, кажущееся на первый взгляд очень простым делом, в действительности требует специальных знаний и большого опыта» (Раппопорт, 1994. С. 7. Рис. С. 211). Перечисленные выше надписи допускают, что плинфотворители владели письменностью, и иногда определенными художественными навыками.

Если надписи на постелистой части плинфы позволяют видеть в их авторах не только ремесленников – плинфотворителей, но и мастеров более высокой квалификации или даже не имеющих отношения к строительству людей (это наблюдение не может относиться к производственным записям), то надписи-клейма на ребристых частях плинф, вырезанные на деревянных формах, можно считать автографами – клеймами мастеров. Они происходят из раскопок храмов Старой Рязани. Первая из серии таких надписей была обнаружена при раскопках Успенского собора экспедицией под руководством А. Л. Монгайт в 1949 г. (Монгайт, 1949. С. 463. Рис. 7; 1951. С. 226. Рис. 6). Позднее еще на нескольких кирпичках открыты подобные выпуклые надписи, вырезанные на бортике деревянной формы и поэтому отпечатавшиеся на кирпичках «зеркально». Первооткрыватель предположил, что эти подписи представляют собой клеймо мастера, которое он прочел как «Яков ТВ (орил)» – Яков сделал (рис. 7).

С тех пор эта надпись стала общеизвестной как первое зафиксированное имя – клеймо мастера – формовщика плинфы. (Орлов, доп. Сотниковой, 1952. С. 236; Медынцева, 1988; 2000. С. 90; 2005; Раппопорт, 1994.). Чтение ее затрудняет это обстоятельство и «смазанность»,

«непропечатанность» отдельных букв. А. Л. Монгайт прочел ее как имя мастера: «Яков тв ...» – «Яков творил» – делал от творить – «растворять или разводить в жиже, месить или замешивать» (*Даль*, 1882. С. 405). На изданной фотографии одной из надписей (местонахождение кирпичей в настоящее время не установлено) читаются следующие буквы (справа налево): **ИКОВ(Ъ) Т(В)**. Не «пропечатались» полностью верхние части букв **Ъ** и **В**, но чтение в целом приемлемо. Пропуск **а** в имени *Иаков* вполне вероятен. Датировка надписи затруднена плохой ее сохранностью и краткостью, поэтому наиболее надежна дата архитектурная – середина XII в. (*Монгайт*, 1951. С. 18–20). Термин «плинфотворители» упоминается в древнерусских источниках с XVI в. Но, конечно, он существовал и в более раннее время. Среди граффити Новгородского Софийского собора обнаружено несколько надписей на небольшом участке древней штукатурки, где имя *Творята* (вероятно уменьшительное от собственного имени Творимир, известного по источникам с XI в. – *Тупиков*, 1903. С. 444) встречается на одном участке несколько раз, как отдельно, так и в сочетании с именем *Своята*, начерченного тем же почерком в сочетании с именами: *Петр*, *Лука*. Одно из имен *Своята* написано под довольно бойко изображенным рисунком барса, терзающего оленя (лося?), а имя Петр – над профессионально исполненным рисунком храма. Мной было высказано предположение, что слово *творята* может обозначить не имя собственное, а прозвище по профессии и сопоставлено с надписью на кирпичах из Старой Рязани «Яков ТВ» (*Медынцева*, 1978. С. 61–64). С этого времени прошло немало лет, но это предположение так и не получило подтверждения, хотя сейчас стало ясно, что этот компактно расположенный комплекс надписей и рисунков связан между собой тематически, как неоднократно встречается среди других граффити этого храма и представляет единый комплекс автографов и рисунков, оставленных либо писцами, либо строителями-архитекторами, или другими лицами творческих профессий. К сожалению, это предположение пока трудно доказуемо, но совпадение имени Творята и букв ТВ на плинфе из Рязани заставляет задуматься о не случайности этого совпадения.

Вторая находка надписи на боковой части плинфы также происходит из Старой Рязани, но уже из другого храма – Борисоглебского собора, построенного в 1195 г. На боковой части фрагмента плинфы сохранилась выпуклая надпись, первоначально вырезанная на деревянной форме и отпечатавшаяся зеркально (*Медынцева*, 2005). Хотя надпись сохранилась целиком, прочтение ее представляет определенные

трудности, происходящие, вероятно, от желания мастера вырезать надпись «зеркально», чтобы после формовки она читалась правильно. Легко читаются четыре буквенных знака **МА-ОК**. Третий знак, напоминающий «ижицу» или глаголическое «веди», ранее объяснялся способом написания – предположением, что мастер сначала вырезал **Р** с маленькой незамкнутой петлей, но затем, учитывая «зеркальность», добавил новую петлю, поправив первоначальный вариант⁴. Так как надпись вырезалась первоначально на бортике деревянной формы, исправить начертание, просто стерев неправильное, было невозможно. Но на самом деле на третьей позиции читается **Р** зеркального начертания. Таким образом можно прочесть **МА(Р)ОК**, скорее всего, имя-клеймо мастера (рис. 8). Обращает внимание отсутствие конечного **Ъ**, хотя места для него достаточно. Но идентифицировать его как имя греческого мастера нельзя, т.к. греческий вариант имени, наиболее отвечающий прочитанному – **ΜΑΡΚΟΣ**. Объяснить появление необычного имени может «зеркальность» подписи и попытка мастера ее преодолеть: он поменял местами **О** и **К**. Восстановив порядок букв, можно прочесть имя **ΜΑΡΚΟ** – уменьшительное, или звательную форму от канонического имени Марк. Можно допустить, что **О** заменяет собой **Ъ** как в некоторых рукописях, берестяных грамотах и граффити – так называемое неупорядоченное употребление **Ъ/О**, характерное в основном для памятников Северо-Западной Руси. Но в любом варианте прочтения нет сомнения, что перед нами еще одна надпись – клеймо мастера формовщика плинфы самого начала XIII в., пометившего партию плинфы своим именем. К такому же типу клейм, вероятно, относится надпись на «ложке» кирпича из Трубчевска, на которой читается несколько букв (*Раппопорт*, 1973. С. 211). Л. А. Беляев в упомянутой выше статье, видит **Б, Л, О**, пси (*Беляев*, 2006. Примечание 34 на с. 87).

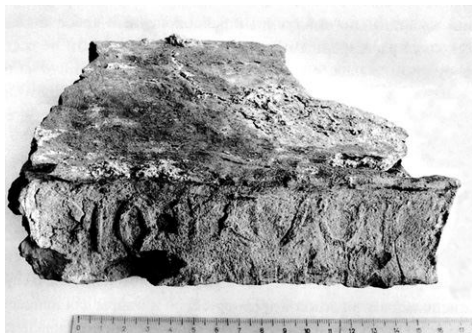

Рис. 8. Надпись на плинфе из Борисоглебского собора Старой Рязани. Фото М.А Беляевой

⁴ Это предположение было сделано на основе изучения протирки надписи, на которой случайная выбоина выглядела как дополнительная петля. Опубликованная фотография в статье Л. А. Беляева (2006 г. Рис. на с. 82) демонстрирует правильность прочтения зеркальной **Р** обычного начертания.

Казалось бы, объяснение двух надписей из Старой Рязани как клейм мастера, т.е. имеющих практическое назначение бесспорно, но Л. А. Беляев, ссылаясь на западноевропейские материалы, высказывает сомнение в производственном назначении подобных надписей-клейм. По его мнению, из-за трудоемкости вырезывания надписи на деревянной форме такое клеймение маловероятно, гораздо правдоподобнее с его точки зрения выглядит предположение о votивном, магическом и презентативном назначении подобных клейм, обозначающих не имя мастера – плинфотворителя, а имя донатора, сделавшего вклад на строительство храма (Беляев, 2006. С. 71, 80–82). Но простонародные имена (Яков? и Марко) вряд ли могли быть именами донаторов, т.к. на Руси заказчиками храмов чаще всего были князья, реже – епископы (Раппопорт, 1994. С. 132). Трудоемкость вырезывания имен на дощечке – вставной боковине формы не так велика. Тем более, что метились не все кирпичи, а только их партии. Вотивное (молитвенное) назначение надписей подразумевается и не противоречит производственному, представляя собой личные имена, что адекватно молитве, навечно заложенной в стены храма. Вероятно к этому же типу клейм-надписей принадлежит плохо читаемая надпись (ряд буквенных знаков) на ребре кирпича из Трубчевска. Среди буквенных знаков, расположенных в один ряд, по мнению Л. А. Беляева, можно различить по крайней мере четыре буквы: **Б**, **Л**, **О**, *пси* (Беляев, 2006. Примечание № 34 на с. 87). На фотографии, изданной П. А. Раппопортом, названных издателем «четыре знака» (Раппопорт, 1973. С. 211. Рис. 8), можно увидеть, читая слева направо **ψо ав** (вторая буква **Л**, а не **Л**). Таким образом, читается автограф **ψо ав** писал имярек». Особенности надписи является начертание «пси» угловатой неправильной формы, и **Л** с четырехугольной петлей, что можно объяснить особенностями вырезывания букв на деревянной форме. Кроме того, очевидно **О** заменяет собой **Ъ**, согласно «неупорядоченной» графике, характерной для многих письменных памятников Северо-Западной Руси, начиная с XII–XIII вв. (см. комментарий к надписи из Борисоглебского собора Рязани). Строительство храма в Трубчевске П. А. Раппопорт датирует этим временем. При таком прочтении буквы **ЛБ** следует считать первыми буквами имени. Полностью восстановить его невозможно. Но обращает внимание, что и в этой надписи на «ложке» кирпича использовано сокращение слова до двух букв, как в надписи из Успенской церкви в Старой Рязани, что, очевидно, вызвано нехваткой места на дощечке на «ложке» кирпича при необходимости вырезания крупной, глубокой

надписи на деревянной вставке для формы, чтобы она была читаемой на глине после формовки. Таким образом, имеются уже три надписи на «ложках» кирпичей – две из Старой Рязани, одна – из Трубчевска. Чтение их не бесспорно, но все они представляют собой текст, скорее всего – имена. Все они датируются от середины XII до начала XIII в., демонстрируя уже новое явление среди надписей и клейм на кирпичах.

Рассмотренные в данной статье надписи составляют очень незначительное количество среди знаков и меток, обнаруженных при раскопках памятников архитектуры X – начала XIII в.

Но уже на имеющемся материале можно сделать некоторые выводы. С самого начала строительства храмовой архитектуры (конец X в.) помимо греческих клейм на кирпичах и трезубцев Рюриковичей встречаются единичные знаки, напоминающие буквы кириллицы. Достаточно рано, уже с середины – второй половины XI в., на постелистой части кирпичей появляются и первые цифровые надписи – расчеты, в это же время появляются имена и молитвенные надписи (с учетом надписей на строительной штукатурке). Позднее, с середины – второй половины XII в., на некоторых плинфах из Смоленска уже встречаются надписи обычные для храмовых граффити – автографы, молитвенные и поминальные, скорее всего сделанные мастерами – местными, и другими русскоговорящими плинфотворителями. Но все же обращает внимание, что надписи, безусловно говорящие о грамотности формовщиков плинфы – оттиски с именем мастера на ребре кирпича, предварительно вырезанные на деревянной форме, появляются в середине, второй половине XII – XIII в., приблизительно синхронно с появлением надписей гончаров на необожженных бытовых сосудах, сделанных гончарами в процессе производства (Коваль, Мединцева, 2013; Коваль, Мединцева, Еремеев, 2013). Это наблюдение дает возможность сделать определенный вывод о том, что среди ремесленников гончаров и плинфотворителей в это время имеются грамотные мастера. При этом можно предположить, что и в более раннее время плинфотворители, входя в состав строительной артели, тесно общаясь с зодчими, каменщиками, художниками, где грамотность была если не обязательным, то вполне обычным явлением, усваивали хотя бы элементарную грамотность, позволяющую оставлять молитвенные и производственные надписи, почти профессиональные рисунки на постелистых частях плинфы. В середине XII – начале XIII в. появились надписи-клейма на ребре плинфы с именами мастеров, имена двух из них (Якова и Марко известны именно по клеймам). Это наблюдение совпадает с целостной картиной

распространения грамотности и общего расцвета просвещения, ремесла и культуры, которого достигли древнерусские княжества к концу XII и в первых десятилетиях XIII в. С этого времени грамотность перестает быть привилегией знати и высококвалифицированных ремесленников и начинает распространяться среди ремесленников более демократических профессий, таких как мастера – литейщики имитационных украшений, гончары. Теперь к ним нужно добавить и мастеров – формовщиков плинфы. Очевидно, нет смысла и возможности в настоящее время в вычислении процента меченых клеймами, знаками и надписями плинф относительно других, не имеющих пометок. Во-первых потому что такие наблюдения не проводились ранее в процессе документации раскопок. Во-вторых, наличие знака или его отсутствие не может свидетельствовать об обязательной неграмотности мастеров, т. к. производственный процесс не требовал пометки всех кирпичей. Но сама динамика появления и характер надписей на плинфе и строительной штукатурке уже говорит многое как об организации самого строительного ремесла, так и о распространении грамотности и языке ремесленников, причастных к строительству храмов и, косвенно, о назначении «клеймения» плинфы. Они свидетельствуют, что с самого начала каменного строительства на Руси традиция клеймения кирпича как и надписи на широкой части плинфы несли разнообразные функции: сакральные, памятные, и производственные. Не обязательно мастеров, метивших свои изделия тамгообразными знаками, считать людьми неграмотными, вероятно часть буквообразных знаков представляет собой буквы алфавита (кириллического, т. к. до сих пор не издано ни одного знака, сходного с глаголическими буквами), но вероятно, право на буквенное клеймо-автограф имели все же ведущие мастера. Таковы клейма строителей собора из Рязани – Якова и Марко. Вероятно, и безымянная надпись религиозно-литературного содержания на кирпиче из Киева тоже оставлена одним из ведущих мастеров-строителей, как и надпись Стефана на голоснике из новгородского собора Софии нанесена не гончаром, а художником. Процесс изготовления плинфы, который предусматривал предварительную сушку на солнце, создавал условия для нанесения автографов не только самими «плинфотворителями», но и другими людьми, причастными к строительству церкви. Возможно, что само ремесло плинфотворителей требовало больших профессиональных знаний и владения грамотой, чем это казалось ранее.

Монголо-татарское нашествие надолго прервало каменное строительство, была утрачена техническая преемственность и физически

уничтожены или уведены в плен кадры строителей. Исчезли на долгое время и прежние системы маркировки, и само «плинфотворение». Только Северо-Западные земли Руси сумели сохранить старые кадры зодчих и со временем восстановить храмовое строительство, но это была уже другая архитектура, впитавшая новые художественные вкусы и новые технические приемы, лишь отчасти возродившие прежние системы маркировки кирпича.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Беляев Л. А., 1973. Из истории древнерусского строительного ремесла: Знаки на древнерусских кирпичах X–XIII вв. // Проблемы истории СССР: Сборник аспирантских статей. Вып. 3. М.: МГУ. С. 439–455.
- Беляев Л. А., 2006. Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М.: Северный паломник. С. 67–88.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С., 1963. Историческая грамматика русского языка. М.: Издательство Академии наук. 515 с.
- Булкин В. А., Рождественская Т. В., 1984. Надписи на камне из храма Софии в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия 1982 г. Л. С. 7–12.
- Брюсова В. Г., 1968. О датировке древнейших фресок Софийского собора Новгорода XI – началом XII в. // СА. № 1. С. 103–114;
- Брюсова В. Г., 2001. София Новгородская. Памятник искусства и истории. М.: Вече. 184 с.
- Виноградов А. Ю., 2013. Заметки о греческих граффити в древнерусских храмах // Вопросы Эпиграфики. Вып. VII. Ч. II. М. С. 89–105.
- Высоцкий С. А., 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. К.: Наукова думка. 208 с.
- Воронин Н. Н., 1964. Смоленские граффити // СА. № 2. С. 171–178.
- Воронин Н. Н., 1977. Смоленская живопись 12–13 веков. М.: Искусство. 184 с.
- Гиппиус А. А., Михеев С. М., 2011. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // Древняя Русь. № 2 (44). М. С. 37–57.
- Гиппиус А. А., Михеев С. М., 2013. Надписи-граффити смоленского Собора на Протоке из фондов Новгородского музея // Вопросы эпиграфики. Вып. VII: Материалы I Международной конференции «Вопросы эпиграфики». Ч. 2. М. С. 175–183.

- Гиппиус А. А., 2015. НИНОМИСН КНМЕТ: о двух автографах мастеров Софии Новгородской // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Материалы VI научно-практической конференции, 9–11 декабря 2014 г. Вып. 6. Великий Новгород – СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 74–90.
- Даль В., 1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.
- Ёлишин Д. Д., 2008. Плинфа Переяславля Русского Наукові записки з української історії // Збірник наукових статтей. Випуск 20. Переяслав-Хмельницький. С. 209–225.
- Зализняк А. А., 1984. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М.: МГУ. С. 36–153.
- Ивакин Г. Ю., 2003. О строительных материалах памятников Киева XII века // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар. СПб. С. 66–69.
- Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар Д. О., Ёлишин Д. Д., 2006–2007. Археологічні дослідження в Україні в 2006–2007 р. Київ.
- Иванова В., 1955. Надписът на Мостич и преславският епиграфски материал // Ст. Станчев, В. Иванова, М. Балан, П. Боев. Надписът на чъгубилия Мостич. София: Издание На Българската Академия на Науките. С. 38–144.
- Игнатенко И. М., 2003. Плинфоделие Чернигова // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар. СПб. С. 34–49.
- Ионесян О. М., Ёлишин Д. Д., Зыков П. Л., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В., 2009. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого света. Материалы международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 330–366.
- Калечыц І. Л., 2011. Епіграфіка Беларусі X–XIV стст. Мінск: Беларуская навука. 272 с.
- Каргер М. К., 1958. Древний Киев. Т. I. М.–Л. С. 455–456.
- Карский Е. Ф., 1979. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука. 496 с.
- Коваль В. Ю., 2019. Надписи на средневековых сосудах, выполненные до обжига // Звучат лишь Письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой. ИА РАН. С. 200–210.
- Коваль В. Ю., Медынцева А. А., 2013. Новая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль // Матер. I Междун. конф. «Вопросы эпиграфики». Ун-т Дмитрия Пожарского. М., 30–31 января 2012 г. (Вопросы эпиграфики. Вып. VII. Ч. 2). М.: РФСОН. С. 119–134.

- Коваль В. Ю., Медынцева А. А., Еремеев В. А., 2013. Горшок с надписью из Ростиславля Рязанского // РА. № 3. С. 134–145.
- Куза А. В., Медынцева А. А., 1976. Запись Николая из Новгородского Софийского собора // СА. 1976. № 1. С. 135–145.
- Лифшиц Л. И., Сарабянов В. Д., Царевская Т. Ю., 2004. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII века. СПб. С. 104–106.
- Медынцева А. А., 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М.: Наука. 312 с.
- Медынцева А. А., 1988. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. К 80-летию акад. Б. А. Рыбакова. М.: Наука. С. 247–256.
- Медынцева А. А., 2000. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука. 292 С.
- Медынцева А. А., 2005. Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 211–222.
- Медынцева А. А., 2017. Художники-живописцы, строители и писцы-каллиграфы новгородского Софийского собора (итоги исследований надписей-граффити) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 48–68.
- Михеев С. М., 2010. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. II // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Вып. 3 (41). С. 74–84.
- Михеев С. М., 2017. Кто писал по сырой штукатурке на стене лестничной башни новгородской Софии? // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Т. XXIX. Москва, 19–21 апреля 2017 г. Материалы конференции. М. С. 164–166.
- Монгайт. А. Л., 1949. Археологические исследования в Старой Рязани в 1948 г. // Изв. АН СССР. История и философия. Т. VI. № 5. С. 454–463.
- Монгайт А. Л., 1951. Раскопки в Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 12–24.
- Орлов А. С., 1952. Библиография русских надписей XI–XV вв. 215 с. / Дополнения М. П. Сотниковой. С. 217–238. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Преображенский А. Г., 1958. Этимологический словарь русского языка. Л.
- Рождественская Т. В., 1992. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб.: Издательство С.-Петербургского Университета. 172 с.
- Раппопорт П. А., 1973. Трубчевск // СА. № 4. С. 205–217.
- Раппопорт П. А., 1988. «Плинфотворители» Древней Руси // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (26–28 сентября 1988 г.). Тезисы докладов. Чернигов. С. 13–15.

- Раппопорт П. А., 1994. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука. 159 с.
- Рыбаков Б. А., 1964. Смоленская надпись XIII в о «врагах- игуменах» // СА. № 2. С. 179–187.
- Симонов Р. А., 1977. Математическая мысль Древней Руси. М.: Наука. 120 с.
- Толочко П. П., 2019. Пришелец Никола из Киева // Звучат лишь Письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой. ИА РАН. С. 431–438.
- Троицкий Н., 1913. Виноградная лоза и пеликан – символы евхаристии // Светильник. № 9. С. 23–28.
- Тупиков Н. М., 1903. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. (ЗОРСА. Т. VI). 857 с.
- Филин Ф. П., 1972. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука. 656 с.
- Штендер Г. М., 1986. Древняя строительная техника как метод изучения русского зодчества // Архитектурное наследие и реставрация. М. С. 9–31.
- Холостенко М. В., 1975. Успенский собор Печорского монастыря // Стародавній Київ. К. С. 107–170.

А. Е. Мусин
*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

Культура постиконоборческой Византии и ее восприятие в процессе христианизации Восточной Европы

Резюме. В статье рассматриваются особенности рецепции византийской культуры в Восточной Европе в эпоху христианизации. Выявляются и обосновываются византийские прототипы всех существовавших категорий предметов личного благочестия – различных типов крестов-подвесок X–XI вв. Обсуждаются особенности их развития и функционирования в Восточной Европе. Подчеркивается роль болгарской культуры как посредницы в рецепции этих образцов. Археологические материалы соответствуют парадоксальной информации агиографии о знакомстве варваров с церковной культурой в процессе разграбления церквей. Делается вывод, что материальная культура христианизации Восточной Европы демонстрирует существенные отличия от культуры средневизантийского общества, прежде всего с области богослужебных ритуалов и распространения иконографии.

A. E. Musin. The Culture of Post-Iconoclasm Byzantium and Its Reception in the Framework of Christianization of Eastern Europe

Abstract. The article discusses special features of the reception of Byzantine culture in Eastern Europe during the Christianization. Byzantine prototypes of all categories of objects of personal devotion – various types of cross-pendants of the 10th–11th centuries are revealed. The particularities of their spread and development in Eastern Europe are discussed. The role of Bulgarian culture as an intermediary in the reception is emphasized. Archaeological materials correspond to the paradoxical information of hagiography on the introduction of barbarians to the Christian culture due to looting of churches. It is concluded that the material culture of Christianization of Eastern Europe demonstrates significant differences from the culture of the Middle Byzantine society, primarily in the field of liturgical rituals and the spread of iconography.

«В лето 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О сем бо уведахом, яко при сем цари приходиша русь на Царьгород, яко же пишется в летописании гречестем. Тем же отселе почнем...» (ПСРЛ. Т. 2, 1908. Ст. 12). Ошибка в хронологии, основанная на чрезмерном доверии к византийским текстам, не означает погрешности исторической памяти, зафиксированной

летописью. Христианская культура Восточной Европы стала обретать свои формы, начиная с эпохи первого постиконоборческого императора.

Победа иконопочитателей существенным образом изменила художественную жизнь Византии и ее роль в литургическом культе. Именно в IX–XII вв. здесь сложились новая иконография, архитектура, литургия и христианское искусство малых форм, определившие культурный модуль Византии до конца ее существования (ср., напр.: *Maguire*, 1998). Этот факт, казалось, должен был существенно повлиять на особенности христианизации территорий и населения, входивших в орбиту «византийского содружества наций», и изначально определить облик их христианской изобразительной культуры. Не в последнюю очередь это имело отношение к землям Восточной Европы, объединяемых искусственным термином «древняя Русь». Начиная с середины IX в., правления императора Михаила, а быть может с последних лет царствования его отца Феофила, наблюдается систематическое проникновение в эту часть Европы элементов византийской культуры, о чем свидетельствуют археологические материалы (подробнее см.: *Мусин*, 2010).

Однако сравнение христианской культуры средневизантийского периода в самой империи с ее отражениями в Восточной Европе в X–XI вв. позволяет выявить лишь немногочисленные совпадения, иногда весьма относительные. Этому могли способствовать несколько факторов (подробнее см.: *Мусин*, 2020). Прежде всего, стоит указать на рецептивный характер проникновения византийских элементов в местные общества в отсутствие организованной миссии Вселенского патриархата (ср.: *Иванов*, 2003). Главным механизмом усвоения новой веры и культуры на ранних этапах стал выбор местного «среднего класса» в процессе его контактов с Византией (подробнее см.: *Musin*, 2012). Но византийская культура не была однородной. Она состояла из региональных культур и литургических провинций и подразделялась на несколько уровней, связанных с социальной стратификацией и дифференциацией: официальный, элитарный, клерикальный, монашеский, популярный. Соприкосновение с каждой из этих сфер вносило свой вклад в развитие восточноевропейских обществ, порождая их культурные особенности. Наибольшая степень уподобления христианской культуры Восточной Европы византийским образцам и даже их унификация прослеживаются лишь с середины XI в. в условиях сложения стабильной церковной организации, ставшей до некоторой степени монополистом в их продвижении.

Однако и в эту эпоху такие образцы в Восточной Европе снова характеризуются ограниченной функциональностью, будучи связаны преимущественно с архитектурой, литургией, фресковой и станковой иконописью. Малые формы повседневной христианской культуры продолжают характеризоваться местными особенностями, прежде всего – многообразием культовых предметов – нательных крестов и иконок-привесок, не столь распространенных в Византии. Похоже, что это своеобразие было определено архетипами рецепции византийской культуры, сложившимися в Восточной Европе в предшествующее время. В данной статье я намерен сосредоточиться на наиболее ранних предметах христианского культа, ставших свидетельствами персонального религиозного статуса, которые представлены в археологических материалах Восточной Европы.

Некоторое время назад для описания материальной культуры эпохи христианизации (об этом см.: *Gräslund*, 2008; ср.: *Чернецов*, 1997) мной было введено понятие «предметы личного благочестия». Эти предметы были разделены на несколько поколений, определяемых их типохронологией (*Мусин*, 1987. С. 16, 25, 26; *Мусин*, 2002. С. 152, 170, 180, 197, 215, 222, 223). К первому поколению я отнес кресты, вырезанные из монет (рис. 1) или округлых пластин (рис. 3), а также монеты с христианской символикой, превращенные в подвески (рис. 2), характерные для X – первой половины XI в. Второе поколение представлено так называемыми крестами с грубым изображением Распятия конца X – начала XII в. (рис. 6). Кресты «скандинавского типа» рубежа X/XI – XII в. несколько поспешно были отнесены к третьему поколению (рис. 7), хотя их происхождение связывалось с первым поколением христианских древностей. В этой схеме не были учтены до сих пор немногочисленные византийские энколпионы (рис. 5; см. *Корзухина, Пескова*, 2003. С. 41–59), распространение которых в X в. определило судьбу второго поколения культовых предметов.

Понятие закрепилось в исследовательской терминологии и сегодня вольно обращается в научных и околonaучных публикациях. Небрежность современного читателя иногда приводит к тому, что все эти группы христианских символов относятся к «первому поколению предметов личного благочестия» (см., напр.: *Колпакова*, 2018. С. 130), что методологически неверно, поскольку стирает существующие между ними временные, типологические и генеалогические различия. На современном этапе исследования материальной культуры христианизации Восточной Европы целесообразно уточнить связь этих групп предметов

Рис. 1. Вотивные и нательные кресты, вырезанные из монет

1 – арабо-сасанидская полудрахма второй половины VII – начала VIII в. – подражание сасанидской драхме Хосрова II, Еди-Евлер, Крым; 2 – дирхем Омейядов (661–750 гг.), Еди-Евлер, Крым; 3–5 – тюргешские и караханидские монеты, IX–XII вв., городище Шиш-Тюбе, Киргизия; 6 – дирхем Саманидов (969/970 г.), Тимерево, Россия; 7 – денарий Оттона III и Адельгейды, ок. 984 – ок. 1040 гг., Дания; 8 – подражание золотоордынскому дангу хана Мухаммада (1370-е гг.), Москва, Россия (1, 2 – фото И. Б. Тесленко; 3–5 – по: Кольченко, 2018. Фото 8; 6 – по: Меч и златник... 2012. № 351; 7 – по: Viking... 2014. Fig. 41; 8 – по: Волков, 2017. Рис. 4, 1)

с предполагаемыми византийскими прототипами, сравнить место и роль тех и других в старой и новой культурной системе и охарактеризовать заимствованные и местные особенности их орнаментики и морфологии.

Понятие «предметы личного благочестия» было призвано отразить особенности материальной культуры христианизации в условиях, когда регулярные церковные практики еще не сложились, а повседневные

ритуалы продолжали определяться не каноническим правом, а местными обычаями, семейными традициями и личным выбором. Однако этот индивидуальный, личностный элемент в полной мере оказался присущ ритуалам и вещному миру «нового православия» средневизантийского периода.

Этот период отмечен «взрывообразным» появлением или существенным обновлением ряда категорий предметов, используемых как в частном быту, так и в общественном богослужении. Их стоит связать с новым идейным состоянием византийского общества. Постиконоборческий период традиционно рассматривается как время возрастания индивидуализма и социальной атомизации, повышения самооценки членов византийского социума и как следствие – роли личности в социально-политической и религиозной жизни (Kazhdan, Epstein, 1985. P. 86, 87, 97, 233; Podskalsky, 1992). Новые тенденции нашли отражение в массовом археологическом материале. Такое самосвидетельство «нового православия» было связано с той ролью, которую отдельные граждане, сохранившие традиции иконопочитания, сыграли в преодолении иконоборческого кризиса в Византии, в противостоянии полисных обычаев имперской тирании.

Следствием этого и было появление новых массовых форм культа, связанного с изготовлением крестов-реликвариев (Pitarakis, 2006), появляющихся не ранее конца IX в. (Пескова, Строкова, 2012. С. 11, 39, 42, 43, 57), и индивидуальных процессионных крестов средних и малых размеров (Sandin, 1995; ср.: Тесленко, Мусин, 2016). Еще одной формой нового культа стало возрождение традиции нательных крестов, украшенных циркульным орнаментом, которые были известны на Ближнем Востоке еще в доиконоборческий период (Мусин, 2006; Magen, Peleg, Sharukh, 2012. P. 380–381). Эти явления, в том числе и возрождение практики фигуративных изображений после перерыва, вызванного иконоборчеством, естественным образом опирались на традиции поздней античности. По нашему мнению, эти традиции сохранились во многом благодаря паломничеству и связанным с ним ремеслу и искусству литургических провинций Ближнего Востока, где, вследствие арабского завоевания, византийское иконоборчество имело ограниченное влияние (о паломническом искусстве см.: Vikan, 2011).

Характерно, что если кресты-реликварии представлены в коллекциях преимущественно случайными находками, то персональные процессионные кресты малых размеров, как, впрочем, и некоторые другие типы крестов, оказываются присущими и для руинированных

церковных комплексов. Наиболее естественным объяснением можно считать обращение этих предметов культа в votivные приношения (об этом см.: *Musin, 2012; Мусин, 2015*). Такой трансформации можно найти свое объяснение. Возрастание роли личности в церковной жизни, символом чего и были индивидуальные кресты, могло вызывать озабоченность иерархии. Необходимо было найти новые средства гармонизации общецерковных потребностей и контроля. Представляется, что выход был найден во включении предметов личного благочестия в контекст храмового богослужения в виде votивных приношений. Так, Устав константинопольского монастыря Богородицы Кехаритомене, основанного императрицей Ириной Дукеней в начале XII в. (1104–1118 гг.), предписывал: «В каждую субботу должны быть приносимы малые кресты за усопших и родных наших, за четверых один; они должны быть записаны в диптихах – быть поминаемы по уставу; равным образом и живые, записанные в диптихи. Каждое воскресение должны быть приносимы другие кресты за живых, в том же количестве, что и за умерших» (*Gautier, 1985. P. 84, 85*). Археология лишь зафиксировала материализацию этой церковной практики.

Такая практика почти незнакома восточноевропейскому христианству. Процесссионные кресты малых и средних размеров, связанные с личным участием в литургии, здесь практически отсутствуют (см., напр.: *Павлова, 1998*; ср.: *Пекарська, Павлова, 2004; Мусин, 2015. С. 195*), что возможно объяснить различным уровнем индивидуальной активности членов социума в религиозных практиках. Известное в Восточной Европе нанесение на стены церквей граффити в форме крестов лишь отчасти может считаться эквивалентом этих votивов (подробнее см.: *Мусин, 2015. С. 218*). Еще одной причиной могло стать приоритетное развитие на Руси монашеского устава богослужения, а не соборно-городского, который как раз и предполагал активное участие мирян в процессиях и использование ими крестов (подробнее см.: *Мусин, 2000*; ср.: *Мусин, 2015. С. 202–206*). Таким образом, одна из характерных особенностей средневизантийского православия не была воспринята на Руси как в силу различий в религиозном развитии двух обществ, так и в силу разного типа богослужений.

Обратимся к иным материальным следам христианизации Восточной Европы в целях выявления их связи с византийской культурой. Прежде всего, наше внимание привлекают кресты, вырезанные из монет, и кресты из тонкого металла, иногда украшенные пуансонным орнаментом (рис. 1; 3). Первые на территории Восточной и Северной

Европы немногочисленны. Сегодня к экземплярам из Тимерево (курганы № 417 и 459/1977), вырезанным из арабских дирхемов Хусам ад-даула ал-Мукаллада (мосульская ветвь Укайлидов, 997 или 999 гг.) и Мансура I (Саманиды, 969/970 г.) (рис. 1, 6) и крестам из неопределимых европейских денариев из погребений кладбища Никольское-III на р. Кема в Вологодской области (Макаров, 1990. С. 151, 169) можно добавить лишь крест, вырезанный из денария Оттона III и Адельгейды, чеканенного в Госларе в период ок. 984 – ок. 1040 г., найденный в 2012 г. в местности Остер Вандет, Дания, ныне в Национальном музее в Копенгагене (Viking...2014. P. 189. Fig. 41) (рис. 1, 7), и крестообразный фрагмент саксонского денария конца X в. из погребения E57 могильника Бодзя (воеводство куявско-поморское, Польша). Само погребение может быть отнесено к первой половине XI в. (Suchodolski, 2014. P. 315, 318, 324. Fig. 16, 16).

Коллекция и география крестов из листового металла в Восточной и Северной Европе гораздо обширней. Только на территории Восточной Европы известно не менее 35 подобных крестов, происходящих их материалов 12 археологических памятников, тогда как в Скандинавии может быть учтен 21 экземпляр из 17 мест острова Готланд, Северной Германии, Швеции, Дании и Норвегии (Мусин, 2002. С. 127–147; ср.: Тесленко, Мусин, 2014; Staecker, 1999 [типы 1.1 и 1.2]; Blindheim, 1982. P. 25; Blindheim, Heyerdahl-Larsen, 1995. No K/1954-V).

В историографии как восточноевропейские, так и скандинавские считались уникальным явлением, связанным исключительно с христианизацией Восточной и Северной Европы. Предполагалось, что некоторые из них изготовлялись в связи с погребальными традициями на месте по привозным образцам (Недошивина, 1983). Некоторые исследователи считали, что эти образцы имели западноевропейское происхождение (Staecker, 1999), тогда как аналогии, приводимые в пользу их родства с византийской культурой, были не всегда убедительны (Голубева, 1949. С. 111).

Однако в настоящее время находки крестов, вырезанных из монет, хорошо известны как в Византии, так и на соседних территориях, где прослеживается византийское влияние. Эти кресты хронологически предшествуют или же синхронны восточно- и северо-европейским находкам. Два креста, один из которых вырезан из арабо-сасанидской полудрахмы-подражания сасанидской драхме Хосрова II (591–628 гг.) второй половины VII – начала VIII в., а другой – из дирхема Омейядов (661–750 гг.), происходят из руин церкви IX – начала X в. в урочище Еди-Евлер в Крыму и могут рассматриваться как votivные

Рис. 2. Печать с образом Спасителя и монеты-подвески с христианской символикой

1 – бронзовая печать с образом Спасителя, середина X в., Шестовица, Украина;
2 – милиарисий императоров Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.), Собачьи
горбы, Россия; 3 – английский пенни (890–910 гг.), Тимерево, Россия (1 – по: Бліфельд,
1977. Табл. XXI; 2 – фото С. Е. Торопова; 3 – по: Меч и златник... 2012. № 300)

приношения (Тесленко, Мусин, 2014) (рис. 1, 1–2). В Центральной Азии на городище Шиш-Тюбе, недалеко от Бишкека, и на окраине г. Кара-Балта (средневековый Нузкет) известны кресты, сделанные из тюркешских и караханидских монет IX–XII вв. (ср.: Кольченко, 2018. С. 93, 97, фото 8). Они были найдены в комплексе с крестами постиконоборческого типа (ср.: Ротт, 2005) (рис. 1, 3–5).

Стоит упомянуть здесь экземпляр, относящийся в более поздней эпохе, но вписывающий в существующую тенденцию. Речь идет о кресте, найденном при раскопках на Софийской набережной в Москве. Он вырезан из серебряного подражания дангу Золотой Орды, отчеканенному на монетном дворе Орду в правление хана Мухаммада (1370-е годы) (рис. 1, 8). Хронология контекста находки не противоречит датировке чекана монеты (Волков, 2017. С. 116, 117. Рис. 4, 1).

Очевидно, перед нами – устойчивая традиция превращения монеты как символа богатства и успеха в votivное приношение, известная византийской культуре. Это позволяет не только связать находки вырезанных из крестов в Восточной и Северной Европе монет с византийским влиянием, но и дополнительно обосновать возможность использования византийских и европейских монет-привесок с изображением императора и/или креста в качестве предметов личного благочестия (рис. 2, 2–3). Несмотря на сомнения в надежности этой гипотезы (указание на привески из арабских дирхемов, не связанных

с христианством; несоблюдение «правильного» положения монеты при изготовлении приспособления для подвешивания – ср.: *Гурулева*, 2019), стоит обратить внимание на устоявшееся использование таких монет-подвесок в христианской Византии (см.: *Morrisson*, 2014). В целом монеты-подвески стоит рассматривать на более широком фоне использования монет в костюме и традиционных культурах, где, помимо орнаментальной функции, они обладали и очевидным апотропеическим значением, которые никогда не вступали в противоречие между собой (см., напр.: *Divina moneta...* 2018).

Кресты из листового металла, иногда – серебра, зачастую украшенные пуансонным орнаментом, также определенно восходят к византийским прототипам. Экземпляры, датируемые VIII–X вв., встречаются от Таматахри (рис. 3, 6–7) и Крыма (Еди-Евлер, Пахкал-Кая, где известны золотой и серебряный экземпляры, Ай-Тодор; рис. 3, 1–4) вплоть до Центральной Европы и Подунавья (Словения, Венгрия, Германия) (рис. 3, 5) (*Чхаидзе*, 2016. С. 447. Рис. 3, 3–4; *Тесленко, Мусин*, 2014; *Тесленко, Лысенко, Мусин*, 2017). Их хронология подтверждает, что такие кресты могли стать образцом для Восточной Европы и Скандинавии. Они могли изготавливаться на месте по византийским прототипам, что объясняет отсутствие их стандартизации, или же быть привезены непосредственно из Византии. Это особенно вероятно, если крест был выполнен из драгоценного металла.

Стоит обратить внимание на то, что если в Византии такие кресты могли выполнять роль церковных вотивов, то в зоне христианизации они преимущественно встречаются в погребениях икладах. Такая трансформация функций соответствует явлению культурного трансфера, однако механизм этого трансфера может быть уточнен. В свое время я предположил, что часть вотивных крестов могла попасть в Восточную Европу и Скандинавию в результате разграбления церквей во время набегов руси (*Musin*, 2010). Это предположение недавно получило дополнительное подтверждение благодаря серии находок церковного характера в культурном слое восточноевропейских поселений. На городище Бронницы под Новгородом был найден фрагмент процессионного византийского креста с парными выступами на концах из свинцово-оловянистой латуни, украшенного циркульным орнаментом (рис. 4, 1, 2). Судя по всему, фрагмент пытались использовать вторично, не исключено – для изготовления амулета (публикацию находки, снабженную различными по ценности рассуждениями, см.: *Ереме-ев*, 2019). Широкая дата контекста, из которого происходит фрагмент

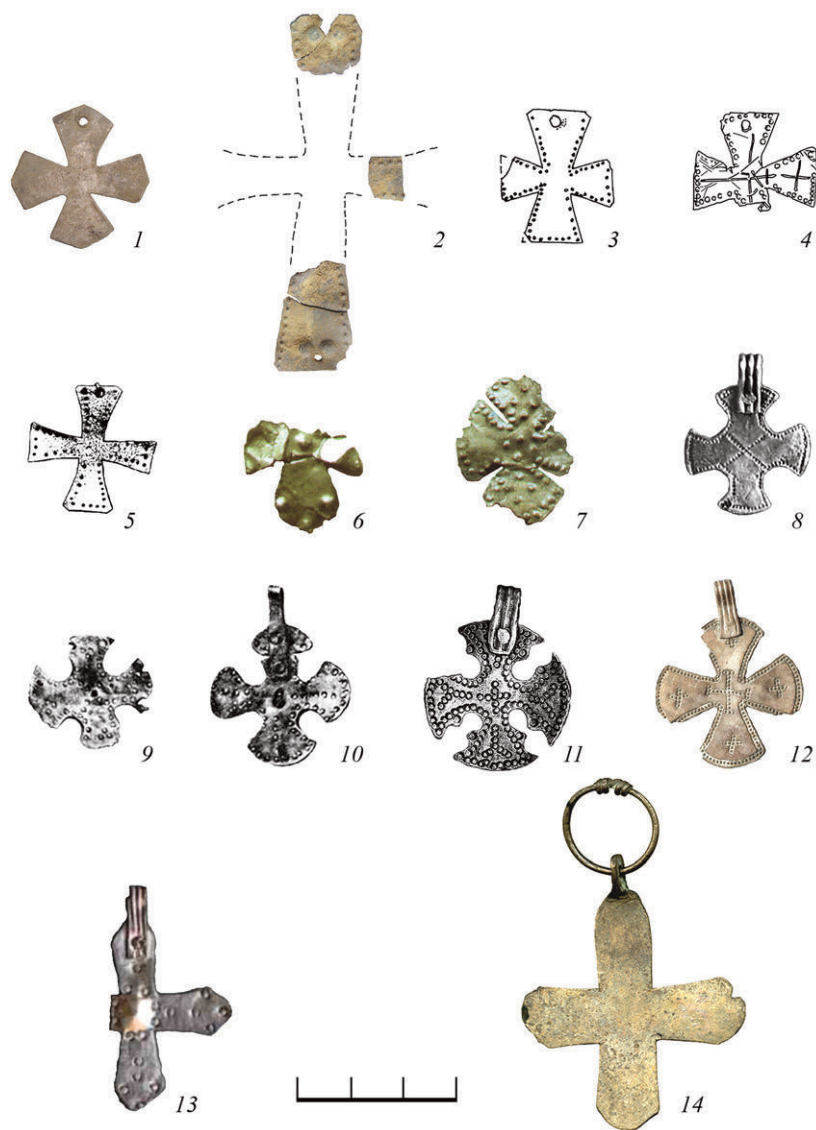
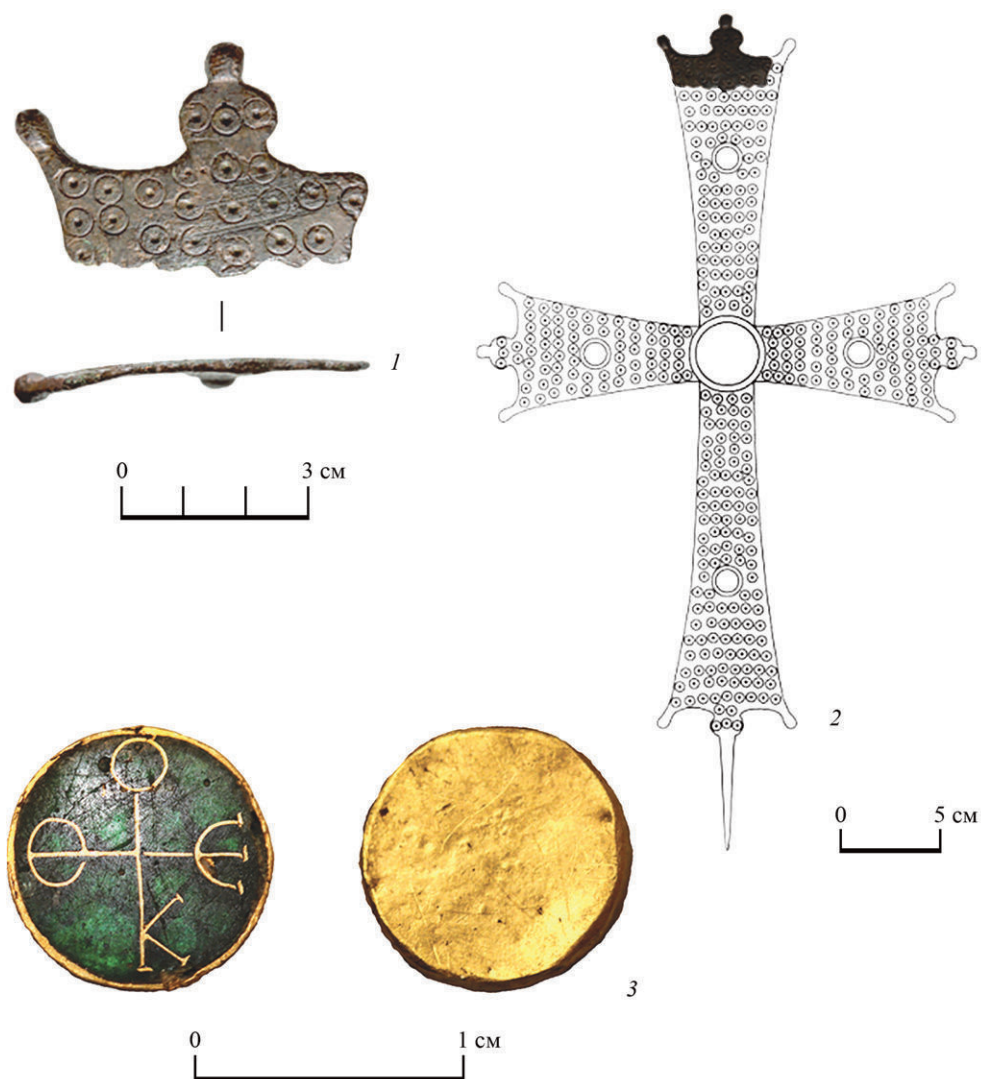

Рис. 3. Средневековые кресты из листового металла Центральной, Восточной и Северной Европы, VIII/IX-XII вв.

1, 2 – руины церкви, Еди Евлер, Крым; 3, 4 – руины церкви, Пахкал-Кая, Крым;
 5 – погребение, Кучар-при-Подземел, Словения; 6, 7 – случайные находки, Тамань, Россия; 8 – городище Искоростень, Украина; 9, 10 – погребение, Киев, Украина;
 11 – погребение, Бирка, Швеция; 12 – погребение, Гнездово, Россия; 13 – погребение, Псков, Россия; 14 – погребение, Удрай, Россия (1, 2 – фото И. Б. Тесленко; 3, 4 – рисунки А. В. Лысенко; 5 – по: *Ciglenečki*, 2008. Fig. 10, 4; 6, 7 – по: *Чхаидзе*, 2016. Рис. 3, 3-4; 8 – по: *Комар*, 2012. Рис. 21, 6; 9, 10 – фото из архива ИИМК РАН; 11 – SHM 34000: Bj 835; 12 – по: *Меч и златник...* 2012. № 348; 13 – по: *Ениосова*, 2016. Рис. 38; 14 – фото С. Е. Торопова, НГОМЗ)

Рис. 4. Предметы византийской церковной культуры IX-X вв., найденные на памятниках Восточной Европы

1, 2 – фрагмент процессионного креста, фото и реконструкция, Бронница, Россия;
3 – золотая эмалевая накладка с греческой монограммой, Передольский погост, Россия
(1, 2 – по: Еремеев, 2019. Рис. 3, 7; 3 – фото С. В. Хаврина)

креста, VI – первая половина X в., может быть сужена до IX – первой половины X в. за счет известных аналогий и исторического комментария. Крест вполне мог оказаться «трофеем» русов.

Эта находка материализует один из аспектов христианизации как соприкосновения язычника с христианской культурой, зафиксированный распространенным топосом агиографии – знакомство варвара с христианством и даже его обращение в момент разграбления храма. Обстоятельства отдельной находки не позволяет говорить об отношении связанного с ней коллектива или индивида к христианству. Однако серия таких предметов, вырванных из своего привычного контекста, определенно свидетельствует о возможности описанного сценария. Помимо вотивов – крестов, вырезанных из металлических пластин, и крестов из монет к таким «трофеям» должна быть отнесена и золотая накладка с монограммой Богородицы, заполненная зеленой эмалью. Она найдена на поселении Передольского погоста в Новгородской земле. Культурный слой может быть отнесен к X в. (публикацию см. в: *Клеева, Платонова*, 2009) (рис. 4, 3). Накладка имеет аналогии среди памятников IX в. и могла украшать оклад евангелия или реликварий.

Как уже отмечалось, в свое время нами были упущены из рассмотрения византийские кресты-реликварии (рис. 5). В ряде случаев контекст находок может быть датирован. Так, энколпион из Ладуги (рис. 5, 1) происходит из слоев 920-х годов, тогда как крест из погребения в курганном могильнике Плеснеска-Подгориц (рис. 5, 5), должен быть отнесен, на основе историко-археологического контекста, к началу – первой трети XI в. В случае с широкими датами крестов из Углича и Гнездова (рис. 5, 2–4) – вторая половина X – начало XI в. – предпочтительным представляется конец этого периода.

Вплоть до становления местного производства крестов в Киеве во второй половине XI в. кресты-реликварии, как и фигуративные христианские изображения оказываются чрезвычайно редкими для повседневной культуры Восточной Европы. Бронзовая коническая печать с образом Христа, найденная в одном из погребений Шестовицкого могильника середины X в. (см.: *Бліфельд*, 1977. С. 150–155. Рис. 29) (рис. 2, 1), как и берестяная иконка первой трети XI в. с изображениями Спасителя и св. вмч. Варвары из Новгорода (№ 915–И; *Янин, Зализняк, Гиппиус*, 2004. С. 108–109), остаются единственными надежными свидетельствами рецепции византийской культуры икон на раннем этапе христианизации.

В то же время византийские кресты-реликварии с иконными изображениями быстро становятся популярными в христианизируемой

Рис. 5. Византийские кресты-реликварии и их подражания в Восточной Европе, X – начало XI в.

1 – Старая Ладога, Россия; 2 – Гнездово, Россия; 3 – Углич, Россия;
4 – Гнездово, Россия; 5 – Подгорцы (Плинеск), Украина (1 – фото А. А. Песковой;
2 – по: Асташова, Пушкина, 2009. Рис. 2, 2; 3 – по: Томсинский, 2002. Рис. 1;
4 – по: Мурашева, 2009. Рис. 1, 6; 5 – по: Ливох, 2010. Рис. 3, 2)

Болгарии IX–X вв. и вызывают к жизни многочисленные местные варианты энколпионов и отлитые в подражание им нательные кресты (Дончева-Петкова, 2011). Однако знакомство с некоторыми энколпионами свидетельствует, что отдельные образцы в Восточной Европе могли быть исполнены в североевропейской изобразительной манере (Peskova, 2014. Р. 130–131; ср. крест-реликварий из Углича – рис. 5, 3).

Именно этот технологический прием – адаптация балкано-дунайского иконографического образа к местным ремесленным навыкам и эстетическим предпочтениям – демонстрирует появление крестов из медных сплавов с архаичной иконографией Спасителя (*Christus vivus*), обычно именуемых в историографии крестами «с грубым изображением Распятия» (подробнее см.: Peskova, 2014, с соответствующей библиографией; ранее исследователи предполагали их великоморавское и даже местное, древнерусское происхождение) (рис. 6).

Кресты представлены двумя типами. Тип II встречается реже и характеризуется миниатюрными экземплярами с односторонними изображениями (до 30 экз. из 11 пунктов находок; рис. 6, 1, 2). Однако он отражает большую иконографическую зависимость от болгарских прототипов. Здесь изображен распятый Христос с прямо поставленной головой, в длинном складчатом одеянии. Тип I, также односторонний, изображает распятого Христа с открытыми очами и склоненной на правое плечо главой, в набедренной повязке и с крестообразной перевязью на груди. Сегодня известно до 40 таких крестов, найденных на 31 памятнике Восточной Европы. Они известны на пространстве от Новгородской земли до Крыма и от Поволжья до Волыни (Мусин, 2002. С. 152–171; Peskova, 2014; среди новых находок: Чермное, воеводство люблинское, Польша; рис. 6, 12; городище Жорнов, Ровненская область, Украина, рис. 6, 10; ср.: Прищеп, 2016, 157, рис. 106, 8). Древнейшие экземпляры надежно датируются последними десятилетиями X в. или рубежом X–XI вв. Эти кресты следует отличать от иконографически близких, но двусторонних экземпляров, найденных в Финноскандии и изготовленных непосредственно по восточноевропейским образцам.

Если иконографические истоки и трансформации этого типа крестов с Распятием могут считаться установленными, то место их производства продолжает вызывать дискуссии. Установлено, что часть крестов представлена отливками, изготовленными по оттиску, в результате чего образ Христа и даже форма самого креста, прежде всего – верхняя ветвь, трансформировались (ср., напр.: рис. 6, 3; рис. 6, 4, 5, 9; рис. 6, 6–8). На основании доступных исследованию крестов этого

Рис. 6. Кресты с архаичной иконографией Распятия, конец X – XI в.

1, 9 – место находки неизвестно; 2 – Колодезная, Беларусь; 3, 4, 6–8, 11 – Троицкий раскоп, Новгород, Россия; 5 – Псков, Россия; 10 – Жорнив, Украина; 12 – Чермно, Польша; 13 – Кибол-5, Россия; 14 – Деревяницы, Россия; 15 – Шекшово-2, Россия; 16 – Тарбаево-5, Россия; 17 – Городище-5 (Слуда-5), Россия; 18 – Выбити, Россия; 19 – Шекшово-2, Россия (1, 9 – частная коллекция; 2–4, 6–8, 11 – фото автора; 5 – фото В. Д. Белецкого; 10 – фото Б. А. Прищепы; 12 – фото И. Багиньской; 13, 15–17, 19 – по: Макаров, 2019а. Рис. 2; 14, 18 – фото С. Е. Торопова, НГОМЗ)

типа из раскопок в Новгороде стало возможно определить химический состав сплавов, из которых они изготавливались¹. Так, несколько крестов XI в. были отлиты из многокомпонентной бронзы (Н-83, Тр-VI, 21-400-80; Н-99, Тр-Х, 15-1317-84) (рис. 6, 3, 4). Среди них выделяются отливки по оттиску и экземпляры, изготовленные литьем плохого качества. Однако для отливки по оттиску могла использоваться многокомпонентная латунь (Н-87, Тр-VIII 15-733-50; Н-93, Тр-Х, 16/17-1035-193; Н-97, Фед.-VI, 18-462-80) (рис. 6, 7, 11), оловянно-свинцовая бронза (Н-64, Ил.-II, 31-137-30) и свинцовая латунь (НГОМЗ, КП 45808/А-28) (рис. 6, 14). Даже для крестов, отлитых в одной форме или демонстрирующих максимальное иконографическое сходство, указывающее на их появление в одной мастерской, могли использоваться разные сплавы (напр., многокомпонентная и оловянно-свинцовая бронза: Н-99, Тр-Х, 15-1317-84; Н-64, Ил.-II, 31-137-30). Кресты с Распятием, найденные на поселениях Суздальского Ополя, изготовлены из многокомпонентной бронзы, в которой процент олова колеблется от 1-3,5 до 16,5% (см.: Макаров, 2019а. С. 323).

Стоит отметить практически идентичный характер деформации крестов с Распятием, найденных в различных регионах, который не зависит от состава сплава (рис. 6, 8-19). Представляется, что эта общая черта обусловлена особенностями литейной формы и технологического процесса и не связана с материалом, т. к. выбор сплава мог определяться подручным сырьем ювелира. География находок таких крестов и их концентрация в северных и северо-восточных пределах Восточной Европы свидетельствует, по моему мнению, об их распространении из центра на периферию. Присущие изображениям скандинавские стилистические особенности указывают на основательную аккультурацию североевропейских мастеров в славянской среде с активно развивающимся ремеслом. Все это позволяет предположить, что изначально основным центром производства крестов с Распятием, обеспечившим иконографическое единство и идентичный характер деформаций, был Киев, а не Новгород, как кажется многим. Активная миграция скандинавов через Новгород не способствовала переработке ими южнославянских ремесленных образцов. Изготовление крестов по болгарским прототипам зафиксировано здесь лишь для XI в.

¹ Исследование химического состава крестов осуществлено Н.В. Ениосовой и Р.А. Митояном (МГУ) в рамках проекта РФФИ 10-06-0016а «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение», руководитель проекта – А.Е. Мусин.

На фоне надежно верифицируемых сведений о происхождении и прототипах предметов личного благочестия первого и второго поколений кресты так называемого скандинавского типа (Мусин, 2002. С. 179–180; рис. 7) продолжают вызывать дискуссию. Сегодня известно более 110 крестов такого типа. Они обнаружены среди материалов 57 памятников (ср. данные в: Чуракова, 2017). Крупные по размерам кресты с высоким уровнем стандартизации декора происходят из погребений и широко датируются концом X – началом XI в. (см., например: Liwoch, Müller-Wille, 2012. Р. 428; Ершова, 2016. С. 266), что позволяет синхронизировать их появление с крестами с архаичным Распятием. К числу уже известных примеров стоит добавить находку из камерного погребения рубежа X/XI в. – начала XI в. в Любече, Украина, имеющую, впрочем, свои отличия от ранней группы крестов (Веремейчик, 2020. С. 110–111. Рис. 5). Попытки датировать кресты со схожей орнаментацией из Гнездова серединой X в. не представляются убедительными (см.: Пушкина, 1994; Ениосова, 2016. С. 543–544). Состав клада 1993 г., из которого происходит один из них, как и сам факт депозиции в составе клада, указывают, скорее, на связь их хронологии с финальным этапом существования Гнездовского поселения.

Надежно датируемые находки подобных крестов из Новгорода относятся к XI в. (Тарабардина, 2014; Покровская, Степанов, Сингх, 2017. С. 469–470; Олейников, 2019. С. 324, в последнем случае попытка датировать крест концом X в. не обоснована). Именно в этом столетии можно наблюдать отход от стандартизации форм крестов и появление локальных вариантов (см. систематизацию крестов в соответствии с группами I–III в: Чуракова, 2017). Прежде всего, это связано с фиксацией главных и второстепенных элементов орнаментации, которые эволюционировали и деградировали в соответствии с определенными закономерностями. К этому времени относится и надежно установленный факт производства таких крестов в Киеве – здесь найдена створка металлической формы последней четверти XI в. для их отливки (Зоценко, Иевлев, 2010. С. 373).

Остается загадкой, почему А. А. Спицын, выделив эти кресты на материалах Суздальского Ополя, назвал их скандинавскими (Спицын, 1905. С. 117). Представления исследователей о севернорусском происхождении этих крестов были закреплены М. В. Фехнер (1968). Попытки обратить внимание на возможные византийские аналогии этих крестов (Петрухин, Пушкина, 2009. С. 161) до сих пор не находили поддержки, в том числе и по причине не всегда убедительных аналогий (ссылка: Davidson, 1952. Pl. 110, 2080–2082). На этом фоне появились попытки обосновать

скандинавское влияние на оформление таких крестов, средокрестие которых было украшено плетенкой или линиями, пересекающими окружность (ср.: Кононович, 2014. С. 176; Чуракова, 2017. С. 166). Параллельно используемый постулат о том, что ранние группы крестов имеют «восточно-христианское происхождение», обесценивается утверждением о популярности солярной композиции, что привело к симбиозу различных культурных традиций (ср.: Чуракова, 2017. С. 168).

Стоит заметить, что к интересующим нас крестам возможно отнести исключительно кресты с равновеликими ветвями и диском-розеткой в центре, расширяющимися ветвями и тремя дисками на концах, не образующими парных симметричных выступов. Встречающиеся утверждения, что такие кресты не имеют типологических истоков среди продукции византийских и балканских мастерских некорректно (ср.: Мусин, 2015. С. 210). Кресты близких форм, обладающие всеми необходимыми конституирующими элементами, встречаются в византийском культурном ареале от Сочи (Армарчук, Мимоход, Седов, 2016. С. 124; хотя пропорции креста здесь, безусловно, другие) (рис. 6, 4) и Крыма (Веймарн, Айбабин, 1993. С. 44–45. Рис. 26, 23) (рис. 6, 1) до Венгрии (Parémi, 2009. S. 85, 140. Taf. 13, 1, 2) (рис. 6, 2–3). Предположительно, на ранних экземплярах VIII в. из Венгрии орнамент из округлых фигур имитировал вставки из драгоценных камней на больших процессионных крестах и реликвариях (ср.: рис. 7, 3). В силу этого отнесение к интересующим нас крестам крестовидных подвесок с шариками на концах из Верхнесалтовского могильника (Аксенов, 2004. С. 139. Рис. 1–5; см.: Чуракова, 2017. С. 165, с ошибкой в дате издания) или же креста с циркульным орнаментом, прямыми ветвями и парными выступами на концах, восходящего к доиконоборческим образцам (курган № 970, Вельское, Суздальское Ополье; Фехнер, 1968. С. 211. Рис. 1, 3; Чуракова, 2017. С. 161. Рис. 2: II.5; ср.: Уваров, 1872. С. 194. Табл. 34, 15), неправомерно.

Столь же неправомерны попытки отнести к интересующей нас группе крестов серию экземпляров, найденных на поселениях Суздальского Ополья². Речь идет о равноконечных крестах с розеткой в центре

² Это мнение см. в докладе И. Е. Зайцевой и Н. А. Макарова «Кресты скандинавского типа из новых находок в Суздальском Ополье», представленном на сессии «Археология Северной Руси и Балтики», посвященной 75-летию со дня рождения профессора СПбГУ Г. С. Лебедева 1 февраля 2019 г. в Санкт-Петербурге. Сессия организована Санкт-Петербургским государственным университетом, Музеем-заповедником «Старая Ладога» и фондом «Актуальная археология» (ср.: Макаров, Зайцева, 2020. С. 353–355. Рис. 3).

Рис. 7. Кресты т.н. скандинавского типа в Восточной Европе, литейная форма для их изготовления и византийские прототипы, VIII–XII вв.

1 – Скалистое, Крым; 2, 3 – Ласентецомай-Пироскерешт, Венгрия; 4 – Веселое, Россия; 5 – Гнездово, Россия; 6 – Подгорцы (Плеснеск), Украина; 7 – Киев, Украина; 8 – Гнездилово, Россия; 9, 10 – Посольский и Троицкий раскопы, Новгород, Россия; 11 – Весь, Россия; 12 – Кубаево, Россия; 13 – Шекшево, Россия; 14 – Вышеславское, Россия (1 – по: Веймарн, Айбабин, 1993. Рис. 26, 23; 2, 3 – по: *Paréti*, 2009. Taf. 13, 1, 2; 4 – по: Армарчук, Мимоход, Седов, 2016. Рис. 2, 3; 5 – по: Ениосова, 2016. Рис. 41, 2; 11 – по: Меч и златник... 2012. № 289; 6 – фото Р. Ливоха; 7 – по: Зоценко, Ивлиев, 2010. Таб. 10; 8, 13 – по: Макаров, 2019b. С. 82, 85; 9, 10 – фото О. А. Тарабардиной; 12 – по: Макаров, Федорина, Шполянский, 2018. Рис. 6, 8; 14 – по: Макаров, Зайцева, 2020. Рис. 3, 2)

и фигурными трехчастными окончаниями ветвей, близких по форме к криновидным. Главный признак крестов так называемого скандинавского типа – три округлые фигуры на концах ветвей – здесь отсутствует (см.: рис. 7, 14). Это отсутствие не может быть объяснено трансформацией этих фигур вплоть до их последующего исчезновения.

Несмотря на деградацию крестов так называемого скандинавского типа, хорошо прослеживаемую на материалах Суздальского Ополя (см.: рис. 7, 11–13), главный признак – три круга – трансформировался, но не изживался до конца. Обсуждаемая здесь серия крестов, не будучи связанной с эволюцией крестов «скандинавского типа», по моему мнению, имеет определенные аналогии среди продукции болгарских мастерских (*Дончева-Петкова*, 2011. С. 168, 253. Таб. ССІ: 1278, 1280–1282, СХХІ: 597). Однако в данном случае речь может идти не столько о влиянии, сколько о схожих эстетических предпочтениях, существовавших в местных славянских смешанных культурах. Параллели в орнаментации интересующих нас крестов и крестов «скандинавского типа» можно объяснить ориентацией этих изделий на общие декоративные образцы, однако основания для утверждения о генетической связи обоих типов отсутствуют.

Стремление объединить разнородные и деградирующие явления в один культурный тип может объясняться не только пренебрежением особенностям развития и копирования предметов личного благочестия. Фоном такой тенденции служит стремление обосновать культурный и социально-политический континуитет Русьской земли с центром в Киеве и «больших поселений» Суздальского Ополя (об этих памятниках см.: *Макаров, Федорина*, 2015; *Макаров, Федорина, Шполняский*, 2018; *Макаров*, 2019б). Очевидно, однако, что этот регион, бывший, по сути, колонией Русьской земли (*Мусин*, 2018), с самого начала развивал самостоятельную культуру, основанную на местных эстетических и социальных ценностях. Эта культура существенно отличалась от культуры митрополии, хотя исходившие от нее импульсы продолжали восприниматься местными общинами.

Таким образом, особенности рецепции византийской культуры в Восточной Европе в эпоху христианизации надежно демонстрируют византийские истоки всех существовавших групп предметов личного благочестия X–XI вв. В ряде случаев византийские прототипы были усвоены через славянские культуры-посредницы, прежде всего – болгарскую (ср.: *Мусин*, 2020). Археологические материалы подтверждают парадоксальную информацию агиографии, что даже конфликтное

соприкосновение с церковной культурой в процессе разграбления храмов имело определенное влияние на христианизацию варваров. Вместе с тем материальная культура христианизации Восточной Европы демонстрирует существенные отличия от практик средневизантийского общества, прежде всего в области ритуалов и иконографии.

Литература

- Аксенов В. С., 2004. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // *Хазарский альманах*. Т. 2. М.: Мосты культуры. С. 136–144.
- Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов В. В., 2016. Византийский храм у с. Веселое // *Россия как археологическое пространство*. М.: ИА РАН. С. 124.
- Асташова Н. И., Пушкина Т. А., 2009. Христианские древности Гнездова // *Хорошие дни*. Памяти А. С. Хорошева. М.; СПб.; Великий Новгород: ЛеопАрт. С. 125–134.
- Бліфельд Д. І., 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К.: Наукова думка. 232 с.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка. 202 с.
- Веремейчик О. М., 2020. Історична топографія Любеча X–XI ст. // *Археологія і давня історія України*. Вип. 2 (35). С. 105–120.
- Волков И. В., 2017. Монеты и свинцовые пломбы из раскопок 2016 года на Софийской набережной в Москве // *Археология русского города*. Материалы научно-практического семинара 2016 г. М.: САБ. (Тр. столичного археологического бюро. Т. 1). С. 112–129.
- Голубева Л. А., 1949. Киевский некрополь // *МИА*. № 11. С. 103–118.
- Гурулева В. В., 2019. Византийские милиарисии со следами вторичного использования в собрании Эрмитажа: проблемы этнокультурной маркировки // *Византия в контексте мировой культуры*. Материалы конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 339–367.
- Дончева-Петкова Л., 2011. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов». 734 с.
- Енисова Н. В., 2016. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // *Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века*. Т. 2. СПб.: Нестор-История. С. 512–553.
- Еремеев И. И., 2019. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом // *Земля наша велика и обильна*. Сб. ст. в честь А. Н. Кирпичникова. СПб.: ИИМК РАН. С. 101–114.

- Ершова Т. Е., 2016. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. СПб.: Нестор-История. С. 257–308.
- Зоценко В. Н., Иевлев М. М., 2010. Бронзовая литейная форма XI в. из Киева // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб.: Нестор-История. С. 371–374.
- Иванов С. А., 2003. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры. 376 с.
- Клеева А. В., Платонова Н. И., 2009. Золотое ювелирное изделие из Передольского погоста // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Докл. междунар. российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб.: Нестор-История. С. 89–93.
- Колпакова Ю., 2018. О новгородском происхождении средневековых нательных крестов на Северо-Западе Руси // Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность. Материалы VI Международной научной конференции. Т. 1. Великий Новгород: НовГУ. С. 129–137.
- Кольченко В. А., 2018. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ. С. 48–103.
- Комар А. В., 2012. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера. С. 301–333.
- Кононович А. Ю., 2014. Древнерусские кресты «скандинавского» типа: типология, хронология и бытование в культуре // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апреля 2014. Материалы докладов и сообщений. СПб.: Знакъ С. 171–178.
- Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение. (Тр. ИИМК РАН. Т. VII). 432 с.
- Ливох Р., 2010. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной, Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г. СПб.: Нестор-История. С. 486–492.
- Макаров Н. А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников Восточного Прионежья. М.: Наука. 214 с.
- Макаров Н. А., 2019а. Древнейшие предметы христианской культовой пластики из центральных районов Северо-Восточной Руси // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: Юбилейный сбор-

- ник в честь А. В. Назаренко. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив. С. 317–327.
- Макаров Н. А., 2019б. У колыбели Северо-Восточной Руси // *Природа*. № 1. С. 78–87.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2020. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки // *Археологические вести*. Вып. 28. С. 347–365.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // *КСИА*. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В., 2018. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // *АВСЗ*. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 7–24.
- Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки. М: Кучково поле, 2012. 316 с.
- Мурашева В. В., 2009. Крест-энколпион из Гнездова // *Archeologica Abrahamica*: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик. С. 169–177.
- Мусин А. Е., 1987. Христианские древности средневековой Руси IX–XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. СПб.: ИИМК РАН. 29 с.
- Мусин А. Е., 2000. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 8 (18). С. 215–239.
- Мусин А. Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское востоковедение. (Тр. ИИМК РАН. Т. V. *Archaeologica Petropolitana*; XII). 269 с.
- Мусин А. Е., 2006. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // *Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии*. Памяти Т. А. Чуковой. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 163–222.
- Мусин А. Е., 2010. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из Варяг в Греки» // *Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 35–45.
- Мусин А. Е., 2015. Металлические кресты // *Древности Семидворья I*. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы. Археологический альманах. № 32. Киев: ИД «Антиквар». С. 189–218.

- Мусин А. Е., 2018. *Corpus fratrum* или «союз архонтов»? Историко-археологический комментарий к моделям власти в Восточной Европе конца XI века // *Stratum plus*. № 5. С. 183–206.
- Мусин А. Е., 2020. Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...» Сб. ст. памяти Светланы Рябцевой. Кишинэу: Stratum Plus, 2020. С. 487–498.
- Недошивина Н. Г., 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // *СА*. № 4. С. 222–226.
- Олейников О. М., 2019. Нательные кресты Десятинного-1 раскопа в Новгороде // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 323–351.
- Павлова В. В., 1998. Крест из склада Св. Синода в коллекции Национального музея истории Украины (г. Киев) // Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917), Санкт-Петербург, 1–3 ноября 1998 г. Церковная археология. Т. 4. СПб.: СПбДА. С. 226–229.
- Пескова А. А., Строкова Л. В., 2012. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб., Киев: Петербургское востоковедение. 224 с.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 2009. Новые данные о процессе христианизации древнерусского государства // *Archeologia Abrahamica*: исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик. С. 157–168.
- Прищепя Б. А., 2016. Погоринські міста в Х–ХІІІ ст. Рівне: ПП М. Дятлик. 296 с.
- Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К., 2017. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII в. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь А. А. Песковой. СПб.: ИИМК РАН. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLVIII). С. 467–474. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Императорская археографическая комиссия, 1908. 938 стб.
- Пушкина Т. А., 1994. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике. М.: Археографический центр. С. 171–186.
- Ротт Ф. Г., 2005. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек: Илим. С. 44–50.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. С. 84–172.
- Тарабардина О. А., 2014. Кресты «скандинавского» типа из раскопок в Новгороде // Славяне и иные языцы... К юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 198). С. 234–241.

- Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Мусин А. Е., 2017. Средневековый христианский храм на горе Пахкал-Кая в Южном Крыму // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь А. А. Песковой. СПб.: ИИМК РАН. (Тр. ИИМК РАН. Т. XLVIII). С. 291–310.
- Тесленко И. Б., Мусин А. Е., 2014. «Средневековые крестовидные подвески из листового серебра»: тридцать лет спустя // Славяне и иные языцы... К юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 198). С. 242–253.
- Тесленко И. Б., Мусин А. Е., 2016. Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские? // Археологическая наука: практика, теория, история. Сб. науч. тр. памяти И. С. Каменецкого. М.: ИА РАН. С. 204–219.
- Томсинский С. В., 2002. Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН. С. 263–267.
- Уваров А. С., 1872. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография. 217 с.
- Фехнер М. В., 1968. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 210–214.
- Чернецов А. В., 1997. Начало христианства на Руси в свете данных археологии // *Slavia Antiqua*. Vol. 38. P. 81–93.
- Чуракова А. Ю., 2017. Подвески – кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. // *Elite ou Egalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб.: Издательский дом «Бранко». С. 159–177.
- Чхаидзе В. Н., 2016. Предметы личного благочестия с Таманского полуострова // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград: Рос-Доафк. С. 436–448.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., 2004. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари. 288 с.
- Blindheim C., 1982. Slemmedalskatten: en liten orienteering om et stort funn // *Viking*. Vol. 45. P. 5–31.
- Blindheim C., Heyerdahl-Larsen B., 1995. Kaupang-funnene. Bd. 2: Gravplassene i Bjørkholbergene/Lamøya: undersøkelsene 1950–1957. D. A. Gravskikk. Oslo: Univ. oldsaksamling. (Norske oldfunn. Vol. 16). 146 p.
- Ciglenečki S., 2008. Monumenti del primo cristianesimo nella Savia e nella provincia Valeria Media // *La cristianizzazione fra IV e V secolo. Catalogo*. Roma. Cromazio di Aquileia, 388–408: al crocevia di genti e religioni Catalog of an exhibition held at the Palazzo patriarcale, Museo Diocesano e Gallerie del

- Tiepolo, Udine, Italy, Nov. 6, 2008–Mar. 8, 2009 / Ed.: S. Piusi. Milano: Silvana. P. 440–447.
- Davidson G. R., 1952. Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. Vol. 12: The minor objects. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 366 p.
- Divina moneta: coins in religion and ritual / Eds: N. M. Burström, G. T. Ingvardson. Religion and money in the Middle Ages. Vol. 2. London: Routledge, 2018. 258 p.
- Gautier P., 1985. Le typikon de la Théotokos Kécharitoméné // *Revue des études byzantines*. Vol. 43. P. 5–165.
- Gräslund A.-S., 2008. The Material Culture of the Christianization // *The Viking World* / Eds: S. Brink, N. Price. London: Rutledge. P. 639–644.
- Kazhdan A., Epstein A., 1985. Change in Byzantine culture in the Eleventh and Twelfth Century. Berkeley, London: University of California Press. (The Transformation of the classical heritage, 7). 287 p.
- Liwoch R., Müller-Wille M., 2012. «Druzhina» graves dating to the time around AD 1000 in Pidgirci (western Ukraine) // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Vol. 42 (13). S. 421–438.
- Magen Y., Peleg Y., Sharukh I., 2012. A Byzantine Church at 'Anab el-Kabir // *Christians and Christianity*. Vol. IV: Churches and Monasteries in Judea / Ed.: N. Carmin. Judea & Samaria Publications. Vol. 16. Jerusalem: Israel Antiquities Authority. P. 331–384.
- Maguire H., 1998. Cycle of images in the church // *Heaven on earth: art and the Church in Byzantium* / Ed.: L. Safran. University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press. P. 121–151.
- Morrisson C., 2014. Monnaies et amulettes byzantines à motifs chrétiens. Croyance ou magie? // *Les savoirs magiques et leur transmission de l'Antiquité à la Renaissance* / Eds: V. Dasen, J.-M. Spieser. Micrologus Library. Vol. 60. Florence: SISMEL/Edizioni del Galluzzo. P. 409–429.
- Musin A., 2010. Byzantine Church rituals and Barbarian Burial customs. Meaning and origin of silver cross-pendants in Russian and Scandinavian graves in 10th–11th century // *Ta więc po owocach poznać ich* / Eds: W. Dzieduszycki, J. Wrzesiński. *Funeralia Lednicka*. Vol. 12. Poznań: Museum na Lednicy. P. 221–228.
- Musin A., 2012. Byzantine reliquary-crosses in the formation of medieval Christian culture in Europe // *Rome, Constantinople and Newly – Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence* / Eds: M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin et al. Kraków: Leipzig; Rzeszów; Warszawa: IAE PAN etc. Vol. 2. P. 61–94.
- Parémi Á., 2009. Das Gräberfeld der Keszthely-Kultur in Lesencetomaj-Piroskereszt // *Keszthely-Fenékpusztja im Spiegel des Jahrtausende* / Eds.: O. Heinrich-Tamáská, P. Straub. Leipzig; Zalaegerszeg: GWZO. S. 84–88.

- Peskova A.*, 2012. Byzantine pendant reliquary-crosses from the territory of medieval Rus' // *Rome, Constantinople and Newly - Converted Europe: Archaeological and Historical Evidence* / Eds: M. Salamon, M. Wołoszyn, A. Musin et al. Kraków: Leipzig; Rzeszów; Warszawa: IAE PAN etc. Vol. 2. P. 403–443.
- Peskova A.*, 2014. Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th–11th centuries // *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur les dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* / Eds: P. Bauduin, A. Musin. Caen: PUC. P. 113–131.
- Pitarakis B.*, 2006. Les croix - reliquaires pectorales byzantines en bronze. Bibliothèque des Cahiers Archéologiques. Vol. 16. Paris: Picard. 446 p.
- Podskalsky G.*, 1992. Religion and religious life in eleventh-century Byzantium // *Byzantine Studies: Essays on the Slavic World and the Eleventh Century* / Ed.: S. Vryonis. Hellenism: Ancient, Medieval, Modern. Vol. 9. New Rochell: Caratzas. P. 153–173.
- Sandin K. A.*, 1995. Middle Byzantine bronze crosses of intermediate size: form, use and meaning. Ann Arbor: University Microfilms International. 466 p.
- Staecker J.*, 1999. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänge als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. (Lund Studies in Medieval Archaeology. Vol. 23). 621 p.
- Suchodolski S.*, 2014. The Obol of the Dead // *Bodzia: A Late Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland* / Ed.: A. Buko. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 27. Leiden: Brill. P. 313–340.
- Vikan G.*, 2011. Early Byzantine Pilgrimage Art. *Dumbarton Oaks Byzantine Collection Publications*. Vol. 5. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 118 p.
- Viking: Life and Legend* [exhibition catalogue]. National Museum of Denmark, British Museum, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin / Eds: G. Williams, P. Pentz, M. Wemhoff. London: Cornell University Press, 2014. 288 p.

Т.Д. Панова
«Музей-заповедник «Московский Кремль», Москва

О некрополе Архангельского собора Московского Кремля: очевидное и ... невероятное

Резюме. Публикация впервые вводит в научный оборот материалы натурных наблюдений, представляющих храм-усыпальницу московских великих князей и царей как уникальный комплекс, в оформлении которого представлено не только православное, но и мусульманское искусство. Это порождает вопросы, которые еще необходимо решить с привлечением письменных источников и специалистов смежных специальностей (палеографов и др.). Но уже сегодня Архангельский собор предстает перед нами в совершенно новом и неожиданном свете.

T. D. Panova
**About the Necropolis of the Archangel Cathedral
of the Moscow Kremlin: the Obvious and ... the Incredible**

Abstract. The publication for the first time introduces into scientific circulation the materials of field observations representing the temple-tomb of the Moscow grand princes and tsars as a unique complex, in the decor of which not only Orthodox, but also Muslim art is presented. This generates questions that still need to be solved with the involvement of written sources and experts from related disciplines (paleographers, etc.). But even today the Archangel Cathedral appears in a completely new and unexpected light.

В исторической литературе, посвященной Архангельскому собору Московского Кремля, некрополю русских великих князей и царей, как правило, отводится немного места (рис. 1). В конце XX – начале XXI столетия лишь отдельные страницы его истории были освещены в нескольких кратких публикациях (Панова, 2002; 2011). Между тем вопросы датировки надгробий и памятных плит, формирования усыпальницы и ее оформления в целом до сих пор не рассматривались в российской историографии.

В письменных источниках нет данных о том, как были отмечены могилы русских великих и удельных князей в храме 1333 г. постройки, который просуществовал до 1505 г. На время перестройки первого здания собора в начале XVI в. все захоронения были откопаны и временно

Рис. 1. Архангельский собор Московского Кремля

размещены в церкви Иоанна Лествичника, стоявшей тогда между Успенским и Архангельским соборами. В 1508 г. все погребения возвратили в храм, о чем есть сообщения в русских летописях. Показательно, что в отдельных сводах список погребений доведен до середины XVI столетия.

Изображения захоронений Архангельского собора представлены в миниатюрах Лицевого летописного свода грозненского времени. Но, как правило, эти памятники имеют вид прямоугольной формы сооружений со сводчатым (коробовым) или плоским верхом. Надгробия шестигранной в разрезе формы встречаются в рисунках свода, связанных с историей Успенского собора; но в интерьере храма таких надгробий нет. Поэтому при изучении вопроса о происхождении формы надгробий и времени их появлении в Архангельском соборе мы можем опираться только на данные натурных исследований в этой усыпальнице и на историю некрополей русской высшей знати в Москве и других городах – Владимире, Суздале, Костроме и др. Сохранность и изученность этих комплексов захоронений (в том числе и в монастырях с родовыми усыпальницами) оставляет желать лучшего – за редким исключением.

В Архангельском соборе надгробные памятники имеют шестигранную форму. Стенки памятника и его двускатное завершение с плоской верхней гранью выложены из одного ряда кирпича. На торцовых и боковых стенках пустотелых надгробий закреплены белокаменные резные плиты с эпитафиями, молитвами (их несколько), и орнаментами. В отдельных случаях это одна плита, в других – две, один памятник над могилой XVI в. украшают три плиты. Орнамент на памятных плитах есть на 28 надгробиях: XIV в. – на двух, XV – на восьми, XVI – на 11, XVII – на шести и начала XVIII в. – в одном случае. Без орнамента оформлены плиты памятников над 25 могилами: XIV в. – три, XV – семь, XVI – четыре, XVII – 11. Металлические застекленные чехлы, закрывающие намогильные памятники, выполнены фирмой фабриканта Карла Гана (Санкт-Петербург) в 1906 г., когда древние сооружения Соборной площади приводили в порядок в связи с готовящимся празднованием 300-летия династии Романовых.

В исторической литературе появление надгробий в Архангельском соборе Кремля относят к 1636–1637 гг. (*Кавельмахер*, 2002. С. 158; *Баталов*, *Самойлова*, 2008. С. 222). Но эти сведения не подтверждены ссылками на письменные источники, а опираются на краткое упоминание в одной из публикаций XIX в. о каких-то работах по надгробиям Архангельского собора в расходных книгах Оружейной палаты за 1636 и 1637 гг.

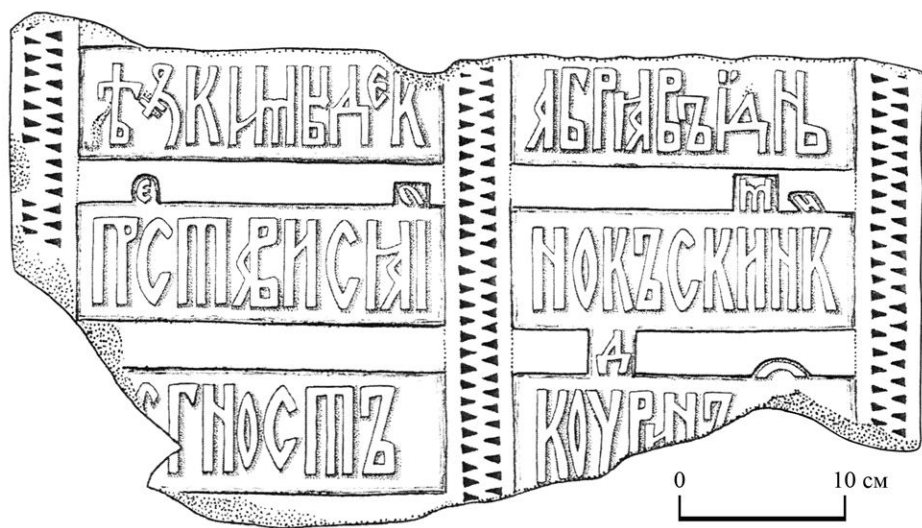

Рис. 2. Надгробная плита инокa Феогноста Кудрина в технике оброна. 1519 г.
Фрагмент (по: Беркович, Егоров, 2017)

(Снегирев, 1873. С. 53). Данная версия представлена и в популярной литературе, в основном, в путеводителях (Цицинова, 2017. С. 41).

Для уточнения вопроса о времени создания памятных сооружений над могилами Архангельского собора обратимся к технике исполнения эпитафий и орнаментов, а также рассмотрим характер резного орнамента, украшающего плиты. Все надписи и рисунки на них выполнены оброном. Анализ имеющихся в нашем распоряжении сегодня материалов показывает, что самые ранние памятные и закладные плиты с надписями в этой технике относятся к 1519 г. (найдена в Москве) и 1520 г. (из находок в г. Суздале) (Беркович, Егоров, 2017. С. 591. Рис. 1059–1060; Курганова, 2007. С. 29). Особенностью этих плит первой половины XVI в. является выборка фона под надпись только там, где размещалась строка текста (рис. 2). Также оформлена плита этого периода, обнаруженная под полом Спасского собора Андрониева монастыря (Гиришберг, 1960. № 104. С. 48. Табл. VI. 1). Закладная плита, выявленная на стене церкви Рождества Богородицы (с. Возьмище, Волоколамский р-н, датируется 1541 г.), уже оформлена как классические плиты в технике оброна – с полной выборкой фона под весь текст надписи (Гиришберг, 1960. № 44. С. 29. Табл. III. 20). Но это единственный из известных на сегодняшний день случай типичной обронной надпи-

си на каменной плите для первой половины XVI столетия. Такие белокаменные изделия, помимо комплекса Архангельского собора Кремля, зафиксированы в некрополях с захоронениями конца XVI – начала XVII в. Но и в этот период памятники в такой технике еще немногочисленны. Аналогично оформлена памятная плита захоронения М. Ф. Пожарского 1587 г. в Суздале (Беляев, 2013. С. 241. Рис. 5) и одна из плит рубежа XVI–XVII вв. из Троице-Сергиева монастыря (Вишневский, 2006. С. 165. Рис. 88. Кат. № 92). Более активно в такой технике при оформлении погребений резчики по камню стали работать в 1620–1630 гг., но особенно во второй половине XVII–XVIII столетии (Беляев, 2013. С. 244. Рис. 6; С. 240. Рис. 1, 2; С. 98. Рис. 80; С. 245. Рис. 9; С. 246. Рис. 10; Усыпальница ... 2005. С. 135. Рис. 76 (1631 г.); Левина, 2006. С. 100, 103, 104, 106–108, 113, 119 и др.).

В Архангельском соборе Кремля все плиты на надгробиях выполнены в технике оброна со сплошной выборкой фона под текст. Это говорит о том, что после возвращения захоронений в новое здание собора в 1508 г. для обозначения могил пустотелые кирпичные надгробия шестигранной формы с установленными на них памятными обронными плитами были устроены, видимо, не сразу. И хотя материалов, свидетельствующих о развитии техники оброна в первой половине XVI в., известно немного, плита 1541 г. (упоминается выше) является маркером, который следует учитывать в наших построениях. Известно, что Архангельский собор расписали только в годы правления царя Ивана Грозного, в середине XVI в. (Цицинова, 2017. С. 45). В публикациях искусствоведов эти работы в храме-усыпальнице датируют 1564–1565 гг. (Сизов, 1964. С. 166; 2002. С. 67). Сведений об оформлении в новом здании храма памятников над могилами великих и удельных князей периода 1340–1505 гг. в письменных источниках нет.

И все же внимательный взгляд на сами резные плиты позволяет высказать ряд предположений о времени, когда они были выполнены и стали частью интерьера усыпальницы. Об этом дают возможность судить техника выполнения надписей и орнаментов (это оброн), характер орнаментов и некоторые особенности исполнения эпитафий. О технике оброна сказано выше: таких белокаменных памятников ранее первой четверти XVI в. мы не знаем (в деревянной резьбе оброн стал применяться не ранее XV столетия).

В популярной литературе по истории Московского Кремля и его памятников орнаменты надгробных плит Архангельского собора отмечены редко и названы, как правило, стилизованными – без расшифровки

**Рис. 3. Памятные плиты с элементами восточного растительного орнамента.
Слева направо: великого князя Василия III (1533 г.), Ивана III (1505 г.)
и Василия II Темного (1462 г.). Белый камень. Резьба, раскраска**

этого термина. Более подробной характеристики в научных исследованиях они до настоящего времени так и не получили.

Анализ орнаментов, выполненных на белокаменных плитах надгробных сооружений над могилами русских великих и удельных князей и царей, показал, что в Архангельском соборе мы сталкиваемся с очень необычным для православного храма явлением. На резных плитах усыпальницы выполнен растительный орнамент, типичный для искусства исламского мира. Это узор, состоящий из завитушек и вплетенных в них цветов, бутонов и закрученных листьев. Этот орнамент скопирован с изделий, поступавших в Россию в XVI в. из Турции и Персии (Ирана). Для украшения памятных плит резчики использовали отдельные его элементы, например, многолепестковый цветок (рис. 3). Он размещен в конце эпитафии на надгробии великого князя Василия III, умершего в 1533 г. Полосы арабесок (непрерывно развивающийся цветущий листовенный побег) вырезаны под последней строкой эпитафий на памятниках звенигородскому князю Юрию Дмитриевичу (1434 г.) и великому князю Ивану III (рис. 3–4). Элемент из бутонов и раздвоенных листьев украшает плиту сына Владимира Храброго Ивана, умершего в 1422 г. (рис. 4). Но наиболее ярко мусульманский растительный

Рис. 4. Памятные плиты с элементами восточного растительного орнамента: над могилой звенигородского князя Юрия (1434 г.) и удельного князя Ивана, внука Владимира Храброго (1422 г.). Белый камень. Резьба, раскраска

орнамент представлен на одиннадцати больших плитах (рис. 5, 1–3), установленных в боковых длинных стенках ряда надгробных сооружений собора над захоронениями XV в. и до 1563 г.

Во всех вариантах рисунков на плитах резчики повторяли орнамент турецких и персидских предметов воинского снаряжения (шлемов), оружия (сабель) и текстиля, поступавших в XVI в. в виде даров и в результате закупок в Москву для великокняжеской и царской семьи. Прекрасно оформленные шлемы (рис. 6) и сабли (рис. 7), великолепные шелковые ткани стали для русских мастеров образцами при оформлении надгробий в усыпальнице высшей знати России. В летописных сводах зафиксированы сведения о контактах России и Турции. Так в 1558 г. в Москву приехал купец Мустафа с грамотами султана Сулеймана, в которых говорилось: «... отпустил Мустофу на себя потребная купити... И Мустафа-Челибей привес от себя к царю ... многие дары ... бархаты и отласы дорогие з золотом и ковры шелковые з золотом» (ПСРЛ, 2000. С. 291).

Рис. 5. Части больших памятных плит с восточным растительным орнаментом: удельного князя Андрея Большого Горя (1493 г., погиб в тюрьме), великого князя Дмитрия Внука (1509 г., погиб в тюрьме), князя Юрия (1563 г.), младшего брата Ивана Грозного. Белый камень. Резьба, раскраска

Рис. 6. Шлем (шапка ерихонская).
Иран. XVI в. ММК

Рис. 7. Сабли

1 – Египет. 1-я пол. XVI в. Орнамент на ножнах;
2 – Иран. До 1645 г. Фр-т орнамента на клинке. ММК

Все эти изделия послужили образцами и для русских оружейников второй половины XVI – первой половины XVII столетия – реплики парадных шлемов Ирана с аналогичными орнаментами представлены в фондах Оружейной палаты. Кстати, в XVI в. оклады ряда икон Архангельского собора также украшены орнаментом, повторяющим оформление персидских и турецких изделий (рис. 8).

Обращает на себя внимание группа больших плит с эпитафиями и молитвами в круглых картушах, размещенных в их центре. Так оформлены резные плиты над могилами умерших в 1426 г. сыновей

князя Владимира Храброго – Андрея и Афанасия-Ярослава, князей звенигородской семьи – Юрия Дмитриевича, Дмитрия Красного и Василия Косого (умерли соответственно в 1434, 1441 и 1448 гг., погребены в одной могиле), князя Василия Ярославича (1483 г.), князя Андрея Горяя (1493 г.), князя Дмитрия Внука (1509 г.), князя Дмитрия Углицкого (1521 г.), сыновей Ивана III – Юрия и Андрея (1536 г.), старшего сына Ивана Грозного Дмитрия (1563 г.) и младшего брата этого царя – Юрия (1563 г.).

Интересно, что перечислены могилы удельных князей, хотя некоторые из этих членов великокняжеской семьи на короткое время признавались и великими: звенигородский князь Юрий Дмитриевич и его сын Василий Косой, а так же Дмитрий Внук. В составе этой группы пятеро закончили свою жизнь в тюрьме – Василий Ярославич, Андрей Горяй, Дмитрий Внук, Юрий и Андрей Ивановичи. Да и остальные (кроме родных Ивана Грозного) не всегда занимали прочное место в иерархии русского двора XV – начала XVI в. Необычный факт: наиболее пышно в русском династическом некрополе оказались оформлены могилы именно этих удельных князей, половина которых – опальные, умершие в заключении. Исследователи живописи Архангельского собора высказывали предположение, что размещением на столпах храма изображений некоторых русских святых (Игнатия Углицкого, например) выразилось покаяние перед жертвами династической борьбы царя Ивана Грозного – как представителя самодержавной власти (Самойлова, 2002; 2006). Не исключено, что такой же смысл вложен в оформление некоторых надгробных сооружений некрополя, создававшихся в середине XVI в.

Отметим, что две могилы 1563 г. (сына и брата царя Ивана Грозного) завершают собою ряд могил с надгробиями, где наиболее ярко пред-

Рис. 8. Икона «Св. Николай» в окладе, украшенной арабесками. Россия, Москва. 2-я пол. XVI в. ММК

ставлен восточный орнаментальный стиль, мода на который продержалась в материальной культуре Турции и Персии с конца XV и до середины XVII в.

После 1563 г. обращение к образцам искусства исламского мира для украшения надгробий Архангельского собора прекращается. Лишь в двух случаях мелкие элементы мусульманского растительного орнамента представлены на торцовых плитах с эпитафиями – над могилами царей Ивана Васильевича (1584 г.) и Федора Ивановича (1598 г.). На них же впервые в этой усыпальнице появляется орнаментированная выющимся стеблем рамка вокруг текста; до этого все рамки оставались резчиками гладкими.

Представляется вероятным, что появление в Архангельском соборе надгробных сооружений шестигранной формы с плитами, украшенными восточным растительным орнаментами, следует относить к периоду между 1508 и 1563 гг. Скорее всего, это произошло ближе к середине XVI столетия, перед созданием росписи храма в 1564–1565 гг.

В конце XVI – первой половине XVII в. русские мастера Оружейной палаты изготавливали предметы воинского снаряжения и оружие парадного царского обихода и бытовые вещи, копируя их орнаментальное оформление с изделий Турции и Персии. Отметим, что в середине – второй половине XVII в. русские цари даже размещали заказы на изготовление царских регалий и предметов роскоши непосредственно в столичных мастерских Турции. Присутствие таких изделий в обиходе царской семьи и в придворном кругу сказалось при росписи стен в Архангельском соборе в 1652–1666 гг. Это можно видеть в декоре одежды святых и московских князей на столпах храма. Восточный орнамент представлен в одежде царевичей на надгробных иконах этой усыпальницы. Есть он и на фигуре благочестивого разбойника (на двери в жертвенник), одетого русским художником в кафтан из турецкой ткани.

Опишем еще одно наблюдение, указывающее на создание надгробий в Архангельском соборе в середине XVI столетия (не позднее середины 1560-х годов). Анализ плит показывает, что орнаменты и надписи на плитах резали разные мастера. Внимательный анализ изображений и текстов на плитах надгробий дает возможность выделить группы памятников (плит), сделанных одним резчиком. Среди них был мастер, не всегда удачно размещавший текст эпитафий в рамке. Иногда последние буквы справа у него наезжали на гладкую рамку шестигранной плиты или рамку круглого картуша на больших плитах. Плит с таким дефектом всего тринадцать. Вот список могил, над которыми

они размещены: серпуховского князя Андрея (1353 г.), великого князя Ивана II Красного (1359 г.), Дмитрия Донского (1389 г.), Юрия Звенигородского (1434 г.), удельных князей Юрия Ивановича (1472 г.), Андрея Меньшого (1481 г.), Ивана Молодого (1490 г.), Андрея Большого Горяя (1493 г.), Петра Кудайкула (1523 г.), великого князя Василия III (1533 г.), Юрия и Андрея Ивановичей (1536 г.) и старшего сына Ивана Грозного Дмитрия (1563 г.).

Судя по этому признаку, как и по прекращению использования мусульманского орнамента при оформлении плит надгробий после 1563 г., именно это десятилетие отмечает окончание обустройства некрополя после перестройки храма в начале XVI столетия.

В XVII в. стиль оформления надгробий изменяется кардинально и значительно упрощается: они содержат только текст эпитафии в рамке – гладкой или орнаментированной выющимся стеблем (рис. 9). Причем последний вид украшения рамки в этой усыпальнице укоренится только с 1682 г. Гораздо позднее, чем в некрополях Кирилло-Белозерского монастыря (там это произошло после 1606 г. – *Папин*, 2006. С. 206–207. Рис. 10–13) и в усыпальнице князей Пожарских в Суздале (такие рамки в ней известны с 1640-х годов – *Беляев*, 2013. С. 240. Рис. 3, 4).

Следует отметить, что в русских храмах-усыпальницах Средневековья и раннего Нового времени нет комплексов надгробных сооружений, подобных по оформлению памятным плитам Архангельского собора. Это относится, в том числе, и к другим кремлевским усыпальницам – Вознесенского монастыря и Успенского собора.

Династический некрополь Архангельского собора, некрополь русской православной правящей семьи, оказался заполнен растительным орнаментом исламского стиля XVI–XVII вв. Он украшает в Архангельском соборе надгробные памятники и оклады икон (в том числе

Рис. 9. Памятная плита на надгробии царя Федора Алексеевича. 1682 г. Архангельский собор, ММК. Белый камень. Резьба, раскраска

и надгробных) этого времени, его можно видеть во фресковой росписи храма и на деталях иконостаса. Более того, в коллекциях Оружейной палаты представлены бытовые вещи (ковши) и панагии русских патриархов, украшенные арабесками, облачения священнослужителей кремлевских храмов, выполненные из турецких тканей. Если говорить об архитектуре кремлевских построек – резные арабески включены в декор Теремного дворца XVII в. Этот орнамент органично вписался в русскую материальную культуру царской резиденции – Кремля XVI–XVII столетий.

Данная публикация впервые вводит в научный оборот материалы натурных наблюдений, представляющих храм-усыпальницу московских великих князей и царей как уникальный комплекс, в оформлении которого представлено не только православное, но и мусульманское искусство. Это порождает вопросы, требующие решения с привлечением письменных источников и специалистов смежных специальностей (палеографов и др.). Но уже сегодня Архангельский собор предстает перед нами в совершенно новом и неожиданном свете.

Литература

- Беляев Л. А., 2013. Родовая усыпальница князей Пожарских и Волконских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН. 264 с.
- Беркович В.А., Егоров К.А., 2017. Московское белокаменное надгробие. М.: ТН «Продакшн». (Московские древности). 768 с., ил.
- Вишневский В. И., 2006. Некрополь Троице-Сергиевой лавры. Открытия последних десятилетий // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 130–174.
- Гиришберг В. Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1 // НЭ. Вып. I. М. С. 3–77.
- Кавельмахер В. В., 2002. О приделах Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М.: Красная площадь. С. 123–160.
- Курганова Н. М., 2007. Страницы истории некрополя города Суздаля. М. 120 с.
- Левина Т. В., 2006. Белокаменное надгробие XV – начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 82–123.
- Панова Т. Д., 2002. Некрополь Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М.: Красная площадь. С. 161–178.
- Панова Т. Д., 2011. История изучения захоронений Архангельского собора // Московский Кремль XV столетия. Т. II. Архангельский собор и колокольня

- «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет / отв. ред. А.Л. Баталов, И.А. Воротникова. М.: Арт-Волхонка. С. 92–97.
- Папин И.В., 2006. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 195–256.
- ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. XIII. М., 2000. 544 с.
- Самойлова Т.Е., 2002. Святые русские князья в росписи Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля / Сост. и науч. ред. Н.А. Маясова. М.: Красная площадь. С. 213–214.
- Самойлова Т.Е., 2006. Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М.: Индрик. С. 579–602.
- Сизов Е.С., 1964. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // ДРИ. XVII век. Т. 2. М.С. 160–174.
- Сизов Е.С., 2002. Храм архангела Михаила на Соборной площади Кремля // Архангельский собор Московского Кремля / Сост. и науч. ред. Н.А. Маясова. М.: Красная площадь. С. 16–122.
- Снегирев И.М., 1873. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 2. М. 221 с.
- Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома: Линия График Кострома, 2005. 397 с., ил.
- Цицинова О.А., 2017. Архангельский собор Московского Кремля. М.: ГИКМЗ «Московский Кремль». 89 с., ил.

В. Я. Петрухин
Институт славяноведения РАН,
Факультет гуманитарных наук НИУ ВШЭ, Москва

Орнаментальные граффити из Борисоглебского собора Старой Рязани: варяги или греки?

Резюме. Орнаментальные мотивы различных древнерусских памятников домонгольского периода включают плетеные узоры, увенчанные головой дракона или тройным треугольником. Эти мотивы объединили византийское Средиземноморье, “варяжскую” Прибалтику и Средневековую Русь.

V.Y. Petrukhin
**Ornamental Graffiti from the Saints Boris and Gleb Cathedral
in Old Ryazan: The Varangians or Greeks?**

Abstract. The ornamental motifs of various ancient Russian monuments of the Premon-gol period include wicker patterns topped with the head of a dragon, or a triple triangle. These motifs united the Byzantine Mediterranean, the “Varjangan” Baltic and Russia in the Middle Ages.

Граффити из раскопок Борисоглебского собора в Старой Рязани (см.: *Монгайт*, 1955. С. 190, рис. 147) давно привлекли внимание специалистов по эпиграфике и древнерусскому искусству: на самом крупном обломке штукатурки помимо орнаментальных мотивов читаются и надписи, в том числе имя «Игорь» (рис. 1), которое естественно ассоциируется с рязанским князем Игорем Глебовичем, погребенным в соборе в 1194 г. (*Медынцева*, 2005. С. 216–217).

Орнаментальные мотивы, донесенные граффити, очевидно, воспроизводят простейшие схемы плетения, распространенные как в книжном, так и в архитектурном декоре. Вместе с тем, происхождение этих схем дискутируется в связи с аналогиями, известными в раннесредневековом мире на широком пространстве – от Балтики до Балкан. С северным (скандинавским) звериным стилем обычно ассоциируется мотив драконьей головки, венчающей простую плетенку (рис. 1). В частности, рисунки, передающие изображения драконов и кораблей в меловых пещерах возле Констанцы (Румыния) (рис. 2), традиционно приписываются

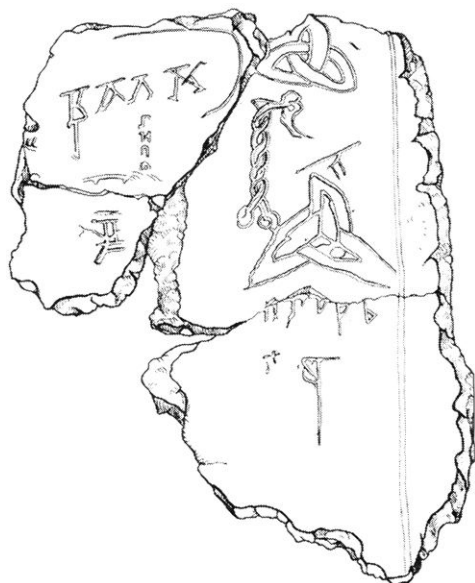

Рис. 1. Граффити Борисоглебской церкви (Медынцева, 2005. С. 216–217)

Рис. 2. Изображения драконов и кораблей в меловых пещерах возле Констанцы (Румыния: Ellis Davidson, 1967. Р. 244)

варягам, служившим в Византии, и датируются временем около 1000 г. (Ellis Davidson, 1976. Р. 244; Theodorescu, 1976. S. 12, 128). При обсуждении этой атрибуции на конференции, посвященной викингам на Балканах (София, 2015 г.; см.: Petrukhin, 2015), коллеги склонялись к византийскому книжному орнаменту мотива плетенки с драконьей головкой. Однако в мелкой пластике этот мотив увязывается со скандинавской традицией (рис. 3; см.: Андрущук, Зоценко, 2012. С. 307. Рис. 242).

Та же дилемма («варяги или греки») давно возникла в связи с исследованием орнамента церкви Георгия в Ладогe (см.: Орлова, 2002). Как

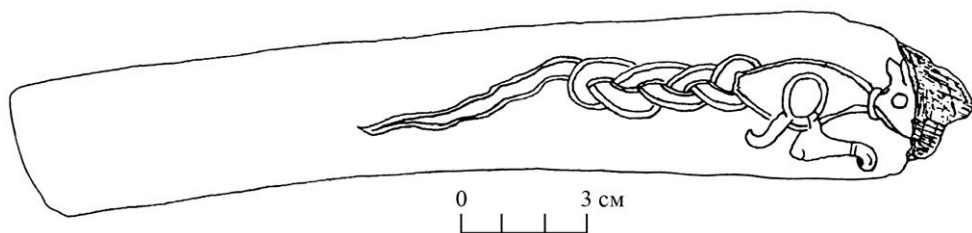
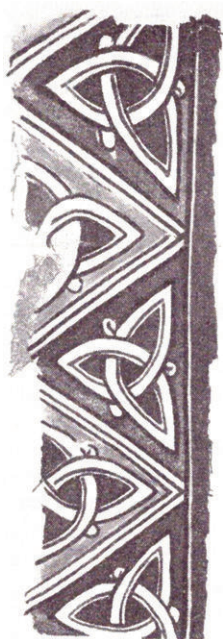

Рис. 3. Изображение дракона с плетеным телом, Украина (Андрущук, Зоценко, 2012. С. 307. Рис. 242)

Рис. 4. Мотивы плетения, образующего подтреугольную фигуру, из Борисоглебской церкви (Лазарев, 1960. С. 59)

и рязанская Борисоглебская церковь она относится к XII в., росписи включают богатый орнамент, лишенный тератологических мотивов, но содержащий мотивы плетения, образующие подтреугольную фигуру¹ (рис. 4; ср.: Лазарев, 1960. С. 59; Орлова, 2002. С. 446). Эти фигуры аналогичны рисункам на фрагменте штукатурки из Борисоглебской церкви (рис. 1): в большей подтреугольной фигуре мастер явно не справился с передачей плетения, зато меньшая фигура точно соответствует орнаментальной форме, представленной в декоре Георгиевской церкви. Схожая ситуация, где резчик не справился с передачей плетения, зафиксирована на амулете – моржовом клыке из раскопок Новгородского Городища (X в.): триквелион из трех ног выполнен мастерски, но при

передаче тройного треугольника рука подвела резчика (рис. 5 – Носов и др., 2009). Тройной треугольник – характерный скандинавский мотив², и схожесть узоров плетения традиционно провоцировало на гипотезу о скандинавском влиянии на орнамент Георгиевской церкви, тем более что Старая Ладога признавалась воротами в Скандинавию (о дискуссии см.: Орлова, 2002). Справедливым представляется заключение В.Н. Лазарева о византийской основе ладожского орнамента, в том числе «плетения из трех лепестков», обнаруживающего близость

¹ Простой (лишенный плетения) трилистник-пальметта подтреугольной формы – характерный мотив византийского искусства (Даркевич, 1975. С. 36. Рис. 41; 220. Рис. а–д). Мотив плетения характеризует скандинавскую традицию (Gardela, 2014. P. 115. Fig. 3.56).

² К параллелям, приведенным в статье (Носов и др., 2009), следует добавить мотив триквелиона из трех питьевых рогов на датском руническом камне из Снолделев (IX в.); свастика на камне нанесена в эпоху викингов поверх доисторического петроглифа – солнечного колеса (Moltke, 1981. P. 183, fig. 158). Тройной треугольник украшает серебряную оковку питьевого рога из раскопок Гнёздова (Авдусин, 1952. Рис. 29, 1): охранительный знак должен был освящать питьевой рог в скандинавской традиции.

к памятникам новгородской школы (Лазарев, 1960. С. 60–61)³.

Замечу, что «подобие трилистника» (очередная неудача автора?) и более сложные плетеные мотивы – граффити, недавно обнаруженные на фресках Георгиевской церкви (рис. 6 – Васильев, 2015. С. 66–67), также находят аналогии в мотивах книжной орнаментики (ср. графу «розетки» в сравнительной таблице Т.И. Макаровой – 1997. С. 362–365; южнославянские параллели – Динева, Мусакова, 1999) и в скандинавском декоре (Karlsson, 1983. S. 90–91; Lang, 1988. P. 10, 11, 37; Viking. S. 166).

А.В. Чернецов в интерпретации плетеного орнамента обратил внимание на очевидную связь

Рис. 5. Триквелион из трех ног (1) и тройные треугольники (2) на моржовом клыке из раскопок Новгородского Городища (Носов и др., 2009)

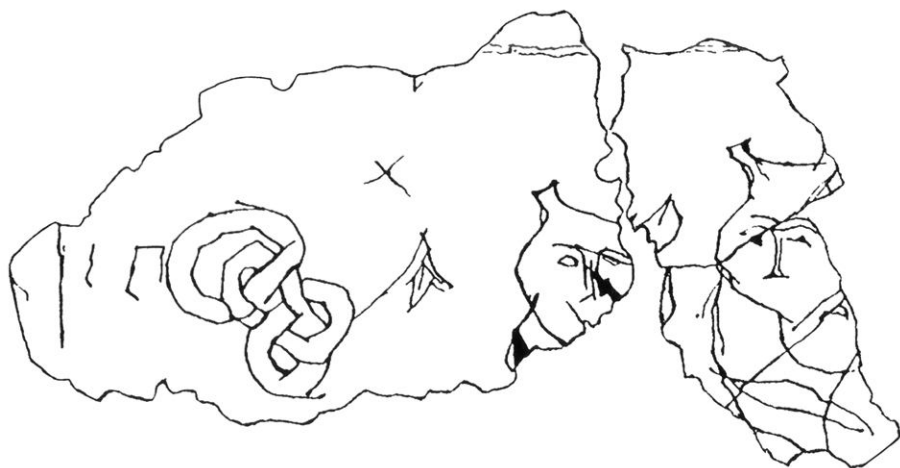

Рис. 6. Граффити на фресках Георгиевской церкви (Васильев, 2015. С. 66–67)

³ Трилистник включен и в орнамент валика на правой створке Магдебургских/Корсунских ворот Новгородской Софии (Декоративно-прикладное ... 1996. С. 261).

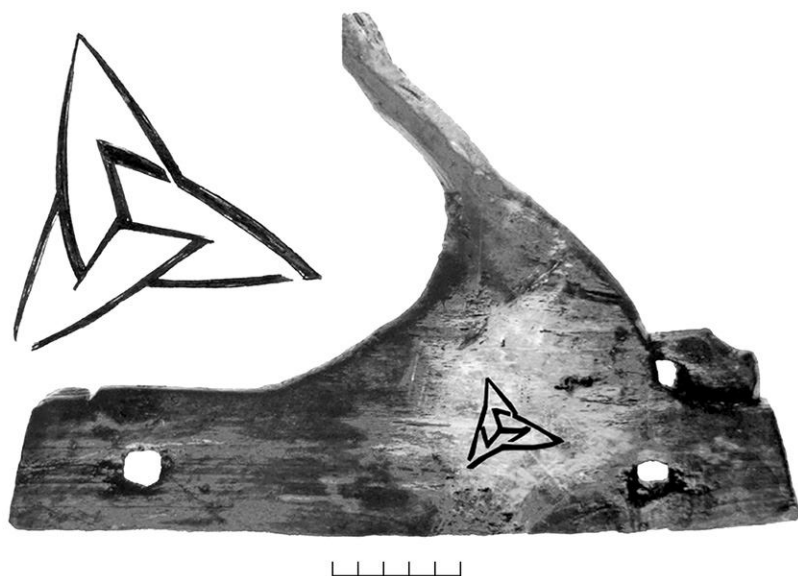

Рис. 7. Уключина из новгородских раскопок
(Мусин и др., 2016. С. 163. Рис. 6, 2)

плетенки с древнерусскими представлениями о колдовских узлах – *наузах* (Чернецов, 1977. С. 209). В византийских оригиналах древнерусских текстов наузы именуются филиakterиями (Петрухин, 2014) – в Ветхом завете *тфилин*, навязываемые при молитве коробочки с цитатами из Священного писания. Узлы воспроизводили буквы еврейского алфавита, составляющие имя Божие (ср. использование плетения в инициалах рукописей). Представление об узле как обереге, связывающем силы зла, едва ли не универсально (Фрэзер, 1980. С. 271–277): тройной треугольник в скандинавской традиции изображался на культовых и бытовых объектах. Для быта древнейшей руси показательным, в частности, изображение этого символа на уключине из новгородских раскопок (рис. 7 – Мусин и др., 2016. С. 163. Рис. 6, 2): на Балтике верили, что могут завязать ветры при помощи трех магических узлов (Фрэзер, 1980. С. 97). Естественно, ошибки при передаче наузов были недопустимы – отсюда вероятное устранение огрехов на новгородском амулете (моржовом клыке), граффити Борисоглебской и Георгиевской церквей. Соответственно можно предполагать магический характер нанесения граффити⁴ в отличие

⁴ В этой магии не следует усматривать пережиток язычества или двоеверия: граффити в церквях были, как правило, вполне благочестивы. Распространенные в византийских

от чисто орнаментального значения общего декоративного убранства церквей.

Очевидны общие мотивы, объединявшие византийское Средиземноморье, «варяжскую» Балтику и Русь в Средневековье (ср.: Банк, 1977. С. 81–82; Орлова, 2002).

Литература

- Авдусин Д. А., 1952. Гнёздовская экспедиция // КСИА. Вып. XLIV. С. 93–103.
- Андрощук Ф. А., Зоценко В. Н., 2012. Скандинавские древности Южной Руси. Париж. 369 с.
- Банк А. В., 1977. Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI–XV веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции [т. 10] / Ред. Подобедова О. И., Лазарев В. Н. М.: Наука. С. 72–82.
- Буланкина Е. В., 2005. Клад 2002 г. // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 191–197.
- Васильев Б. Г., 2015. Церкви святых Георгия и Дмитрия Солунского в Старой Ладог. История, фрески. СПб.
- Веселовский А. Н., 2001. Мерлин и Соломон: Избранные работы / Сост. К. Королев. М.: Эксмо-Пресс; СПб.: Terra Fantastica. (Антология мысли). 864 с.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл. XI–XV века / Ред.-сост. И. А. Стерлигова. М.: Наука, 1996. (Центры художественной культуры средневековой Руси). 512 с.
- Динева М. Т., Мусакова Е. В., 1999. Каталог: заставки и инициалы из славянских рукописи книги: Каталог / Съст. и худож. Милена Тодорова Динева. София: Институт за модерността. 55 с.
- Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе. X–XIII века. М.: Искусство. 352 с.
- Лазарев В. Н., 1960. Фрески Старой Ладог. М.: Искусство. 213 с.

храмах граффити с мотивами кораблей выражали молитвенную заботу о мореплавателях (такие граффити есть среди прочих рисунков упомянутых пещер в Добрудже: *Theodorescu*, 1976. Fig. 130). Науз на щитке перстня из старорязанского клада 2002 г. (Буланкина, 2005. С. 194. Рис. 2), имеющий аналогии на перстнях из Волжской Болгарии (интерпретируется как «узел счастья» – Руденко, 2015. С. 53, 78, 126, 371), напоминает о функциях перстней со знаками Соломона, призванных «запечатать» нечистую силу: этот сюжет распространен с легендами о Соломоне в христианском и мусульманском мире (Веселовский, 2001. С. 144–150, 171–172; Russel, 1995. P. 39 ff.).

- Макарова Т.И., 1997. Методика изучения орнамента // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. (Археология). С. 205–209.
- Медынцева А.А., 2005. Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 211–221.
- Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. М. (МИА. № 49). 225 с.
- Мусин А.Е., Тарабардина О.А., Кокуца Л.В., Кубло Э.К., 2016. Деревянные предметы с христианской и языческой символикой из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // Российский археологический ежегодник. № 5–6. С. 157–170.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В., Дорофеева Т.С., Гиря Е.Ю., 2009. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни: памяти Александра Степановича Хорошева / ред.-сост. А.Е. Мусин. Великий Новгород – М. – СПб. С. 370–384.
- Орлова М.А., 2002. Некоторые замечания об орнаменте церкви Георгия в Старой Ладоге // Древнерусское искусство: Русь и страны византийского мира. XII век. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 442–448.
- Петрухин В.Я., 2014. Наузы // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М.: Ладомир. С. 535.
- Руденко К.А., 2015. Булгарское серебро. Казань: Заман. 528 с.
- Фрэзер Дж., 1980. Золотая ветвь: исследования магии и религии. М.: Политиздат. 831 с.
- Чернецов А.В., 1997. Зооморфные мотивы в орнаменте // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. (Археология). С. 205–209.
- Ellis Davidson Hilda R., 1967. The Viking Road to Byzantium. L.: G. Allen & Unwin. 341 p.
- Gardela L., 2014. Scandinavian amulets in Viking age Poland. Rzeszów: Institute of Archaeology, University of Rzeszów. (Collectio Archaeologica Ressorvianensis vol. 33). 166 p.
- Karlsson L., 1983. Nordisk Form: Om djurornamentik. Stockholm: Statens Historiska Museum. (The Museum of National Antiquities, Studies 3). 196 p.
- Lang James T., 1988. Viking Age Decorated Wood: A Study of its Ornament and Style. Dublin, Royal Irish Academy. 102 p.
- Moltke E., 1981. Runes and their origin: Denmark and elsewhere. Copenhagen: The National Museum of Denmark. 554 p.
- Petrukhin V., 2015. Rus', Scandinavians and the Balkans in the ninth and tenth centuries // Scandinavia and the Balkans. Cambridge Scholars Publishing. P. 49–58.

- Russel J.*, 1995. The Archaeological Context of Magic in the Early Byzantine Period // Byzantine Magic / Ed. H. Maguire. Washington: Dumbarton Oaks. P. 35–50.
- Theodorescu R.*, 1976. Un mileniu de arta la Dunarea de jos (400–1400). Bucuresti: Meridiane. 339 p.
- Viking / eds. G. Williams, P. Pentz, M. Wemhoff. København: Nationalmuseet, 2013. 287 s.

W. F. Ryan
British Academy, London

The Gates of Aristotle – a Strange Title with a Curious History

Abstract. From all the evidence above, we may conclude that the *Tainaya tainykh* was never referred to as the *Gates of Aristotle* before the late 19th century; that the persistent misapplication of this title, both in Russian, and subsequently in English and other European languages, arises from a series of mistaken assumptions by scholars about the vaguely named works condemned in the *Stoglav*, and in particular from the title of the 1908 edition of the *Tainaia tainykh* by M.N. Speranskii; that it is, however, possible that the *Gates of Aristotle* is sometimes a description of the onomantic tables in the *Tainaia tainykh*; that it is probable that two other texts called the *Gates of Aristotle* were in fact geomantic or dice divination texts, but definitely not the long *Rafli* correctly identified by A.A. Turilov and A.V. Chernetsov. At present we can only say that whenever reference is made in literature or on the internet in Russian, Belorussian, and especially in Ukrainian sources, to a *Gates of Aristotle*, it almost always means the *Tainaia tainykh* – and this is an error.

У.Ф. Райан

«Аристотелевы врата» – странное название с любопытной историей

Резюме. Из всех приведенных выше свидетельств мы можем заключить, что «Тайная тайных» не упоминалась под названием «Врата Аристотеля» до конца XIX в. Систематическое неправильное употребление этого названия, как на русском, так впоследствии и на английском и других европейских языках, является результатом ряда ошибочных предположений ученых о произведениях с неопределенными названиями, осужденных в «Стоглаве», и, в частности, из названия издания 1908 г. «Тайной тайных» М.Н. Сперанского. Однако, возможно, что «Врата Аристотеля» иногда являются описанием ономантических таблиц в «Тайной тайных». Вероятно, два других текста, называемых «Аристотелевыми вратами», на самом деле были текстами о геомантике или гадании на костях, но совершенно точно не *Рафлями*, верно идентифицированными А.А. Туриловым и А.В. Чернецовым. В настоящее время мы можем сказать только, что всякий раз, когда в литературе или в Интернете в русско-, белорусско- и особенно в украиноязычных источниках упоминаются «Аристотелевы врата», почти всегда имеется в виду «Тайная тайных» – и это ошибка.

Perhaps the most interesting document in the cultural and politico-religious history of the reign of Ivan IV is the written record of the Council summoned by the tsar in 1551. This is known as the Council of One Hundred

Chapters, or more commonly in Russian in its abbreviated form *Stoglav*, and the document recording its proceedings is also usually referred to in scholarly literature as the *Stoglav*. This unprecedented Council was summoned by Ivan IV to deal with problems of belief and practice in the Russian Orthodox Church, and to identify and extirpate abuses and superstitions among the people. Most of the record consists of questions from Ivan, or his advisers, and the responses of the Council, which included senior clergy and prominent lay members. Most importantly, for the purposes of this paper, it was the first occasion in Russia where a list of ‘false’ and ‘heretical’ works of non-religious content was condemned both in church and civil law. Its rulings could still be cited in court cases as late as the 18th century, although it had itself been condemned at the Church Council of 1667.

The *Stoglav* existed only in manuscript form, in several versions as tends to happen with manuscript texts, until 1860, when the text of the *Stoglav* was printed for the first time, rather surprisingly in London by the émigré revolutionary Free Russian Press, a printing company and publishing house launched in 1853 by the influential Russian political writer in exile, Alexander Herzen. This publication was intended for underground circulation in Russia as part of a bizarre campaign by the (initially) revolutionary journalist, historian, and translator of the Bible, Vasilii Ivanovich Kel’siev, to persuade the substantial numbers of Old Believer sectarians to join the revolutionary cause, since many of them regarded the tsar as the Antichrist.

The false and heretical works condemned in the *Stoglav* appear in two places in chapter 14. Question 17 reads:

‘In our Orthodox land some are in dispute, not directly but bearing false witness they kiss the cross or holy icons, and resort to judicial combat and spill blood, and at these times magicians and enchanters [*volkhvy i charodeiniki*] aid them with devilish instructions, and perform shamanic rituals (*kudesy b’iut*), and consult the *Gates of Aristotle* and the *Rafli* and observe the stars and planets, and the days and hours ...’

The fathers of the Council replied that these devilish Hellene (i.e. pagan Greek) practices and heresies must be totally condemned and stamped out, and the Tsar must proclaim this as law in all the towns of his realm and punish transgressors severely, while the Church must excommunicate them. This legal objection – that magic or witchcraft can pervert or determine the

outcome of a court case – gives an unusual twist to the theologians' arguments against magic, and evidently it was a matter of concern to Ivan who had himself presided over such courts. In fact judicial combat by rival litigants or their hired surrogates was normal in Muscovite Russia of this period, as was the reference to kissing the cross or an icon, and both procedures were regarded as *sud bozhii* (divine judgment) in which you could be found guilty if you lost the combat, or if you trembled or showed other signs of agitation while swearing the oath on an icon or cross. This accusation by Ivan is the only evidence we have of the application of the two divinatory texts, the *Rafli* and the *Gates of Aristotle*, in real life, and also the first evidence of the judicial employment of divinatory texts.

Question 22 in the same chapter mentions the same texts in the company of others but in this case as part of an accusation of heresy. It reads:

'On evil heresies, who knows them and adheres to them: Rafli [geomancy], Shestokryl [Six Wings], Voronograi [crow-cawing], Ostromii [astronomiia, i.e. astrology], Zodei [signs of the zodiac], Almanakh [almanach – here probably], Zvezdocheti [astrologers, literally 'star readers'], Aristotel', Aristotelevy vrata [Gates of Aristotle], and other compilations and heretical sciences and devilish prognostications, which deceits sunder men from God – and those who believe such deceits drive many people away from God and destroy them.'

Once again the fathers of the Council responded by saying that the tsar must condemn and punish these texts and practices in all parts of his realm, and that the Church must apply its severest condemnation.

It is fairly clear that whoever compiled this very perfunctory list of heresies did not know exactly what the items listed were, and mixed the titles of texts with the names of divinatory practices. To consider them in order:

1. The identity of the *Rafli* was a matter of scholarly dispute until 1985 when A.A. Turilov and A.V. Chernetsov discovered and published the important geomantic text to which it properly belongs, and disentangled it from other texts which had also been described as 'rafli'.

2. We can identify 'voronograi' as a known divinatory practice – in fact this is probably not a book but an omen from a list of omens in a text called in Russian *Volkhovnik* (The Magician) apparently taken from the same source as the Latin text called *Prenostica Salomonis*.

3. The 'almanakh' was almost certainly a reference to Johannes Stöfler's *Almanach nova* of 1518 which had been translated by Nicolas Bülow,

Vasily III's physician and astrologer, and which had been condemned by Maxim the Greek and would later be condemned by archpriest Avvakum.

4. The *Shestokryl* (Six Wings) is a Hebrew text of calendrical astronomy which had been condemned in 1489 by Archbishop Gennady of Novgorod as belonging to the heretical sect of Judaizers.

5. *Ostromii*, a corruption of *astronomia*, cannot be identified as any particular text and probably just means astrology; *zvezdocheti* means simply astrologers.

This leaves only two items: *Aristotel'* and *Aristotelevy vrata* [Gates of Aristotle] in need of identification.

Regarding the first of these, there is no known text simply entitled 'Aristotle' although one late copy of the pseudo-aristotelian text the *Secret of Secrets* has a fly-leaf inscription which reads 'Kniga glagolemaia Aristotel' ('The Book called Aristotle').

Regarding the second title *Aristotelevy vrata*, the *Gates of Aristotle*, there is no manuscript with this title, or even containing this odd word combination, yet throughout the scholarly history of the text properly called *Tainaia tainykh*, 'Secret of Secrets', this title has regularly been given to it. How did this happen and what does the title mean? Why would Aristotle have gates, and why would they be heretical?

Here a brief description of the *Tainaia tainykh* is necessary. *Tainaia tainykh* is the literal translation of the Hebrew *Sod ha sodot*, which in turn is the translation of the Arabic title *Sirr al-Asrar*, the title of a 10th-century Arabic treatise in quasi-epistolary form, purporting to be a translation of a Greek collection of letters of advice by Aristotle addressed to Alexander the Great and containing all the knowledge, political, military, medical and occult, all part of the knowledge necessary for a great king. There were two Latin translations from the Arabic and many re-translations, partial translations and adaptations from Latin into vernacular western European versions. It may well be, as has been claimed, that in the Middle Ages and the Renaissance the *Secret of Secrets* was the most widely known work ascribed to Aristotle, and it has even been described as one of the most popular books of the Middle Ages. Its title, the 'secret of secrets' in Arabic, Hebrew, Latin, and all the derivative vernacular versions in Europe, is, of course, a lure designed to pique the reader's curiosity and the same title has also been applied to one or two other medieval Arabic texts.

At some time in the 15th century, probably before 1483 (the date of a now lost collectaneous manuscript containing the text together with the *Logika* and *Six Wings*) a translation was made of the *Sod ha sodot*, the Hebrew version of

the *Secret of Secrets*, into a variety of East Slavic by a Kievan Jewish scholar and translator Zechariah ben Aharon ha-Kohen, who was follower of the mystically inclined Rabbi Moses ben Jacob the Russian (1448–1520), also known as ‘Moses the Exile’, a cabalist and astronomer who was intent on converting Christians to Judaism in the ‘last days’, as has been established by Moshe Taube.

It is difficult to be precise about the original language of the Slavic text. The Ukrainian scholar Agatangel Krymskii, in the best review (1910) of the 1908 first critical edition of the *Tainaia tainykh* by Speranskii, the text still contains many words and spellings suggesting that the original text of the translation was essentially Ukrainian – but unfortunately the protograph of the text does not survive and the first extant manuscript, that used by Speranskii and dating from at least seventy years later, is written in what seems better described as polonized Ruthenian closer to Belarusian, but with some Ukrainianisms

The Slavic text of the *Tainaia tainykh* additionally contains a number of major interpolations from Hebrew versions of other works: a physiognomical work by the ninth/tenth-century Persian scholar Rhazes (the second tractate of his *Kitāb al-manṣūrī fi-l-ṭibb*, known in Latin usually as *Liber ad Alman-sorem*), and medical treatises originally written in Arabic by the important twelfth-century Jewish scholar and physician Moses Maimonides, these are, *On Poisons and the Protection against Lethal Drugs* (part two only), *On Asthma* (chapter 13 only) and *On Coitus*.

All these texts, translated from Hebrew at the same time as the appearance in Novgorod and Moscow of an allegedly heretical group usually called Judaizers, led some scholars to label these texts as ‘Judaizer literature’, a description rejected by Ia. S. Lur’e. I shall return to this point later.

There are also many smaller interpolations, some from the Old Russian versions of the *Alexander Romance* (*Aleksandriia*), others on political, medical and ethical topics, and also a short passage of advice on the care of Alexander’s horse Bucephalus. It is not possible to establish whether any of the smaller interpolations were already included in the Hebrew source manuscript, or made at the point of translation into Slavic, or added in the early stages of the transmission of the Slavic text.

Some Muscovite manuscripts contain in addition an appended epitome of the account of the life of Aristotle headed ‘An Account of the Hellenic Philosopher, the Most Wise Aristotle’ (henceforth ‘Account of Aristotle’) in Digenes Laertius, *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*, and also a prefatory text, usually titled ‘An Account of the Making of this Book’, drawn mainly from the *Aleksandriia*.

Some the manuscripts of the *Tainaia tainykh* do contain that title at the beginning of the text, some have it on the flyleaf or cover, all of them have it contained in second sentence of the Arab translator's preface, addressed to the caliph al-Mamun, where he says: «се рабъ твои приступилъ к заповѣди твои о списаніи книги сея нарицаема Таинаа Таинныхъ, сложенаа ѿлюсовомъ великимъ и преподобнымъ Аристотелемъ ученику своему царю великому Александру» ('Your servant has obeyed your command about the copying of this book called the Secret of Secrets composed by the great and pious philosopher Aristotle for his pupil the great king Alexander').

There is no doubt, therefore, that *Tainaia tainykh* is the real title of the Slavic version of the *Secret of Secrets*, or that this title is a translation from the Hebrew title, and there is no warranty from any of the Slavic manuscripts, or versions of the *Secret of Secrets* in other languages, for the alternative title so often found in Russian literature, the *Gates of Aristotle* – so we may ask how this alternative title arose.

There are several factors involved:

1) both the *Tainaia tainykh* and the onomantic tables included in it for divining the winner of a battle from the numerical values of the letters in the opposing commanders names, are divided into sections called *vrata*, which is a literal translation of the Arabic *bāb*, which means both a gate and a chapter. The onomantic table is an important feature in the text as will become evident;

2) the modern scholars who first looked at the text jumped to the conclusion that it was the *Gates of Aristotle* mentioned as a heretical work in the *Stoglav*, and later in the *Domostroi*, perhaps because it was the only work ascribed to Aristotle known in Old Russian, Belarusian or Ukrainian literature;

3) the title *Gates of Aristotle* sometimes occurs in historical documents in contexts where the meaning is either not clear, or where the title is attached to texts which are definitely not the *Tainaia tainykh*;

4) the *Tainaia tainykh* is long, and difficult to read for a Russian, and most mentions of it in historical and literary reference works were, and still are, made by people who had not actually read the work but were copying another reference work.

A quick, and by no means exhaustive, historical survey of the descriptions of, or references to, the Slavic *Tainaia tainykh* (*Secret of Secrets*) which will help to sort out this problem.

The first published description of the *Tainaia tainykh* appeared in 1665–6 in a list of works in translation available for publishing, compiled evidently for the official Printing House (Pechatnyi Dvor) in Moscow, where it

was printed. This list, *Oglavlenie knig, kto ikh slozhil* ('Titles of Books and Who Wrote Them'), was ascribed to Sil'vestr Medvedev by his editor Vukol Undol'skii in 1846. This ascription, however, was totally rejected by A. I. Sobolevskii who, in his 1903 study of the translated literature of Muscovite Russia of the 14th to 17th century, claimed instead, on linguistic and paleographical grounds, that the author of the *Oglavlenie* was the well-known scholar, lexicographer and poet Epifanii Slavinet'skii. Further suggestions have been Fedor Polikarpov-Orlov, writer, lexicographer, and sometime director of the Pechatnyi Dvor, or the hieromonk and sometime head of the Pechatnyi Dvor library Nikifor Simeonov, who did at least own a copy of the *Tainaia tainykh* (MS Sin. 723) as well as a large library including printed genuine works of Aristotle in Latin and Greek. The latest opinion is that the *Oglavlenie* was the work of Evfimii Chudovskii, poet, translator and Bible editor. All these scholars were members of a group of mostly clerical, classically inclined scholar-poets and translators with varying degrees of competence in Latin and Greek. They were either former students of the Slavo-Greco-Latin Academy in Moscow (founded in 1685), or else Ukrainians and Belarusians educated in Kiev at the Mohyla Collegium, who were called to Moscow to translate and correct books in, and following, the era of Patriarch Nikon's church reforms from 1653 onwards.

Whichever of them wrote the *Oglavlenie* did not realise, in the late 17th century, some hundred years after most serious scholars elsewhere had rejected the possibility of Aristotle's authorship, that item 18 in the *Oglavlenie* list was *not* the work of Aristotle and was *not* translated from Greek. At pp. 5–6 of the *Oglavlenie* we find '18. Kniga, iuzhe sostavil Aristotel' filosof' ('A book which was composed by Aristotle the philosopher') followed by the detailed headings of all the sections of the *Tainaia tainykh*. The fact that the real title is omitted suggests that the manuscript consulted by the compiler of the list may have been defective – as I have said, several of the *Tainaia tainykh* manuscripts, including the earliest extant copy, do not have a title or have the initial pages missing. This is the only work ascribed to Aristotle in the *Oglavlenie* and also the first description of the *Tainaia tainykh* in Russian. The inclusion of the *Tainaia tainykh* in a list of blameless works of mostly ecclesiastical character suggests that it was still regarded in the 'second scholastic' world of the scholar clerics of Kiev and Moscow of that time as a genuine work of Aristotle, one of importance and worth publishing, and presumably a work which was acceptable to the Church. None of them seems to have associated it with the *Gates of Aristotle* which was condemned in the *Stoglav* as heretical.

In 1861, Fedor Ivanovich Buslaev published extracts from one manuscript of the *Tainaia tainykh* (Moscow, State Historical Museum, Sin. 723) under the title *Tainaia tainykh*, in an anthology of Church Slavonic and Old Russian texts. But although Buslaev does use the title *Tainaia tainykh*, he also suggests in his annotation (p. 708), on the basis of the word *vrata* used in chapter headings, that the text may be related to the *Gates of Aristotle* mentioned in the *Stoglav*, and that this is the source of the expression ‘Gates of Aristotle’, although he does not actually say that this is an alternative name for the *Tainaia tainykh*. This appears to be the beginning of a long enduring confusion.

In 1863 Nikolai Savvich Tikhonravov published his *Pamiatniki otrechennoi russkoi literatury*, an important two-volume collection of Russian ‘otrechnnye’ (condemned) books, i.e. works included in lists of books regarded by the clergy as heretical or harmful. He did not include the text of the *Tainaia tainykh*, but in his introduction he gives a list of one hundred works which had previously been found in such lists of banned books (p. x). The *Gates of Aristotle* is the last in the list. A footnote indicates that *Gates of Aristotle* had been included only because it appears in the *Stoglav* list of false books.

In 1882 Flavian Dobrianskii published the first library catalogue description of the earliest extant manuscript of the *Tainaia tainykh* (Minsk, National Library of Belarus, MS 096/276K, formerly Vilnius Public Library, 222–272). This gives the title of the manuscript simply as ‘Kniga Tainaia tainykh’ (The Book Secret of Secrets) although in fact the title page was missing. Significantly he adds, ‘with the inclusion of the Gates of Aristotle’ i.e. that is a distinctive part of the text. He does not say what these were, but he can only have meant the nine *vrata* or ‘gates’ of the divinatory onomantic table in the *Tainaia tainykh* and must have assumed, not unreasonably that these were therefore the *Gates of Aristotle* mentioned in the *Stoglav*.

In 1899 Academician Aleksander Ivanovich Sobolevskii published a study of Western influence on the literature of Muscovite Russia from the 15th to the 17th century. In it he described the Vilnius (now Minsk) manuscript of the *Tainaia tainykh*, using that title, and expressed the opinion that it was a translation of one of the many West European versions of the *Secretum Secretorum* but that the number of foreign words from various languages in the text, including Greek, preclude any definite conclusion on the language of the original. Clearly he missed the significance of the names Romas and Sakulevkus for Hermes and Asklabios (Aesculapius) which point to a Hebrew source. However, he did note the passage in the 1551 *Stoglav* that describes the use of the *Gates of Aristotle* for divination in the settlement of legal

disputes, which I noted at the beginning of this paper, although he did not pursue this matter further. He did not mention here the possibility that both the *Logika* and the *Tainaia tainykh* could be associated with the heresy of the Judaizers.

In 1903, however, Sobolevskii returned to the subject of translated literature in Muscovite Russia and published a much larger and more important book of 460 pages, incorporating some of the material from his previous book, under the title *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vekov*. Section VI of this book is entitled ‘Literature of the Judaizers’. This is the first use of this term and it has been in use ever since, although it is disputed by some, notably Ia. S. Lur’e. This section of Sobolevskii’s book describes the *Logika*, *De sphaera*, *Six Wings*, *Lopatochnik*, and the *Tainaia tainykh*. In the discussion of the *Tainaia tainykh* Sobolevskii stated unambiguously (p. 419), but without without any supporting evidence, that this was listed in the *Stoglav* as *Aristotelevy vrata* (*Gates of Aristotle*). What had been a tentative suggestion in Buslaev was now presented as a fact.

In the first years of the Russian Revolution the historian Aleksandr Lappo-Danilevskii wrote a densely documented book on the intellectual, political, and cultural history of the 17th and 18th century in Russia. He discussed the *Tainaia tainykh* in some detail as a source of political ideas in the context of the ‘second scholasticism’ and Aristotelianism (under the influence of Polish Jesuit educational institutions) of the already mentioned Orthodox clerics educated in Latin and Greek in Kiev, and the alumni of the Slavo-Greco-Latin Academy in Moscow and also their libraries and publishing activities, and the growing interest in Aristotle there. Unfortunately, Lappo-Danilevskii died in 1919 before he could publish his book. His discussion of the significance of the *Tainaia tainykh* in the 17th century was by far the most intelligent and well-informed of any in his time, and better than most that has been written since, but he was largely ignored in the Soviet period as a bourgeois idealist theorist and his book was eventually published only in 1990 under the title *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli i kul’tury XVII–XVIII vv.* (‘A History of Russian Social Thought and Culture in the 17th and 18th centuries’). It has to be said, however, that although he was a noted specialist in source research and historical methodology, and had clearly read the *Tainaia tainykh*, even Lappo-Danilevskii used the titles *Aristotelevy vrata* and *Tainaia tainykh* as though they were alternative titles for the same work.

In 1921 Academician Evfimii Fedorovich Karskii, the leading scholar of Belarusian language, literature, and ethnography of his time, published a study of early ‘West Russian’ (i. e. Belarusian/Ruthenian) literature in

which he devoted five pages to the *Tainaia tainykh* (to which he too attaches the name *Gates of Aristotle*). Several of his comments are worth noting, although not necessarily accepting: 1) the date of 1483 appearing in one of the manuscripts of the *Logika* (MS Holm. 96 – now lost) can be accepted as an approximate date of the translation of the *Tainaia tainykh* since the two texts appear to have been the work of the same translator; 2) MS Holm. 96 also contained the text of the *Tainaia tainykh*; 3) the language of the text of the earliest extant manuscript, MS V (Minsk MS 096/276K), the main text used in Speranskii's 1908 edition, may be characterized as pure Belarusian; 4) the translation must have been from Hebrew, not Arabic (as one or two commentators had suggested); 5) the Jewish origin of the text was probably the reason for its inclusion in the list of banned books in the *Stoglav*. Significantly Karskii included this discussion of the *Tainaia tainykh* in a section of his book headed 'Superstitious and Divinatory Books', and made the misleading assertion that: 'Old Belarusian literature has preserved until our own time from among the listed heretical works, the divinatory works, the *Tainaia tainykh*, *Shestokryl*, *Lopatochnik*, and *Logika*. Of these, one book of divination survives only in a late copy, the others have come down to us in good early redactions'¹.

Most of this is untrue – of the four works mentioned only one, the *Lopatochnik*, is divinatory, although the *Tainaia tainykh* does contain the onomantic table, none have survived in good early redactions, and their description as part of old Belarusian literature is questionable; both Belarus and Ukraine claim the *Tainaia tainykh* as a national monument.

In 1940 Timofei Ivanovich Rainov's still valuable survey of pre-eighteenth-century science in Russia appeared. Rainov gave the *Tainaia tainykh* its proper title and spent two pages on a brief but reasonably accurate description of its content and significance.

Nevertheless, the uncertainty over the correct title of the *Tainaia tainykh* and the real identity of the *Gates of Aristotle* and the *Rafli* mentioned in the *Stoglav*, continued until the important discovery and publication by Aleksei Chernetsov and Anatolii Turilov in 1985 of the only manuscript of a geomancy actually named as *Rafli* in the text. This is also divided into chapters called 'gates' as are the Judaizer texts, the *Tainaia tainykh* and the *Logika*.

The text of the *Rafli*, which is primarily a geomancy with novelistic account of its origin but also also incorporates other minor texts, is reliably dated to 1579 by its editors from biographical data about the translator/compiler

---

¹ Цит. по: Карский, 1921. С. 51.

of the text, Ivan Rykov. However, as we have seen, texts called *Rafli* and *Gates of Aristotle* are condemned together in the earlier *Stoglav* of 1551 as divinatory devices used to decide legal conflicts, and we must therefore ask if the *Gates of Aristotle* is another name for an earlier version of the *Rafli* (because of the use of the word 'gates' and the use of dots in geomantic diagrams), or another name for the *Tainaia tainykh* (because its title mentions Aristotle and it contains chapter divisions and onomantic tables in 'gates'), or simply a name for the onomantic tables alone. The accusation in the *Stoglav* that the *Rafli* and the *Aristotelevy vrata* were used to make decisions in legal disputes is entirely comprehensible if the *Aristotelevy vrata* are in fact the onomantic tables from the *Tainaia tainykh* since both texts include numerological divination systems suitable for making decisions, and in the *Rafli* the seventh 'house' gave predictions of the outcome of litigation, and the twelfth gave predictions on imprisonment. Indeed, the editors of the *Rafli* speculate that there may have existed a collectaneous manuscript including both the *Rafli* and the *Tainaia tainykh*.

One possible exception, where the *Gates of Aristotle* could have been the *Rafli* or another geomantic or cubomantic work, occurs in the record of the case of Abbot Simon, who in 1721 was brought before the Synodal Court for the political crime of paying respect to the nun Elena (i. e. ex-tsaritsa Eudoxia, the first wife of Peter the Great, who had been exiled to a convent), and also for telling fortunes by casting dice and cubes of bread and possessing magic books. The latter were described as including a prayer to the Devil, and the 'Gates of Aristotle of Alexander of Macedon', the description of which mentions 'signs in dots', which must surely be either the dotted figures used in geomancy or the dots on dice.

Several Russian works of reference have listed the *Gates of Aristotle* and described it as a divinatory work. For example, the '*Tserkovnyi slovar*' ('Church Dictionary') of Petr Alekseev, published in 1773–1779 by the Imperial Academy of Sciences, with the imprimatur of the Holy Synod, lists '*Aristotelevy vrata*' and describes it as 'divinatory booklets, commonly called black magic [*chernoknizhie*, lit. 'black bookery'] by which it is said people used to predict future events of human life. [source] *Stoglav* question 17'. This clear reference to the *Stoglav* may have influenced later definitions; in the following century Aleksei Mikhel'son's dictionary of foreign words in Russian, *Ob''iasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v russkii iazyk*, Moscow, 1865 (and other editions), *Aristotelevy vrata* is defined as 'books of divination'. In Moscow in 1900 Grigorii D'iachenko published his *Polnyi tserkovno-slavianskii slovar*'. This lists the *Aristotelevy vrata* (*Gates of Aristotle*) and

explains it first as ‘the chapters or articles into which his [Aristotle’s] teaching is divided in the *Secret of Secrets*; and then, as a separate meaning, ‘divinatory booklets by which people used to predict future events of human life. [source] *Stoglav*. 17th question’. Thus he offers two separate meanings: the information from Sobolevskii’s *Zapadnoe vliianie* of 1899 and his own quite different definition. Rather surprisingly the modern authoritative standard dictionary of Old Russian (*Slovar’ russkogo iazyka XI–XVII vv.*) defines ‘Aristotelevy vrata’ as ‘a book for divining the future’, and also cites only the *Stoglav* of 1551.

The title *Aristotelevy vrata* can be found even in serious modern works – in a substantial recent (2018) monograph on Maxim the Greek and Russian political and legal thought in the 16th century we can find the very strange statement that ‘Already in the 12th century Aristotle’s *Ethics* was known, under the Russian title of *Nrav*, and also collections of fragments from several of his [Aristotle’s] works – the *Gates of Aristotle* and the *Account of the Wise Hellenic Philosopher Aristotle*’ (The last title is in fact an abbreviated version of Diogenes Laertius’s life of Aristotle which is usually appended to Muscovite copies of the *Tainaia tainykh*)!

Until now the only full publication of the Slavic *Tainaia tainykh* has been Speranskii’s in 1908, entitled *Aristotelevy vrata, ili Tainaia tainykh*. In his preface Speranskii stated that his edition had been ready for publication in 1903 but had been delayed by ‘exceptionally unfavourable conditions’ (presumably the war with Japan and the 1905 Revolution). He noted the appearance of Sobolevskii’s *Perevodnaia literatura* in that year, too late for him to take into consideration, and was perhaps sufficiently unsure of the situation that he used both *Aristotelevy vrata* and *Tainaia tainykh* in the title of his edition. In his preface Speranskii refers only to *Gates of Aristotle* but at the beginning of his Introduction he refers to *Tainaia tainykh*, ‘known also by the name *Aristotelevy vrata*’. Speranskii also has an entry with for the *Aristotelevy vrata* in the *Bogoslovskaiia entsiklopediia* of 1910, where he mentions that the text includes divinatory tables, which, he adds, is the reason for the condemnation in the *Stoglav*. He revised this opinion in an article published in 1928 after finding a text which had the heading ‘Siia kniga, glagolemaia Aristotelia vrata premudrago uchitelia caria Aleksandra Makidonskago’ (‘This book is called the Gates of Aristotle the wise teacher of Tsar Alexander of Macedon’). This text is an appendix to a medical compendium (MS Muz. 1226) but the content was in fact an entirely different short divinatory text, evidently a form of cubomancy but designed, like the onomantic table in the *Tainaia tainykh*, to foretell the winner of a battle. This offers yet another possible identity for the *Gates of Aristotle* listed in the *Stoglav*.

The words 'Aristotelevy vrata' do not appear in the title of the *Tainaia tainykh* in D. M. Bulanin's edition and modern Russian translation of the first part of the text in 1984, and the article on the *Tainaia tainykh* in the Russian Wikipedia, also by Bulanin, is accurate. But this has not stopped the continued use of 'Aristotelevy vrata', even by the website of the National Library of Belarus, which contains the earliest extant copy of the text.

In view of the confusion about the identity of the *Gates of Aristotle* we have to consider the possibility that a work of that name did exist, that it was *not* the *Tainaia tainykh*, and that the *Tainaia tainykh* was therefore never proscribed as heretical by the Church, a possibility already suggested by Turilov and Chernetsov in an article in 1985. Such a conclusion is supported by the fact that no work is mentioned under either name in the exhaustive six-page list of 'heretical' and 'sorcerous' works given in the 1644 *Kirillova kniga*, which is a collection of documents supporting a conservative and nationalistic view of the 'true' Orthodox faith and condemning Catholic, Protestant and Armenian aberrations. The absence of any prohibition is also suggested by the fact that two tsars, Ivan IV and Alexei Mikhailovich were familiar with the text, and copies were owned by Patriarch Nikon and possibly the first Russian Patriarch, Iov, who was in fact the scribe of the manuscript. Nikon even donated his copy to the library of the Resurrection New Jerusalem Monastery founded by him, and wrote on the lower margins of the pages an elaborate curse on anyone stealing or damaging the manuscript.

To summarize: from all the evidence above, we may conclude that the *Tainaya tainykh* was never referred to as the *Gates of Aristotle* before the late 19th century; that the persistent misapplication of this title, both in Russian, and subsequently in English and other European languages, arises from a series of mistaken assumptions by scholars about the vaguely named works condemned in the *Stoglav*, and in particular from the title of the 1908 edition of the *Tainaia tainykh* by Speranskii; that it is, however, possible that the *Gates of Aristotle* is sometimes a description of the onomantic tables in the *Tainaia tainykh*; that it is probable that two other texts called the *Gates of Aristotle* were in fact geomantic or dice divination texts, but definitely not the long *Rafli* correctly identified by Turilov and Chernetsov. At present we can only say that whenever reference is made in literature or on the internet in Russian, Belorussian, and especially in Ukrainian sources, to a *Gates of Aristotle*, it almost always means the *Tainaia tainykh* – and this is an error.

Bibliography

- СХХVIII. Из Тайная тайных Аристотеля // Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. Ф. Буслаев. М.: Тип. Московского унив-та, 1861. Стб. 1397–1404.
- Добрянский Ф., 1882. Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна: тип. А.Г. Сыркина. 598 с.
- Карский Е. Ф., 1921. Белоруссы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западно-русская письменность. Петроград: 12-я Гос. Тип. 254 с.
- Лаппо-Данилевский А. С., 1990. История русской общественной мысли и культуры, XVII–XVIII вв. М.: Наука. 290 с.
- Лурье Я. С., 1960. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.–Л.: ЛО АН СССР, 532 с.: ил.
- Золотухина Н. М., 2018. Политико-правовая мысль XVI в.: Максим Грек о правде, справедливости, законности и правосудии. М.: Юрлитинформ (Теория го-ва и права). 679 с.
- Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней / Сост. Михельсон А.Д. М.: А.И. Манухин, 1865. 718 с.
- Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малоизвестных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древнерусских рукописях и книгах / Сост. Прот. Г. Дьяченко. 1900. 1158 с.
- Райнов Т. И., 1940. Наука в России XI–XVII веков. Ч. I–III. Очерки по истории донаучных и естественно-научных воззрений на природу. М.–Л.: Изд. АН СССР. 507 с.
- Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков. СПб.: Синодальная Тип., 1899. 160 с.
- Соболевский А. И., 1903. Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII веков: Библиогр. материалы / [Соч.] акад. А.И. Соболевского. СПб.: тип. Имп. Акад. наук. VIII, 460 с.
- [Сперанский М. Н.], 1908. Из истории отреченных книг. Т. IV. Аристотелевы врата, или Тайная Тайных. СПб.: Тип. М. А. Александрова. (Памятники древней письменности и искусства. CLXXI). 327 с.
- Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимые для каждого сведения по всем важнейшим предметам богословского знания в алфавитном порядке. В 12 тт. / под ред. А.П. Лопухина (1–5 тт.); Н.Н. Глубоковского (6–12 тт.). Петроград: Тов. А.П. Лопухина, 1900–1911.

- Тайная Тайных / Подготовка текста, перевод и комментарии Д.М. Буланина М.: Художественная литература, 1984. (Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. Вып. 06). С. 534–595, 750–755.
- Тихонравов Н. С., 1863. Памятники отреченной русской литературы. В 2-х тт. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза»; М.: Унив. Тип. (Катков и К°). 325 с. (т. 1); 459 с. (т. 2).
- Турилов А. А., Чернецов А. В., 1985. Отреченная книга Рафли // Тр. Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Т. 40. Л.: АН СССР. С. 260–344.
- Церковный словарь, или Истолкование речений Славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах. В 3-х частях / Сост. П. А. Алексеев. М.: Тип. Имп. Моск. Унив.; СПб.: Имп. АН, 1773–1779.

Вл. В. Седов
Институт археологии РАН, Москва

Еще раз об Успенском соборе в Рязани (Старой Рязани)

Резюме. В статье дан обзор истории изучения так называемого Успенского собора Старой Рязани, многолетней дискуссии о его отождествлении и датировке. Неопределенность и путаница в отождествлении раскопанных в 1836, 1888 и 1949 гг. храмах существенно ограничивает наши знания о пока еще не слишком подробно исследованных памятниках Старой Рязани. В статье проведен подробный анализ результатов раскопок Успенского собора 1949 г., на основании которого получены новые факты архитектурной истории города. Архитектурные особенности, зафиксированные при раскопках 1949 г. в контексте древнерусской архитектуры XII в. позволяет охарактеризовать его как первую каменную церковь в городе. Она принадлежала к южнорусской традиции четырехстолпных храмов с нартексом, которые в процессе какого-то художественного контакта были украшены фасадной декорацией в романском стиле. Это же дает возможность очертить круг однотипных сооружений и дать примерную датировку рязанского храма: Успенский собор принадлежал к тому типу и направлению, которое было общим для южнорусской или поднепровской архитектуры 1120-х – 1180-х годов.

V. V. Sedov
**The Assumption Cathedral
in Ryazan (Old Ryazan) Revisited**

Abstract. The article provides an overview of the history of the so-called Assumption Cathedral of Old Ryazan study, a long-lasting discussion about its identification and dating. The uncertainty and confusion in identifying the temples excavated in 1836, 1888 and 1949 significantly confines our knowledge of these Old Ryazan monuments that have not yet been studied closely. The article provides a detailed analysis of the results of the 1949 excavations of the Assumption Cathedral, on the basis of which new facts of the city's architectural history were received. The architectural features recorded during the 1949 excavations in the context of the ancient Russian architecture of the 12th century allow us to characterize it as the first stone church in the city. It belonged to the South Russian tradition of four-pillar temples with a narthex, which in the process of some artistic contact were ornamented with a facade decoration in the Romanesque style. It also makes it possible to outline the circle of similar constructions and give an approximate dating of the Ryazan temple: the Assumption Cathedral belonged to that architectural type and movement that was common to the South Russia or Dnieper area of the 1120s – 1180s.

Успенский собор в Старой Рязани, большом древнерусском городе на Оке имеет достаточно короткую и при этом наполненную историю изучения. Даже само его название остается условным. Между тем сохранившиеся формы этого памятника могут дать дополнительную информацию как для архитектурной истории стольного города Рязанского княжества XII в., так и для истории каменной архитектуры Древней Руси.

В статье Г.Ф. Корзухиной-Ворониной, вышедшей в 1929 г., рассматриваются всего два каменных храма Старой Рязани: первый храм это некий большой шестистолпный собор, который исследовательница справедливо связала с черниговскими храмами так называемого шестистолпного типа и отнесла к середине XII в., второй – раскопанный в 1888 г. четырехстолпный трехабсидный храм с притворами (боковые оканчиваются абсидами), который был сравнен с собором Юрьева-Польского и отнесен к рубежу XII–XIII вв., а третий храм в статье – это небольшой бесстолпный храм с крестообразным планом, известный по раскопкам в расположенном неподалеку от Старой Рязани Ольговом Городке и отнесенный исследовательницей ко времени не ранее второй половины XII в. (*Корзухина-Воронина, 1929*).

Относительно архитектурных членений «шестистолпного» храма, открытого в 1836 г. и доисследованного в 1926 г. В. А. Городцовым, исследовательница пишет, что «простые внутри пилястры снаружи осложнены полуколонкой, за исключением, однако, угловых, как это часто встречается во многих церквях XII века». На приведенном в статье плане, между тем, внешние лопатки показаны без полуколонок, за исключением как раз крайней восточной лопатки, где, вроде бы, ее быть не должно (*Корзухина-Воронина, 1929. С. 71. Рис. 1. С. 71*).

Следующий этап изучения каменных храмов Рязани наступил в 1940-е годы. В 1948 г. А. Л. Монгайт раскопал западный притвор храма, названного им Борисоглебским по поздней церкви этого посвящения, вставшей на развалинах храма, откопанного до этого в 1830-е годы, т. е. того, о котором говорит как о шестистолпном Г. Ф. Корзухина-Воронина (*Монгайт, 1948*). Второй каменный храм, известный сейчас как Успенский собор Рязани, был открыт во время раскопок А. Л. Монгайта в 1949 г. (*Монгайт, 1949*).

Результаты раскопок храма, который мы вслед за А. Л. Монгайтом, будем называть Успенским, опубликованы исследователем в обзорной статье (*Монгайт, 1951*). В этой работе ученый отождествляет найденный памятник с Успенским собором Рязани, упоминаемым в письменных источниках («Повести о разорении Рязани Батыем»), а также сообща-

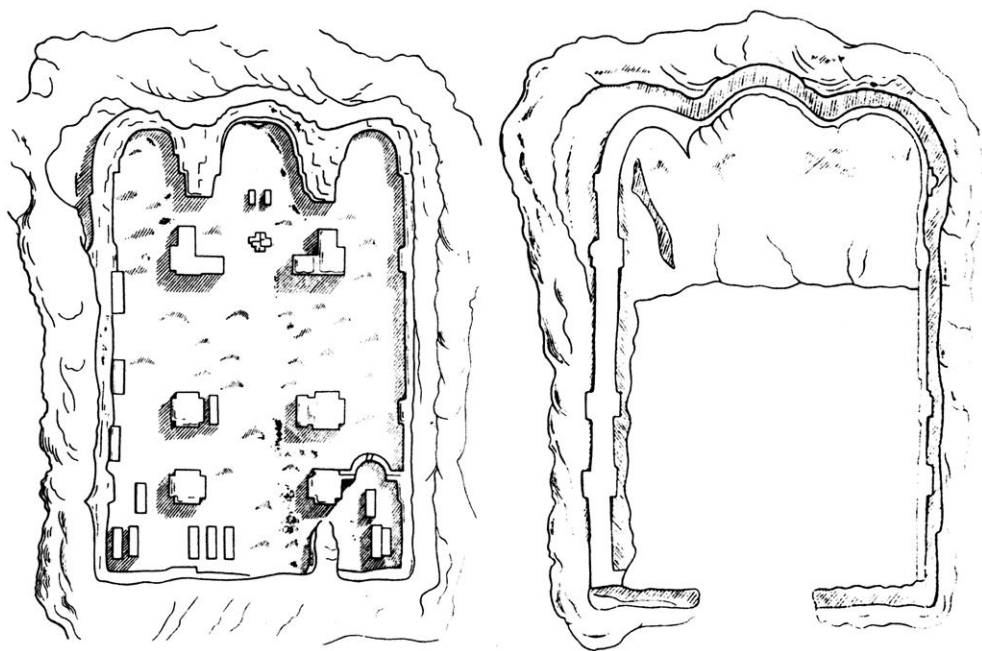

Рис. 1. Планы здания, обнаруженного при раскопках 1836 г.:
план внутренних частей (слева) и план внешнего абриса стен (справа)

ет основные данные раскопок: он публикует схему плана фундаментов, говорит о размерах храма снаружи (31,6×20 м, повествует о ленточных фундаментах между столбами и стенами, о найденной кладке из плинфы толщиной 3,5–4 см на цемяночном растворе, о прямоугольных лопатках внутри здания и, на внешних фасадах, приставленных к лопаткам полуколонкам (найдена одна полуколонка, соединенная с прямоугольной лопаткой). Есть сообщение о плинфе с надписью «Яков тв...». Описаны ленточные фундаменты в виде трапециевидных в сечении (слегка сужающихся книзу) фундаментных рвов, заполненных мелким бутовым камнем на растворе, и отделке верхней части фундаментов и цоколя из белого камня; есть сведения о полах из плиток, некоторые из которых были покрыты зеленой глазурью, а также о фигурной плинфе, возможно принадлежащей аркатурному пояску.

А.Л. Монгайт подчеркнул, что Успенский и Борисоглебский соборы Рязани схожи и представляют собой «однотипные здания». Далее автор приводит в качестве аналогов множество храмов «шестистолпного типа»; наиболее близкими к Успенскому собору ему представлялись Борисоглебский собор на Смядыни в Смоленске (что позволило отнести

предположительно постройку Успенского храма ко времени около 1155 г., когда смоленский князь Ростислав Мстиславич заключил мирный договор с рязанскими князьями) и Успенский во Владимире-Волынском. Тут же приводится таблица планов похожих памятников, среди которых помещен и реконструированный К. Н. Афанасьевым план Успенского собора в Рязани (*Монгайт*, 1951. С. 18–24).

Сведения об архитектуре храма, реконструкция К. Н. Афанасьева и соображения по поводу возможной датировки серединой XII в. содержатся в еще одной статье А. Л. Монгайта; здесь отметим сравнение найденного храма с храмами первой половины – середины XII в. в Чернигове (Борисоглебский и Успенский Елецкого монастыря), Киеве (Успенская на Подоле – Пирогощя, Кирилловская, собор в Каневе) и Владимире-Волынском (Успенский собор) (*Монгайт*, 1954. С. 28–31).

Примерно те же сведения были приведены А. Л. Монгайтом в его книге о Старой Рязани; отметим дополнительные сведения о размерах плинфы (28×19,5×3,5–4 см), диаметре (92–94 см) и выносе полуколонн (45–47 см), а также уточнение про формат плиток пола (19×19×4,5) из зеленой глазури, о подготовке под пол. В книге был опубликован общий вид раскопок собора, реконструкция плана, сделанная К. Н. Афанасьевым на основе плана раскопанных фундаментов и стен, фотография полуколонки северной стены сверху, фото фрагмента кладки и фото плинфы с надписью; в посвященном собору фрагменте текста повторены список аналогов и предположение о близости храма Борисоглебскому собору на Смядыни и связи этого сходства с событиями 1155 г., когда рязанские князья согласились именовать смоленского князя Ростислава Мстиславича «отцемъ себе» (*Монгайт*, 1955. С. 87–92).

В дальнейшем исследователи лишь интерпретировали материалы и принимали или дополняли выводы А. Л. Монгайта. К. Н. Афанасьев поместил в своей книге собственный анализ метрического и пропорционального построения раскопанного в 1949 г. сооружения, которое он почему-то назвал Борисоглебским собором; главку, посвященную этому памятнику, иллюстрируют два чертежа: взятый из отчета А. Л. Монгайта план раскопанного храма и план, на котором на раскопанные фундаменты наложены очертания реконструированного сооружения. При этом то, что при раскопках была найдена внешняя лопатка *in situ*, не было учтено, и рядом с ее уже не читаемыми очертаниями начерчена другая подобная лопатка (*Афанасьев*, 1961. С. 188–190. Рис. 117, 118).

Г. К. Вагнер в своей статье о каменных храмах Старой Рязани считает, что соборы «Успенский» (раскопанный в 1949 г. А. Л. Монгайтом)

и «Борисоглебский» (раскопанный в 1836 г.) похожи, но «Успенский» больше, а потому должен быть построен раньше (от себя заметим, что это не безупречное соображение); характер кладки «Успенского» собора оставался для ученого неясен (Вагнер, 1963. С. 20–22). Наиболее приемлемым временем для постройки этого первого, по мнению ученого, каменного храма Рязани, было время правления здесь князя Ростислава Ярославича (1129–1155), причем наиболее вероятным временем он считал конец 1140-х – начало 1150-х годов, тем самым принимая датировку А. Л. Монгайта. Борисоглебский собор он отнес ко времени правления князя Глеба Ростиславича (1155–1177). Г. К. Вагнер предлагает и графическую реконструкцию фасада «Успенского» собора.

В 1972 г. Е. В. Михайловский опубликовал статью, в которой перевернул существующую интерпретацию соборов: предложил считать собор, раскопанный в 1836 г. Успенским, а не Борисоглебским. В то же время он остановился на сходстве этого памятника с черниговским собором Елецкого монастыря и отнес его ко времени князя Олега Святославича, т. е. к концу XI в. (Михайловский, 1972).

В том же 1972 г. А. Л. Монгайт и М. Б. Чернышев напечатали статью, где привели результаты новых раскопок того здания Старой Рязани, которое по традиции принято называть Спасским собором (Монгайт, Чернышев, 1972). Уже в этой работе была показана возможная связь этого храма со смоленским зодчеством рубежа XII–XIII вв.; в дальнейшем в книге Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта эта связь уже утверждалась как для этого храма, так и для храма Нового Ольгова городка (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 353–358). В 1974 г. А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт и М. Б. Чернышев опубликовали результаты новых раскопок церкви Нового Ольгова городка под Рязанью (Монгайт, Раппопорт, Чернышев, 1974; Воронин, Раппопорт, 1979. С. 358–363), они датировали храм рубежом XII–XIII вв.

В 1982 г. П. А. Раппопорт суммировал сведения об Успенском соборе; в датировке его он был крайне осторожен, сославшись на мнение «большинства исследователей» о его возведении в середине XII в. (Раппопорт, 1982. С. 49).

Наконец недавно Л. А. Беляев провел новые раскопки так называемого Борисоглебского собора Старой Рязани, которые привели его к выводу о том, что этот памятник построен не ранее конца XII в. (Беляев, 2005). От себя заметим, что трехабсидное окончание этого храма с притвором и приделом с севера очень напоминает то, что мы видим на плане храма, раскопанного в 1888 г. Это может навести на мысль, что в Рязани был

только один большой храм XII в. (и это был тот храм, который А.Л. Монгайт назвал Успенским собором), тогда как два остальных храма, так называемые Борисоглебский и Спасский соборы, построены уже на рубеже XII–XIII вв. в характерной для этого времени манере.

Сведения А.Л. Монгайта и других ученых о двух храмах Рязани повторил О.М. Иоаннисян; он считает Борисоглебский собор более ранним, а Успенский – несколько более поздним, причем оба памятника связаны им с влиянием Чернигова и отнесены к первой трети XII в. (Иоаннисян, 2012. С. 57–59).

После того, как мы рассмотрели научную литературу по трем известным каменным храмам Старой Рязани, и поняли, насколько запутанным и сложным является вопрос об отождествлении и датировке известных по раскопкам зданий, следует еще раз обратиться к письменным источникам, свидетельствующим о трех храмах Рязани.

Успенский собор в Рязани упоминается в «Повести о разорении Рязани Батыем», где рассказывается о событиях конца 1237 г. Великий князь Рязанский Юрий Ингваревич, услышав о подходе татарского войска во главе с Батыем, посылает к границам Рязанской земли своего сына, князя Федора Юрьевича, который находит Батю на реке Вороней, где Батый после неудачных переговоров и своих непомерных требований убивает молодого князя.

Узнав об этом, князь Юрий Святославович стал готовиться к битве и пошел молиться в Успенский собор: «И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородицы честнаго ея Успения. И плакася много перед образом пречистыа богородицы и великому чюдотворцу Николе и сродником своим Борису и Глебу. И дав последнее целование великой княгини Агрепѣне Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора» (Воинские повести ... 1949. С. 11, 25; Памятники литературы... С. 186, 188).

По сообщению того же источника 21 декабря 1237 г. Рязань была взята Батыем, татарские войска ворвались в город, направились в Успенский собор и убили мать великого князя и других княгинь, а также епископа и священников: «И приидоша в церковь собрѣную пресвятыа Богородицы, и великую княгиню Агрепѣну мать великаго князя, и с снохами и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и священнический чин огню предаша, во святѣй церкве пожегоша, а инѣи мнози от оружия падоша» (Воинские повести ... 1949. С. 11, 26 – по этой версии епископа во время осады и штурма не было в городе; Памятники литературы... С. 190).

Прибывший в разоренную Рязань князь Ингварь Ингорович похоронил тела павших, среди которых были его мать Агреппена Ростиславна и другие княгини:

«Князь Ингварь Ингорович, розбирая трупиа мертвых, и наиде тѣло матери своей великия княгини Агреппены Ростиставны, и позна снохи своя, и призва попы из веси, которых богъ соблюде, и погребе мать свою, снохи своа плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше» (Воинские повести ... 1949. С. 15, 28; Памятники литературы ... 1981. С. 194).

Позже тот же князь Ингварь Инваревич собрал на месте побоища с Батыем тела павших рязанских князей и похоронил их. В какой церкви Рязани были похоронены князья и княгини – не говорится:

«Князь Ингварь Ингорович начаша разбирати трупиа мертвых, и взя тѣло братъи свое, и великаго князя Георгия Ингоровича, и князя Давида Ингоровича Муромского, и князя Глѣба Ингоровича Коломенского, и инех князей мѣсных – своих сродниковъ, и многих бояръ, и воевод, и ближних знаемых, принесе их во град Резань, и похраняше их честно, а инех тут на мѣсте на пусе собираше и надгробное пѣша. И похраняше князь Ингварь Ингорович, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Олга Ингоровича и несоша его во град Резань, а честную его главу сам князь велики Ингвар Ингорович и до града понеси, и целова ю любезно, положиша его с великим князем Юрьем Ингоровичем во единой раце. А братью свою князя Давида Ингоровича, да князя Глѣба Ингоровича положиша у него близ гроба их во единой рацѣ» (Воинские повести ... 1949. С. 17, 29; Памятники литературы ... 1981. С. 196, 198).

В той же повести упоминается и «великая церковь», которая в результате штурма и пожара погорела и почернела: «Сий бо град Резань и земля Резанская, изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти – токмо дым и пепел, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣнния, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще» (Воинские повести ... 1949. С. 15; Памятники литературы ... 1981. С. 194). В этом сообщении нет данных для идентификации «великой церкви» и Успенской церкви. Все эти сопоставления будут все же очень натянутыми, хотя в данном тексте вроде бы все время речь идет об одном храме, при том, что вскользь говорится и о других, посвящения которых ни разу не названы.

Борисоглебский храм в Рязани упоминается в Лаврентьевской летописи под 1195 г., когда умерший рязанский князь Игорь Глебович был погребен в церкви Бориса и Глеба (летопись прямо не говорит, где расположен храм, но можно думать, что именно в Рязани): «Того ж лѣт(а) преставися князь Рязаньскыи Игорь с(ы)нѣ Глѣбовѣ, и положенъ быс(ть) у с(вя)тоу м(у)ч(е)н(и)ку Бориса и Глѣба» (Лаврентьевская летопись, 2001. С. 412). В более поздней Никоновской летописи храм уже значится каменным: «Того же лѣта преставися князь Рязанскій Игорь, сынъ Глѣбовъ, внукъ [Ростиславль], и положенъ бысть во градѣ Рязани въ церкви камене святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба»; вариант – «Того же лѣта преставися князь Игорь Глѣбовичъ Рязанскій, и положенъ бысть во градѣ въ Рязани, въ церкви камене святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба» (Летописный сборник ... 2000. С. 22).

Спасская церковь в Рязани упоминается в 1258 г., когда умер князь Олег (Ингваревич) Рязанский, который перед смертью принял монашеский постриг и затем схиму: «Преставис(я) князь Олегъ Рязанскыи, стр(а)стныя нед(е)лі, въ сред(у), въ черныцѣх(ъ) и в скимѣ, и положенъ быс(ть) оу с(вя)таг(о) Сп(а)са, м(е)с(я)ца мая въ 20, на память с(вя)тыя м(у)ч(е)н(и)ци Фотиньи Самаряныни» (Лаврентьевская летопись, 2001. С. 475); «Преставис(я) князь веики Олегъ Рязанскій, постригся во иноческій образъ и въ схиму, на страстной недѣли въ среду, и положенъ бысть въ церкви святаго Спаса, мѣсяца Марта въ 8 день, на память свята мученицы Фотиньи Самаряныни» (Летописный сборник ... 2000. С. 141).

Из этих разрозненных и разновременных сообщений трудно извлечь положительную информацию. Если резюмировать процитированные тексты, то оказывается, что еще в конце XII в., в 1195 г., в Рязани стоял храм Бориса и Глеба, в котором похоронили князя Игоря Глебовича. Возможно, это был дворцовый, княжеский храм.

В 1237 г., если верить несколько более позднему сказанию, князь Юрий Святославич перед походом молился в Успенском соборе, где, возможно, принял благословение епископа. Есть некоторая вероятность, что Успенский собор был кафедральным, епископским храмом.

Наконец, в 1258 г. князь Олег Ингваревич, ставший перед кончиной монахом, был погребен в церкви Спаса (неясно – Преображения или Нерукотворного), в которой можно с осторожностью видеть храм городского, княжеского монастыря.

Погребения князей, как видим, совершались как в Борисоглебском храме (возможно, княжеском), так и в Спасском (возможно,

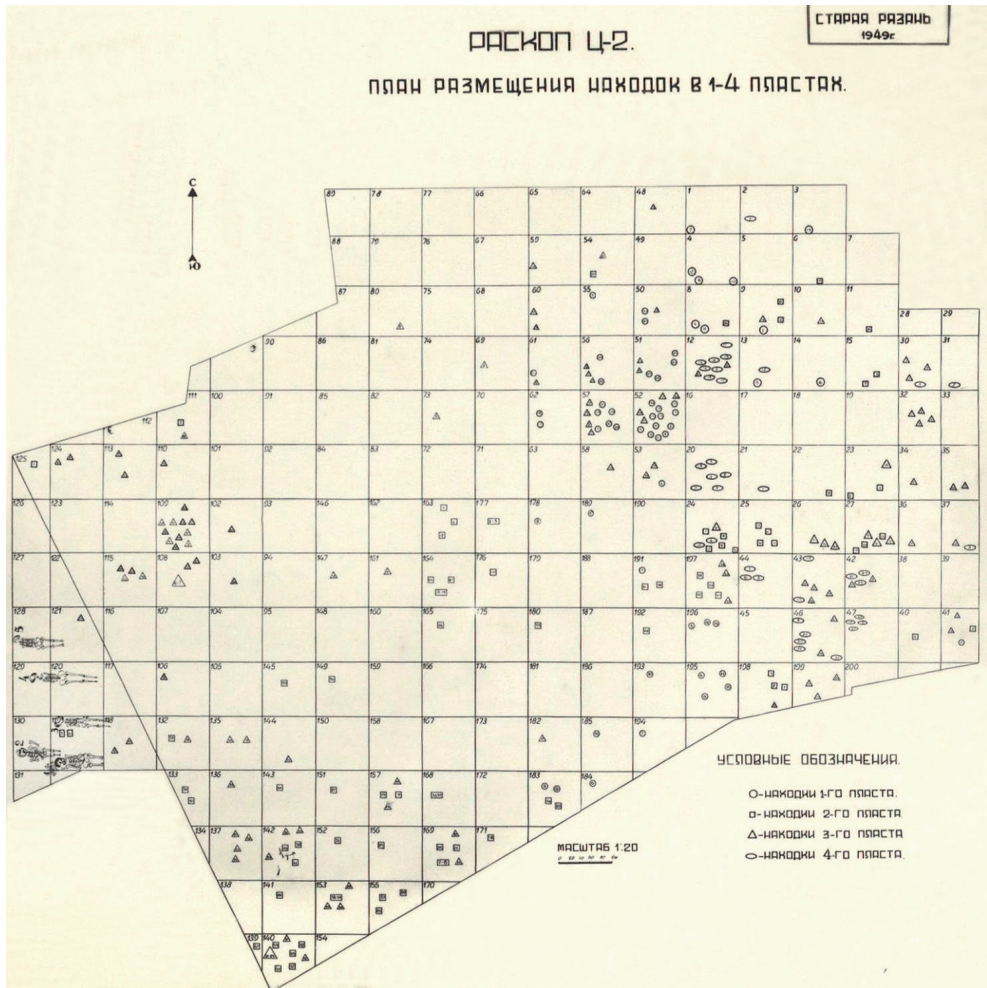
монастырском). Но погребения князей могли совершаться и в третьем храме, Успенском, кафедральном соборе Рязани.

Все эти сведения, если и приоткрывают перед нами вид на сакральную топографию Рязани, все же остаются очень отрывочными и очень пунктирными – в хронологическом отношении. Мы продолжаем называть интересующий нас памятник, раскопанный А.Л. Монгайтом в 1949 г., Успенским собором, уже не ставя кавычек, но должны со всей откровенностью сказать об условности такого отождествления и о возможности других мнений.

Отметим, что найденный и раскопанный А.Л. Монгайтом собор опубликован совсем не полностью. Чтобы восполнить некоторую отрывочность сведений, мы публикуем в этой статье иллюстрации из отчета А.Л. Монгайта 1949 г., хранящегося в архиве Института археологии РАН, а также, в виде приложения, большой отрывок текста этого отчета, касающийся интересующего нас памятника.

Для нашей темы важно, что собор, называемый сейчас Успенским, очень похож на объект, раскопанный в 1836 г. как Борисоглебский храм. Чисто теоретически до сих пор сохраняется возможность того, что опубликованные два плана Борисоглебского храма по материалам раскопок 1836 г. (*Михайловский*, 1972. Рис. 3. С. 45. Рис. 5. С. 47) являются планами того, что называется Успенским собором. То есть, возможно, что в 1836 г. был раскопан храм, позже раскопанный А.Л. Монгайтом в 1949 г. Тогда план этого храма, так похожий на план Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове, и есть план «Успенского собора» 1949 г. (т.е. у последнего был придел в южной части абсиды). На планах раскопок 1836 г. есть лопатка на внутренней стороне северной стены напротив восточной пары столбов, а также обозначена лопатка с наложенной на нее полуколонкой в том месте, где она быть могла, т.е. с запада в первом прысле с востока на северном фасаде, а также в том месте, где ее быть не должно: в крайней восточной части южного фасада. Присутствие подобных форм, которые есть и у храма, раскопанного в 1949 г., позволяют сблизить эти памятники и даже объединить их в один. Наличие лопаток простой прямоугольной формы на планах 1836 г., как и наличие крайней восточной лопатки с наложенной полуколонной, следует объяснять недостаточной точной фиксацией или прямыми ошибками при фиксации.

Итак, есть возможность, что Успенский собор в Рязани, откопанный в 1949 г. и храм, откопанный в 1836 г., – одна и та же постройка. Если так, то нужно еще раз подчеркнуть, что мы ничего не знаем о ядре, о нефе

Рис. 3. Раскоп Ц 2 1949 г. План расположения находок в I-IV пластах.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

того храма, который сейчас называется Борисоглебским. Археологически исследованы только его притворы: боковые, оформленные как приделы с абсидами, и западный; есть представление о том, что это был трехабсидный храм. Возможно, что сам храм принадлежал к какому-то другому типу (т.е. у него не было нартекса). Чисто теоретически даже возможно, что раскопанный в 1888 г. трехабсидный храм с круглыми столбами и тремя притворами, из которых боковые имеют абсидки, т.е. являются приделами, это не так называемый Спасский собор, а тот, который мы называем Борисоглебским. Возникающая неопределенность

и даже путаница фиксирует ограниченность наших знаний о пока еще не слишком подробно исследованных памятниках Старой Рязани.

Дальше мы переходим к рассмотрению архитектуры Успенского собора в контексте древнерусской архитектуры XII в. Главные черты Успенского собора в Рязани это его шестистолпный план и, следовательно, устройство интерьера с нартексом, включенным и даже заключенным извне в общий продолговатый объем собора, а также полуколонны, наложенные на лопатки, членящие фасады здания на прясла.

Относительно типа так называемого шестистолпного храма мы должны повторить, что он не является по-настоящему шестистолпным, каким были русские соборы и церкви конца XV – начала XVIII в., в которых действительно было шесть опор, шесть столбов, несущих своды и барабаны куполов. Название «шестистолпный храм» для домонгольского периода носит условный характер, поскольку в плане в этих храмах насчитывается шесть опор, но в пространственном решении западная пара опор всегда оказывается частью стены, отделяющей собственно пространство четырехстолпного храма (храма на четырех опорах типа вписанный крест) от двухъярусного помещения с запада, наос от нартекса.

Нартекс в храмах этого типа вписан в общую композицию здания, он равняется по высоте остальной части, его прясла, по одному на боковых фасадах и по три на западном фасаде, включаются в общую ритмическую схему сооружения. В результате возникает здание с тремя выступающими полукруглыми абсидами с востока, над которыми находятся части прясел с закомарами, тогда как на западном фасаде тоже есть три прясла. На боковых фасадах всегда присутствуют четыре прясла, завершенные четырьмя закомарами. Барабан с куполом в таких храмах как будто сдвинут к востоку, покоясь над пререкрестьем, служащим зримым продолжением широких средних прясел на западном и восточном фасадах и широких прясел (вторых с востока) на северном и южном фасадах.

Этот тип, в какой-то степени продолжающий константинопольский тип храма с двухэтажным по структуре нартексом, получил особенное развитие на Руси, сначала в связи с возникшей здесь композицией с позакомарным покрытием (*Комеч*, 1975), дающим своеобразную «волну» полукруглых арок наверху здания. Сложился древнерусский, легко узнаваемый тип церковного здания, который по-прежнему в научной литературе называют шестистолпным храмом. Правильнее каждый раз называть такие здания четырехстолпными храмами с нартексом, но это название слишком громоздкое, а потому, хотя и более

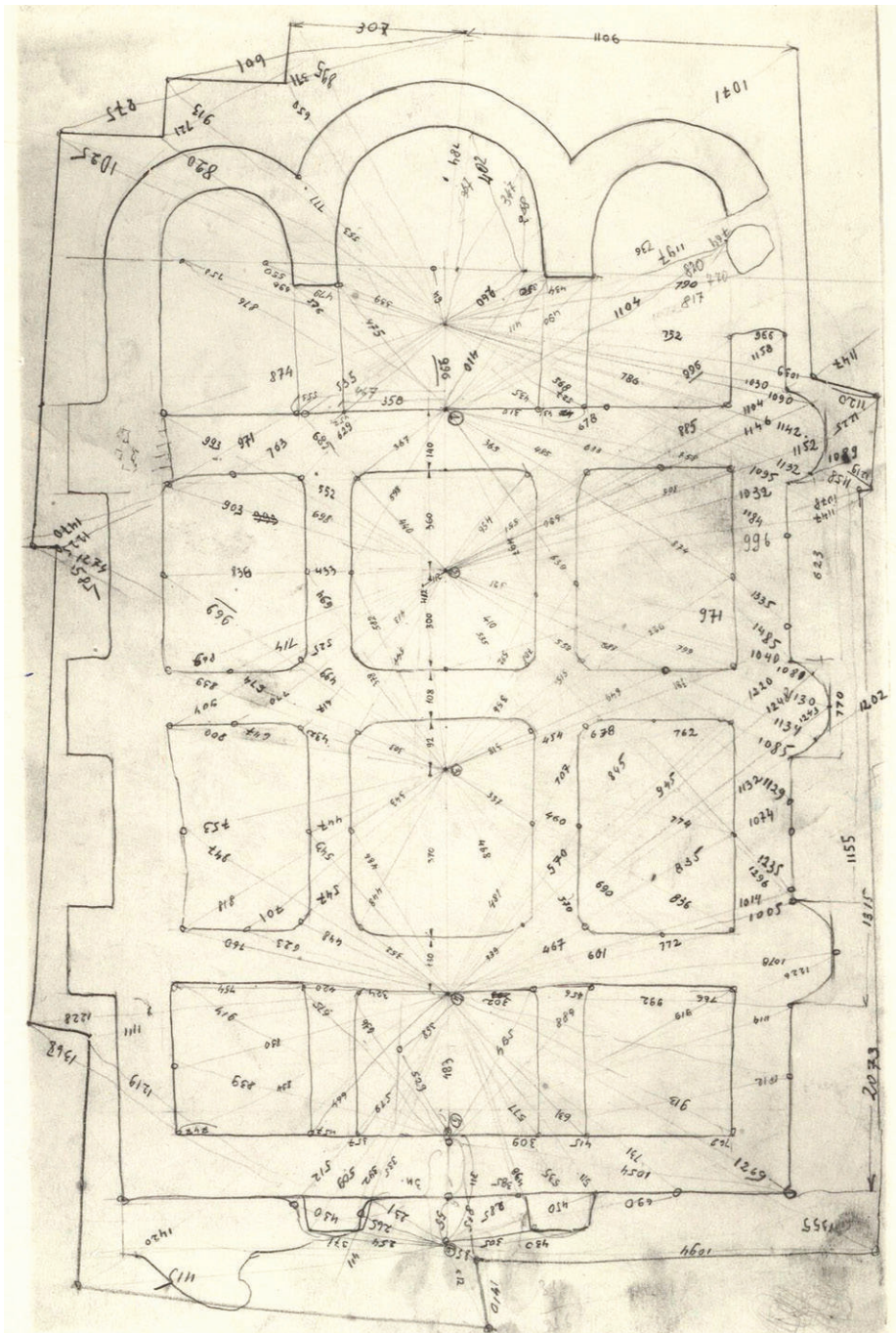

Рис. 4. План раскопанного храма с размерами.
Из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

точное, оно уступает по краткости «шестистолпному храму». Мы предлагаем назвать этот тип «четырехстолпным храмом, дополненным нартексом» или короче – «дополненным четырехстолпным храмом». Тогда более простой тип храма без нартекса будет оставаться просто «четырехстолпным храмом».

У того и другого типа могут быть усложнения или отклонения, например, и четырехстолпный и дополненный четырехстолпный храмы могут быть «простого варианта» (без вимы, дополнительного пространства перед абсидами) или «сложного» (или константинопольского, столпного) варианта (с вимой перед алтарными скруглениями).

Дополненные четырехстолпные храмы образовали очень устойчивые структуры, легко опознаваемые как в плане, так и при взгляде на их объемно-пространственное построение: удлинённый объем с «волнами» из четырех закомар на боковых фасадах и сильный сдвиг барабана и купола к востоку – вот черты, по которым почти безошибочно можно отличить этот тип от просто четырехстолпного храма, где и сдвиг барабан к востоку будет не столь радикальным (хотя часто и очень заметным), и «волны» закомар на боковых фасадах будут состоять всего из трех полукружий.

Дополненные четырехстолпные храмы византийского облика, сложенные из плинфы в технике кладки со скрытым рядом (в Киеве) и в смешанной технике кладки (в Новгороде), во второй четверти XII в. очень сильно изменились: в Чернигове их стали сооружать в новой технике кладки, равнослойной кладки из плинфы, а, кроме того, они получили новую фасадную декорацию романского типа с полукруглыми в сечении полуколоннами, наложенными на лопатки, а также рамками-филенками, помещенными в полях прясел, и романскими же аркатурными поясками – вверху филенок на фасадах прясел и вверху барабанов.

О.М. Иоаннисян, по нашему мнению, удревняет возникновение равнослойной кладки и романских приемов (Иоаннисян, 2003; 2007; 2012. С. 37–57), относя их появление к концу XI в., когда в Чернигове правил князь Владимир Мономах. В этом он следует ранее сложившейся датировке терема между Спасским и Борисоглебским соборами Чернигова временем Мономаха, в которой действительно применена порядовая кладка, но время строительства этого здания определяется авторами публикации раскопок с помощью сравнения стратиграфических данных с стратиграфией Спасского и Борисоглебского соборов, а также с помощью предположения о том, что зафиксированные здесь следы пожара это пожар 1096 г., когда Владимир Мономах оставил город (Холостенко,

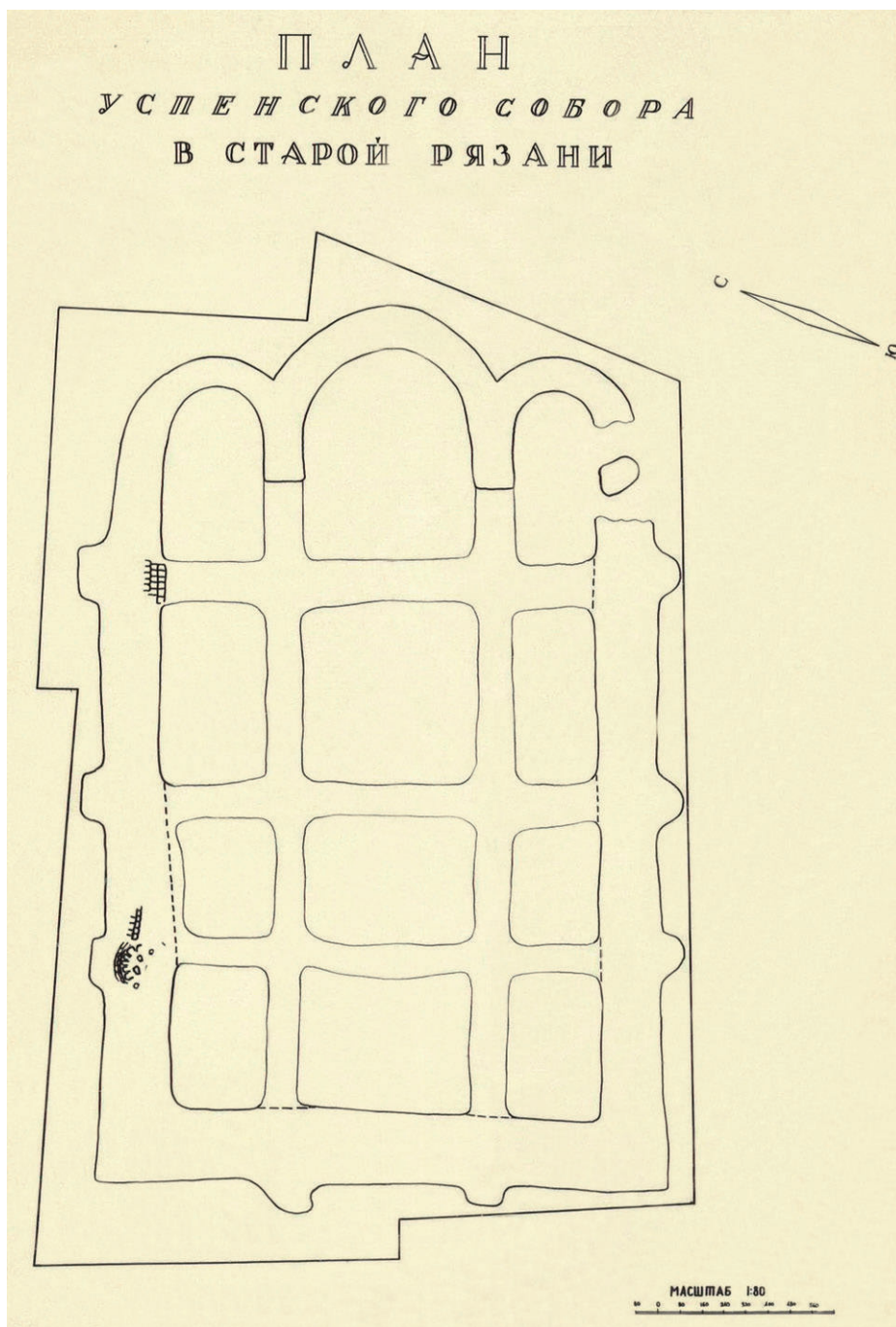

Рис. 5. План раскопанного храма.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

1963. С. 17–12). Отметим, что видеть в этой постройке первое сооружение, сложенное в порядовой (равнослойной) технике кладки нет никаких серьезных оснований. Представляется, что равнослойная техника кладки и романские формы возникли сначала в церковных постройках, вероятнее всего, в Борисоглебском соборе, занимающем центральное место в иерархии построек Чернигова (сразу после Спасо-Преображенского собора) и служившем княжеской усыпальницей.

Для того чтобы определить место Успенского собора в Рязани мы должны попытаться очертить круг подобных сооружений Древней Руси, построенных из плинфы в равнослойной технике кладки, в которых есть и дополненный четырехстолпный («шестистолпный») план, и полуколонны на лопатках. Прежде всего следует дать хронологический обзор, обращая, в первую очередь, внимание на точно или относительно точно датированные постройки.

Наиболее ранними зданиями с таким сочетанием традиционно считаются два храма в Чернигове: собор Бориса и Глеба (*Остапенко*, 1950; *Холостенко*, 1967; *Воробьева, Тиц*, 1974) и Успенский собор Елецкого монастыря (*Моргилевский*, 1928; *Холостенко*, 1961; *Воробьева, Тиц*, 1974). Точной даты у этих памятников нет, датировка их колеблется в довольно широких пределах. Но относительно собора Бориса и Глеба в Чернигове мы знаем, что он был выстроен до 1123 г., когда умер создавший его черниговский князь Давид Святославич. Это устанавливается следующим образом. Князь Давид Святославич умер в 1123 (6631) г.: «Преставися Д(а)в(ы)дь С(вя)тославичъ Черниговѣ и сѣде в него мѣсто Ярославѣ, братъ его» (*Ипатьевская летопись*, С. 286). Из «Слова о князьях» узнаем, что тело умершего князя Давида Святославича было сначала принесено в Спасо-Преображенский собор, а затем было погребено в построенном им Борисоглебском соборе: «И несоша князя въ Спасѣ святыи долго по вечернѣ. Пришедши звѣзда ста над крѣстомъ. Оттолѣ несоша и въ церковь Бориса и Глѣба създаную от него, звѣзда же от Спаса преступи над мученическую церковь» (*Библиотека литературы ... 2016*. С. 228).

Думается, что примерно в то же время построили и собор Елецкого монастыря. Мы предполагаем, что Борисоглебский собор и Успенский собор Елецкого монастыря были первыми храмами, выстроенными в равнослойной технике кладки и имевшими романскую декорацию фасадов. Проникновение этой техники кладки и романских черт следует относить ко времени перед 1123 г., но и незадолго до этой даты.

В 1131–1136 гг. князь Мстислав Владимирович выстроил церковь Успения на Подоле или Пирогощи: 1132 (6640) «В се же лето заложе-

на быс(ть) ц(е)ркви камяна с(вя)тая Б(огороди)ца рекома Пирогоща», в 1136 (6644) «Том лете ц(е)ркви Пирогоша свершена быс(ть)» (Ипатьевская летопись, 1998. Стлб. 294, 300; *Ивакин*, 1989). Она уже почти дословно повторяет упомянутые черниговские храмы.

В Киеве также неплохо датирована церковь Кирилловского монастыря, выстроенная между 1140 и 1146 гг. по заказу пришедшего из Чернигова на киевский стол князя Всеволода Ольговича: в 1146 (6654) «В вѣтреи же д(е)нь преставися Всеволод, м(е)с(я)ца августа в а д(е)нь и спрятавшее тело его и положиша оу ц(е)ркви с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)ку». А в 1179 г. вдова князя Всеволода была похоронена тут же, причем говорится, что она «создала» церковь. Это можно истолковать так, что она достроила храм, заказала его роспись или осуществила какие-то пристройки: «Того же лет(а) преставися княгини Всеволожая, преемыши на себя чернечкоюю скиму. И положена быс(ть) в Киевѣ оу с(вя)т(о)го Кюрила юже бѣ сама создала». (Ипатьевская летопись, 1998. С. 321, 621; *Асеев*, 1950; *Холостенко*, 1960).

Тот же князь Всеволод Ольгович в 1144 г. заложил церковь Георгия в Каневе: «в то же лѣтѣ заложена бѣ цркъы Канѣвская. стѣо Геургия. Всеволодомъ кнземъ. мѣца июня въ бѣднѣ» (Ипатьевская летопись, 1998. Стлб. 317; *Юрченко*, *Асеев*, 1950).

В 1145 г. в Смоленске был заложен на Смядыни собор Бориса и Глеба: «В то же лѣто заложиха церковь камену на Смядынѣ, Бориса и Глѣба, въ Смоленскѣ» (Новгородская первая летопись ... 1950. С. 27, 213; *Воронин*, *Раппопорт*, 1979. С. 37–63).

В 1160 г. князь Мстислав Изяславич «подписа» церковь Успения во Владимире-Волынском, т. е. к тому времени работы по строительству уже закончились: «Того же лѣта князь Мстиславъ Изяславичъ подписа святую церковь въ Володимери Волынскомъ, и украси ю дивно святыми и драгими иконами, и книгами, и вещми многими чудными, и священными сосуды златыми и серебряными з бисеромъ и съ каменіемъ драгимъ» (Летописный сборник ... 2000. С. 229; *Раппопорт*, 1977). В 1172 г. князь Мстислав Изяславич был погребен в этом храме, который он «сам созда»: «преставися князь Мѣстиславъ. мѣца августѣ. въ. бѣ. и спрятавшее тѣло его. с чѣтью великою и съ пѣньи. гласохвалными. и положиша тѣло его. въ стѣѣ Бѣѣ въ епѣпѣи юже бѣ самъ созда въ Володимѣри (Ипатьевская летопись, 1998. С. 559).

Около 1161 г. был построен Спасо-Преображенский собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке, что устанавливается по косвенным данным: из жития Евфросинии Полоцкой мы знаем, что этот храм

построили по ее заказу: «И по семьъ ближенная Евфросинія заложи церковь каменну святого Спаса, и отъ начатка доспѣ за 30 недѣль» (Повесть о Евфросинии Полоцкой, 1862. С. 172), а в 1161 г. княгиня Евфросиния вложила в этот монастырь драгоценный крест (Алексеев, 1957; Алексеев, 1966. С. 223–227). Этот храм можно отнести к данному типу, но с оговоркой, поскольку у него уже не три, а одна абсида (две другие скрыты в толще восточных отрезков стен), а углы храма украшены не обходящими лопатками, а сочетающимися двухступчатыми. И все же основные элементы интересующего нас типа здесь есть: и шестистолпный вариант (с несколько пониженным нартексом, но все же), и полуколонны на лопатках (*Раппопорт, Штендер, 1980; Штендер, 1982; Торшин, 2010; Торшин и др., 2016*).

В 1186 г. по заказу князя Святослава Всеволодовича была создана церковь Благовещения в Чернигове: «В лѣтѣ. №5. х.. чд. [6694] мѣца марта Стѣславъ Всеволодичъ. стѣи цркѣвъ в Черниговѣ. стѣио Блѣговѣщениѣ. юже бѣ самъ создаѣ» (Ипатьевская летопись, 1998. Стлб. 652). В этом храме полуколонны расположены уже не на лопатках основного объема, а на лопатках обходящих этот объем галерей (*Рыбаков, 1949. С. 69–93; Рыбаков, 1950; Рыбаков, 1953*). И все же мы помещаем в наш обзор датированных памятников и этот храм – как крайнюю точку в хронологических построениях.

Итак, мы имеем девять древнерусских храмов, в которых есть сочетание четырехстолпного типа с нартексом (дополненного шестистолпного или «шестистолпного» типа) с полуколоннами на лопатках; все эти девять храмов построены в промежутке между 1110-ми – 1120-ми годами, с одной стороны, и 1180-ми годами – с другой. Этот выявленный промежуток позволяет нам дать примерную датировку Успенского собора в Рязани: он не мог быть построен раньше 1120-х годов (поскольку черниговские памятники представляются нам образцами для провинциального относительно Чернигова рязанского храма) и вряд ли мог быть много позже 1186 г., когда в Чернигове закончили один из последних памятников подобного варианта.

Добавим также, что помимо девяти датированных шестистолпных соборов, украшенных романской декорацией на фасадах в виде полуколонн на лопатках, есть еще три недатированных памятника этого варианта: занимающий нас Успенский собор в Рязани, храм в Турове и «Старая кафедра» во Владимире-Волынском (*Раппопорт, 1982. С. 105, 106–107*). Всего, таким образом, нам известно двенадцать храмов этого направления. Они располагаются в Чернигове, Киеве и Киевской

Рис. 6. Профиль восточной стенки раскопа Ц 2.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

земле, на Волыни, в Турове и в Смоленске, а также в Рязани. Это широкая полоса Южной Руси.

Храмы подобного варианта характерны для больших стольных городов. Три храма – церковь Георгия в Каневе, Успенский собор во Владимире-Волынском и храм в Турове могли быть кафедральными соборами соответствующих епархий; Юрьевской (Каневской), Владимиро-Волынской и Туровской. «Старая кафедра» во Владимире-Волынском могла быть как кафедральным собором (что, вроде бы, следует из названия), так и монастырским храмом.

Пять из этих храмов достоверно строились в монастырях (Борисоглебский и Елецкий в Чернигове, Кирилловский в Киеве, Борисоглебский в Смоленске, Спасо-Преображенский в Евфросиниеве монастыре в Полоцке).

Что представляла собой церковь Успения на Подоле неясно (монастырский или приходской храм), тогда как Благовещенская церковь в Чернигове могла быть придворным, дворцовым храмом. Был ли Успенский собор в Рязани главным храмом Рязанской епархии, перенесенной из Мурома довольно поздно (в конце XII в.?), или это был придворный храм рязанских князей – мы не знаем. В принципе в Рязани мог быть и монастырь (выше говорилось о том, что Спасский храм мог быть монастырским). Так что здесь ситуация остается неясной.

Для нас гораздо яснее место так называемого Успенского собора в Рязани: это, по всей видимости, была первая каменная церковь в городе. Она принадлежала к южнорусской традиции четырехстолпных храмов с нартексом, которые в процессе какого-то художественного контакта были украшены фасадной декорацией в романском стиле: на лопатках появились полуколонны, а выступающие по краям полуколонн части лопаток образовали уступы, служащие краями филенок,

обрамлявших каждое прясло; углы оформлены «обходящими» (обнимающими угол) лопатками без полуколонн (свидетельства этой формы для Успенского собора в Рязани не сохранилось). Успенский собор вряд ли был построен в первой трети XII в., хотя и это возможно; скорее он относится к более поздним опытам середины – второй половины XII в., когда сам вариант дополненного нартексом четырехстолпного («шестистолпного») храма с романскими полуколоннами распространился в Канев, Смоленск, Владимир-Волынский и Туров. В это же время, в 1140-е – 1180-е годы, мог быть построен и собор в Рязани.

По своему типу, а также по технике равнослойной кладки из плинфы и по декорации фасадов с крупными полуколоннами, наложенными на лопатки, так называемый Успенский собор принадлежал не только к черниговскому или только киевскому архитектурному потоку, он принадлежал к тому типу и направлению, которое было общим для южнорусской или поднепровской архитектуры 1120-х – 1180-х годов. Для нашей темы даже не так уж важно, было ли таких церквей в Рязани две или все же исследуемый храм оказался единственным примером подобного направления на средней Оке.

В любом случае, установлено точно, что такой «гость» из Поднепровья был в Рязани, что он не отличался в целом от подобных памятников широкой полосы, простиравшейся от Смоленска до Канева с севера на юг и от Чернигова до Владимира-Волынского и Турова – с востока на запад. Этот памятник, так называемый Успенский собор в Рязани, является памятником XII в., причем скорее середины столетия, чем начала или конца. Впрочем, в том типе, к которому этот памятник принадлежит, особого развития не наблюдается: памятники 1120-х годов практически не отличаются от памятников 1160-х годов.

Это был столь же устойчивый для всего Поднепровья тип храма и тип сопровождавшей его декорации фасадов (и интерьеров) как и тип и декорация новгородских храмов этого времени. Этот тип и эта декорация резко противостоит как архитектуре Владимиро-Суздальской земли, так и архитектуре Новгорода. Ее корни уходят в зодчество Киева конца XI в., а также в романское зодчество в кирпиче, вероятнее всего, итальянское. Но проблема генезиса этого типа и его архитектурной декорации не столь уж важна для понимания рязанского четырехстолпного дополненного храма, названного учеными Успенским собором. Этот памятник следует рассматривать как рядового представителя нерядового, но очень распространенного южнорусского типа храма, как пример переноса южнорусских форм в относительно северные области. Возможно,

в будущем станет возможным определение киевского или черниговского происхождения этого храма. На настоящем этапе изучения важнее всего соотнести этот памятник с нераскопанным, как оказывается, на современном уровне Борисоглебским храмом, современное изучение которого коснулось только притворов. Исследование основной части этого храма, наоса, может дать окончательный ответ на важнейший вопрос: был ли Успенский собор единственным южнорусским памятником Рязани или у него был «двойник». Скорее, Успенский собор был единственным «гостем» из Южной Руси, единственным появившимся на берегах средней Оки примером каменной церкви, выстроенной в технике равностойной кладки из плинфы и относящейся к типу дополненного четырехстолпного храма с романской декорацией.

Приложение

Отрывок из отчета А.Л. Монгайта, касающийся раскопок так называемого Успенского собора в Старой Рязани в 1949 г.: Монгайт А.Л., 1949. Отчет о раскопках в Старой Рязани / Архив ИА РАН. Р-1, № 379. С. 22–37.

С. 22.

Раскоп Ц 2

Церкви в Старой Рязани были открыты раскопками 1836 и 1888 гг. Вопросы о наименовании и времени построения найденных церквей очень сложны, так как материалы для этого крайне скудные. В летописи упоминаются в Старой Рязани церкви: Бориса и Глеба (под 1194/1195 г. «Тогоже лета преставился князь Игорь Глебович Рязанский, и положен бысть во граде в Рязани в церкви камене святых мученик Бориса и Глеба» ПСРЛ, 1, 173; X, 22), Спаса (упоминается под 1288 г. в связи с погребением Олега Инваревича (ПСРЛ, 1, 203, X, 141) и Успенский собор (упоминается в связи с батыевым нашествием в 1237 г. Русск. Врем. Ч. 1, С. 113, 115). Какая из церквей как называлась, и вообще были ли две последние церкви, название которых известно, каменными, из письменных источников не было ясно.

Тихомиров назвал Борисо-Глебским раскопанный им в 1836 г. собор.
С. 23.

Право назвать церковь Борисоглебской оспаривал у Тихомирова Селиванов, так как считал, что открытая им в 1888 г. церковь представляет главный собор, а таким предполагался Борисо-Глебский. В пользу мнения Тихомирова говорит то, что рядом с раскопанной им церковью

Рис. 7. Общий вид раскопа Ц 2. Из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

была в 1836 г. деревянная Борисо-Глебская, крайне ветхая и по предположению построенная взамен рухнувшей древней и принявшая ее название.

Таким образом, раскопками были открыты два храма в Старой Рязани и оставался нерешенным вопрос о третьем, упоминаемом в летописях храме. К поискам его я приступил еще в 1946 г., хотя тогда же удалось приблизительно определить район, где находится третий храм, до 1949 года у меня не было возможности завершить поиски и приступить к раскопкам.

Одной из главных задач, стоявших перед экспедицией летом 1949 г. было отыскание 3-й церкви.

С целью отыскания местоположения храма пришлось заложить в южной части городища три шурфа.

При выборе места для шурфов руководствовались большим скоплением битой плитки, а также данными раскопок 1946 г.

Шурфы № 1 и № 2 размером 3×3 м были заложены на просянном поле к востоку и юго-востоку от Шатрищенской начальной школы – на расстоянии 30 метров к востоку от школы и на 10 м южнее юго-восточного угла школьного здания.

Рис. 8. Раскоп Ц 2. Работы на I и II пластах. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 9. Раскопки фундамента южной стены. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 10. Фундамент абсид. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

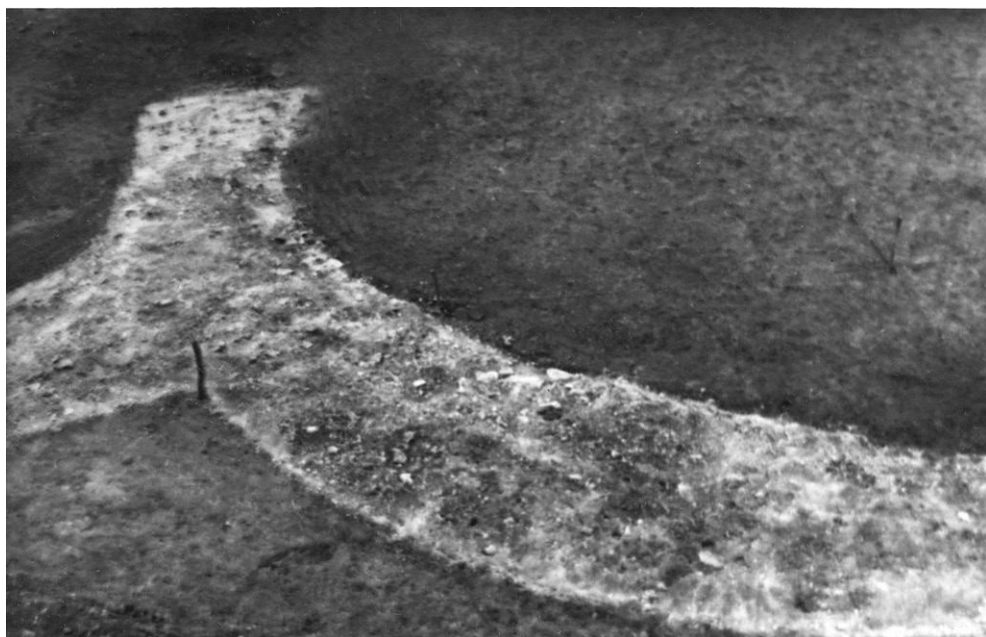

Рис. 11. Фундамент центральной абсиды. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Первый шурф оказался пустым и дал лишь целиком перепаханный культурный слой. Второй – к юго-востоку от школы и в 15 м к югу от первого шурфа дал несколько завалов щебня (см. план). Но все они шли неглубоко и в виде отдельных пятен.

С. 24

В шурфе на глубине 85 см показалось темное пятно, которое уходило в западную стенку шурфа. Поэтому шурф был удлиннен к западу на 150 см.

Пятно оказалось могильной ямой, и на глубине 90 см было вскрыто мужское погребение.

Костяк длиной 175 см, средней сохранности, вытянут, ориентирован на восток. Череп несколько завалился, нижняя челюсть опустилась. Руки скрещены на тазу. Вещей при погребении не было. После расчистки погребения шурф был засыпан.

В 35 метрах к востоку от шурфа № 2 был заложен третий шурф 2 м × 4 м.

С первого же пласта в центре шурфа пошел завал из щебня и цемянки, который во 2-м пласте занял всю западную часть шурфа и уходил в стенку. На глубине 60 см восточный край завала принял правильные очертания в виде выпуклой дуги (см. чертеж 1–2 пластов кв. 1–27).

Ввиду того, что завал из щебня уходил в северную и южную стенки раскопа, пришлось к шурфу с обеих сторон сделать прирезки 2×2 м на северной стороне и 2×3 – на южной. С 1-го пласта завал из щебня прослеживался в обеих прирезках.

Во 2-м пласте линия щебня в южной прирезке на глубине 30 см расходилась веерообразно – к югу и к северу, причем не смыкаясь с линией щебня основного шурфа. В северной прирезке линия щебня сомкнулась на глубине 40 см. Получилась правильно изогнутая дуга. Сам завал щебня уходил в западные стенки шурфов. На глубине 60 см край завала щебня южной прирезки сомкнулся с основным завалом шурфа.

С. 25

В завале щебня 2-й прирезки (южн.) была найдена медная монета 1735 г. и медная трубочка с изображением птицы и крина с одной стороны и растительного орнамента – с другой. Подобные изображения птиц встречались в период XII–XIII вв. на пластинчатых браслетах, колтах и др. Правильность очертания завалов щебня, идущих в виде дуг, позволяла думать, что шурфами была обнаружена восточная сторона храма, апсиды. Битая плинфа с цемянкой и белым камнем – вот все, что осталось от кладки стен церкви, она была разрушена.

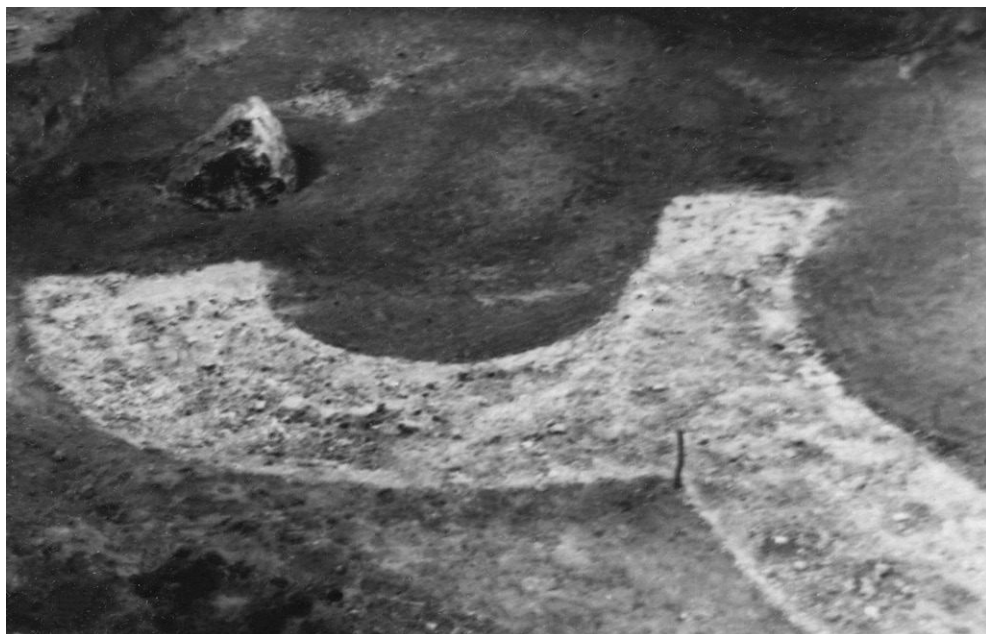

Рис. 12. Фундамент южной боковой абсиды. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 13. Общий вид ленточных фундаментов. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Весьма возможно, что монета, найденная в завале щебня, попала туда в момент окончательного разрушения храма – в XVIII веке.

После того, как было установлено, что шурфы заложены на месте крайней северной апсиды и части центральной, раскоп пришлось пронивелировать и расширить на юг и восток для выяснения полного плана восточной стороны церкви. Последующие прирезки делались по мере прослеживания стен церкви (северной и южной) по завалам щебня. (При постепенном расширении раскопа путем прирезок получилась довольно разбросанная нумерация квадратов).

Общая площадь раскопа 200 квадратов – около 800 м².

При раскопках земля снималась пластами по 20 см.

1 пласт раскопа Ц 2

Мелкая поросья проса на темном слое чернозема. Это паханный слой, в котором встречались находки древней Рязани – стеклянные браслеты, железные гвозди, керамика – вместе с находками XX века – монетами, фарфоровой посудой, обломками железа и др.

С конца 1 пласта прослеживались отдельные завалы щебня по линиям апсид и стен церкви. Причем по ширине завалы были неодинаковы.

С. 26

II пласт раскопа Ц 2

Чернозем плотный, с небольшим количеством песка. В некоторых местах слой становился рыхлым – комочками. Во 2-м пласте завалы щебня прослеживались не отдельными скоплениями, а в определенном порядке по линиям апсид. Ширина полос завалов щебня от 260 см до 210 см (крайняя северная апсида и часть центральной).

Во 2-м пласте дугообразные линии щебня в апсидах прерывались. Так, крайняя северная апсида не смыкалась с центральной, а центральная апсида прослеживалась только по краям, причем правый, южный ее конец не соединялся с 3-й, южной апсидой. Завалы щебня последней видны были в 27, 38 и 39 кв. В 9 и 17 кв. 2-го пласта были найдены остатки плинфы 20×19×4 см (они сфотографированы).

Во 2-м пласте четко прослеживалась северная и южная стены церкви. От западной стены завал щебня шел только в юго-западном углу. Это явление объяснялось, по-видимому, тем, что поздние погребения нарушили завалы щебня. На глубине 25 см обнаружены погребения в кв. 120. Мужское, вытянутое на спине, ориентировано на восток (ориентировка погребений не совпадала с ориентировкой церкви). Череп очень плохой сохранности, только нижняя часть. Руки скрещены на тазе. Из костей сохранились кости ног, таз. Длина костяка 180 см.

Рис. 14. Фундамент лопатки и остатки кладки. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

По северной стене и по южной прослеживались пилястры в виде прямоугольных выступов (сами пилястры, как выяснилось позднее, были полукруглые).

Развал щебня на месте пилястр был не везде одинаков. Так 1-я северная пилястра во 2 пласте у основания имела ширину 220 см., аверху 200 см. Вторая – 165 см и 140 см; третья – 155 и 150 см.

Расстояние между пилястрами также неодинаковое. Вторая северная пилястра находилась от первой на расстоянии 600 см, третья от 2-ой – 425 см.

С. 27

В центре раскопа обнаружили отдельные скопления щебня неправильных очертаний. Первые 2 скопления шли в кв. 51–52–53 и 12 кв.; и в 44–24 и 197 кв.

Вторые – в 72 и 163 кв.; и в 175–180 кв. Эти скопления оказались фундаментами столбов церкви. Во 2-м пласте их открылось 4. От каждого столба шли полосы щебня шириной до 125 см к другим столбам и к стенам церкви (позже вскрыты ленточные фундаменты).

Находки 2 пласта

Обилие стеклянных браслетов, гвоздей, обломки славянской керамики, особенно много ее встречалось в юго-западном углу раскопа. Здесь были с клеймами. В слое встречались кости животных. Обломок костяного гребня, медный черпачок с железной ручкой были найдены в развале щебня 1-й южной пилястры.

В 140 кв. – плетеный браслет из биллона.

В 142 кв. – железный шлак, имеющий форму дна сосуда.

Около южной стены найден бронзовый перстень пластинчатый. В восточной части раскопа и в южной – ближе к апсидам – встречались сплавившиеся куски свинца, возможно от покрытия крыши или купола. В восточной же части встречались обломки глиняных светильников. В 65 кв. был найден фигурный кирпич от карниза.

3-й пласт Раскопа Ц 2

На глубине 50–55 см темный перегной переходил в материк, состоящий из серой супеси и плотной глины. В 3-м пласте, как и в предыдущих, встречались обломки костей животных и керамика.

На глубине 50–60 см полностью вырисовывались контуры апсид.

С. 28

Толщина апсид (по завалу щебня) от 140 до 160 см. В конце 3 пласта в крайней южной апсиде обнажился большой белый камень. Линии завалов щебня центральной апсиды не смыкались друг с другом, также

Рис. 15. Фундамент лопатки и остатки кладки с видом на западную стену.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 16. Общий вид фундаментов храма. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

как правый конец центральной апсиды не соединялся с крайней южной апсидой.

Стены церкви – северная и южная – отчетливо прослеживались после зачистки 3-го пласта.

Кроме пилястр, которые хорошо были видны в плане (их фундаменты) в кладке стен не было никаких других украшений. При снятии 3 пласта в развале щебня северной стены около 1-й пилястры была найдена часть кладки с целыми плинфами 28×19,5×4 (или 29×20×4). Кладка шла на глубину следующего пласта. В этом же пласте на месте 3-й северной пилястры была обнаружена часть полукруглой пилястры. Состояла она из фигурного кирпича, положенного веерообразно. Основание завала колонны заканчивалось на 4-м пласте.

В юго-западном углу раскопа стала видна западная стенка церкви, а северо-западный угол ее не прослеживался. На глубине 45–55 см за линией западной стены храма найдено 5 погребений. Все костяки были ориентированы на восток (ориентировка их не совпадала с церковью). Над погребениями и ниже их встречались обломки щебня. Вещей при костяках не было. По всей вероятности, погребения очень поздние (все сфотографированы). 1-е погребение (1) мужское, очень хорошей сохранности. Длина костяка 160 см. При захоронении первого умершего было нарушено погребение 2-е (2) – тоже мужское, вытянутое, только голени его сдвинуты влево. Голова его запрокинута назад, нижняя челюсть отпала. Руки скрещены на тазе. Длина его (без голеней) – 120 см.

С. 29

3-е погребение (3) женское – хорошей сохранности кости, только череп раздавлен. Длина костяка 180 см, четвертое (4) погребение мужское, тоже вытянутое. Череп запрокинулся, челюсть отпала. Руки скрещены на груди. Длина – 160 см.

Пятое погребение (5) – средней сохранности. Руки на груди скрещены. Череп раздавлен. Длина 180 см.

В 3-м пласте прослеживались дальше 4 очертания столбов, выявленных при раскопках 2-го пласта. Кроме этих столбов появились еще 2. Располагались они по линии, соединяющей 3 пилястры (на северной и южной сторонах). Таким образом, храм оказался шестистолпным. Форма столбов прямоугольная. Полосы темно-коричневой глины шли от всех столбов друг к другу и к стенам (северной и южной). Это – распорочные фундаменты столбов.

Находки 3 пласта

В 27 кв. найдена ажурная проволочка, возможно серебряная.

Рис. 17. Разрез фундаментов центральной абсиды. Из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 18. Остатки кладки второй с востока лопатки (внутренней) северной стены.
Рисунок из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

В 32 кв. – большой нож с 6 кольцами на рукояти. Здесь же найден обломок костяного цилиндрика с надписью из 2-х букв (другие не сохранились на обломке изделия), «Н.И».

Встречались части замков, серебряный перстень. Много обломков стеклянных браслетов и керамики.

4 пласт Раскопа Ц 2

Полностью выявился план церкви только на глубине 65–80 см. Дугообразные линии щебня восточных апсид сомкнулись и дали полное очертание восточной стороны церкви – 3-х апсидной.

Толщина фундаментов апсид от 120 см до 150–160 см (последняя центральной апсиды).

С. 30

В 4-м пласте вокруг камня в крайней южной апсиде отчетливо выявилось пятно из светло-желтого песка, края пятна имели в некоторых местах темно-коричневую окраску толщиной до 3–4 см (особ. в восточной части).

В профиле южной стенки этой части раскопа прослеживалась большая яма (см. профиль), заполненная светлым песком, сверху и снизу которого видна темно-коричневая полоса дерева толщиной, как выше указывалось, до 3–4 см.

Ниже этой прослойки дерева шел рыхлый слой из щебня, глины. Около камня – в рыхлом песчаном слое ямы встретилось много находок: стеклянные браслеты, обломок овальной граненой бусины из стекла, глиняный лепной горшочек, обломки круговых сосудов, гвозди, обломок золотоордынского сосуда с голубой поливой и синей подглазурной росписью, одно каменное пряслице и др. При расчистке всей площади церкви на уровне 80 см прекрасно выявились ленточные фундаменты. Они шли и к западной стенке от крайних столбов на западной стороне.

А от крайних восточных столбов фундамент шел к апсидам, в места смыкания крайних апсид с центральной. Ширина ровов ленточных фундаментов была определена поперечными траншеями – равна 106 см. В верхней части фундаменты немного искажены при выемке белого камня и потому они в плане 126 см – шире их древней ширины. Фундаменты, как удалось установить в сделанных разрезах, через фундаменты центральной апсиды и южной стены – прямоугольные (с отвесными стенками). Сверху ров для ленточных фундаментов был заполнен темно-коричневой пористой глиной с включениями мелкого щебня. Глина шла на глубину 35–37 см. Далее шел

Рис. 19. Остатки кладки внутренней лопатки. Общий вид.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 20. Остатки кладки внутренней лопатки. Деталь с клеймеными кирпичами.
Из отчета А.Л. Монгайта

С. 31

щебень из белого камня, величиной с кулак. Щебень был залит раствором цемянки. Глубина сплошной заливки 17–20 см. Общая глубина ленточного фундамента от 52 см до 60 см (от уровня 4 пласта). А всего – 92–100 см.

При выемке заполнения столбов и фундаментов около них была выяснена форма столбов. Они в плане имели форму квадрата шириной 105 см.

Основания столбов сверху были заполнены битой плинфой с цемянкой, ниже на глубине 35–40 см шел слой щебня из белого камня, залитого раствором. Под мелким щебнем шел крупный – 30×20×5; 25×10×3. На краях ленточных фундаментов, примыкавших к столбу, под мелким щебнем обнаружен тоже крупный плитняк. На глубине 70–80 см около западной стены обнаружили 2 пилястры. Они, вероятно, шли по сторонам входа – портала.

Снаружи к прямоугольным пилястрам примыкали круглые полуколонки. У второй полуколонны северной стены прослежена с внутренней стороны пилястра прямоугольной формы. Возможно, что прямоугольные пилястры были около всех стен внутри храма. Длина открытой пилястры 146 см, выступала она на 56 см.

Столбы и пилястры по периметру выложены из кирпича, а толща стены в середине заполнена мелкой щебенкой, битым кирпичом и залита цемянкой.

При разборке храма уцелела 3-я полуколонна северной стены (вернее, часть ее).

Удалось расчистить целый блок из фигурного кирпича. Установлено, что кладка стены была неправильной в месте примыкания колонны, кирпичи углами заходили из кладки стены в плоскость полуколонны, таким образом, стена с полуколонной клалась одновременно.

С. 32

По края колонна выложена из фигурных (треугольных с закругленной стороной) кирпичей. В центральной части для заполнения применены обычные плиточные кирпичи (128 [так – В.С.] × 19,5×4 см) и специальные (20×12×4 см). В полуколонне кирпичи, как и в стенах, чередовались со слоем цемянки, равным по толщине кирпичам.

С внешней стороны полуколонны были найдены разбитые куски белого камня, возможно от облицовки. После разрушения храма кладка стен сохранилась только в 2-х местах по северной стене в виде отдельных фрагментов. Около 1-й северной пилястры осталось 4 ряда

Рис. 21. Остатки кладки северной стены.
Рисунок из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

кладки из целых плинф (кладка сфотографирована) размером $28 \times 19,5 \times 4$ и $29 \times 20 \times 4$. В сохранившихся фрагментах кладки в нижнем ряду идет (счет с востока) три тычка, ложок, 2 тычка; во втором – 2 ложка, 3 тычка, ложок; в третьем – 4 тычка, ложок, тычок; в четвертом ряду ложка, 3 тычка, 2 ложка. Ряды кирпичей чередовались с цемянкой, толщина последней равнялась толщине плинфы. Кирпичи утапливались в цемянку. Кладка стен, состоявшая из красной плинфы и розовой цемянки, выглядела очень нарядной.

Что касается облицовки стен внутри церкви, то для этого не было никаких данных, никаких остатков в виде фресок, мозаик и пр. Ниже кладки из кирпичей шли плиты белого камня – $40 \times 25 \times 4$; $25 \times 23 \times 4$ см и др.

Причиной окончательного разрушения руин храма была выемка, вероятно, плит из белого камня, которые употреблялись в строительстве и для выжига извести.

Под плитами шел слой щебня, величиной с кулак, залитого раствором. Содержание кирпичной крошки в этом растворе незначительное, по сравнению с цемянкой стен. Известь из заливки фундаментов содержала много углей.

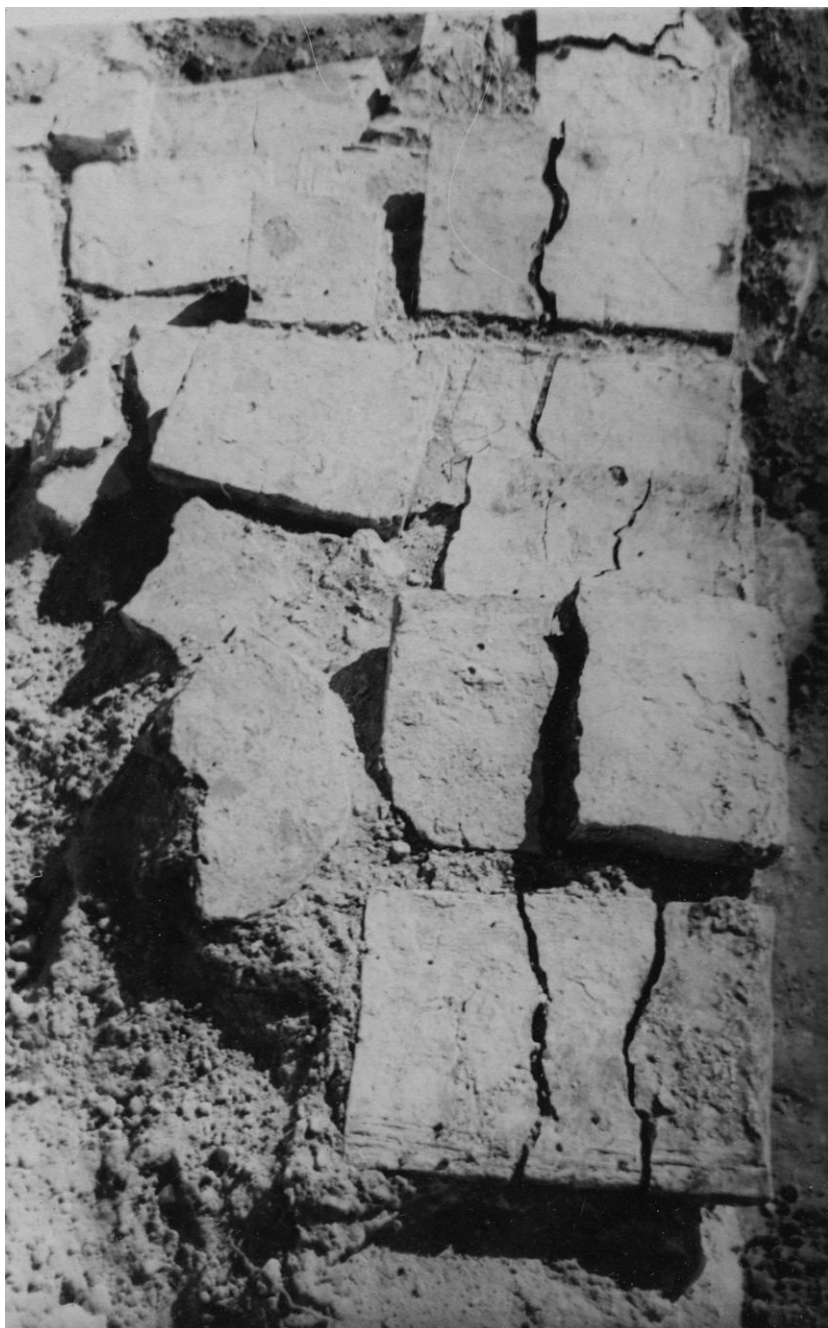

Рис. 22. Кладка северной стены. Вид сверху.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 23. Кладка северной стены. Вид с юга. Из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 24. Остатки третьей полуколонны северной стены. Вид с юга.
Рисунок из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

С. 33

Размер рвов фундамента для стен был определен при расчистке. Оказалось, что стенки рвов шли почти отвесно, лишь слегка сужаясь к основанию, верхняя их ширина казалась значительно больше нижней лишь вследствие развала щебня, после выемки белых плит. Ширина фундамента под стенами такова: под боковыми – 205 см; под центральной апсидой 160 см; под западной (стеной) – 234 см; глубина залегания фундаментов от 110 см до 125 (последняя под боковыми стенами).

При выкружении (читай – выборке – В.С.) ямы, которая разрежала южную боковую стенку церкви, под светлым песком шел темный слой, насыщенный углями, щебнем, костями животных, обломками керамики. Глубина ямы 175 см, в плане она вытянутая, около 2-х метров.

На дне ее была найдена прекрасная лепная чаша с поддоном.

Яма у южной апсиды позднего происхождения. Она, очевидно, служила для выжиг извести при разборке фундаментов храма. Ямой была разрезана стена церкви.

Большой белый камень предназначен тоже для извести, но с ним не справились. Полоса наверху его прорублена при попытке расколоть камень. В яме найдена еще одна монета 1735 г. В центральной части храма найдены четыре квадратных плитки с зеленой поливой, очевидно остатки древнего пола. На торцах кирпичей очень часто встречались клейма мастеров в виде «I», «N», «L», «M», «Y», «X», «Ш» и др.

Найдены два кирпича с надписями. Кроме клейм на торцах и надписей, на плоской широкой стороне плинфы встречались углубленные полосы, идущие параллельно или веерообразно, и др.

С. 34

Найдены фигурные кирпичи, вероятно из аркатурного пояса на фасадах храма.

Находки 4 пласта

Большое количество стеклянных браслетов, в кв. 20 – биллоновый перстень, в развале щебня в северо-западном углу церкви был найден обломок поливного сосуда с 2-х сторонней бирюзовой поливой.

Слой на всей раскопанной территории нарушен при использовании материалов из развалин храма. Поэтому находки перемешаны во всех пластах, и встречаются рядом древние и поздние вещи.

Погребения в храме также были уничтожены, и при полном снятии культурного слоя не было найдено ни одного погребения. Найденные погребения у западной стенки храма относятся к кладбищу,

Рис. 25. Остатки третьей полуколонны северной стены. Деталь.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 26. Остатки третьей полуколонны северной стены. Вид сверху.
Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

появившемуся после разрушения храма, так как отдельные погребения перекрывают фундаменты западной стены.

После снятия планов фундаментов и вскрытия отдельных частей фундамента были взяты все образцы растворов, кирпичи фигурные и клейменные, и раскоп засыпан.

Основные выводы из раскопок храма следующие: церковь была окончательно разрушена в 1735 г. или около этого года (судя по монетам, найденным в щебне и в яме для выжига извести). Разрушения фундаментов произошли вследствие того, что белый камень из фундаментов брали для выжига извести и других целей. Вследствие этого почти не сохранилась кладка стен здания (кроме 2-х фрагментов). Однако весь план церкви удалось проследить по рвам и сохранившимся частям фундаментов церкви. Церковь была трехапсидная, шестистолпная. Наружные размеры 31,6×20 м. Между всеми столбами и лопатками стен идут ленточные фундаменты. Внутри здания

С. 35

Находились прямоугольные лопатки, а снаружи полуколонки, приставленные к прямоугольным пилястрам. Кладка стен из плитчатого (толщиной 3,5–4 см) кирпича на цемяночном растворе. Слои цемянки по толщине равен ряду кирпичей. Большая часть кирпичей имеет клейма в виде отдельных букв или значков, а на нескольких кирпичах оттиснуто имя мастера: «Яков тв...», вероятно, «творил». Надпись вырезана в форме прямо и оттиснулась на кирпиче как зеркальное отражение.

Фундаменты церкви сделаны в виде трапецевидных рвов (почти прямоугольных, лишь слегка сужающихся книзу) глубиной 1,3 м, заполненных мелким бутовым камнем и залитых известковым раствором. Верхняя часть фундаментов и цоколь сделаны из плит белого камня. Фундаменты значительно шире сохранившихся фрагментов стен. Лишь в алтарной части ширина фундаментов приблизительно равна толщине стен. Полы были выложены из специально сделанных плиток, часть плит покрыта зеленой глазурью.

Церковь не совсем правильно ориентирована по частям света – абсиды повернуты на юго-восток, а не на восток. Погребения внутри церкви уничтожены, очевидно, при сломке храма. С западной стороны сохранилось кладбище, часть погребений которого относится ко времени существования храма, часть же позднейшего времени и перекрывает фундаменты западной стены.

Найденное здание по своим размерам, по строительной технике, по пропорциям может быть датировано серединой XII века. Есть все

Рис. 27. Остатки третьей полуколонны северной стены. Вид сбоку.
Рисунок из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 28. Плинфа с надписью. Из отчета А.Л. Монгайта 1949 г.

Рис. 29. Клейма на плинфах. Из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

основания предполагать, что нами вскрыты остатки Успенского собора, упоминаемого в летописи под 1237 годом в связи с Батыевым нашествием

С. 36

на Старую Рязань. В «Повести о разорении Рязани Батыем» церковь названа соборной «пресвятые владычицы богородицы честного ея успения». Батыем церковь была разорена «а церковь все погореша, великая церковь внутрь погоре и почернеша» (Воинские повести Древней Руси. М.–Л., 1949. С. 9). Очевидно она не была окончательно уничтожена в 1237 г. и была восстановлены, как и другие здания Старой Рязани, после возвращения сюда местных князей, которые, как утверждает «Повесть», «и церкви постави, и монастыри согради, и пришлецы утеши, и люди собра». Окончательное разрушение Успенского собора относится к позднему времени и, вероятно, связано с общим упадком Старой Рязани, уступившей свое место столицы княжества Переяславлю Рязанскому в конце XIV века.

Старо-Рязанский Успенский собор относится к широко распространенному в XII веке типу шестистолпных трехнефных храмов, восходящему к Великой Лаврской Печерской церкви (1073–1083 гг.). Последняя, очевидно, служила образцом для многих храмов XII века, в том

Рис. 30. Плитка пола. Из отчета А. Л. Монгайта 1949 г.

числе для многих соборных Успенских храмов. Лишь к концу XII века обстройка галереями старых зданий или постройка новых огромных соборов возрождает идеи пышных храмов XI века.

Реконструкция плана Успенского собора сделана архитектором К. Н. Афанасьевым, подробно изучившим раскопочные данные и применившим разработанный им метод, основанный на изучении пропорций древнерусских зданий. Подкупольное звено плана представляет из себя квадрат со стороной, равной 6 м 16 см. Толщина стен и столбов храма определяется по сохранившимся и обнаруженным в раскопках фрагментам стен, при этом толщина стен оказывается

С. 37

Равной $1/5$ исходного размера (т. е. стороны подкупольного квадрата), как это было принято у большинства зданий XI–XII вв. Южный неф храма равен $1/2$ ширины большого, как продольного, так и поперечного нефов. Северный неф несколько шире южного, что связано с вероятным наличием в толще стены лестницы. На это же указывает утолщение в западной части северной стены. Полукруглые колонны по фаса-

дам храма определяются найденными в раскопках фрагментами. Однако форма углов храма, особенно по восточному фасаду, а также порталов, входа на лестницу, ведущую на хоры, полуколонки на абсидах нанесены на план по аналогии с другими храмами, но без достаточных данных, извлеченных из раскопок. Особенно странным представляется, что в раскопанных фундаментах не отражено наличие углов храма по восточному фасаду. Подобный случай известен в раскрытых раскопками Хвойки остатках ц. св. Апостолов в Белгородке, там так же стена скругляется, переходя в абсиды. Однако архитектурное решение здания с подобным планом трудно себе представить, поэтому мы реконструируем восточные углы стен, хотя фундаменты в этих местах скругляются и переходят в фундаменты абсид плавной кривой.

Общее соотношение размеров храма в интерьере следующее. Полная длина храма соотносится с его шириной как $3/5$. Длина храма без абсид соотносится с его шириной как $3/2$. Извне стороны храма соотносятся: его полная длина относится к его ширине как $3/2$, соотношение ширины и длины без абсид равно $3,4$.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Алексеев Л. В., 1957. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // СА. № 3. С. 224–244.
- Алексеев Л. В., 1966. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М.: Наука. 295 с.
- Асеев Ю. С., 1950. Архітектура Кирилівського заповідника // Архітектурні пам'ятники. Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР. К. С. 73–85.
- Афанасьев К. Н., 1961. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: Изд-во АН СССР. 269 с.
- Беляев Л. А., 2005. Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004) // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли. С. 105–153.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2016. 688 с.
- Вагнер Г. К., 1963. Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. Вып. 15. М.: Изд-во литературы по строительству. С. 19–27.
- Воинские повести Древней Руси. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1949. (Литературные памятники). 359 с., 11 л. ил.

- Воробьева Е. В., Тиц А. А., 1974. О датировке Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове // СА. № 2. С. 98–111.
- Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука.
- Ивакин Г. Ю., 1989. О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь. К.: Наукова думка. С. 168–180.
- Иоаннисян О. М., 2003. К вопросу о происхождении черниговской плинфы конца XI–XII веков и равнослойной техники кладки на Руси // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб.: Изд. ГЭ. С. 20–34.
- Иоаннисян О. М., 2007. О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // Ruthenica. Т. 6. Київ. С. 134–188.
- Иоаннисян О. М., 2012. Зодчество первой половины – середины XII века // История русского искусства. Т. 2/1. Искусство 20–60-х годов XII века. М.: Гос. ин-т искусствознания. С. 31–157.
- Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М.: ЯРК, 1998.
- Комеч А. И., 1975. Возникновение позакомарного завершения фасадов в храмах Киева второй половины XI – начала XII века // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. I. М.: Стройиздат. С. 9–21.
- Корзухина-Воронина Г. Ф., 1929. Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII веков // Сборник Бюро по делам аспирантов ГАИМК. Вып. I. Л. С. 69–82.
- Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. М.: ЯСК, 2001.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. ПСРЛ. Т. X. М.: ЯРК, 2000.
- Михайловский Е. В., 1972. О датировке Успенского собора в Старой Рязани // Архитектурное наследство. Вып. 19. М.: Изд-во литературы по строительству. С. 43–52.
- Монгайт А. Л., 1948. Отчет о раскопках в Старой Рязани / Архив ИА РАН. Р-I, № 232.
- Монгайт А. Л., 1949. Отчет о раскопках в Старой Рязани / Архив ИА РАН. Р-I, № 379.
- Монгайт А. Л., 1951. Раскопки в Старой Рязани // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 12–24.
- Монгайт А. Л., 1954. Архитектура Старой Рязани в свете последних археологических раскопок // Ильин М. Рязань. Историко-архитектурный очерк. Часть первая. XI – начало XX вв. М.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре. С. 7–38.
- Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: АН СССР. 255 с.

- Монгайт А.Л., Чернышев М.Б., 1972. Спасский собор в Старой Рязани // Новое в археологии. Сб. статей, посвященный 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. М.: МГУ. С. 210–216.
- Монгайт А.Л., Раппопорт П.А., Чернышев М.Б., 1974. Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л.: Наука. С. 163–168.
- Моргилевський І., 1928. Успенська церква Елецького монастиря в Чернігові // Чернігів і Північне Лівобережжя. К. С. 197–200.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л.: АН СССР, 1950.
- Остапенко М.А., 1950. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові // Архітектурні пам'ятники. К.: Видавництво Академії архітектури Української РСР. С. 64–72.
- Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. 616 с.
- Повесть о Евфросинии Полоцкой // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862. С. 172–179.
- Раппопорт П.А., 1977. Мстиславов храм во Владимире-Волынском // Зограф. № 7. Београд. С. 17–22.
- Раппопорт П.А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука. (САИ. Вып. Е1-47). 136 с.
- Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1980. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л.: Наука. С. 459–468.
- Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.–Л.: АН СССР. (МИА. № 11). С. 7–102.
- Рыбаков Б.О., 1950. Благовіщенська церква у Чернігові 1186 року за даними розкопок // Архітектурні пам'ятники. К: Видавництво Академії архітектури Української РСР. С. 55–63.
- Рыбаков Б.А., 1953. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М. С. 98–120.
- Торшин Е.Н., 2010. Церковь Спаса Евфросиньева монастыря в Полоцке: архитектурные связи // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков: материалы международного семинара, 17–21 ноября 2009 года. СПб.: ГЭ. (Тр. ГЭ. Вып. LIII). С. 457–469.
- Торшин Е.Н., Дук Д.В., Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Коц А.Л., 2016. Галерея Спасо-Преображенской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке (предва-

- рительные итоги архитектурно-археологических исследований) // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Полацк. С. 22–40.
- Холостенко Н. В., 1960. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М.: АН СССР. С. 5–19.
- Холостенко Н. В., 1961. Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 3. М.: АН СССР. С. 51–67.
- Холостенко Н. В., 1963. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство. Вып. 15. М.: Гос. изд. литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам. С. 3–17.
- Холостенко Н. В., 1967. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. № 2. С. 188–210.
- Штендер Г. М., 1982. Новые материалы исследований церкви Спаса Преображения Евфросиниевского монастыря в Полоцке // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II. М. С. 216–218.
- Юрченко П. Г., Асеев Ю. С., 1950. Канівський собор // Архітектурні пам'ятники. Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР. С. 86–89.

И. А. Стерлигова
Государственный институт искусствознания, Москва

Ковчег-мощевик с образами Флора и Лавра из Музеев Московского Кремля: опыт атрибуции

Резюме. В статье анализируются стилистические и художественные особенности иконки-мощевика с резным черневым изображением святых Флора и Лавра, предстоящих Христу Эммануилу, в контексте древнерусского искусства первой трети XIII столетия.

Некоторые детали облика и иконографии ковчега отражают своеобразную картину художественной жизни Северо-Восточной Руси первой трети XIII в., искусство княжеского двора, что отразилось в трансформации византийских канонов под воздействием вкусов древнерусской знати предмонгольской эпохи и традиций русских и западноевропейских мастеров. Созданная в Владимиро-Суздальской Руси икона-мощевик могла попасть в Москву как родовая святыня великих князей Владимировичей.

I. A. Sterligova

The Reliquary with Saints Florus and Laurus's Images from the Moscow Kremlin Museums: an Attribution Experience

Abstract. The article analyzes the stylistic and artistic features of the icon-reliquary with a niello depiction of Saints Florus and Laurus, standing in front of Christ Emmanuel, in the context of ancient Russian art of the first third of the 13th century. Some details of the appearance and iconography of the reliquary reflect the peculiar picture of North Eastern Russia's artistic life in the first third of the 13th century, the art of the princely court, that was reflected in the transformation of Byzantine canons under the influence of the Old Russian nobility's tastes in the pre-Mongol era and the traditions of Russian and Western European craftsmen. Created in Vladimir-Suzdal Russia, the icon-reliquary could get to Moscow as an ancestral shrine of the Grand Princes of Vladimir.

Отражение глубинных общекультурных процессов в произведениях декоративно-прикладного искусства всегда интересовало А. В. Чернецова. Надеемся, что юбиляру будет небезынтесная эта заметка о небольшом мощевике, в котором не меньше, чем в живописи и архитектуре проявились особенности древнерусского искусства первой трети XIII столетия.

Серебряный золоченый мощевик в виде дщицы с резным черневым изображением святых Флора и Лавра, предстоящих Христу Эммануилу, орнаментами на боковых сторонах, выдвижной крышкой для доступа к святыням на обороте и бусинным оглавием (рис. 1)

Рис. 1. Ковчег-мощевик.
Северо-Восточная Русь, первая
треть XIII в. Государственный
историко-культурный музей-
заповедник «Московский Кремль»

поступил в Музеи Московского Кремля (инв. № МР-3327) в 1919 г. из ризницы Благовещенского собора, домового храма великих князей и царей. В течение столетий этот небольшой ковчежец (размер 10,2×6,2×1,2 см) служил наперсной иконой, о чем свидетельствует потертость не только шнурового отверстия оглавия, но и всей его поверхности, приведшая к утрате золочения и деталей в центральной части композиции (почти всех зрачков и простертых к Христу рук святых), а также более поздняя яркая позолота крышки на оборотной стороне, вероятно, обветшавшей и замененной.

Исследователи обращались к ковчежецу или в связи с его вложениями или, напротив, как к серебряной иконе, тогда как эти две его ипостаси неразрывно связаны.

Впервые он был упомянут еще Г.Д. Филимоновым, ошибочно приписавшим его оборотной и боковым сторонам изображения и надписи другого древнего ковчежца, а к вложениям – иконку перегородчатой эмали с изображением Христа в сканной оправе (Филимонов, 1875. С. 47–48). Эту ошибку в условиях труднодоступности предмета, хранившегося тогда в фондах музея, повторила Т.В. Николаева. Новгородскими она сочла и оправу эмалевой иконки, якобы ранее находившейся внутри ковчега, и сам ковчег. Вслед за Б.А. Рыбаковым (1971. Рис. 100. С. 78) Т.В. Николаева датировала его XII в., т.к. «по композиции, проникновенному настрою изображенных» он напоминает оборот новгородской иконы XII в. «Знамение» с образами предстоящих Христу святых, а культ Флора и Лавра был широко распространен именно в Новгороде (Николаева, 1976. С. 52). Г.Н. Бочаров также считал мощевик новгородским, но на основании стиля его изображений, в котором он видел «лишь далекие отзвуки комниновских импульсов, почти исчезнувших под влиянием живого народного творчества», упрощение вкусов

и технологических приемов отнес его уже к XIII в. и для подкрепления датировки сравнил с миниатюрой второй половины XIII в. в Уваровской кормчей, на которой изображены два святителя, венчаемые Христом (Бочаров, 1984. С. 296–299). В кратком описании выставочного каталога на основании сходства моделировки фигур святых, иконографии и орнаментальной структуры композиции с рельефами собора в Юрьеве-Польском ковчег был отнесен нами к Владимиро-Суздальской Руси и датирован первой третью XIII в. (Христианские реликвии, 2000. Кат. 29. С. 121–122). И наконец, недавно в комментариях к Описи 1721 г. кремлевского Благовещенского собора он был воспроизведен с атрибуцией «Новгород (?), XIII–XIV вв.», взятой из инвентаря музея (Опись... 2018. С. 223. Автором этого комментария ошибочно названа И. А. Стерлигова). Таким образом, ковчег не раз привлекал внимание ученых, но еще не был темой специального исследования.

Под трехлопастной аркой, опирающейся на витые колонки с листовидными капителями и трехступенчатыми базами, в полуобороте, с поднятыми в молении руками представлены святые Флор и Лавр. В центральной части арки – погрудный образ благословляющего Христа Эммануила. Изображения святых под киворием, предстоящих в пол оборота коронуящему их Эммануилу получают распространение в византийских миниатюрных иконках комниновского периода как образ заступничества и божественной помощи, сокрытой уже в самом имени Эммануила («с нами Бог»). Наиболее близка по композиции к кремлевской иконе-мошевику стеатитовая икона из Музея Клюни в Париже (инв. № Cl. 21602), датируемая XII–XIII вв. (Caillet, 1985. Р. 155, no. 70). Эммануил и два святых воина (судя по аналогиям – Федор Тирон и Федор Стратилат) с отдельно стоящими щитами и копьями представлены под богато орнаментированной трехлопастной аркой, поддерживаемой перевитыми двуствольными опорами (рис. 2).

Рис. 2. Федор Тирон и Федор Стратилат, предстоящие Христу Эммануилу. Стеатитовая икона XII–XIII вв. Париж, Государственный музей Средневековья – термы и особняк Клюни

Однако стиль изображения, форма арки и традиционный для позднекомниновских стеатитов орнаментальный репертуар парижской иконы существенно отличаются от композиции на ковчеге. Здесь форма обрамляющей арки, ритмически повторяющая очертания нимбов Эммануила и святых, не полагая, а как бы составленная из трех полукружий, образующих в местах соединения острые углы.

Между фигурами святых, в обрамлениях, напоминающих развернутые свитки, – черневые именуемые надписи, которые являются декоративным элементом композиции и, по замечанию Г.Н. Бочарова, «заполняя свободное пространство, служат своего рода пьедесталом для фигуры Спаса» (Бочаров, 1984. С. 296). По сторонам Христа традиционные буквы IC XC, ниже – несущее сакральный смысл слово АГИ-ОС [греч. ἅγιος – святой], переданное дважды в виде иероглифических знаков: симметрично расположенных А в кругах и двух зеркальных С, еще ниже – колончатые надписи ФЛОРЪ, ЛАВОР, завершенные диагональными отчерками, восходящим к греческим конечным сигмам.

Почитание Флора и Лавра было широко распространено в Византии и на Руси. Хотя они не относятся Церковью к лику святых врачей, в домонгольской Руси им поклонялись именно как целителям¹, они изображались вместе со святыми бессеребряниками в облике как средовеков, так и юношей, в патрицианских одеждах, без головных уборов. На мощевике святые представлены в патрицианских одеждах с широкой каймой внизу, почти полностью скрывающих фигуру, коротких сапожках, недлинных плащах, спадающих с обеих сторон и скрепленных у ворота, у них нет атрибутов целителей, но сама функция предмета подчеркивала именно этот аспект их культа.

Некоторые детали облика братьев-мучеников, как и форма осеняющей их арки, являются особенностью иконографии ковчеге. Флор здесь – средовеков с короткой округлой бородой, контуры его волос напоминают невысокую княжескую шапочку с отворотом. Лавр – круглолицый юноша с нежными чертами лица, его волосы напоминают низкую скуфейку или мафорий святых жен, у обоих мучеников на затылке – по три локона необычной перьевидной формы (рис. 3). Нимбы святых обширные, в три четверти круга, их двойные контуры

¹ В росписях 1125 г. собора Рождества Богоматери Антониева монастыря. Флор и Лавр представлены с атрибутами целителей, на иконе «Святой Никола Новодевичий» рубежа XII–XIII вв. – с крестами мучеников в десницах (Лифшиц, Сарабянов, Царевская, 2004. С. 677–683. Там же приведены сведения о почитании этих святых в Византии и домонгольской Руси).

Рис. 3. Ковчег-мошевик. Лики святых. Детали

повторяет нижний контур трехлопастной арки, также обозначенный двойной линией. Между фигурами размещен большой трехлепестковый крин (в искусстве домонгольской Руси образ Древа жизни), в верхних углах композиции – пальметта и крин, в окружении стеблей, образующих неправильные овалы. Кажется, что образцом для резчика послужило изображение других братьев – святых Бориса и Глеба, княжеских предков, также почитавшихся в домонгольский период в качестве целителей. Характерно, что в описях Благовещенского собора, начиная с самой ранней сохранившейся Описи 1680 г., имеющей отсылки к Описи 1634 г., изображения на иконе-мошевике, именуемой в описях «панагией», несмотря на надписи, отождествлялись именно со святыми Борисом и Глебом (Переписная книга... 1873. С. 24; Опись... 2018. С. 81).

Изображения намечены точечной линией и проработаны графьей разной толщины, заполненной чернью. Пропорции фигур верные, рисунок мастерский, изысканно суммарный. Фон разделан чеканными дорожками, повторяющим контуры фигур и декоративных форм, по краю лицевой и оборотной сторон ковчежца напаяна толстая зерненная проволока. Боковые стороны мошевика украшены черневым орнаментом выющегося стебля с цветами и листьями; на всех сторонах орнамент дан

Рис. 4. Орнаменты боковых сторон ковчега

в разных вариантах, на нижней – в виде сердцевидных клейм с трехлепестковыми цветками внутри (рис. 4). Обилие растительных мотивов в декоре ковчежца, выполненных густой чернью и ярко читавшихся на золотом фоне, должно было подчеркнуть живительную силу его вложений и дополнить образ Рая с Древом жизни, благославляемым Христом.

Внутри мощевика семь вместилищ для святынь: центральное – в виде большого креста с двумя перекрестиями, шесть внешних по отношению к кресту – квадратные. Кроме верхнего левого, все они заполнены окаменевшей воскомастикой. Судя по внутреннему устройству, вложениями ковчега являлись часть Истинного древа Христова и другие святыни Страстей. Такие высокие дары, привозившиеся, как правило, от византийских императоров, разделялись на более мелкие частицы, которые вкладывались в воздвизальные храмовые кресты и в наперсные ковчеги, подтверждающей право на власть и защищающие саму жизнь их владельцев. Некоторые сведения о таких привозах встречаются в летописании и агиографии. Например, в 1158–1160 гг., согласно тексту жития Евфросинии Полоцкой, император Мануил прислал ей частицы Животворящего древа и Крови Христовой, камни от Гроба Господня и Гроба Пресвятой Богородицы, а также частицы мощей святых Стефана, Димитрия и Пантелеймона (Повесть... 1862. С. 177). В 1218 г. архиепископ Полоцкий Николай принес

из Царьграда во Владимир великому князю Константину «некую часть от страстей от Господних, яже нас ради Владыка Исус Христос от Июдеи претерпевъ пострада» и другие святыни (Лаврентьевская летопись, 1962. Стб. 441–442), малую толику которых несомненно уделили и для наперсной иконы князя. Среди вложений ковчега могли быть и частицы мощей мучеников Флора и Лавра, мощи которых по преданию хранились в Константинополе уже при Константине Великом, однако образы целителей нередко сопровождали Истинный крест на окладах византийских ставротек.

Изображения иконы-мошевика, охарактеризованные Г. Н. Бочаровым как упрощенные, напротив, следует отнести к высокопрофессиональному искусству, они отличаются уверенным рисунком, точными пропорциями, грамотно выполненными сложными декоративными элементами. Ни о каком «живом народном творчестве» говорить не приходится, это изысканное произведение, утратившее часть выразительности из-за сохранности. Плоскостное изображение Эммануила и святых создается достаточно широкими, заполненными чернью линиями. Первоначально эти линии, моделирующие форму, эффектно контрастировал с яркой позолотой и живо напоминали широкие ассисты одеяний на иконе первой трети XIII в. «Богоматерь Великая Панагия (Ярославская Оранта)» (ГТГ) и приемы моделировки композиций дверей собора Рождества Богородицы в Суздале той же эпохи, выполненных в технике золотой наводки. Как и в этих произведениях, мастер ковчежца добивался живописного, а не пластического эффекта. Декоративная насыщенность композиции также может служить твердым указанием на художественные вкусы первой трети XIII в.

Крупные симметричные пальметты и крины в верхней части композиции мошевика и орнаменты его боковых сторон находят аналогии в декоре Золотых дверей Рождественского собора в Суздале, в орнаментальных росписях этого собора и белокаменной резьбе храмов 1230-х годов (рис. 5; 6). Изображения Христа Эммануила, благословляющего обеими руками, были достаточно широко распространены в мелкой пластике и живописи первой трети XIII в. (Николаева, 1983. № 4, 335). Большой украшенные нимб Эммануила также находит аналогии в произведениях этого времени, например, на иконе Спаса «Златые Власы» (Успенский собор Московского Кремля), связываемой с влиянием романского искусства или даже с работой в Северо-Восточной Руси западноевропейского мастера, знакомого с памятниками византийской иконографии (Евсеева, Наумова, 2014).

Рис. 5. Орнаментальная роспись
Рождественского собора в Суздале.
1225–1233 гг.

Рис. 6. Резной декор Георгиевского
собора в Юрьеве-Польском. 1234 г.

Датировка иконы-мощевика находит подтверждение и в особенностях ее арочного обрамления с «достоверно» переданными ступенчатыми базами колонок и их капителями, украшенных большими профильными листьями. Подобный тип капителей близок к капителям владимиро-суздальского белокаменного зодчества и их романским прототипам.

Аналогичные изображения витых колонок, как и отдельные орнаментальные мотивы мощевика, находят точные аналогии в западноевропейских ковчегах для святынь, декорированных в технике выемчатой эмали и «коричневого лака» (золотой наводки). Ближине мощевнику мотивы и технологические приемы есть и в серебряных черневых медальонах, связываемых исследователями с Северо-Восточной Русью, где была распространена техника черни (Макарова, 1986. С. 120–121).

Двойной нижний контур арки мощевика как бы передает двухступчатость реальных арочек аркатурно-колончатых поясов владимиро-суздальских и ростовских белокаменных храмов. Хотя трехлопастные обрамления можно найти в рукописях первой трети XIII в., например, в изображении Иоанна Златоуста на л. 10об. Хутынского служебника – галицко-волинской рукописи раннего XIII в. (Попова, 1972. С. 314–315), единственная известная нам точная аналогия такой арке связана с архитектурным декором:

фрагментами декора абсид второго каменного Успенского собора в Ростове 1213–1231 гг., добытых при археологических исследованиях собора и хранящихся в ростовском музее (Седов, 2019. Рис. 8) (рис. 7). Западные европейские прототипы таких округлых трехлопастных арок (рис. 8) были исследованы Вл. В. Седовым, наиболее близкие к трехлопастной арке и капителям мощевика формы есть в позднероманском зодчестве Германии первых десятилетий XIII в. (Седов, 2019. С. 423–425. Рис. 12).

Рис. 7. Фрагмент декора абсид второго каменного Успенского собора в Ростове. 1213–1231 гг. Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»

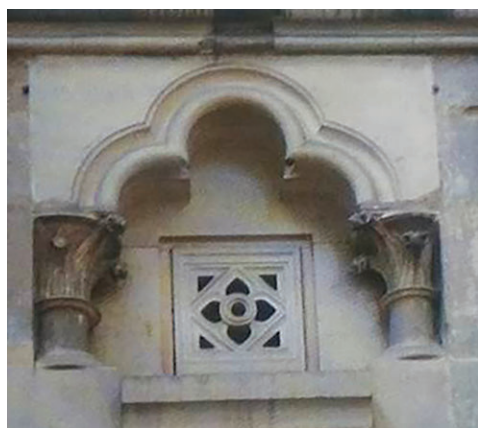

Рис. 8. Арочка под трифорием в алтарной части собора в Магдебурге. 1209–1230-е годы. Фото Вл. В. Седова

Таким образом, художественные особенности ковчега отражают своеобразную картину художественной жизни Северо-Восточной Руси первой трети XIII в., искусство княжеского двора, где рядом работали русские и западноевропейские мастера и где хорошо знали привезенные из Европы произведения церковной утвари (Rodina, Durand, 2010).

Таким образом, в облике небольшого, но высоко значимого для его владельцев мощевика нашли отражения черты древнерусской художественной культуры определенной эпохи и определенного центра. Мы видим в нем трансформацию византийских канонов под воздействием вкусов древнерусской знати предмонгольской эпохи. Созданная в Владимиро-Суздальской Руси икона-мощевик могла попасть в Москву как родовая святыня великих князей Владимирских.

Литература

- Бочаров Г. Н., 1984. Художественный металл Древней Руси: X – начало XIII вв. М., Наука. 317 с.
- Евсеева Л. М., Наумова М. М., 2014. «Спас Златые Власы» около 1200 г. К вопросу о художнике иконы // Художник в Византии и Древней Руси. Проблема авторства: Сб. статей (Труды ЦМиАР. Т. X). М. С. 147–156.
- Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.
- Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю., 2004. Монументальная живопись Великого Новгорода. Конец XI – первая четверть XII века. СПб.: Дмитрий Буланин. (Центры художественной культуры средневековой Руси). 888 с.: ил.
- Макарова Т. И., 1986. Черное дело Древней Руси / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. 186 с.
- Николаева Т. В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня: XI–XV вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1–60). 164 с., 68 табл.
- Опись церковной казны Благовещенского собора Московского Кремля 1721 года // Сост. С. Г. Зюзева, С. П. Орленко. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2018. 316 с.
- Переписная книга Московского Благовещенского собора, XVII века, по спискам Архива Оружейной Палаты и Донского монастыря. М., 1873. 49 с.
- Повесть о Евфросинии Полоцкой // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862. С. 172–179.
- Попова О. С., 1972. Галицко-волынские миниатюры раннего XIII в. (К вопросу о взаимоотношениях русского и византийского искусства) // ДРИ: Художественная культура Домонгольской Руси. М.: Наука. С. 283–315.

- Рыбаков Б. А., 1971. Декоративно-прикладное искусство Руси X–XIII веков. Л.: Аврора. 118 с.
- Седов Вл. В., 2019. Аркатурно-колончатые пояса Успенского собора в Ростове начала XIII века и проблема новой волны романского влияния // Звучат лишь Письмена. К юбилею Альбины Александровны Медынцевой. М.: ИА РАН. С. 409–430.
- Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Радуница, 2000. 305 с.
- Caillet Jean-Pierre, 1985. L'antiquité classique, le haut moyen âge et Byzance au Musée de Cluny. Sculpture et décoration monumentales. Petite sculpture. Orfèvrerie et métallurgie: objets d'usage personnel et profane. Orfèvrerie et métallurgie: objets à destination votive ou liturgique. Paris: Réunion des musées nationaux. 272 p.
- Rodina M. E., Durand J., 2010. Vladimir et Souzdal: la tentation Romane // Sainte Russie: L'art Russe des origines à Pierre le Grand / J. Durand, I. Rapti, R. Clavien, D. Giovannoni. Paris: Somogy. P. 180–185.

В. Н. Чхаидзе
Институт археологии РАН, Москва

Центр Древнерусского Поросья – город Торческ¹

Резюме. Статья посвящена городу Торческу (городище Шарки) – одному из крупных городских центров Поросья и ключевому пункту в системе Поросской оборонительной линии, созданной киевскими князьями для защиты своих южных рубежей. В состав жителей города входили как выходцы из русских земель, так и кочевники-торки, входившие в кочевническое объединение черных клобуков Поросья. Представлена история археологического изучения памятника в 1901, 1966 и 1990–1994 годах. Рассмотрена политическая и социальная роль Торчека, который, построенный изначально как небольшая пограничная крепость, постепенно превратился в многонациональный городской центр, ставший крупнейшим в Поросье.

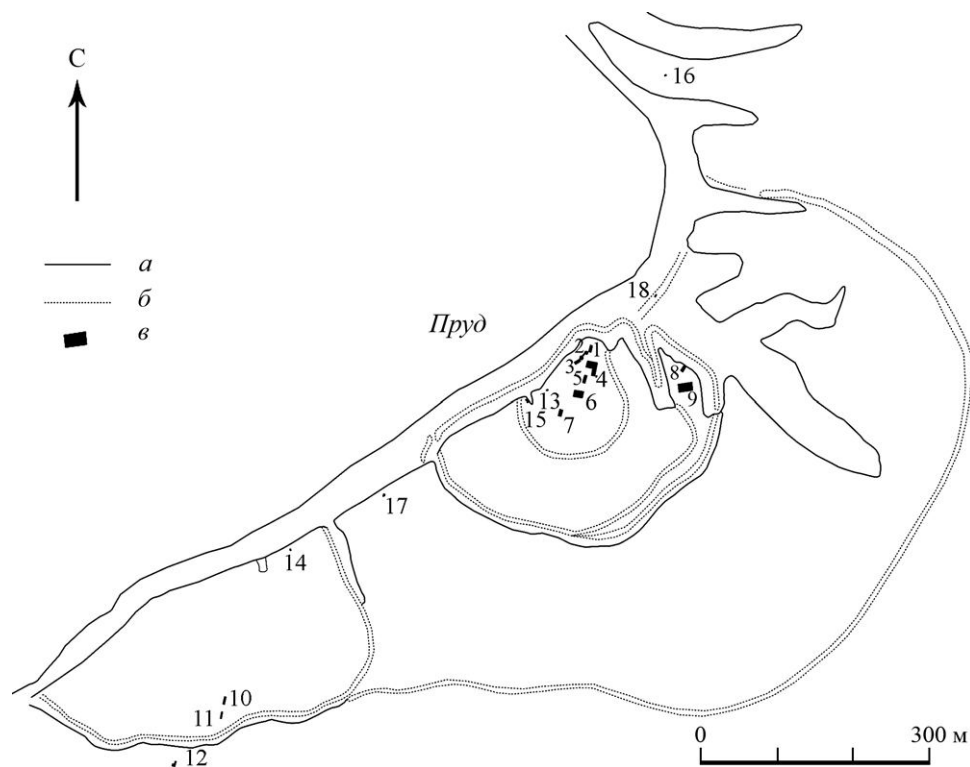
V.N. Chkhaidze. The Center of the Old Rus Porosye – the City of Torchesk

Abstract. The work is devoted to the city of Torchesk (Sharki settlement) – one of the urban centers in Porosye. Torchesk was part of the defensive line created by the Principality of Kiev to protect its southern borders. The city was inhabited by a Russian population, as well as the nomadic tribes of the torcs, who were part of the Union of the Black Hats. The description of archaeological researches on the monument in 1901, 1966 and 1990–1994 is presented. The political and social role of Torchek is considered. It is stated that having arisen to perform the functions of a border fortress and acting as a defensive point, Torchesk gradually grew into a multi-ethnic urban center, which became the largest in the Porosye region.

Территория Поросья, ограниченная с севера р. Стугной, а с юга р. Рось, была заселена еще восточными славянами, но с усилением нажима печенегов во второй половине X в. эта область опустела. Жизнь здесь возобновилась лишь к середине XI в., когда в целях защиты от кочевников стала возводиться линия оборонительных сооружений, одним из которых стал Торческ (Торць, Торцьскъ). Он располагался в южной части Перепетова поля, где кочевали «свои поганые» – торческие племена, к середине XII в. вошедшие в союз черных клобуков – конфедератов Киевского княжества (см.: Кучкин, Плетнева, 2014).

---

¹ Тезисно результаты этого исследования опубликованы: Чхаидзе, 2019.

Рис. 1. Расположение раскопов на городище Шарки (летописный Торческ)

а – обрывы; *б* – валы; *в* – раскопы; 1 – раскоп Б-10 (1966); 2 – раскоп В-9 (1966); 3 – раскоп Г-8 (1966); 4 – раскоп Г-10/11, Д-11 (1966); 5 – раскоп Е-10 (1966); 6 – раскоп З-9/10 (1966); 7 – раскоп Л-5 (1966); 8 – разрез вала Замок 1 (1966); 9 – раскоп Замок 2 (1955); 10 – Западное городище, траншея 1 (1966); 11 – Западное городище, траншея 2 (1966); 12 – траншея 2 (1966); 13 – шурф 1 (1990); 14 – шурф 2 (1990); 15 – траншея 1 (1990); 16 – шурф 1 (1991); 17 – траншея 1 (1991); 18 – траншея 2 (1991)

Как уже существующий пункт Торческ впервые упомянут в «Починении Владимира Мономаха», в рассказе о событиях 1086–1087 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 249). Под 1096 г. Торческ упоминается в связи с приходом под его стены половцев (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218). С 1161 г. в городе был учрежден княжеский стол, который киевские князья давали в кормление. В 1232 г. со всем Поросьем Торческ вошел в состав Галицкого княжества. Во время монгольского нашествия союз черных клобуков был уничтожен, Торческ разрушен и больше не восстанавливался (Толочко, 1975. С. 47–49; Кучера, 1976. С. 191–193; Михайлова, 2010. С. 139–144; Иванченко, Моця, 2017. С. 176–178).

**Рис. 2. Городище Шарки. Береговой обрыв.
Вид с юго-запада (фото автора)**

Торческ локализован на месте городища Шарки (Шаргород), расположенного в 38 км к юго-востоку от г. Белая Церковь (летописный Юрьев), между селами Шарки и Олышпаница, на высоком правом берегу р. Гороховатка (приток р. Рось). Городище (рис. 1) занимает более 93 га и состоит из двух полукруглых в плане укреплений, расположенных на небольшом отдалении друг от друга, соединенных с напольной стороны сплошным валом длиной 1400 м. Северо-восточное укрепление (рис. 2) неправильно-округлой формы (280×180 м), окружено валами, внутри находится детинец с четырьмя выступами башенного типа у въезда. Юго-западное укрепление также защищено рвами и валами. Между укреплениями расположен широкий пандус въезда (рис. 3). Памятник однослойный, укрепленный эскарпами и двурядно-концентрической структурой планировки, что считается характерным признаком замков-убежищ черных клобуков (Моргунов, 2006. С. 163–164; 2009. С. 176–178; 2012. С. 201–202). Вероятно, город возник на месте древнего скифского городища.

**Рис. 3. Городище Шарки. Пандус въезда между двумя укреплениями.
Вид с запада (фото автора)**

В настоящее время памятник нуждается в охране – вся центральная (в том числе детинец) и северо-восточная части подвергаются распахке, западное укрепление занято частично выкорчеванным садом. По территории памятника проходит ЛЭП. Помимо этого, городище постоянно подвергается грабительским раскопкам (Борисов, 2007. С. 111; 2015).

Раскопки городища производились sporadicheski в 1901 (Хвойко, 1905. С. 99–101), 1966 (Рыбаков, 1966. Л. 1–11; 1967) и 1990–1994 гг. (Покас, Иванченко, Стародуб, 1990. Л. 14–17; Иванченко, Стародуб, 1991. Л. 2–5; Иванченко, 1993б. С. 57; Душин, 1995. С. 82–83). Основные работы экспедиции ИА АН СССР в 1966 г. были сосредоточены на территории детинца, где было заложено 8 раскопов (разбивались по буквенно-цифровой сетке), а также на территории западного укрепления и за его пределами. Работы экспедиции ИА НАНУ 1990–1991 гг. ограничились шурфовкой и небольшими траншеями (рис. 1). Открытый раскопками культурный слой относится ко второй половине XI – первой трети XIII в. (Куза, 1989. С. 75).

Помимо этого, на памятнике производились разведочные и мониторинговые работы в 1972, 1980 (Кучера, 1972. Л. 41–46; 1980. Л. 39) и 2007, 2009, 2014 гг. (Борисов, 2007. С. 111; 2010а. С. 76–77; 2010б; 2015).

Результаты археологических исследований на памятнике можно представить следующим образом. Внутри кольцевого вала детинца открыты остатки четырех жилищ с квадратными печами и округлыми очагами. Жилища размерами 4,5–3,0×3,0 м, ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Также возле въезда на городище, между двух укреплений, раскопаны 12 разрушенных землянок, обмазанных глиной – в каждой находилась печь или очаг и различные предметы домашнего обихода. Подобные землянки открыты в южной части городища, за валом. Рядом располагались ямы для хранения зерна. Там же обнаружены остатки мастерских и кузниц, сопровождаемые шлаком и тиглями для плавки металла. При разрезах валов на детинце раскрыта глинобитная печь.

Материал из раскопок представлен тарной, столовой и кухонной керамикой, византийской поливной посудой, замками и ключами, крестиками, пряжками, стеклянными браслетами, кресалами, ножами, стрелами, гвоздями и пр. Отмечено большое количество костей животных.

Помимо этого в центре детинца обнаружено христианское кладбище XI–XIII вв., на котором открыто 17 могил, ряд из них перекрывали друг друга. Одно детское погребение совершено в колоде. Все погребенные уложены на спине, головой на запад. Инвентарь представлен бусами, височными кольцами, пуговками, ножами. Исследовавший кладбище Б. А. Рыбаков посчитал погребенных полянами и на основании обнаруженных поблизости майоликовых плиток (украшавших полы) и части бронзового хороса, высказал предположение о располагавшейся рядом деревянной (?) церкви.

В северной прибрежной части городища открыт еще один могильник, в котором погребения располагались в два-три ряда друг над другом. Погребальный обряд представлен ингумациями (погребенные уложены головой на запад) и кремациями (кости лежат посреди кострищ, погребенные также уложены головой на запад). Инвентарь: украшения, бусы, ножи, остатки парчовых поясов.

За валом, вдоль его юго-западной части, в XIX в. были раскопаны погребения под небольшой насыпью (кочевнические).

Таким образом, уже по представленным материалам Торческ может рассматриваться в качестве крупного городского центра Поросья, наряду с Каневым и Юрьевым. Последний ряд исследователей рассматривают как столицу славянского Поросья (Моця, 1994. С. 38–39;

Иванченко, Моця, 2008. С. 49; дискуссию о главенстве городов см.: Михайлова, 2010. С. 148–149). Можно полагать, что функции, административного, политического, культурного центра Торческ выполнял после 1161 г., т.к. здесь находилась резиденция князей (см.: Иванченко, 1993а. С. 106–107). На памятнике известны находки древнерусских печатей XI–XIII вв., в том числе торческих князей (Булгакова, 2003). У Торческа существовала своя округа – близ города находились сельские поселения с большим количеством жителей (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429; Т. 2. Стб. 605).

Однако важнейшей функцией Торческа являлось нахождение его в системе Поросской оборонительной линии XI–XIII вв. протяженностью до 200 км, в которую входили еще 27 городищ-укреплений, содержащих «степные» защитные элементы (Кучера, Иванченко, 1987. С. 68–78; Готун, 1994. С. 35–37; Иванченко, 2005. С. 193–197; 2008. С. 147–148; Квитницкий, 2007. С. 21–34; Иванченко, Моця, 2008. С. 50; Моргунов, 2010. С. 70. Рис. 7; 2011. С. 204; 2012. С. 202, 204. Рис. 2). Подобные городища (Улиняки, Пилява, Тростянец, Чеплиевка и др.), гораздо меньшие по размерам, очень схожи с Торческом наличием двух укрепленных площадок, многорядностью оборонительных линий, многоярусностью эскарпирования склонов (Моргунов, 2009. С. 181–184; ср.: Улибин, 1994. С. 29–50; Кучера, Иванченко, 1998. С. 100–103).

Немаловажную функцию Торческ выполнял в качестве центра кочевнического объединения черных клобуков Поросья (торков и берендеев), основная масса которых продолжала вести кочевой образ жизни, а в случае опасности скрывала в крепостях свои семьи и имущество. Так, обширная внутренняя часть Торческа, обнесенная валом, могла использоваться как загон, куда, в случае опасности кочевники могли быстро загнать стада и табуны лошадей (Рыбаков, 1967. С. 243). Помимо Поросья торки, выполнявшие те же охранные функции, проживали на восточной границе Переяславщины (турпей и каепичи на левобережье Трубежа) и южных приделах Черниговщины (ковуи в верховьях Сулы) (Коваленко, Ситий, 2004. С. 123–135; Квитницкий, 2004. С. 38–47; Колибенко, Колибенко, 2006. С. 111–115; Моргунов, 2012. С. 203–204; 2016. С. 308–318; 2019. С. 224–225. Рис. 88–89).

Согласно мнению Б. А. Рыбакова, детинец Торческа являлся «русским кварталом этого берендейского города» (Рыбаков, 1966. Л. 2; 1967. С. 244). Однако, часто встречающееся в историографии мнение о топографическом делении городов по этническому составу населения, в которых каждый этнос мог занимать свой квартал, применительно к Тор-

чески археологически не подтверждается, тем более что городище исследовано незначительно.

Изначально, основной массой населения Поросья являлись выходцы из различных славянских земель, захоронения которых совершены по христианскому обряду (Моця, 1994). Могильники этнически пестрых кочевников, расселившихся на этих же территориях со второй половины XI в., являются всадническими (трупоположение на спине, головой на запад, в сопровождении чучела лошади), однако свидетельствуют о постепенном оседании кочевников на землю и поглощении их местной этнической средой (см.: Плетнева, 1973. С. 20–28; Орлов, Моця, Покас, 1985. С. 48–55; Моця, 1987. С. 122–123; Стародуб, 1994. С. 45–46; Моця, Покас, 1998. С. 62–71; Покас, 1991. С. 73; Толочко, 1999. С. 96–102; Квитницкий, Лысенко С.Д., Лысенко С.С., 2004. С. 151; Лысенко, Квитницкий, 2010. С. 61). На примере Торческа можно указать, что кочевники хоронили покойников-язычников около городища, в то время как те из них, кто принял христианство, могли быть погребены вместе со славянским населением (Моця, 1987. С. 123).

Можно констатировать, что в Торческе, так же как и во всем Поросье в XII–XIII вв. население являлось полиэтническим. Это подтверждают и антропологические материалы (Моця, 1979; Орлов, Моця, Покас, 1985. С. 56–60; Рудич, 2011. С. 24–30). Совместное проживание на одной территории, наличие фактора внешней опасности в лице половцев, участие во внешнеполитической борьбе, способствовало оседанию кочевников и усвоению ими культуры древнерусского государства, чему содействовало и распространение христианства (в Юрьеве уже к 1072 г. находилась резиденция епископа) (Блажевич, 1980; Толочко, 1999. С. 95–96). Однако постоянное воздействие кочевой Степи, а затем монголо-татарское нашествие не позволили полностью ассимилироваться различным этническим группам – насельникам Торческа.

Таким образом, за свою недолговечную историю Торческ, возведенный как крепость в созданной Киевом системе аналогичных укреплений на границе со Степью, постепенно перерос в полиэтнический городской центр, ставший крупнейшим в Поросском регионе.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Блажевич Н. В., 1980. К вопросу о тюркском населении Поросского пограничья // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 годах. Днепропетровск. С. 166.
- Борисов А. В., 2007. Городище поблизу села Шарки: історія дослідження та сучасний стан // Місце і значення Поросся в історії України (IX–XVII ст.): Матеріали науково-практичної конференції. Корсунь-Шевченківський. С. 110–112.
- Борисов А. В., 2010а. Давньоруське Поросся: перші результати, нові підходи і перспективи дослідження // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ. С. 73–78.
- Борисов А. В., 2010б. Розвідки в Пороссі у 2009 р. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ; Луцьк. С. 40.
- Борисов А. В., 2015. Дослідження у Пороському регіоні // Археологічні дослідження в Україні 2014. Київ. С. 77–78.
- Булгакова В. И., 2003. Древнерусские печати XI–XIII вв. из Торческa // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. С. 155–156.
- Готун І. А., 1994. Масова забудова на давньоруських пам'ятках Поросся (до історії археологічного вивчення) // Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури. Матеріали науково-практичної конференції. Біла Церква. С. 33–37.
- Душин А. В., 1995. Нові дослідження літописного Торчеська // Древние культуры и цивилизации Восточной Европы. Одесса. С. 81–83.
- Іванченко Л. І., 1993а. Пороські князі // Старожитності Південної Русі. Чернігів. С. 105–108.
- Іванченко Л. І., 1993б. Торчеськ у світлі нових досліджень // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Чернігів. С. 56–57.
- Іванченко Л. І., 2005. Пороська оборонна лінія Південної Русі // Нариси з воєнної історії Давньої України. Київ. С. 193–198.
- Іванченко Л. І., 2008. Посульська та Пороська оборонні лінії Південної Русі: порівняльний аналіз // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень. С. 146–148.
- Іванченко Л. І., Моця О., 2017. Ранні міські центри у зоні Степового кордону Європи // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ. С. 170–182.
- Іванченко Л. І., Моця О. П., 2008. Посулля і Поросся – «Руський парадокс» // Наукові записки з Української історії. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 48–52.

- Иванченко Л. И., Стародуб А. В., 1991. Отчет об охранных исследованиях на территории Среднего Поросья в 1991 г. / Научный архив ИА НАНУ. № 1991/148.
- Квитницький М. В., Лысенко С. Д., Лысенко С. С., 2004. Погребения кочевой знати в могильнике Малополовецкое 3 // Археологічні відкриття в Україні. 2002–2003 рр. Київ. С. 145–152.
- Квітницький М. В., 2004. «Свої погані» Фастівської землі // Археологічні пам'ятки Фастівщини: матеріали до археологічної карти Київської області. Фастів. С. 37–62.
- Квітницький М. В., 2007. Пороська захисна лінія: етапи формування та розвитку (у світі писемних та археологічних джерел) // Місце і значення Поросья в історії України (IX–XVII ст.). Корсунь-Шевченківський. С. 17–50.
- Коваленко В. П., Ситий Ю. М., 2004. «Свої погани» Чернігівських князів // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ. С. 121–138.
- Колибенко О., Колибенко О., 2006. «Свої погани» Переяславщини (до проблеми локалізації місць поселень переяславських торків) // Слов'янські обрії. Вип. 1. Київ. С. 111–117.
- Куза А. В., 1989. Малые города Древней Руси. М. 168 с.
- Кучера М. П., 1972. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1972 р. / Научный архив ИА НАНУ. № 1972/24.
- Кучера М. П., 1976. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слав'яноноруської археології. К. С. 176–197.
- Кучера М. П., 1980. Отчет о работе экспедиции «Змиевы валы» в 1980 г. / Научный архив ИА НАНУ. № 1980/34.
- Кучера М. П., Иванченко Л. И., 1987. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. № 59. К. С. 67–79.
- Кучера М. П., Иванченко Л. И., 1998. Особливості городищ Чорних Клобуків Поросья // Археологія. № 2. Київ. С. 100–104.
- Кучкин В. А., Плетнева С. А., 2014. Торческ, Торцийский, Торческий град // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М. С. 824.
- Лысенко С. Д., Квитницький М. В., 2010. Новые данные об освоении Поросья в свете археологических исследований поселения XI–XIII вв. возле с. Кошевка // Старожитності Вишгородщини: Збірник тез, доповідей і повідомлень. Вишгород. С. 55–65.
- Михайлова И. Б., 2010. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб. 289 с.
- Моргунов Ю. Ю., 2006. Городища кочевников приграничья Южной Руси // Археологія Юго-Востока Руси. Елец. С. 159–172.

- Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М. 302 с.
- Моргунов Ю. Ю., 2010. Древняя Русь и кочевники Причерноморья // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М. С. 62–76.
- Моргунов Ю. Ю., 2012. Поросский и Болоховский регионы Южной Руси // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань. С. 200–211.
- Моргунов Ю. Ю., 2016. Торчесское расселение Переяславской земли // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. М. С. 304–326.
- Моргунов Ю. Ю., 2019. Историческая география Переяславской земли (Свято-слав Игоревич – Ярополк Владимирович). Вологда. 375 с.
- Моця О. П., 1979. Населення Поросья давньоруського часу за даними некрополів // Археологія. № 30. К. С. 27–36.
- Моця О. П., 1987. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). К. 168 с.
- Моця О. П., 1994. Етнічний склад населення Поросья в XI–XIII ст. // Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури. Біла Церква. С. 37–39.
- Моця О. П., Покас П. М., 1998. Яблуновські кургани: хронологія та етнічна приналежність населення // Археологія. № 2. Київ. С. 62–72.
- Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М., 1985. Исследования летописного Юрьева и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев. С. 30–62.
- Плетнева С. А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М. 96 с.
- Покас П. М., 1991. Исследование разрушаемых древнерусских могильников Поросья в 1987–1990 гг. // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. К. С. 72–73.
- Покас П. М., Иванченко Л. И., Стародуб А. В., 1990. Отчет о работе Поросского отряда Днепровской древнерусской экспедиции в 1990 г. / Научный архив ИА НАНУ. № 1990/286.
- Рудич Т. О., 2011. Населення Правобережжя Середнього Подніпров'я давньоруської доби за матеріалами антропології // Археологія. № 1. Київ. С. 22–31.
- Рыбаков Б. А., 1966. Отчет Приднепровской археологической экспедиции о раскопках на городище близ с. Шарки Киевской обл. Таращанского р-на летом 1966 г. / Научный архив ИА НАНУ. № 1966/81.
- Рыбаков Б. А., 1967. Торческ – город черных клобуков // АО 1966 г. М. С. 243–245.
- Стародуб О. В., 1994. Поховальний інвентар кочівників X–XIII ст. на території Поросья (з фондів Білоцерківського краєзнавчого музею) // Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури. Біла Церква. С. 44–46.

- Толочко П. П., 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. С. 5–56.
- Толочко П. П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев. 200 с.
- Улибін А., 1994. Укріплені поселення Поросья в X–XII ст. // Проблеми збереження та відродження пам'яток історії та культури. Біла Церква. С. 49–51.
- Хвойко В. В., 1905. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове. Том I. М. С. 93–105.
- Чхаидзе В. Н., 2019. Торческ – городской центр древнерусского Поросья // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXXI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 17–19 апреля, 2019 г. Материалы конференции. М. С. 269–274.

А. А. Юшко
Институт археологии РАН, Москва

Административное деление Московского княжества эпохи великого княжения

Резюме. Статья раскрывает основные понятия, связанные с административным устройством Московского княжества XIV в., встреченные в комплекс духовных и договорных грамот великих московских князей. При изучении территориально-административных единиц Московского княжества, в частности, уездов, уделов, станов и слобод, просматриваются тенденции утилизации терминологии, позже приспособленной к процессу становления централизованного государства. На основании анализа других терминов, таких как «пути», путные бояре, становщики, отмечены признаки создания чиновничьего аппарата.

A. A. Yushko
Administrative Organization of the Grand Duchy of Moscow

Abstract. The article defines basic notions connected with the administrative organization of the Grand Duchy of Moscow in the 14th century that were found in the complex of spiritual and contractual charters of the great Moscow princes. In the study of the territorial-administrative units of the Grand Duchy of Moscow, particularly, counties (uyezd), domains (udel), districts (stan) and artisanal settlements (sloboda), we can trace trends for the utilization of terminology, which later adapted to the needs of a more centralized state. Based on the analysis of other terms, such as “paths” (put’), putnye boyare (governing boyars), stanovshchiki (heads of stans), we can trace signs of creation of bureaucracy.

Административное устройство любого государства напрямую зависит от социального-экономической ситуации в этом регионе. Эпоха времени Ивана Калиты – особая веха в жизни Московского княжества. В 1328 г. Москва становится столицей Великого княжения. Происходит территориальный рост княжества, формируются его границы. Исходным толчком здесь явился огромный приток людских ресурсов, о чем свидетельствуют данные археологической карты региона. Приток этот вызван не только бегством от татаро-монголов, но и надеждами на личное благополучие и безопасность, гарантией чего была умелая и дальновидная политика московских великих князей. С этого времени начинается формирование класса служилого боярства и их землевладения.

На Москву переезжают целыми родами с чадами и домочадцами. Возобновляется каменное строительство (Москва, Коломна, Серпухов). Сюда из Владимира переезжает митрополит, и Москва становится центром общерусского летописания. Происходит чеканка собственной монеты. Наконец, важным итогом этого периода, венчающим усилия народа и успехи великокняжеской политики, является победа на Куликово поле.

Основной круг источников по теме административного деления княжества – это комплекс духовных и договорных грамот великих московских князей.

Уезд. Наиболее древним упоминанием административно-территориальной единицы является уезд. Вероятно, происхождение этого термина связано с древним обычаем поллюдья, когда князья или их наместники объезжали свои владения с целью сбора дани. Этот обычай известен еще со времен княгини Ольги. В древнерусских источниках он известен с 50-х годов XII в. (Уставная грамота кн. Ростислава Мстиславича Смоленской епархии) (1136) (Лаврентьевская летопись, 1846). В Духовной Ивана Калиты (ок. 1336 г.) упоминается «уезд в Похрянском уезде» (ДДГ, 1959. С. 17). Однако в этом документе фигурирует отдельно и волость Похряне. Как же соотносится понятие «волости» и «уезда»? А. Б. Мазуров на примере коломенских волостей показал, что уезд («объезд») есть территория последовательного объезда отдельной группы волостей. Следовательно, волость меньше уезда. Группы «гнезда» волостей отражают географические особенности местности и жестко увязаны с водными артериями. Понятно, что сплавливать собранную дань (ордынский выход) было более удобно, чем транспортировать ее посуху (Мазуров, 2001. С. 29).

В духовных грамотах последующих московских князей перечень уездов сохраняется, правда, с включением некоторых новых.

С практической точки зрения удобно было бы взимать дань именно по отдельным группам волостей. Сами же волости объезжались от центра к центру, и, возможно, по сухопутным дорогам.

Следует обратить внимание, что эти коломенские административно-территориальные единицы (станы и волости) сложились исключительно на великокняжеских землях наследника Ивана Калиты – князя Семёна Ивановича и образование их вызвано исключительно интересами фиска.

Сбор даней производили кормленщики, скорее всего, бояре великого или удельного князя. Они несли службу князю и ведали различными отраслями княжеского хозяйства (указаны пути «ловчий, сокольничий,

конюший», причем старейшим был «конюший путь»). Эти отрасли княжеского хозяйства указаны уже в «докончании» великого князя Семёна Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем (по Л. В. Черепнину – 1350–1351, по А. Б. Мазурову – 1348 г.).

В середине XIV в. появляется термин «городской уезд» (духовная Семёна Ивановича), который включал великокняжеские села Напрудское, Островское, Орининское и др. Как известно, Москва в это время находилась в совместном владении, поэтому, как распределялась соборная дань между князьями-совладельцами, пока неясно.

Удел. С середины XIV в. начинается удельный период – наиболее драматичный и сложный в жизни княжества. Князья становятся хозяйственными собственниками своих уделов. Вместе с владельческой замкнутостью князей падает их политическое значение. Если в Киевской Руси князья пользовались своими верховными правами для достижения целей общего блага, то в удельный период все было по-иному. Исчезло понятие общего блага. Князь перестает быть государем, а остается только землевладельцем, простым хозяином, тщательно оберегающим свои владения. Поэтому упоминание термина «удел» встречается, как правило, в договорных грамотах.

Впервые термин этот упомянут уже в «докончании» сына Ивана Калиты – великого князя Семёна Ивановича с братьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем (ДДГ, 1959. С. 11, 12).

Удел – частное владение князя, тщательно им оберегаемое от посягательства соседей. Договорные грамоты содержат много подтверждений этому. Обычная их преамбула: «А сёл ти не купити в моём уделе». Иногда упомянуты владельцы уделов. Так, в «докончальной» великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (по А. Б. Мазурову – 1372 г.) упомянут «княгинин удел Оульянин» (ДДГ, 1959. С. 31). Ульяна – вторая жена Ивана Калиты. Причем сбор дани в этом случае должен производиться как в вотчине Владимира Андреевича, так и «на великом княжении». Следует отметить, что в данном случае название земельного участка – «Ульянин удел» – чисто условное, номинальное, поскольку во времена Дмитрия Ивановича Ульяны уже не было в живых.

Волость. Это наиболее часто упоминаемая территориальная единица.

Для более раннего периода, как показал А. А. Горский, «волость» – это, безусловно, княжеское владение со своими суверенными правами (Горский, 2004. С. 29). Для периода составления духовных и договорных

грамот московских князей понятие волости как частновладельческого владения князей сохраняется. Так, в договорной грамоте Семёна Ивановича с братьями упомянуты «свои волости» (ДДГ, 1959. С. 12). Во второй духовной Ивана Ивановича упомянуты волости княгини Марьи – жены Семёна Ивановича (ДДГ, 1959. С. 17).

Но в то же время волости – это чисто территориально-административные единицы, тянущие к городу. Упомянуты волости коломенские, звенигородские, московские, дмитровские.

Стан. Сложение тех или иных административных единиц на территории Московского княжества зависело от двух обстоятельств: освоения территории в предшествующее время (наличие платежеспособного населения), а также от форм феодального землевладения, сложившихся на той или иной территории. Атрибутом же земельной собственности, как верно подметил в свое время К. Маркс, была высшая власть.

Этимология понятия «стан» восходит к достаточно древним временам, когда станы были местом остановки князей для сбора полюдья. В XIII в., когда княжеское полюдье отошло, дани собирали княжеские наместники, которые, проживая в городе и периодически объезжая свой уезд, останавливались на станах. Для этого раннего времени станы, видимо, еще не были территориальной единицей, а лишь определенным пунктом остановки князей.

Подобным же образом понятие стана, как места остановки («становище») трактует словарь И. И. Срезневского (1912. С. 49). Позже маршруты этих объездов сложились в определенную территорию.

Зачатки образования становой системы находим еще в духовной Калиты (1336), где указан «медовой городской оброк Васильцова веданья» (ДДГ, 1959. С. 8). К сожалению, личность этого «ведателя» источники выявить не позволяют. Видимо, это был какой-то «княжий муж». Здесь важно еще указание на то, что это оброк городской. Что кроется за этим термином, не совсем ясно. Видимо, оброк этот шел в пользу города (Кремля). Возможно, он носит оттенок географический, поскольку территория позже сложившегося здесь Васильцова стана более всего приближена к городу. Далее видим, что в духовной Ивана Ивановича (1358) по отношению к этим землям уже употреблен термин «стан», причем он уже не единственный, поскольку строкой ниже следует распоряжение, что «кони ставити по станам и по варям» (Срезневский, 1912. С. 49).

В духовных грамотах XIV в. термин «стан» упомянут четыре раза. В одном случае мы получаем информацию о том, что станы составляли территорию княжеского удела. Вторая духовная Дмитрия Ивановича

упоминает «станы моего удела» (ДДГ, 1959. С. 8). В другом случае мы узнаем, что станы были единицей налогообложения – в договорной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем сообщается, что со станов собиралось пошлин «два жеребьи» (ДДГ, 1959. С. 15).

Первоначально станы формировались, видимо, на ближайшей территории, прилегающей к Москве. Но начиная с начала XV в., система станов распространилась и на весь город (станы московские, городские).

Другой источник – Московский летописный свод упоминает термин «стан» 24 раза. Все без исключения упоминания эти можно трактовать как «становища», связанные преимущественно с военными действиями, а не как территориальные единицы, как в духовных и договорных грамотах. Так, под 1183 г. находим сообщение о том, что князя Изяслава, воевавшего против болгар, «еле жив и несоша его в стан» (Московский летописный свод, 1949. С. 43). Под 1147 г. упомянуты «Батыевы станы» (Московский летописный свод, 1949. С. 43). Думается, что различие смыслового содержания понятия стана в духовных грамотах и в летописи объясняется своеобразием такого источника, как летописи. Монахов-переписчиков мало интересовали вопросы экономики, административного деления, а больше жизнь князей, их военные действия, свадьбы, кончины и т. д.

Кем же управлялись станы, какова их внутренняя структура, формы землевладения? Источники не позволяют в полной мере ответить на все эти вопросы.

К. А. Аверьянов, видимо, справедливо полагает, что образование станов связано с совместным управлением князей московского дома на этой территории (Аверьянов, 1993. С. 5). Косвенным подтверждением является наблюдение, сделанное А. Б. Мазуровым в его исследовании о Коломне, округа которой была образчиком только великокняжеского поместья. На этой территории никаких станов времени первых Даниловичей не прослеживается. Ни один из них не упомянут духовными грамотами. Позже на обширных землях к юго-западу от Коломны сформировался Большой Микулин стан, территория которого очерчена А. Б. Мазуровым на основе сведений С. Б. Веселовского и В. Н. Перцова.

Но к какому времени относится его образование? Прямых источников данных по этому вопросу мы не найдем. Однако А. Б. Мазуров связывает его появление с деятельностью коломенского наместника Микулы Васильевича Вельяминова из рода московских тысяцких, по имени которого и был назван стан (Мазуров, 2001. С. 53).

Со второй половины XIV в. происходило сложение различных отраслей княжеского хозяйства – «путей». Управление отраслями осуществляли «путные бояре». Термин этот широко известен источникам начиная с 1389 г. Очевидно, он был синонимом термина «становщик» – должности, к которой «тянули» черные люди – новой категории феодально зависимых людей. Становщики ведали и судами.

Слобода («свобода»). Смысловое содержание этой территориальной единицы содержится уже в самом его термине. Это были земли, население которых на время освоения земель освобождалось от уплаты налогов. Это была новая форма освоения новых земель. Размеры этих владений были разные. В духовной Ивана Калиты фигурирует Великая (позже Юрьева) слобода, небольшая Окатьева «свободка», Замошская слобода (ДДГ, 1959. С. 7, 8). В духовной Дмитрия Ивановича указана Дмитриева слободка.

Со временем смысловое содержание слобод меняется. Они образовывались по профессиональному принципу. Появляются слободы владьчские, стрелецкие, ямские.

Таким образом, при изучении территориально-административных единиц Московского княжества просматриваются тенденции утилизации терминологии, позже приспособленной к процессу становления централизованного государства. Намечается создание чиновничьего аппарата.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи: монастырь и город в ландшафте XIV–XIX вв.» (№ НИОКТР 122011200385-1).

Литература

- Аверьянов А.К., 1993. Московское княжество Ивана Калиты. (Московские «трети». Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества). М. 54 с.
- Горский А.А., 2004. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: ЯСК. 368 с.
- ДДГ. М.–Л., 1959.
- Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. VII. 1846.
- Мазуров А.Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. М.: Александрия. 542 с.
- Московский летописный свод. М., 1949.
- Срезневский И.И., 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб.: Тип. Имп. АН.

И. Ю. Стрикалов
Институт археологии РАН, Москва

Новые факты о времени основания Старой Рязани

Резюме. Одной из ключевых проблем изучения Старой Рязани является вопрос о времени возникновения города. Существующие в литературе гипотезы относят это событие к разным периодам: от X в. до второй половины XI столетия. В статье предпринята попытка уточнить эту дату. На основании анализа разных групп как археологических, в том числе новейших, полученных за последние годы, так и письменных источников предложена гипотеза о возникновении города во второй четверти XI в. как одного из форпостов утверждения княжеской власти на восточных окраинах восточнославянских территорий.

I. Yu. Strikalov
New Facts about the Founding of Old Ryazan

Abstract. One of the key problems in the study of Old Ryazan is the question of the time of the site emergence. The hypotheses existing in the literature attribute this event to different periods: from the 10th century until the second half of the 11th century. The article attempts to clarify this date based on the analysis of the accumulated data, including the results of the latest investigations. Based on the analysis of various groups of both archaeological and written sources, a hypothesis is proposed about the emergence of the city in the second quarter of the 11th century, as one of the outposts of establishing princely power on the eastern outskirts of the East Slavic territories.

Старая Рязань уже двести лет является объектом археологического изучения: с находки в 1822 г. первого клада ювелирных украшений, сокрытых в момент осады города Батыем в декабре 1237 г. С тех пор археологические раскопки, проводившиеся на памятнике многократно, с перерывами, дали возможность заполнить многие пробелы наших знаний о динамике развития, быте и культуре этого города. Однако, один из основных вопросов его истории – время основания и связанные с ним особенности процесса освоения и урбанизации Среднего Поочья и всей восточной окраины русских земель – так и остаются в поле гипотез и предположений.

Работы Старорязанской экспедиции под руководством А. В. Чернецова, продолжающиеся и по сей день, нацелены на решение и этой задачи (рис. 1).

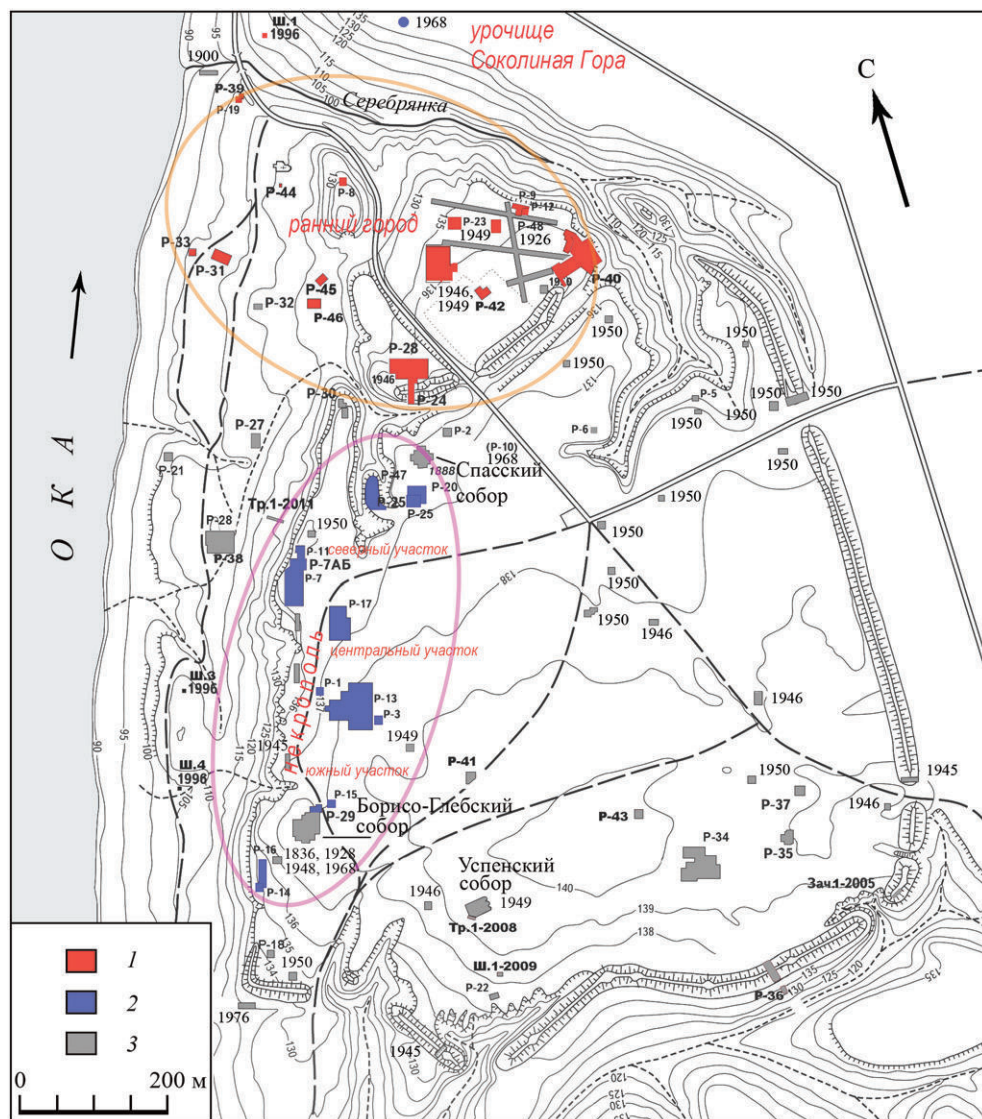

Рис. 1. Городище Старая Рязань

1 – участки с лепной и раннекруговой керамикой; 2 – участки с погребениями раннего некрополя; 3 – прочие участки исследований

Прежде чем перейти к описанию того, что сделано на этом пути, остановимся на сути озвученной проблемы.

На страницы письменных источников Рязань впервые попадает в 1096 г., в связи с усобицей князей из двух ветвей Ярославова рода – Святославичей и Всеволодовичей – за право на владение Муромом

и Окским регионом. После нескольких месяцев ушибиц, начатых Олегом Святославичем за «волюсть отца своего» в Муроме и закончившихся поражением Ольговых ратей от войска Мстислава Владимировича под Суздалем, Олег и его брат Ярослав вынуждены были спасаться бегством. В Никоновской летописи так представлена заключительная фаза войны: *«Олег же прибеже к Мурому, и затвори Ярослава в Муроме, а сам иде к Рязани; Мстислав же прииде к Мурому, сотвори мир, и поя своя люди Ростовцы и Суздальцы, и поиде к Рязани за Олгом. Олег же выбеже из Рязани, а Мстислав пришед сотвори мир с Рязанцы, и поя люди своя, яже бе заточил Олег»* (ПСРЛ. Т. IX. С. 129).

Из приведенного отрывка можно сделать только один вывод: Рязань к 1096 г. уже существовала и являлась неким важным (хотя и не центральным, в отличие от Мурома) пунктом в системе местной власти во владениях князей Черниговского дома.

Попытки определить время возникновения города, исходя из кратких письменных свидетельств и анализа политического контекста русской истории этого периода, предпринимались уже историками XIX столетия, но фактического материала для окончательного решения явно было недостаточно. «Первый город после Мурома здесь упоминается Рязань, – пишет один из крупнейших историков Рязанской земли Д. И. Иловайский в своей «Истории Рязанского княжества» (1858). – Но когда именно она основана? Каким князем? При каких обстоятельствах? На все эти вопросы при настоящем состоянии источников положительные ответы невозможны; поэтому мы должны ограничиться одними соображениями» (Иловайский, 1858. С. 21). И далее продолжает: «...мы предлагаем следующую догадку. С тех пор как Муром, на основании поземельного раздела между сыновьями Ярослава I, вошел в близкие отношения к Чернигову, у черниговских князей естественно явилась потребность связать крайние пункты своих обширных владений, централизовать подчиненные рязанские племена и противопоставить укрепленные пункты напору кочевых варваров. Именно около того времени на юго-восточные пределы надвигаются половцы, которые потеснили далее к северу рассеянную Мещеру и раскинули свои вежи до самых берегов Прони. Основание города на Оке в том месте, где она достигает наибольшего юго-западного изгиба, и, приняв Проню, поворачивает на север, бесспорно удовлетворяло означенным потребностям времени. Вероятно, здесь существовали уже финские поселения; потом пришли русские колонисты, срубили обычный острог и начали собирать ясак с туземцев. Мы едва ли будем далеки от истины,

если начало города отнесем к шестидесятым годам XI столетия и основание его припишем деятельности Святослава Ярославича Черниговского» (Иловайский, 1858. С. 23–24).

Новые подходы в решении вопроса о времени основания Рязани могли быть предприняты только при расширении источниковой базы, и таковой стали археологические материалы. На их основании А. Л. Монгайт, обобщивший накопленные к середине XX в. данные археологических исследований, попытался пересмотреть представленную гипотезу. По его мнению, город был основан в X столетии, и «древнейшее славянское поселение на территории Старой Рязани заняло в X в. место городецкого городища на северо-западном мысе (Северном мысе. – И. С.); вскоре оно выросло за пределы этого городища и распространилось на тот северный участок Старорязанского городища, который и поныне отделен от остальной его территории внутренним валом. Южное же городище было заселено несколько позже, в самом конце XI – начале XII в.» (Монгайт, 1955. С. 20). В качестве аргументов этих выводов А. Л. Монгайт приводит данные о керамике и немногочисленных вещах, датируемых, по его мнению, именно X в. (Монгайт, 1955. С. 21–23). Однако в дальнейшем исследовании автор сосредотачивается на сравнительном анализе материалов Северного и Южного городищ с целью показать большую древность первого без веских доказательств тезиса о датировке Северного городища X столетием.

Свои аргументы о времени возникновения города попытался представить В. П. Даркевич в совместной с Г. В. Борисевичем монографии «Древняя столица Рязанского княжества», увидевшей свет через 40 лет после работы А. Л. Монгайта, в 1995 г.

Автор делает упор на материалы раннего городского некрополя, еще неизвестного в пору написания труда А. Л. Монгайтом. Полемизируя с предшественником, В. П. Даркевич полностью отрицает дату X в., как не подкрепленную никакими материалами (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 23). Пересматривая «хронологические реперы» А. Л. Монгайта, он пишет и о возможности уточнения нижней даты, но в пределах XI в. Это уточнение, помимо пересмотра датировок вещей, использованных в гипотезе А. Л. Монгайта, основано на тщательном анализе хронологии погребального инвентаря и ритуала раннего городского некрополя, открытого в прибрежной части Южного городища. «Вещевой материал, – пишет В. П. Даркевич, – допускает широкую датировку некрополя XI – п. п. XII в.». И далее продолжает: «Совместное рассмотрение некоторых особенностей ритуала и погребального инвентаря позволяет

определить хронологические рамки рязанского могильника от серед. XI до серед. XII в. (в пределах 80–100 лет)» (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 368). Вывод автора – «основание Рязани можно отнести к 50-м – 60-м гг. XI в., в пользу чего высказывался уже Д. И. Иловайский... Ее основание связано с общим процессом стремительной урбанизации на Руси и в Западной Европе с XI в.» (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 24).

Столь большой разрыв в датировке нуждается если не в объяснении, то, по крайней мере, в некоторых комментариях.

Во-первых, для авторов названных гипотез это был не просто вопрос хронологии, но принципиальная проблема славяно-русской колонизации Окского региона. И в названных работах, и в других трудах А. Л. Монгайт и В. П. Даркевича довольно явно прослеживается их отношение к этому явлению.

Для А. Л. Монгайт этот процесс был «народной», в основе вятической колонизацией Среднего Поочья (Монгайт, 1955. С. 19–20). Эту мысль автор высказывает в упомянутой монографии и развивает в последующем труде «Рязанская земля» (1961), где дата основания Рязани является важной составляющей его представления о ходе славянской колонизации Поочья в IX–X вв., а также гипотез о локализации Артании (Арты) арабских авторов, о происхождении названия города от финно-угорского «Эрзянь» и преемственности между финским поселком на месте Старорязанского городища и собственно древнерусским городом (Монгайт, 1961. С. 103 и сл., 128, 135, 139). Следует, однако, отметить, что А. Л. Монгайт все же делает оговорку: описывая находки лепной славянской керамики боршевского облика на городище (Монгайт, 1961. С. 124), он отмечает, что не следует искать город Арту (как центр вятичей. – И. С.) на городище Старой Рязани, «так как пока мы не нашли археологических доказательств существования здесь крупного славянского центра в IX–X вв.» (Монгайт, 1961. С. 103). Тем не менее, основываясь на гипотезах А. Л. Монгайт, ряд исследователей в дальнейшем все же признавали Рязань «племенным центром» вятичей (Никольская, 1981. С. 123; Фроянов, Дворниченко, 1988. С. 71 и сл.). Естественно, племенной характер колонизации Поочья отодвигал этот процесс в догосударственный период, по крайней мере, в X столетие.

В. П. Даркевич вслед за А. Г. Кузьминым полностью отрицает этот постулат, для которого нет ни письменных, ни археологических подтверждений. В своей монографии исследователь утверждает, что «Рязань возникла в результате индивидуальной или коллективной крестыанской эмиграции из ранее освоенных старопахотных районов»

(Даркевич, Борисевич, 1995. С. 26–27), а в других работах выражает приверженность уже «государственной теории» возникновения городов на Руси в XI столетии. Усложнение в этот период всех сторон жизни восточнославянского общества в рамках «скороспелого», по выражению А. Н. Насонова, Киевского государства – политико-административной, военной, экономической, коммуникационной, культурной – требовало появления, по выражению В. П. Даркевича, «координирующих центров» (Даркевич, 1994. С. 52), которыми и стали города, средоточия властных и военных структур, ремесла и торговли, узловые стратегические пункты в системе обороны и в системе торговых путей, оплот новой религии – христианства. «Город как историко-культурный феномен, – пишет В. П. Даркевич, – как целостная система с качественно новыми свойствами по сравнению с предшествующими поселениями, возникает на новом этапе развития восточнославянского общества» (Даркевич, 1994. С. 53).

Спор о времени основания Рязани, таким образом, стал столкновением двух теорий возникновения городов на Руси, которые условно можно назвать экономической и политической, и по этой причине проблема остается актуальной и в наши дни.

Второй вывод, отчетливо проступающий в этом научном споре, заключается в очевидной зыбкости хронологических построений, опирающихся исключительно на археологические источники. Как отмечал Ю. М. Лесман, известный специалист в области методики изучения хронологии и один из ведущих разработчиков вещевой хронологии средневекового Новгорода, археологические методы довольно результативны при построении относительной хронологии (через классификацию вещей и построение типологических рядов, с одной стороны, и анализ взаимовстречаемости различных типов вещей в закрытых комплексах, с другой). Абсолютная хронология строится преимущественно на основе письменных источников, нумизматических материалов и данных, полученных естественными методами (Лесман, 1990. С. 98).

Увы, ни одним из названных инструментов ни А. Л. Монгайт, ни В. П. Даркевич не располагали.

Более того, специфика Старой Рязани, как и многих долговременных памятников, заключается в сложности выделения ранних комплексов, отражающих начальный этап развития поселения.

Культурный слой Северного городища, где фиксируются наиболее ранние комплексы, сильно перемешан и дает весьма обобщенную картину хронологии. Лишь на отдельных участках удается выделить преиму-

щественно три горизонта напластований, которые опознаются по довольно выраженным (из-за своей массовости) хронологическим индикаторам. Это верхний горизонт конца XII–XIII в. с присутствием стеклянных браслетов и преобладанием качественной керамики, изготовленной из тонкого теста на основе беложгущейся глины; горизонт конца XI – второй половины XII в., верхняя граница которого обозначена появлением названной выше белоглиняной керамики и стеклянных браслетов, а нижняя – характерной посудой, украшенной штампованным орнаментом, прокатанным колесиком; ранний горизонт (XI в.), выделяемый по грубой керамике и отсутствию указанного штампованного орнамента.

Суммируя данные о раскопках на Северном городище Старой Рязани (Стрикалов, 2005), мы приходим к выводу о малочисленности комплексов, которые можно отнести к периоду ранее рубежа XI–XII вв., и резком их возрастании в последующий период.

Показателен анализ массового керамического материала. Так, на раскопе 28 в юго-западной части Северного городища (на участках за пределами кладбища второй половины XII–XIII в., позволяющих сравнить селитебные слои разных периодов в чистом виде) соотношение керамики трех названных условных горизонтов выглядит как 72:19:9. Образцы ранних типов встречены в переотложенном виде и выше, в горизонтах XII–XIII вв. Общая доля такой посуды во всей коллекции составляет 18–20%, что, вероятно, означает, что половина напластований раннего горизонта, и без этого намного менее богатого на находки, была разрушена в ходе последующей жизни на этих участках.

Еще более контрастную картину рисует анализ иных находок из культурного слоя Северного городища. Насыщенность нижних горизонтов находками очень мала. Например, на другом исследованном участке Северного городища, раскопе 40, расположенном в его юго-восточной части, на участках 1–5 общей площадью около 400 кв. м (здесь также учтены лишь те участки, где зафиксированы селитебные горизонты всех этапов жизни на городище) из 1745 индивидуальных находок лишь 18 (1,1%) могут быть надежно отнесены к ранним слоям XI в. и 374 (21,4%) – к слоям конца XI – второй половины XII в. Остальная масса находок связана с поздними и перемешанными слоями (доля керамики из ранних горизонтов здесь несколько ниже, чем на раскопе 28 – около 7%).

При таком распределении материала задача еще более осложняется преобладанием находок с довольно широкой или вообще неопределимой датировкой. Из упомянутых 18 предметов из нижнего горизонта раскопа 40 в той или иной степени датированы могут быть только

узкорогая лунница, синяя зонная и красно-коричневая глухого стекла бусины, дно горшка с клеймом, остальные предметы – два костяных амулета, костяная стрела, дужка ведра, два глиняных грузила, три железных ножа, железное кольцо, неопределимые сильно корродированные предметы из черного и цветного металла – имеют более широкий период бытования.

Такая малочисленность и невыразительность ранних материалов объясняет ограниченность аргументов наших предшественников при защите своих положений о дате основания Рязани. Это же заставляет нас при дальнейшей разработке вопроса основное внимание уделять не стратиграфии напластований и сравнительной хронологии комплексов, а обратиться к уже существующим общим разработкам по типологии и хронологии древнерусского вещевого материала.

Здесь мы подходим к следующей проблеме – хронологии восточно-европейских древностей X–XI вв. Исследователями отмечается дискуссионность существующей хронологической шкалы X – начала XI в. (Захаров, 2004. С. 216). Тем не менее, археологическое датирование древностей этого времени за последние годы существенно продвинулось вперед. Определенным итогом стало фундаментальное научное издание «Русь в IX–X веках. Археологическая панорама», подготовленное под редакцией Н. А. Макарова и увидевшая свет в 2012 г.

В разделах этой книги, как и во многих предшествующих работах археологов-славистов, эмпирически выработана основная периодизация средневековых древностей Восточной Европы, в которой довольно хорошо выделяются наборы IX – начала X в., X – начала XI в., XI – первой половины XII в., XII–XIII столетий. К примеру, именно такую градацию принял С. Д. Захаров в исследовании древностей Белоозера, где сделал основной акцент на анализ существующих разработок по хронологии вещей Древней Руси (Захаров, 2004. С. 38).

Среди всего разнообразия мира вещей этой эпохи большая часть предметов, в первую очередь утилитарного и производственного назначения, оставалась неизменной или имела длительный и постепенный период эволюции в формах и технологиях, что вполне объяснимо: для них основной характеристикой всегда оставалась функция, а морфологические и технологические признаки были вторичны, следуя за назначением вещи. Прогресс в технологии, как и изменения в форме были процессом длительным, заметным при обобщенном подходе к изучению конкретных категорий изделий, но мало приемлемым для узких хронологических построений.

Дробная хронологическая систематизация в таких условиях, конечно, не становится неразрешимой проблемой. Но она применима, прежде всего, к категориям вещей, изменения характеристик которых и само бытование определялось иными факторами. Это такие группы находок как украшения, этнически окрашенные и статусные предметы, импортные изделия, для каждой из которых присущи свои собственные ритмы изменений.

Остановимся подробнее на ранних хронологических группах древностей, в первую очередь, конца X–XI столетия, рамками которых ограничен спор о времени возникновения Старой Рязани.

Этот период занимает особое место в трансформации материальной культуры Древней Руси. Рубеж X–XI вв. – начало нового исторического периода, связанного с укреплением древнерусской государственности и культуры. Многими исследователями отмечается единство тенденций развития важнейших центров – Гнездова, Ладоги, Рюрикова городища – и периферийных поселений, таких, например, как Крутик (Захаров, 2012. С. 223), как проявление общего ритма социально-экономических изменений, связанных с подъемом городов. В материальном мире это выразилось, с одной стороны, в «шлейфе» древностей X столетия в комплексах последующих десятилетий, с другой – в выработке новых типов вещей и форм бытового уклада в раннегородских центрах и их постепенном распространении на периферии. Такое переходное состояние, сочетание старого и нового проявилось во многих явлениях материального мира, но в первую очередь, в элементах эклектичной культуры военизированной знати, своеобразие которой в конце IX–X в. во многом определялось сочетанием престижных предметов, обрядов и художественных образов, принадлежавших к разным традициям (Макаров, 2012б. С. 459). Они оказались наиболее чувствительны к переменам и являются одной из основ хронологических построений для комплексов указанного периода.

В X в. даже на Северо-Западе скандинавский компонент уже терял свою обособленность в рамках формирующейся древнерусской народности (Яковлева, Салмина, Королева, 2012. С. 153). На Юге на протяжении X в. постепенно снижалась доля предметов степного происхождения, и увеличивалось количество изделий, изготовлявшихся древнерусскими мастерами (Комар, 2012б. С. 354–355). В Гнездове увеличивается доля вещей, являющихся «этнически нейтральными» и получивших распространение на очень широкой территории: усатые и широкосрединные перстни, грибовидные пуговицы, крестопрорезные бубенчики,

спиралеконечные подковообразные фибулы, проволочные височные кольца (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 255). Этнически окрашенные компоненты, в первую очередь, скандинавский, или, точнее, североευропейский, (ременная гарнитура, в том числе накладки скандинавского типа и др.) уступают первенство иным группам: в том же Гнездове в этот период большая часть ременных украшений (более 50%) связана уже с волжско-болгарской традицией; появляются позднеморавские древности, височные кольца и серьги славян Днепровского Левобережья (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 257–258).

Помимо упомянутых инноваций, зафиксированных, например, в Гнездове и Белоозере (разнообразные новые типы украшений) в этот период появляются и новые своеобразные выражения принадлежности к военизированной культуре, такие, например, как миниатюрные бронзовые топоры, проанализированные Н. А. Макаровым (1992).

Вероятно, дольше этнически окрашенных украшений в новую эпоху продолжают бытовать некоторые статусные элементы «дружинной культуры», подобные наборным поясам, широко известным в материалах X – первой половины XI столетия. В течение XI в. мода сменилась на более простые пояса без накладок с разнообразными лировидными пряжками. Еще одним довольно стабильным элементом трансформирующейся культуры элиты оставались предметы вооружения.

Что касается периферийных областей восточного славянства, то эти процессы там были не столь выражены. Это, вероятно, связано с тем, что здесь они и не выступали яркими явлениями материального мира предыдущей эпохи. Например, в Суздальской земле в X в. отчетливо выражено влияние Балтики, но предметы скандинавского или балтийского происхождения в целом немногочисленны (Макаров, 2012а. С. 211). В отношении же Среднего Поочья ситуация выглядит еще более туманной. Эти области в тот период располагались на самой окраине как скандинавского, так и хазарского влияния. По крайней мере, сколько-нибудь заметных находок древностей этого круга на местных памятниках IX–X вв. неизвестно.

В прикладной области хронологии древностей период конца X–XI в. оказывается на пересечении двух хронологических диапазонов: X – начала XI в. и XI – первой половины XII в. В первом заметное место занимают инокультурные компоненты – скандинавские, и, отчасти, степные, салтовские древности. В первой половине XI в. идет процесс их постепенного выхода из употребления, для этого времени они являются, скорее, уже анахронизмом. Вторая группа древностей, появившаяся

ся в XI в. и уходящая в XII столетие, – предметы уже совершенного другого культурного круга, инновации, формирующие собственно древнерусскую культуру, – в рассматриваемое время только входили в употребление, и их максимальное распространение приходится на последующие десятилетия.

В такой ситуации поставленная задача оказывается довольно сложно разрешимой.

С одной стороны, находки первого комплекса в материалах Старой Рязани могут быть скорее случайностью, чем закономерным явлением в силу ее положения, как географического (на периферии инокультурных влияний), так и хронологического (вне основного времени их бытования). Новый комплекс, с другой стороны, здесь вполне ожидаем и действительно широко представлен. Но выделить в нем ранние и поздние составляющие (в рамках периода XI – первой половины XII в.) на современном уровне знаний за редким исключением пока практически невозможно.

Иные ритмы развития характерны для находок, отражающих экономические изменения в жизни Восточной Европы, торговые связи местного населения. Это, прежде всего, стеклянные бусы, в силу своей массовости и разнообразия ставшие основной для многих хронологических построений (Львова, 1968; 1970; Захаров, 2004. С. 38–53; Захаров, Кузина, 2008; Захаров, 2015). В Старой Рязани в настоящее время учтено более 2000 экземпляров бус и более 700 бисера, в раннем некрополе они встречены в 53 погребениях (как единичные находки, так и ожерелья). Значительная их часть (из раскопок до 2010 г.) систематизирована в диссертационном исследовании С. И. Милованова «Торговля Рязанской земли в XI – 2-й половине XV в.: по археологическим и нумизматическим данным» (2010), бусам из раскопок на Северном городище в 2010–2018 гг. (раскоп 40) посвящена дипломная работа Г. М. Сагмановой «Стеклянные украшения Старой Рязани (по материалам раскопа 40)» (Казань, 2019), новые поступления включены в научный оборот впервые.

Третьей группой древностей, применимой для хронологических исследований, является глиняная посуда. Для старорязанской керамики XI–XV вв. существует довольно дробная классификация, позволяющая сузить датировки комплексов до 50 лет и даже менее (Стрикалов, 2006). Новые исследования хорошо стратифицированных напластований городского посада позволили уточнить и конкретизировать хронологическую шкалу керамики XI столетия (Стрикалов, 2017). Однако для абсолютного датирования в разработанной периодизации

ощущается недостаток реперных точек – дат, обоснованных независимыми источниками. Особенно это актуально для раннего этапа, когда ритмы развития гончарного производства разных областей Древней Руси не были хоть как-то синхронизированы. Разнообразие традиций гончарного производства, характерное для раннего периода Старой Рязани, связанное с пестротой происхождения первых насельников города, является яркой иллюстрацией лоскутного, областного характера развития этой отрасли в тот период.

Довольно показательным является анализ появления и утверждения в разных областях Древней Руси круговой керамики, представленный в уже упомянутом коллективном труде «Русь в IX–X веках: археологическая панорама». По наблюдению Н. А. Макарова, почти полтора столетия отделяет появление круговой керамики славянского облика в Среднем Поднепровье (середина IX в.) от начала ее производства на северо-восточных окраинах (конец X в.) (Макаров, 2012б. С. 459).

Если в отношении керамики Киева и Чернигова уже X столетия дискуссии идут о характере и формах перехода от раннекруговой к развитой круговой посуде (Комар, 2012а. С. 312; 2012б. С. 355), то на других территориях это столетие стало временем только смены способов ее производства. Как показывают последние исследования, в городских центрах Северо-Запада начало гончарного производства относится к первым десятилетиям X в., а к последней четверти этого столетия лепная керамика практически исчезает из обихода; на Северо-Востоке круговая посуда появляется во второй половине X в. и лишь в конце X – начале XI в. становится заметным явлением (Макаров, 2012а. С. 215–216).

В Старой Рязани лепная керамика представлена единичными образцами. О ней упоминает А. Л. Монгайт (1955. С. 21), отдельные фрагменты собраны за последние годы на территории северной (древнейшей) части городского посада (рис. 2). Фактически гончарство Старой Рязани с самого начала развивалось как производство круговой посуды. Но какой из приведенных выше примеров может быть эталонным для рязанского комплекса? Учитывая многообразие истоков первопоселенцев города, этот вопрос не имеет простого ответа. Ситуация Старой Рязани вообще уникальна тем, что состав населения города изначально формировался выходцами из разных областей, среди которых были и те, где круг утвердился уже в начале X в., и те, где его внедрение растянулось на столетия. Простое следование аналогиям здесь неприемлемо, и подход к анализу должен быть избирательным, применимым к каждой линии развития отдельно. В любом случае, поиски должны

Рис. 2. Лепной горшок из нижнего горизонта раскопа 46 на посаде (2015 г.)

быть направлены на юг и запад. Отсутствие лепной керамики как маркера конца XI – начала XII в., принятого для материалов Северо-Восточной Руси, для Старой Рязани не может быть применено.

Таким образом, приведенный обзор позволяет наметить основные направления дальнейшего исследования и очертить границы возможных результатов: на основании только археологических материалов можно судить лишь о вероятности существования города в тот или иной период времени, но не об уверенном датировании этого события. Более надежной группой источников служат закрытые комплексы, в первую очередь, погребения раннего городского некрополя, а также иные уникальные находки, связанные с конкретными эпизодами русской истории, о которых речь пойдет ниже.

Обратимся сначала к первой группе источников.

В коллекции находок Старой Рязани предметы XI – первой половины XII в. – элементы костюма, украшения и предметы быта – довольно многочисленны. Они включают детали поясов и креплений костюма (лировидные пряжки, подковообразные фибулы, пуговицы), разнообразные украшения (перстни, браслеты, гривны, ожерелья, подвески, амулеты) и пр. Все они происходят из культурного слоя Северного

городища и посада, представлены в погребальном инвентаре раннего могильника. Большая их часть имеет довольно широкую датировку в пределах всего XI и первой половины XII в. и не может быть положена на ту или иную чашу весов в споре о времени основания города. Тем не менее, среди таких древностей есть находки, применимые для решения поставленной задачи (рис. 3).

К статусным предметам «дружинной культуры» относятся детали поясной гарнитуры (Мурашева, 1997. С. 84). В коллекции Старой Рязани довольно многочисленны разнообразные лировидные пряжки, которые пришли на смену ременной гарнитуре X – первой половины XI в., но встречены и накладки наборных поясов предшествующего периода (Стрикалов, 2020). Они включают как единичные находки, так и довольно полные наборы.

Единичные экземпляры ременных накладок (9 экз., в том числе семь с территории Северного городища, два – с территории посада) вписываются в круг типичных находок славяно-финского пограничья, аналогии которым встречены, в частности, в материалах сельских поселений Русского Севера и Суздальского Ополя, где они датированы преимущественно X – началом XI в. и связаны, вероятно, с болгарским производственным центром. Также на Северном городище найдено несколько фрагментированных прямоугольных пряжек, в том числе одна, относимая к типу двучастных, традиционно связываемых с наборными поясами.

Помимо перечисленных единичных находок коллекция этих предметов включает два поясных набора, которые по своим признакам сближаются с изделиями иного производственного центра.

Набор 2015 г. происходит из культурного слоя XI в. юго-восточной части Северного городища и включает четыре одинаковых накладки небольшого размера (13×12 мм) в форме сердца. Второй набор (2019 г., северная часть Северного городища) включает шесть крупных (28×20 мм) сердцевидных с каплевидными выступами накладок, близких к видам 1Б класса VII или вида 2Б-1 класса X по классификации В.В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 33, 36), обломанную двучастную прямоугольную пряжку размерами 34×23 мм, аналогия которой, в частности, имеется в Мининском комплексе (Зайцева, 2008. С. 83. Рис. 70, 19) и Суздальском Ополе (Зайцева, 2015. С. 186. Рис. 2, 11) и сильно корродированные фрагменты двух наконечников сложной формы. Накладки обоих наборов характеризуются заклепками, а не штифтами, серебряной инкрустацией линий орнамента, рифленным ободком по контуру. Названные признаки, в первую очередь, техника серебряной

Рис. 3. Комплекс древностей 1-й пол. XI в.

1, 2 – р. 42 (2010 г.); 3 – р. 40 (2015 г.); 4–6 – р. 48 (2019 г.); 7 – р. 46 (2015 г.);
8 – коллекция РУАК; 9 – р. 48 (2018 г.); 10 – р. 40 (2012 г.); 11 – коллекция РУАК;
12 – р. 28 (2003 г.); 13 – р. 27 (2001 г.)

инкрустации, по мнению В. В. Мурашевой, являются отличительными для черниговской школы второй половины X столетия (Мурашева, 2000. С. 94). Кроме того, наличие каплевидных выступов считается признаком, связанным своим происхождением с деградировавшим растительным орнаментом позднехазарской традиции (Мурашева, 2000. С. 88), ставшей одним из элементов формирования черниговской школы (Мурашева, 2000. С. 94). Территория максимальной встречаемости предметов этой школы – Среднее Поднепровье, особенно курганы Черниговщины, но встречены они и в Гнездове, и ряде других областей. Точных аналогий старорязанским находкам не найдено, поэтому их принадлежность к этому кругу остается под вопросом, однако технологические признаки не исключают их южнорусского происхождения.

Несомненно, подобные детали костюма связаны с представителями городской элиты, и потому попали на Среднюю Оку, вероятно, вместе с их владельцами, скорее всего, не позднее первой половины XI столетия. По крайней мере, вероятная принадлежность двух описанных поясов представителям знати вполне согласуется с политическими связями Рязани с Черниговом (подобно тому, как предметы скандинавского и южнорусского круга в Суздальском Ополье маркируют присутствие во второй половине X в. представителей дружины киевского князя – Зайцева, 2014. С. 372).

К тому же социальному кругу относятся многочисленные находки подковообразных фибул, но встреченные в Старой Рязани образцы относятся к типам, бытовавшим довольно длительное время (спиралеконечные с дугой ромбического и треугольного сечения, с многогранными, конусовидными головками), хотя окончание в форме многогранных головок более характерно для X–XI вв. (Авдусина, Ениосова, 2001. С. 98). Три подобных фибулы найдены в юго-западной (раскоп 28) и южной (раскоп 42) частях Северного городища и на посадке (раскоп 38).

Находки бронзовых топориков-амулетов, уже упомянутые в статье, также встречены на территории Старой Рязани на Северном городище и посадке. Однако время их бытования – XI–XII столетия – довольно широко для решения поставленной задачи, но само их появление связано с новыми формами выражения принадлежности к воинской культуре, появившимися в XI столетии.

В том же ключе можно рассматривать сами предметы вооружения, в том числе довольно выразительные, найденные в древнейшей части Старой Рязани. Это опубликованные А. Л. Монгайтом топор-чекан и наконечник ножен меча, которые К. В. Трубицын предлагает отнес-

ти к XI в. (Трубицын, 2011. С. 71–72). К ним следует добавить некоторые предметы вооружения с широкой датой бытования, но происходящие из ранних горизонтов культурного слоя Северного городища и посада, найденные за последние годы (Арташкин, 2019. С. 129).

Особого внимания заслуживают находки двух копий. Копье плохой сохранности (с обломанным пером) из горизонта XI – начала XII в. раскопа 42 2010 г. относится к типу III по классификации А. Н. Кирпичникова – с относительно широким пером удлинненно-треугольной формы и ромбовидного сечения, с массивной втулкой, расширяющейся книзу. Аналогии датируются XI–XII вв. (Кирпичников, 1966. С. 12–14). Второе копьё происходит из раскопа 46 на посаде. Находка связана с придонной частью наземной постройки нижнего горизонта, отмеченного присутствием исключительно лепной и грубой раннекруговой посуды, что характеризует слой как самый ранний для Старой Рязани (об этом см. ниже). Найденный экземпляр относится к типу IIIA. Он имеет относительно широкое перо, плечики опущены, сильно скошены, втулка массивна, расширяется книзу, по длине втулка примерно равна или несколько превышает размер пера. Сечение овальное, грань не выражена. Аналогии датируются X–XI вв. (Кирпичников, 1966. С. 12–14).

Еще одна группа находок этого круга происходит из юго-западной части Северного городища (раскоп 40) – шесть предметов деталей колчанов и налучий. Три костяных фрагмента колчаных петель происходят из слоев XI в., еще три подобных предмета – две петли и накладка на колчан найдены в комплексах конца XI – первой половины XII в. (Арташкин, 2019. С. 127). Учитывая компактное расположение этих предметов, можно предположить, что и три последних находки оказались перемещены также из слоя XI столетия.

И, наконец, самая массовая категория предметов вооружения – стрелы (в настоящее время учтено более 300 находок из Старой Рязани, в том числе более 100 – из раскопок 2010–2018 гг. – Арташкин, 2019. С. 127). Доля типов, бытовавших в XI в., среди них довольно представительна. Она составляет не менее 10% от их общего числа. Это вполне соответствует приведенным выше статистическим данным о распределении находок разных хронологических периодов. Рассмотрим их подробнее.

Наконечников стрел, которые бесспорно можно отнести к периоду ранее середины XI в., среди находок нет. Однако по ряду характеристик, проанализированных А. Н. Арташкиным, к таким ранним находкам можно отнести четыре предмета. Во всех четырех случаях речь идет

об отдельных признаках, наиболее характерных для периода не позднее середины XI в., хотя сами типы датируются шире.

Листовидный наконечник типа 65 (здесь и далее – типология А. Ф. Медведева) найден на Южном городище. Его отличают характерные пропорции (максимальное расширение у острия; пропорции пера около 1:2–1:3), свидетельствующие о ранней датировке (VIII – первая половина XI в.). Два наконечника типа 47 (ромбический без упора) имеют пропорции примерно 1:3, что позволяет датировать данные экземпляры также временем до середины XI в. Оба найдены на раскопе 42 Северного городища. Такие формы распространены в основном в северной полосе Восточной Европы. Стоит отметить, что на Старой Рязани встречается также более поздняя разновидность этих стрел, которые отличаются иными пропорциями (1:2). Еще один наконечник представляет тип 60 (двурогий срезень) и происходит с территории посада (раскоп 46). Предмет не выразителен, соотнести его с конкретным подтипом для более точной датировки невозможно. Ближе всего он к подтипу 2 (датировка IX–X вв.).

Если расширить рамки поиска до всего XI в., то здесь наиболее широко представлен тип 83 (бронебойные с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения с шейкой), который датируется именно XI в. (хотя не исключено его появление в X в.). К этому типу относится 13 находок, в том числе 10 – с территории Северного городища, две – посада, одна – Южного городища. Кроме того, четыре стрелы этого типа опубликованы А. Л. Монгайтом (1955. Рис. 143, 15, 17, 25, 27).

Еще ряд находок можно отнести к периоду не позднее XI в. по дополнительным признакам. Это стрелы типа 61 (остролистые). Семь предметов, найденных на Северном городище за последние годы, имеют пропорции пера около 1:3, что позволяет датировать их VIII–XI вв. К такой же разновидности относится и один экземпляр, опубликованный А. Л. Монгайтом (1955. Рис. 143, 19). Стоит отметить, что наконечников типа 61, которые по дополнительным признакам относятся к более позднему времени (X–XIII вв.) за период с 1994 по 2019 г. найдено всего четыре единицы. Таким образом, для Старой Рязани характерен именно ранний вид этих стрел. Один наконечник с Северного городища представляет тип 62 (ланцетовидный). Тип в целом широко распространен на Севере Европы в VIII–XIII вв., а на юге встречается в единичных экземплярах. У этого типа существует очень много различных датирующих признаков, и дата обычно устанавливается по наличию

или отсутствию целого ряда таковых. Конкретно в нашем случае это короткий черенок и наличие упора, что характерно именно для времени не позднее XI в. Еще один наконечник, найденный также на Северном городище, относится к типу 46 (так называемые ромбовидные новгородского типа). Абсолютное большинство таких стрел относится к IX–XI вв. и широко представлено в Северо-Восточной Руси. Возможно, еще один наконечник из опубликованных в книге «Старая Рязань» относится к типу 75 (ланцетовидный, треугольного сечения) и датируется X–XI вв. (Монгайт, 1955. Рис. 143, 7).

Следует упомянуть некоторые другие старорязанские находки, бытовавшие на других территориях преимущественно в X в., но с заходом в первую половину следующего столетия. Это вещи, отражающие североευропейский культурный пласт – фрагменты трех костяных наборных односторонних расчесок, происходящих из раскопа 27 на посаде, раскопа 28 на Северном городище и из коллекции РУАК. Вторая группа – уже «общерусские», но датированные исключительно первой половиной XI в. украшения: четыре ширококорогие бронзовые подвески-лунницы с орнаментом из косых борозд псевдозерни (Хамайко, 2008. С. 325). Одна из них происходит с территории посада (раскоп 46), две – с Северного городища (раскоп 40 и раскоп 48); еще одна находка входит в состав коллекции РУАК. Иные украшения и детали костюма, появление которых отмечено не позднее конца X – начала XI в. (усатые и широкосрединные перстни, грибовидные пуговицы, крестопрорезные бубенчики, спиралеконечные подковообразные фибулы, провололочные височные кольца разных типов, лировидные пряжки и т. п.) намного более многочисленны, что связано с их более длительным бытованием. Но эта длительность делает их одновременно и малоинформативными в решении поставленной задачи.

Как видим, находки предметов «воинской культуры» и иных изделий раннего периода единичны. Среди них отсутствуют вещи X в. Комплекс предметов воинской культуры раннего периода истории Старой Рязани отражает переход от дружинной культуры X столетия к новому ее выражению в XI в. К отголоскам предшествующей эпохи относятся наборные пояса, а также, возможно, некоторые иные предметы костюма, такие как подковообразные фибулы, и некоторые предметы вооружения, к инновациям – амулеты-топорики и многочисленные пряжки и фибулы более широкого временного интервала. Предметы вооружения также представлены изделиями, бытовавшими преимущественно в течение всего XI в. В целом весь представленный набор предметов

уверенно можно отнести к XI в. Однако присутствие в нем выразительных, пусть даже единичных, находок ранней хронологической группы не исключает его появления Старой Рязани в первой половине XI в.

Если описанная выше первая группа «хрооиндикаторов» в решении поставленной задачи вызывает сомнения из-за малой репрезентативности, то стеклянные и каменные бусы в Старой Рязани – одна из самых массовых категорий находок (рис. 4).

Среди них довольно сложно выделить ранний комплекс, поскольку для некоторых типов принята широкая датировка, а в культурном слое Северного городища и посада подавляющая часть бус найдена в перемешанных слоях. Тем не менее, с некоторой долей условности спектр ранних бус представлен в погребениях городского некрополя XI – первой половины XII в.

За основу представленных ниже данных взята классификация С. И. Милованова, представленная в уже упомянутом диссертационном исследовании и разработанная по принципам технологического подхода З. А. Львовой. Кроме систематизации старорязанских бус она включает широкий перечень аналогий и предлагаемые разными авторами датировки, поэтому в данной статье нет необходимости повторять эту информацию. С. И. Милованов приводит статистические данные, обобщившие сведения о находках стеклянных бус Старой Рязани за период до 2010 г. Упомянутая работа включает характеристику 1139 бус и 679 экземпляров бисера, в том числе 549 бусин и 670 экземпляров бисера из погребений старорязанского некрополя. За прошедшее десятилетие число находок существенно выросло: число бус увеличилось на 801 предмет, бисера – на 130 (в том числе 113 бусин и 114 экз. бисера из восьми вновь открытых погребений раннего некрополя). Бусы из культурного слоя найдены преимущественно на Северном (370 экз.) и Южном городищах (284 экз.), в небольшом количестве – на посадке (34 бусин и 16 экз. бисера). Бусы раскопа 40 Северного городища, как уже говорилось, проанализированы Г. М. Сагмановой.

Как выглядит состав бус раннего старорязанского некрополя с учетом дополнений показано в таблице 1.

Из 662 бусин определимы 593 экз., из них 520 изготовлены навивкой и 73 – из тянутой трубочки. Абсолютно преобладают разнообразные по форме бусы с металлической фольгой (золотостеклянные и серебро-стеклянные) – 392 экз. (две трети коллекции – 66%). Довольно многочисленны гладкие в поперечном сечении монокромные бусы (35 экз.), среди которых преобладают зонные, шаровидные, кольцевидные, бочон-

Рис. 4. Бусы из городского некрополя и древнейшей части городища и посада

1 – погр. 4 (р. 47, 2018 г.); 2 – погр. 22 (р. 47, 2019 г.); 3 – погр. 12 (р. 47, 2019 г.);

4 – погр. 24 (р. 47, 2019 г.); 5–10 – р. 46 (2015–2016 г.); 11, 12 – р. 42 (2010 г.);

13–16 – р. 28 (2001–2004 гг.)

Таблица 1. Бусы ранних типов из Старой Рязани.

Разновидность			Некро- поль	Северное гор.	Посад	Южное гор.	Всего
Монохромные навитые							
Гладкие	зонные	черные	2	1	–	–	3
		красно-коричневые	5	1	5	–	11
		синие	2	6	3	2	13
	шарообразные	красно-коричневые	1	2	–	–	3
	кольцевидные	красно-коричневые	1		2	–	3
		желтые	2	8	1	–	11
		голубые	2	2	–	–	4
	бочонковидные	красно-коричневые	8	4	–	–	12
	битрапецоидные	красно-коричневые	6	3	1	–	10
		зеленые	1	3	–	–	4
	цилиндрические	неопределенные	4	–	–	–	4
		синие	1	1	4	–	6
Ребристые	зонные	зеленые	1	2	–	1	4
	кольцевидные	желтые	1	–	1	–	2
Бугристые	цилиндрические	разного цвета	35	6	–	–	41
Граненые	кубические	красно-коричневые	1	–	–	–	1
	призматические	красно-коричневые	5	1	–	–	6
Полихромные навитые							
Граненые	белоромбические		2	–	2	–	4
Глазчатые	с монохромными глазами	кр/кор. с желт. гл.	5	–	–	–	5
		черные с бел. гл.	–	1	–	–	1
		черные с желт. гл.	–	1	–	–	1
		голубые счерл. гл.	–	1	–	–	1
	«треугольные»	кр/кор. с желт. гл.	25	9	2	–	36
	с концентрич. глазами	красные с син.-бел.	4	6	2	–	12
		желтые с кр.-бел.	10	–	–	–	10
		синие с бел.-гол.	3	3	–	–	6
черные с кр.-бел.		–	1	–	–	1	
С металлической прокладкой			392	92	8	2	494
Цилиндр. с наклад нитями		кр/кор. с желт.	1	1	–	–	2
Из тянутой трубочки							
Лимоновидные	желтые	1-частные	59	–	3	–	62
		2-частная	10	–	–	–	10
		многочастная	4	–	–	–	4
	синие	многочастная	–	1	1	–	2
Рубленный бисер			514	1	3	–	518
Навитой бисер			270	–	19	–	289

ковидные и битрапецеоидные бусы красно-коричневого цвета – 21 экз. Бусы другой цветовой гаммы единичны. Они представлены зонными черными и синими, кольцевидными желтыми и голубыми, бочонковидными синими, битрапецеоидными зелеными, цилиндрическими синими. В коллекции две ребристые в поперечном сечении бусины – желтая кольцевидная и зеленая зонная. В двух ожерельях присутствуют 35 синих бугристых («ягодовидных») бусин. Из монохромных присутствует еще одна разновидность – четырехгранные (кубическая и пять призматических печеночно-красного цвета). Полихромные бусы представлены глазчатыми (47 экз.), в том числе красно-коричневыми круглыми с желтыми глазками (5 экз.), близкими им так называемыми треугольными – так же красно-коричневыми с желтыми глазками (25 экз.). В эту группу входят также три разновидности бус с концентрическими глазками – красные с сине-белыми (4 экз.), желтые с красно-белыми (10 экз.) и синие с бело-голубыми глазками (3 экз.). К полихромным относятся и две так называемые белоромбические бусины. Бусы из тянутых трубочек включают желтые лимоновидные одночастные (59 экз.), двучастные (10 экз.) и трехчастные (3 экз.). Кроме того, в одном из ожерелий присутствовала сердоликовая шаровидная малая бусина. Кроме того, в погребениях найдено 514 экз. рубленного бисера и 270 экз. навитого бисера

Все названные разновидности (за редким исключением) встречаются и в культурном слое древнейшей части Рязани – Северного городища и северной части посада. При этом практически не встречаются на Южном городище, заселенном не ранее середины XII в.

Состав коллекции упомянутых разновидностей из культурного слоя города включает 196 экз. бус и 23 – бисера (4 – рубленного и 19 – навитого) (табл. 1).

Включенные в анализ бусы бытовали в Восточной Европе довольно долгое время, в большинстве – на протяжении всего XI и первой половины XII столетия, что точно соответствует времени функционирования некрополя и первому периоду истории города. Но есть среди них и те, которые, по мнению большинства исследователей, вышли из употребления или, по крайней мере, перестали быть массовыми в начале или первой половине XI в. Остановимся на них чуть подробнее.

Во-первых, к таковым относятся все бусы, изготовленные из тянутой трубочки. В старорязанской коллекции к ним относятся желтые лимоновидные бусы, присутствующие в наборах двух погребений и в культурном слое Северного городища и посада. Помимо некрополя известно всего пять экземпляров, при этом четыре из них происходят

с территории посада: две одночастные желтые – из перемешанных слоев раскопа 39, расположенной в устье р. Серебрянки в самой северной точке этой части города, одна подобная – на склоне второй надпойменной террасы из нижней части культурного слоя раскопа 31. Еще одна двучастная синяя найдена в нижних напластованиях раскопа 45 на посаде. С территории городища происходит трехчастная голубая пронизка, найденная в перемешанном слое раскопа 42. По сведениям Ю. Л. Шаповой подобные бусы наиболее характерны для X – первой половины XI в. (Шапова, 1956. С. 174, 178). Обращает на себя внимание отсутствие в коллекции полосатых лимонок, а также единичные экземпляры синих, голубых бусин, широко представленных в материалах второй половины X – начала XI столетия (Захаров, 2004. С. 45).

В эту группу следует включить четыре зеленого, голубого и красного цвета бусины-пронизки в форме цилиндрической трубочки, особо отмеченные Г. М. Сагмановой в коллекции раскопа 40 Северного городища в слое второй половины XI – первой половины XII в. Такие бусы соответствуют типу 5 по классификации З. А. Львовой; по мнению исследовательницы, они обычно сопутствуют рубленому бисеру и являются необработанными отрезками гладких стеклянных трубочек (длина 2–4 мм). В Старой Ладоге они появляются в слоях IX–X вв. (Львова, 1968. С. 92).

Собственно рубленый бисер помимо погребений некрополя найден опять же только на посаде (3 экз. на раскопе 45) и Северном городище (1 экз., раскоп 42). Малочисленность бисера в культурном слое, вероятно, отражает специфику этих находок и трудности с их выявлением при обычном способе поиска (без промывки слоя).

Второй разновидностью ранних бус, датируемых X–XI вв., являются беломрамбовые (Захаров, 2004. С. 45; по устной консультации И. Н. Кузиной, бытование этих бус не выходит за рамки середины XI в., а присутствие в более поздних комплексах не подтверждено источниками). Их найдено всего четыре экземпляра: они входили по одной в ожерелья погребений 31 раскопа 17 и 12 раскопа 47, две найдены на территории посада в ранних слоях раскопа 46.

Наконец, в культурном слое присутствуют несколько единичных экземпляров глазчатых бус, которые также связываются с периодом не позднее середины XI в.: это две крупные, черная и синяя, бусины с бело-красными глазками и ресничками белого цвета, две красные бочонковидные бусины с бело-черными глазками и черными ресничками, происходящие из раскопок на Северном городище, а также две черные бусины с бело-черно-красными глазками, белыми ресничками и белыми петлями, также

найденные на Северном городище. Подобные бусы датируются X – началом XI в. (Львова, 1968. С. 78). Еще одна разновидность бус – округлые мозаичные бусы, изготовленные в технике милифиори, датирующиеся исследователями также X – началом XI в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 195–195) – представлены в Старой Рязани тремя экземплярами – из культурного слоя Северного городища (раскоп 28) и посада (раскоп 46).

К набору ранних стеклянных бус примыкает группа каменных шаровидных сердоликовых бусин: одна входила в состав ожерелья погребения 22 раскопа 47, еще 30 найдены на Северном городище (12 экз.) и посаде (18 экз.). На древнерусской территории М. В. Фехнер датирует их X–XI вв. (Фехнер, 1959. С. 152). По мнению С. Д. Захарова, верхняя граница бытования шарообразных сердоликовых бус не выходит за середину XI в. (Захаров, 2004. С. 40, 44).

В целом, бусы первого периода истории Старой Рязани (до середины XII в.) характеризуются довольно ярко выраженным преобладанием византийского импорта, к которому можно отнести, по крайней мере, бусы с металлической фольгой, бугристые, белоромбические, треугольные, т. е. не менее двух третей коллекции (575 экз.). Восточные бусы – глазчатые, мозаичные и из тянутой трубочки – составляют 14%.

Такая ситуация, несомненно отражающая конъюнктуру рынка XI столетия, когда на смену господству восточных бус пришло доминирование изделий византийского производства (Щапова, 1991), осложняет задачу выделения комплекса бус начала – первой половины XI в. Тем не менее, ощутимое присутствие тех типов бус восточного импорта, поступление которых в Восточную Европу, вероятно, в этот период уже находилось на спаде (бус из тянутых трубочек, рубленого бисера, некоторых типов глазчатых и мозаичных, сердоликовых шаровидных) может служить еще одним аргументом для доказательства тезиса о существовании города, по крайней мере, в первой половине этого столетия.

Третья группа древностей, самый массовый археологический материал – керамика – систематизирован автором статьи в диссертационном исследовании (Стрикалов, 2006). Однако, как отмечено выше, при аргументированном относительном датировании выделенных типов и традиций в керамической шкале Старой Рязани ощущается недостаток абсолютных дат. В ней материалы XI – первой половины XII в. довольно четко выделяются по распространению в древней части города (на Северном городище и на посаде, при полном отсутствии в культурном слое Южного городища), но внутри этой хронологической группы у нас нет четких критериев для точных датировок.

Некоторый прогресс в решении этой задачи был достигнут на основании анализа керамики раскопа 45 на посаде, отличающегося хорошо стратифицированным культурным слоем XI столетия (Стрикалов, 2017. С. 125–156). В нем выделено семь строительных горизонтов, отражающих изменения в застройке участка на протяжении этого времени – от первого, связанного с существованием гончарной мастерской (о ней речь пойдет ниже) до трех перестроек хозяйственного двора жилой усадьбы. В керамике этих горизонтов можно выделить три этапа, каждый из которых имеет выразительные характеристики в составе коллекции. Для первого этапа (горизонт 1) характерны исключительно раннегончарная посуда так называемой местной традиции и локальное (связанное с гончарной мастерской) присутствие «дрогичинской» традиции изготовления посуды. На втором этапе (горизонты 2–4) в Старой Рязани появляется «южная» традиция, явно привнесенная на местную почву из староосвоенных земель Среднего Поднепровья (Стрикалов, 2017. С. 143). Третий этап (горизонты 5–7) характеризуется еще большим разнообразием состава керамической коллекции.

Принимая постулат о связи появления новых керамических традиций с притоком переселенцев, можно попытаться найти параллели в характеристиках посуды Старой Рязани и земель – источников колонизационных потоков, а на этом основании – найти тот временной отрезок, когда такая посуда могла появиться на Средней Оке. Наилучшим образом для этих задач подходит так называемая манжетовидная керамика южной традиции, привозной характер которой демонстрируют не только морфологические особенности, но также и состав глиняной массы, орнаментация, непохожие на характеристики синхронных образцов керамики местной традиции. «Манжет» традиционно считается общепризнанным элементом южнорусской керамики X в. (Петрашенко, 1992. С. 8) и отчасти XI в. (сильно профилированные формы с широким наплывом с несколькими желобками-каннелюрами и подрезкой нижнего его края – Петрашенко, 1992. С. 8; Кучера, 1992. Рис. 106, 5–11; Моргунов, 1996. С. 14). Для нее существует хорошо разработанная классификация с аргументированными датировками разновидностей.

В коллекции керамики раскопа 45 привозная южнорусская посуда представлена разновидностями «манжета», характерными для X – первой половины XI столетия (рис. 5)

Эта группа включает венчики усложненной формы. Помимо плавно отогнутой шейки присутствуют разновидности с прямой отогнутой наружу шейкой (подтип 3). Огранка края более сложная и включает

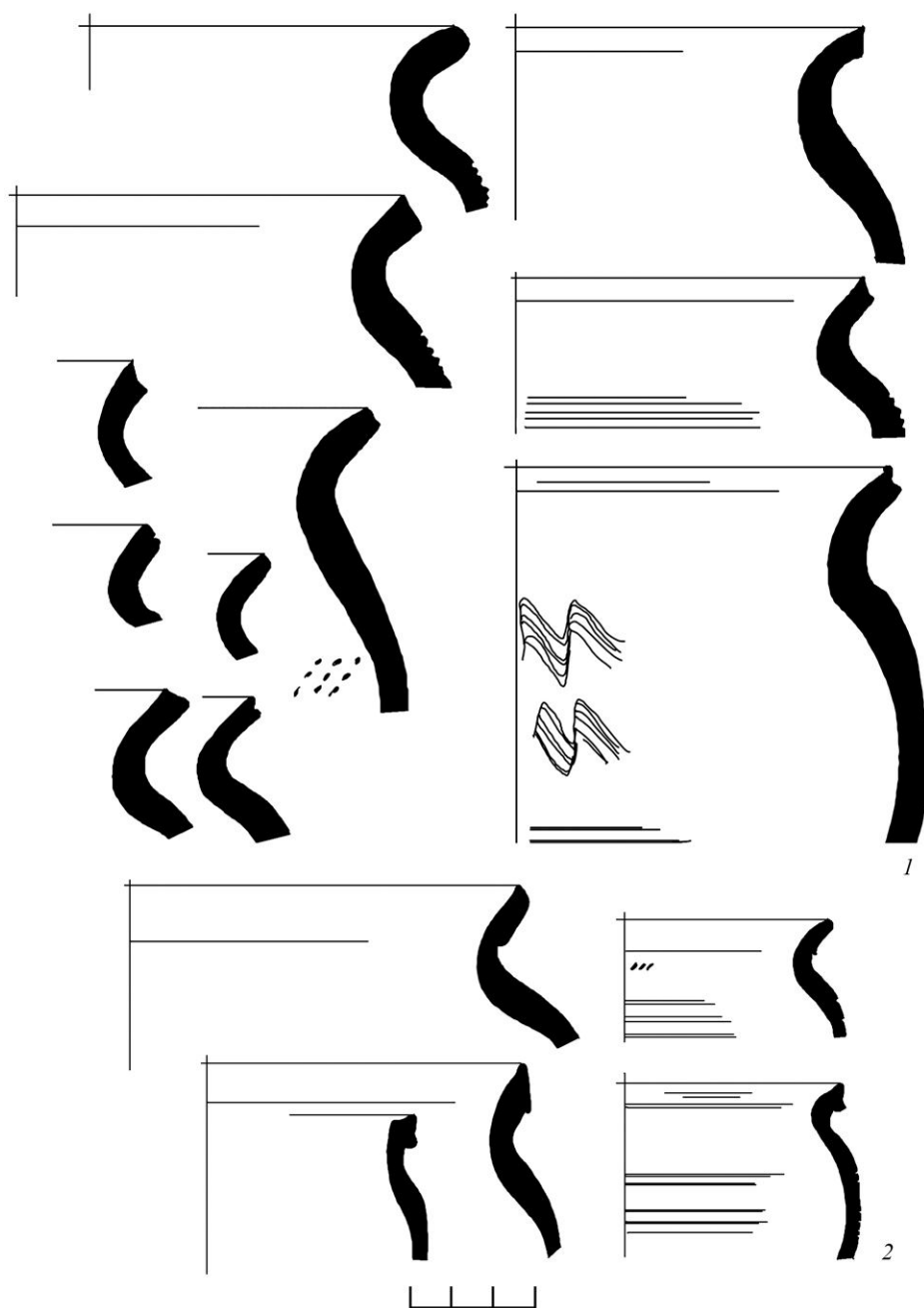

Рис. 5. Керамика местной (1) и «южнорусской» (2) традиции.
Раскоп 45, горизонты 1-2 (посад)

разновидности с несколькими желобками-каннелюрами на широком наплыве, две-три грани по торцу и внешней стороне края. Простые, архаичные, формы манжета в коллекции также присутствуют, но основная часть их является продолжением «местной» традиции: по своим характеристикам (тесто, орнаментация, пропорции) они близки к ранне-круговым венчикам с огранкой края.

Часть южнорусских образцов посуды изготовлена из беложгущейся глины с грубыми примесями, остальные – из более тонкого теста и с более качественным обжигом. Такая рецептура глиняного теста, как уже отмечалось выше, не характерна для местной керамики XI в., но известна, в частности, в Среднем Поднепровье, как на Левобережье (Горнальский комплекс), так и на Правобережье (Триполье, Плеснеск и др. пункты) (Комар, 2012б. С. 335).

Все названные формы, по уже упомянутым аналогиям, не выходят за рамки X – самого начала XI столетия, что не соответствует факту явного отсутствия древностей X в. в Старой Рязани и снижает доверие к приведенным параллелям. В частности, в рязанской коллекции нет самых ранних форм такой посуды, известных на Юге с конца IX – первой четверти X в. (со стреловидным манжетом с выступающим вниз острым краем – Комар, 2012б. С. 355), но хорошо представлены образцы со срезанным верхним краем манжета, первое появление которых в Киеве зафиксировано в зольнике Старокиевского городища времени строительства Десятинной церкви (около 980–990 гг.) (Комар, 2012б. С. 355). Однако последние наблюдения киевских археологов, как кажется, снимают это противоречие. Они рисуют более сложную картину бытования разных вариантов такой посуды.

С одной стороны, в зольнике 80-х гг. X в. Старокиевского рва и языческих погребениях могильника под Десятинной церковью обнаружены образцы сосудов с закраиной и горизонтальным или косым срезом манжета венчиков, обломки тонкостенных сосудов из хорошо отмученной белой глины или светло-розового обжига, как считалось ранее, возникающих только в первой или даже второй половине XI в. В то же время, в слоях Подола второй четверти XI в. значительный процент все еще составляют сосуды с простым манжетом, характерным для второй половины X в. (Комар, 2012а. С. 312).

Керамический комплекс Днепровского Левобережья, в частности Шестовицкого поселения и могильника, практически полностью аналогичен киевскому второй половины X – начала XI в. и близок по составу со старорязанской коллекцией из анализируемого комплекса (Комар, 2012б. С. 355).

Примечательно, что в материалах нижних горизонтов Северного городища появляется еще одна группа белоглиняной керамики, для которой характерны венчики, представляющие дальнейшее развитие южного «манжета» – с массивным наплывом наружу и небольшим заворотом края внутрь (тип 7 старорязанской классификации), которые соответствуют оваловидным в разрезе манжетам с закраиной, появившимся в слоях Киева 20–30-х гг. XI в., а также массивным сложнопрофилированным манжетам с подрезкой верхнего края второй четверти XI в. Отсутствие такой посуды в слоях первого этапа поселения в Шестовице, по мнению А. В. Комара, методом исключения маркирует конец этого первого этапа, относимый исследователем к началу XI в. (Комар, 2012б. С. 355).

В материалах других участков Старой Рязани классические образцы развитого «манжета» и вариантов его дальнейшего развития единичны и происходят из нижних горизонтов Северного городища и посада, а также из нескольких погребений северной части раннего некрополя на Южном городище.

Три рассмотренных категории древностей – набор статусных вещей и предметов вооружения, стеклянные и каменные бусы, керамика разных традиций – не дают однозначного ответа на вопрос о времени возникновения Старой Рязани в пределах XI в. (X столетие исключено из рассмотрения в силу как полного отсутствия каких-либо маркеров этого времени в наборах древностей, так и монетных находок арабского серебра, хорошо представленных в более ранних комплексах окружающих территорий Среднего Поочья.) Однако проведенный анализ не исключает *вероятность* отнесения этого события в первую половину XI столетия.

Для дальнейшей аргументации этого тезиса необходимо обратиться к закрытым комплексам, в частности, к материалам раннего некрополя Старой Рязани.

Старорязанский некрополь, занимавший прибрежную полосу Южного городища протяженностью до полукилометра шириной более 100 м исследовался преимущественно в 1960–1970-е годы. За этот период раскопано 216 погребений, подробный анализ которых содержится в монографии В. П. Даркевича и Г. В. Борсевича «Древняя столица Рязанской земли» (1995). Позднее, начиная с 1994 г., отдельные участки могильника исследованы на раскопах 7АБ, 25 и 47, где в общей сложности открыто еще 54 погребения (по 2021 г.).

В. П. Даркевич провел тщательный анализ некрополя, включая особенности погребальных конструкций, обряда, инвентаря и состава

погребенных (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 339–368). Уже упоминались выводы автора о хронологии могильника. По его мнению, вещевой материал допускает широкую датировку некрополя XI – первой половины XII в., но методом усредненного датирования по пересекающимся диапазонам бытования предметов погребального инвентаря В.П. Даркевич определяет его хронологические рамки от середины XI до середины XII в. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 368).

Такой подход к датированию могильника кажется не совсем верным. Он применим к установлению даты отдельных погребальных комплексов с наборами инвентаря, несомненно существовавшего одновременно. Но в целом для могильника, функционировавшего довольно продолжительное время, это вряд ли правомерно. Вывод В.П. Даркевича требует, по крайней мере, перепроверки через дискретный анализ датировок отдельных погребений.

Состав погребального инвентаря рязанского некрополя довольно разнообразен и подробно рассмотрен В.П. Даркевичем. Новые находки не добавляют в этот список новых категорий предметов. Датировки большинства из них довольно широкие и в целом охватывают период конца X – первой половины XII в. Однако в составе сопутствующих погребенным вещей есть и те, которые рассмотрены выше и могут быть использованы для более узкого датирования: это бусы и глиняные горшки.

Бусы в погребениях присутствуют как в виде отдельных находок, частей сложных по составу украшений, так и целых ожерелий. Последнее (в составе более 5 экз.) найдены в 30 погребениях (включая одно случайно открытое погребение за пределами городища – Даркевич, 1974. С. 71). Данные по составу ожерелий сведены в таблицу 2.

Анализ состава ожерелий бус позволяет увидеть выраженную тенденцию абсолютного преобладания бус с металлической фольгой в центральной (раскоп 17) и южной (раскоп 13) частях могильника. Можно предположить, что среди них, по определению Р. Андре, доминируют комбинации основные и образцовые (Andrae, 1975. P. 103, 104).

В северной части могильника (раскопы 7АБ, 11, 47 и 20) ситуация более сложная. Здесь основную часть наборов следует признать сборными комбинациями, включающими как изделия Востока, так и Византии.

Среди византийского импорта доминируют бусы с металлической фольгой, восточные представлены разными наборами. Особого внимания заслуживают бусы погребений 22 и 37 раскопа 47 из раскопок 2019 и 2021 гг., которые могут быть отнесены к основному типу

Таблица 2. Ожерелья бус Старорязанского некрополя.

Погребение	Бисер	Тянутые	Белоромбические	Гладкие разнообр.	С фольгой	Ягодовидные	Глазчатые	Треугольные	Сердоликовые (шаровидные)	Другие каменные
<i>Соколиная гора</i>										
Фатъян. 68		46		7	16					
<i>Северная часть некрополя</i>										
1-11	+									
13-11					5					
9-7АБ		1		23				1		4
12-7АБ					5					
4-47				8	10					
12-47			1	7		4		6		
22-47		19			1		3		1	
24-47				4				12		
26-47	26			5						
37-47	106	12			1		6	3		
18-20	11				5					
20-20					18					1
<i>Центральная часть некрополя</i>										
1-17				2			8			
7-17					16		1			1
11-17				+						
15-17				2	41					8
16-17				2	6					1
17-17					28					
23-17	150			8	10			5		
p1-17					12					
p2-17				1	12					
<i>Южная часть некрополя</i>										
30-13					25					
32a-13				1	14					3
32б-13						31				
36-13					36					
49-13					126					
69-13					26					
77-13	482				8					
89-13	62			5	9	2				1
91-13					5					

комбинаций. В погребении 22 основную часть составляют одно- и двухчастные лимоновидные бусы желтого цвета (14 экз.), к ним примыкают нарезанные из трубочки черные пронизки (5 экз.). В составе ожерелья также три голубые бусины с бело-синими концентрическими глазками, одна биконическая золотостеклянная и одна сердоликовая шарообразная. Состав набора позволяет датировать погребение первой половиной XI столетия. Такую же дату дает анализ состава бус погребения 37, включающего бисер и многочастные обесцвеченные пронизки, глазчатые бусины и одну цилиндрическую золотостеклянную. К тому же времени следует отнести погребение, случайно открытое в 1968 г. на Соколиной Горе – мысу коренного берега Оки, на правом берегу р. Серебрянки, напротив Северного городища, набор инвентаря которого включает бусы-лимонки, бисер, подвески на цепочках с бубенчиками вытянутой формы, датированные X – началом XI в. (*Даркевич, 1974. С. 71*).

Более сомнительна ранняя датировка погребений, включающая составные ожерелья с разнообразными по времени бытования и происхождению бусами, но в которых присутствуют в единичных экземплярах образцы, датируемые не позднее первой половины XI столетия – погребение 9 раскопа 7АБ с двучастной лимоновидной пронизкой желтого цвета и погребение 12 раскопа 47 с белоромбической бусиной. Они могли попасть в состав ожерелий позднее времени основного времени бытования. Еще одна белоромбическая бусина (в сочетании с шарообразной сердоликовой) найдена в погребении 31 раскопа 17 (центральная часть могильника).

Таким образом, хронология северной части некрополя более древняя и, вероятно, позволяет датировать наиболее ранние погребения, открытые в этой части могильника, первой половиной XI в. Кроме того, однородность бус центральной и особенно южной частей некрополя позволяют предположить, что погребения там совершались в период хорошо налаженных поступлений в Старую Рязань византийского импорта (бус с металлической фольгой и ягодовидных). Примечательно, что в центральной части могильника открыто погребение с золотой тесьмой византийского происхождения (погребение 24 раскопа 17 – *Даркевич, Борисевич, 1995. С. 354*).

Пестрота состава ожерелий и сборный характер комбинаций древней части некрополя, возможно, отражает особенности состава жителей города того периода. Ранний период истории Старой Рязани характеризуется пришлым составом населения – рязанцами в первом-

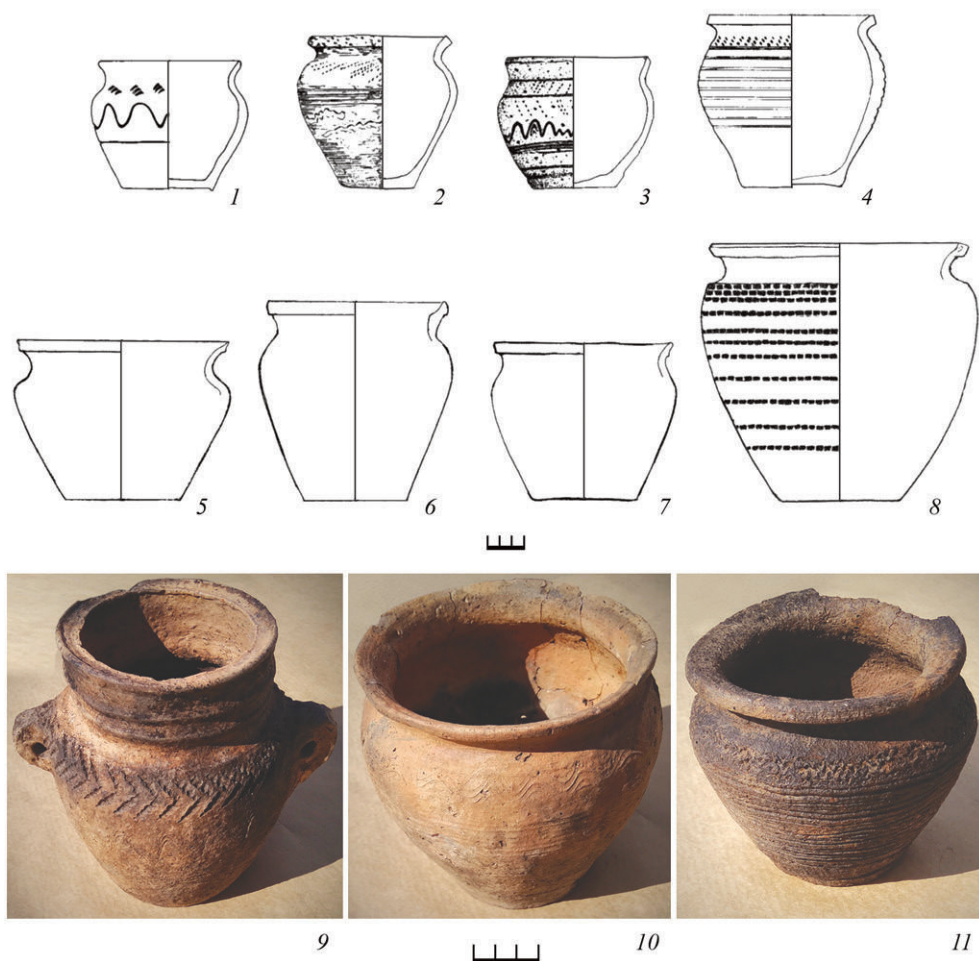
втором поколении, и их украшения вполне могли быть частью имущества, привезенного с собой со старых мест.

Высказанные предположения подтверждаются анализом другой категории погребального инвентаря – глиняной посуды.

Всего в погребениях найдено 15 горшков. В центральной части могильника горшки входили в состав погребений 8 и 17 раскопа 17. По своим признакам (тип 6 старорязанской классификации, орнамент в виде прокатанного колесиком штампа) они датируются концом XI – началом XII в. В южной части (раскоп 13) также найдено два горшка, типичных для первой половины – середины XII столетия.

Северная часть могильника дает совершенно иной состав погребальной посуды. Горшки представлены двумя основными типами. Это шесть раннекруговых горшков с простым краем венчика (заглаженным или срезанным с торца), изготовленные из грубого теста и украшенные линиями, волной и штампом (косой наколкой) (погребения 1 и 8 раскопа 7АБ, погребения 1 и 6 раскопа 11, погребение 20 раскопа 47 и погребение 5 раскопа 20). Вторая группа – три горшка, край которых оформлен манжетом. Они без орнамента, изготовлены из тонкого теста и имеют более вытянутые пропорции, что позволяет включить их в образцы уже упомянутой «южнорусской» традиции, характерной для раннего этапа истории города (погребение 4 раскопа 7, погребения 2 и 3 раскопа 11). Необычны два горшка из погребения 12 раскопа 47. Один из них имеет манжетовидный венчик архаичного облика (с удлиненным манжетом без каннелюр), линейно-волнистый орнамент и изготовлен из красножгущегося теста с крупным песком, подобный горшкам из Гнездовского комплекса второй половины X – начала XI в. (Каменецкая, 1977). Второй сосуд представляет собой кринку с высокой вертикальной шейкой, оформленной широким рифлением, слабо выраженное ребро на плече и два ушка. Плечо украшено штампом-елочкой, ниже расположены пояса волнистого и линейного орнамента. Изготовлен из теста, сходного с материалом первого сосуда, но более плотного. По ряду признаков (вертикальная шейка, рифление) сосуд сходен с западнославянской посудой Польши и Поморья того же времени, но точных аналогий ему пока не найдено (рис. 6).

Помимо горшков в инвентарь погребений входили, как правило, лишь отдельные предметы (ножи, перстни), но в двух случаях они встречены в сочетании с ожерельями из стеклянных бус. В погребении 2 раскопа 11 инвентарь включает помимо горшка перстневидное височное кольцо с заходящими концами, трехбусинное височное

Рис. 6. Керамика из погребений городского некрополя

1 – р. 7АБ, погр. 1; 2 – р. 20, погр. 5; 3 – р. 7АБ, погр. 8; 4 – р. 11, погр. 1;
5 – р. 11, погр. 2; 6 – р. 7, погр. 1; 7 – р. 11, погр. 3; 8 – р. 17, погр. 8;
9, 10 – р. 47, погр. 12; 11 – р. 47, погр. 20

кольцо с гладкими бусинами, спаянными из тисненых половинок, проволочное кольцо-перстень с заходящими концами, узкопластинчатый замкнутый перстень, пластинчатый усатый перстень с гладким щитком и бисер (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 341). В погребении 12 раскопа 47 с двумя горшками найдены также пять проволочных перстнеобразных колец, железный нож и набор бус разного состава, в том числе белоромбическая, четыре синие цилиндрические ягодоновидные,

Рис. 7. Погребение 12. Раскоп 47

две призматические и одна зонная красно-коричневого цвета, четыре голубые кольцевидные (две гладкие и две ребристые), несколько разрушенных треугольных красно-коричневых с желтыми глазками (рис. 7). В обоих случаях инвентарь не противоречит датировке комплексов XI веком, и возможно, его первой половиной.

Итак, северная, древнейшая, часть старорязанского некрополя включает погребения, совершенные, вероятно, в первой половине XI столетия. И хотя такая узкая датировка может быть признана лишь для нескольких, но общий облик погребального инвентаря этой части могильника выглядит более архаичным, чем в центральной и южной частях, дата которых укладывается в предложенный В. П. Даркевичем временной отрезок от середины XI до середины XII столетий. Отметим также, что одно из самых ранних погребений открыто за пределами некрополя – напротив городища за р. Серебрянкой. Возможно, один из древнейших участков городского некрополя располагался именно за пределами городища, на участке, изучение которого пока недостаточно для окончательного вывода.

В целом анализ археологических находок Старорязанского городища с учетом новых материалов, полученных в ходе раскопок 1994–2021 гг., позволяет достаточно уверенно утверждать, что время возникновения города может быть отодвинуто в первую половину XI столетия. Но более точную датировку от этой категории источников вряд ли можно ожидать, как в силу самого состояния хронологии древностей этого периода, так и характера культурного слоя памятника. Реперные точки, имеющие установленную дату, в Старой Рязани отсутствуют. Возвращаясь к тезису Ю. М. Лесмана, такую информацию можно ожидать только от нумизматических материалов и результатов естественно-научных исследований.

Из этого списка в нашем распоряжении имеется лишь одна монета из погребения 23 раскопа 17 (центральная часть могильника). Это английский денарий Кнута Великого 1017–1023 гг., использованный как подвеска в ожерелье. В составе инвентаря погребения найдены проволочное завязанное височное кольцо, толстопроволочное бронзовое кольцо с проволочным колечком и следами кисета, в котором лежал амулет (астрагал бобра), грушевидный крестопрорезной бубенчик, бронзовая обойма от деревянной рукояти ножа, а также ожерелья бус: зеленый навитой бисер (св. 150 шт.), не менее десяти золотостеклянных цилиндрических, пять эллипсоидных печеночно-красных с выпуклыми желтыми глазками (треугольных) бус. Но дата монеты не приближает нас к решению проблемы точной датировки. По мнению В. П. Даркевича, такие монеты достигали Руси не в результате прямых связей, а в составе так называемых датских денег и, как правило, в составе находок конца XI и даже XII в. (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 366). Такая датировка вполне согласуется с хронологией инвентаря погребения, но не приближает нас к решению поставленного вопроса.

Все же в материалах Старой Рязани имеется один закрытый комплекс, способный стать важным шагом на этом пути. Это гончарный горн древнейшего горизонта культурного слоя посада, открытый на раскопе 45 в 2013 г. (Стрикалов, 2015). Этот комплекс, стратиграфически соотносимый с начальным периодом истории города, уникален составом коллекции горшков, оказавшихся в нем в момент разрушения. Все горшки относятся к так называемой посуде дрогичинского типа, хорошо известной по материалам русско-польского пограничья XI–XII вв. В разрушенном горне найдены развалы не менее десяти горшков, в том числе одного лепного, но выполненного из того же глиняного теста, что и остальные – из слабоожегуленой глины с примесью крупного песка (рис. 8).

Рис. 8. Гончарный горн XI в.

Одним из основных центров ее производства был Дрогичин, где такая керамика впервые выделена и преобладала, что и стало основанием для ее наименования (Musianowicz, 1962. Р. 587–609). По мере накопления данных ареал распространения керамики «дроги́чинского» типа расширился. Она найдена на памятниках Побужья, вплоть до Берестья и Червения на юге (Лысенко, 1985. С. 238; Abramowicz, 1959. Fig. 3–4), на территории Черной Руси – в Гродно, Волковыске и Новогрудке и других памятниках (Малевская-Малевич, 2005. С. 145–14), а также на поселениях и в могильниках пруссов вплоть до Самбийского полуострова (Кулаков, 1999. Рис. 2, 12, 28, 35, 36, 38; Кренке Н. А. и др., 2013. С. 154).

Время бытования такой керамики первоначально определялось периодом со второй половины XI столетия до XIII в, но ряд наблюдений, в частности, отмеченных М. В. Малевской-Малевич, позволил высказать гипотезу о более раннем ее появлении – в первой половине XI в. (Малевская-Малевич, 2005. С. 146). При этом некоторые локальные особенности в пропорциях, формах, составе глиняного теста, полученные в ходе исследований разными специалистами, свидетельствовали о множественности центров ее производства (Musianowicz, 1962. S. 608; Wojcik, 2008. S. 280).

Подобная посуда встречалась в нижних горизонтах Северного городища и посада и ранее, но лишь в небольших количествах. В рассматриваемом случае мы имеем дело с серией сосудов с высокой степенью стандартизации, изготовленных единовременно одним мастером на месте. «Идеальный образ» горшка «дроги́чинского мастера», реконструируемый по материалам Старой Рязани (наиболее близкий к идеалу образец представлен на рисунке 9), представлял собой сосуд средних размеров и средних пропорций с вогнутым дном, высокой прямой шейкой и коротким отогнутым наружу венчиком с граненым краем. Горшки украшались линейным орнаментом, покрывавшим большую часть его поверхности, включая шейку. Для их изготовления использовалась слабожелезненная глина с примесью непросеянного песка.

Ряд элементов «образцового» «дроги́чинского» горшка позволяет построить его в гипотетический эволюционный ряд такой керамики. Устойчивыми элементами этой традиции являются предпочтения в глине, неизменная форма с выраженными конструктивными элементами, огранка края, орнаментирование большей части поверхности сосуда. Более подвержены изменениям были другие признаки – элементы декора, степень выраженности конструктивных элементов (венчика, шейки, плеча), форма дна. Место старорязанского «образцового горшка» в «дроги́чинской» традиции определяется в первой половине XI в., когда элементы

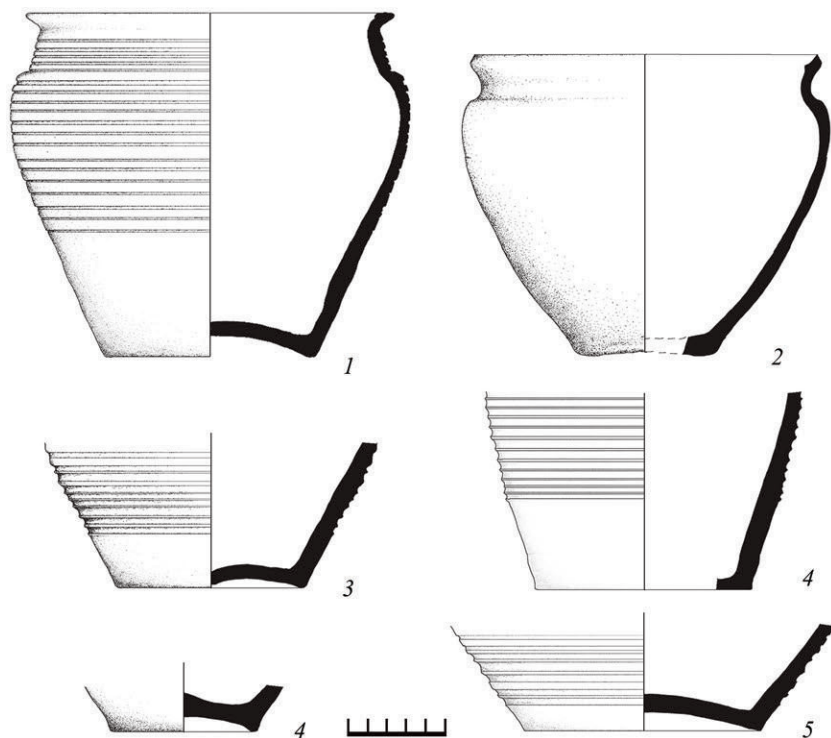

Рис. 9. Посуда «дрогичинского» типа из раскопа на посаде (р. 45)

формы не достигли «гипертрофированной выраженности» классического периода XII–XIII вв. Плечо и шейка в этот период еще не получили резких очертаний, венчик сохранял небольшие размеры (рис. 10).

Эта гипотеза дополняется сочетанием «дрогичинской» посуды в горизонте 1 культурного слоя раскопа (горизонте горна) исключительно с раннекруговой керамикой местной традиции и появлением в вышележащих напластованиях манжетовидных образцов «южнорусской» традиции.

Необычность факта присутствия на восточной окраине славянского мира пришлого гончара позволила высказать гипотезу о связи его переселения с политическими событиями первой половины XI столетия, а именно с русско-польскими войнами этого периода.

Начало активной фазы русско-польских конфликтов и союзов связано с периодом усабиц наследников киевского князя Владимира Святославича, умершего в 1015 г., совпавшим с укреплением власти соседнего польского князя Болеслава Храброго. Первым актом этой борьбы стали поход Ярослава Владимировича на Берестье, упомянутый в русских летописях под 1017 г., и ответный поход Болеслава на Киев в 1018 г.

В русских летописях по этому поводу отмечено: «[Болеслав] людий множество веде съ собою, и города Червеньскыя зая собе» (ПСРЛ. Т. 1. С. 62). Отметим сразу, что 800 пленных русских, уведённые Болеславом, возвратил на Русь король Казимир через четверть века, в 1040-е годы, за помощь Ярослава в покорении Мазовии и в качестве «вена» (платы за невесту).

В 1022 г. Ярослав, вновь укрепившийся в Киеве, совершил второй поход к Берестью, но результаты его не известны.

Новый этап русско-польских отношений связан уже с противоположным процессом: усабицами между потомками Болеслава, умершего в 1025 г., и участием в них русских князей. Нам известно несколько походов киевских князей к польским рубежам в эти годы. Это поход Ярослава 1030 г. на Белз, совместный поход Ярослава и Мстислава Владимировичей 1031 г. на Червенские города, а также несколько походов Ярослава на ятвягов и литву в 1038–1040 гг. и в Мазовию в 1040-е годы в рамках союза с польским королем Казимиром (ПСРЛ. Т. 2. Л. 55–58; подробный разбор летописных свидетельств этих событий см.: *Королюк*, 1964. С. 316–320).

Хотя именно территория Мазовии и Подляшья дают наиболее близкие и массовые аналогии анализируемой керамике в XI столетии, связь мазовецких походов Ярослава с переселением «дрогичинского гончара» маловероятна. В ходе поддержки борьбы Казимира за объединение Польши Ярослав вряд ли претендовал на прямую выгоду в виде

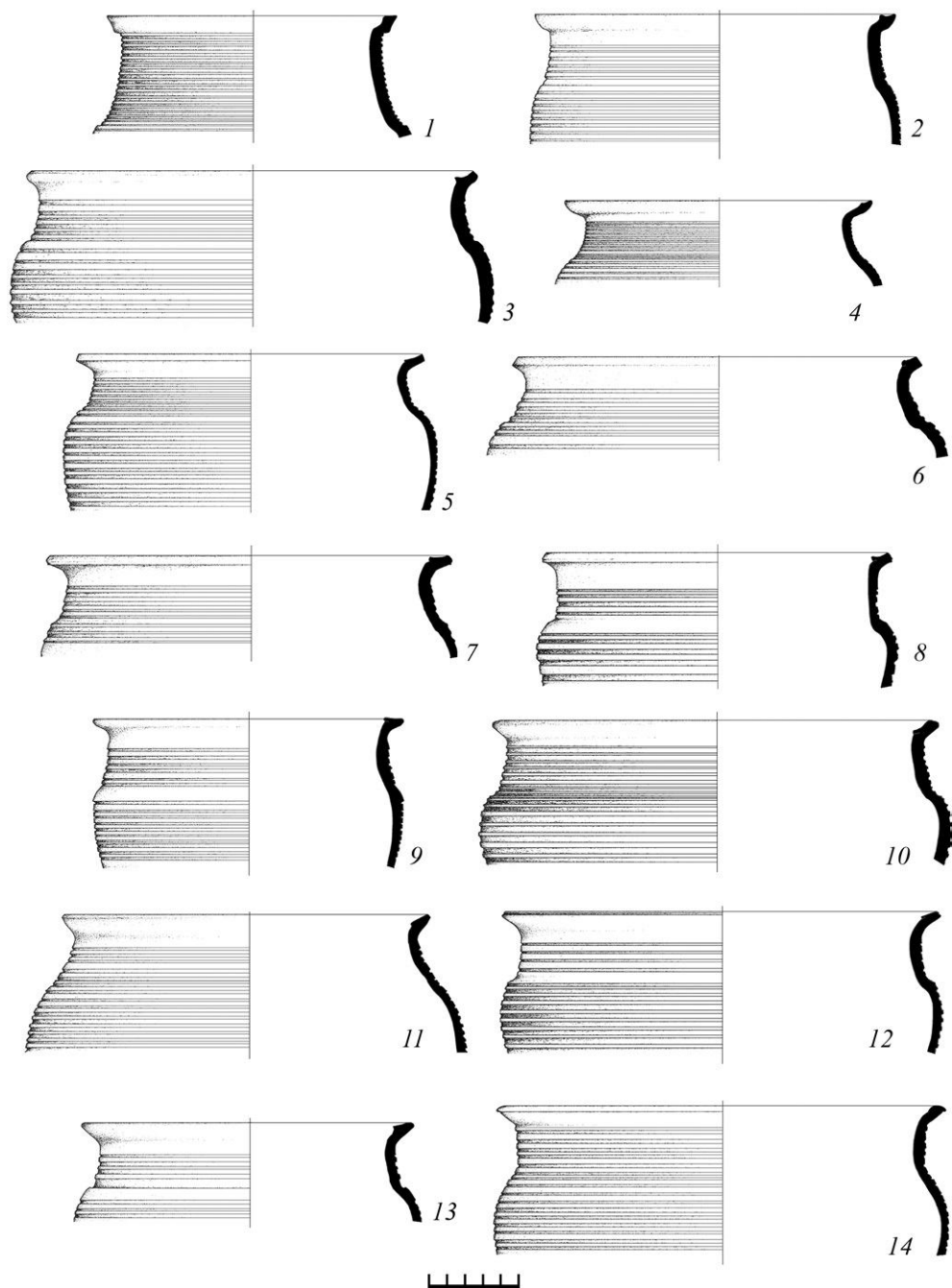

Рис. 10. Венчики горшков «дрогичинского типа» раскопа 45

пленных. Летописец отмечает, что Ярослав «покори землю ту Казимиру». Именно тогда ему были возвращены из плена «800 людей», уведённых Болеславом в 1018 г. Сложнее обстоит вопрос с походами Ярослава на ятвягов и литву, чьи земли, возможно, также лежали в зоне распространения керамики «дрогичинского» типа. О них в летописи даны лишь очень краткие известия. В.Н. Татищев в «Истории Российской» приводит более подробное описание этих событий, согласно которым поход на ятвягов не увенчался успехом, в отличие от литовского, итогом которого было покорение этого племени и возложение дани (Татищев, 1773. С. 107).

Однако, наиболее вероятным событием, связанным с появлением керамики «дрогичинского» типа в Рязани следует признать поход 1031 г. «Ярослав и Мьстислав собрата вой многи, идоста на Ляхы и заяста грады Червеньскыя опять, и повоеваста Лядскую землю, и многы ляхы приведоста и разделивши я, Ярослав посади своя по Рьси» – пишет летописец (ПСРЛ. Т. 2. Л. 55). К описанию возвращения под власть Киева «Червенских градов», похода в Польшу, приведения на Русь пленных и разделения их между Ярославом и Мстиславом у В.Н. Татищева добавлено, что пленных поляков расселили не только по р. Рось, но и «около Чернигова» (Татищев, 1773. С. 105) – столицы одного из участников похода князя Мстислава Владимировича. К этому следует добавить, что земли по Средней Оке, где была построена Рязань, находились во власти именно Мстислава, получившего восточную часть Киевской державы после ушибыцы с Ярославом, победы над ним в битве под Лиственом в 1024 г. и заключения окончательного мира в 1026 г.

Вполне допустимо, что часть пленных из доли Мстислава после похода 1031 г. отправили на Оку, где, судя по проведенному обзору древностей, уже мог существовать новый форпост на восточных рубежах владений этого князя (рис. 11).

Это дает основание высказать гипотезу, что время основания Старой Рязани следует отнести к 1020–1030-м годам, когда эти территории находились под властью Мстислава Владимировича.

Конечно, высказанная мысль требует поиска новых аргументов для своего подтверждения. Но ее принятие позволяет построить конкретный факт возникновения города в более широкий контекст процессов, происходивших в то время на восточной окраине Руси.

Основание Старой Рязани стало результатом целенаправленной деятельности княжеской власти. Об этом косвенно свидетельствуют два наблюдения. С одной стороны, в структуре расселения в Среднем

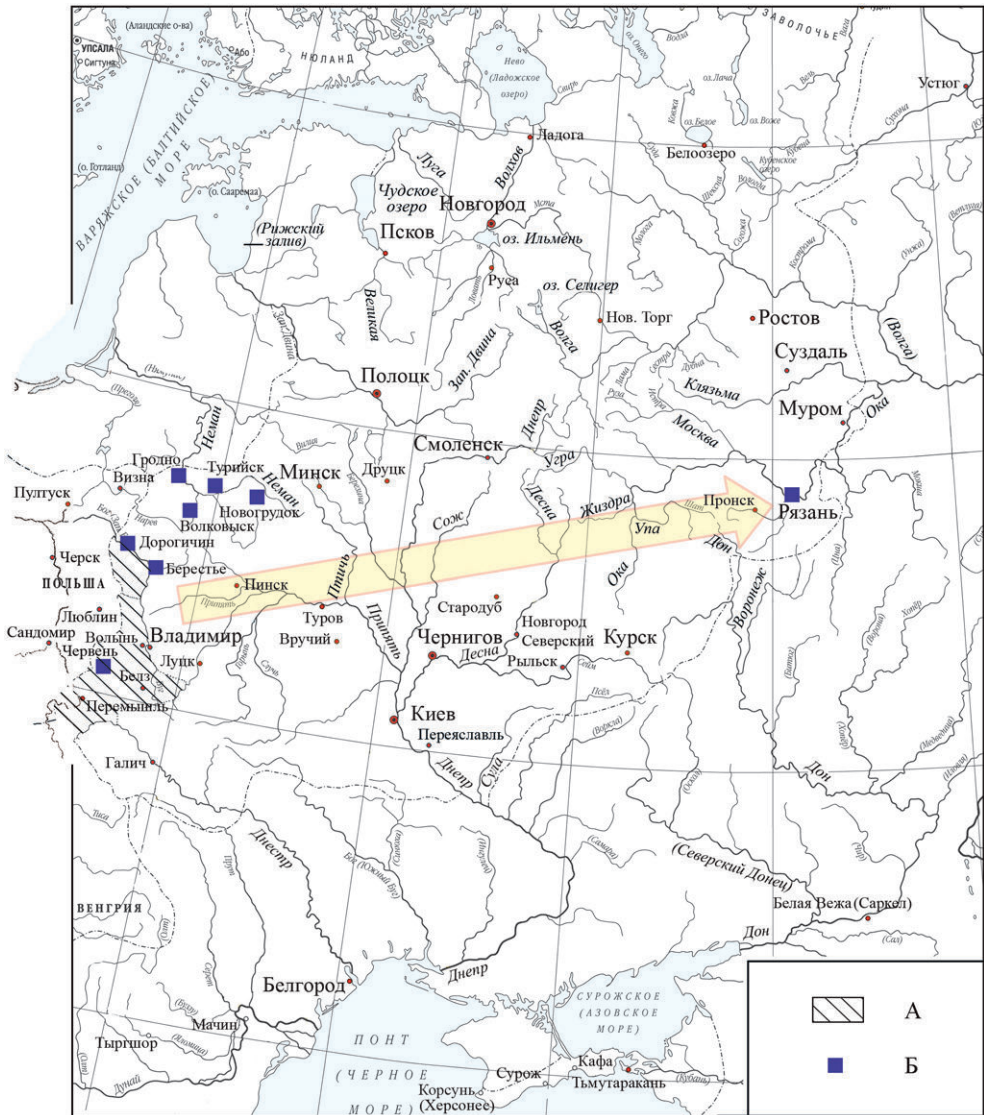

Рис. 11. Основные центры распространения керамики «дрогичинского типа»

А – область «Червенских градов», завоеванная Ярославом и Мстиславом в 1031 г.;

Б – основные центры производства керамики «дрогичинского типа»

Поочье в указанный период наблюдается тенденция исчезновения раннеславянских поселений с характерной лепной и раннекруговой керамикой. С другой, ранний комплекс Старой Рязани характеризуется совершенно иным культурным обликом. При этом состав населения

раннего города был очень пестрым, что отмечал уже В.П. Даркевич (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 26). Дополнением к его выводам служит анализ гончарных традиций Старой Рязани XI столетия. В них отчетливо выделяются разнообразные южнорусские и западнорусские влияния, отражающие пришлый характер первопоселенцев, выходцев преимущественно из староосвоенных земель Древнерусского государства (Стрикалов, 2017. С. 150). Это явление, таким образом, можно поставить в один ряд с программой заселения южных окраин Русской земли на рубеже X–XI вв. киевским князем Владимиром Святославичем.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Авдусина С. А., Ениосова Н. В., 2001. Подковообразные фибулы Гнёздова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ; вып. 124). С. 93–101.
- Артамкин А. Н., 2019. Предметы вооружения и воинского снаряжения из раскопок 2010–2018 гг. в Старой Рязани // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Матер. V Международной конфер. молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 126–129.
- Даркевич В. П., 1974. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–69 г.) // Археология Рязанской земли. М. С. 19–71.
- Даркевич В. П., 1994. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. № 10. С. 43–60.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Круг. 448 с.
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 57–141.
- Зайцева И. Е., 2014. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополя // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. М.; Вологда: Древности Севера. С. 363–376.
- Зайцева И. Е., 2015. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе // Города и веси Средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 184–198.

- Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.
- Захаров С.Д., 2012. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 212–239.
- Захаров С.Д., 2015. Стекланные бусы в археологических коллекциях: новые методы полевых исследований и проблемы интерпретации результатов // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 344–352.
- Захаров С.Д., Кузина И.Н., 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3-х тт. Т. 2. Материальная культура и хронология / Под общ. ред. Н. А. Макарова. М.: Наука. С. 142–215.
- Иловайский Д.И., 1858. История Рязанского княжества. М.
- Каменецкая Е.В., 1977. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дисс... канд. ист. наук. М.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.–Л. (САИ. Вып. Е1-36). 147 с.
- Комар А.В., 2012а. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 300–333.
- Комар А.В., 2012б. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 344–365.
- Королюк В.Д., 1964. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М. 38 с.
- Кренке Н.А., Ершов И.Н., Войцик А.А., Заидов О.Н., Курмановский В.С., Медведева А.А., Певзнер М.М., Раева В.А., Сердюк Н.В., Спиридонова Е.А., 2013. Поселения пруссов на севере Самбийского полуострова в районе п. Куликово (Strobjehnen) // Археология Балтийского региона. М.; СПб. С. 145–160.
- Кулаков В.И., 1999. Ирзекапинис // Stratum plus. № 5. С. 211–273.
- Кучера М.И., 1992. Керамика // Археология УССР. Т. 3. Киев.
- Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы археологии Новгородской земли. 1988. Новгород. С. 29–98.
- Лесман Ю.М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. № 5. С. 43–93.
- Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л.: Советский художник. Вып. 10. С. 64–94.
- Львова З.А., 1970. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 2. Происхождение бус // АСГЭ. Л.: Аврора. Вып. 12. С. 89–111.

- Львова З. А., 1977. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X – начала XI в. в северные районы Восточной Европы // АСТЭ. Л.: Аврора. Вып. 18. С. 106–109.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск: Наука и техника. 399 с.
- Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2. С. 41–56.
- Макаров Н. А., 2012а. Суздальское ополье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.
- Макаров Н. А., 2012б. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 448–459.
- Малевская-Малевич М. В., 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Санкт-Петербургский ИИ РАН; Нестор-История. (Тр. ИИМК РАН. Т. XVII). 160 с.
- Милованов С. И., 2010. Торговля Рязанской земли в XI – 2-й половине XV в.: по археологическим и нумизматическим данным. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 36 с.
- Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М: АН СССР. (МИА № 49). 228 с.
- Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.
- Моргунов Ю. Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: ИА РАН. 160 с.
- Мурашева В. В., 1997. Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. (Археология). С. 79–80.
- Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М. 136 с.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 296 с.
- Петрашенко В. А., 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М. С. 7–20.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1961.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Енисова Н. В., 2012. Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 242–273.
- Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.
- Сагманова Г. М., 2019. Стеклянные украшения Старой Рязани (по материалам раскопа 40). Выпускная квал. работа. Казань. 52 с.

- Стрикалов И. Ю., 2005. Северное городище Старой Рязани. Хронология и стратиграфия // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М. С. 36–89.
- Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 30 с.
- Стрикалов И. Ю., 2015. Гончарный горн XI века из Старой Рязани // КСИА. Вып. 236. С. 263–271.
- Стрикалов И. Ю., 2017. Новые данные о керамике XI века Старой Рязани // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 125–157.
- Стрикалов И. Ю., 2020. Детали поясной гарнитуры XI в. из находок последних лет в Старой Рязани // Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях. Материалы научной конференции. М.: ИА РАН. С. 23–28.
- Татищев В. Н., 1773. История Российская. Книга Вторая. М. 536 с.
- Трубицын К. В., 2011. Предметы вооружения Старой Рязани // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур / Отв. ред. А. В. Чернецов. Рязань: ФГБУК «РИАМЗ». С. 67–72.
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. Вып. 33. С. 149–225.
- Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю., 1988. Города-государства Древней Руси. Л. 96 с.
- Хамайко Н. В., 2008. Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения и семантики // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 319–338.
- Щапова Ю. Л., 1956. Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.: АН СССР. (МИА № 55). С. 164–179.
- Щапова Ю. Л., 1991. Византия и Восточная Европа. Направления и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византистов. М.: МГУ. С. 155–177.
- Яковлева Е. Я., Салмина Е. В., Королева Э. В., 2012. Псков // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 138–159.
- Abramowicz A., 1959. Ceramika z Czeremna nad Huczwą // Archeologia Polski. T. IV. Warszawa – Wrocław. S. 149–185.
- Andrae R., 1975. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingenzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 4 (1973). Berlin: Bruno Hessling. S. 101–198.

Musianowicz K., 1962. Materiały i problematika lokalnych grup wczesnośredniowiecznej ceramiki Podlasia, Światowit XXIV (1962). S. 587–609.

Musianowicz K., 1969, Drohiczyn we wczesnym średniowieczu, Materiały Wczesnośredniowieczne. Vol 6. S. 7–228.

Wojcik A., 2008. Chemical analysis of Early Medieval pottery of the “Drohiczyn” type // *Archaeologia Polona*. Vol. 46: 2008. S. 271–280.

Сокращения

АБИГИ	- Абхазский институт гуманитарных исследований
АВСЗ	- Археология Владимиро-Суздальской Руси. Материалы научного семинара
АИППЗ	- Археология и история Пскова и Псковской земли
АКИН	- Агенство по культурно-историческому наследию
АН	- Академия наук
АО	- Археологические открытия
АП	- Археология Подмосквья. Материалы научного семинара
ВАК	- Высшая аттестационная комиссия
ВАС	- Всероссийский археологический съезд
ВГУ	- Воронежский государственный университет
ВолГУ	- Волгоградский государственный университет
ВООПИК	- Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАГУ	- Горно-Алтайский государственный университет (Республика Алтай)
ГАИМК	- Государственная академия истории материальной культуры
ГИКМЗ	- Государственный историко-культурный музей-заповедник
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГТГ	- Государственная Третьяковская галерея
ГХ-МС	- газовая хроматография – масс-спектрометрия
ДДГ	- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ДКУ	- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.
ДРИ	- Древнерусское искусство
ЗВОРАО	- Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ЗОРСА	- Записки отделений Русского археологического общества: русской и славянской археологии

ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИАК	– Известия археологической комиссии
ИАфр РАН	– Институт Африки РАН
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИК	– инфракрасная спектроскопия
ИРИ РАН	– Институт Российской истории РАН
ИРЛИ	– Институт русской литературы
ИСАА	– Институт стран Азии и Африки
ИЭА	– Институт этнологии и антропологии РАН
КИСИ	– Курчатовский источник синхротронного излучения
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории и материальной культуры
МАК	– Материалы по археологии Кавказа
МГАП	– Московская государственная академия печати
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МГУП	– Московский государственный университет печати
ММК	– Музеи Московского Кремля
МЭЖК	– метиловые эфиры жирных кислот
НАН	– Национальная академия наук
НАНУ	– Национальная академия наук Украины
НГОМЗ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИУ ВШЭ	– Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология
НРА	– нейтронно-радиационный анализ
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
ОГИ	– Объединенное гуманитарное издательство
ОИ	– Отечественная история
ПИРСС	– Памятники истории русского служилого сословия
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив

РГГУ	- Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	- Российский гуманитарный научный фонд
РИАМЗ	- Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РЭМ	- растровая электронная микроскопия
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СО АН	- Сибирское отделение Академии наук
СО АССР	- Северо-осетинская автономная советская социалистическая республика
СПбДА	- Санкт-Петербургская Духовная академия
СЭ	- Советская энциклопедия
ТГОМ	- Тверской государственный объединенный музей
ТТЗ	- Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
УІЖ	- Український історичний журнал
ЦКП	- Центр коллективного пользования
ЦМиАР	- Центральный Музей древнерусской культуры искусства имени Андрея Рублева
ЧИНИИСФ	- Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии
ЭРМ	- энергодисперсионный рентгеновский микроанализ
ЭССЯ	- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд
ЯГИАХМЗ	- Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЯРК	- Языки русской культуры
ЯСК	- Языки славянских культур
GWZO	- Centre for the History and Culture of East Central Europe, Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe
IAE PAN	- Instytut Archeologii i Etnologii Polska Akademia Nauk
MS	- Manuscript

Научное издание

Русский средневековый город

Археология

Культура

К юбилею Алексея Владимировича Чернецова

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Верстка: *В. Б. Степанов*

Художник: *А. В. Голикова*

Автор обложки: *Ю. Н. Топская*

Подписано в печать 25.12.2022. Формат 70×100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 43,6. Уч.-изд. л. 35,6. Тираж 300 экз. Заказ № ...

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Аквариус»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.

Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96

E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-388-6

9 785943 175388 6